

АНАТОЛИЙ КУЛИКОВ ★ ВАЛЕНТИН РУНОВ

ВСЕ КАВКАЗСКИЕ ВОЙНЫ РОССИИ

Все Кавказские войны России

Самая полная энциклопедия

Анатолий Куликов, Валентин Рунов

*Текст предоставлен правообладателем http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6880367
«Все Кавказские войны России. Самая полная энциклопедия / Анатолий Куликов, Валентин Рунов.»: Яуза,
Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67338-4*

Аннотация

В годы первой Чеченской войны автор этой книги генерал Куликов был главнокомандующим объединенной группировкой федеральных войск на Северном Кавказе и министром Внутренних дел РФ. Но эта книга – не просто мемуары, больше, чем личный опыт одного из самых осведомленных участников трагедии. Это – полная энциклопедия всех Кавказских войн с XVIII века до наших дней.

От походов Петра Первого, подвигов «екатерининских орлов» и добровольного присоединения Грузии до побед Ермолова, капитуляции Шамиля и исхода черкесов, от Гражданской войны и сталинских депортаций до обеих Чеченских кампаний, принуждения Тбилиси к миру и последних контртеррористических операций – вы найдете в этой книге не только исчерпывающую информацию о боевых действиях на Кавказе, но и путеводитель по «Кавказскому лабиринту», в котором мы блуждаем до сих пор. Подсчитано, что с 1722 года Россия воевала здесь в общей сложности больше века, так что эту бесконечную войну не зря прозвали «Столетней». Не закончена она и по сей день.

«Уже 20 лет в сознании русского народа существует «кавказский синдром». Сотни тысяч «беженцев» из некогда благодатного края наводнили наши города, «приватизировали» промышленные объекты, торговые точки, рынки. Ни для кого не секрет, что сегодня в России подавляющее число выходцев с Кавказа живут намного лучше самих россиян, а высоко в горах и глухих аулах подрастают новые поколения людей, враждебно относящихся к России. Кавказский лабиринт до конца не пройден и сегодня. Но из любого лабиринта есть выход. Нужно только проявить ум и терпение, чтобы его найти...»

Введение

Территория Кавказа, расположенная между Черным, Азовским и Каспийским морями, покрытая высокогорными массивами и населенная многочисленными народами, с давних времен привлекала к себе внимание различных завоевателей. Первыми туда еще во втором веке до нашей эры проникли римляне, а после распада Римской империи пришли византийцы. Они-то и распространили христианство среди некоторых народов Кавказа.

К началу восьмого века Закавказье было захвачено арабами, принесшими его населению ислам и начавшими вытеснять христианство. Наличие двух враждебных религий резко обострило веками ранее существовавшие межплеменные распри, вызвало многочисленные войны и конфликты. В ожесточенной кровопролитной схватке по воле иноземных политиков на территории Кавказа возникали одни государства и исчезали другие, строились и разрушались города и селения, сажались и вырубались сады и виноградники, рождались и умирали люди...

В тринадцатом веке Кавказ подвергся опустошительному нашествию монголо-татар, владычество которых в его северной части утвердилось на столетия. Еще три века спустя Закавказье стало ареной ожесточенной борьбы между Турцией и Персией, которая велась на протяжении трехсот лет.

Со второй половины XVI века интерес к Кавказу проявляется и со стороны России. Тому способствовало стихийное продвижение россиян на юг в степи, положившее начало образованию Донского и Терского казачеств, поступление части казаков на московскую порубежную и городскую службу. По имеющимся данным уже в первой половине XVI столетия первые казачьи селения появились на Дону и в верховьях Сунжи, казаки участвовали в охране и обороне южных рубежей Московского государства.

Ливонская война конца XVI века и Смута и другие события XVII века отвлекли внимание московского правительства от Кавказа. Однако завоевание Россией Астраханского ханства и создание в низовье Волги в середине XVII века крупного военно-административного центра способствовало созданию плацдарма для наступления русских на Кавказ по побережью Каспийского моря, где проходили основные «шелковые» пути с Севера на Ближний Восток и в

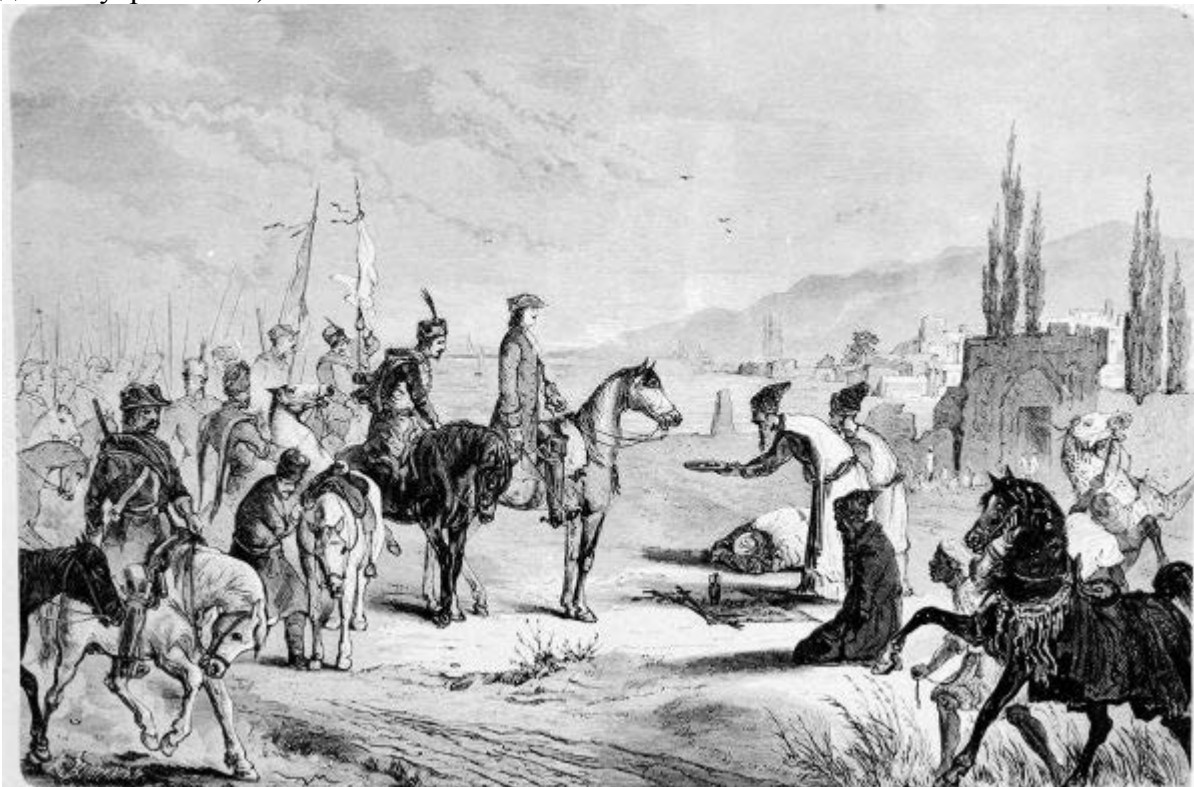
Индию.

Во время Каспийского похода Петра I в 1722 года русские войска захватили все дагестанское побережье с городом Дербентом включительно. Правда, удержать эти территории в последующие десятилетия России не удалось.

В конце XVIII века вначале правители Кабарды, а затем и грузинский царь обратились к России за помощью и с предложением принять их владения под свое покровительство. Во многом этому способствовали умелые действия российских войск на побережье Каспийского моря, взятие ими Анапы в 1791 году, присоединение Крыма и победы русской армии над турками во второй половине XVIII века.

В целом, в процессе покорения Россией Кавказа можно выделить несколько этапов.

На первом этапе, с конца XVI века по конец XVIII века, происходил процесс создания плацдармов для наступления России на Кавказ. Начало этого процесса было положено формированием и укреплением Терского казачьего войска, принятием его на военную службу Российской империей. Но уже в рамках этого процесса происходили крупные вооруженные конфликты между казачеством и чеченцами на Северном Кавказе. Так, накануне Булавинского восстания в 1707 году произошло большое чеченское восстание, связанное с развернувшимся тогда противоправительственным движением в Башкирии. Характерно, что к чеченцам тогда присоединились терские казаки-раскольники. Восставшие взяли и сожгли город Терки, а затем были разбиты астраханским воеводой Апраксиным. В следующий раз чеченцы восстали в 1785 году под предводительством шейха Мансура. Чрезвычайно характерным для двух этих выступлений чеченцев является ярко выраженная религиозная окраска движения. Восстания разворачиваются под лозунгом газавата (священной войны против неверных). Особенностью во время второго восстания чеченцев являлось также объединение с кумыками и кабардинцами, причем в Кабарде против России в то время выступали еще и князья. Кумыкское же дворянство занимало колеблющуюся позицию и было готово присоединиться к тому, кто окажется сильнее. Начало укрепления России в Кабарде было положено основанием в 1780 году укреплений Азовско-Моздокской линии (Константиновского укрепления в районе нынешнего Пятигорска и Кисловодского укрепления).

Вручение Петру I ключей от Дербента

На втором этапе, с конца XVIII века до первого десятилетия XIX века, происходит завоевание Россией части земель в Закавказье. Это завоевание осуществляется в виде походов на

территории кавказских государственных образований и войн русско-персидской (1804–1813) и русско-турецкой (1806–1812). В 1801 году Грузия была присоединена к России. Затем началось присоединение южных и восточных ханств. В 1803 году присягу на верность России принесли владетели Мингрелии, Имеретии и Гурии. Параллельно с завоеваниями новых земель велась борьба, направленная на подавление антироссийских выступлений их народов.

На третьем этапе, продолжавшемся с 1816 по 1829 год, была предпринята попытка российской администрации покорить все племена Кавказа, подчинить их власти российского наместника. Один из наместников Кавказа этого периода генерал Алексей Ермолов заявил: «Кавказ – это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать ее или овладеть траншеями». Сам он высказался за осаду, которую сочетал с наступлением. Этот период характерен зарождением среди народов Северного Кавказа и Дагестана сильного антироссийского движения (мюридизма) и появлением вождей этого движения (шейхов). Кроме того, события на Кавказе развертывались в рамках русско-персидской войны (1826–1828 гг.) и русско-турецкой войны (1828–1829 гг.)

На четвертом этапе, с 1830 года по 1859 год основные усилия России сосредоточиваются на Северном Кавказе для борьбы с мюридизмом и имаматом. Этот период можно условно считать периодом расцвета военного искусства русских войск в особых условиях горной местности. Они завершились победой русского оружия и русской дипломатии. В 1859 году могущественный имам Чечни и Дагестана Шамиль прекратил сопротивление и сдался русскому командующему. Существенным фоном событий этого периода была Восточная (Крымская) война 1853–1856 гг.

На пятом этапе, с 1859 по 1864 год, было осуществлено завоевание Российской империей Западного Кавказа. В это время практиковалось массовое переселение горцев с гор на плоскость и принудительное переселение горцев в Турцию. Захваченные земли заселялись кубанскими и черноморскими казаками.

На шестом этапе, продолжавшемся с 1864 по 1917 год правительство Российской империи всеми средствами стремилось нормализовать обстановку на Кавказе, сделать этот регион рядовой губернией огромного государства. В ход были пущены все рычаги давления: политические, экономические, религиозные, военные, полицейские, правовые, субъективные и другие. Такая деятельность, в целом, дала положительные результаты. В то же время русско-турецкая война 1877–1878 гг. выявила большие скрытые противоречия между российскими властями и горскими народами Северного Кавказа, которые порой выливались в открытое военное сопротивление.

Таким образом, кавказская проблема была в течение более ста лет одной из самых актуальных проблем Российской империи. Правительство пыталось ее решать дипломатическим и экономическим путями, но эти пути зачастую оказывались неэффективными. Более эффективно проблема завоевания и умирения Кавказа решалась с помощью военной силы. Но и этот путь приносил чаще всего только временные успехи.

Седьмым стал период Первой мировой войны, когда юг Кавказа уже в который раз превратился в зону активной военной и дипломатической игры, которую между собой Россия, Турция и Персия. В результате этой борьбы Россия вышла победительницей, но воспользоваться плодами этой победы она уже не могла.

Восьмой этап был связан с событиями Гражданской войны 1918–1922 гг. Развал русского Кавказского фронта в конце 1917 – начале 1918 гг. обернулся трагедией не только для русской армии, но и для местного населения. В короткие сроки Закавказье было оккупировано турками и превратилось в арену страшного геноцида против коренного населения. Гражданская война на Северном Кавказе также была крайне жестокой и затяжной.

Утверждение на Кавказе Советской власти не решило проблем края, прежде всего Северного Кавказа. Поэтому девятым этапом истории Кавказа правомерно считать период Великой Отечественной войны, когда бои докатились до предгорьев Большого Кавказского хребта. По политическим мотивам Советское правительство в 1943 году выселило ряд кавказских народов в другие районы страны. Это только обозлило мусульманских горцев, что сказалось на русском населении после их возвращения в годы хрущевской «оттепели».

Развал Советского Союза дал толчок новым выступлениям народов Кавказа и открыл десятую страницу его истории. В Закавказье было образовались три самостоятельных государства, которые мало ладят между собой. На Северном Кавказе, оставшемся в ведении России, начались

активные выступления против Москвы. Это привело к началу Первой чеченской, а затем – Второй чеченской войн. В 2008 году возник новый вооруженный конфликт на территории Южной Осетии.

Специалисты считают, что кавказская история имеет глубокие и разветвленные корни, выявить и проследить которые очень непросто. Кавказ всегда был в сфере интересов большой международной политики и внутренней политики Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. Отдельные кавказские государственные образования (республики) и их правители всегда стремились вести свою личную политическую игру. В результате Кавказ превратился в огромный запутанный лабиринт, найти выход из которого оказалось очень трудно.

Многие годы Россия пыталась решить кавказскую проблему по-своему. Она пыталась изучить этот край, его людей, обычаи. Но и это оказалось очень сложным делом. Народы Кавказа никогда не были едины. Нередко селения, находящиеся в нескольких километрах друг от друга, но разделенные хребтом, ущельем или горной рекой, десятилетиями не общались друг с другом, придерживаясь собственных законов и обычаев.

Исследователям и историкам известно, что без знания и учета всех факторов и особенностей нельзя правильно понять прошлое, оценить настоящее, спрогнозировать будущее. Но вместо выявления, изучения и анализа всех сопутствующих факторов формирования истории Кавказского региона, вначале Российской империей, затем СССР и наконец Российской Федерацией нередко предпринимались попытки рубки корней того, что казалось сорняком. Эти попытки на практике были весьма болезненными, кровавыми и далеко не всегда успешными.

С «топором» к решению кавказской проблемы подошли российские политики и в 90-е годы XX столетия. Проигнорировав многовековой исторический опыт, надеясь только на силу, они не учли многих объективных факторов, в результате чего вскрыли одну из самых болезненных ран на теле государства, достаточно опасную для жизни всего организма. И лишь сделав столь опрометчивый шаг, начали рассуждать о других путях решения проблемы...

Уже более пятнадцати лет в сознании русского народа существует «кавказский синдром», рассматривающий этот некогда прекрасный край в качестве театра нескончаемых военных действий, а его население – потенциальных врагов и преступников, многие представители которого живут во всех городах России. Сотни тысяч «беженцев» с некогда благодатного края наводнили наши города, «приватизировали» промышленные объекты, торговые точки, рынки... Ни для кого не секрет, что сегодня в России подавляющее число выходцев из Кавказа живут намного лучше самих россиян, а высоко в горах и глухих аулах подрастают новые поколения людей, враждебно относящихся в России.

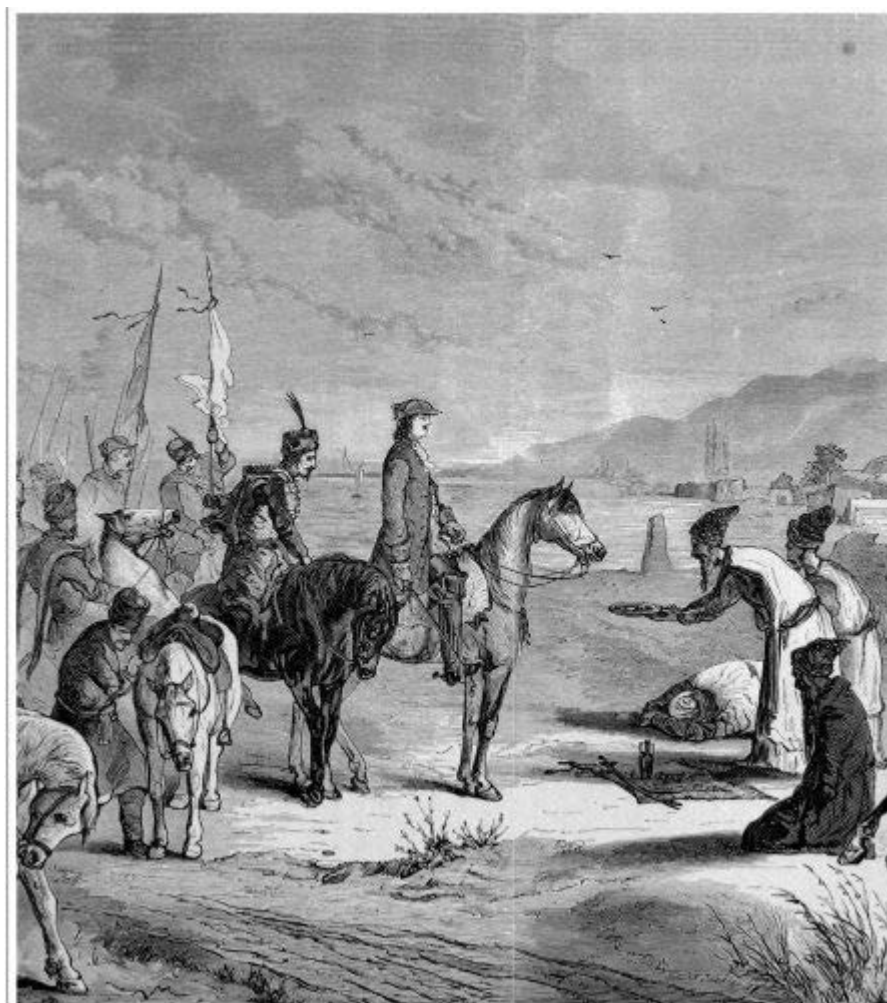
Кавказский лабиринт до конца не пройден и сегодня. Нет из него выхода в войне, которая только несет разорение и настраивает людей друг против друга. Нет выхода в межнациональной вражде, которая превращает людей в свирепых животных, действующих не на основании разума, а подчинясь инстинктам. Нельзя решить кавказскую проблему и так, как она решались в 1943 году, когда многие народы были насильно выселены из родных мест на чужбину.

Отдельные исследователи считают, что основная причина кровоточащей кавказской раны кроется в вирусе, глубоко засевшем в мозгах некоторых политиков, а название этому вирусу – власть и деньги. Сочетая эти две страшные силы всегда можно надавить на больную мозоль в виде экономических, территориальных, религиозных, культурных или других проблем любого региона. Пока жив этот вирус – рану заживить не удастся, пока открыта эта рана – вирус всегда найдет себе благоприятную среду для обитания, а это значит, что выход из кавказского лабиринта еще долго не будет найден.

Авторы данной книги не берут на себя обязательство подсказать, как быстро и эффективно решить все кавказские проблемы. Цель книги – на основании различных архивных документов и публикаций прошлых лет рассказать о том, как строились взаимоотношения России с кавказскими государственными образованиями, племенными союзами и отдельными племенами в период с XVI по начало XXI века, описать те военные события, которые происходили на Кавказе в указанное время.

Глава 1 На подступах к Кавказу

Первые шаги

Появление первых русских на Северном Кавказе некоторые историки связывают с насильственным присоединением к Москве Рязанского княжества в 1520 году. В книге «Терские казаки со стародавних времен», изданной в Санкт-Петербурге в 1880 году, пишется, что тогда часть рязанцев, ранее привыкшая «промышлять добычи ради» и не привыкшая подчиняться Москве, на ладьях ушла с семьями вниз по Волге в Каспийское (Хвалынское) море. После продолжительного плавания они достигли устья Терека и высадились на Учинскую косу.

Русские были гостеприимно приняты Агры-Ханом – владельцем небольшого улуса, незадолго до того отложившегося от Золотой Орды. Этот правитель был племянником последнего ордынского хана Ших-Ахмата и прежде кочевал между Волгой и Доном. В период зимней бескормицы он неоднократно приводил свой улус на юг Рязанского княжества, где вступал в торговые отношения с местными жителями и подружился с некоторыми из них. С тех пор и сложились добрые отношения между рязанцами и кочевниками, которые, вероятно, сыграли определенную роль при выборе места для переселения.

Для поселения русским была предложена земля на правом берегу реки Сунжи выше впадения ее в Аргун. Выбрав выгодные места по предгорьям, или, как тогда говорили, по гребням, в конце 20-х годов XVI века переселенцы построили городки Червлёный, Шадрин, Кордюковский, два Гладковских и стали называться гребенскими казаками. С этого времени начинается история российского присутствия на Северном Кавказе.

Абдальхь.

Горец

В то время большей частью Северного Кавказа владели кабардинские князья, которые беспощадно грабили своих соседей и постоянно встречали сопротивление со стороны дагестанских народов, прежде всего кумыков и чеченцев. Появление гребенских казаков стало для чеченцев своеобразным щитом от давления на них кабардинцев, которые также искали союза с русскими казаками. Последние быстро освоились с ролью арбитров в межплеменных спорах и даже взяли под свое покровительство чеченские общества Гуной, Курчалой и Цонторой, у которых покупали хлеб, скот и брали для себя молодых женщин. Рождавшиеся дети, особенно мужского пола, крестились и становились полноправными казаками.

Присутствие русских на Северо-Восточном Кавказе внимательно отслеживалось в Москве. Интерес России к западному побережью Каспийского моря всегда был огромен. Именно там находились богатые торговые города и пролегал главный торговый путь на таинственный Восток, откуда привозили ковры, пряности, шелка и другие диковинные товары. Но пути в Персию и Индию перекрывались воинственными кочевыми племенами: астраханскими татарами и ногайцами, которые постоянно грабили купеческие караваны и всячески мешали развитию торговли.

Первым шагом Московского государства к ликвидации этой преграды стало завоевание Иваном Грозным в 1556 году Астраханского ханства, в результате чего Россия не только получила по Волге выход в Каспийское море, но и обрела первый мощный плацдарм для дальнейшего наступления на Восточный Кавказ. Политическая и военная роли Астраханского наместничества сразу же становятся настолько заметной, что правителями в этот город назначаются видные политики и военачальники, туда направляется большой отряд стрелецкого войска.

К тому же времени относится укрепление дипломатических отношений между русским царем и кабардинскими князьями. Последние, опасаясь завоевания их земель крымским ханом, вынуждены были искать покровительства на севере. На востоке кабардинцам постоянно угрожал шамхал Тарковский, пользовавшийся поддержкой персидского шаха. Поэтому Кабарда оказалась первой из земель Северного Кавказа, которая начала искать покровительства Москвы.

В конце 50-х годов XVI столетия в Москву прибыли кабардинские послы с просьбой наказать правителя-шамхала Тарковского. Их просьба была встречена с пониманием. В 1559 году против шамхала было послано русское войско с Астрахани, к которому примкнули гребенские

казаки и кабардинская конница. К сожалению, подробных сведений об этом походе не сохранилось, но есть данные, что он завершился успешно. Об этом свидетельствует то, что в 1559 году шамхал Тарковский помирился с кабардинцами и подал прошение о принятии его владений под русское подданство. (Это был первый военный акт Российского государства на Кавказе.)

Для защиты от крымцев тесть Ивана Грозного кабардинский князь Темрюк Идарович упросил московского царя поставить на их землях крепость с сильным гарнизоном. Для этого в 1567 году из Астрахани на Терек были посланы воеводы Андрей Семенович Бабичев и Петр Протасьев «с огненным боем и многими людьми». В результате этой экспедиции на левом берегу Терека против впадения в него горной реки Сунжи (в районе нынешней станицы Шелковской) по приказу астраханского воеводы Лукьяна Новосельцева была построена крепость Терская (городок Терки), которая условно отделила кабардинские земли от кумыцких. Службу в этой крепости и ее окрестностях несли преимущественно гребенские казаки и городовые стрельцы общей численностью до трех тысяч человек, которые официально числились на московской службе, но реально жили по собственным законам и обычаям, во многом сходным с обычаями соседних горских народов. В 1568 году, опять-таки по просьбе кабардинского князя Темрюка, против Ханкальского ущелья был построен Сунженский острог (позже на его месте была заложена крепость Грозная).

О том, какую политику вела русская администрация в контролируемых ею районах Северного Кавказа можно судить по такому факту. В 1577 году, во время очередной войны между Турцией и Персией, турецкий султан приказал крымскому хану послать войска в Дагестан на помощь находившимся там туркам. Начальник крымского отряда Алды-Гирей обратился к воеводе Терской крепости с просьбой пропустить его войска через территорию, контролируемую казаками. Разрешение было получено. Но казаки своевременно предупредили о нашествии дагестанских правителей, и крымцы были разгромлены в Дагестане, а на обратном пути – добыты гребенскими казаками.

Данный случай вызвал гнев турецкого султана. Он потребовал от Москвы ликвидации крепости на Тереке, угрожая походом на Астрахань. Чтобы избежать войны Иван Грозный в 1581 году отдал приказ о сносе Терской крепости и постройке новой ближе к побережью Каспийского моря. Новая крепость, построенная в 1588 году, сохранила прежнее название, но проживавшие в ней и в ее окрестностях казаки стали именоваться терскими.

Но и старая крепость также не умерла. Сохранившиеся оборонительные строения быстро заняли вольные казаки. И только когда эти строения обветшали от времени, казаки оставили крепость и расселились по станицам, но по-прежнему называя себя гребенскими казаками.

При сыне Грозного Федоре Ивановиче реально правивший страной боярин Борис Федорович Годунов вступил в переговоры с персами. Он попытался с их помощью вытеснить турок с Восточного Кавказа и распространить власть Москвы вдоль западного побережья Каспийского моря. Персы оказались сговорчивыми и обещали большую военную помощь. Кроме того, в это время в Москву поступают сведения от терского воеводы Андрея Ивановича Хворостынина о стремлении аварского хана принять подданство России. Это стало решающим аргументом для реализации разработанных в Москве планов военной экспедиции.

Весной 1594 года в Дагестан из Астрахани были направлены войска под предводительством воевод Григория Иосифовича Засекина и Андрея Ивановича Хворостынина. К началу лета они благополучно сосредоточились в районе города Терки и начали готовиться к походу на юг. Объектом наступления определялось шамхальство Тарковское и, в частности, его столица город Тарки, который по сведениям разведки не располагал для своей защиты достаточной военной силой.

Первоначально успех сопутствовал русским. Они нанесли поражение войскам шамхала Анди-Хана на реке Койсу, овладели Тарки и изгнали его правителя. Но затем обстановка изменилась. Агрессия России вызвала гнев воинственных горцев. Аварцы не пожелали участвовать в походе. Более того, оставив на время кровные обиды и межплеменные распри, они совместно с воинами шамхала ополчились на незваных пришельцев. Обещанной персами помощи не было. Оставаться в Тарках в таких условиях не имело смысла. Русские полки под угрозой окружения и уничтожения были вынуждены оставить столицу шамхальства и возвращаться в Терки, ведя непрерывные арьергардные бои с превосходящими силами противника. Их потери

убитыми и ранеными превысили три тысячи человек. Это был первый случай столь щедрого орошения русской кровью земли Северного Кавказа.

Спустя восемь лет по указу ставшего царем Бориса Годунова была предпринята новая попытка силой оружия укрепить власть России на западном побережье Каспийского моря. В 1604 году в Северный Дагестан было направлено большое войско под командованием воевод Ивана Михайловича Бутурлина и Осипа Тимофеевича Плещеева. И на этот раз русским была обещана помощь персидского шаха, а также царя Иверии Александра.

Кавказец

Как и в первом походе, русские войска сравнительно легко овладели столицей Тарковского шамхальства, вынудив его правителя бежать в горы. Но на развитие успеха собственными силами рассчитывать не приходилось. Поэтому, закрепившись в Тарках, воеводы решили ждать помощи союзников.

Между тем обстановка для русских складывалась крайне неблагоприятно. Престарелый правитель шамхальства Тарковского передал командование сыну Султан-Муту, который быстро собрал силы для реванша. Персидский шах не считал себя обязанным держать слово, данное неверным. Более того, воспользовавшись междоусобицей в Иверии, он поддержал принявшего ислам царевича Константина, которому удалось низвергнуть с престола царя Александра. В результате надежды русских на помощь Иверии также не оправдались.

Сложившейся ситуацией решила воспользоваться Турция, за помощью к которой обратился шамхал Тарковский. Весной 1605 года в Дагестан было направлено многочисленное турецкое

войско, которое, соединившись с отрядами подвластных Порте аварцев, лезгин и кумыков, осадило город Тарки, обороняемый отрядом воеводы Бутурлина.

Русские отразили несколько яростных штурмов во много раз превосходящих сил противника. Однако шансов удержать полуразрушенную крепость без помощи извне не было. Понимая это, Бутурлин согласился на переговоры с турецким военачальником, который сразу же дал слово беспрепятственно пропустить русских в Терки. Однако, как только москвиты покинули крепость и вышли из гор на степные просторы, на них со всех сторон внезапно напали подкупленные турками кумыки. Произошла неравная битва, в которой против одного пешего русича сражалось пять-шесть конных кочевников. Стрельцы и казаки, больше смерти страшившиеся плена и пожизненного рабства, не просили пощады. К концу битвы на поле боя их полегло до семи тысяч, но и противник потерял не меньше. Так неудачно завершилась вторая попытка России утвердиться на Восточном Кавказе и во второй раз обильно пролилась русская кровь на его каменистую землю.

В начале XVII века положение России на Северном Кавказе оставалось по-прежнему непрочным. Внутренние неурядицы и продолжительная ожесточенная борьба с внешними врагами на время отвлекли внимание Москвы от этого далекого края. Правда, к тому времени усилиями местного гарнизона Терский городок превратился в достаточно мощную крепость. Ее артиллерия насчитывала 40 крупных орудий, а гарнизон – более тысячи стрельцов и казаков. Значительно расширилась и зона русского контроля в окрестностях крепости, куда постоянно выезжали конные патрули и имелись завербованные горцы.

В 1652 году угроза интересам России на Северном Кавказе нависла со стороны Персии. Шах Аббас II решил предпринять наступление на Астрахань через Дагестан и казачьи земли на Тереке. Он приказал хану Шемахи Хевсуру разорить казачий городок на Сунже, а затем приступить к уничтожению русских поселений на Тереке. Одновременно ханы Ардебиля, Карабаха и Гиляна должны были, объединив свои силы в Ширване, вести наступление на Терский городок. Затем обеими группировками планировалось наступать на Астрахань.

Этим планам не суждено было сбыться. Русские войска, казаки и кабардинская конница оказали сильное сопротивление противнику на всех направлениях. Одновременно в Москве в Посольском приказе было твердо заявлено персидскому послу, что нападение на казачьи территории на Тереке может привести к войне России с Персией. Шаху, опасавшемуся новой войны с Турцией, иметь противника в лице России было не выгодно, и он отозвал свои войска с Северного Кавказа.

Между тем жизнь русского населения на Тереке постепенно налаживалась, хотя и имела свои особенности. Жители городков и станиц, наряду со скотоводством, стали заниматься земледелием и другими промыслами. Возникла торговля, появились новые населенные пункты, дороги, мосты.

В это же время равнину по другую сторону реки стали постепенно заселять чеченские и ингушские племена, спускавшиеся туда с горных районов. Река Терек становится неофициальной границей на Северном Кавказе между русскими и горскими племенами, не подчинявшимися Москве. Проживавшие на ней казаки именовались терскими.

В первое время отношения казаков и кавказских племен были скорее мирными, чем враждебными. Со стороны русской администрации Терского городка не проявлялось стремления ни к территориальным захватам в Дагестане, Чечне и Ингушетии, ни к вмешательству во внутренние дела горских тейпов. Между ними развивались торговые отношения, которые предусматривали довольно тесное общение друг с другом.

Правда, обе стороны небольшими отрядами то и дело совершали набеги на чужую территорию, главным образом в поисках добычи. Но если казаки охотились исключительно за стадами овец горцев, то последние в качестве главной добычи считали людей, которых продавали на невольничьих рынках туркам или персам. Также охотно они хватали и все остальное, что только можно было увезти в седельных мешках или на огромных арбах, запряженных волами, которые широко использовались всем населением Северного Кавказа. Постепенно, по мере оседлости и обустроенности, казаки перешли к оборонительной тактике. Но горцы, познав вкус легкой добычи и на опыте многих поколений отработав искусство ее получения, не желали менять образ жизни. Поэтому мелкие стычки между горцами и казаками на линии Терека считались

обычным делом. Такое положение сохранялось более ста лет.

Отражение нападения горцев

Но по мере того, как крепло казачество и как частыми становились набеги горцев на казачьи территории, отношения постепенно портились. Доходило до откровенных стычек, в которых с обеих сторон участвовали отряды по несколько сотен человек. При этом горцы нередко обращались за помощью к туркам, которые, закрепившись в районе небольшого городка Азов, контролировали все восточное побережье Азовского моря. Вскоре эта крепость стала главным камнем преткновения между турками и казаками, столица которых находилась всего в сотне километров от Азова.

Казачьи промыслы

Несмотря на то, что официальная власть России в XVII веке ввиду внутренних неурядиц фактически не занималась Кавказом, стихийное влияние русских на этот край продолжалось. Осуществлялось оно, главным образом, силами донских казаков. Это казачество, образовавшееся раньше гребенского и терского, в то время было самым многочисленным. Уже в первой половине XVI века степи по течению реки Дон были заселены беглыми крестьянами и холопами, а также мелкими посадскими людьми – выходцами из Московского государства и частично из польской Украины, называвшими себя «казаками». Они представляли собой боевые товарищества, жили и промыслили группами (куренями, юртами) по 10–20 человек. Занимались охотой, рыболовством

и частично торговлей, но главным их промыслом являлась война – набеги за «зипуном» (добычей) и «ясырем» (пленными).

В середине XVI века отряды донских казаков участвовали в Казанском и Астраханском походах русского войска. К концу века казачьи юрты, объединившись, представляли собой военную общину, насчитывавшую в различное время от 5 до 20 тысяч человек. Идеологическими основами боеспособности донцов являлись патриотизм земли Русской и православная христианская вера. Они оправдывали непрерывные войны с магометанским Востоком и Югом, которые велись под лозунгом борьбы с «бусурманством», за «истинную и непорочную веру». При этом следует учитывать также и то, что походы и набеги в «бусурманские земли» были одним из главных источников существования казачества. Вторым источником выступали материальные подачки московского правительства, использовавшего казаков для прикрытия беспокойных южных границ Российского государства. Все это, в целом, делало казачество одной из главных сил для осуществления экспансии России на Кавказ. Но эта сила зачастую недостаточно использовалась Москвой. Поэтому в те времена донское казачество зачастую предпочитало проводить свою политику независимо от официальной политики Российского правительства.

В 30-е годы XVII века в очередной раз обострились отношения между донским казачеством и администрацией турецкой крепости Азов. Эта крепость, построенная на левом берегу Дона, преграждала казакам выход в Азовское и Черное моря. Она оборонялась гарнизоном из четырех тысяч янычар – лучшей турецкой пехоты. Крепость состояла из трех цитаделей и была окружена 6-метровой стеной с 11 башнями, на которых стояло около 200 орудий. Предместье крепости защищали высокие земляные валы и широкие рвы. Ее дальние подступы прикрывались кочевьями послушных Порте ногайских улусов.

И все же казаки решили овладеть Азовом. Момент был выбран удачно. В 1637 году турецкий султан вел войну с Персией, а крымский хан, начав поход против молдавского князя, увел из-под Азова ногайские улусы. Об этом стало известно на Дону, где томилось от вынужденного безделья множество казаков. Поднять их в поход опытным атаманам не составляло никакого труда.

21 апреля 8-тысячное казачье войско подошло к Азову и обложило крепость. Однако осада, продолжавшаяся несколько недель, не дала результатов. Казаки, «проев» запасы, уже начали поговаривать об отступлении, когда под Азов прибыло значительное людское пополнение и была доставлена материальная помощь из Москвы. После этого осада Азова повелась более решительно и 18 июня завершилась успешным штурмом. Город был взят и разграблен, а его гарнизон почти весь уничтожен. Потери казаков убитыми и ранеными превысили три тысячи человек.

Так был создан мощный западный плацдарм для наступления на Кавказ по побережью Азовского и Черного морей. Правда, он просуществовал недолго. В 1641 году турецкий султан направил под Азов флотилию и войско, превышавшее по численности защитников крепости почти в 6 раз. Казаки три месяца держали осаду, отразив 24 приступа. Но на этот раз московское правительство, не желая войны с султаном, не стало их поддерживать. Более того, на земском соборе 1642 года было принято решение приказать казакам оставить Азов.

Казаки повиновались приказу из Москвы и оставили Азов, предварительно разрушив крепость. Затем они сняли с азовской крепости парадные ворота, принесли их в свою столицу (город Старочеркасск вблизи современного Ростова-на-Дону) и установили возле центрального собора. Там они находятся и поныне.

Прошло немногим более четверти века после азовских событий, и на Кавказе вновь зазвучала русская речь. Весной 1668 года в Каспийском море появились струги удалого атамана Степана Тимофеевича Разина. Поход не был санкционирован Российским правительством. Казаки пришли на шахские земли в поисках добычи и под предлогом освобождения православных пленников из басурманской неволи.

В то время Разин еще не вел борьбу с центральной московской властью. Но уже тогда он был заметной фигурой на Дону. Историк Н.Н. Костомаров пишет: «Стенька Разин был человеком крепкого сложения, необыкновенно предприимчивый и деятельный, человек непреодолимой воли, которая уже одна могла заставить преклоняться перед ним толпу, своенравный и непостоянный, и вместе с тем неуклонный в принятом намерении, то мрачный и суровый, то разгульный до бешенства, то преданный пьянству и кутежу, то способный с нечеловеческим терпением переносить всякие лишения... В его речах было что-то обаятельное. Толпа чуяла в нем какую-то

небывалую силу, перед которой нельзя было устоять...»

Не устояли казаки и перед призывом атамана идти походом в персидские земли. Дождавшись весны, они на многих стругах поплыли вниз по Волге. Пройдя мимо Астрахани, отряд благополучно достиг Терского городка. Там к нему присоединились 700 донских казаков во главе с атаманом Сергеем Кривым и 400 запорожцев, предводительствуемых атаманом Бобой. Сводный отряд С. Разина, увеличившийся до двух тысяч человек, на сорока стругах устремился к Дербенту – главному невольничьему и товарному рынку Дагестана.

Удача сопутствовала удалому атаману. В течение лета казаки разгромили все побережье от Дербента до Баку и достигли Решта. Но там Разин узнал, что против него собирается большое персидское войско. Желая выиграть время, атаман затеял переговоры, предлагая шаху службу и прося взамен земли для поселения. Хитрость удалась. Казакам позволили, взяв от персиян заложников, направить трех человек послами в персидскую столицу.

Но пока посольство добиралось до столицы, до крайности обострились отношения между казаками и жителями Решта. В конце концов последние внезапно напали на пришельцев и уничтожили более 400 из них. Остальные казаки, побросав имущество, пленных и раненых товарищей, бросились на струги и спаслись бегством в открытом море.

Разин решил взять реванш за рещтскую неудачу. Он повел свою флотилию к Фарабату, где развернул широкую торговлю. Торговали пять дней, а на шестой по сигналу атамана казаки бросились на горожан. Захватив множество пленных и богатую добычу, разинцы отошли на прибрежную косу и, угрожая уничтожить оказавшихся в их руках заложников, потребовали прекращения боевых действий. Добившись этого и укрепившись в наспех построенном лагере, они начали обмен пленных на продукты питания, вино, одежду и русских рабов. За трех-четырёх христиан казаки давали по одному персиянину. Освобожденных единоверцев обучали владению оружием и ставили в строй, пополняя таким образом поредевшие в боях ряды. Недостатка в продуктах также не было.

Между тем посланцы Разина достигли столицы Персии, где были приняты с честью. Получить казаков на свою службу для шаха показалось заманчивой перспективой, и он поручил вести переговоры своему первому министру. Первый раунд переговоров прошел успешно, но в это время стало известно о разграблении казаками Фарабаты. Дальнейшие переговоры были прерваны, а посольство было арестовано.

Так прошла зима. С наступлением весны 1669 года казаки внезапно снялись со своего лагеря и ушли в море. Они перебрались на восточное побережье Каспийского моря, где занялись разорением прибрежных туркменских улусов.

Летом Разин с товарищами вновь вернулся к кавказским берегам, наводя страх на их население. Шах, желая защитить подданных, в июле направил против казаков войско на семидесяти судах. Его начальник Менеды-хан, будучи уверенным в легкой победе, взял с собой в поход сына и дочь.

Но казачий атаман оказался более искусным военачальником, а их челны были более маневренны, чем персидские корабли. После кровопролитной битвы казаки одолели персиян. Менеды-хан бежал с остатками войска, а дети его достались победителю. Но и потери казаков были большие. Более 500 из них пали в бою. Кроме того, многие умерли от ран и болезней. Разин был вынужден отказаться от продолжения похода и вернулся в Астрахань. По преданию, когда струги вошли в Волгу, удалой атаман сделал щедрый дар матушке-реке, бросив в ее воды дочь Менеды-хана, которую до этого содержал в качестве своей наложницы.

Московское правительство, не желая ссориться с шахом, официально осудило действия казаков, пообещав наказать Разина и его ближайших товарищей. Реально же царь Алексей Михайлович «простил вины казаков и по своему милосердному усмотрению пожаловал, вместо смерти велел дать им живот и послать их в Астрахань, чтобы они вины свои заслуживали». Втайне Россией была начата подготовка новой экспедиции в Дагестан, в которой должно было принять участие и донское казачество. Но антиправительственное выступление Разина сорвало эти планы.

Азовские походы Петра I

В 1682 году на российский престол вместе со своим старшим братом Иваном взошел Петр

Алексеевич, пятый из царей династии Романовых. Спустя 7 лет, отодвинув от трона брата и заточив в монастырь регентшу-сестру Софью, он стал фактическим самодержцем России. В основу его политики была положена идея обеспечения выхода России к морям, и в первую очередь к Черному морю. Кроме того, данной акцией он пытался укрепить положение России на Северном Кавказе и ослабить там влияние Персии и Турции.

Засада горцев

Первой крупной военной акцией нового царя стало завоевание Азова. Оно произошло не сразу, а в результате двух походов.

Первый поход Петровских войск к Азову, состоявшийся в 1695 году, завершился неудачно. Турки, заблаговременно узнав о приближении тридцатитысячного русского войска, усилили гарнизон крепости с трех до семи тысяч человек и хорошо подготовились к защите. Осада продолжалась почти три месяца. Два штурма, предпринятые по настоянию Петра, были отбиты противником. Подкопы и закладываемые в них мины при взрывах наносили больше ущерба осаждавшим, чем осажденным. В довершение ко всему к неприятелю перебежал изменник, голландский матрос Янсон. Он рассказал туркам, что русские после обеда имеют обыкновение спать. В один из «тихий» часов осажденные совершили вылазку, перебили сотни сонных солдат и захватили или испортили много пушек. Под давлением всех этих неудач 27 сентября Петр снял осаду Азова и вернулся в Москву.

Петр I

В следующем году к Азову во главе с воеводой А.С. Шеиным было направлено семидесятитысячное войско. Кроме того, туда же пошел новорожденный российский галерный флот, руководимый генералом Францем Лефортом. Петр шел в поход капитаном одной из галер.

Вторая осада Азова началась 16 июня 1696 года и велась уже по всем правилам тогдашнего военного искусства, как с суши, так и со стороны моря. Последнее стало причиной того, что турецкий флот, посланный на помощь осажденным, не решился вступать в бой с многочисленными русскими судами. Постояв некоторое время на почтительном расстоянии, турецкие корабли подняли паруса и ушли в открытое море. Без подкрепления гарнизон крепости не выдержал осады и 18 июля объявил о капитуляции. Русские захватили тысячи пленных, 136 пушек и вновь обрели плацдарм для наступления на Кавказ вдоль побережья Азовского моря.

Но и на этот раз Россия не смогла использовать приобретение по назначению. Начавшаяся вскоре Северная война на долгие годы приковала внимание Петра I к Прибалтике и другим западным районам. К военным действиям пришлось привлекать также казачество, в результате чего южные рубежи Российского государства оказались сильно ослабленными. Этим воспользовался кубинский хан Каиб-Султан. В 1707 году он разорил казачьи городки и станицы, расположенные на Тереке, а их население либо уничтожил, либо угнал в неволю.

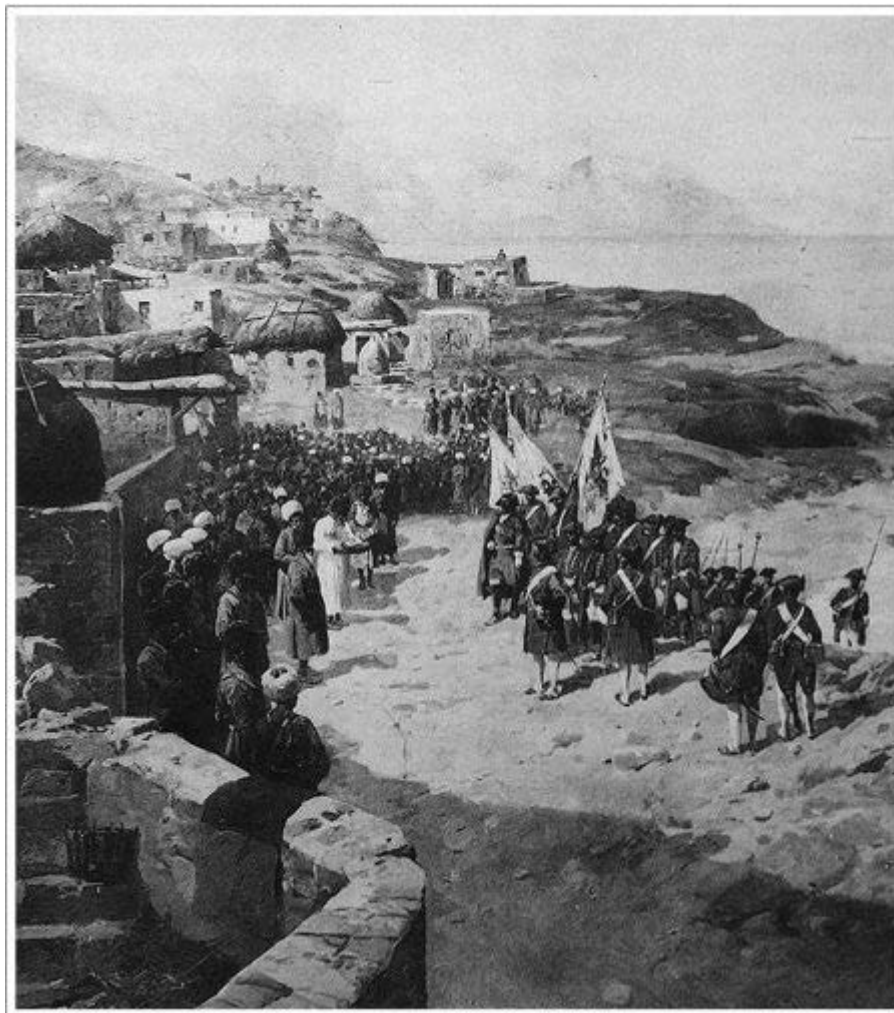
Петр, узнав об этом, приказал создать Терскую кордонную линию из многочисленных укреплений, занятых небольшими воинскими гарнизонами. Ее начальником стал казанский и астраханский губернатор Петр Матвеевич Апраксин. Эта линия носила оборонительный характер. О возможности наступательных действий на кавказском направлении в будущем в Москве говорили с большой осторожностью.

После неудачного для России Прутского похода 1711 года Петр был вынужден подписать договор на выдвинутых турками условиях. Один из его пунктов гласил, что стремящаяся к миру Россия обязуется вернуть туркам Азов, уничтожить недавно построенную на побережье Азовского моря крепость Таганрог, а также «...между Азовом и Черкасском новых крепостей не строить». Так во второй раз Россией был потерян Азов, являвшийся не только «ключом» к Азовскому и Черному морям, но и важным плацдармом для продвижения к Черноморскому побережью Кавказа. Правда, в окружении Петра прямо говорили, что уступка эта временная, и пробьет час, когда сапог российского grenадера твердо и надолго станет на кавказской земле.

Глава 2

Первая война России на Кавказе

Кавказский край в начале XVIII века

Кавказ, или, как было принято именовать этот регион в прошлые столетия, «Кавказский край», в XVIII столетии, в географическом отношении представлял собой пространство, расположенное между Черным, Азовским и Каспийским морями. По диагонали оно пересечено горной цепью Большого Кавказа начинающейся у Черного моря и завершающейся у Каспийского моря. Горные отроги занимают более 2/3 территории Кавказского края. Главными вершинами Кавказских гор в XVIII–XIX считались Эльбрус (5642 м), Дых-Тау (Дыхтау – 5203 м) и Казбек (5033 м), в наши дни их список пополнила еще одна вершина – Шхара, также имеющая высоту 5203 м. В географическом отношении Кавказ состоит из Предкавказья, Большого Кавказа и Закавказья.

Как характер местности, так и климатические условия в пределах Кавказского края чрезвычайно разнообразны. Именно эти особенности самым непосредственным образом сказались на формировании и этнографическом быте проживавших на Кавказе народов.

Разнообразие климата, природы, этнографии и историческое развитие края легли в основу его деления в XVIII–XIX столетиях на естественные составные части. Это Закавказье, Северная часть Кавказского края (Предкавказье) и Дагестан.

Для более правильного и объективного понимания событий на Кавказе в прошлые века важно представлять характерные черты народонаселения этого края, важнейшие из которых: разнородность и разноплеменность населения; многообразие этнографического быта, различные

формы общественного устройства и социально-культурного развития, разнообразие верований. Причин такого явления несколько.

Одна из них заключалась в том, что Кавказ, располагаясь между Северо-Западной Азией и Юго-Восточной Европой, географически находился на путях (два главных пути передвижения – северный или степной и южный или малоазийский) перемещения народов из средней Азии (Великое переселение народов).

Другая причина, многие государства, соседствуя с Кавказом, в период своего расцвета старались распространить и утвердить свое владычество в этом крае. Таким образом, действовали с запада греки, римляне, византийцы и турки, с юга персы, аравитяне, с севера монголы и русские. В результате чего жители равнин и доступных частей Кавказских гор постоянно смешивались с новыми народами и меняли своих властителей. Непокорные племена удалялись в труднодоступные горные районы и веками отстаивали свою независимость. Из них и складывались воинствующие горские племена. Некоторые из этих племен соединились между собой вследствие общих интересов, многие же сохранили свою самобытность, и наконец некоторые племена вследствие различной исторической судьбы разделились и утратили между собой всякую связь. По этой причине в горных районах можно было наблюдать явление, когда жители двух ближайших селений существенно отличались и по наружному виду, и по языку, и по нравам, и по обычаям.

С этой причиной тесно связана и следующая – племена, вытесненные в горы, расселялись по изолированным ущельям и постепенно утрачивали взаимосвязь между собой. Разделение на отдельные общества объяснялось суровостью и дикостью природы, ее недоступностью и замкнутостью горных долин. Эти уединенность и замкнутость, очевидно, одни из главных причин, что люди из одного и того же племени живут различною жизнью, имеют неодинаковые нравы и обычаи и даже говорят на наречиях, нередко трудно понимаемых соседями-единоплеменниками.

В соответствии с этнографическими исследованиями, проведенными учеными XIX века Шагреном, Шифнером, Броссе, Розеном и др., народонаселение Кавказа делилось на три категории. К первой была отнесена индо-европейская раса: армяне, грузины, мингрельцы, гурийцы, сванеты, курды, осетины и талышцы. Ко второй – тюркская раса: кумыки, ногайцы, карачаевцы и другие общества горцев, занимающие середину северного склона Кавказского хребта, а также все закавказские татары. И наконец, к третьей относились племена неизвестных рас: адыге (черкесы), нахче (чеченцы), убыхи, абхазцы и лезгины. Индо-европейская раса составляла большинство народонаселения Закавказья. Это были грузины и одноплеменные с ними имеретины, мингрельцы, гурийцы, а также армяне и татары. Грузины и армяне находились на более высокой степени общественного развития в сравнении с другими народами и племенами Кавказа. Они, несмотря на все преследования со стороны соседних с ними сильных мусульманских государств, смогли сохранить свою народность и религию (христианство), а грузины, кроме того, свою самобытность. В горных районах Кахетии проживали горские племена: сванеты, тушины, пшавы и хевсуры.

Закавказские татары составляли основную массу народонаселения в ханствах, подвластных Персии. Все они исповедовали мусульманскую веру. Кроме того, в Закавказье проживали куртины (курды) и абхазцы. Первые составляли воинствующее кочующее племя, частично занимавшее территорию пограничной с Персией и Турцией. Абхазцы – немногочисленное племя, представляющее собой отдельное владение на Черноморском побережье севернее Мингрелии и граничившего с черкесскими племенами.

Народонаселение северной части Кавказского края имела еще более широкий спектр. Оба ската Главного Кавказского хребта западнее Эльбруса занимали горские народы. Наиболее многочисленным народом были адыги (на их языке означает – *остров*) или, как их обычно называли, черкесы. Черкесы отличались своей прекрасной наружностью, хорошими умственными способностями и неукротимой отвагой. Общественное устройство черкес, как и большинство остальных горцев, можно отнести, скорее всего, к демократическим формам сосуществования. Хотя в основе общества черкес и существовали аристократические элементы, но привилегированные их сословия никакими особыми правами не пользовались.

Хевсурские воины второй половины XIX в.

Народ адыгов (черкесы) был представлен многочисленными племенами. Самыми значительными из них были абадзехи, занимавшие весь северный склон Главного хребта, между верховьями рек Лабы и Супс, а также шапсуги и натухайцы. Последние проживали западнее, по обоим склонам хребта вплоть до устья Кубани. Остальные черкесские племена, занимавшие как северные склоны, так и южные, по восточному побережью Черного моря были незначительны. Среди них были бжедухи, хамишеевцы, черченеевцы, хатухаевцы, темиргоевцы, егерухавцы, махашевцы, баракеевцы, бесленеевцы, баговцы, шахгиреевцы, абазинцы, карачаевцы, убыхи, варданэ, джигеты и др.

Кроме того, к черкесам можно было отнести и кабардинцев, обитавших к востоку от Эльбруса и занимавших предгорья средней части северного склона Главного Кавказского хребта. Они по своим обычаям и общественному устройству были во многом схожи с черкесами. Но, сделав значительные успехи на пути цивилизации, кабардинцы отличались от первых более мягкими нравами. Необходимо отметить и такой факт, что они были первыми из племен северного ската Кавказского хребта, которые вступили в дружественные отношения с Россией.

Территория Кабарды руслом реки Ардон географически делилась на Большую и Малую. В Большой Кабарде проживали племена безениевцев, чегемцев, хуламцев, балкарцев. Малая Кабарда была заселена племенами назрань, карабулахами и прочими.

Черкесы, как и кабардинцы, исповедовали мусульманскую веру, но между ними на то время сохранились еще следы христианства, а у черкесов и следы язычества.

Восточнее и южнее Кабарды проживали осетины (сами себя они называли – иронами). Ими были заселены верхние уступы северного склона Кавказского хребта, а также часть предгорья между реками Малка и Терек. Кроме того, часть осетин проживали и по южным скатам Кавказского хребта, к западу от направления, где в последующем была проложена Военно-Грузинская дорога. Этот народ был немногочислен и беден. Основными обществами осетин были: дигорцы, алагирцы, куртатинцы и тагаурцы. Большая их часть исповедовала христианство, хотя были и те, которые признавали ислам.

В бассейне рек Сунжа, Аргун и верхнего течения реки Аксай, а также на северных склонах

Андийского хребта жили чеченцы или нахче. Общественное устройство этого народа было достаточно демократичным. В чеченском обществе издревле существовала тейповая (тейп – родо-территориальная общность) и территориальная система социальной организации. Такая организация придавала ему строгую иерархичность и прочные внутренние связи. В то же время такое общественное устройство обуславливало особенности отношений с другими народностями.

Основополагающей функцией тейпа была защита земли, а также соблюдение правил землепользования, это было важнейшим фактором его консолидации. Земля была в коллективном пользовании тейпа и не делилась между его членами на отдельные участки. Управление осуществлялось выборными старшинами на основе духовных законов и древних обычаев. Такая социальная организация чеченцев во многом объясняла ту беспримерную стойкость их долголетней борьбы с различными внешними врагами, в том числе с Российской империей.

Чеченцы равнинных и предгорных районов обеспечивали свои потребности за счет природных ресурсов и земледелия. Горцы, кроме того, отличались страстью к набегам с целью грабежа равнинных земледельцев и захвата людей для последующей их продажи в рабство. Исповедовали они ислам. Впрочем, религии в чеченском населении никогда не отводилась ключевая роль. Чеченцы традиционно не отличались религиозным фанатизмом, они во главу угла ставили свободу и независимость.

Пространство восточнее чеченцев между устьями Терека и Сулака заселено было кумыками. Кумыки по своему облику и по языку (татарский) сильно отличались от горцев, но в то же время в обычаях, степени социального развития у них было много общего. Общественное устройство кумыков во многом определялось разделением их на восемь основных сословий. Высшим сословием являлись князья. Последние два сословия чагары и кулы находились в полной или частичной зависимости от своих владельцев.

Кумыки, так же как и кабардинцы, одни из первых вступили в дружественные отношения с Россией. Они считали себя покорными российскому правительству со времени Петра Великого. Так же, как и большинство племен горцев, они проповедовали магометанскую веру.

Однако надо заметить, что, несмотря на близкое соседство двух сильных мусульманских государств, Сефевидской Персии и Оттоманской империи, многие горские племена к началу XVIII века не были мусульманами в строгом смысле этого слова. Они, исповедуя мусульманство, в то же время имели различные другие верования, исполняли обряды, из которых одни составляли следы христианства, другие следы язычества. Особенно это было характерно для черкесских племен. Во многих местах горцы поклонялись деревянным крестам, приносили им дары, чествовали важнейшие христианские праздники. Следы язычества выражались у горцев особым уважением к некоторым заповедным рощам, в которых коснуться до дерева топором считалось святотатством, а также некоторыми особыми обрядами, соблюдаемых при свадьбах, похоронах.

В целом, народности, обитавшие в северной части Кавказского края, составляя остатки различных народов, отделившихся от своих корней в различные исторические периоды и при весьма разных степенях социального развития, в своем общественном устройстве, так и в своих нравах и обычаях, представляли большое разнообразие. Что касается внутреннего и политического их устройства, и прежде всего горских народов, то оно представляло собой интересный пример существования общества без всяких политических и административных властей.

Однако это не означало равенство всех сословий. У большей части черкес, кабардинцев, кумыков и осетин издавна существовали привилегированные сословия князей, дворян и свободных людей. Равенство сословий в той или иной степени существовало лишь среди чеченцев и некоторых других менее значимых племен. При этом права высших сословий распространялись только на низшие классы. Например, у черкесов на три низших класса: обь (люди, зависевшие от покровителя), пшителей (подвластный хлебопашец) и ясырь (раб). В то же время все общественные дела решались на народных собраниях, где все свободные люди имели право голоса. Решения реализовывались через избранных на тех же собраниях лиц, которые временно с этой целью наделялись властью.

При всем разнообразии быта кавказских горцев необходимо отметить, что главными основами существования их обществ были: семейные отношения; кровная месть (кровомщение); права собственности; право каждого свободного человека иметь и применять оружие; уважение к

старшим; гостеприимство; родовые союзы с взаимной обязанностью защищать друг друга и ответственностью перед другими родовыми союзами за поведение каждого.

Отец семейства был полновластным господином над своей женой и несовершеннолетними детьми. Свобода и жизнь их была в его власти. Но если он без вины убивал или продавал свою жену, то подвергался мщению со стороны ее родственников.

Право и обязанность мести были также одним из основных законов во всех горских обществах. Не отомстить за кровь или обиду у горцев считалось делом в высшей степени бесчестным. За кровь допускалась выплата, но только при согласии обиженной стороны. Плата допускалась людьми, скотом, оружием и другим имуществом. При этом выплаты могли быть так значительны, что один виновный не в состоянии был их отдать, и она распределялась на всю фамилию.

Право частной собственности распространялось на скот, дома, обрабатываемые поля и т. п. Пустующие поля, пастбища и леса не составляли частной собственности, а разделялись между фамилиями.

Право носить и применять оружие по своему усмотрению принадлежало каждому свободному человеку. Низшие сословия могли применять оружие только по приказанию своего господина или для его защиты. Уважение к старшим у горцев было развито в такой степени, что даже взрослый не мог начать разговор со стариком, пока тот с ним не заговорит, и не мог при нем сесть без приглашения. Гостеприимство горских племен обязывало давать убежище даже врагу, если тот гостем являлся в дом. Обязанность всех членов союза была охранять безопасность гостя, пока тот находился на их земле, не щадя жизни.

В родовом союзе обязанность каждого члена союза состояла в том, что он должен был принимать участие во всех делах, касающихся общих интересов, при столкновении с другими союзами, являться по общему требованию или по тревоге с оружием. В свою очередь общество родового союза покровительствовало каждому из принадлежащих к нему людей, защищало своих и мстило за каждого.

Для разрешения споров и ссор, как между членами одного союза, так и между членами посторонних союзов, у черкесов применялся суд посредников, называемый судом по адату. Для этого стороны избирали себе доверенных людей, как правило, из стариков, пользовавшихся особым уважением в народе. С распространением мусульманства стал применяться и общемусульманский духовный суд по шариату, исполняемый муллами.

Что касается благосостояния горских племен, обитавших в северной части Кавказа, то необходимо отметить, что у большинства народа имелись лишь средства для удовлетворения самых необходимых потребностей. Причина заключалась прежде всего в их нравах и обычаях. Активный, неутомимый воин в военных действиях, в то же время горец неохотно выполнял всякий другой труд. Это была одна из наиболее сильных черт их народного характера. В то же время в случае крайней необходимости горцы занимались и праведным трудом. Устройство террас для посевов на скалистых, едва доступных горах, многочисленные оросительные каналы, проведенные на значительные расстояния, служат лучшим тому доказательством.

Довольствуясь немногим, не отказываясь от труда, когда он совершенно необходим, охотно пускаясь в набеги и хищнические нападения, горец остальное время обыкновенно проводил в праздности. Домашние и даже полевые работы были преимущественно обязанностью женщин.

Самую богатую часть народонаселения северной части Кавказского хребта составляли жители Кабарды, некоторые кочующие племена и жители кумыхских владений. Ряд черкесских племен по своему достатку не уступали вышеназванным народам. Исключением являлись племена Черноморского побережья, которые с уменьшением торговли людьми находились в стесненном материальном отношении. Подобное положение характерно было для горских обществ, занимавших каменистые верхние уступы Главного хребта, а также большинство народонаселения Чечни.

Воинственность народного характера, которая препятствовала горцам в развитии их благосостояния, страсть искать приключения лежали в основе их мелких набегов. Нападения малыми партиями от 3 до 10 человек, как правило, заранее не планировалось. Обычно они в свободное время, которого у горцев при их образе жизни было достаточно, собирались у мечети или в середине аула. В ходе разговора один из них предлагал отправиться в набег. При этом со

стороны инициатора идеи требовалось угощение, но за это он назначался старшим и получал бо́льшую часть добычи. Более значительные отряды собирались обыкновенно под начальством известных наездников, а многочисленные формирования созывались по решению народных собраний.

Таковы в самых общих чертах этногеография, общественное устройство, быт и нравы горских народов, проживавших в северной части Кавказского хребта.

Различия в свойствах местности внутреннего (нагорного) и прибрежного Дагестана существенно отразилось на составе и быте его населения. Главную массу народонаселения внутреннего Дагестана (территория находившейся между Чечней, прикаспийскими ханствами и Грузией) составляли лезгинские народы и аварцы. Оба этих народа говорили на одном языке, оба отличались своим сильным телосложением. Для тех и других были характерны угрюмый нрав и высокая стойкость к лишениям.

В то же время в их общественном устройстве и в социальном развитии была некоторая разница. Аварцы славились своей удалью и большими военными способностями. У них же издавна сложился общественный строй в виде ханства. Общественное устройство лезгин по преимуществу было демократическое и представляло собой отдельные вольные общества. Основными из них были: салатавцы, гумбеты (или бакмоляли), адийцы, койсубы (или хиндатль), кази-кумыхи, андаляли, карах, анцухи, капуча, Анкратальский союз со своими обществами, дидо, иланхеви, ункраталь, богулями, технущаль, карата, буни и др. менее значительные общества.

Штурм горного селения

Прикаспийская территория Дагестана была заселена кумыками, татарами и частью лезгинами и персами. В основе их общественного устройства были заложены ханства, шамхальства, умции (владения), основанные проникавшими сюда завоевателями. Самым северным из них было Тарковское шамхальство, южнее его находились владения умция Каракайтаг, ханства Мехтулинское, Кумухское, Табасаран, Дербентское, Кюринское и Кубинское.

Все вольные общества состояли из свободных людей и рабов. Во владениях и ханствах, кроме того, имелся еще класс дворян, или беков. Вольные общества подобно чеченским имели демократическое устройство, но представляли более тесные союзы. Каждое общество имело свой главный аул и подчинялось кадию или старшине избираемых народом. Круг власти этих лиц четко не определялся и во многом зависел от личного влияния.

Мусульманство развивалось и укреплялось в Дагестане еще со времен арабов и имело здесь несравненно большее влияние, нежели в других кавказских племенах. Все население Дагестана главным образом проживало в больших аулах, для постройки которых обыкновенно выбирались места, наиболее удобные для обороны. Многие из дагестанских аулов были окружены со всех

сторон отвесными скалами и, как правило, только одна узкая тропинка вела к селению. Внутри селения дома образовывали узкие и кривые улицы. Водопроводы, служащие для доставки воды в аул и для орошения садов, иногда были проведены на большие расстояния и устроены с большим искусством и трудом.

Прибрежный Дагестан в вопросах благосостояния и благоустройства, за исключением Табасарани и Каракайтаха, находился на более высокой степени развития, нежели его внутренние районы. Дербентское и Бакинское ханства славились своей торговлей. В то же время в горных районах Дагестана люди жили достаточно бедно.

Таким образом, местность, общественное устройство, быт и нравы населения Дагестана в значительной степени отличались от аналогичных вопросов северной части Кавказского хребта.

Между территориями, заселенными основными народами Кавказа как бы мелкими крапинками были вставлены земли, где проживали небольшие народы. Иногда они составляли население одной деревни. Примером могут служить жители сел Кубачи и Рутулец и многие другие. Все они говорили на своих языках, имели свои традиции и обычаи.

Представленный краткий обзор быта и нравов кавказских горцев показывает несостоятельность мнений, сложившихся в те годы о «диких» горских племенах. Конечно, ни одно из горских обществ нельзя сравнить с положением и социальным развитием общества цивилизованных стран того исторического периода. Однако такие положения, как права собственности, отношение к старшим, формы управления в виде народных собраний заслуживают уважения. В то же время воинственность характера, грабительские налеты, закон кровомщения, необузданная свобода во многом и формировало представление о «диких» горцах.

С приближением в XVIII столетии южных рубежей Российской империи к Кавказскому краю, многообразие его этнографического быта не было достаточно изучено и при решении военно-административных вопросов оно не учитывалось, а в ряде случаев просто игнорировалось. При этом нравы и обычаи народов, проживающих на Кавказе, складывались веками и являлись основой уклада их жизни. Неправильное их толкование приводило к принятию необоснованных, непродуманных решений, а действия без их учета – к возникновению конфликтных ситуаций, к необоснованным военным потерям.

Военно-административные органы империи уже в начале XVIII столетия столкнулись с проблемами связанных с различными формами общественного устройства разноплеменного населения края. Эти формы были представлены от примитивных феодальных владений до обществ без всякой политической и административной власти. В этой связи все вопросы, начиная от переговоров различного уровня и характера, решение самых обычных бытовых вопросов вплоть до применения военной силы требовали новых, нетрадиционных подходов. К такому развитию событий Россия еще не совсем была готова.

Положение во многом осложнялось большими перепадами в социально-культурном развитии людей как внутри племен, так и в целом края, приобщенностью его населения к различным религиям и верованиям.

В вопросе геополитического отношения и влияния на Кавказский край великих держав необходимо отметить следующее. Географическое положение Кавказа предопределило стремление многих из них на разных исторических этапах распространить и утвердить свое влияние в политических, торгово-экономических, военных и религиозных сферах деятельности. В этой связи они стремились к захвату территорий региона или как минимум осуществлять свое покровительство в различных формах, от союзничества до протекторатства. Так, еще в VIII веке в прибрежном Дагестане утвердились арабы, образовали здесь ханство Аварское.

После арабов на этой территории господствовали монголы, персияне и турки. Последние два народа в продолжение двух веков XVI и XVII, непрерывно оспаривали друг у друга власть над Дагестаном и над Закавказьем. В итоге этого противоборства к концу XVII – началу XVIII столетий турецкие владения распространились от восточного Черноморского побережья на земли горских народов (черкесов), абхазов. В Закавказье господство турок распространилось на провинции Грузии, и продолжалось почти до половины XVIII века. Персидские владения в Закавказье распространялись вплоть до южных и юго-восточных границ Грузии и на прикаспийские ханства Дагестана.

Северная часть Кавказского края к началу XVIII века находилась в зоне влияния Крымского

ханства, вассала Турции, а также многочисленных кочевых народов – ногайцев, калмыков и караногайцев. Российское присутствие и влияние на Кавказе в это время было минимальным. В северо-восточной части Кавказского края еще при Иване Грозном был заложен Терский городок, и вольное казачество (потомки гребенских казаков) по указу Петра Великого было переселено с реки Сунжи на северные берега Терека в пять станиц: Новогладковскую, Щедринскую, Старогладковскую, Кудрюковскую и Червленскую. Российскую империю от Кавказа отделяла громадная степная зона, в которой кочевали племена степняков. Южные рубежи империи находились севернее этих кочевий и определялись границами Астраханской губернии и землями войска Донского.

Таким образом, главные соперники Российской империи, Сефевидская Персия и Оттоманская империя, стремившиеся утвердиться в Кавказском крае и тем самым решить свои интересы, к началу XVIII века находилась в более выгодном положении. В то же время отношение к ним со стороны населения Кавказского края было к этому времени в большей части отрицательное, а к России более благоприятное.

Каспийский поход Петра I

В начале XVIII века Персия активизировала свою деятельность на Восточном Кавказе, и вскоре все прибрежные владения Дагестана признали над собой ее власть. Персидские корабли были полными хозяевами в Каспийском море и держали под контролем все его побережье. Но приход персов не положил конец междоусобицам между местными владельцами. В Дагестане шла ожесточенная резня, в которую, постепенно втягивалась и Турция, враждовавшая с Персией.

События, происходившие в Дагестане, не могли не встревожить Россию, которая через его земли вела активную торговлю с Востоком. Торговые пути с Персии и Индии через Дагестан, по сути дела, были перерезаны. Купцы терпели огромные убытки, страдала и государственная казна.

С целью разведки в 1711 году на Кавказ был послан князь Александр Бекович-Черкасский, выходец из Кабарды, знавший многие восточные языки и обычаи горцев, а для разведки обстановки в Персии в 1715 году был направлен Артемий Петрович Волинский.

По возвращении в 1719 году А.П. Волинского из Персии, он был назначен астраханским губернатором с большими полномочиями как военного, так и политического характера. Последующие четыре года в основе его деятельности лежали мероприятия по приведению в подданство России дагестанских правителей и подготовки похода русских войск на Кавказ. Эта деятельность была весьма успешной. Уже в начале следующего года через Волинского в Москву поступило прошение дагестанского шамхала тарковского Адиль-Гирея о принятии его в русское подданство. Это прошение было встречено доброжелательно, а сам шамхал пожалован «во знак его государевой милости» ценными мехами на 3 тысячи рублей.

Едва лишь выйдя победительницей из Северной войны, Россия, провозглашенная империей, начала готовиться к походу на Кавказ. В качестве повода послужило избиение и ограбление русских купцов, организованное лезгинским владельцем Дауд-беком в Шемахах. Там 7 августа 1721 года толпы вооруженных лезгин и кумыков напали на русские лавки в гостином дворе, побили и разогнали находившихся при них приказчиков, после чего разграбили товары на общую сумму до полумиллиона рублей.

Узнав об этом, А.П. Волинский срочно донес императору: «...по намерению Вашему к начинанию законнее сего уже нельзя и быть причины: первое, что изволите вступить за свое; второе, не против персиян, но против неприятелей их и своих. К тому ж и персиянам можно предлагать (ежели они бы стали протестовать), что ежели они заплатят Ваши убытки, то Ваше Величество все завоеванное им отдать можете. Так можно перед всем светом показать, что Вы изволите иметь истинную к тому причину».

На данное письмо в декабре 1721 года Петр отписал: «На оное ваше мнение отвечаю; что сего случая не пропустить зело то изрядно, и мы уже довольную часть войска к вам маршировать велели...». В этом же 1721 году терско-гребенские казаки были определены в ведение военной коллегии России и оформлены как военное сословие.

А.П. Волынский

В начале 1722 года русскому императору стало известно, что персидский шах вблизи своей столицы потерпел поражение от афганцев. В стране началась смута. Возникла угроза, что, воспользовавшись этим, турки нанесут удар первыми и раньше русских появятся на побережье Каспийского моря. Дальше откладывать поход на Кавказ стало рискованно.

В первых числах мая 1722 года гвардия была погружена на суда и отправлена вниз по Москве-реке, а далее – по Волге. Спустя десять дней тронулись в путь Петр с Екатериной, решившей сопровождать мужа в походе. Вскоре экспедиционный корпус сосредоточился в Астрахани, где для него Волынский заранее подготовил хорошую материальную базу. Туда же по его приказу для встречи с императором прибыли атаманы донцов, военачальники волжских татар и калмыков, отряды которых должны были принять участие в походе. Общая численность российских войск, предназначенных для вторжения на Кавказ, превышала 80 тысяч человек.

Кроме того, в походе должны были принять участие кабардинские князья: брат Александра Бековича-Черкасского мурза Черкасский и Араслан-бек. Со своими воинскими отрядами они должны были присоединиться к русской армии 6 августа на реке Сулак.

18 июля суда с регулярной пехотой и артиллерией вышли из Астрахани в Каспийское море. Девять тысяч драгун, двадцать тысяч донских казаков и тридцать тысяч конных татар и калмыков следовали берегом моря. Спустя десять дней русские суда причалили к берегу в устье Терека в Аграханском заливе. Петр первым ступил на сушу и определил место для устройства лагеря, где намеревался дожидаться подхода кавалерии.

Боевые действия начались раньше, чем ожидалось. 23 июля отряд бригадира Ветерани на подходе к деревне Эндери в ущелье был внезапно атакован кумыками. Горцы, укрывшись в скалах и за деревьями, метким ружейным огнем и стрелами вывели из строя 80 солдат и двух офицеров. Но затем русские, оправившись от неожиданности, сами перешли в наступление, нанесли поражение противнику, захватили деревню и превратили ее в пепел. Так началась военная экспедиция, получившая затем название Каспийского похода Петра Великого.

В последующем Петр действовал весьма решительно, сочетая дипломатию с вооруженной силой. В начале августа его войска двинулись на Тарки. На подступах к городу они были встречены шамхалом Алды-Гиреем, выразившим покорность императору. Петр принял его перед строем гвардии весьма любезно и пообещал не чинить разорение края.

13 августа русские полки торжественно вступили в Тарки, где были с почетом встречены шамхалом. Алды-Гирей подарил Петру серого аргмака в золотой сбруе. Обе его жены нанесли визит Екатерине, поднеся ей в дар лотки лучших сортов винограда. Войска получили продовольствие, вино и фураж.

16 августа русское войско выступило в поход к Дербенту. На этот раз путь был не совсем гладкий. На третий день одна из колонн подверглась нападению крупного отряда утемишского султана Махмуда. Солдаты сравнительно легко отразили удар противника и захватили много пленных. В назидание всем другим недругам Петр приказал казнить 26 пленных военачальников, а местечко Утемишь, состоявшее из 500 домов, превратить в пепел. Рядовым воинам была дарована свобода под клятву впредь не воевать с русскими.

Атака горцев

Лояльность русского императора к покорным и его жестокость к сопротивляющимся вскоре стали известны по всему краю. Поэтому Дербент не сопротивлялся. 23 августа его правитель с группой именитых горожан встретил русских за версту от города, пал на колени и поднес Петру два серебряных ключа от ворот крепости. Петр ласково принял делегацию и пообещал не вводить в город войска. Он сдержал свое слово. Русские разбили у стен города лагерь, где несколько дней отдыхали, празднуя бескровную победу. Все это время император с женой, спасаясь от невыносимой жары, провели в специально построенной для них землянке, покрытой толстым слоем дерна. Правитель Дербента, узнав об этом, был очень удивлен. В тайном послании шаху он писал, что русский царь настолько дикий, что живет в земле, откуда выходит лишь с закатом солнца. Тем не менее, давая оценку состоянию русских войск, наиб не скупился на похвалы.

После овладения Дербентом в русском лагере начали готовиться к походу на Баку. Однако острая нехватка продовольствия и фуража заставила Петра отложить его на следующий год. Оставив в Дагестане небольшой отряд, он главные силы вернул на зимовку в Астрахань. На обратном пути войска в месте, где река Аграхань впадает в реку Сулак, русские заложили крепость Святого Креста.

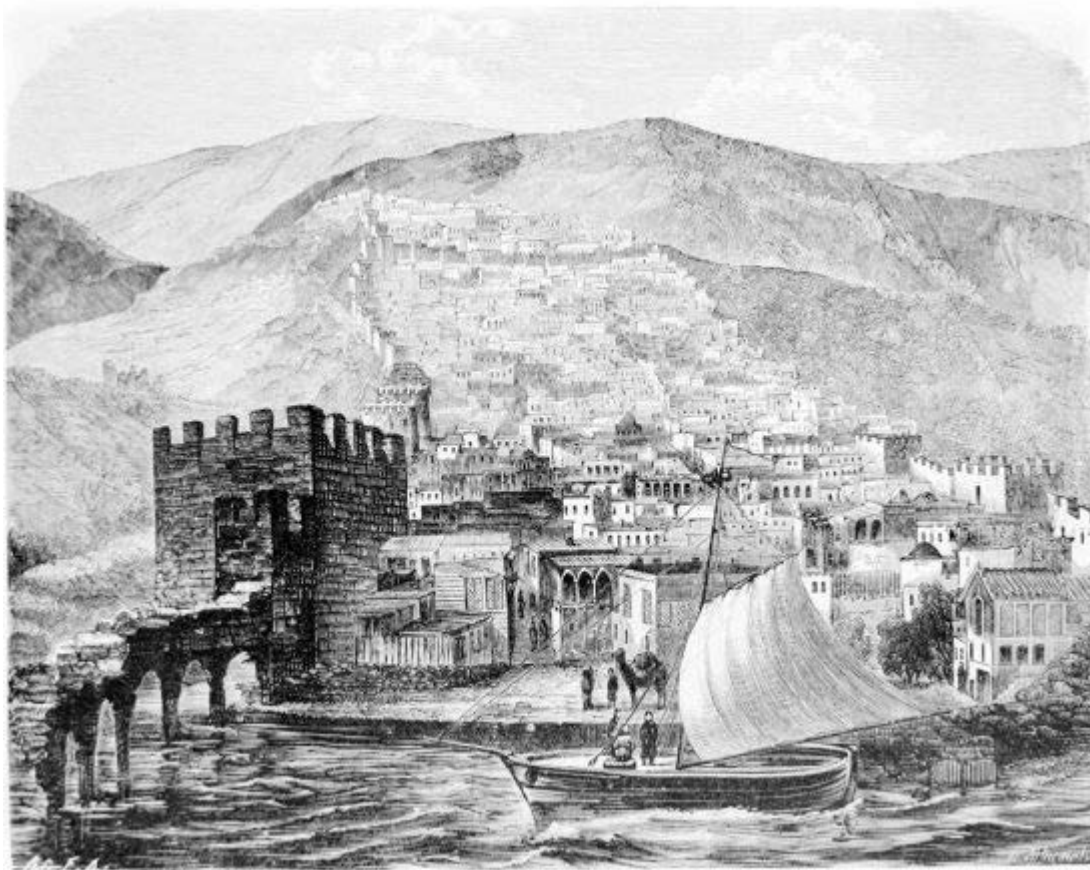
В конце сентября по приказу Петра атаман Краснощекин с донцами и калмыками нанес серию ударов по утемишскому султану Махмуду, разгромил его войска и разорил все, что уцелело от прошлого погрома. Было пленено 350 человек и захвачено 11 тысяч голов крупного рогатого скота. Это была последняя победа, одержанная в присутствии Петра I на Кавказе. В конце сентября императорская чета отплыла в Астрахань, откуда вернулась в Россию.

После отъезда Петра командование всеми русскими войсками, находившимися на Кавказе, было поручено генерал-майору М.А. Матюшкину, пользовавшемуся особым доверием императора.

Турция всполошилась ввиду появления русских войск на Каспийском побережье. Весной 1723 года 20-тысячная турецкая армия заняла пространство от Эривани до Тавриза, затем двинулась к северу и оккупировала Грузию. Царь Вахтанг укрылся в Имеретии, а затем перебрался в русскую крепость Святого Креста. Оттуда в 1725 году он был переправлен в Петербург и принят Екатериной I. Ему для жительства была назначена Астрахань, а на содержание двора отпускалось русской казной ежегодно 18 тысяч рублей. Кроме того, ему были пожалованы земли в различных губерниях и 3000 крепостных. Изгнанный грузинский царь безбедно прожил в России долгие годы.

Выполняя волю императора, в июле 1723 года Матюшкин с четырьмя полками, совершил морской переход из Астрахани и после короткого боя занял Баку. В городе было захвачено 700 персидских солдат и 80 пушек. За эту операцию командир отряда был произведен в генерал-поручики.

В Исфахани забили тревогу. Внутренняя обстановка в Персии не позволяла шаху заниматься кавказскими делами. Приходилось договариваться с Россией. В Петербург в срочном порядке были направлены послы с предложением союза в войне с Турцией и с просьбой о помощи шаху в борьбе с его внутренними врагами. Петр решил сделать упор на вторую часть предложений. 12 сентября 1723 года был подписан договор на выгодных для России условиях. В нем указывалось: «Шахово Величество уступает Его Императорскому Величеству Всероссийскому в вечное владение города Дербент, Баку со всеми им принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, токож де и провинции: Гилян, Мазандеран и Астрабад, дабы оными содержать войско, которое Его Императорское Величество его Шахову Величеству против его бунтовщиков в помощь вышлет, не требуя за то денег».

Вид на Дербент со стороны моря

Осенью 1723 года персидская провинция Гилян оказалась под угрозой оккупации афганцами, которые вступили в тайный сговор с Турцией. Правитель провинции, в свою очередь, обратился за помощью к русским. М.А. Матюшкин решил не упускать столь редкую возможность

и упредить противника. В течение короткого времени были подготовлены к плаванию 14 судов, на которые взошли два батальона солдат с артиллерией. Эскадрой судов командовал капитан-поручик Сойманов, а отрядом пехоты – полковник Шипов.

4 ноября эскадра вышла из Астрахани и спустя месяц стала на рейд у Энзели. Высадив небольшой десант, Шипов без боя занял город Решт. Весной следующего года в Гилян из Астрахани было направлено усиление – две тысячи человек пехоты с 24 орудиями, которыми командовал генерал-майор А.Н. Левашов. Объединенными усилиями русские войска заняли провинцию и установили контроль над южным побережьем Каспийского моря. Их отдельные отряды просачивались в глубь Кавказа, пугая вассальных Персии шекинского и ширванского ханов.

Персидский поход был в целом завершен успешно. Правда, захватив огромные территории на побережье Каспийского моря, русские войска потеряли 41 172 человека, из которых всего 267 погибли в боях, 46 утонули, 220 дезертировали, а остальные умерли от ран и болезней. Поход, с одной стороны, показал слабость к сопротивлению правителей Восточного Кавказа, с другой, неподготовленность русской армии к проведению операций в южных широтах, недостатки ее медицинского обеспечения, снабжения и многое другое.

Петр высоко отметил боевые заслуги своих воинов. Все офицеры были награждены специальными золотыми, а нижние чины – серебряными медалями с изображением императора, которые носились на ленте первого российского ордена Св. Андрея Первозванного. Эта медаль стала первой из многочисленного ряда наград, учрежденных за боевые действия на Кавказе.

Таким образом, Петр Великий, исходя, прежде всего, из торгово-экономических интересов России, первым из ее правителей поставил задачу присоединения Прикаспийского побережья Кавказа во главу угла политики империи. Он лично организовал военную экспедицию на Восточный Кавказ с целью его завоевания и добился определенных успехов. Однако появление на Кавказе русских войск активизировало захватническую деятельность этого края также со стороны Персии и Турции. Военные действия на Кавказе со стороны России носили характер экспедиций, целью которых был не столько разгром основных сил противостоящего противника, сколько захват территории. Население захваченных земель облагалось контрибуцией, которая в основном использовалась для содержания оккупационной администрации и войск. В ходе экспедиций широко практиковалось приведение местных правителей в подданство России посредством присяги.

Разменная фигура дворцовых интриг

Императрица Екатерина I пыталась продолжать политику супруга, но это ей плохо удавалось. Война с Персией не прекратилась подписанием Петербургского договора, который отказывались признавать многие подданные шаха. Их отряды то и дело совершали нападения на русские гарнизоны, силы которых постепенно таяли. По-прежнему агрессивно вели себя и некоторые дагестанские правители. Как следствие, интерес петербургского двора к Кавказу начал заметно падать. В апреле 1725 года по персидскому вопросу состоялось заседание Сената. После долгих прений было принято решение послать Матюшкину указ временно прекратить завоевание новых территорий. От генерала требовалось закрепиться в ранее захваченных районах и, прежде всего, на побережье Каспийского моря и на реке Куре, после чего основные усилия сосредоточить на наведении порядка в тылу русских войск, где обозначилась агрессивность некоторых дагестанских правителей. Причиной такого решения стало то, что командир сальянского отряда полковник Зимбулатов и группа его офицеров были изменнически умерщвлены во время обеда у местного правителя. Пока шло следствие по этому делу, шамхал Тарковский Алды-Гирей также изменил союзу с Россией и, собрав большой отряд, совершил нападение на крепость Святого Креста. Оно было отражено с большими для горцев потерями. Но с тех пор всякое передвижение русских в окрестностях крепости практически стало невозможным.

Засада горцев у дороги

Наведение порядка Матюшкин решил начать с шамхала Тарковского. По его приказу в октябре 1725 года генерал-майоры Кропотов и Шереметев совершили карательную экспедицию в земли изменника. Алды-Гирей, имея три тысячи войска, не решился сопротивляться превосходящим силам русских и ушел из Тарок в горы вместе с находившимся при нем турецким посланником. Его владения были опустошены. Двадцать селений погибли в огне, в том числе и столица шамхальства, состоявшая из тысячи дворов. Но на этом активные действия русских войск на Кавказе прекратились. Матюшкин был отозван с Кавказа по приказу Меншикова.

Ослаблением русских позиций немедленно воспользовались турки. Надавив на шаха, они добились подписания в 1725 году трактата, по которому Казикумых и часть Ширвана были признаны подвластными султану территориями. К тому времени Ширванский правитель Дуда-бек чем-то успел провиниться перед своими турецкими покровителями; он был вызван в Константинополь и убит. Власть в Ширване перешла к его давнему сопернику Челок-Сурхаю с утверждением его в звании хана.

С трудом собрав силы, в 1726 году русские продолжили «усмирение» шамхальства, грозя превратить его в безлюдную пустыню. Наконец Алды-Гирей решил прекратить сопротивление и 20 мая сдался Шереметеву. Его отправили в крепость Святого Креста и заключили под стражу. Но проблемы края это не решило. При отсутствии высшего командования среди русских генералов не было единства замыслов и действий. Удерживать занятые территории в таких условиях становилось все труднее.

Частые разногласия между генералами подсказали русскому правительству необходимость назначить на Кавказ опытного командующего, доверив ему всю полноту военной и административной власти в регионе. Выбор пал на князя Василия Владимировича Долгорукого.

Прибыв на Кавказ, новый командующий был поражен плачевным состоянием находившихся там российских войск. В августе 1726 года он писал императрице: «...Здесь корпус генералитет, штаб- и обер-офицеры без прибавки жалованья пропитать себя не могут по здешней дороговизне; офицеры пришли в крайнюю нищету несносную, что уже один майор и три капитана с ума сбредли, уже многие знаки свои и шарфы закладывают...».

Официальный Петербург остался глухим к словам Долгорукого. Тогда генерал на свой страх и риск произвел выборы среди местного населения и выдал жалованье войскам. Кроме того, он своей властью устранил материальное неравенство между казаками и наемниками. «В русском войске, – писал он императрице, – есть две иностранные роты – армянская и грузинская, из

которых каждая получает казенное содержание; русским казакам не дают ничего, а между тем они служат больше и неприятелю страшнее. Я определил им также денежные выдачи, ибо, по моему мнению, лучше платить своим, нежели чужим. Правда, армяне и грузины служат изрядно, однако же казаки действуют гораздо отважнее». Неудивительно, что при таком подходе боевой дух войск значительно повысился. Это позволило командующему продолжить дело, начатое его предшественниками.

В 1727 году Василий Владимирович с небольшим отрядом совершил поездку по всему побережью моря, потребовав подтвердить местных правителей присягу на подданство России. По возвращении в Дербент он писал императрице: «...в проезд свой привел в подданство Вашему Императорскому Величеству провинции, лежащие по берегу Каспийского моря, а именно: Кергеруцкую, Астаринскую, Ленкоранскую, Кызыл-Агацкую, Уджаруцкую, Сальянскую; степи: Муранскую, Шегоевенскую, Мазаригскую, с которых будет доход на год около ста тысяч рублей». По его расчетам этих средств должно было хватить на содержание отряда всего в 10–12 тысяч человек, что не могло обеспечить прочную власть России на оккупированных ею землях. Долгорукий предлагал либо повысить расходы казны на содержание корпуса, либо обложить местных правителей особой данью, либо сократить численность войск и площадь контролируемых ими территорий. Однако ни одно из его предложений не нашло в Петербурге понимания и поддержки. Наследники Петра Великого не видели перспектив для России на Кавказе и не желали тратить на него сил, времени и средств.

Князь Василий Владимирович Долгорукий

Смерть Екатерины I, случившаяся в 1727 году, и последовавшая за ней борьба за власть на некоторое время отвлекли внимание Российского правительства от Кавказа. Петр II в день коронации, 25 февраля 1728 года, произвел В.В. Долгорукого в генерал-фельдмаршалы и отозвал в Петербург. При отъезде из Кавказа Василий Владимирович разделил подведомственную ему территорию на две части, назначив в каждую отдельного начальника. В Гиляне остался генерал-лейтенант А.Н. Левашов, а в Дагестане командование войсками принял генерал-лейтенант А.И. Румянцев – отец великого полководца.

В начале царствования Анны Иоанновны была предпринята очередная попытка укрепить позиции Российской империи на Кавказе. Для этого требовалось добиться от Персии значительных политических уступок и официального признания за Россией территорий, захваченных ею в Прикаспийском крае. Сложность проблемы заключалась и в том, что она затрагивала также интересы Турции и местных правителей, часть из которых не желала

присутствия России на Кавказе. Для решения этого вопроса требовались не столько опытные военачальники, сколько дипломаты.

Распутать «персидский узел» было поручено командиру Прикаспийского корпуса Алексею Николаевичу Левашову, который был произведен в генерал-аншефы и наделен особыми полномочиями. Это был достаточно опытный военачальник, но крайне слабый дипломат.

В помощь Левашову для ведения дипломатических переговоров с персами был направлен вице-канцлер барон Петр Павлович Шафиров. Им предписывалось «стараться как можно скорее заключить выгодный для России договор с персидским шахом и употребить все способы для отклонения его от договора с Портою».

Переговоры начались летом 1730 года и велись безуспешно. Но Левашов и Шафиров напрасно искали причины неудач на месте – они таились в Петербурге, где дело взял в свои руки фаворит императрицы Эрнст Иоганн Бирон. Его дворец тайно посещался не только персами, но и австрийцами. Персы обещали русским поддержку в войне с Турцией при условии безвозмездного возвращения шаху всех прикаспийских территорий. Австрийцы также всячески стремились в своих интересах столкнуть Россию с Турцией. Сам Бирон, став посредником в этих переговорах, думал не о пользе России, а только о собственных интересах. Поэтому в Петербурге торг по поводу Кавказа шел намного активнее, чем на переговорах Левашова и Шафирова.

В июне австрийский посланник граф Вротислав вручил Бирону диплом на графство Священной Римской империи, портрет императора, осыпанный бриллиантами и 200 тысяч талеров, на которые фаворит купил поместье в Силезии. После этого он начал упорно рекомендовать императрице «наиболее оптимальный путь решения кавказской проблемы».

Весной 1731 года Левашов и Шафиров получили новые указания правительства. В них говорилось следующее: «императрица не хочет оставлять за собой ни одной из персидских провинций и повелевает вначале очистить все земли по реку Куру, когда шах прикажет заключить договор о восстановлении соседственной дружбы и ратифицирует его; а прочие провинции от реки Куры будут уступлены, когда шах выгонит турок из своего государства».

Таким образом, пойдя на уступки шаху, Россия поставила себя на грань войны с Турцией, которая, постепенно вытесняя персов, продолжала политику завоевания всего Кавказа. Их эмиссары наводнили прикаспийские ханства, насаждая там антироссийские настроения, которые нередко попадали на благоприятную почву и давали кровавые всходы.

В 1732 году командование российскими войсками в Дагестане принял ставленник Бирона генерал-лейтенант Людвиг Вильгельм принц Гессен-Гомбургский. В то время принцу было всего 28 лет. Он не имел за плечами ни военного, ни дипломатического опыта, но страстно желал выслужиться.

Новый командующий с энтузиазмом взялся за дело и предпринял ряд частных экспедиций. Это вызвало ответную реакцию, и уже осенью 1732 года участились случаи нападения горцев на русские отряды. Так, в октябре ими был разгромлен полторатысячный отряд полковника П. Коха. В результате внезапного нападения русские лишились 200 человек убитыми и стольких же пленными. Нападения аборигенов на русские воинские отряды и посты имели место и в последующие два года.

В это время турецкий султан направил в Персию 25-тысячную орду крымских татар, путь которой пролегал через контролируемую российскими войсками территорию Дагестана. Принц Людвиг решил выставить заслон на пути противника. С трудом был собран отряд из четырех тысяч человек, который перекрыл два горных прохода в районе селения Гораичи.

Русские встретили татар дружным ружейным и артиллерийским огнем и отразили все их атаки. Противник отступил, оставив на поле боя свыше тысячи человек убитыми и ранеными, а также 12 знамен. Последние были доставлены в Петербург и повергнуты к стопам императрицы. Потери самих русских составили 400 человек.

Принц не смог воспользоваться плодами одержанной победы. Не веря в стойкость подчиненных войск, не проведя разведку противника он ночью отвел части за реку Сулак, а затем в крепость Святого Креста. Воспользовавшись этим, татары прорвались в Дагестан, разграбив все на своем пути.

Обрадованный победами в Дагестане, в 1733 году султан послал войска в Персию, но они были разгромлены под Багдадом. После этого турки были вынуждены уступить персам все ранее

завоеванные у них земли, в том числе и в Дагестане. Однако правитель Дагестана Сурхай-хан не подчинился шаху. В ответ на это в 1734 году персидские войска вторглись в Шемаху и разгромили Сурхай-хана, который с остатками войск начал отходить на север. Преследуя его, Надир-шах занял Казикумых и несколько других провинций.

Русский главнокомандующий принц Гессен-Гомбургский никак не влиял на события, развивавшиеся на Кавказе, и фактически потерял власть над правителями Дагестана. В 1734 году он был отозван в Россию.

Командование войсками в Дагестане вновь было поручено генералу А.Н. Левашову, который в то время находился в отпуске в своих имениях на территории России. Пока он собирался выехать на Кавказ, обстановка там резко осложнилась. Для улучшения положения требовались решительные меры, прежде всего силы и средства. Генерал А.Н. Левашов неоднократно обращался в Петербург с просьбой прислать подкрепления и улучшить материальное обеспечение войск Низового (Астраханского) корпуса, обещая в этом случае в короткие сроки навести порядок в контролируемом районе. Но Бирон упорно отвергал просьбы и предложения командующего. В то же время он настойчиво рекомендовал императрице Анне Иоанновне вывести войска с Кавказа. И усилия фаворита не прошли даром.

По Ганжийскому договору от 10 марта 1735 года Россия прекратила военные действия на Кавказе, вернула Персии все земли по западному побережью Каспийского моря, ликвидировала крепость Святого Креста и подтвердила начертание границы по реке Терек.

Для усиления линии новой границы в 1735 году была заложена новая крепость Кизляр, на долгие годы ставшая форпостом России на побережье Каспийского моря. Это стало последним делом генерала А.Н. Левашова на Кавказе. Вскоре он получил назначение в Москву и навсегда покинул горный край.

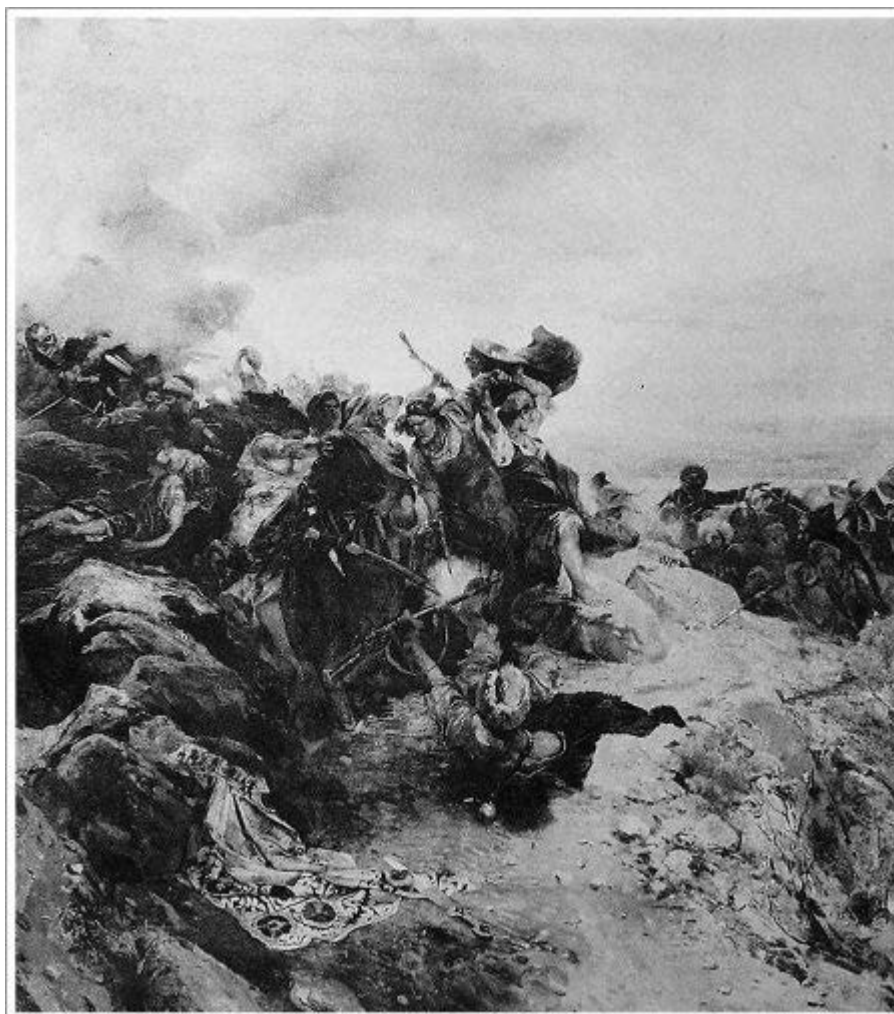
В 1736 году началась война между Россией и Турцией, целью которой императрица Анна Иоанновна ставила уничтожение унижительного для России Прутского договора. Весной к Азову был двинут корпус генерал-фельдмаршала П.П. Ласси, который 20 июля овладел этой крепостью. У России вновь появился плацдарм на побережье Азовского моря, откуда отдельные их отряды начали просачиваться на юг, и, прежде всего, в Кабарду. Там русские быстро нашли общий язык с некоторыми князьями, которые давно уже стремились к союзу с Россией. В результате Белградского мирного договора, подписанного в сентябре 1739 года, Россия оставляла за собой Азов, но шла на уступки туркам в отношении Кабарды. Большая и Малая Кабарда были объявлены своеобразной буферной зоной между владениями России и Османской империи на Кавказе. Российские войска покинули эти земли.

Подписание Ганжийского и Белградского договоров по существу явилось предательством в отношении кавказской политики Ивана Грозного и Петра Великого. Российские войска безвозмездно оставили стратегически важные районы, обеспечивавшие контроль над Каспийским морем и сухопутную связь с Персией, а через нее – с Ближним и Средним Востоком, Китаем и Индией. В то же время, не имея сил для удержания и освоения новых земель, Российская империя ежегодно несла убытки, в десятки раз перекрывавшие прибыль. Это стало главным козырем в политической игре Бирона, который с выгодой для себя смог довести ее до конца.

Таким образом, в результате политических игр Россия на Кавказе не получила ничего, кроме огромных людских и материальных потерь. Так неудачно завершилась ее первая попытка утвердиться в этом крае, стоившая, по самым приблизительным подсчетам, более 100 тысяч человеческих жизней. При этом новых друзей Россия не обрела, зато врагов у нее стало больше.

Глава 3 Кавказ во времена Екатерины II

Кавказская линия

В 28 июля 1762 года в результате дворцового переворота на российский престол взошла Екатерина II. Наметились изменения во внешней политике России, в первую очередь, в ее отношениях с Турцией. Стремление покончить с безраздельным господством Порты в Причерноморье вызвало у императрицы большой интерес к Кавказу, также считавшемуся возможной ареной борьбы с могущественным противником. Отправным пунктом новой политики стал 1763 год, когда на среднем течении Терека была основана крепость Моздок – новый форпост русской власти на Северном Кавказе.

Кабардинцы, которые до этого времени были фактическими хозяевами всего Северного Кавказа и достаточно тесно сотрудничали с русским командованием, к появлению крепости отнеслись недоброжелательно, увидев в этом покушение на их независимость. Кабардинцы, объединившись с черкесами и чеченцами, летом 1765 года двинулись в поход по северному берегу Терека, разоряя все на своем пути. В середине июля они подошли к Кизляру и осадили крепость. На третий день вождь горцев Росламбек Карамзин, известный под именем Сокура (Кривой), повел своих воинов на штурм, который русскими был отбит с большими потерями для горцев. После этого горцы отказались от плана захвата Кизляра. Устремившись на север, они разграбили кочевья астраханских татар и угнали весь их скот. У русских не нашлось сил, чтобы как-то воспрепятствовать этому.

Чтобы предотвратить в будущем повторение подобных набегов, Екатерина II приказала создать Кавказскую линию. Для этого в 1769 году на Терек была переселена часть волжских казаков, которые заселили пространство между Моздоком и станицей Калиновской. Эти

поселения получили название Моздокского полка. Сама Моздокская крепость с каждым годом набирала не только военную, но и политическую силу. Через нее была установлена скрытная военно-дипломатическая связь с некоторыми христианскими правителями Закавказья, что не замедлило дать положительные результаты.

В конце 1768 года началась новая война между Россией и Турцией. Воспользовавшись этим, в августе 1769 года христианские цари Имеретии и Грузии обратились к русскому правительству с просьбой оказать им военную помощь в борьбе с турками.

Екатерина II с готовностью откликнулась на эту просьбу. В Моздоке в спешном порядке был сформирован отряд под командованием генерал-майора графа Готлиба Генриховича (Готлиб Курт Генрих) Тотлебена. Перед ним была поставлена задача взять под контроль территории Грузии и Имеретии, изгнав оттуда турок.

Осенью 1769 года отряд Тотлебена по долинам Терека и Арагви пересек Кавказские горы и расположился на зимние квартиры в Грузии. Но там положение русских оказалось весьма тяжелым. Грузинский царь Ираклий II был целиком занят междоусобной борьбой с местными феодалами. Ведение боевых действий с турками он целиком возложил на русского генерала, выделив в его распоряжение несколько тысяч иррегулярной грузинской конницы, боеспособность которой была крайне низкой. Тем не менее генерал Тотлебен, сосредоточив под своим началом до 10 тысяч воинов, в марте 1770 года осадил турецкую крепость Ахалцих, оборонявшуюся семитысячным гарнизоном.

Осада затянулась, и это внесло раскол в ряды союзников. Горячие грузинские князья совершенно не признавали над собой власть русского генерала и действовали с подчиненными отрядами по собственному плану. Однако в случае неудачи они винили во всем русских, нередко затеявая с офицерами ссоры, готовые перерасти в поединки. О проведении серьезных операций в такой обстановке нечего было и думать. Русский командующий был вынужден снять осаду Ахалциха и отказаться от помощи грузинской конницы.

Распоровшись с грузинами, Тотлебен в июне того же года соединился с войсками имеретинского царя Соломона. К концу лета он занял Кутаис и приступил к осаде Поти. Она продолжалась более трех месяцев и дорого стоила русским, потерявшим под стенами крепости только от болезней более двух тысяч человек.

Неудачи русских войск под Ахалцихом и Поти, а также непрочность их союза с грузинами подсказали турецкому правительству новый план действий. К Поти был направлен 6-тысячный отряд. Узнав о его приближении, Тотлебен в начале февраля 1771 года снял осаду крепости и отвел войска в Имеретию. Там он создал несколько гарнизонов, которые, расположившись в крепостях, активных действий не вели.

Однако турецкое правительство было сильно озабочено нахождением русских войск в Грузии и Имеретии. По требованию султана отряды крымских татар и черкесов напали на калмыков, которые считались подданными России. Генерал-майор Медем уговорил хана Убаша с оружием встретить противника.

Сражение состоялось 29 апреля на реке Калаус и было выиграно калмыками. В рапорте Медем писал: «Черкесы дали тыл, и калмыки насели на них, как дикие звери: они их рубили, резали, загоняли в болота, топили в Калусе. Все пять знамен, множество оружия и панцирей, пять тысяч лошадей, обозы и вьюки – все это осталось в руках победителей. Пленных взято было немного, немногие же успели бежать, а все остальные пали на поле сражения. На самом месте побоища Убаша велел тогда же насыпать курган и назвал его Курганом победы, а на другой стороне Калуса, где кончилась битва, – другой курган, который был назван Курганом пиршества». Оба эти кургана существуют и поныне.

Между тем турки не оставляли попыток поднять на борьбу с русскими горские племена Северного Кавказа. Их послы появились среди кабардинцев. Вскоре блеском золота и обещаниями они соблазнили некоторых молодых князей, которые выступили против русских. Последние объединились с калмыками и в июле 1769 года в ущелье Подкумка наголову разбили противника. После этого кабардинцы принесли присягу на верность России, выделили заложников и приняли у себя русского пристава.

По традиции весть о покорении кабардинцев понеслась в Петербург и была с восторгом воспринята императрицей. Генерал Медем и многие калмыцкие старшины получили награды и

щедрые подарки.

Но российская императрица решила показать всему миру и, прежде всего, народам Кавказа, свою большую щедрость и «демократизм». Кабардинцам также были пожалованы щедрые подарки и большие привилегии. Их делегация была с почетом принята в Санкт-Петербурге и обласкана императрицей. Домой она вернулась с жалованными грамотами, в которых были прописаны пункты, присущие не для побежденных, а для победителей.

Такие действия, по мнению Медема, были не совсем рациональными. Так, он пишет: «То, что мы применяли по отношению к нашим ближайшим соседям горцам крайне мягкую политику, приучало их к той настойчивости, к постоянным колебаниям, с какими эти народы относились к нам во все последующие времена. Безнаказанность за постоянные измены, задабривание подарками и деньгами влиятельных лиц вызывали в них совсем обратные чувства. Многие считали жалованье наше обязательной данью России, другие видели в нашей уступчивости предлог к дальнейшим претензиям и при малейшем отказе поднимали оружие против нас». Так центральная российская власть впервые ступила на вредный путь заигрывания с побежденными народами Северного Кавказа, который имел свои негативные последствия и несколько веков спустя.

Официальное примирение русских с кабардинцами рассорило их с калмыками. Причиной ссоры стало нападение калмыков во главе с ханом Убаши на Кубань в 1770 году. Разграбив край, они вернулись в свои улусы. Своеволие калмыков не понравилось Медему, и он строго высказал свое недовольство хану. 21 августа 1770 года хан приезжал к Медему для переговоров, но русский генерал не смог умиловать калмыцкого правителя. В январе 1771 года 28 тысяч калмыцких кибиток поднялись со своих мест и направились на Урал, а далее в Китай, все грабя на своем пути.

Разочаровавшись в кабардинцах, турки направили своих посланцев к чеченцам, которые два года подряд опустошали окрестности Кизляра. В 1770 году чеченцы захватили город. «Ворвавшись в Кизляр, они не брали жителей в плен, а убивали всех, не разбирая ни пола, ни возраста», – писал один из свидетелей этой драмы.

Чтобы спасти положение, российское правительство было вынуждено отозвать войска Тотлебена из Грузии и Имеретии, усилив ими гарнизоны пограничных линий.

Однако удача в русско-турецкой войне 1768–1774 годов все чаще склонялась в пользу русского оружия. Победы, одержанные Румянцевым и Суворовым, заставили султана искать мира. По Кючук-Кайнарджийскому договору, подписанному 10 июля 1774 года, Турция признала независимость Крымского ханства, что делало его фактическим вассалом России. Петербург получил возможность через Крым влиять на дела прикубанских народов – черкесов и карачаевцев, которые, согласно этому договору, причислялись к владениям крымского хана. Россия добилась от Турции окончательного отказа от притязаний на всех кабардинцев (подразумевались также осетины, ингуши и чеченцы), которые по особому соглашению, заключенному с султаном, были признаны русскими подданными. Порта приняла на себя обязательство впредь не вмешиваться во внутренние дела Грузии и Имеретии, но и Россия не должна была считать эти земли своими и содержать там войска и администрацию. Новая русско-турецкая граница была начертана от Азова до крепости Моздок, и далее на восток – по реке Терек.

Завершив «дела» на Западном Кавказе, генерал Медем обратил свое внимание на его восточную часть. В 1774 году он совершил поход в Дагестан и занял Дербент, который официально принадлежал персидскому шаху. Но попытки русских расширить зону контроля в том районе не увенчались успехом. Их отряды постоянно подвергались нападениям горцев. Один из них был полностью разгромлен и потерял два знамени. Медем легко «списал» людей, но знамена были вынуждены выкупить за 70 рублей серебром.

В 1776 году по приказу из Петербурга Дербент был оставлен русскими войсками, а в следующем году генерал Медем, сдав командование генералу Якоби, навсегда покинул Кавказскую линию.

Угон горцами стада

В 1785 году указом императрицы было учреждено Кавказское наместничество. Правителем наместничества был назначен кавказский губернатор статский советник Алексеев. На него были возложены задачи гражданского управления пограничными районами России, а также охрана кавказской границы империи. Но авторитет гражданского чиновника среди кавказских правителей, казачества и войск был невысокий. Поэтому было решено обязанности наместника возложить на войскового командующего.

В начале сентября 1787 года в командование войсками Кавказского корпуса и Кубанской части войск вступил Петр Авраамович Текелли, в связи с этим произведенный в генерал-аншефы. Но П.А. Текелли совершенно не знал обстановки на Кавказе. В своем письме к Потемкину от 27 сентября 1787 года он, в частности, писал: «...Прошу покорнейше уведомить меня, какими к Каспийскому морю край населен нациями, частью подданными России, частью ни от кого не зависимыми, а также и о другом, о кабардинском войске, собравшемся в шести сотнях – где оно ныне стоит и для чего собрано». (Кавказский сборник. XIV. – Тифлис, 1890. С. 5.)

Состояние войск Кавказского корпуса в то время было весьма трудным. От Азовского до Каспийского моря располагались войска, входившие в состав Екатеринославской армии, подчиненной генерал-фельдмаршалу Г.А. Потемкину.

Непосредственно в составе Кавказского корпуса было 9 пехотных полков, 4 отдельных егерских батальона, 3 карабинерных кавалерийских, 2 драгунских, 6 линейных и 5 «семейных» казачьих полков. В составе этих частей насчитывалось 41 800 нижних чинов и 120 артиллерийских орудий. Войска корпуса были расположены в Григориополисе, Прочном Окопе, Ставрополе и его окрестностях, Георгиевске и в слободах Терского и Гребенского казачьих войск. От Прочного Окопа вверх по Кубани никаких поселений не было, а существовала лишь жидкая цепь редутов, которые на зиму войсками оставлялись. Войска Кубанской части располагались на зимних квартирах в Ейском укреплении, Азове, в Таганрогском, Бахмутском и Черкасском округах в готовности к выступлению в случае необходимости. В Каспийском море находилась русская эскадра, состоявшая из 9 судов, три из которых были в ремонте. Материальное положение частей корпуса было крайне тяжелым. Солдаты были изнурены службой, истощены голодом, оборваны. Ружей недоставало, орудийные лафеты частично были поломаны, «положенного при войсках обоза не было.

В момент вступления П.А. Текелли в командование корпусом значительная часть войск находилась в походе за Кубань, проводившемся под руководством генерала П.С. Потемкина –

родственников всемогущего фаворита. Этот поход проходил неудачно. Войска возвращались, не выполнив поставленные перед ними задачи. Сам П.С. Потемкин, узнав о назначении П.А. Текелли, оставил войска и, даже формально не сдав дела, выехал в Екатеринослав.

Не лучшей была дисциплина и других офицеров корпуса. Так, например, командир Нарвского карабинерного полка полковник О'Рурк, получив новое назначение, вместо того чтобы сдать часть своему сменщику, уехал, не рассчитавшись и «не заплатив за недостающие вещи 8611 рублей, увезя с собой серебряные трубы с литаврами, пять карабинеров, четырех извозчиков, одного кузнеца и одного плотника». Из этого следует, что командир полка считал вверенную ему войсковую часть чем-то вроде своей помещичьей вотчины, а солдат – крепостными.

Офицеры корпуса в основном вели праздную жизнь. Большая часть их, оставив под различными предлогами войска, находилась в отпусках в России. Поведение офицеров негативно отражалось на дисциплине войск. В одном из докладов командующему указывалось на бесчинства войск по отношению к казакам. «Нижние чины, да и офицеры, распорядились в станицах чужим добром как бы своим собственным не платя за него ни копейки денег и не вознаграждая ничем, а если им добровольно что-либо не давали – они отнимали силою и вдобавок били неуступчивых поселян сколько им нравилось».

В результате жители слободы Сергеевской послали жалобу к корпусному командиру на офицеров и солдат Каргопольского полка, по которой было проведено расследование. П.А. Текелли приказал удовлетворить материальные претензии слобожан и впредь жителям «обид и безденежных взяток не чинить», но разложение войск продолжалось.

П.А. Текелли решил первым делом основные усилия направить на восстановление боеготовности войск. С тем, чтобы быть ближе к войскам, он переносит штаб корпуса из Ставрополя в крепость Георгиевск и переезжает туда сам. Там же по его приказу разворачивается главный госпиталь, куда собирают наиболее опытных врачей и обслуживающий персонал.

Летом 1788 года за Кубань была организована новая экспедиция. 12 августа в 20 верстах южнее реки состоялся бой русских войск с черкесами. В ход была пущена артиллерия и залповый ружейный огонь, «восемь часов продолжавшиеся». В результате, по сведениям командира отряда генерал-поручика Талызина, «побито неприятеля 800 человек, взято в плен шесть; пять больших селений, до двух тысяч домов, со всем оставшимся по выводе жен и детей имением, и несколько мечетей предано огню». Потери русских составили два человека убитыми, 21 ранеными и 45 казаков пропали без вести и 15 пленными.

В октябре 1788 года П.А. Текелли предпринял карательную экспедицию за Кубань против народов, «обитающих от вершины Кубани на реках Большого и Малого Зеленчуков, Урупе и других реках». Судя по отчету, экспедиция была удачной. О характере действий русских войск командующий писал: «...достижением войск до самых снеговых гор, многих покорил; кроющихся же в ущельях тесных и непроходимых и противящихся истребил, и первых силою оружия понудил войти в подданство российское». Покорившиеся должны были вернуться с гор в долины и выдать русскому командованию заложников в знак своей покорности. И все же часть закубанцев ушла в горы, «пешие, бросая детей и старых, не могущих идти, коих многих сыскивали партии наши мертвыми». Завершив таким образом экспедицию, 26 октября войска вернулись на свою территорию.

На этом завершился период командования Кавказским корпусом генералом П.А. Текелли. Своему сменщику Петр Авраамович передал дела в полном порядке.

Новый командующий 59-летний генерал-аншеф граф Иван Петрович Салтыков до этого времени уже успел отличиться в войне с турками, имел все высшие российские награды и считал себя обиженным назначением на Кавказ. Чтобы его утешить, Г.А. Потемкин-Таврический осуществляет ряд организационных мероприятий. Кавказский корпус и Кубанская часть объединяются в Кубанскую армию. В ходе войны с Турцией этой армии определяется задача «для разделения сил неприятеля... наискорее выступить к Кубани частью кавказских войск и стать на месте, как выгодном для людей, так и удобном ради нанесения вреда неприятелю», если бы он решился напасть на русскую территорию. Кубанским частям надлежало совершить поход в Тамань для занятия этого полуострова и последующего взаимодействия с основными силами русских войск

Иван Петрович Салтыков (1730–1805), командующий на Кавказе (1788–1789)

Таким образом, действия русских войск в период командования И.П. Салтыкова на кавказском направлении носило пассивный характер. В середине декабря 1789 года Салтыков был отозван с Кавказа в Финляндию. На посту командующего его сменил генерал-поручик Юрий Богданович Бибииков.

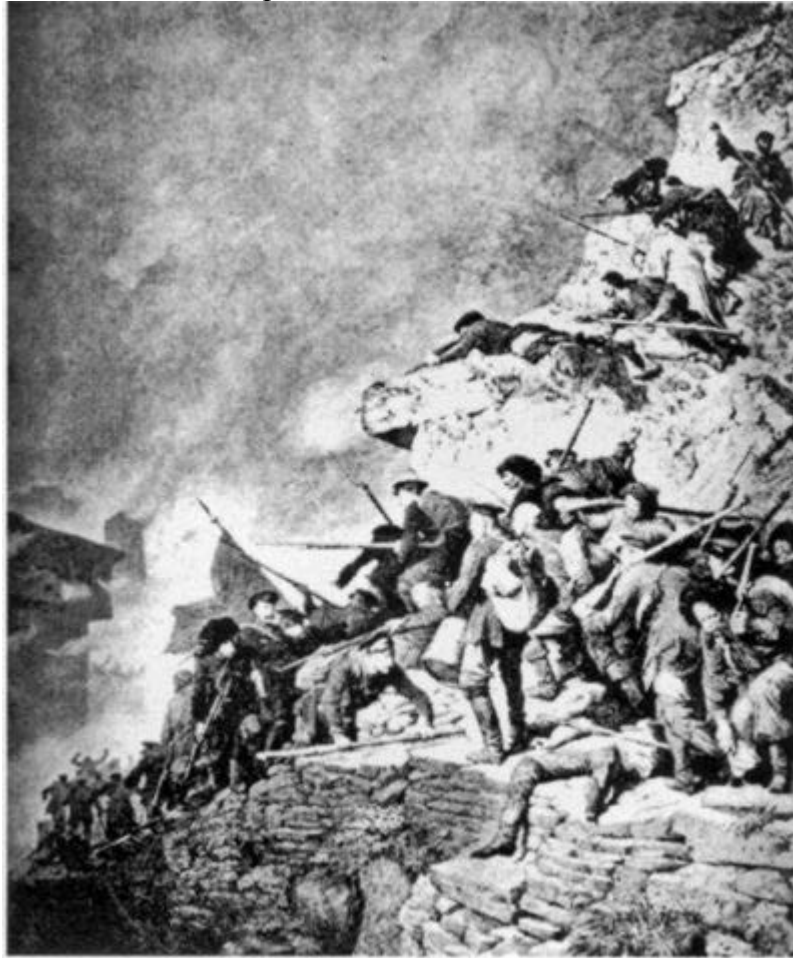
Вновь назначенный военачальник решил отметить свое вступление в должность боевыми успехами и уже 10 февраля без разрешения Г.А. Потемкина-Таврического начал поход на Анапу, которую полтора года назад не смог взять генерал П.А. Текелли.

Перейдя Кубань у Прочного Окопа с отрядом численностью в восемь тысяч человек при 26 орудиях полевой артиллерии, фактически без запасов провианта, Бибииков двинулся вверх по Лабе через места, где еще не ступала нога русского солдата. Преодолевая отчаянное сопротивление горцев, терпя лишения, только 24 марта войска подошли к Анапе.

Утром следующего дня командующий, без должной подготовки, послал войска на штурм, который был отражен противником с большими потерями для русских. Затем началось отступление в условиях непрерывного преследования и атак противника. Только 11 апреля русский отряд переправился через Кубань и вернулись на свою территорию. Непродуманные действия Ю.Б. Бибиикова привели к значительным потерям. За время экспедиции было убито и умерло от ран 1196 человек, число раненых и больных достигло 1100 человек, дезертировало 111 человек. Кроме того, было потеряно более 2300 лошадей, брошено и утрачено 958 ружей, карабинов и штуцеров, 333 пистолета, почти 45 000 патронов, 2233 пушечных заряда.

Узнав о походе Ю.Б. Бибиикова, светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический послал ему на помощь войско под командой генерал-поручика Розена. Розен нашел Кавказский корпус в полном расстройстве. «Офицеры и нижние чины находятся в таком жалком виде, который выше всякого выражения, – писал он. – Все они опухли от голода и истомлены маршами, стужей и непогодой, от которых не имели никакого укрытия. Солдаты и офицеры лишились в этом походе всего своего имущества и остались в рубищах, босые, без рубах и даже без нижнего белья, которое погнило на людях». По докладу Г.А. Потемкина-Таврического 19 мая императрица уволила Ю.Б. Бибиикова с военной службы. В то же время все участники неудачного похода были отмечены специальными

серебряными медалями с надписью «За верность».

На штурм!!!

Вслед за войсками Бибикова к Анапе подошла русская эскадра под командой контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова. Она попыталась уничтожить или хотя бы отогнать турецкие суда, находившиеся на рейде под защитой крепостных орудий. Но и эта операция ввиду мощности турецкой артиллерии потерпела неудачу.

После отстранения Бибикова от должности, командование войсками принял генерал-поручик граф Антон Богданович де Бальмен, уже немолодой и больной человек, ничем прежде не отличившийся военачальник. Но его кратковременное командование совсем неожиданно было отмечено одним важным событием.

Турецкое правительство решило использовать неудачную экспедицию на Анапу русских войск и нанести по ним ответный удар. В августе 1790 года сераксир Батал-паша с большим турецким войском и отрядами закубанцев вступил в Кабарду. Де Бальмен, узнав об этом, приказал срочно собирать русские войска в районе Кумского редута, куда вскоре прибыл лично. О действиях русских войск подробных сведений не сохранилось. Но из доклада одного из участников этих событий генерал-майора Ивана Ивановича Германа от 1 октября следует, что днем ранее неприятелю было нанесено поражение. Сам сераксир «с небольшою его свитою сдался в плен; пушек, коих в лагере находилось и но штурме было около тридцати разного большого калибра с большими припасами, остались в руках наших, и я со своим лагерем стал в его оставшемся».

Это было единственное военное дело во время кратковременного командования генералом де Бальменом Кавказским корпусом. 4 октября он скончался на своем посту. Командование войсками временно принял генерал-майор Булгаков, который вернул войска из-за Кубани на зимние квартиры, а пленного Батал-пашу отправил к генерал-фельдмаршалу Г.А. Потемкину-Таврическому в Яссы.

В целом, в этот период были возобновлены попытки России утвердиться в Закавказье, по-новому определен и значительно укреплен южный пограничный рубеж от Азова до

Каспийского моря. В этих целях были построены новые крепости (укрепления), проведено ряд карательных экспедиций за Кубань и предпринята неудачная попытка захватить Анапу.

Шейх-Мансур

Еще в начале XVIII века в качестве новой силы, способной влиять на события в этом регионе, начала выступать религия. Так, в материалах по истории Дагестана, опубликованных во втором выпуске Сборника сведений о кавказских горцах, изданном в Тифлисе в 1869-м, сообщается, что в 1710 году в Кубинском ханстве появился некий Дауд-бек, который начал распространять особое духовное учение, ратовавшее за уничтожение светской власти и создание общественного строя на основе ряда религиозных догм, служению которым должен был посвящать себя всякий правоверный. К сожалению, более подробных сведений об этом учении не сохранилось. Но по всем признакам оно было весьма схожим с мюридизмом, ставшим господствующим среди народов Северного Кавказа в более поздние времена.

В 60–80-е годы правительство Екатерины II создает новую линию казачьих поселений между Моздоком и Червленной путем переселения сюда семей с Дона. Это вызвало большое недовольство чеченцев, которых теснили с левого берега Терека вплоть до Кабарды. Недовольными были и гребенские казаки, также считавшие себя единоличными хозяевами в этих районах.

В начале 80-х годов этого же века в Дагестане появился загадочный человек, назвавшийся проповедником Шейх-Мансуром. До сих пор его истинное происхождение остается тайной. По одним мусульманским источникам Шейх-Мансур происходил из оренбургских татар и получил духовное образование в Бухаре, по другим – он был родом из чеченского аула Алды, а Коран изучил под руководством ученого муллы в Дагестане. Обе эти версии, носящие национально-религиозный характер, активно распространялись среди мусульман, но они не имеют документальных подтверждений и, следовательно, могут быть подвергнуты сомнениям.

Поэтому будет вполне уместным привести и третью версию, выдвинутую в конце XIX века известным востоковедом, профессором Туринского университета Оттино якобы на основании документов, обнаруженных им в местном архиве. Там, по утверждению профессора, оказались личные мемуары и письма шейха Мансура, вывезенные с Кавказа одним из его «сподвижников» в Турцию, а затем проданные посланнику сардинского короля Виктора Амадея III. Достоверность этой версии также вызывает большие сомнения: едва ли сам Мансур стал бы писать и хранить сведения о своих неблагоприятных поступках и приключениях, которыми богата его история.

Согласно документам, якобы обнаруженным профессором Оттино, под именем шейха Мансура действовал итальянский авантюрист Джованни Батист Боэтти. Он родился 2 июня 1743 года в Монферате и был старшим из сыновей местного нотариуса Эспера Бартелеми Боэтти. Двое других сыновей, рожденные во втором браке, мирно провели свою жизнь на родине. Старший из них Людвиг унаследовал от отца нотариат, младший Карл был землевладельцем в Палаццолю.

Иная судьба досталась Джованни. Мачеха с первого дня невзлюбила мальчика. Она нещадно била его за малейшие детские шалости и настраивала против пасынка отца. Тот вынужден был в угоду жене отправить пятнадцатилетнего Джованни в Турин изучать медицину. Но наука не пришлась юноше по душе. Он убежал из Турина и некоторое время скитался без определенной цели по окрестным городам, но вскоре был задержан за драку и привезен в родительский дом. Получив основательную взбучку, Джованни вновь вернулся в Турин, но и на этот раз пробыл в школе недолго.

Боэтти ушел в Милан и завербовался в полк солдатом. Но через два месяца военная служба ему опротивела не меньше врачебной науки. Он бежал из полка сначала в Крему, а затем в соседнюю Богемию. В конце 1760 года молодой итальянец появился в Праге, где попытался выдать себя за отпрыска знатной семьи, спасающегося от злой мачехи.

Романтические истории красивого юноши тревожили женские сердца. Он без труда находил покровительниц, а через них и средства для безбедного существования. Но это не могло продолжаться бесконечно. Один из его романов с молодой богатой вдовушкой закончился изгнанием из города. По такой же причине Боэтти был вынужден покинуть и Страсбург. Он направляется в Рим, но, будучи ограбленным в пути, с видом кающегося грешника вновь вернулся

под родительский кров.

В Монферате Джованни прожил два года. Там он присмотрел себе богатую невесту и добился согласия ее родителей на брак. Случись этот брак, и наш герой превратился бы в обычного незаметного буржуа. Но жизнь распорядилась иначе. Мачеха имела виды на избранницу пасынка для своего любимого сына Людвигу. Однажды, когда Джованни поздно вечером возвращался от невесты, его встретили ружейным выстрелом из окна родительского дома. Он уцелел чудом, провел ночь в заброшенном сарае, а утром ушел в Геную. Оттуда Боэтти перебрался в Рим. Что делал молодой человек в «Вечном городе» неизвестно. Но 25 июля 1763 года он дал обет Лоретской Божией Матери начать праведную жизнь и поступил послушником в доминиканский монастырь в Ревенне.

Через год Джованни Боэтти был пострижен и отправлен в Феррару для окончания богословского образования. После кратковременного увлечения Саваноролой и его реформаторской деятельностью, все мечты молодого человека сосредоточились на одной цели – на сказочных странах Востока. Пятилетним безукоризненным поведением и благочестием ему удалось добиться назначения миссионером в Моссул, древнюю Ниневию.

Путь в Моссул оказался длинным, трудным и полным приключений. Началось с того, что в Венеции Боэтти был арестован полицией и посажен в тюрьму за излишнюю проповедническую ревность, направленную на девиц легкого поведения. Проповедь окончилась дракой, которую девицы объяснили нежеланием монаха заплатить им деньги. Власти предложили Боэтти убраться из города и побережь свое миссионерское усердие для восточных стран.

В начале 1770 года Джованни добрался до Кипра. В течение двухмесячного там пребывания он выучился говорить по-гречески. Затем при содействии французского консула переправился в Латакию. Но в день прибытия познакомился с турецкой тюрьмой, куда его посадили по обвинению в хулиганских речах о Магомете.

Спасшись каким-то чудом от того, чтобы быть посаженным на кол, миссионер пристал к каравану, шедшему в Алеппо. Там он пробыл шесть месяцев в монастыре францисканцев, изучая арабский язык и, между делом, проповедуя в церкви и исповедуя кающихся грешников, особенно грешниц. Его успехи у последних не понравились отцам францисканцам. Они донесли начальству о неблагоприятных отношениях молодого доминиканца к богатой вдове-гречанке. Ответом на донос, который Боэтти называет в своих мемуарах клеветой, был приказ миссионеру немедленно следовать к месту назначения. Впрочем, отец Джованни признается, что «вдова на прощание одарила его богатыми подарками».

В дальнейший путь Боэтти отправился в светской одежде. Он благополучно достиг Евфрата, где в городе Бирте едва не стал жертвой медицинской практики. Местный паша, узнав, что в караване есть европеец, и решив, что всякий европеец непременно врач, потребовал Боэтти к больной дочери. Девушка влюбилась в «медика», которому и предложено было тотчас же вступить с нею в брак, принявши магометанство. Отказ Боэтти от столь высокой чести привел его в тюрьму. Оттуда он умудрился бежать на лучшем арабском скакуне с конюшни чадолюбивого паши. Лишь после этого он добрался до Моссула.

Настоятель миссии, отец Ланца, принял его очень плохо. Вскоре отправившись в Рим, он и там постоянно вредил своему бывшему помощнику. С отъездом отца Ланца несчастный Боэтти вынужден был опять приняться за медицину, но неудачно. Один из пациентов – человек, близкий паше, умер. Врача заподозрили в отравлении. По особенной снисходительности паши дали ему всего пятьдесят палочных ударов по пяткам и выгнали из города. Боэтти укрылся в Амадии (в Курдистане), и опять началась для него бродячая жизнь, полная тревог, приключений и опасностей.

Некоторое время спустя Боэтти появился в Орфе и по сговору с местным пашой установил свой контроль над всеми христианскими храмами города. Он сходитя с яковитами, мирит их с католиками и по выбору тех и других избирается епископом объединенной церкви.

Рим не мог вытерпеть такого своеволия. По требованию папы султан лишил орфского пашу его места и направил в ссылку. Боэтти был вынужден скрыться. Его преследовала турецкая полиция и «великое отлучение» Рима, требовавшее «заковать отступника, еретика и схизматика и отослать его для наказания в монастырь в Ферраре».

Спасаясь от кары, Боэтти сбросил монашескую одежду и растворился в многолюдном

Константинополе. Там он под именем доктора Пафли открыл аптекарскую лавку и кабинет для консультаций. Дела пошли успешно. Полечивая, он выучился турецкому и персидскому языкам и успел сколотить порядочное состояние. Но вновь подвели женщины. Одна признательная пациентка, жена камергера султана Мустафы, предложила ему свою любовь и все драгоценности. От любви врач уклонился, а драгоценности взял и скрылся из города.

После этого Джованни Ботти, по-видимому, окончательно убедился, что ему нечего ждать пощады от Рима и чего бы то ни было от духовной карьеры. В своих скитаниях по Востоку он верно определил характер и настроение мусульманского населения этих стран, готового слепо идти за всяким человеком, который сумеет расшевелить его и поднять во имя Аллаха. Итальянец решил не упускать свой шанс. Но, прежде чем начинать опасное предприятие, следовало основательно подготовиться.

Из Константинополя Ботти отправляется в длительное путешествие по северо-восточным провинциям Османской империи. Он посетил Трапезунд, Эрзерум, Карс, Ахалцых, Ардаган, Поти и Тифлис и другие города Кавказа, познакомился с культурой и обычаями горцев. Туринский исследователь утверждает, что в ходе этого путешествия у бывшего монаха возникла идея покорения Кавказа, которой он посвятил всю свою последующую жизнь...

Однажды в курдистанский город Амадия на праздник Рамадана, появился новый посланец Пророка. Щеголевато и эффектно одетый в белое, с зеленою чалмою на голове (цвет, который в праве носить лишь потомки Магомета), пришелец сразу обратил на себя внимание всего правоверного населения города как своею выдающеюся, красивою и величественною фигурою, так и необыкновенным благочестием и молитвенною экзальтацией. Ранним утром, прежде чем голос муэдзинов раздастся с минаретов мечетей, его уже можно было видеть на площади. Коленопреклоненный на разостланном плаще, незнакомец простирает руки в сторону священной Мекки и громко взывал к Аллаху и пророку о пощаде заблудшим грешникам, забывшим учение Магомета. Толпы народа сходились смотреть на богомольца. Раз проезжающий мимо местный шейх остановил коня и обратился к чужестранцу с вопросом:

– Кто ты, что так горячо молишься о прощении грешников?

– Я – посланник Магомета. Пророк видит, что правоверные отступили от закона, данного им в святой книге. Он послал меня возвестить сынам Ислама, что их ждут страшные кары, если они не покаются и не возвратятся на путь истинный.

Этот разговор слышали многие, и рассказы о чудесном посланнике Аллаха быстро разнеслись по городу, во много раз увеличив его популярность. Отныне на него не только приходили посмотреть люди, но стали также внимательно слушать и его речи. Нередко среди толпы бедняков появлялись именитые горожане, иногда его приглашали в богатые дома.

Проповедник понимал, что одними речами добиться значительных успехов невозможно. С самого начала он рассчитывал главным образом на военную силу. Авантюристов, стать под его знамена, было достаточно. Но для их вооружения требовалось оружие. Последнее было закуплено в Синопе и тайно доставлено в Амадин четверьмя иностранцами: персианином Табет-Хабибом, французом Клеопом Гавено, неаполитанцем Камило Рутиглини и немецким евреем Самуилом Гольденбергом. Позже эти люди возглавили четыре первых вооруженных отряда общей численностью 96 человек, во главе которых 20 апреля 1784 года посланец Пророка двинулся завоевывать мусульманский мир.

На первом же переходе в селе Заку пришелец собрал жителей, объявил им о своем божественном посланничестве и изложил догматы нового учения. Признавшие в нем посланца Пророка были немедленно зачислены в ряды войска, а оказавшиеся неверующими и упорствующими – поголовно вырезаны. Тем же упрощенным способом были «просвещены» светом новой религии жители еще нескольких селений и городков Курдистана. Способ оказался настолько убедительным, что к укрепленному городку Битлису наш герой подступил уже во главе армии численностью несколько тысяч человек.

В Битлисе было около 20 тысяч жителей. Местный паша вооружил обывателей и поручил им защиту укреплений, а сам с 500 солдатами регулярной турецкой армии засел в цитадели. Плохо дисциплинированные, но фанатизированные толпы нападающих ворвались в город и взяли приступом цитадель. В назидание другим победитель приказал посадить на колья пашу, его офицеров и нескольких нотаблей города. Сам же город предоставил на разграбление своей орде в

течение трех дней.

Трагедия Битлиса быстро стала известна в окрестных городах, проняв их население ужасом. Ага, начальствовавший в Муссе, сдался без сопротивления. Пришелец вступил в город среди распростертого ниц населения, ободрил обывателей, преподал им свое благословение и потребовал провианта для армии. Вся молодежь до тридцатилетнего возраста включительно была зачислена в ее ряды. Слава посланца Пророка и рассказы о том, как он расправляется с закоснелыми грешниками и неверующими, пронеслись по всему Курдистану. Они нагнали такой ужас, что вся страна беспрекословно покорилась новому повелителю правоверных.

Укрепившись в Курдистане, мятежники решили овладеть Эрзерумом и в нем основать свою резиденцию. Но прежде, чем двинуться на эту сильную крепость, отряды направились на север мимо озера Ван, овладели несколькими населенными пунктами и подошли к Ахалцыху.

При населении 30 тысяч человек, с пятитысячным гарнизоном регулярных турецких войск и с сильной артиллерией, Ахалцых мог считаться в то время первоклассной крепостью. Паша отказался сдать город. После десятидневной, более или менее правильной осады с траншеями и апрошами, посланец Пророка повел свои скопища на штурм, и город был взят. Его постигла та же участь, какой подвергся ранее Битлис. Паша и офицеры были посажены на колья, правоверные обыватели завербованы в армию победителя, непокорные избиты, а город разграблен и сожжен. На дымящихся развалинах фанатизированные толпы провозгласили своего вождя «Мансуром», то есть «победителем», или «победоносцем».

Полчища завоевателя быстро возрастали. К ним примкнули шайки охочих людей из гор и ущелий Кавказа. Мансур, оказавшись во главе 40-тысячной армии, двинулся к Эрзеруму. На этот раз обошлось без сопротивления. Паша, гарнизон и обыватели с чисто азиатским фатализмом подчинились новому пророку. Он пощадил город, взявши с жителей крупную контрибуцию деньгами, провиантом и работою, заставив их исправить и расширить укрепления. Для вооружения Эрзерума были доставлены пушки, взятые в Битлисе и Ахалцыхе.

Из Эрзерума Мансур направил своих сподвижников для закупки оружия, пушек, мортир, снарядов и для приглашения военных инженеров и литейщиков из Франции, Австрии и Англии. Он попытался создать горную артиллерию, разборную и перевозимую на спинах мулов. Затем принялся за реорганизацию своей армии по европейскому образцу. Под его железной рукой нестройные толпы быстро превратились из дикой орды в дисциплинированные полки и эскадроны.

Особое внимание уделялось укреплению воинской дисциплины. Средства выбирались весьма жестокие. Так, после штурма Ахалцыха Мансур подозвал к себе одного из отрядных командиров, кротко улыбаясь, сделал выговор за неточное исполнение какого-то распоряжения и тут же приказал его повесить. В следующий раз он так же спокойно застрелил из пистолета другого слушника и собственноручно отрубил ятаганом голову третьему.

Характеризуя Мансура, один из дипломатов писал из Константинополя туринскому правителю: человек этот одарен необычайною физическою и нравственною силою. Каждый день он утомляет под собою пять или шесть лошадей, а большую часть ночей посвящает работе или внезапным осмотрам лагеря. Ест он шесть раз в день. Из военной добычи он удерживает в свою пользу самых красивых рабынь, но единственно ради того, чтобы избавить их от позорной продажи на базарах, так как сам он строго удаляется от женщин. «Женщины, – говорит он, – существа странные, ненадежные и порочные». Человека он сразу видит всего насквозь и никогда не ошибается. По натуре он очень добр и никак не может быть назван жестоким: но по убеждению и ради примера неумолим с изменниками, слушниками и теми, кто не признает его за пророка».

После взятия Эрзерума, Мансур сделался неограниченным повелителем Курдистана и Армении. Поход на Константинополь мог уже быть совсем не фантастическим предприятием, и Турции грозила серьезная опасность. Стремясь избежать ее, правительство Порты вступило с «пророком» в переговоры. Их содержание осталось неизвестным.

Мансур во главе многотысячной вооруженной толпы двинулся к Карсу и овладел им после шестичасовой бомбардировки. После этого он решил, что с такой силой можно диктовать условия Константинополю. Он издал манифест в котором говорил: Бог сказал мне: «Иди, о пророк Мансур! и возвести всем грешникам, что их ждет быстрое и жестокое наказание: упорствующие в нечисти да погибнут от меча. Возвести всем чудное учение: скажи, чтобы отдали неимущим

часть достояния, мною им данного».

Далее в манифесте говорится об измене Исламу сильных мира сего: пашей, визирей, султана, шейх-уль-ислама в Константинополе и шерифа в Мекке. «Все они должны быть наказаны и власть их уничтожена. А вы, о верные мои! посадите на константинопольский трон правоверного государя».

На этом месте версия профессора Оттино обозначает свое самое слабое место. Совершенно непонятно, как могло случиться, что столь могущественный повелитель, каким стал шейх Мансур после покорения Курдистана и Армении, вдруг оставил завоеванные им земли и народы и с небольшой группой сторонников направился на Северо-Восточный Кавказ? Не исключено, что ратные подвиги на территории Турции и Армении были совершены другими лицами, но затем молва приписала их шейху Мансуру. Но вполне возможно, что он был участником всех описанных событий, правда, в качестве второстепенного лица или даже наблюдателя. Пока что на этот вопрос достоверного ответа нет, и едва ли он вообще появится. Отсюда и возникновение различных легенд о необычных приключениях будущего вождя правоверных.

В то же время нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что во второй половине XVIII века к территории Кавказа проявляли интерес многие государства. Активно работали там агенты Англии, католического Рима, Турции, Персии. Поэтому не исключено, что кому-то из них было поручено разжечь на Северном Кавказе пламя религиозной войны, которое должно было воспрепятствовать дальнейшему продвижению России в этот регион.

Но это только предположения, которым пока нет документальных подтверждений. Поэтому обратимся к фактам. Следуя последней версии в 1784 году Мансур появился в селении Алды в Чечне, где начал активно проповедовать свое учение. Именно оттуда и пошло его новое имя, вошедшее в историю – Шейх-Мансур.

С началом новой российско-чеченской войны в 1994 году, интерес многих исследователей к личности исторических вождей горцев вспыхнул с новой силой, в том числе и в самой России. При этом российские исследователи начали предлагать читателям свои версии, которые также не имели никаких документальных подтверждений, а основывались на слухах или донесениях агентов. Эти исследования затем неоднократно использовались историками в более позднее время для объяснения событий большой исторической давности, а некоторые из них даже получили официальное признание.

Так, в журнале «Вопросы истории» № 2 за 1998 год была опубликована статья А.В. Бирюкова «Российско-чеченские отношения в XVIII – середине XIX века». В этой статье автор утверждает, что Шейх-Мансур был уроженцем чеченского селения Алды и имел настоящее имя Ушурма или Ушурме. Он был беден, а кормился тем, что пас чужой скот. «Родители его приняли мусульманство уже в зрелом возрасте. Переживания прозелита, живущего среди наполовину языческого населения сочеталось в его душе с негодованием при виде быстрого усиления в Чечене «неверных» русских, – утверждает автор. – Под влиянием религиозных видений, содержание которых, кстати, было весьма далеким от ортодоксального мусульманства, он провозгласил себя «Шейх-Мансуром», то есть непобедимым пророком, и заявил, что достаточно ему стать во главе даже самого немногочисленного войска, и оно победит всех неверных – своих язычников или же русских».

Несмотря на столь значительные расхождения исследователей биографии шейха Мансура, его лидерство среди народов Северного Кавказа отрицать не приходится. Воин, прекрасный оратор, он создал учение, понятное его диким соплеменникам и принятое ими. Это учение было довольно простым и заключалось в 24 догматических тезисах. Суть их состояла в следующем:

- 1) Веруйте в Бога и поклоняйтесь ему в духе. Всякие внешние обряды противны Богу.
- 2) Бог един и неделим. Троицы нет.
- 3) Христос был святой и праведный человек, такой же пророк, как я.
- 4) Добрых ждет награда, злых кара, но кара временная, вечной кары нет.
- 5) Молитва благодарности Всемогущему есть нечестие.
- 6) Все люди, какую бы веру они ни исповедовали, спасутся, если они исполняют закон своей веры.
- 7) Райское блаженство есть жизнь вечная, в которой нет ни зла, ни печали.
- 8) Мир был создан, но конца ему не будет.

- 9) Государи и властители представляют Бога на земле, если они таковы, какими должны быть.
- 10) Прелюбоддеяние – великое преступление.
- 11) Слостолюбие не грех.
- 12) Убийство – грех, караемый судом людским и Божьим.
- 13) Кровосмешение не грех, ибо оно не противно законам природы.
- 14) Кража грех, если она совершена не по крайней нужде.
- 15) Крещение и обрезание – смешные обряды.
- 16) Всякие обеты во всех религиях безумны и достойны кары.
- 17) Римский папа, шейх уль ислам в Константинополе, шериф Мекки – величайшие обманщики и шарлатаны.
- 18) Самоубийство дозвоительно в некоторых случаях.
- 19) Неисполнение честного слова большой грех.
- 20) Бесчестные, тунеядцы и скупцы должны быть лишены их званий и имуществ и приговорены к тяжелой работе.
- 21) Женщину, уличенную в прелюбоддеянии, следует побить камнями.
- 22) Девушка вольна располагать своим телом, как ей угодно.
- 23) Убийство изменника святое дело.
- 24) Должно любить Бога больше всего в мире, а ближнего – как самого себя.

Проповедник, очевидно, хорошо знал почву, на которой действовал, и ловко перемешивал догматическое учение с предписаниями практически-житейского характера в духе покладистой мусульманской морали. О себе он предпочитал помалкивать. На вопросы, откуда он и кто, высокомерно заявлял: «Никто не знает, кто я, и никто этого не узнает. Тайна останется тайною, враги будут посрамлены. Но для славы Божией я буду являться в мир всякий раз, когда несчастье станет опасным правоверию. Кто за мною пойдет, тот будет спасен: а кто не пойдет за мною, против того я обращу оружие, которое пришлет мне Пророк. Им я накажу нечестивых и обращу неверных».

Проповеди шейха были понятны горцам и всегда собирали большую аудиторию. Вскоре весть о них распространилась по всему краю. Ученость проповедника и логика его рассуждений не вызывали сомнений. К нему шли на суд и за советом, ему верили и повиновались. Прошло совсем немного времени и Шейх-Мансур стал авторитетом, способным объединить разрозненные вековой кровной враждой племена горцев под знаменем общей для всех идеи. И такая идея была найдена. Ею стал призыв борьбы с христианами как врагами Ислама. Вполне понятно, что острие мусульманского меча было направлено прежде всего в сторону России.

В следующем 1785 году проповедником был объявлен большой поход против «неверных». Вскоре под его знамена собралось несколько тысяч горцев, которые, разделившись на отряды, начали систематически нападать на посты и станицы Терской линии. В ряде случаев эти набеги были весьма успешными. Это давало нападавшим большую добычу и умножало их ряды новыми добровольцами.

Беспорядки на линии, связанные с появлением в Чечне воинственного проповедника, заставили П.С. Потемкина принять ответные меры. Желая быстро покончить со смутьянами, он приказал командиру Астраханского пехотного полка полковнику Пиери стремительным рейдом овладеть аулом Алды и захватить или уничтожить Шейх-Мансура в его резиденции. Для решения этой задачи был сформирован отряд, в который, кроме указанного полка, вошли еще два батальона пехоты, конная сотня терских казаков и артиллерийская батарея.

Скрытно приблизившись, 5 июля русские войска внезапно атаковали селение. Но прежде, чем они ворвались на его территорию, Шейх-Мансур, его воины и жители скрылись в густом окрестном лесу, угнав туда скот и бросив на произвол судьбы убогие жилища. Раздосадованный командир отряда приказал сжечь селение и начать отход за Сунжу.

Но горцы не собирались прощать обиды. Дождавшись ночи, они напали на русский отряд и почти полностью уничтожили его. Пиери погиб, а вместе с ним под кинжалами и шашками кавказцев полегли еще 8 офицеров и более 600 нижних чинов. Лишь небольшой группе солдат и офицеров удалось вырваться из губительного леса и вернуться в расположение своих войск. В числе немногих уцелевших в этом бою был ординарец командира отряда унтер-офицер князь Петр

Иванович Багратион – будущий видный российский военачальник. Две пушки, захваченные чеченцами у Пиери, затем были возвращены русским за сто серебряных рублей ввиду отсутствия среди его воинов специалистов в области артиллерии.

Весть о разгроме крупного русского отряда с быстротой молнии облетела горы, и тысячи правоверных устремились под зеленые знамена Пророка. Шейх-Мансур, вдохновив их пламенными речами, в двадцатых числах июля повел в наступление на Кизляр. На пути к городу горцы встретили сопротивление небольшого гарнизона Карчинского редута и жестоко расправились с его защитниками.

Осада и штурм Карчинского редута потребовали некоторого времени. Эта пауза была умело использована русским командованием. Навстречу врагу из Кизляра вышли казаки, которые умелыми маневренными действиями втянули горцев в заранее подготовленную засаду. Попав под перекрестный ружейно-артиллерийский огонь и понеся огромные потери, те в беспорядке отступили за Терек.

Неудача под Кизляром не охладила воинственного Шейх-Мансура. Некоторое время спустя он появился в Кабарде где начал активно вербовать сторонников. 29 июля во главе нескольких тысяч воинов Шейх-Мансур внезапно напал на редут Григориополис, где находился пехотный батальон под командой подполковника Вреде. Завязалась жестокая ружейная перестрелка. Горцы, прекрасно владевшие оружием и умело маскировавшиеся на местности, выводили из строя одного защитника за другим. Артиллерия же в условиях большого рассеивания противника на местности оказалась совершенно не эффективной.

Командир батальона, стремясь прекратить бессмысленную перестрелку, решился на хитрость. Он приказал зарядить орудия картечью и выпустить за ворота редута полтора десятка овец и коз. Хитрость удалась. Увидев животных, кавказцы покинули свои позиции и бросились их ловить на открытой местности. Когда скот и охотники сбились в кучу, был дан артиллерийский залп. Несколько десятков человек остались лежать на месте. Прием был повторен некоторое время спустя и примерно с тем же результатом. Три десятка голов скота стоили нападавшим более сотни человеческих жизней.

С наступлением ночи Шейх-Мансур приказал поджечь постройки, находившиеся на подступах к редуту, и повел своих джигитов в атаку. В восточной части укрепления завязался ожесточенный бой. Тем временем Вреде, собрав две сотни добровольцев из солдат и казаков, скрытно вышел с другой стороны редута и внезапно ударил по противнику с тыла. Контратака русских была столь неожиданной и сильной, что вызвала панику в рядах штурмующих. Оставив на поле боя сотни убитых и раненых, мусульмане бросились врассыпную. К утру в окрестностях Григориополиса не осталось ни одного их отряда.

Пока Шейх-Мансур сражался в Кабарде, его сторонники собирали силы в Западной Чечне и Дагестане. 20 августа 12-тысячное скопище горцев, возглавляемое воинственным проповедником, переправившись через Терек, вновь подошло к Кизляру. Разорив окрестности и дождавшись наступления сумерек, когда падала эффективность артиллерийского огня, они начали штурм крепости. Он продолжался до утра. Пять раз кавказцы бросались на крепостные стены и отступали, понеся большие потери.

Шейх-Мансур, потеряв надежду овладеть Кизляром, решил разгромить Томский пехотный полк, занимавший редут в десяти километрах восточнее крепости. Но и там его воины были встречены дружным артиллерийским и ружейным огнем и, понеся большой урон, в беспорядке отошли за Терек.

Ряд неудач навел мусульманского вождя на мысль о необходимости объединения усилий кабардинских, чеченских и дагестанских племен для совместных действий на главном моздокском направлении. В горные аулы направились посланцы с требованием именем Аллаха собраться в конце октября южнее Моздока. На этот призыв откликнулось до 20 тысяч воинов.

П.С. Потемкину от лазутчиков заранее стали известны планы шейха. Он решил упредить противника и навязать ему бой в выгодных для русских войск условиях на подступах к крепости. С этой целью был сформирован отряд из двух полков пехоты, двух эскадронов драгун, Моздокского казачьего полка и трех сотен донских, терских и гребенских казаков общей численностью около 4 тысяч человек. Командование этими силами было поручено полковнику Негелю. Отряду предписывалось выдвинуться в южном направлении и разгромить противника до

завершения сбора всех его сил.

Сражение произошло 30 октября в 20 километрах южнее Моздока. Обе стороны дрались с одинаковым упорством и к исходу дня продолжали удерживать свои позиции. Ночью горцы начали отходить на запад. Русские устремились в погоню и сами попали в ловушку. Перейдя через Терек у селения Татартуба они со всех сторон были атакованы противником. С фронта наступали чеченцы, справа – кабардинцы, слева – тавлинцы, а с тыла заходили кумыки. Начался жестокий бой. Но и на этот раз разрозненные мусульманские отряды не выдержали картечного огня русской артиллерии, дружных залпов и штыковых ударов пехотных частей, действовавших в плотных боевых порядках. Во второй половине дня, оставив на поле боя сотни убитых и раненых, они начали растворяться в лесных массивах. Негель организовал преследование врага кавалерией, которая значительно увеличила потери горцев, захватила множество трофеев, в том числе и пять знамен. С последними генерал П.С. Потемкин поступил довольно необычно. «Знамена их, – писал он своему именитому родственнику князю Г.А. Потемкину-Таврическому, – не нашел я достойными поднести Вашей светлости, а, обругав их при собрании тех кабардинских владельцев, которые у меня находились в стане, через профоса сжечь приказал».

В следующем году Шейх-Мансур перенес свою деятельность на земли черкесов, которые также враждебно относились к россиянам и поддерживали тесные отношения с Турцией. Последняя, готовясь к очередной войне с Россией, заблаговременно подыскивала союзников. В связи с этим в Константинополе проявляли повышенный интерес к мусульманским народам Кавказа и их вождям. Не обошли они своим вниманием и Шейх-Мансура.

Летом 1786 года к шейху был направлен специальный человек, который должен был выяснить, насколько Шейх-Мансур в роли посланника Пророка мог быть полезен Порте в войне с Россией. По возвращении на родину в конце августа того же года посланец сделал доклад, который стал известен русскому послу в Константинополе Якову Ивановичу Булгакову. Основываясь на показаниях агента, посол доносил в Петербург: «Он говорит, что Мансур родом не из Чечни, а пришел из других мест: что он не ученый и не особенно набожен, хотя и не уклоняется никогда от совершения молитв, предписанных законом. Он не говорит или делает вид, что не говорит по-турецки, а беседовал с софтою не иначе, как по-арабски. При нем находятся шесть человек, одетых улемами и оказывающих большое почтение своему наставнику, который, кроме того, имеет отряд в шесть тысяч человек, составленный из людей различных национальностей».

На основании знакомства с шейхом константинопольский агент сделал вывод, что Шейх-Мансур не является посланцем Пророка и что реальная его власть на Северном Кавказе не так уж и велика. Тем не менее на словах шейху была обещана помощь Порты в его борьбе с Россией.

Во время очередной русско-турецкой войны 1787–1791 годов военные действия в основном велись в Бессарабии и на Дунае, где турецкие войска терпели одно поражение за другим. До Кавказского театра Порте практически не было дела. Поэтому ставка Шейх-Мансура на зарубежную помощь не оправдалась. Вся его деятельность в этот период свелась к агитации среди мусульманского населения Северного Кавказа, которое, в лучшем случае, удавалось поднять на набег с целью грабежа казачьих территорий. Такие масштабы не могли удовлетворить честолюбивого проповедника. В 1791 году он вновь обратился с письмом к султану, предлагая ему помощь горцев в войне с Россией. Переговоры по этому вопросу должны были состояться в начале лета в Анапе, куда Шейх-Мансур заблаговременно прибыл с небольшой свитой. Мог ли он знать о том, что эта сильная турецкая крепость станет для него ловушкой?

Таким образом, уже в XVIII веке война на Кавказе начала приобретать религиозный оттенок. Условия Кавказа создали благоприятную почву для появления «пророков», которые сравнительно легко находили себе сторонников, особенно среди горских народов. В результате создаются предпосылки формирования реакционного религиозного течения, направленного против России.

Анапа

В конце декабря 1790 года князь Г.А. Потемкин-Таврический назначил своим приказом нового командующего войсками Кавказского и Кубанского корпусов. Им стал генерал-аншеф

Иван Васильевич Гудович, который прибыл в Георгиевск в конце января 1791 года.

И.В. Гудович считал себя специалистом по взятию турецких крепостей и, прибыв на Кавказ, решил доказать это в очередной раз, овладев Анапой. Но для того, чтобы добраться до этой крепости, расположенной в глубине территории противника, нужно было организовать и провести крупную военную экспедицию.

Подготовку к экспедиции новый командующий начал с укрепления пограничной линии. Он обратил внимание на то, что Кавказская линия, начинавшаяся от берегов Терека, заканчивалась Григориополисским укреплением на Кубани. Остальное пространство вниз по этой реке до самого Черного моря оставалось открытым. И.В. Гудович приказал воздвигнуть там ряд укреплений и редутов вплоть до переправы через Кубань в районе урочища Заны, положив тем самым начало строительству новой Кубанской линии.

Иван Васильевич Гудович (1741–1820), наместник императора на Кавказе (1796–1809)

Для укрепления границы И.В. Гудович предложил от Соленого Брода на реке Малке до устья Лабы создать 12 станиц, поселив в них Волгский, Хоперский и три донских казачьих полка. Но в Петербурге решили иначе, выделив для поселений шесть полков войска Донского. Но донцы, узнав о готовящемся переселении, взбунтовались. Три из шести полков, прогнав начальников и прихватив с собой полковые знамена и бунчуки, самовольно вернулись на Дон, где спровоцировали беспорядки, продолжавшиеся три года. Правительству пришлось направить на Дон армейские части под командой бригадира князя Щербатова.

19 апреля 1791 года, оставив вместо себя начальником на линии генерал-майора Савельева, И.В. Гудович с несколькими полками выступил в поход из Георгиевска. Остальные части прибыли в Темжбек (на реке Кубани), объявленный районом сбора, к 4 мая. В этом укреплении был создан временный сильный гарнизон, а также сосредоточены силы, предназначенные для несения сторожевой службы вниз по Кубани. 9 мая по предстоящему маршруту движения была выслана разведка, а остальные войска выступили несколькими днями позже. Двигались с большой предосторожностью, делая дневки через каждые два дня перехода, устраивая редуты с гарнизонами по 20–40 человек каждый.

18 мая основные силы благополучно достигли Петровского ретраншемент (фортификационное сооружение с внутренней оборонительной оградой). Туда для встречи с русским командующим и с просьбой о подданстве прибыли некоторые местные владельцы. Всем им был оказан теплый прием. Прошения о подданстве также были удовлетворены.

Продолжая поход в прежнем порядке, русские войска достигли Кубани и 25 мая начали

переправу через реку на лодках и одновременное строительство моста. Переправившиеся части располагались на плацдарме в боевом порядке в готовности к отражению внезапного удара противника. Но горцы избегали открытого боя. Зато, воспользовавшись прибылью воды, они пустили по Кубани множество срубленных деревьев, которые разрушили мост и затруднили переправу. Тем не менее к исходу 29 мая весь Кавказский корпус переправился через реку, устроив инженерные укрепления и оставив для их охраны войсковые отряды с артиллерией по обе стороны переправы.

Дальнейший путь пролегал по местности, сильно пересеченной реками, ручьями и болотами. Приходилось ежедневно наводить по несколько мостов и гатей. 5 июня русские достигли Кубанского лимана, где их ждали трехдневный отдых и отряд войск, присланный туда из Таврического корпуса генерал-аншефа М.В. Каховского. Здесь был создан вагенбург (особый строй обозов в виде каре на случай нападения противника), после чего основные силы продолжили движение.

Первая стычка с неприятелем произошла 9 июня 1791 года на реке Нарпсухо, где черкесы и турки заблаговременно заняли позицию, рассчитывая задержать русских на подступах к крепости. Но после непродолжительного боя они отказались от своей затеи и отступили в Анапу. На следующий день к крепости подошли и войска Гудовича. Были заложены две батареи по 10 пушек каждая, которые с утра 14 июня открыли огонь по противнику. Причем одна батарея вела интенсивный обстрел крепости, а вторая – судов, находившихся на рейде. Батареи противника отвечали вяло, практически не чиня вред осаждавшим. В то же время под покровом ночи отряды черкесов то и дело совершали вылазки, которые сильно тревожили русских.

20 июня Гудович направил парламентаря к анапскому коменданту Мустафе-паше с предложением сдаться, обещая за это свободно пропустить гарнизон и жителей со всем их имуществом. Но турки отвергли это предложение. Положение осадных войск было сложным. Им противостоял почти равный по силам гарнизон крепости, в тылу действовали отряды черкесов, постоянно нападавшие на фуражиров. В Черном море появилась неприятельская эскадра. В таких условиях время играло на пользу противника. Гудович решил не откладывать со штурмом, решив провести его в ночное время.

21 июня, собрав военный совет, командующий довел до подчиненных командиров план предстоящего штурма. Главный удар решено было нанести с фронта, где вал был ниже, а рвы не так глубоки, силами четырех колонн. Вспомогательный удар пятой колонны, составленной из частей Таврического корпуса, наносился со стороны моря. Зная, что во время штурма черкесские отряды непременно ударят в спину русским войскам, для охраны тыла также были выделены значительные силы. Всего в сражении принимало участие немногим более 12 тысяч человек, половина из которых предназначалась для действий на направлении главного удара, 1300 – на второстепенном направлении, 4144 человека для обороны тыла и 327 для защиты вагенбурга.

В тот же день, едва стемнело, штурмовые колонны выдвинулись на свои направления. В полночь загрохотали обе батареи. Неприятель, приняв передвижение и огонь русских за демарш, не предпринял ответных мер. Некоторые колонны смогли беспрепятственно приблизиться ко рву и начали его преодолевать. Лишь тогда осажденные разобрались в обстановке и бросились отражать штурм. Завязался жестокий бой, но русская пехота уже была на городских стенах и, истребив их защитников, спускалась в город. Подразделения подполковника Винова захватили средние ворота и опустили мост, по которому в город устремилась спешенная кавалерия. К утру гарнизон Анапы прекратил сопротивление. Более 8 тысяч защитников города были убиты, 13 500 человек «обоего пола» взяты в плен. Трофеями победителей стали 95 артиллерийских орудий, 3 булавы и 130 знамен, а также склады с военным имуществом и продовольствием. Потери русских составили 1238 убитыми и 2472 ранеными.

Награды для победителей были весьма щедры. Гудович получил орден Св. Георгия 2-й степени, а также шпагу, украшенную алмазами и изумрудами в виде лаврового венка. Четыре старших начальника удостоились ордена Св. Георгия 3-й степени, 6 человек – этого же ордена 4-й степени, еще 4 получили золотые шпаги, ряд офицеров стали кавалерами ордена Св. Владимира 3-й и 4-й степеней. «Остальные получили одобрительные листы, что не умаляет заслуг особенно отличившихся, так как одни из них уже были георгиевскими или владимирскими кавалерами, а другие, находясь в малых чинах, имели впереди много возможностей для дальнейших отличий и

наград. Всем же вообще участникам знаменитого штурма было объявлено в высочайшем рескрипте на имя генерал-аншефа Гудовича монаршее благоволение».

В числе немногочисленных плененных защитников оказался и Шейх-Мансур. С четырьмя своими сподвижниками он был отправлен в Петербург, а затем сослан пожизненно в Соловецкий монастырь, где и умер в 1798 году. Последнее его письмо, обнаруженное в архивах профессором Оттино, было помечено «Соловец, 15 сентября 1798 года» и подписано «Джованни Батист Бозетти, проповедник».

Чеченские сподвижники Шейх-Мансура Хаджи-Гасан, Чагелезгин-Сулейман и едишкулец Пендже-Али были сопровождены в Симферополь к генерал-аншефу М.В. Каховскому. Там было по их делу проведено следствие, «так как по сделанным допросам они не признались и не обличены ни в каком злом умысле, то Ее Императорское Величество, следуя всегдашнему ее в подобных случаях правилу – лучше даровать прощение преступнику, нежели наказать невинного, высочайше повелеть соизволила водворить их в Тавриде между людьми испытанной верности и, отыскав, доставить женатым их жен и детей».

После взятия Анапы русские войска некоторое время оставались в лагере, расположенном в окрестностях города. Вскоре Гудовичу стало известно, что противник без боя оставил крепость Суджук-кале. Направленные туда казаки подтвердили это. Они нашли крепость пустой и сожженной с 30 брошенными на валах орудиями. Заклепав пушки и сбросив их в море, русские оставили эту крепость и вернулись в главный лагерь.

4 июля 1791 года на рейде Анапы показался турецкий флот, состоявший из 52 судов. Но, убедившись, что крепость пала, флот ушел в открытое море. Но русское правительство и высшее командование видимо плохо знали обстановку. Из Петербурга поступило указание уничтожить Анапскую крепость. Следуя ему, Гудович приказал срыть укрепления до основания, а сам город предать огню. 11 июля русские войска начали обратное движение и спустя два месяца вернулись на свою территорию. После этого Кубанский корпус по приказу Г.А. Потемкина-Таврического был переведен в Екатеринославскую губернию и передан в состав армии генерал-аншефа Каховского.

После покорения Анапы Гудович занялся внутренними делами в подчиненном ему крае. 7 ноября он представил императрице всеподданнейший отчет, в котором достаточно четко оценил политическое состояние края и проживающих на его территории народов.

В середине января 1792 года от кавказского командующего в Петербург было доставлено донесение, в котором он излагал свои мысли об учреждении линии на Северном Кавказе после заключения мира с Турцией. В нем он подробно описал наличие и состояние всех крепостей, укреплений, редутов и селений, имевшихся на линии от Черного моря до Каспийского. Сделав оценку всем оборонительным сооружениям, Гудович, с учетом проводимой Россией на Кавказе военной политики, предложил некоторые из них упразднить, а другие усилить.

В конце февраля 1792 года последовал указ, согласно которому войска Кавказского корпуса стали подчиняться непосредственно Военной коллегии, а спустя два дня – об усилении Терской линии. В связи с последним Кубанский корпус вновь был возвращен в подчинение Гудовичу.

С целью быстрого обустройства линии в июне 1792 года Гудович также был назначен вместо П.С. Потемкина кавказским генерал-губернатором, впервые совместив военное и гражданское управление всем подчиненным России краем.

В том же году Гудович вышел к правительству с предложением: «Дабы сделать границу на Кубани надежной, чтобы она сама населением была защищаема, то перевести оттуда (с Дона) три полка казаков, которых поселить вниз по Кубани от крепости Прочного Окопа до устья Лабы».

Императрица одобрила это предложение и приказала атаману Иловайскому населить 12 станиц донскими казаками, выслав для этого три тысячи семей с Дона. В это время на Кубани находилось шесть донских полков, заканчивавших трехлетний срок службы на линии. Было решено их оставить на месте, переселив к ним семьи.

Казаки заволновались. Три полка без начальников покинули Кавказ, прибыли в Новочеркасск и потребовали от атамана объяснений. Иловайский выехал в Петербург и убедил Екатерину отменить приказ. После этого мятежные полки вернулись на линию для окончания срока службы.

В августе на Дон из Петербурга пришла новая грамота с требованием выслать на линию три тысячи семейств, но уже по решению войскового командования. Иловыйский потребовал от каждой станицы выделить определенное количество семей по выбору станичных сборов. Так в число переселенцев попало 800 семей малороссиян, приписанных в казаки. Некоторые станицы вообще отказались выполнять приказ атамана и начали укрепляться. Для усмирения непокорных на Дон были введены регулярные войска. Только с их помощью удалось к концу года выселить на Кубань тысячу семейств, которые образовали Линейное войско в нижнем течении этой реки, примкнув его правым флангом к Черноморскому казачьему войску.

Определенное внимание было обращено и на Каспийскую эскадру. Она состояла из 9 судов со 108 пушками. Но исправными были только три судна, которые постоянно несли службу у персидских берегов. На их командиров была возложена задача «доставлять по команде сведения обо всех явлениях, происходящих в мусульманских провинциях и в особенности в Персии». Для этого корабли направлялись в персидские порты, где становились на рейд «для охраны русских подданных купцов», но реально – для ведения разведки. Так, в конце декабря 1791 года в порт Энзели прибыл фрегат «Астрахань», приведя за собой два пушечных бота с командами Кавказского и Нижегородского мушкетерских полков.

По сведениям, поступившим от командира фрегата капитан-лейтенанта Аклечева, центральная власть на территории Персии и в вассальных ей землях Восточного Кавказа была сильно ослаблена. Власть в стране принадлежала двум правителям: Ага-Магомет-хан-сардар владел лишь средней частью персидского государства, называемой Ираном. Остальная территория принадлежала Лютф-Али-хану. Номинально подвластный Персии дагестанский владелец-шамхал не подчинялся ни одному из этих ханов. Карабах и разделенный на части Ширван также имели своих правителей. Следовательно, рассчитывать на единство действий всех этих правителей в случае войны не приходилось. Более того, раздираемые противоречиями, они легко могли стать врагами и начать служить тому, кто окажется сильнее.

Каспийский поход графа В.А. Зубова

В начале 80-х годов XVIII века персидский шах Али-Мурад повел откровенно-агрессивную политику против грузинского царя Ираклия II. Грузинский правитель, оказавшись один на один перед лицом грозного врага, обратился за помощью к российской императрице Екатерине II. 5 августа 1783 года в крепости Георгиевск (ныне город Георгиевск на юге Ставропольского края) был подписан трактат. В соответствии с этим документом Россия принимала под свое покровительство Картли-Кахетинское царство (Восточную Грузию), гарантируя ему защиту и автономию.

15 октября 1783 года два русских пехотных батальона с четырьмя полевыми орудиями под командованием генерал-поручика П.С. Потемкина (родственника светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического) вступили в город Тифлис. На пути следования отряда была заложена крепость Владикавказ, которая впоследствии цепью полевых укреплений была связана с крепостью Моздок. Кроме того, в результате движения отряда было положено начало первой дороге через Главный Кавказский хребет. Древняя караванная тропа через Дарьяльское ущелье была преобразована в подобие дороги, по которой могли двигаться не только отдельные всадники, но и телеги с имуществом, орудия. Так было положено начало строительства будущей Военно-Грузинской дороги, которая на многие столетия стала главной артерией для подпитки Грузии сырьем и товарами первой необходимости с территории России.

Приход русских войск в Тифлис, а также известие о подписании Георгиевского трактата между Грузией и Россией заставили персидского шаха отказаться от агрессии. Цель демонстративной экспедиции была достигнута. В феврале 1784 года русский отряд покинул Восточную Грузию и вернулся на старую пограничную линию.

Постаревшая Екатерина Великая в последние годы долгого 34-летнего царствования, испытав радость многих побед в Европе, вновь обратила свои взоры к Кавказу.

В начале 90-х годов власть в Персии поменялась. В результате внутренней междоусобицы на престол взошел воинственный Ага-Магомед-хан из тюркского племени Каджаров, основавший новую династию, которая будет править до начала XX века. Он решил продолжить агрессию

против Грузии.

В 1795 году огромная армия персов, вобрав по пути следования отряды многих ханов Северного и Южного Азербайджана, появилась под стенами Тифлиса. Небольшое войско грузинского царя было разбито, а город разорен. Затем была разорена вся Восточная Грузия.

Валериан Александрович Зубов (1771–1804), командующий русскими войсками на Кавказе (1796–1797), генерал-аншеф

Весть о нападении персов и разорении Грузии вызвала недовольство Петербурга. Георгиевский трактат был нарушен. Русские власти начали срочно собирать силы для похода в Закавказье. Но на этот раз было решено действовать не с территории Грузии, основательно опустошенной персами, а вдоль побережья Каспийского моря. Таким образом, императрица Екатерина Великая решила довершить дело, некогда начатое Петром Великим и опять установить российский контроль за кратчайшим торговым путем в Персию, Индию и на Ближний Восток. Было решено силой оружия овладеть приморскими районами Дагестана, городами Дербент и Баку, уже затем идти на Тифлис.

Встал вопрос о том, кому поручить столь ответственное дело? Казалось бы, лучшего военачальника и знатока края, чем И.В. Гудович не сыскать. К тому времени Иван Васильевич сделал немало. Его стараниями Кубанская и Терская линии были усилены несколькими новыми станицами-крепостями, пространство между которыми контролировалось казачьими разъездами. Благоклонности Гудовича добивались многие вожди горских племен, в том числе и крупный владетель дагестанский шамхал Тарковский. Заслуги генерала были высоко оценены в Петербурге. В 1793 году он был награжден орденом Св. Андрея Первозванного, а три года спустя получил 1800 душ в Подольской губернии.

Однако Екатерина II распорядилась иначе. Главное командование экспедиционным корпусом и Каспийской военной флотилией было поручено брату ее фаворита 24-летнему графу В.А. Зубову, который по этому случаю был произведен в генерал-аншефы. Безусловно, такая крупная операция этому молодому человеку, не имевшему должного опыта военачальника, была не по плечу. Поэтому с ним в поход были направлены такие опытные генералы, как П.Д. Цицианов, А.М. Римский-Корсаков, Л.П. Беннигсен, граф С.С. Апраксин.

К исходу марта 1796 года войска, предназначенные для похода, собрались в Моздоке. От Ставрополя подошли Нижегородский и Астраханский драгунские, Хоперский казачий полки, на Тереке готовилось к походу местное казачество. В начале апреля В.А. Зубов прибыл в Кизляр, где его уже ждал генерал-аншеф Гудович, которому надлежало с отрядом в 8 тысяч человек проследовать по Военно-Грузинской дороге на Тифлис. В Закавказье войска Гудовича и Зубова должны были встретиться. Было согласовано взаимодействие с Каспийской военной флотилией, которой надлежало обеспечивать войска с астраханских складов всем необходимым.

Павел Дмитриевич Цицианов (1754–1806), главнокомандующий в Грузии (1802–1806)

Операция началась достаточно успешно. 8 апреля русские войска начали переправляться через Терек, занимая плацдарм на его южном берегу. Прибыв в корпус 13 апреля, В.А. Зубов разделил его на две пехотные (генералы Булгаков и Римский-Корсаков) и две кавалерийские (генералы Беннигсен и Апраксин) бригады. Вся иррегулярная казачья конница была подчинена генералу Платову.

25 апреля русские войска из Кизляра прибыли в Тарки. Неделью спустя их передовые части достигли Дербента, являвшегося столицей одноименного ханства, правитель которого был вассалом персидского шаха. Город с крепкой цитаделью и мощными стенами в самом узком месте занимал прибрежную полосу, упирався стенами в море и горы.

Русские пытались договориться с дербентским правителем, но 18-летний Шейх-Али-хан ничего не хотел слушать. Но на подступах к городу передовые отряды генерала И.Д. Савельева были обстреляны со стен крепостной артиллерией, а также отрядами местных наездников и стрелков, засевших в горах и оврагах.

Основные силы русских войск медленно приближались к Дербенту. Местные дагестанские племена препятствий не чинили. Более того, многие владельцы изъявляли покорность и присылали заложников. Крепость была обойдена с юга, в то время, как основные силы приблизились к ней с севера. 2 мая, после трехчасового боя на подступах, горцы организованно ушли в крепость, а русские приблизились к ее стенам.

Вспомнив, видимо, штурм Измаила, Зубов решил взять Дербент с ходу. По его приказу в ночь на 3 мая отряд генерала Римского-Корсакова попытался овладеть передовой башней крепости. Атака не достигла цели. Русские войска были остановлены огнем артиллерии и отступили, понеся большие потери. Стало ясно, что взятие Дербента требует более серьезной подготовки.

Город был обложен со всех сторон, а напротив передовой башни установлены две батареи, открывшие огонь на разрушение. 7 мая, в результате решительного штурма отчаянное сопротивление противника в передовой башне было сломлено. На следующий день батареи были установлены против главного дербентского замка Нарын-Кале, и начали его интенсивный обстрел. В городе возникли пожары, среди населения появились убитые и раненые. Спустя два дня, 10 мая 1796 года, Дербент капитулировал. Шейх-Али-хан с повешенной на шею саблей в сопровождении большой свиты вельмож вышел навстречу победителю. Его взятие стоило русским войскам 11 офицеров и 107 нижних чинов. В городе было захвачено 28 орудий, 5 знамен, 11 тысяч единиц различного огнестрельного и холодного оружия.

После взятия Дербента Шейх-Али-хан был оставлен в русском лагере в качестве почетного пленника. Вскоре, пользуясь предоставленной свободой передвижения, он бежал в горы, где начал поднимать подданных на борьбу с русскими.

Пока войска были заняты штурмом Дербента отряд казикумыхцев, скрытно спустившись с гор, внезапно напали на сосредоточенные в тылу русских войск обозы и разгромили их. В отместку Зубов позволил разграбить город, что было проделано с большим усердием. Особенно старались казаки, седельные сумки которых быстро наполнились различным добром.

Взятие Дербента в Петербурге восприняли, как большую победу. Командир корпуса В.А. Зубов за Дербент указом императрицы был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени, алмазными знаками к ордену Св. Андрея Первозванного и бриллиантовым пером на шляпу, бриллиантовые знаки к ордену Св. Андрея Первозванного. Все генералы, участвующие в этом деле, получили Анненские ленты (орден Св. Анны 1-й степени).

Генерал В.А. Зубов не стал долго задерживаться в Дербенте. В течение мая и июня его войска овладели крепостями Куба и Баку. 3 июля отряды генералов Булгакова и Платова с боем заняли селение Черек. 13 декабря отдельный отряд генерала Римского-Корсакова после продолжительной осады приступом взял Ганджу.

Таким образом, в результате активных наступательных действий к концу 1796 года значительная часть Каспийского побережья оказалась под контролем российских войск. Их отряды находились в ханствах Дербентском, Бакинском, Казикумыхском, Ширванском, Карабахском, Шекинском и Ганджийском. Казачьи разъезды контролировали основные переправы через Куру и безнаказанно появлялись на ее южный берег, продвигаясь глубоко на территорию Персии. Однако сил и, главное, условий для закрепления достигнутого успеха у Зубова не было.

6 ноября 1796 года скончалась Екатерина Великая. Ее уход из жизни обозначил резкое изменение всей внешней политики Российского государства, в том числе и в отношении Кавказа. На российский престол вступил 42-летний Павел Петрович, который с детства недолго любил мать, был противником ее политики и ненавистником фаворитов. Уже в середине декабря все полковые командиры, минуя командующего, получили именные приказы о возвращении. Опальный генерал-аншеф, несмотря на такое оскорбление, взял все руководство отходом на себя.

Позже император Павел не только отстранил от государственных дел Платона Зубова, но также приказал начать следствие по деятельности его брата на Кавказе. При этом за основу был взят донос, написанный на Валериана Александровича его главным конкурентом Гудовичем. В нем генерал, раздосадованный победами Зубова и обиженный недоверием к нему покойной императрицы, сделал все возможное, чтобы кавказские события в Петербурге представлялись в черном свете. Масло в огонь подлил случай уничтожения полутысячного отряда подполковника Бакунина казикумыхцами у селения Алпаны 1 октября 1796 года.

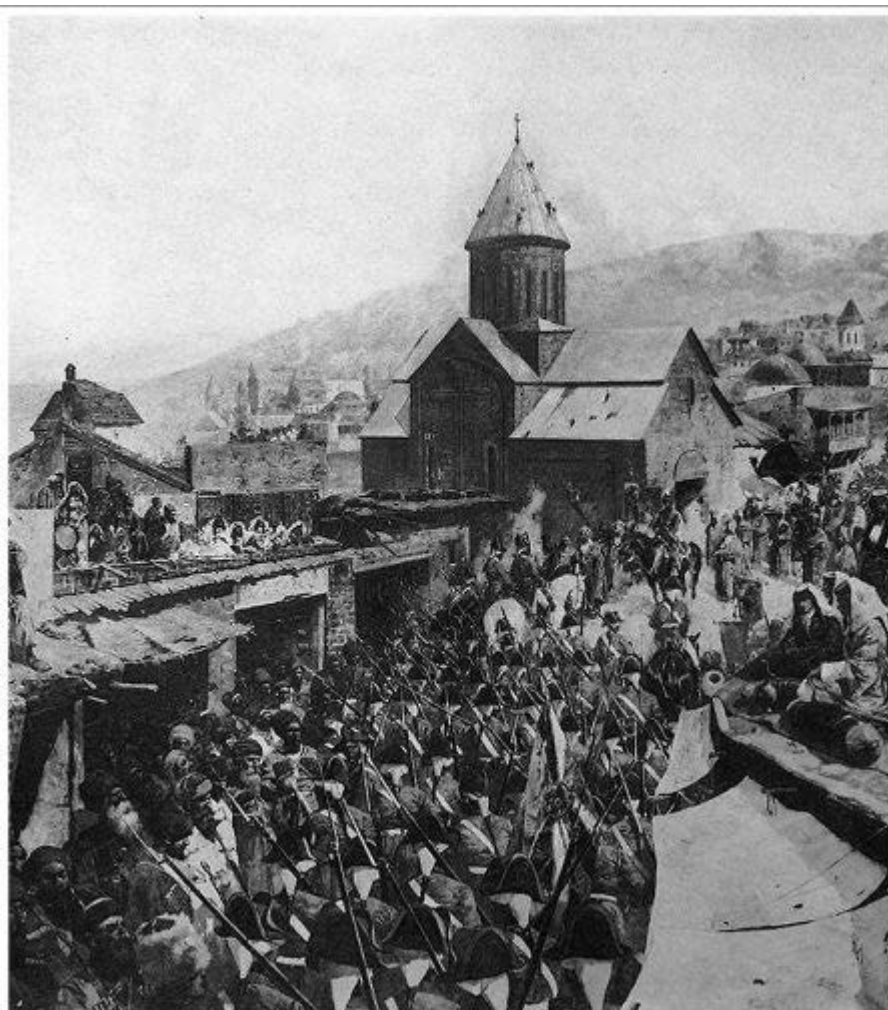
На основании доноса в начале следующего года Павел приказал послать на Кавказ специальную комиссию. Вполне понятно, что ее оценки были преимущественно негативные, в том числе и в отношении дальнейшего пребывания российских войск на побережье Каспия. Опираясь на выводы комиссии в том же году Павел I отозвал войска с Юго-Восточного Кавказа. Зубов был уволен с военной службы и подвергся опале. В 1804 году он умер в Москве от «водяной болезни» в возрасте 33 лет.

Уход русских с закавказских ханств был использован их противником. Персидский Ага-Магомед-хан двинулся в Закавказье во главе 60-тысячной конной орды. Перейдя Аракс, он сумел захватить крепость Шушу и вступил в Ширвинское ханство. Несчастной Грузии вновь было суждено оказаться под ударом персидских полчищ.

Но все изменил случай. Шах, будучи разбуженным ночью ссорой невольников, приказал утром их умертвить. Но те, как позже выяснилось, имели сильных покровителей. Подкупив охрану, они смогли уйти из-под стражи и, не дожидаясь рассвета, сами напали на шаха и зарезали его. После гибели хана Ага-Магомеда в Персии началась традиционная междоусобная резня, в свете которой кавказские проблемы на некоторое время отошли на второй план.

Глава 4 На рубеже тревожного XIX века

Присоединение Грузии

Между тем обстановка на Кавказе начала складываться в пользу России. В середине января 1798 года умер грузинский царь Ираклий II и на престол вступил Георгий XII. Положение страны было катастрофическое. Уже несколько лет свирепствовали чума и голод. Шайки турецких разбойников из Ахалциха и лезгин из Дагестана то и дело разоряли грузинские города и села. К очередному вторжению готовилась Персия. Внутренние разногласия среди представителей правящего дома не позволяли сплотить силы народа для борьбы с внутренними проблемами и с внешним противником. Поэтому новый грузинский царь счел необходимым обратиться к Павлу I с просьбой принять его страну в подданство России.

Просьба Георгия XII была благосклонно воспринята российским императором. 26 ноября 1799 года небольшой воинский отряд под командованием генерал-майора И.П. Лазарева вошел в Тифлис, тепло встреченный представителями власти и населением. 12 декабря грузинский царь от себя и от имени своего народа в присутствии многих грузинских князей торжественно присягнул на верноподданство России.

Закрепить приобретение оказалось довольно сложно. О появлении русских в Грузии вскоре стало известно в Персии. Шах, воевавший в то время с афганцами, поручил своему сыну и наследнику Аббасу-Мирзе силой оружия изгнать «неверных» из Кавказа. Официальным предлогом для вторжения послужило обращение за помощью грузинского царевича Александра, строившего заговор против венценосного брата. Кроме персов в походе на Тифлис должны были участвовать аварский хан Омар и ахалцихский паша.

Ввиду этой угрозы грузинский царь Георгий в очередной раз обратился за помощью к

России. Командующий генерал Кнорриног направил в Грузию мушкетерский полк генерал-майора Гулякова, который, выступив из Моздока, 23 сентября 1800 года прибыл в Тифлис. Русских торжественно у ворот города встречали царь, вельможи и огромная топа народа. Под пушечные выстрелы и колокольный звон полк вошел в Тифлис.

После прибытия в Тифлис полка Гулякова, в распоряжении царя Георгия находилось 3 тысячи русских войск с восемью полевыми орудиями. Для условий Кавказа это были значительные силы, которые позволяли грузинскому царю и его подданным несколько успокоиться.

Но не успокоились противники Георгия, особенно царевич Александр. Ему удалось уговорить аварского хана Омара на нападение. Это было нетрудно. По воспоминаниям современников, аварский хан был «человек предприимчивый, отважный и храбрый, умевший пользоваться каждым обстоятельством в свою пользу». Собрал 20-тысячное войско, аварский хан двинулся на Грузию. Вскоре к нему присоединился царевич Александр. Было решено войско разделить на три отряда с тем, чтобы атаковать противника одновременно с разных сторон.

Генерал И.П. Лазарев пытался урегулировать инцидент переговорами. Он напомнил хану Омару, что тот еще совсем недавно вел переговоры с русским правительством о принятии его в подданство России. Но, чуя легкую добычу, хан объяснил свои действия против Грузии исключительно тем, что оказывает помощь своему гостю царевичу Александру.

Лазареву пришлось самому решать проблему защиты Грузии. Он уговорил царя не покидать столицу и создать местное ополчение, а сам с небольшим отрядом из 1220 человек при четырех орудиях в конце октября 1800 года выступил из Тифлиса. В населенном пункте Сигнах к нему присоединился царевич Баграт с 3 тысячами грузин при двух орудиях. В начале ноября это объединенное русско-грузинское войско сблизилось с противником в районе реки Иоры.

Лазарев еще раз попытался уговорить аварского хана прекратить агрессию и вернуться в свои владения. Но посланный для переговоров русский офицер был задержан аварцами, а на его послание никакого ответа не последовало. Намерения аварцев не вызывали сомнений.

Сражение состоялось 7 ноября 1800 года на переправе через реку Иору у деревни Кагабет. Русские не только отразили все атаки противника, но и пришли на помощь грузинским ополченцам, вооруженным одними кизилковыми палками, в тыл которым ударил отряд аварцев.

Таким образом, на реке Иоре объединенный русско-грузинский отряд разгромил впятеро превосходившие его силы противника. Царевич Александр укрылся в Шуше, куда отступили и остатки персидских войск. Хан Омар бежал в Джары, а его воины рассеялись по горам. Нашествие на Грузию было пресечено силой русского оружия.

Лазарев, вернувшись в Тифлис, застал царя тяжело больным. Последние месяцы жизни Георгий XII, понимая, что его смерть станет причиной междоусобной войны между его сыновьями и братьями, целиком посвятил юридическому оформлению акта вхождения Грузии в состав Российской империи. Манифест был подписан 18 декабря 1800 года, а через десять дней Георгий XII не стало.

Ликвидация независимости Грузинского царства была неоднозначно воспринята представителями династии Багратидов. Сын умершего царя Давид обратился в Петербург с прошением подтвердить его династические права на грузинский престол, но Павел I отклонил эту просьбу. Императорским указом 12 сентября 1801 года Грузинское царство было ликвидировано, а его территория присоединена к России на правах губернии. Так Грузия стала первой территорией Закавказья, вошедшей в состав Российской империи.

Таким образом, уже к концу XVIII века Кавказ начал занимать важное место в восточной политике крупнейших европейских держав – Англии, Франции и России. Турция владела Балканами и держала в своих руках ключи к проливам, к которым тянулась Россия. Персия прикрывала пути в Индию и среднеазиатские ханства. Персия и Турция соперничали в захвате Закавказья. Таким образом Закавказье и Северный Кавказ втягивались в орбиту внешнеполитических интересов Англии, Франции и России. Они служили ставкой этих держав в дипломатической игре с Персией и Турцией.

При этом данная игра со стороны Англии и Франции была рассчитана, прежде всего, на экономическое закабаление стран Востока и создания в лице Кавказа надежного заслона на пути продвижения России в этот регион. Так, Наполеон, стремясь к военному союзу с Турцией, обещал

вернуть ей Крым при условии, что турки осуществят вторжение не только на этот полуостров, но и в Грузию. Одновременно в письме к персидскому шаху Наполеон сулил вечный союз Персии, Франции и Турции, основанный на их совместной борьбе против России и разделе Закавказья.

Напуганное действиями Франции на Среднем и Ближнем Востоке, а России на Северном Кавказе и в Грузии английское правительство также активизировало свою восточную политику. Благодаря ей, в 1801 году посол Ост-Индийской компании Малькольм заключил в Тегеране военно-политический договор, предусматривавший отказ Персии от всякого сотрудничества с Францией и обещавшего финансовую, экономическую и военную поддержку персидскому шаху в случае его войны с Россией в Закавказье.

В результате возник запутанный узел противоречий, в котором противоположные интересы европейских стран переплетались с интересами ведущих стран Ближнего и Среднего Востока.

Стратегически важное положение Кавказского региона, его внутренняя слабость ввиду территориальной и религиозной разобщенности предопределили повышенные интересы к нему со стороны ближайших соседей Персии, Турции и России, которые враждовали друг с другом. При этом Персия и Турция в начале XVIII века находились по отношению к Кавказу в лучшем положении, чем Россия, так как непосредственно граничили с его территорией. При этом сама территория Кавказа была разделена большим количеством разнородных государственных образований (народов) феодального и племенного уровня, имевших различный уровень культурного развития, языковые различия и зачастую враждовавших друг с другом. Всеобщая вражда, продолжавшаяся длительное время, привела к тому, что многие кавказские народы жили за счет грабежей.

Россия испытывала к Кавказу большие интересы. В их числе были интересы политического и военного характера (использование Кавказа для столкновения Персии и Турции, и, как итог, ослабление обеих этих государств, враждебных России), экономические (контроль над торговыми путями на Восток), идеологические (поддержка православия среди народов Кавказа), и конечно же территориальные. Не последнюю роль играли и интересы сугубо субъективного характера, основанные на отношениях различных правителей (влиятельных придворных партий) России к Кавказу и стремлении отдельных кавказских правителей получить поддержку от России в борьбе с внешним противником или при решении междоусобных споров.

В результате большого количества объективных и субъективных причин территория Кавказа должна была стать ареной ожесточенной борьбы. Ее организованный характер в XVIII веке был положен Каспийским походом Петра I (1723), а завершился созданием новой границы и присоединением Грузии. В процессе этого времени Россия одержала ряд побед над Турцией, перенесла дальше свои южные границы, а с присоединением Грузии начала укрепляться и в Закавказье.

Основными формами действий русской администрации на Кавказе в течение XVIII века были: дипломатические (обмен посольствами), экономические (торговля), привлечение отдельных горских правителей на русскую службу, религиозное миссионерство, переселение (стихийное и плановое) русских на юг и образование там военного сословия (казачество), а также сугубо военные (военные экспедиции, создание укреплений в тактически важных районах местности, разведка и обустройство дорог).

Постоянная дипломатическая работа в Турции, в Персии и с правителями кавказских государственных образований (племен) зачастую давала положительные результаты. Благодаря дипломатии, в XVIII веке России удавалось не допустить союза Турции и Персии в борьбе за Кавказ, а также активно воздействовать на многих кавказских правителей. В результате влияние Турции и Персии на Кавказе в течение XVIII века значительно ослабло, а позиции России, наоборот, укрепились.

Правители кавказских государственных образований (племен), как правило, под воздействием внешней угрозы иногда высказывали свою покорность России, просили у нее защиты и военной помощи. Но, как правило, такие союзы были непродолжительными ввиду откровенной корыстности в них со стороны горских правителей, частой смены власти на местах из-за непрекращающейся междоусобицы и чрезмерного доверия официального Петербурга клятвам и обещаниям горцев, которые нередко нарушались.

Серьезным фактором противоречий русской и кавказской политики выступали религиозные

различия. Ислам всегда рассматривал православие в качестве главного идеологического противника. В условиях Кавказа ислам получил особенно воинствующую окраску. XVIII век стал временем зарождения на Северном Кавказе воинствующего религиозного учения, носителем которого был шейх Мансур. Это учение не только нашло многочисленных сторонников, но и смогло объединить их в вооруженные отряды, действия которых были направлены в первую очередь против Российской империи. Несмотря на разгром воинствующего религиозного движения во главе с шейхом Мансуром, корни его сохранились в народной гуще и позже проросли в виде мюридизма и имамата.

Поэтому главным фактором воздействия России на Кавказ уже в XVIII веке становится военная сила, действия которой в то время еще не опирались на большой военный опыт и традиции, в результате чего носили достаточно примитивный характер.

Военные экспедиции (походы) русских войск в Кавказском регионе в XVIII веке носили специфический характер. На первое место выдвигались глубокие рейды вооруженных отрядов, которые при отсутствии разгрома крупных сил противника не давали положительных результатов. После прохождения русского отряда непокорные горцы возвращались в родные места и продолжали вести ранее установившийся образ жизни.

Более положительную роль играло создание укреплений на захваченной территории и размещение в них русского гарнизона. Однако из-за враждебности окружающих народов и отсутствия коммуникаций эти крепости нередко становились подобием тюрьмы для самих русских войск, которые оказывались изолированными в них от окружающей местности.

В ходе военных действий на территории Кавказа в XVIII веке впервые в составе вооруженных сил России появились военачальники и войска, способные действовать в горной местности, начала складываться особая тактика действий в горах. Все это стало основой для последующей Кавказской войны XIX века, которая продолжалась до 1864 года и завершилась победой России.

К сожалению, опыт военных действий в условиях гор не изучался и не учитывался русским командованием в XVIII веке. Частая смена командующих и войск, их слабое материальное обеспечение, действия на новых операционных направлениях, не способствовали формированию особой кавказской военной школы, отличающейся военным искусством и духом войск, которая имела место в XIX веке. Это привело к низкой результативности ряда военных операций, их временному затягиванию, ожесточенности и, как результат, к большим потерям с обеих сторон.

Тем не менее в результате дипломатических, экономических и военных действий России к началу XIX века удалось не только вплотную приблизиться к Кавказу с Севера, но и распространить свою официальную власть на территорию Грузии. К началу XIX века южные рубежи Российской империи вышли непосредственно к северным границам Кавказского края, на западе они проходили по реке Кубань, на востоке – по реке Терек. Таким образом, Российская империя в течение XVIII века значительно упрочила свои позиции на Кавказе и расширила свою территорию. Кроме того, она смогла частично реализовать свои интересы в крае, но в месте с тем приобрела целый ряд трудно решаемых проблем, главная из которых заключалась в непокорности горцев. Другой, не менее сложной проблемой, было административное обустройство вновь присоединенных земель. Было немало и других проблем, решение которых требовало сил, средств и времени.

В результате, в начале XIX века события, происходившие в Кавказском крае, несмотря на западную угрозу, становятся исключительно актуальными для Российской империи. Она утверждает в Грузии, начинает переговоры с другими владельными особами. В то же время многие кавказские ханы и князья, испытав на себе власть турков и персов, также ищут покровителя в лице России. Но особенностью всех этих контактов было то, что русские представители вели переговоры честно, обещая реальную помощь, в то время как кавказцы всячески старались получить от этих переговоров выгоду, зачастую не собираясь выполнять данные обещания. Были случаи, когда переговоры одновременно велись с русскими, персами, турками и соседними ханами. В результате, ослабив внимание сильных сторон, кавказские владельцы, объединив усилия, нападали на третьего хана, грабили его города и села, брали пленных, угоняли скот. Когда же такое «дело» получало негативную огласку, кавказцы начинали политическую игру, требуя от русских снисхождений под угрозой союза с турками или персами, а

у тех – под угрозой союза с Россией. В последующем политика двойных стандартов для Кавказа стала нормой.

Гибель генерала И.П. Лазарева

После убийства Павла I 11 марта 1801 года на российский престол вступил его старший сын Александр, который сразу же объявил себя продолжателем политики своей бабушки Екатерины Великой. Поэтому начало его царствование было отмечено повышенной военной активностью России не только на Западе, но и на Кавказе. Туда были направлены дополнительные войска и решительные военачальники.

В 1802 году главнокомандующим в Грузии был назначен 48-летний генерал-лейтенант князь П.Д. Цицианов. Он происходил из знатной грузинской фамилии, находившейся в близком родстве с царствующим домом Грузии, представители которой со времен Анны Иоанновны находились на российской службе. Начав военную службу в 18 лет в столичной гвардии, Павел Дмитриевич в 32 года стал командиром полка. В этом качестве он вступил во вторую русско-турецкую войну 1787–1791 года, отличился в сражениях под Хотинем и Бендерами, был награжден чином генерал-майора и орденом Св. Георгия 4-й степени.

Во время войны с Польшей в 1794 году войска под командованием Цицианова обложили Гродно и добились от его жителей выплаты контрибуции в размере 100 тысяч рублей. Данная заслуга генерала была отмечена орденом Св. Владимира 2-й степени. А несколько месяцев спустя, отличившись при взятии Вильно и в боях с отрядом польского генерала Грабовского, Павел Дмитриевич получил орден Св. Георгия 3-й степени, золотую шпагу и полторы тысячи крестьян в Минской губернии.

В 1796 году Цицианов прибыл в Дагестан в составе Каспийского корпуса графа В.А. Зубова, который назначил его первым русским комендантом крепости Баку. Там он и познакомился с ханом Гуссейн-Кули – своим будущим убийцей. Но тогда военная карьера Цицианова была прервана самым неожиданным образом. Он был уволен Павлом I с военной службы, правда, сохранив все прежние чины и награды.

Александр I предложил Павлу Дмитриевичу вновь вернуться в строй. В день коронации, 15 сентября 1801 года, он произвел его в генерал-лейтенанты и назначил старшим начальником над войсками, находившимися на Кавказе. С прибытием Цицианова в Тифлис начался новый этап покорения Россией этого горного края.

Первоначально новый командующий главное внимание уделил обеспечению безопасности границ Грузии. Находившихся там четырех пехотных полков для этого было явно недостаточно. Павел Дмитриевич потребовал от местных владетельных князей выслать в его распоряжение большую часть надворной охраны, запретив при этом под страхом ссылки в Сибирь и конфискации имущества решать местнические споры вооруженным путем. Это позволило не только усилить регулярные войска, но и привлечь на российскую службу многих грузин, положив тем самым начало формированию в их среде принципиально нового военного сословия.

Правда, деятельность генерала далеко не всем была по душе. Грузия была опутана густой сетью интриг, причем концы многих нитей сходились на представителях упраздненной правящей династии, которые стремились вернуть утраченную власть. Нити заговоров опутывали многих местных князей и терялись в Дагестане, Баку, Персии и даже Турции. Рассчитывать на нормальную жизнь края в таких условиях было трудно. Поэтому Российским правительством было принято решение о вывозе членов семьи бывших грузинских царей в Россию, где они должны были проживать на правах российских помещиков с сохранением привилегий, соответствующих их высокому званию. Однако в Тифлисе это предложение было воспринято крайне враждебно.

Цицианову стало известно, что царица Мария с сыновьями и царевной Тамарой готовятся к побегу в Персию, где им была обещана помощь в борьбе за грузинский престол. Дальше откладывать депортацию было опасно. Павел Дмитриевич приказал генералу Тучкову задержать царевичей, а генералу Лазареву арестовать царицу с дочерью, после чего все должны были быть доставлены в Мцхет, а оттуда – в Россию.

Тучков задачу выполнил успешно. По-иному сложилось у Лазарева. В шесть часов утра 19

апреля 1802 года он прибыл в дом царицы и объявил ей приказ Цицианова. Царица приняла его, находясь в постели, и ответила, что ехать в Россию не желает. Тогда Лазарев оставил в ее спальне офицера, а сам вышел, чтобы сделать соответствующие распоряжения. Но едва он переступил порог, как услышал за дверью царской спальни шум и вернулся обратно. Там он увидел, что царевич Жабраил и царевна Тамара с кинжалами в руках напали на русского офицера, который, отступив в дальний угол комнаты, осторожно отбивался от них шпагой, боясь поранить высокородных противников. Но намерения самих нападавших были нешуточными. Офицер получил несколько легких ран и определенно рисковал жизнью. Иван Петрович подошел к кровати и попросил царицу остановить детей, но в этот момент Мария сама выхватила спрятанный под одеялом кинжал и вонзила его в бок генералу. Лазарев упал замертво, а вслед за ним был убит и офицер. Только подоспевшие русские солдаты блокировали царственных убийц в их апартаментах и известили о случившемся Цицианова.

Убийство русских во дворце взбудоражило весь Тифлис. Многие высшие сановники Грузии приехали во дворец и стали уговаривать царицу подчиниться приказу императора, но она никого не желала слушать, угрожая в случае насилия лишиться себя жизни. То же твердили и ее дети. Дальнейшие переговоры теряли смысл. Полицмейстер Сергунов, завернув руку в толстую папаху, приблизился к царице и вырвал кинжал из ее рук. Но стоявшая рядом царевна Тамара неожиданно бросилась на него, однако промахнулась и вонзила свой кинжал в плечо матери. Увидев это, царевич Жабраил заплакал и бросил свое оружие на пол.

Вечером того же дня все царское семейство было собрано в Мцхете, откуда под охраной сильного отряда отправлено в Россию. Там царица Мария была заключена в Белгородский женский монастырь, где провела семь лет. Затем, получив прощение, она еще долго жила в Москве, где и умерла в 1850 году в восьмидесятилетнем возрасте и с большими почестями была похоронена в Мцхетском соборе, служившем усыпальницей грузинских царей.

Гибель И.П. Лазарева была оплакана его боевыми товарищами. Тело генерала под гром артиллерийского салюта при большом стечении народа и в присутствии войск было погребено в тифлиском Сионском соборе. Генерал Цицианов бросил в могилу первую горсть земли, не подозревая о том, что вскоре ему придется лечь рядом...

Удар на Восток

Укрепление власти России в Грузии создало благоприятные условия для расширения ее влияния на другие закавказские земли. В правительственных кругах вновь появились планы выхода к западному побережью Каспийского моря в районы Дербента и Баку, но теперь уже со стороны Грузии. Осуществление этих мероприятий означало не только вооруженные столкновения с местными ханствами, но и могло привести к войне с Персией и Турцией. Правда, это не остановило петербургских политиков, которые смогли убедить молодого царя Александра I в необходимости активизировать действия российских войск на Кавказе. Соответствующие директивы были подкреплены посылкой новых воинских формирований, значительно усиливших Кавказский корпус.

В конце 1803 года полки Цицианова вступили в граничившее с Грузией Ганжинское ханство и осадили его столицу. На предложение сдаться хан Джевад высокомерно ответил: «Персидский шах, слава Аллаху, близко. Если ты хвастаешься своими пушками, то и мои не хуже твоих. Если твои пушки длиной в один аршин, то мои в три и четыре аршина, а успех зависит от Аллаха».

После такого ответа Цицианову не оставалось ничего другого, как вести войска на штурм. 3 января 1804 года Ганжа была взята с потерей со стороны русских войск 46 человек убитыми и 243 ранеными. Ее защитники только убитыми потеряли более тысячи человек, среди которых был и хан Джевад. Уцелевшие жители столицы, а затем и всего ханства присягнули на верность России. Ганжинское ханство было ликвидировано и на правах округа присоединено к Грузии, а его столица в честь императрицы Елизаветы Алексеевны переименована в Елизаветополь. За эту победу Цицианов был произведен в генералы от инфантерии, а весь личный состав награжден специальными серебряными медалями с надписью «За труды и храбрость при взятии Ганжи 3 января 1804 г.».

Как и следовало ожидать, падение Ганжи вызвало большое беспокойство правящих кругов

Персии, боявшихся потерять вассальные владения в Закавказье и, прежде всего, Эриванское и Карабахское ханства. В Петербург был направлен ультиматум, а персидская армия начала готовиться к походу в Закавказье. При этом, опасаясь оказаться один на один с Россией, шахское правительство начало лихорадочно искать себе союзников. По ранее накатанному пути персидские послы устремились в Лондон, но там их ждала неудача. После того как 5 июня 1801 года Александр I заключил с Англией договор против Наполеона, британские политики стали намного осторожнее вести «восточные дела». Щедрые шахские подарки были безрезультатно поглощены английской правительственной бюрократией.

Шах Фатах-Али, обманутый в надеждах на английскую помощь, в гневе казнил своего министра иностранных дел и направил дипломатов в Париж. Наполеон Бонапарт радушно встретил персидских послов и пообещал шаху помощь в случае войны с Россией. Послы вернулись в Персию с четырьмя французскими офицерами, командированными туда для участия в разработке оперативных планов действий персидских войск в Закавказье.

Вопрос о начале русско-персидской войны представителями правительств Персии и Франции был решен окончательно в мае 1804 года. После этого персидская армия под командованием наследника Аббас-Мирзы начала сосредоточение в Карабахском ханстве. В июне ее передовые части появились также и в пределах Нахичеванского и Эриванского ханств. Война России с Персией стала неизбежной.

Цицианов решил упредить противника и захватить Эриванское ханство до подхода основных сил армии Аббаса-Мирзы. Для решения этой задачи было выделено соединение из 3600 человек пехоты, нескольких сотен конницы при 12 орудиях, которое в начале лета двинулось из Грузии на юг. 20 июня русские войска встретили и опрокинули авангард персов в бою у монастыря Эчмиадзин, после чего начали осаду Эривани.

Тем временем персидский командующий, дождавшись резервов, довел численность своей армии до 40 тысяч человек. Этими силами 16 июля он вступил в сражение с русскими под Эриванью. Части Цицианова одиннадцать часов отражали непрерывные атаки противника. Но силы были слишком неравны. Хоть персы и отступили, но при этом окружили русское соединение со всех сторон, перерезав его коммуникации. Продолжать осаду в таких условиях становилось бессмысленно. К тому же сказывался недостаток материальных средств. Цицианов принял решение отвести войска в Грузию. Персы не посмели мешать ему в этом. Неудачная осада Эривани и сражение с персидской армией у ее стен обошлось русским в 76 человек убитыми, 261 раненым и 22 пленными. Урон противника только убитыми превысил три тысячи человек.

Император был опечален неудачным исходом эриванской экспедиции, но узнав о соотношении потерь, наградил Цицианова орденом Св. Владимира 1-й степени.

В следующем году Павел Дмитриевич развернул планомерные военные действия по вытеснению персидских войск из территорий закавказских ханств. Наступление с территории Грузии велось в общем направлении на Карабах и Баку.

Восьмидесятилетний владелец Карабаха хан Ибрагим решил добровольно вступить в подданство России. Еще до подхода основных русских войск он направил свой отряд навстречу персам и наголову разбил их отряды при Дизане. После этого столица Карабахского ханства крепость Шуша, находившаяся всего в 80 километрах от персидской границы, стала основным пунктом управления всеми действиями русских войск и размещения их командования. 6 февраля 1805 года карабахский хан лично дал присягу на верность России. Хан обязался платить подать России в размере 8 тысяч червонцев в год, но за это ему было обещано сохранение всех его владений и прав, а его внук был принят на русскую службу с годовым содержанием в 10 тысяч рублей.

После этого 29 мая присягу на верность России принял шекинский хан Селим – зять карабахского хана. Правда, позже выяснилось, что главной причиной этого были не родственные связи и любовь к русскому царю, а угроза со стороны ширванского хана, войска которого приближались к шекинской границе. Цицианов был вынужден отправить большой отряд для защиты Нухи и предъявить ультиматум ширвинскому хану. Таким образом в южной части Кавказа был образован большой русский плацдарм, который мог им послужить в случае войны с Персией.

Одновременно с этим по решению русского командования на персидском побережье Каспийского моря в районе Энзели был высажен полторатысячный десантный отряд генерала

Иринарха Ивановича Завалишина, который овладел городом Пери-Базар и начал наступление на Решт.

Персы вновь направили в Закавказье 40-тысячную армию с задачей уничтожить находившиеся там русские войска и захватить Грузию. Ее передовой отряд численностью около десяти тысяч человек 24 июня был встречен на речке Аскарани отрядом полковника Карягина, состоявшим всего из 493 егерей при двух орудиях. В течение трех дней русские воины упорно отбивали атаки превосходящих сил противника, а затем дерзким маневром овладели укреплением Шах-Булах, охранявшимся гарнизоном из 150 человек. За его ветхими стенами уцелевшие герои мужественно сражались еще десять дней, после чего небольшой группе оставшихся в живых удалось незаметно для противника уйти в крепость Мухрат. Самоотверженные действия отряда Карягина почти на полмесяца задержали противника, чем фактически спасли Грузию от вторжения. Но за этот подвиг мужественный полковник получил Золотое оружие и умер спустя два года в прежнем чине.

Цицианов успел собрать силы и достойно встретил противника. Во второй половине июля его войска нанесли несколько поражений главной персидской армии, заставив ее отступить за Аракс. Тем временем отряд Завалишина, совершив переход морем, 15 августа начал бомбардировку Баку, вслед за тем осадил крепость и с суши. Но бакинский хан обратился за помощью к кубинскому хану, многочисленные отряды которого вскоре появились в тылу русских войск. Это заставило Завалишина снять осаду Баку и уйти в море.

Цицианов был очень огорчен этой неудачей. В конце 1805 года он с отрядом в 1600 штыков с 10 орудиями выступил в поход на Баку из Тифлиса. По пути следования, 25 декабря генерал принял присягу на верность России от ширванского хана Мустафы. В середине января русский отряд подошел к Баку, и Цицианов через посланца потребовал от его правителя Гуссейн-Кули-хана немедленной присяги России.

Начались переговоры. Хан их умышленно затягивал, выдвигая все новые условия. Наконец был назначен день сдачи Баку и присяги ее правителя России. Для церемонии хан пригласил генерала встретиться с ним у городских ворот для передачи символических ключей от города. Доверившись его слову, 8 февраля 1806 года Цицианов с небольшой личной охраной поехал на встречу, во время которой и был предательски убит двоюродным братом хана Ибрагим-беком, который был завербован персами. Согласно легенде, в разгар переговоров он с двумя нукерами незаметно приблизился к генералу и сразил его ружейным выстрелом. Со стен крепости также по русским войскам раздались орудийные залпы. После этого стало понятно, что ни о какой мирной сдаче речи идти не может.

Генерал-майор И.И. Завалишин, принявший командование отрядом, не решился на ответные меры и отвел войска от Баку, посадил их на суда и вывез в Дагестан. Вскоре за свои нерешительные действия он был уволен из армии и назначен по гражданской части.

Тело Цицианова досталось врагам, которые над ним гнусно надругались. Голова и руки генерала были отсечены и отправлены к шаху в Тегеран, а само тело зарыто у ворот Бакинской крепости на утешение правоверных, которые могли плюнуть на его могилу проходя мимо. (В последующем, когда Баку было взято русскими, прах генерала Цицианова был предан погребению в местной армянской церкви, а спустя шесть лет перевезен в Тифлис и похоронен в Сионском соборе.) На надгробии были высечены слова: «Под сим монументом скрыты тленные останки Цицианова, коего слава переживет прах его».

Роль Цицианова в покорении Россией Южного Кавказа очень велика. К его приезду этот край состоял из раздробленных, «независимых», вассальных от Персии ханств, которые полукольцом охватывали с юга грузинские земли. Мингрелия и Имеретия тоже враждовали между собой и с Грузией, которую раздирали распри царевичей. Всего за три года Цицианов не только подчинил России эти земли, но и навел на них относительный порядок. При нем началось строительство Военно-Грузинской дороги с Кавказской линии в Грузию, возродился Владикавказ, учреждено регулярное почтовое сообщение по Военно-Грузинской дороге. Цицианов открыл первую в Тифлисе гимназию, в которой было начато обучение грамоте грузинских юношей.

Русские не простили коварства хану и летом вернулись под стены Баку. 8 июня части генерала С.А. Булгакова без боя заняли город, а через две недели перед войсками генерала Г.И. Глазенапа открылись ворота Дербента. В результате этого большая часть Юго-Восточного Кавказа

оказалась занятой русскими войсками.

Политика «кнута и пряника»

К лету 1806 года на Кавказе создалась «интересная» обстановка. При отсутствии главнокомандующего русские войска одерживали одну победу за другой. В Петербурге начали думать о том, кому следует повесить лавры. Но в связи с подготовкой к войне с Наполеоном выделить на Кавказ кого-либо из действующих военачальников оказалось сложно. Поэтому император принял решение «укрепить» Кавказский театр военных действий мудрым командующим – ранее уже известным нам генералом И.В. Гудовичем, который ради этого был вызван из отставки.

Пока Иван Васильевич совершал неблизкий путь из Петербурга в Тифлис, временное командование войсками Кавказского корпуса принял генерал-лейтенант Г.И. Глазенап. Он организовал торжественный прием нового командующего. При въезде в Тифлис того встретили лезгинские вожди, которые стояли на коленях и повешенными в знак покорности на шеях саблями.

Гудович воспринял действия Глазенапа как подрыв авторитета высшего командования. Он немедленно приказал прекратить наступательные действия, а затем добился отзыва инициативного генерала с Кавказа.

Новый главнокомандующий решил начать новую политику по отношению к Кавказу. Он потребовал от дагестанских правителей подтверждения присяги на верность России, обещая им большие блага. Наиболее благонадежные правители награждались воинскими чинами и соответствующим им денежным жалованьем. Так, карабахский Мехти-Кули-хан был произведен в генерал-майоры, шакинский Джапар-Кули-хан, ширванский Мустафа-хан, дербентский Меди-шамхал, талышский Мир-Мустафа-хан – в генерал-лейтенанты.

Гораздо труднее было достичь компромисса с чеченцами, не подчинявшимися единому правителю и постоянно тревоживших русские войска своими набегами. В конце ноября 1806 года Гудович приказал командующему войсками Кавказской линии генералу от инфантерии С.А. Булгакову совершить поход в Чечню для «наказания» непокорных горцев. Ему предписывалось щадить аулы, которые признали власть России и представили заложников, другие же «строго наказывать без всякой пощады». Для этого следовало, предварительно отрезать мятежные аулы от гор, «наказание простирать до того времени, пока они не дадут самых знатнейших аманатов и не дадут присяги на верноподданство его императорскому величеству».

Наступление на чеченцев началось 13 февраля 1807 года и велось одновременно по двум направлениям. Первый отряд численностью 4000 человек при 10 орудиях под командой Булгакова наступал со стороны Кизляра. Второй отряд генерал-лейтенанта Мусина-Пушкина, состоявший из 2600 солдат и казаков при 10 орудиях, от крепости Моздок двинулся вверх по реке Сунже. Третий отряд генерал-майора Ивелича, состоявший их 709 человек пехоты и казаков с 4 орудиями, выйдя из Владикавказа, 14 февраля соединился с отрядом Мусина-Пушкина. Соединенные отряды «после многих перестрелок и семи сражений в лесах и на полях, где карабулаки отчаянно защищались, за несколько дней наказали и совершенно покорили сии народы, положив на месте до 300 человек...»

После этого отряд Ивелича вернулся во Владикавказ, а Мусина-Пушкина в начале марта соединился с отрядом Булгакова. Переправившись через Аргун, русские войска подошли к деревне Шали, жители которой дали заложников и приняли присягу. Но жители окрестных горных аулов от присяги отказались. Для их усмирения был послан отряд из 750 солдат и 1500 казаков под командой генерал-майора Лихачева. Ему удалось вытеснить горцев из лесов и вынудить отступить в деревню Гребенчук. Там произошел кровопролитный бой, в котором чеченцы потеряли более 200 человек убитыми. Потери наступавшей стороны составили 59 человек убитыми и 105 ранеными.

При организации этой экспедиции Гудович попытался также использовать и кабардинцев. В Российском государственном военно-историческом архиве (фонд 846, опись 16, дело 6164) находится его письмо императору, в котором генерал писал: «имея целью поссорить между собой сии два народа, дабы через вражду их они могли сами себя со временем ослабить и сделать менее

вредными без употребления против них силы оружия Вашего и.в.».

Кабардинцы с готовностью откликнулись на предложение Гудовича и составили конный отряд численностью в три тысячи человек, который присоединился на Сунже к отряду Мусина-Пушкина. Но когда дошло до дела, применять оружие против чеченцев кабардинцы отказались, «поставив главным того предлогом единоверие с ними». После этого туземное ополчение по приказу русского командования было распущено.

28 апреля 1807 года к Анапе подошла русская эскадра под командой контр-адмирала Пустошкина. Турецкому гарнизону был предъявлен ультиматум с требованием сдать крепость без боя. Их командующий, видя бесперспективность сопротивления, воспользовался двухчасовым сроком и скрытно увел турецкий гарнизон в горы. Узнав об этом, местные черкесы бросились на грабеж крепости. Но взрыв порохового погреба предупредил русское командование и отогнал грабителей. 29 апреля русские войска без сопротивления заняли крепость. Правда, затем она была опять возвращена Турции по условиям мира, заключенного 16 мая 1812 года.

В последующие два года Гудович продолжил завоевание Юго-Восточного Кавказа. Его войска закрепились в Дербенте и Баку, восстановили русскую власть в Шехинском ханстве. Однако осада и штурм крепостей Ахалкалаки в мае 1807 года и Эривани в октябре – ноябре 1808 года закончились неудачно. Под их стенами Гудович напрасно потерял около 600 человек убитыми и более 1500 ранеными. Тем не менее в 1808 году указом императора он был произведен в генерал-фельдмаршалы. Правда, уже в начале следующего года Гудович был отозван с Кавказа, и был назначен главнокомандующим в Москву. В 1812 году он был уволен с военной службы в отставку. Он умер в январе 1820 года в 79-летнем возрасте и по завещанию был похоронен в киевском Софийском соборе. После его смерти наследникам, кроме прочих богатств, досталось около тридцати сел и деревень с 13 тысячами крепостных.

Генерал А.П. Торماسов

Новым командующим русскими войсками на Кавказе стал 57-летний генерал от кавалерии Александр Петрович Торماسов. Начав военную службу в юном возрасте вначале пажом императора Петра III, а затем личным адъютантом графа Я.В. Брюса, Александр Петрович к 30 годам достиг чина полковника. Лишь после этого он получил первое боевое «крещение» при усмирении крымских татар, принесшее ему генеральский чин и орден Св. Георгия 4-й степени. В последующем Тормасов участвовал в войнах с турками и поляками, заслужил репутацию умелого военачальника, но, как и многие другие, был уволен Павлом I с военной службы.

Александр I вернул Тормасова в строй, а в день коронации произвел в генералы от кавалерии и назначил генерал-губернатором вначале Киевской, а затем – Рижской губерний. Однако административная деятельность не пришлась по душе генералу. В 1807 году он попросился в отставку и, получив ее, уехал в деревню. Спустя год ему была предложена должность командующего русскими войсками в Грузии.

К моменту приезда Александра Петровича в Тифлис численность Кавказского корпуса возросла до 43 тысяч человек, на вооружении которых находилось 100 артиллерийских орудий. Большая часть этих войск располагалась на Северном Кавказе, где по-прежнему волновались мусульманские племена. Остальные были разбросаны вдоль границ с Персией, а также с Турцией, которая с 1806 года находилась в состоянии войны с Россией.

К тому времени военные неудачи персов в Закавказье заставили их предъявить более жесткие требования к французам по выполнению ими союзнических обещаний. Наполеон нашел возможным услышать мольбы шахских посланцев. В 1807 году он приказал подготовить к отправке в Персию соединение из 10 тысяч пехотинцев при 50 орудиях. Первые полторы тысячи французов должны были прибыть туда в октябре того же года и стать ядром смешанного франко-персидского корпуса в 12 тысяч человек. Но данное решение выполнено не было. После заключения в декабре 1807 года Тильзитского договора с Россией Наполеон отказался от своих обещаний.

Обманутые французами, персы вновь начали искать поддержки у англичан, которые втайне всячески стремились помешать усилению влияния России на Кавказе. 14 февраля 1809 года английское посольство прибыло в Тегеран. В подарок шаху из Лондона был привезен бриллиант стоимостью 25 тысяч туманов, а вместе с ним 30 тысяч ружей и 30 английских

офицеров-инструкторов для обучения персидских войск. Кроме того, в знак особого расположения шаху было установлено ежегодное пособие в размере 160 тысяч туманов, которое в случае подписания англо-персидского договора должно было увеличиться до 200 тысяч туманов. Однако только этого было недостаточно для победы над Россией.

Пока плелись англо-персидские интриги, пользуясь относительным затишьем на Закавказском фронте, Тормасов попытался укрепить позиции России на Черноморском побережье Кавказского края. Этому способствовало также и то, что в связи с победами русских войск над турками на Дунае, положение Порты на Кавказе стало весьма шатким. Воспользовавшись этим, Тормасов летом 1810 года десантами с моря овладел турецкими крепостями Поти и Сухум. Под влиянием этих побед в июне присягнул России правитель Гурии князь Мамий Гуриель, а правителем Абхазии стал российский ставленник князь Георгий Шервашидзе. В результате турки были вытеснены с Черноморского побережья от Керченского пролива до Поти.

Хуже обстояло дело в Имеретии, где под давлением турков волнения горцев переросли в восстание. Обстановка осложнялась тем, что Имеретия, официально состоявшая в русском подданстве с 1804 года, реально находилась под властью ее царя Соломона II, усиленно интриговавшего против России с турками. Желая покончить с тайными и явными врагами, Тормасов в феврале 1810 года направил в Имеретию отряд полковника П.А. Симоновича. С его приближением Соломон вначале бежал из Кутаиса в Вар-Цихе, а затем в Ахалцих. Симонович, преследуя царя, занял несколько городов и привел их население к присяге.

28 июля семитысячный отряд имеретян был разбит в ущелье реки Чиатури. Соломон II с остатками войска укрылся в Ханийском ущелье неподалеку от Ахалциха. Но Симонович нашел противника и 24 сентября нанес ему сокрушительное поражение. Имеретинский царь с несколькими ближайшими телохранителями бежал в Турцию и в течение пяти лет, скитаясь в ее северо-восточных районах, призывал правоверных к войне с русскими. Но все его усилия оказались напрасными. Последний царь Имеретии умер в 1815 году в Трапезонде в долгах, покинутый друзьями. Имеретинское царство высочайшим указом от 19 апреля 1811 года было переименовано в область Российской империи и поступило в управление российского военного губернатора.

В 1810 году Тормасову пришлось принимать жесткие меры для подавления антироссийских выступлений в Кабарде, спровоцированных местной знатью. Их главной причиной стал массовый уход крепостных крестьян на Кавказскую линию, где они селились и получали возможность свободно обрабатывать землю. Кабардинские князья, желая вернуть беглецов, совершили несколько нападений на линию.

В качестве ответной меры стал поход русских войск на их земли. Правда, не обошлось без злоупотреблений властью со стороны некоторых воинских начальников, отдававших приказы расстреливать горцев и жечь их села. По этому поводу Тормасов даже писал рапорт военному министру М.Б. Барклаю-де-Толли, в котором осуждал жестокие способы подавления восстания.

В том же году командующий попытался освободить от персов Карабахское и Эриванское ханства. Туда были посланы отдельные отряды. Победы, одержанные генералами П.С. Котляревским под Мигри и на Араксе, С.А. Портнягиным на Апаче и Ф.О. Паулуччи под Ахалкалаки заставили шаха резко снизить военную активность в Закавказье. Заслуги Тормасова были отмечены орденом Св. Владимира 1-й степени, указ о котором пришел почти одновременно с вызовом в Петербург.

Больше Тормасов на Кавказ не вернулся. В ожидании войны с Наполеоном он получил командование над третьей армией, во главе которой 15 июля 1812 года под Кобрином одержал первую победу над французами в Отечественной войне и был удостоен ордена Св. Георгия 2-й степени и 50 тысяч рублей. После ранения Багратиона Александр Петрович принял командование второй армией, с которой дошел до Люцена. Завершив войну, Тормасов стал главнокомандующим в Москве и последние годы жизни посвятил возрождению Первопрестольной из пепла. За эту деятельность он был возведен в графское достоинство и умер в почете 13 ноября 1819 года на шестьдесят седьмом году жизни. Тело генерала было погребено в кремлевском Чудовом монастыре, уничтоженном в 30-е годы следующего столетия.

Маркиз Ф.О. Паулуччи

В сентябре 1811 года командующим Кавказским корпусом назначается 32-летний генерал-лейтенант маркиз Ф.О. Паулуччи. Филипп Паулуччи был сыном австрийского аристократа. Он начал военную карьеру в пьемонтских войсках, затем немного послужил в австрийской и французской армиях, а в 1807 году поступил на русскую службу, был пожалован чином полковника и сразу же получил важное дипломатическое задание – склонить на сторону России сербского воеводу Георгия Черного. Выполнив это задание и получив в награду крупную сумму денег и орден Св. Владимира 3-й степени, Паулуччи направляется на Финляндский театр военных действий начальником штаба дивизии. При заключении Фридрихсгамского мира со Швецией в сентябре 1809 года маркиз был произведен в генерал-майоры и отмечен орденом Св. Георгия 4-й степени.

Филипп Осипович Паулуччи, управляющий в Грузии и командующий отдельным Кавказским корпусом (1811–1812)

Следующий год Ф.О. Паулуччи встретил в Тифлисе в должности начальника штаба Кавказского корпуса. После поражения персов его отрядом под Ахалкалаки Филипп стал генерал-лейтенантом. Так, практически не зная ни русской армии, ни даже русского языка, молодой австрийский аристократ, опираясь на придворные связи в Вене и Петербурге, смог за три неполных года получить старший офицерский и два генеральских чина, несколько орденов и крупную денежную сумму. Подавляющему большинству российских дворян этого не удавалось достичь за 40, а то и 50 лет самоотверженной боевой службы...

Первоначально новый главнокомандующий повел себя, как опытный дипломат и организатор. Когда супруга изгнанного из Имеретии царя Соломона обратилась с просьбой позволить ей склонить супруга к возвращению из Персии ее сына царевича Александра, Паулуччи решительно вмешался в эту переписку и доказал, что всякое послабление со стороны властей горцами будет расценено, как слабость России. Все имевшиеся в наличии возвращенцы были не раз замечены в мятежах и интригах против законной власти.

Затем маркиз решил заняться воспитанием офицеров, проходивших службу на Кавказе. Он потребовал от них действовать против горцев решительно, доводя начатое дело до конца. «Я предвещаю, – писал он, – что кто из офицеров даст над собою верх неприятелю, тот предан будет военному суду и с бесчестьем выгнан из службы, ибо, кто держит в мыслях, что он русский и что его одолеть нельзя, тот сам всегда победит неприятеля».

Он уделял самое серьезное внимание моральному облику офицеров, выступив против употребления ими горячительных напитков, азартных игр и сожительстве с женщинами «ибо сие противно нашей христианской религии; а кто отступает от правил ея, тот не может верно и

усердно служить государю и отечеству, и в сражении не может быть храбрым, ибо имеет нечистую совесть».

К приезду нового главнокомандующего обстановка на Кавказе значительно осложнилась. В связи с угрозой начала новой войны с Наполеоном, российское правительство было вынуждено отозвать из Кавказа часть войск для прикрытия западной границы. Это немедленно вызвало усиление военной активности турецких и персидских войск на южных границах края, а также новые вспышки антирусских выступлений горских племен. Персидские воинские отряды появились у границ Карабахского ханства, последовали их грабительские рейды на русскую территорию, усилили подрывную работу в тылу различного рода агенты иностранных государств и начались мятежи в Дагестане и Кахетии.

Войсковые начальники и гарнизоны стойко оказывали сопротивление врагу, но одновременно подавить выступления в различных точках было невозможно. Едва отряд уходил из селения, в него приходил местный мулла или вождь и призывал население к неповиновению русским. Нередкими были случаи ночных нападений, грабежей на дорогах, убийства отдельных солдат и тому подобное.

К концу лета действия персов на южных рубежах России начали носить более организованный характер. В конце августа большое персидское войско осадило крепость Мигри. В это время гарнизон крепости почти поголовно болел лихорадкой, ежедневно от этой болезни умирало по несколько человек. Несмотря на это гарнизон мужественно удерживал крепость.

Паулучи, узнав об осаде неприятелем Мигри, объявил выговор войсковым начальникам, находившимся в крепости за то, что те не нашли в себе сил контратаковать и разбить противника.

В это же время в Карсе был сосредоточен большой турецкий отряд, предназначенный против русских. Турки были намерены действовать совместно с персами и эти объединенные войска представляли серьезную силу. Но союза не получилось. Во время торжественной встречи турецкий военачальник был убит. После этого турки, потеряв управление, начали разбредаться по домам.

Паулуччи не знал о разногласиях в стане врага. При угрозе крупного нашествия он откровенно растерялся и уже готов был просить о немедленной отставке. Но генералы и старшие офицеры, давно уже служившие в Кавказском корпусе и хорошо знавшие психологию противника, понимали, что не отставкой командующего, а только решительными действиями можно спасти положение. Они уговорили маркиза остаться, пообещав удержать Кавказ имевшимися силами.

Было решено разгромить противника проведением нескольких последовательных операций на различных направлениях.

Русские войска действовали успешно. 8 декабря отряд генерал-майора П.С. Котляревского взял крепость Ахалкалаки. К тому времени отряд Хатунцева разгромил скопище дагестанцев у селения Рустов, а 14 декабря занял крепость Кюри.

Действия русских войск против дагестанцев (лезгин) носили не только военный, но и дипломатический характер. Так как против русских выступили казикумыхский хан Сурхай и беглый Шейх-Али, то было решено противопоставить им прежде всего других горцев. Генерал-майор Хатунцев объявил Кюринскую область, где действовали мятежники, независимым ханством и назначил его правителем Аслан-Бека казикумыхского, племянника и кровного врага хана Сурхая. Инаугурация нового хана была обставлена очень пышно: ему был пожалован чин русского полковника, грамота на ханство, знамя с гербом Российской империи и сабля, украшенная драгоценными камнями. Все это было вручено ему на площади при огромном стечении народа, с особой торжественностью. При этом и новый хан и представители России дали клятву в дружбе и взаимопомощи, что для крестьян и ремесленников было равно обещанию мира. Народ ликовал, прославляя новую власть, а хан Сурхай лишился поддержки в этом крае. Генерал-майор Хатунцев был назначен военно-окружным начальником Кубинской и Дербентской провинций и награжден орденами Св. Анны 1-й степени и Св. Георгия 3-й степени. Паулучи также был отмечен орденом Св. Георгия 3-й степени.

Но противник также не бездействовал. В начале февраля 1812 года персидские войска во главе с самим Аббас-Мирзою внезапно напали в селении Султан-Буда на находившийся там батальон Троицкого пехотного полка. 52 человека были убиты, а остальные 518 пленены.

Петр Степанович Котляревский (1782–1852), участник русско-персидской войны 1804–1813 гг., генерал от инфантерии

Экономические трудности 1812 года отразились и на Кавказе. Русская администрация края решила собрать там налоги хлебом, которого самим горцам не хватало. Это привело к массовому недовольству среди населения, которое искусно нагнеталось различными иностранными эмиссарами и религиозными вождями. Начались различного рода провокации, которые вскоре переросли в вооруженные народные восстания. Восставшие кахетины разгромили большинство местных русских гарнизонов. Погибли полковник князь Вахтанг Орбелиани, а с ним еще 423 офицера и солдата, около 200 были ранены и только 61 взят в плен.

Паулуччи, собрав силы, лично возглавил экспедицию в Кахетию. Больших сражений не последовало. С приближением крупных формирований регулярных русских войск горцы, как правило, без боя расходились по окрестным селам.

Во время похода выяснилось, что во главе кахетинского восстания стоит грузинский царевич Георгий, в связи с упразднением царства лишенный права на его престол. Моральный дух этого «вождя» оказался невысокий – личные цели он ставил намного выше общественных. Рассорившись на этой почве с местными князьями, в середине марта царевич добровольно явился к русскому командующему с повинной, и был с почетом направлен в Петербург. Там данная акция была воспринята, как большая победа русского оружия. Паулуччи получил орден Св. Александра Невского и был пожалован генерал-адъютантом.

Вскоре после этого маркиз навсегда покинул Кавказ, получив назначение на должность начальника штаба 3-й армии. Однако ее командующий генерал Торماسов, хорошо знавший Паулуччи по совместной службе на Кавказе, наотрез отказался от такого помощника. Ему с трудом удалось найти место рижского военного губернатора, где маркиз и завершил свою службу России. В 1829 году он принял главное командование над армией короля сардинского, а затем был генерал-губернатором Генуи.

Победы генерала П.С. Котляревского

После отъезда Паулуччи командование Кавказским корпусом принял 56-летний генерал-лейтенант Николай Федорович Ртищев. Начав офицерскую службу в 1773 году, он участвовал в военных действиях против шведов и поляков, а затем получил должность военного коменданта Астрахани. Но в пути к месту назначения по приказу Павла I генерал был уволен со

службы и девять лет провел в своих имениях. В 1809 году Александр I вернул его в строй с чином генерал-лейтенанта, а спустя два года направил на Кавказ, доверив судьбу целого края. При этом перед Ртищевым была поставлена труднейшая задача – с минимальными силами сохранить все ранее занятые территории и избавить Россию от затянувшихся войны с Персией. Чем руководствовался император в выборе своего заместителя, так и осталось неизвестным. Вероятнее всего он исходил из остаточного принципа, имея главной целью создать мощное командование войсками на случай войны с наполеоновской Францией.

Выбор оказался неудачным. Н.Ф. Ртищев сразу же ступил на путь уговоров кавказских вождей, подкупа их деньгами и чинами. Однако эти меры кавказцами были поняты как слабость России и ее острая нужда в их поддержке.

Сразу же начались торги, которые позволили аборигенам обговаривать выгодные для себя условия и получать неза заслуженные кредиты. Параллельно с этим участились своеволия князей и ханов, зачастую выражавшиеся в бандитизме и грабеже местного населения.

Особенно неудачной была попытка Ртищева «устроить мирные сношения с чеченцами – народом в высшей степени необузданным, диким и вероломным, не признающим никогда никаких договоров, – писал В.А. Потто. – Собранные с этой целью в Моздоке чеченские старшины были осыпаны подарками, но в ту же ночь, возвращаясь домой, напали за Терекком на обоз самого Ртищева и разграбили дочиста почти на собственных глазах генерала».

Обстановка на Кавказе также было очень тяжелой. Турки угрожали нашествием на Ахалкалаки, персиане уже заняли Елизаветпольскую провинцию и сосредоточили большие силы на границе Карабаха. В Кахетии все еще тлело пламя восстания. Царевич Александр вторгся в Грузию, многочисленные отряды лезгин наводнили всю Карталинию, угрожая Тифлису. Дагестан кипел заговорами, брожение начиналось в Кабарде. В это же время началась эпидемия чумы, которая быстро распространилась на горские племена. Местное население сел, расположенных вдоль Военной-Грузинской дороги, разрушило все имевшиеся там мосты и прервало сообщение Закавказья с Северным Кавказом.

В столь сложной обстановке заместитель генерал Н.Ф. Ртищев попытался вступить с Аббас-Мирзой в переговоры, но все усилия решить спор дипломатическим путем были напрасны.

Нашествие наполеоновских войск на Россию, начавшееся 12 июня, первые неудачи российских войск, оставление ими Москвы повысило воинственность персов, а заигрывание с кавказскими вождями только убедило их в слабости России в Кавказском регионе.

В октябре 1812 года 30-тысячная персидская армия Аббас-Мирзы вторглась в Талышинское ханство и взяла Ленкорань. Шахским окружением эта победа была объявлена стратегической. Были сделаны попытки под нее получить одновременно помощь в Англии и во Франции, но все они не достигли цели.

Ввиду невозможности договориться, у Ртищева не оставалось ничего другого, как «убедить» врага с помощью оружия. К счастью, эта задача была возложена на ранее отличившегося в боях 35-летнего генерал-майора П.С. Котляревского.

Петр Степанович Котляревский всю свою военную службу провел на Кавказе. Сын священника, он окончил духовную семинарию в Харькове. Но затем по собственному желанию в 1793 году сменил рясу на мундир рядового Кубанского егерского корпуса. В составе отряда генерала Булгакова в 1796 году Котляревский совершил свой первый поход в Дагестан, участвовал в штурме Дербента. Но только в 1799 году ему был пожалован чин подпоручика.

Дальнейшая жизнь Петра Степановича представляла собой сплошную цепь походов, боев, побед, наград, чинов и ранений. В 1810 году, командуя отдельным отрядом в 400 человек, Котляревский умелым маневром взял штурмом крепость Мигри, оборонявшуюся двухтысячным персидским гарнизоном. За эту победу он был награжден золотой шпагой и орденом Св. Георгия 4-й степени, а вскоре затем получил чин генерал-майора.

В сентябре 1812 года Петр Степанович был послан в Карабах. Быстро очистив берега Аракса от мелких персидских отрядов и взяв укрепление Каз-Кала, русский генерал попытался даже вторгнуться на территорию противника. За эти победы Котляревский удостоился ордена Св. Анны 1-й степени и ежегодной аренды в 1200 рублей.

Генерал предложил командующему нанести удар по противнику, не дожидаясь сосредоточения всех его сил, но Ртищев не одобрил этого плана, порекомендовав лишь

внимательно наблюдать за неприятелем. Тогда Котляревский решил действовать на свой страх и риск. 19 октября с отрядом в 2250 человек при 6 орудиях он скрытно переправился через Аракс и, зайдя в тыл противнику, внезапно атаковал 30-тысячную персидскую армию. Растерявшийся враг бросился враспынную, оставив на поле боя все имевшиеся у него 12 орудий и около 50 фальконетов. Преследуя персов, к концу дня русские войска ночным штурмом овладели крепостью Асландуз.

Разгром персидской армии был полный. На поле боя и на путях бегства противник потерял убитыми и ранеными более 9 тысяч человек, еще 537 были пленены. Урон русских войск составил 28 человек убитыми и 609 ранеными. Котляревский, составляя доклад о причиненном врагу ущербе, указал число убитых всего в 1200 человек. «Ведь все равно не поверят ни в Тифлисе, ни в Петербурге», – горько улыбнулся он. Поверили, но не русскому генералу, а информации английского резидента в Персии. С небольшой задержкой Петр Степанович за асландузскую победу был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. Ртищев же за свою нерешительность также получил высокую награду – он был отмечен орденом Св. Александра Невского.

У персов оставалась последняя надежда на крепость Ленкорань, обороняющуюся отборным четырехтысячным гарнизоном и запиравшей путь с Кавказа в Персию. В середине декабря Котляревский с двухтысячным отрядом все при тех же 6 орудиях двинулся на покорение персидской твердыни. Разгромив по пути тысячный гарнизон укрепления Аркеваль, 27 декабря русские войска подошли к Ленкорани. Из-за недостатка артиллерии и быстрого наступления зимних холодов, Котляревский решился на штурм крепости с ходу. «Мне, как русскому, – писал он, – осталось только победить или умереть, ибо отступить – значило бы посрамить честь русского оружия, отдать навсегда в руки персиян талышинские владения и жертвовать притом потерей людей во время отступления от чрезвычайного холода, голода и неприятеля, который по скверным дорогам мог наносить большой вред».

Прежде, чем начать штурм, Котляревский попытался уговорить персидского коменданта добровольно сдаться на почетных условиях. Но Садык-хан ответил с большим достоинством: «Напрасно вы думаете, генерал, что несчастье, постигшее моего государя под Асландузом, должно служить мне примером. Один Аллах располагает судьбой сражения и знает, кому пошлет свою помощь».

Штурм начался на рассвете в первый день нового 1813 года. Гарнизон Ленкорани оказал отчаянное сопротивление. Первая группа русских смельчаков, взобравшихся на стену, в течение нескольких минут на глазах товарищей были изрублены на куски. Их головы дико скалились на пиках, выставленных на стенах, словно предупреждая остальных о неизбежной участи. Вторую волну атакующих возглавил сам Котляревский. Поднявшись одним из первых на стену, он тут же упал, раненный сразу тремя пулями в голову. Но несмотря на раны Петр Степанович продолжал управлять боем, который завершился победой русских войск. Гарнизон Ленкорани полег весь. В крепости было подобрано 3737 трупов персидских солдат и офицеров, найдено 8 орудий и 2 знамени. Потери русских составили 341 человек убитыми 639 ранеными.

Персидский шах, потрясенный рядом поражений, запросил мира, договор о котором был подписан в Гюлистане 12 октября 1813 года. По его условиям Персия отказывалась от притязаний на закавказские земли: ханства Карабахское, Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское и Талышенское. По случаю заключения мира Ртищев получил чин генерала от инфантерии и право носить вытребованный им у шаха бриллиантовый орден Льва и Солнца 1-й степени.

Прекращение войны с Персией позволило Ртищеву быстро навести порядок в Кахетии. На несколько лет на Кавказе наступило относительное спокойствие, которое командующий использовал для укрепления административной власти на местах и благоустройства края. Были проложены десятки километров дорог, возведено несколько мостов, отремонтированы крепостные стены городов, налажены торговые отношения с южными районами России. За успешную административную деятельность на Кавказе Ртищев был награжден орденом Св. Андрея Первозванного. В 1816 году он попросился в отставку от военной службы, получил ее, и был назначен сенатором. В этом качестве он и завершил свою карьеру и службу России.

Намного трагичнее сложилась судьба кавказского героя генерала Котляревского. За взятие Ленкорани он был отмечен орденом Св. Георгия 2-й степени и чином генерал-лейтенанта. Однако

многочисленные раны не позволили Петру Степановичу продолжить военную службу.

В 1826 году, с началом следующей войны с Персией, Николай I произвел Котляревского в генералы от инфантерии и предложил возглавить действия русских войск. Но Петр Степанович отказался от этой чести, уступив место более молодым и здоровым. О нем в это время Пушкин писал:

«Тебя я воспою, герой,
О Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой –
Твой путь, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
Ты здесь покинул саблю мести,
Тебя не радует война;
Скучая миром, в язвах чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашних долов».

За несколько дней до кончины, случившейся 21 октября 1851 года, Котляревский показал родным небольшую коробочку, в которой хранилось 40 осколков черепной кости, извлеченных из его головы после штурма Ленкорани. «Вот что было причиною, почему я не смог принять последнего назначения от государя и служить до гроба престолу и Отечеству. Пусть все это останется вам на память о моих страданиях», – сказал он. Отважный генерал был похоронен в Крыму неподалеку от Феодосии на мызе «Добрый приют», на которой он безвыездно проживал последние 13 лет.

В числе выдающихся кавказских воинских начальников начала XIX века были также начальник Кавказской линии генерал-лейтенант Г.И. Глазенап, генерал-майор П.Г. Лихачев, генерал от инфантерии С.А. Булгаков, генерал-майор С.А. Портнягин.

Григорий Иванович Глазенап до появления на Кавказе особых воинских заслуг не имел. Он начал службу в 1764 году, участвовал во многих войнах и в конце века вышел в отставку генерал-майором. Император Александр I вновь призвал его на службу, произвел в генерал-лейтенанты и отправил на Кавказ. Прибыв туда, он основал новые казачьи укрепления и, реорганизовав кавалерию, нанес неприятелю несколько ощутимых поражений. За два его удачных похода в Кабарду отважный генерал был награжден орденами Св. Анны 1-й степени украшенным алмазами и Св. Владимира 2-й степени. Узнав о предательском убийстве генерала Цицианова, Глазенап организовал поход на Дербент и Баку, но новый главнокомандующий Гудович не оценил его усилий. Обиженный, он покинул Кавказский край в 1807 году, приняв командование войсками Сибирской линии.

Генерал-майор Петр Гаврилович Лихачев начал военную службу в 1783 году под предводительством А.В. Суворова. Нес службу на Кубанской линии, участвовал во многих боях и походах. Позже, проходя службу в районе Пятигорска, он занялся обустройством этого края. Он придавал большое значение горной выучке войск, формированию у них боевого духа. Он первым из кавказских генералов решился отступить от форменной одежды, допустив изменения, которые наиболее способствовали театру военных действий. В результате войска под командой П.Г. Лихачева одержали ряд побед над горцами. Храбрый и распорядительный командир был удостоен нескольких боевых орденов, включая орден Св. Георгия 3-й степени. Позже он успешно участвовал в войнах с наполеоновской Францией, был одним из героев Бородинского сражения. Умер от ран, полученных в этом сражении.

Генерал от инфантерии Сергей Алексеевич Булгаков по ходатайству Гудовича в 1806 году был призван из отставки и назначен командующим войсками на Кавказской линии. Он вступил в командование силами, которые в то время вел генерал Глазенап на Баку и 3 сентября 1806 года занял этот город. Но условия жизни в этом городе для русских были очень тяжелыми. Командующий приказал оставить в Баку небольшой гарнизон, а сам с основными силами двинулся на Кубу и привел ее правителя к присяге. Затем он начал отвод войск к Кизляру. В следующем году С.А. Булгаков начал наступление на Чечню, затем воевал за Кубанью, принял

присягу верности от кабардинцев. Но последние быстро забыли свои обещания и начали против русских военные действия. Это обстоятельство подорвало авторитет генерала в Петербурге и в начале 1811 года он был смещен генералом Мусиным-Пушкиным. Обиженный этим, он выехал в Россию, где вскоре умер.

Генерал-майор Семен Андреевич Портнягин начал службу рядовым в 1773 году и только через восемь лет был произведен в офицеры. Он участвовал во многих войнах и сражениях, быстро продвигаясь в чинах, а в 1800 году уже генералом появился на Кавказской линии. Портнягин внес большой вклад в боевую подготовку войск, особенно кавалерии, в 1803 году руководил войсками при взятии Ганжи, получив за это орден Св. Георгия 3-й степени. Затем он отличился при осаде крепости Эривань. В 1809 году он удержал удар персов, защитив границы Грузии. Но затем начались беспорядки в Кахетии и других землях. Официальными русскими войсками действия Портнягина были оценены неудовлетворительно, он был предан суду и отстранен от должности. Отставной генерал без всякого дела несколько лет прожил в Тифлисе. Только с приходом А.П. Ермолова он был возвращен на военную службу и умер на боевом посту в апреле 1927 года.

Авантюра Медокса

В начале Отечественной войны 1812 года на Кавказе появился конногвардейский поручик Соковнин, который предъявил документ за подписью военного министра, позволявший ему сформировать из кабардинцев и черкесов конный полк для участия в боях с французами. Данная идея была не нова. Она вынашивалась еще генералом П.С. Потемкиным, предлагавшим создать кавказскую гвардейскую сотню для почетного эскорта Екатерины II, но тогда горцы не откликнулись на его призывы. Позже с этой же идеей в Петербург обращался Цицианов. Дальше других пошел генерал Ртищев, который для решения этого вопроса даже организовал делегацию кабардинцев в Петербург. Обласканные государем, кабардинцы обещали выставить конную сотню для императорского конвоя. Но в составе этой делегации были люди, не пользовавшиеся уважением населения и духовенства. Поэтому после возвращения они были изгнаны из родины приговором старейшин и духовенства.

Соковнин же действовал более успешно. Прежде всего он добился расположения местного русского начальства. Вице-губернатор Врангель для этого мероприятия выделил большую сумму денег, генерал Портнягин сам ездил по линии и склонял знатных горцев вступать в ополчение.

Затем Соковнин деньгами и щедрыми обещаниями всевозможных почестей и благ соблазнил нескольких князей. Первыми явились на сборное место князья Бековичи-Черкасские и Араслан-Гирей, потомок Чингисхана. За князьями двинулись их вассалы и подданные. В результате появилась возможность поставить под русские знамена несколько тысяч отборной кавказской конницы, не имевшей себе равных в сабельном бою. Кабардинцы, красивые, стройные, одетые в железные кольчуги, блистая дорогим оружием, представляли собой не только грозную силу, но и красивое зрелище.

Дело сорвалось самым неожиданным образом. Случайно выяснилось, что никакого поручика Соковнина правительство на Кавказ не посылало. Организатором всего дела оказался самозванец англичанин Медокс, сын учредителя и владельца московских театров, имевший в русской армии чин корнета и от природы – великое воображение и жажду подвигов. Последнее-то и толкнуло его на авантюру, едва не завершившуюся успехом. Правда, бытовало мнение, что ловкий молодой человек, свободно владевший, кроме русского и английского, латинским, немецким, французским, старославянским и несколькими языками кавказских народов, мог представлять и более могущественные силы. Первоначальный же успех его миссии был определен исключительно умением подделывать подписи российских министров и других высших чиновников, указами которых он ввел в заблуждение кавказское начальство.

После разоблачения Медокса кавказская конница, готовая к выступлению в поход, была распущена, а сам он под стражей направлен в Петербург. Проведенное на месте расследование показало, что все полученные обманом путем из казны деньги он тратил исключительно на задуманное им дело. Это вызвало удивление высших военачальников и чиновников и только усилило недоверие к Медоксу. Между тем, перед убитием тот просил поверить в его добрые

намерения и не распускать конницу, которая могла бы принести пользу России в войне, а затем решить многие проблемы на самом Кавказе. Но его уже не желали слушать.

Самозванец был заключен в Петропавловскую крепость, где провел более 12 лет, пока тянулось следствие. По его итогам Медокс был приговорен к смертной казни через повешение. Но Александр I, учтя бескорыстие и энтузиазм «преступника», нашел возможным заменить смертный приговор ссылкой в Иркутск, где Медокс под надзором содержался до начала тридцатых годов.

В Иркутске загадочный ссыльный был принят в местном светском обществе, представители которого поражались его образованности и обаянию, но разгадать этого человека до конца так и не смогли. Возникло предположение, что он состоял членом какого-то тайного европейского общества, имевшего виды на Россию и, в частности, на Кавказ. Но доказательств этому не имеется. На многочисленные вопросы любопытных Медокс неизменно отвечал:

– Я имел поручение, но зависть и интриги испортили прекрасное предприятие.

О содержании поручения и его источнике он никогда никому не говорил, что только подогревало любопытство окружающих и давало почву для самых невероятных вымыслов, не подтвержденных фактами.

По возвращении из Сибири Медокс некоторое время жил в Петербурге. Затем, вновь арестованный по непонятной причине, долгое время содержался в Шлиссельбургской крепости, откуда вышел лишь после Восточной (Крымской) войны уже глубоким стариком. Он умер 5 декабря 1859 года и был похоронен в селе Поповки Каширского уезда Тульской губернии, унеся многочисленные тайны с собой в могилу.

Сегодня трудно рассуждать о том, что было бы, если бы затея Медокса удалась и черкесское ополчение влилось в состав русской армии? Едва ли это могло повлиять на ход войны. Но само боевое сотрудничество горцев с русскими и поход их в составе победоносных российских войск по странам Западной Европы несомненно должны были сделать свое дело. Возможно, оно ослабило бы напряженность последующей многолетней непримиримой борьбы, или же сделало бы ее еще более беспощадной. Но история не признает сослагательных наклонений, поэтому кавказская авантюра Медокса еще требует детального исторического исследования.

Чеченский пленник Дельпоццо

События в Закавказье не могли не отразиться на обстановке в северных районах региона, особенно расположенных вблизи основной коммуникации – Военно-Кавказской дороги. Внутреннюю политику там определяли кабардинцы, осетины, ингуши и чеченцы. Последние были особенно активными.

В начале XIX века у чеченцев появился новый предводитель – Шали Бей-Булат Таймиев. О происхождении и истории возвышения этого человека ничего не известно. Зато известно, что 27 сентября 1802 года большой отряд чеченцев во главе с Шали Бей-Булатом с целью грабежа напал на казачьи кордоны. В одном из боев им удалось захватить в плен небольшую группу русских, в составе которой был генерал-майор Иван Петрович Дельпоццо.

Судьба этого человека была весьма необычной. Уроженец Тоскани, он некоторое время служил различным монархам Европы, пока, наконец, в возрасте 36 лет в 1775 году не поступил на российскую службу. В течение 20 лет Дельпоццо работал в Сухопутном кадетском корпусе, а в 1795 году, получив в командование Казанский пехотный полк, был направлен на Кавказскую линию. Там он стал генерал-майором. Но с приходом к власти Павла I тосканец имел несчастье обратиться к нему с какой-то личной просьбой, которая была найдена «неприличной» и проситель получил отставку от службы.

В ожидании пересмотра дела Иван Петрович жил частным образом на Кавказской линии в небольшой крепости Ивановской, которая в то время находилась между станицами Новогладковской и Щедринской. Никакого влияния на события, происходившие в том районе, он не имел. Однако о пленении чеченцами русского генерала сразу же стало известно в горах и на линии.

После пленения с целью получения выкупа И.П. Дельпоццо был увезен в аул Герменчук. Откуда чеченцы через своих посыльных дали знать на линию, что вернут генерала за 20 тысяч рублей серебром.

Иван Петрович Дельпоццо

Цицианов приказал начать переговоры. Для их ведения в Герменчук был послан доверенный человек. Он увидел пленника в ужасном состоянии. «Перед ним был не человек, а скелет. Тяжелые оковы висели на руках и на ногах его, а на шею надето было толстое железное кольцо с огромным висячим замком, и от этого кольца тяжелая цепь продета была сквозь стену и укреплена снаружи к толстому и прочному столбу. Постелью Дельпоццо служил изорванный лоскут овчины, брошенный на голый пол, а одежды на нем не было почти никакой».

Такая жестокость к беззащитному пленнику чеченцами была проявлена исключительно с целью вызвать к нему жалость у соплеменников и заставить их раскошелиться. Русские быстро поняли это, поэтому переговоры в Герменчуке вскоре обрели форму откровенного торга. В конце концов чеченцы снизили сумму до 4200 рублей, но и эти деньги отыскать было сложно.

Тогда Цицианов решился на крайнюю меру. Он приказал генералу Шепелеву осуществить набег на те селения, через которые чеченцы везли Дельпоццо в Герменчук и произвести захват скота. Захваченный скот был затем продан за 10 тысяч рублей все тем же чеченцам. Из этой суммы 8400 рублей были предложены чеченцам в качестве выкупа за генерала. Это было в два раза больше, чем по договору, и захватчики не устояли. И.П. Дельпоццо был освобожден, по сути дела, за чеченские деньги.

После возвращения из плена И.П. Дельпоццо был восстановлен на службе и назначен приставом кабардинского народа. На этом посту он проявил недюжий талант администратора. Отказавшись от ранее практиковавшейся политики натравливания князей и уорков друг на друга, он предложил всем сторонам строить жизнь на условиях мирного сосуществования и экономической выгоды. Современник писал: «Родовые суды, составлявшие предмет постоянного неудовольствия кабардинцев, были уничтожены, и власть их вручена почетным ахунам и кадиям. Земли, на которых стояли русские укрепления, были разграничены, и гарнизоны, получив определенное число десятин, обязались под строгой ответственностью наблюдать, чтобы скот их не заходил на смежные дачи кабардинцев. Торговля развивалась потому, что каждый кабардинец свободно являлся на линию для сбыта своих произведений, а в Константиногорске и в Георгиевске с этой целью построены были мечети и при них богатые караван-сарай. Но главным образом Дельпоццо обратил внимание на воспитание молодого поколения – в двух наиболее важных пунктах, Георгиевске и Екатеринограде, устроил школы, в которые поступали дети кабардинских владельцев и князей; по окончании здесь курса их предполагалось отправлять в кадетские корпуса и выпускать офицерами в армию».

По сути дела генерал И.П. Дельпоццо разработал и начал осуществлять комплексную программу преобразования края. Но кабардинцы оказались морально не подготовленными к жизни в новых условиях. С уничтожением родовых судов постоянными стали случаи подкупа

духовенства при рассмотрении спорных вопросов, которое, к тому же, всегда стремилось вести дело не в интересах улучшения отношений аборигенов с Россией, а на благо единоверной Турции. Это нередко приводило к тому, что виновный выигрывал судебное дело лишь потому, что не дружил с русскими гяурами. Разграничение земель вызывало постоянные споры на линии. Мечети и караван-сарай, стоявшие казне больших денег, зачастую пустовали. Князья и старшины присылали детей в русские школы, но весьма неохотно затем направляли их в кадетские корпуса. Рядовые кабардинцы, широко пользуясь торговыми льготами и свободой перемещения на линии, не упускали возможности ограбить русских. Они угоняли скот, захватывали пленных, которых затем продавали в рабство в горные аулы.

Полным провалом завершилась попытка Дельпоццо использовать кабардинцев для борьбы с чеченцами на стороне русского командования. Соблазненные деньгами и возможной добычей, некоторые князья и уорки собрали для похода отряды. Но они дошли только до Сунжи, а дальше идти отказались. Русское командование должно было отказаться от помощи горцев и распустить их ополчение по домам. По этому поводу Гудович писал Дельпоццо: «Крайне сожалею, что кабардинцев не удалось употребить в настоящее дело с чеченцами, ибо вся цель моя была та, чтобы поссорить эти два народа между собой, поселить между ними вражду и этим самым со временем их ослабить».

Потерпев фиаско в устройстве Кабарды, в 1810 году Дельпоццо стал комендантом Владикавказской крепости, где занялся налаживанием российско-ингушских отношений. В этом деле ему удалось добиться определенных успехов, но уже не только мирными средствами.

До этого времени ингуши, обитавшие в верховьях Сунжи, не признавали над собой власть России и враждовали с осетинами, многие из которых состояли на российской службе. Этой враждой умело пользовались чеченцы, которые проходили через ингушские земли и разоряли окрестности Владикавказа. В 1810 году произошел очередной опустошительный набег, но русским и осетинам удалось не только удержать Владикавказ, но и нанести чеченцам поражение под его стенами. Хищники, обремененные добычей, начали медленно уходить на восток через ингушские земли.

Дельпоццо решил воспользоваться ситуацией и обратился за помощью к ингушам, пообещав им богатую добычу. Соблазненные, те ударили чеченцам в тыл, в результате чего разбойники были почти полностью уничтожены. Правда, после этого отношения между чеченцами и ингушами испортились. Появилась угроза нападения воинственных горцев на Назрань и другие села. Для их защиты Дельпоццо предложил разместить в Назрани русский гарнизон, что было ингушами с благодарностью принято. Это был большой успех, учитывая близость ингушей к Военно-Грузинской дороге.

Чеченцы, населявшие равнинную часть, также со временем начали сотрудничать с российскими властями. Нередко к такому сотрудничеству удавалось склонить и некоторых вождей горных чеченцев. Так, известный Шали Бей-Булат Таймиев 6 сентября 1807 года вместе со своим товарищем сдался русским властям. Он был пожалован чином поручика с годовым окладом в 250 рублей. Некоторое время этот человек в форме русского офицера гордо разъезжал по Тифлису, но в начале следующего года за организацию нападений на казачьи станицы он был лишен чина и жалованья. После этого он стал главным организатором набегов чеченцев на русскую линию.

31 мая 1811 года Шали Бей-Булат Таймиев возвратился на русскую службу, но спустя некоторое время, захватив в заложники майора Швецова, вновь ушел в горы и затребовал за пленного крупный выкуп. И снова ему удалось получить деньги и начать с русским командованием двойную игру.

Новый главнокомандующий генерал Ртищев поручил И.П. Дельпоццо командование 19-й пехотной дивизией, части которой составляли основную военную силу на Кавказской линии. Однако в этой должности старый генерал ничем себя не проявил и в 1816 году был переведен комендантом в Астрахань. Там он и умер 12 февраля 1821 года на 83-м году жизни.

Глава 5 Эпоха Ермолова

Кавказский край в 1816 году

Кавказский край, который постоянно раздирали внутренние распри, периодически захватывали турецкие, персидские и русские войска, постоянно менялся. Возникали одни государственные образования и исчезали другие, постоянно сменялись правители этих образований, перемешивались народы. В то же время каждый из народов максимально стремился соблюсти свою территорию, язык, веру и обычаи. В результате этого возникали войны, которые зачастую приобретали характер затяжного вооруженного конфликта. С появлением на Кавказе русских войск и администрации эти войны и конфликты стали более редкими, что привело к стабилизации обстановки на Кавказе настолько, что появилась возможность составить более или менее полное описание этого края.

Это и сделал в своих Записках А.П. Ермолов, который в 1816 году был назначен командиром Кавказского корпуса, а значит, и наместником Российского императора в Кавказском крае. Обладая наблюдательностью исследователя и немалым писательским талантом, Алексей Петрович достаточно ярко и красочно описал все кавказские земли и дал меткие характеристики их правителям. Позже ермоловские Записки были опубликованы, благодаря чему потомки получили возможность взглянуть на Кавказ глазами крупного российского администратора первой четверти XIX века.

Безусловно, А.П. Ермолов был не только человеком своего времени, но и крупным военачальником. Его литературный язык пестрит словами и эпитетами, которые могут «резать» слух человека XXI века. Поэтому мы решили позволить себе некоторые объяснения и отступления от текста автора. Также надо понимать, что как военачальник Алексей Петрович смотрит на

Кавказ как на поле предстоящей битвы, не вдаваясь в особенности религии, культуры и обычаев его народов. Это большой минус, с которым можно смириться только ввиду отсутствия других источников.

И все же, только благодаря обстоятельным Запискам А.П. Ермолова можно достаточно ясно представить себе положение почти всех административных единиц Кавказского края по состоянию на 1816 год, получить сведения об их населении и правителях. Поэтому мы берем на себя смелость с небольшими исправлениями и дополнениями практически процитировать раздел Записок А.П. Ермолова, касающихся устройства Кавказского края:

«Грузия постоянно занята нашими войсками и в ней вводится постепенно наш образ управления при действии собственных законов, составленных царем Вахтангом, коим сохранена прежняя сила.

Грузию собственно составляют: Карталиния, округ чрезвычайно хлебородный; Кахетия, разделенная на Телавский и Сигнахский уезды, из коих первый изобилует прекраснейшими виноградниками; последний, не столько много занимаясь разведением садов, имеет довольно обширное хлебопашество. Карталинии принадлежит часть осетин, живущих в горах. В недавнем времени они начали принимать христианскую веру. Успехи оной, хотя еще очень ничтожные, но можно надеяться, что, получив более доверенности к правительству, ибо приемлющим крещение оказывается особое внимание, они переменят зверские свои обычаи и склонности к воровству.

Кахетия разоряема была многолюдными толпами сходящих с гор лезгин. На Карталинию нападали соседние с ней осетины и лезгины, которых содержал у себя ахалцыхский паша, не взирая на существующий мир между Россией и Портой.

С Кахетиею смежны небольшие земли, в коих живут народы, именуемые пшавцы и тушинцы, издавна покорствовавшие грузинским царям. Они имеют богатое весьма скотоводство, склонностей воинственных, верны правительству. Над ними от начальства поставлен пристав из грузин, ибо необходимо знать язык. Не всегда же повинуются они надлежащим образом и доселе почти в диком состоянии.

Сомхетия, войнами опустошенная, почти никакого населения не имеет. Бамбаки и Шурагель, малые весьма округа, в последнюю с Персией войну разоренные, в коих и доселе мало жителей. Дистанции татарские: Барчалинская, Казахская и Шамшадильская, довольно населенные, имеющие хорошее хлебопашество и богатое весьма скотоводство.

К Грузии присоединен Елисаветпольский округ – бывшее ханство Ганжинское... Округ сей богат скотоводством, производит лучшую пшеницу в здешней стране, имеет посеvy сарачинского пшена и шелковичные сады. Доходы казне приносит более, нежели прочие округа Грузии».

Говоря о состоянии грузинского общества А.П. Ермолов пишет о том, что обстановка в нем в то время во многом зависела от интриг, которые плелись руками беглого грузинского царевича Александра – сына покойного Ираклия, имевшего покровителей в Персии. Время от времени Александр появлялся в Грузии «сопровождаясь большим числом лезгин, и склонное к измене грузинское дворянство» тут же переходило на его сторону, «увлекая за собой добрый и простодушный черный народ». В результате этих набегов «лезгины, грабежом ненасытные, обогащались добычей, а грузины на глазах подлого беглеца-царевича толпами угонялись в плен и продавались в рабство». За такую поддержку «царевич содействующему ему дворянству раздавал грамоты на имения тех, которые, оставаясь верными правительству, ему противились». При этом отмечалось, что при встрече с русскими войсками лезгины и царевич Александр «знаменитый своей трусостью» всегда обращались в бегство.

Невысокого мнения был А.П. Ермолов и о грузинском дворянстве. Он писал, это сословие в Грузии весьма многочисленное, а «князей столько же... как графов в Польше». При этом ни князья, ни обычные дворяне, как правило, не в состоянии документами подтвердить их права. Большим влиянием пользовались семьи, состоявшие в родстве с царским домом, но предпочтение всегда отдавалось силе и богатству. Поэтому «богачейшим из князей, которые могли поставлять большее число воинов, оказываемо было предпочтение, прощались вины и преступления. Они привыкли к своевольству, и оное нередко переходило в непослушание против царей и даже измены. В Грузии почти нет княжеской фамилии, из которой бы не было несколько изменников в бегах в Персии или Турции».

А.П. Ермолов пишет, что в Имеретии, независимой от Грузии, было учреждено временное

правление. Он отмечает, что «бедная сия земля, бывшая до 1810 года особенным царством, заключает в себе пять округов» но ее население «жестокою моровою язвою уменьшено более, нежели наполовину».

Со стороны Черного моря беспокоили Грузию «никакой властью не обуздываемые народы, известные под именем ачарцев и кобулет», а на Абхазию нападали жители гор, которые считали себя подданными Турции.

В южной части Кавказского края находилось ханство Карабахское, которым управлял хан Мехти, имевший чин генерал-майора русской армии. Но отец этого правителя был убит за связь с персами, которых он неоднократно приглашал на свои земли для совместной борьбы с русскими. Сестра хана была замужем за шахом персидским, и брат постоянно общался с ней. Поэтому верность России со стороны карабахского хана была более чем сомнительной.

В то же время Алексей Петрович отмечал, что ханство Карабахское «в 1805 году покорилось первое власти государя. Хан в ознаменование зависимости платил дани восемь тысяч червонцев. С того самого времени войска наши имели пребывание в ханстве, и персияне смотрели с завистью на богатейшую землю сию, доставшуюся в руки наши».

Говоря о состоянии Карабахского ханства, А.П. Ермолов писал, что его население насчитывает всего около 24 тысяч семейств, так как другая половина либо угнана в плен персами, либо, оставив родную землю, «разошлась по разным местам». Селения Карабаха практически не отстраиваются, «повсюду видны развалины городов и больших деревень, остатки обширных шелковичных садов и земледелия, свидетельствующие о богатом некогда земельном состоянии» края.

«Нынешний хан, не радеющий о благоустройстве земли, доверчивый к окружающим его чиновникам, которые его обманывают, проводит время в распутстве, ничем более не занимаясь, как охотою с собаками или ястребами».

Карабахское ханство граничило с Ширвинским ханством, которым управлял хан Мустафа, имевший чин генерал-лейтенанта русской службы. Этот человек долгое время откровенно враждовал с русскими, а в 1796 году во время прихода в его ханство войск генерала В.А. Зубова, бежал в Турцию. Но когда войска графа Зубова были отозваны в Россию, он вернулся обратно, изгнал поставленного русскими правителя и продолжил правление ханством. До 1806 года Мустафа-хан не признавал над собой власти России, но затем, «видя пример взятия оружием Ганджинского ханства и вошедшего в подданство России ханства Карабахского, он поверг себя в покровительство императора и в знак подданства обязался платить восемь тысяч червонцев дани. Но с переменою состояния своего не переменил он своих свойств...»

В то же время А.П. Ермолов был вынужден признать, что «Мустафа-хан управлял ханством лучше прочих владетелей. Народ им собственно не был отягощен. Но если и терпел некоторое утеснение, то единственно от предоставленной им власти бекам (род дворянства), между коими сделал он многих себе приверженцев. В земле была полиция, нередко наказывалось воровство, с исправностью собирались доходы. Хан жил довольно великолепно и служивших ему нередко награждал щедро».

Со стороны Российского правительства при ширванском хане находился пристав из офицеров. Но Мустафа-хан, «умел так отделять его, что тот ничего не знал о его связях и поведении, и только собирал некоторые сведения от приверженных нам армян, живущих в Ширване».

Население Ширванского ханства составляло около 20 тысяч семейств. При этом указывалось, что часть населения в летнее время «по причине чрезвычайного зноя удаляется в горы и потому прочной оседлости не имеет. Ханство изобилует шелком, сарачинским пшеном, всякого рода хлебом, имеет на реке Куре богатейшие рыбные ловли и многочисленное скотоводство. Есть там конские заводы, но с кабардинскими не могут сравниться...»

Ширванское ханство граничило со Шекинским ханством, которым управлял хан Измаил, имевший чин генерал-майора русской службы. А.П. Ермолов увидел в нем «человека весьма молодого, наклонностей развратных, в управлении подвластными неправосудного, в наказаниях не только не умеренного, но жестокого, кровожадного». В Тифлис поступало на Измаил-хана множество жалоб. Но хан смог богатыми подарками купить расположение к себе генерала Ртищева и его чиновников, в результате чего вел себя откровенно вызывающе.

Далее шло Тальшинское ханство, которое ввиду его разорения персиянами, по словам А.П. Ермолова, «имеет малое народонаселение, доходы весьма скудные, которыми пользуется хан, не платя в казну никакой дани».

Еще одно – недавно образованное Куринское ханство – находилось в управлении полковника хана Аслана, который был ставленником Российского правительства. Незначительное население этого ханства было чрезмерно обременено налогами, которые «чрезвычайно их разоряли».

Далее следовало Казикумыхское ханство, которое находилось во владении Сулхай-хана, «человека самого коварного, готового на всякие злодеяния». Этот хан по древности своего происхождения был весьма уважаемым среди правителей горских народов. Он сразу же выступил против России и участвовал во всех операциях, направленных против русских войск. За это по приказу русского командования Сулхай-хана лишили части его земель, образовав из них Куринское ханство. Сулхай-хан, потерпев поражение, бежал в Турцию. Но затем во времена командования Кавказским корпусом генералом Ртищевым, вернулся на родину и силой оружия изгнал русского ставленника. После этого Сулхай-хан, собрав своих сторонников, укрылся в горах, спускаясь в селения только для сбора дани. Само Казикумыхское ханство, «по словам людей, хорошо его знающих, имеет жителей до 15 тысяч семейств. Хан никакой дани России не платит».

Определенный интерес представляют рассуждения А.П. Ермолова об Аварском ханстве. По его словам это ханство «лежит в середине гор Кавказских, отовсюду почти неприступных, и никогда русские в нем не бывали. Жители оною бедны, ведут жизнь самую суровую, наклонностей воинственных».

Прежний владелец Аварского ханства Умай-хан «был знаменит в здешних странах военными своими подвигами. Не раз он делал удачные на Грузию нападения, разорил серебряные и медные ее заводы...» Неудивительно, что военные удачи Умай-хана «привязали» к нему многие горские народы, которые всегда были алчными до добычи. Поэтому в своих набегах он появлялся, сопровождаемым большими силами. Именно Умай-хан, по мнению Ермолова, приучил аварцев к грабежам, «и Грузия, можно сказать, почти беззащитная, внутренними раздорами истребляемая, удовлетворяла их алчность...»

Теперешний Агмед-хан, генерал-майор русской службы, не знаю почему, получает жалованья по пять тысяч рублей серебром, уверяя, что он нам приносит пользу влиянием своим на горские народы Дагестана, которые будь то воздерживает от нападений на Грузию. Хан сей дани никакой не платит, никаких обязанностей на себя не принимал. В Тифлисе содержится от него аманат на казенном иждивении».

Другой дагестанский правитель – умцей Каракайдацкий (провинция соседствующая с Дербентом), хотя и признавал власть России, но всегда поддерживал связь с враждебными ей народами. Имеет зависимость от России, но всегда в связи с народами, нам не благоприятствующими. Время от времени в его землях вспыхивали волнения, но умцей всегда докладывал, что усмирял их собственными силами. В результате этого официальная власть не вмешивалась в дела Каракайдацкой провинции, правитель которой «дани в казну не платит, никаких обязанностей не имеет, за безопасность проезжающих через его владения не отвечает».

Через Каракайдацкие земли даже представители официальной власти «иначе, как с благонадежным конвоем, проезжать не могут». Для нормализации отношений представители русских властей в свое время предлагали правителям каракайдацкому и казикумыхскому «чин генерал-майора с двумя тысячами рублей серебром жалованья». Но они отвергли эти предложения на том основании, что не хотят быть ниже шамхала Тарковского, «который имеет чин генерал-лейтенанта и шесть тысяч рублей ежегодно».

Далее следовали «народы небольшой земли, называемой Табассарань», которые находились в подданстве России, но «по чрезвычайной бедности никакой пользы правительству не приносили».

В то время российское управление также распространялось и на Кубинскую провинцию, к которой были присоединены города Дербента и Баку. На этой территории действовали основные российские законы, «но суд отправлялся по закону и обычаям земли», то есть по местным

законам. И хотя жители данной провинции стремились доказывать свою лояльность по отношению к России, но они постоянно находились под угрозой нападения со стороны их бывшего правителя Шах-Али-хан, который скрывался в горах Дагестана и при помощи горцев «нередко с многочисленными толпами нападавал на провинцию, все разоряя на своем пути».

Ермолов упоминает также елисеуйского правителя полковника Агмат-бека, во власти которого находилась часть лезгин, спустившихся с гор на равнину. Его власть распространялась на две с половиной тысячи семей.

И, наконец, он пишет о некоем Чарском обществе, которое признает зависимость от России. Но присяга на подданство жителями этого общества была неоднократно нарушена. Причина кроется в том, что Чарское общество, которое «управляется избранными старейшинами, худо им повинуются». В обществе сем два класса людей. Высший класс составляют «пришедшие с гор лезгины», которые безраздельно господствуют над остальными. Низший – коренные жители этих земель, которые угнетаются лезгинами.

Особым разделом «Записок» А.П. Ермолова стало описание земель и народов Северного Кавказа, «против Кавказской линии обитающих», в число которых он включил закубанцев, кабардинцев, осетин.

Закубанцы в то время проживали на территории нынешнего Краснодарского края, от вершин по левому берегу реки Кубани. Они считались подвластными Турции и отличались своей воинственностью по отношению к соседям.

Далее следовала Кабарда, «некогда многолюдная, коей жители, почитаемые храбрейшими между горцами». Но кабардинцы, которые одни из первых были приведены к присяге русскому царю, в последующем неоднократно поднимали против него оружие. Это привело к тому, что русские войска время от времени совершали на территорию Кабарды карательные экспедиции, истребляя ее жителей и разоряя селения.

Причиной такого состояния дел А.П. Ермолов видел в том, что «кабардинцы менее чем сто лет назад были идолопоклонниками. Но затем правительство допустило водворение там мусульманской веры. Корыстолюбивые священнослужители приняли на себя разбирательство дел и вскоре все попало под власть их. Князья и лучшие кабардинские фамилии, потеряв всякое влияние, лишились уважения в народе», и Россия уже не имела внутри Кабарды влиятельной силы, на которую могла бы опереться. «Молодые люди знатнейшего происхождения вдалились в грабежи и разбои, и между ними отличался тот, кто более мог наносить вреда русским, нападая на безоружных поселян Кавказской линии и отгоняя табуны».

Так Кабарда, некогда союзная России, превратилась в одного из ее злейших врагов. Но на помощь русским пришла моровая язва, которая в короткий срок «уничтожив совершенно все население Малой Кабарды и произведя опустошение в Большой Кабарде, до того их ослабила, что они не могли уже, как прежде, собираться большими силами». В то же время кабардинцы, не отказавшись от борьбы с русскими, продолжали совершать набеги на Кавказскую линию «малыми партиями», постоянно нанося ей немалый материальный и моральный ущерб.

Рядом с кабардинцами, ближе к Большому Кавказскому хребту, проживали осетины. «Некоторая часть оных в совершенной покорности у кабардинцев... Некоторые из осетин вышли на равнину и заводят селения в окрестностях Владикавказа. Там же, в вершинах реки Сунжи, расположились выселившиеся из гор ингуши, народ воинственный, приведенный в покорность крутыми мерами...»

На Военной дороге, которая вела от Моздока в Грузию, проживали тугарцы – народность, которая признавала власть России.

Далее А.П. Ермолов достаточно подробно описал чеченцев. Это описание настолько точно и красочно, что предлагаем вам его практически без существенных исправлений и дополнений. Итак, Алексей Петрович пишет:

«Ниже по течению Терека живут чеченцы – самые злейшие из разбойников, нападающие на линию. Общество их весьма малоллюдно, но чрезвычайно умножилось в последние несколько лет, ибо принимались дружественно злодеи всех прочих народов, оставляющие землю свою по каким-либо преступлениям. Здесь находили они сообщников, тотчас готовых или мстить за них, или участвовать в разбоях, а они служили им верными проводниками в землях, им самим незнакомых. Чечню можно справедливо назвать гнездом всех разбойников.

Управление оной разделено из рода в род между несколькими фамилиями, кои почитаются старшинами. Имеющие сильные связи и люди богатые более уважаемые. По делам общественным, но более в случаях подготовки нападения или воровства, собираются вместе на совет. Но как все они почитают себя равными, то несколько противных голосов уничтожают предприятия, хотя бы и могли они быть полезными обществу, особенно если голоса сии поданы кем-нибудь из сильных людей.

Народонаселение в Чечне, с присоединившимся обществом качкалыков, считается не более нежели 6 тысяч семей. Земли пространством не соответствуют количеству жителей. Поросшие лесами непроходимыми, они недостаточны для хлебопашества, отчего много народа, никакими трудами не занимающегося и снискивающего средства существования едиными разбоями...

Селения чеченские, расположенные по берегу Терека, именуется мирными. Но они не менее прочих наполнены были разбойниками, которые участвовали прежде во всех набегах чеченцев на линию. В них собирались хищники и укрывались до того, пока мирные чеченцы, всегда беспрепятственно приезжавшие на линию, высмотрев какую-либо оплошность со стороны войск наших или поселян, могли провождать их к верным успехам».

С чеченцами по правому берегу Терека соседствовали кумыки, которых в то время разделяли на «андреевские, аксаевские и костековские народы». Эти народы также издавна были подданными России и вели себя в отношении русских весьма лояльно. В то же время А.П. Ермолов отмечает, что «каждое из трех владений кумыцких управляемо было старшим по летам баем или князем», которые по возрасту уже не могли управлять своим народом. В результате этого получалось, что, как правило, «правил наименее способный». Но так как население этих земель было малочисленным и не способным приносить казне реальные доходы, то правительство относилось к кумыкам довольно лояльно.

Далее на юг, вблизи устья реки Койсу, начинались владения шамхала Тарковского, имевшего чин генерал-лейтенанта российской службы. Это человек, как и его отец, «в царствование Екатерины II, чина тайного советника удостоенный», был верноподданным России. В то же время А.П. Ермолов отмечает, что если прежде шамхалы Тарковские пользовались большим авторитетом среди народов Дагестана, то «теперешнего шамхала соседи живут во вражде с ним, возмущают подданных его, и это является причиною того, что он более прежнего ищет покровительства начальства». И когда российские власти предложили шамхалу в городе Тарки, расположенном «на самой коммуникации нашей от Кизляра к Дербенту», разместить небольшой гарнизон под видом почетного караула, то «он отказал им в том».

На этом основании, Алексей Петрович делает вывод, что даже самый из, казалось бы, преданных России правителей кавказских народов на самом деле не является таковым. «Все прочие, о коих упомянул я выше, еще с меньшим чистосердечием расположены были к нам. Тишина и некоторое устройство удерживалось одним страхом, повсюду пребывание войск было необходимо. Охранение обширных границ требовало оных в большом количестве, в особенности Кавказская линия подвержена была беспрестанным набегам...»

Таким образом, по состоянию на 1816 год Кавказский край представлял собой довольно пестрый регион, разделенный многочисленными границами и населенный различными народами. Эти народы делились между собой по религии, обычаям и образу правления ими. Некоторые из народов, вернее из их правителей, на то время вступили в подданство России, другие оставались к империи на враждебных позициях. Часть населения Кавказа жила плодами собственного труда, другая откровенно предпочитала честному труду разбой и грабеж, видя в этом смысл своей жизни. Кавказские правители, даже при условии внешней лояльности в России, на самом деле ради корысти и других целей вели собственную игру, в которой напускная добропорядочность тесно переплетались с лицемерием, коварством и обманом. Безусловно, управлять таким краем было очень непросто.

Генерал А.П. Ермолов

В 1816 году командующим войсками отдельного Кавказского корпуса и начальником российской администрации на Кавказе был назначен 39-летний генерал-лейтенант Алексей Петрович Ермолов. В то время он был уже достаточно известной личностью не только в

российской армии, но и во всей Российской империи.

А.П. Ермолов родился 24 мая 1777 года в Москве в семье небогатого дворянина, но известного своими связями среди российской аристократии. Так, его жена – урожденная Давыдова – состояла в родстве с известными в России фамилиями Потемкиных, Раевских и Орловых.

Алексей получил хорошее домашнее образование, которое завершил в Благородном пансионе при Московском университете. Благодаря именитым родственным связям ему пророчили блестящую карьеру по гражданской службе, но Алексей выбрал другую судьбу – он стал военным.

Алексей Петрович Ермолов (1777–1861), главнокомандующий в Грузии, командир отдельного Кавказского корпуса (1816–1827), генерал от артиллерии

Как было принято в те времена, Алексей Ермолов в младенчестве был записан на военную службу. В годовалом возрасте он уже числился каптенармусом лейб-гвардии Преображенского полка, а в пять лет стал сержантом, а затем, не покидая родительского гнезда, был произведен в офицеры. В пятнадцать лет юного Ермолова привезли в Петербург, где он получил патент на чин капитана и назначение старшим адъютантом к генерал-поручику графу А.Н. Самойлову. Правда, назвать это «военной службой» как-то не поворачивается язык...

Но Алексей Ермолов каким-то образом добился отправки на театр военных действий, который в то время представляла собой Польша, сопротивлявшаяся очередному разделу. Он даже участвовал в 1794 году при штурме предместья Варшавы – Праги и по личному представлению А.В. Суворова получил орден Св. Георгия 4-й степени. Тогда ему было всего 17 лет...

В следующем году Алексей Петрович по протекции А.Н. Самойлова был командирован наблюдателем в Италию, где находился при штабе командующего австрийскими войсками генерале Девиса, которые вели бои с французами. Именно там, в Италии, молодой офицер Ермолов на практике столкнулся с трудностями организации и ведения боев в горах. Вероятно поэтому, вернувшись на родину, он получил назначение в Каспийский корпус графа В.П. Зубова и впервые в своей жизни оказался на Кавказе. В составе этого корпуса А.П. Ермолов в мае 1796 года штурмовал Дербент и за боевые заслуги был произведен в майоры. Тогда ему едва исполнилось 19 лет...

В таком возрасте человек может проявлять чудеса храбрости, но едва ли он способен

проявлять осторожность, особенно если его кумиры А.В. Суворов и В.П. Зубов вдруг потеряли свою популярность при новом правителе – императоре Павле I. В 1800 году 23-летний полковник Ермолов был уличен в республиканских взглядах, арестован и после двухмесячного заключения в каземате Алексеевского рavelина Петропавловской крепости сослан в Кострому. Данный случай послужил хорошим уроком для Алексея Петровича на всю оставшуюся жизнь: осторожность, скрытность, умение лавировать между различными политическими течениями и группами стали главными чертами его характера. В то же время в вопросах службы он оставался прямолинейным и жестким человеком, способным на смелые решения.

После воцарения Александра I А.П. Ермолов в числе других опальных был возвращен из ссылки и вновь принят на военную службу в прежнем чине полковника артиллерии. Он активно участвует в войнах с наполеоновской Францией 1805–1807 годов, сражается при Амштеттене, Кремсе, Аустерлице, Голиmine, Прейсиш-Эйлау, Гутштатте, Пасарге, Гейльсберге. За боевые отличия в этих сражениях Алексей Петрович был награжден Золотой шпагой, орденами Св. Владимира и Св. Георгия 3-й степени, алмазными знаками к имевшемуся у него ордену Св. Анны 2-й степени, произведен в генерал-майоры.

В Отечественную войну А.П. Ермолов вступил командиром Гвардейской пехотной дивизии. 1 июля 1812 года он был назначен начальником штаба 1-й Западной армии, которой командовал военный министр М.Б. Барклай-де-Толли. Он руководит отходом армии, организует ряд арьергардных боев, и по ходатайству своего прямого начальника 7 августа получает очередной чин генерал-лейтенанта.

После объединения 1-й и 2-й армий в единое формирование и назначения главнокомандующим М.И. Кутузова Ермолов становится начальником его штаба. В этой должности Алексей Петрович состоял вплоть до изгнания противника за пределы России и до смерти М.И. Кутузова. Причем во время контрнаступления русских войск он некоторое время даже командовал их авангардом.

Новый главнокомандующий пожелал иметь при себе другого начальника штаба. Но А.П. Ермолову в заграничном походе было поручено командование всей артиллерией русской армии. Он участвовал в сражениях при Дрездене, Люцене, Лейпциге, Кульме. При взятии Парижа в марте 1814 года Алексей Петрович командовал частями русской и прусской гвардии. В 1815 году он снова вступил в Париж во главе Резервного корпуса, после неудачного для Наполеона сражения при Ватерлоо. Заслуги А.П. Ермолова во время Отечественной войны и заграничного похода были отмечены высокими наградами, его имя стало широко известным и популярным в российском обществе и армии.

Но заслуженный генерал не желал мирно почивать на лаврах и продолжал искать для себя интересную военную работу. Он обратился к императору с несколькими проектами переустройства армии с учетом опыта недавно завершившейся войны. Но для этого требовалось слишком много средств, и инициативный генерал стал неудобен в столице. Ему было предложено использовать свою энергию и боевой опыт на Кавказе. Алексей Петрович, у которого с Кавказом были связаны воспоминания юности, без колебаний принял это предложение. С его приездом в Тифлис в середине октября 1816 года начался новый этап укрепления владычества России на Кавказе, который, по сути, стал началом большой кавказской войны, продлившейся почти полвека.

Ко времени приезда Ермолова в Тифлис 10 октября 1816 года, Грузинский корпус состоял из двух пехотных дивизий, резервной бригады, семи отдельных армейских и более десяти казачьих полков. В составе этих формирований насчитывалось около 50 тысяч человек и 132 орудия полевой артиллерии, которым приходилось не только охранять южные границы империи, но и удерживать в покорности волнуемые кавказские племена. Их усмирение требовало больших сил и средств, чем борьба с внешними врагами. Для ведения же войны на два фронта империя в то время силами не располагала. Поэтому правительством было решено обезопасить внешние границы мирными договорами с тем, чтобы основные усилия сосредоточить на решении внутренних проблем.

Русские войска в походе

Деятельность Ермолова на Кавказе началась с инспекционной поездки по территориям южных ханств и подписания им мирного договора с Персией, который на некоторое время снял угрозу нападения со стороны этого государства. Сделать это было очень непросто. Император опрометчиво пообещал шаху значительные территориальные уступки. Но, объехав край, Ермолов убедился, что отдавать эти территории нельзя и что данная акция только усилит напряженность и создаст ряд других проблем. После этого Алексей Петрович повел дело так, что шах сам отказался от ранее выдвинутых претензий, согласившись на условия русского главнокомандующего.

Затем Алексей Петрович приступил к выполнению главной задачи – укреплению власти России в порученном ему крае. Эпоха Ермолова на Кавказе характеризовалась резким изменением курса внутренней политики русской администрации в том крае. Новый командующий решительно отказался от фальшивого заигрывания и задабривания ханов и правителей, что широко практиковалось ранее. Была отменена практика одаривать местных феодалов российскими воинскими чинами и денежными окладами, воспринимавшаяся туземцами как выплата им дани. При этом зачастую неравенство чинов и окладов становилось причиной обид ханов на русскую администрацию и вело к их изменам России, а также к ссорам друг с другом. Все это, в конечном счете, лишь усложняло обстановку в регионе и приводило к вооруженным конфликтам, конца которым не было видно.

Генерал Ермолов также поначалу осторожничал в отношении с горцами. Известно, что в сентябре 1816 года он даже дважды встречался с известным чеченским вожаком Шали Бей-Булатом Таймиевым и даже вновь зачислил его на русскую службу. Но это не мешало тому продолжать совершать набеги, грабить и брать заложников. В одном из донесений царю Ермолов писал: «Теперь главнейший разбойник чеченский и наиболее вреда нам наносящий есть известный Бей-Булат, имеющий чин поручика».

В основу ермоловской политики были положены честные договорные отношения с горцами, подкрепленные силой русского оружия. «Хочу, – сказал однажды Алексей Петрович, – чтобы имя мое стерегло страхом наши границы крепче цепей и укреплений, чтобы слово мое было для азиатцев законом, вернее неизбежной смерти. Снисхождение в глазах азиатцев – знак слабости, и я из человеколюбия бываю строг неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены».

Бой с чеченцами под Акбулат-юртом, 1849 г.

Ермолов попытался начать организацию Кавказа с покорения Чечни. Постепенным наступлением русских войск с рубежа Терека на юг, он в течение 1817 года оттеснил воинственных горцев за Сунжу. В 1818 году неподалеку от устья этой реки была заложена крепость Грозная. Но дальнейшее наступление в глубь чеченской территории, покрытой густыми непроходимыми лесами, без предварительной подготовки стало невозможным.

Политика нового командующего не понравилась мусульманским ханам. Они решили противопоставить ей неоднократно испытанное ранее средство, подняв подвластные народы на восстание.

Первыми в 1818 году возмутились племена Дагестана, где был образован союз горских народов, направленный против России. В него вошли аварцы, казикумыки и некоторые другие народы. Беспорядки частично распространились на земли Тарковского шамхальства и, с учетом Чечни, охватили обширную территорию южнее Терека и Сунжи. Характеризуя сложившуюся обстановку, Ермолов писал царю: «Государь! Край охвачен огнем восстания. Горские народы примером независимости своей даже среди подданных Вашего Императорского Величества порождают дух мятежный и любовь к независимости... Если не пресечь мятежников решительно, они разнесут огонь по всему Кавказу».

Официальный Петербург медлил с ответом. Между тем, 23 октября 1818 года горцы внезапно напали на селение Башлы и разгромили находившийся там отряд генерал-майора Пестеля. Русские войска в скоротечном ожесточенном бою потеряли 140 человек убитыми и 278 ранеными при том, что урон самих нападавших не превысил трех десятков человек.

Башлыкская неудача заставила Ермолова действовать решительно. В начале ноября предводительствуемые им войска, выступив из Тарки, двинулись в Мехтулинское ханство. Дагестанцы попытались остановить русских на Талгинских высотах, но были рассеяны первым же залпом артиллерии. Точно так же завершился 14 ноября бой у селения Большой Джангутай. После этого горцы присмирели и выразили готовность повиноваться русским. Хан Аварский, бывший главным зачинщиком смуты, бежал на юг и укрылся в своих владениях. Алексей Петрович наказал его по-своему, лишив именем императора чина генерал-майора и ежегодного жалованья в 5 тысяч рублей серебром. На этом экспедиция, продолжавшаяся почти месяц и стоившая русским 6 человек убитыми и 54 ранеными, была завершена.

Победа, одержанная Ермоловым в Дагестане, позволила в определенной степени навести порядок среди «мирных» чеченцев. Командующий обязал их совместно с войсками охранять

крепость Грозную и расположенные севернее казачьи станицы от набегов непокорных горцев. «Еще не было примера, чтобы кто заставить мог чеченцев употреблять оружие против своих единоземцев, но уже сделан первый к тому шаг и им внушено, что того всегда от них требовать будут, – писал Ермолов. – Прекраснейшие земли, коими они пользуются, и боязнь с потерей их подвергнуться бедности, которую претерпевают непокорствующие, строго преследуемые, вынуждают со стороны их сие повиновение».

В начале лета 1819 года Ермолов получил известие о беспорядках в Табасарани. Там возмущал горцев эрсинский бек Абдула – зять беглого Ших-Али-хана. Пришлось в спешном порядке посылать отряд во главе с генерал-майором князем В.Г. Мадатовым. Ему удалось найти проводников из местных жителей. Проникнув в труднодоступные горные районы, войска заняли несколько аулов, после чего мятежники рассеялись. Абдула-бек, лишившись сторонников, бежал в горы.

Настала пора наказать за прошлогодний мятеж жителей города Башлы. Те же, узнав о прибытии русского отряда, призвали на помощь горцев и решили защищаться. Мадатов не стал терять время на осаду. После непродолжительного обстрела города артиллерией повел войска на штурм, завершившийся успешно. Порядок был восстановлен.

Солдат Отдельного кавказского корпуса, первая четверть XIX в.

В табасаранском походе русских войск также участвовал отряд каракайдацкого умця,

возглавлявшийся одним из его сыновей. Сам правитель предпочел наблюдать за действиями войск со стороны в готовности в случае неудачи уйти со всем наиболее ценным в горы. Несмотря на это Ермолов, стремившийся к союзу с местными правителями, приказал в знак доверия к умцею вернуть ему младшего сына, содержавшегося в Дербенте в качестве заложника. Но как только это случилось, владетель Каракайдака ушел со своими людьми в горы и вскоре занялся грабежами на участке дороги между Тарки и Дербентом. Алексей Петрович решил примерно наказать изменника. Специальным указом он объявил о прощении рядовых разбойников, о разорении аулов и дворов непокорных, а также о ликвидации на вечные времена титула умцея Каракайдацкого и передачи власти в крае совету старейшин. Так было покончено еще с одним феодальным образованием Восточного Кавказа.

В августе 1819 года было получено известие, что аварский хан Султан-Ахмед собирает силы для борьбы с русскими. Ему удалось, кроме собственных подданных, поднять чеченцев. Всего собралось около семи тысяч человек. Они создали лагерь в ущелье реки Аварское Касу, прикрыли подступы к нему многочисленными лесными завалами и приготовились нападать на занятые русскими смежные территории.

Данная перспектива не удовлетворяла командующего. В начале сентября Ермолов выступил против аварцев. Горцы попытались на завалах контратаковать войска, но были сметены артиллерийским и ружейным огнем. После взятия нескольких завалов неприятель дрогнул и начал разбегаться. По признаниям немногих попавших в плен, Султан-Ахмед-хан покинул лагерь одним из первых, прихватив своих джигитов и «великодушно» позволив чеченцам расхлебывать заваренную им «кашу».

Но терпение русского командующего к строптивому хану иссякло и он был лишен права на аварский престол. Новым правителем этой области Дагестана по просьбе Ермолова, указом императора был назначен родственник прежнего хана Сурхай, рожденный от крестьянки и поэтому по местным обычаям не считавшийся членом правящего дома. Этот человек, по мнению русского генерала, должен был служить своим покровителям верой и правдой. Для повышения же авторитета нового хана среди соплеменников, ему единолично было разрешено выдавать им грамоты для свободного проезда и торговли в российских владениях.

Расчеты Ермолова себя оправдали. В течение более десяти лет Сурхай-хан оставался верным подданным России, хотя его влияние в Аварии было и невелико. Однако здание большой политики всегда строилась из маленьких кирпичиков, и данный случай стал одним из таких кирпичиков, который верно служил России многие годы.

Непокорные чеченцы

Решив, таким образом, проблему Аварии, А.П. Ермолов сосредоточил главные силы своих войск силы против чеченцев, которые с этого времени становятся едва ли не основными противниками русских на Северном Кавказе. Прежде всего он постарался детально изучить историю, нравы и обычаи чеченцев, но сделать это оказалось очень непросто.

История этого народа до конца еще не изучена. Не ясно, откуда пришли чеченцы на Кавказ, чьими наследниками они являются. Ясно только одно – территория Чечни была заселена еще в каменном веке. Отсутствие письменных и других источников и документов не позволяет ответить на этот вопрос. То, что некогда существовало (тjаптары – рукописные летописи), было сожжено в Грозном в 1944 году во время депортации этого народа. Сохранившиеся немногие сооружения, клинопись на руинах построек не позволяют восстановить всю картину прошлого.

Чеченское общество исторически формировалось, впитывая в себя представителей различных кочевых (север) и горских (юг) народов. До новой эры они были язычниками и каждое племя поклонялось своему богу.

В I в до н. э. с целью контроля за Дарьяльским ущельем (единственный в то время торговый путь в Грузию и Армению) образовался вайнахский политический союз племен, проживавших на территории Чечни и Ингушетии.

Первое же письменное упоминание о Чечне относится к VII веку, когда началось распространение христианства в этом районе. Тогда грузинские цари направляли на Северный Кавказ проповедников, священников, христианскую литературу. Но чеченцы, приняв формально

христианство, сохранили некоторые обряды и языческой религии.

Начиная с VIII века на Северном Кавказе начали появляться мусульманские проповедники. В это время равнинная территория Чечни входила в состав Аланского государственно-племенного союза, основной религией которого было христианство. В горной части Чечни и Дагестана сформировалось государственное образование Сарир. Но нашествие монголо-татар в очередной раз перекроило сложившиеся границы, земли Чечни были включены в состав Золотой Орды (улус Джучи). Но сами чеченцы предпочли массово переселиться в горы, начав фактически отшельнический образ жизни, бросив свои жилища и храмы, прервав мажтейповые общения.

Только в XV и XVI веке чеченцы начали постепенно спускаться с гор на равнину, в долине Терека и его притоков – рек Сунжа и Аргун. Там возникли многие феодальные владения. Но на большей части Чечни возродились традиционные вольные общества, которые враждовали между собой и с соседями. Война становится главным занятием этих людей, а военная добыча – главным источником богатства. К периоду Ермолова такой образ жизни чеченцев был в самом разгаре: много вожаков, много воинов, но единой централизованной власти не было, вести переговоры было не с кем. Оставалось одно – надеяться на военную силу.

Способ наказания непокорных чеченцев А.П. Ермоловым был избран довольно жестокий: непокорные аулы разрушались, жители изгонялись в леса и горы, а при сопротивлении – уничтожались поголовно.

Карательная экспедиция началась с того, что командующий приказал казачьему генерал-майору Сысоеву «окружить селение Дадан-юрт, лежащее на Тереке, предложить жителям оставить оное, а буде станут противиться, наказать оружием, никому не давая пощады».

Чеченцы не приняли предложения, защищались с отчаянием. Почти каждый двор, окруженный высоким забором, был превращен в крепость, которую приходилось штурмовать. Многие из жителей, когда врываются солдаты в дома, умерщвляли жен своих на глазах их, «дабы во власть их не доставались». Многие из женщин сами бросались на солдат с кинжалами.

«Большую часть дня продолжалось сражение самое упорное, – пишет Ермолов, – и ни в одном доселе случае не имели мы столько значительной потери, ибо кроме офицеров простиралась оная убитыми и ранеными до двухсот человек. Со стороны неприятеля все, бывшие с оружием, истреблены, и число оных не менее четырехсот человек. Женщин и детей взято в плен до ста сорока, которых солдаты из сожаления пощадили как уже оставшихся без всякой защиты. Но гораздо большее число вырезано было или в домах погибло от действия артиллерии и пожара. Солдатам досталась добыча довольно богатая, ибо жителями селения были главнейшие из разбойников, и без их участия, как ближайших к линии, почти ни одно воровство или грабеж не происходили... Селение состояло из 200 домов. 14 сентября оно было разорено до основания».

Завершив расправу над жителями Дидан-Юрта, Ермолов лично повел войска в глубь чеченской территории и разорил еще несколько аулов. Правда, чеченцы впредь уже избегали крупных и упорных сражений. Они заблаговременно эвакуировали семьи и скот, а затем после непродолжительной перестрелки уходили сами. Вести наступление на такого противника было очень сложно и оно вскоре захлебнулось.

В ноябре командующий возглавил поход войск в Акушинскую провинцию Дагестана. Эта провинция, по «Запискам» Ермолова, «...имеет жителей не менее 15 тысяч семейств; лежит вообще вся в местах гористых, среди которых заключаются не весьма обширные, но прекрасные долины. Земля оной весьма плодородна и обработана с чрезвычайной тщательностью, нет малейшего пространства неводеланного; каждого поселянина участок отделен межою. В некоторых местах произрастают хорошие леса, но рек весьма мало. Селения все обстроены опрятно, дома содержатся с особенною чистотою, которая приметна на самых дворах и гумнах. Жители главного города имеют поблизости от него загородные дома или хутора. Отличительные народа свойства есть добронравие и кротость. К воровству нет ни малейших склонностей, праздность почитается пороком и поощряется трудолюбие. Но начинает вселяться разврат от употребления горячих напитков, к которым большое имеют пристрастие».

Прибыв в Тарки, Алексей Петрович послал акушинцам письмо, в котором требовал от них присяги на верность России, возврата пленных и высылки заложников от наиболее знатных фамилий. Он предупреждал, что в случае отказа город будет взят штурмом.

В начале декабря войска начали наступление. Горцы, верные своей тактике, отходили, не

принимая решающего сражения. Тем не менее 19 декабря оно все же произошло у аула Левашаи. После двухчасового упорного боя кавказцы рассеялись по окрестным лесам и ущельям. Командующим было приказано «истреблять селения и, между прочим, был разорен прекраснейший городок до 800 домов, Уллу-Айя называемый. Оттуда с такой поспешностью бежали жители, что оставлено несколько грудных ребят. Разорение нужно было как памятник наказания гордого и никому доселе не покорствовавшего народа...

После этого многие старшины деревень пришли просить помилования. Не только не тронул деревень их, но даже не позволил войскам приближаться к оным, дабы не привести в страх жителей. На полях хлеб, все заведения и стада их остались в неприкосновенности. Великодушная пощада, которой не ожидали, истолковала акушинским народам, что одною покорностью могут снискать себе спасение, и многие являлись с уверенностью, что они найдут снисхождение».

Саму же Акушу русские войска заняли без боя. Жители присягнули на верность России. Для решения некоторых организационных вопросов на месте, Ермолов назначил главным кади старика, известного рассудительностью и миролюбием. Местные жители приветствовали это назначение. В качестве заложников были взяты представители 24 знатных местных фамилий, которые были отправлены в Дербент, где содержались достойным образом с единственным запретом покидать город. На все население провинции была наложена незначительная дань как символ зависимости от России. Имущество мятежников было частично роздано мирному населению. В знак благодарности акушинцы поднесли Алексею Петровичу саблю, искусно украшенную серебром и золотом.

Еще одной немалой пользой обернулось для русских взятие Акуши. В захваченном архиве бывшего главного кади были обнаружены весьма ценные документы, характеризующие отношения некоторых кавказских правителей как к России, так и между собой. «С достоверностью узнал я о связях Сурхай-хана Казикумыхского и Мустафы-хана Ширванского с Дагестаном и о стараниях их возмущать оный против нас... – пишет Ермолов. – Из захваченных письменных дел главного кади открылись тайные действия многих других изменников и злодеев, и в особенности умца Каракайдакского и хана Аварского. Мать сего последнего, имевшая двух своих дочерей в замужестве за шамхалом Тарковским, просила письмом акушинского кади, чтобы он постарался схватить шамхала и доставил бы ей удовольствие выпить его крови. Какие нежные чувства женщины и великодушная попечительность о зяте!»

Падение Акуши спасло защитников Чиракского укрепления, которое в течение нескольких дней осаждал и штурмовал Сурай-хан Казикумыхский с шестью тысячами воинов. Известие об успехах русского оружия в Акушской провинции «в такой привело ужас Сурай-хана, что он не только сам бежал и толпы его рассеялись, но послал даже в город Казикумык приказание, чтобы семейство его удалилось в горы».

При осаде Чиракского укрепления противник попытался прежде всего занять находившуюся вблизи него мечеть, с минарета которой можно было наблюдать и обстреливать оборонявшихся. Когда командир подразделения, защищавшего мечеть увидел, что удержать ее невозможно, он отправил подчиненных в укрепление, а сам с четырьмя добровольцами засел в минарете. Горцы, будучи не в состоянии овладеть минаретом, подкопали его основание и опрокинули строение на землю. Лишь таким образом они покончили с мужественными защитниками, трупы которых были растерзаны на куски на глазах у их товарищей.

Экспедиция 1819 года частично «навела порядок» в Северном Дагестане, вытеснила в горы наиболее враждебных России правителей, уладила отдельные народы. В целом она была успешной, хотя потери российских войск составили 206 человек убитыми, 450 ранеными и 36 пленными. Удовлетворенный Ермолов убыл в Тифлис.

В 1820 году под ударами русских войск прекратило существование независимое Казикумыхское ханство. В августе следующего года в сражении у селения Аймяки соединение генерал-майора А.А. Вельяминова разгромило войска Мехтулинского хана. В результате активных наступательных действий Ермолову удалось к концу 1821 года захватить обширные районы Северного Дагестана и создать там плацдарм для наступления на Чечню с востока.

В феврале 1822 года в Чечню из Грозной была направлена карательная экспедиция во главе с полковником Н.В. Грековым. Следуя по маршруту Хан-Кале, Урус-Мартан, отряд вышел к Шали, где произошел бой с чеченцами. После этого командир отряда решил «истребить Шали, как

деревню, в коей произошло начало гнусной измены и злодейства». Этот замысел и был осуществлен 11 февраля. «К вечеру не осталось в деревне ни одного фруктового дерева и ни одного дома», – доносил Греков командующему. На следующий день таким же образом была разрушена деревня Атаги.

Оправдывая свою жестокость, Греков писал: «Я уверен, что истребление двух сильных злодейских деревень, падение многих зачинщиков возмущения... послужит лучшим толкованием чеченскому народу о положении оною. Какие бы ни употребляли мошенники обольщения, не могут они вознаградить потерь, понесенных истреблением домов и садов, стоящих тысячам жителей приютом. Это пример весьма сильный и для покорных, и для неповинующихся».

Подобные экспедиции имели место на протяжении 1822 и 1823 годов. Но их особенностью стал поиск русскими опоры среди местной знати, владения или подданные которой объявлялись «мирными». С теми же, кто продолжал сопротивление, расправлялись нещадно. Политика «кнута и пряника» стала поводом для обвинений Ермолова в соблюдении корыстных интересов, которые то и дело поступали в Петербург от некоторых чиновников с Кавказа. В самой же столице имелись силы, недовольные наместником по другим причинам. Общие усилия недоброжелателей делали свое дело. В Тифлис то и дело приезжали различные комиссии, которые только мешали работе. Не выдержав, Алексей Петрович в январе 1824 года направил донесение непосредственно на имя императора.

Александр I внимательно изучил документ и остался доволен его содержанием, поручив исполняющему должность начальника Главного штаба генералу И.И. Дибичу уведомить о том Ермолова. В виде поощрения службы России отдельным представителям чеченской знати по ходатайству наместника высочайше жаловались обер-офицерские чины. Так, в ответном письме И.И. Дибича к Ермолову было указано, что Государь император с удовольствием соглашается на испрашиваемое вашим высокопревосходительством награждение...жалуя Кучуку-Бековичу чин капитана, а владельцев Мундара Алибкачева и Кагермана Алхазова чинами прапорщиков.

Тогда же, в январе 1824 года, А.П. Ермолов снова встречался с Шали Бей-Булат Таймиевым, который к тому времени уже побывал в Дагестане, стал поклонником мюридизма и пролил немало русской крови. Но, потерпев ряд поражений, хитрый горец вновь высказал желание служить России. Но на этот раз Алексей Петрович был более осторожным и предъявил встречные условия. Пока шел торг, Шали Бей-Булат Таймиев убил кумыхского князя Месхти-Гирея – ставленника Ермолова – и ушел в горы. В июле 1825 года он с войском численностью в две тысячи человек вновь напал на русские укрепления, все разграбил и захватил заложников. 25 ноября он даже пытался взять в плен самого Ермолова, но эта попытка закончилась неудачно.

Как ни странно, но Ермолов, несмотря на коварство чеченца, периодически вступал с ним в переговоры. В 1826 году Шали Бей-Булат вновь был принят на русскую службу в чине поручика, участвовал на стороне России в военных действиях против Турции. В 1829 году в Тифлисе он встретился с А.С. Пушкиным, который писал: «Славный Бей-Булат, гроза Кавказа, приезжал в Арзрум с двумя старшинами черкесских селений, возмущившихся во время последних войн. Они обедали у графа Паскевича».

Но чеченец оставался верным себе, и вскоре Шали Бей-Булат Таймиев вновь был уволен с русской службы. Он продолжал заниматься грабежами, и в 1831 году был убит кровником.

Намного мягче в это время была политика Ермолова в Дагестане, многие правители земель которого сохраняли верность России и не участвовали в выступлениях. Остальных же мятежников удалось усмирить путем переговоров при угрозе применения военной силы. 15 февраля 1824 года император собственноручно подписал высочайший рескрипт на имя командира отдельного кавказского корпуса об одобрении его действий в Дагестане.

«С истинным удовольствием читал я донесение ваше из Дагестана от 25 января, – писал Александр I. – Мне весьма приятно было видеть из оною счастливое во всех отношениях окончание предприятия вашего к восстановлению спокойствия, нарушенного в том крае мятежствующими горскими народами. Но особенную мою благодарность заслуживают благоразумные меры кротости, принятые вами для достижения сей цели. Они совершенно соответствуют намерениям моим, почитая жителей Дагестана обитателями части Российской империи, я всегда с крайним сожалением принимал известие о употреблении силы оружия к обузданию их своеволия; тем более остаюсь довольным настоящим укрощением их без всякого

кровопролития...»

После серии карательных экспедиций чеченцы приутихли. Продолжали иметь место разбойные нападения и стычки с небольшими группами чеченцев, но до массовых выступлений не доходило. Чувствовалось отсутствие у противника сильного организующего начала, способного увлечь массы общей идеей.

Это хорошо понимали и враждебные России силы в Персии и Турции, где, в отличие от прямолинейной политики северян всегда в достатке было мастеров тайной интриги. Преимуществом и мощным оружием в их руках была религия, которая вернее других средств действовала на горцев. С ее влиянием русские бороться не умели, да и не могли. Но для превращения религиозной идеи в пламя новой войны требовались вожди, которых на Северном Кавказе также найти было нетрудно.

Летом 1825 года среди чеченцев упорно начали распространяться слухи о появлении в горах посланника Пророка, призывавшего правоверных к борьбе с гяурами. Издавна привычная агитация на этот раз сопровождалась действенными аргументами в виде оружия и денег, перед которыми не могли устоять горцы. Вскоре их отряды появились на равнине в окрестностях русских крепостей и постов, участились случаи разбойных нападений не только на дорогах, но и в населенных пунктах.

Генерал А.П. Ермолов вовремя увидел приближение новой опасности. Более того, внимательно отслеживая обстановку в Персии и Турции, он прекрасно понимал откуда дует «ветер» новых настроений. Но, будучи не в силах предотвратить надвигающуюся опасность другим путем, решил прибегнуть к ранее испытанному средству. «Одни частые наказания народ сей могут держать в некотором обуздании, – считал Алексей Петрович, – и лишь прекратилась боязнь взыскания, склонность к своевольству порождает у них злодейские замыслы».

В начале августа Ермолову стало известно, что большой отряд чеченцев напал на Амир-Аджиюртский пост и фактически его уничтожил. В ходе разбирательства удалось установить, что значительная часть вины за случившееся лежала на совести начальника русского гарнизона капитана Осипова, халатно отнесшегося к своим обязанностям в условиях нарастания боевой активности противника. По этому случаю позже Ермолов писал:

«Укрепление поста было не прочно, ибо наскоро из плетня сделанное, и рва вокруг его почти не было. Но в гарнизоне находилась рота пехоты и весьма сильная артиллерия. Сего для обороны было слишком достаточно, но начальник гарнизона был чрезвычайно неосторожен невзирая на то, что в тот же самый день выступивший из укрепления генерал-майор Греков предвещал (предупреждал) его о намерении чеченцев сделать покушение на пост. Незадолго перед нападением успел он даже прислать одного из приверженных нам аксаевских жителей с известием, что сильные толпы конницы взяли направление к посту и к ночи придут к оному».

Начальствовавший оным 43-го егерского полка капитан Осипов, сделав расчет гарнизона по местам, распустил людей в казармы и нимало не усилил обыкновенного караула. Чеченцы со стороны леса подошли, не будучи замеченными. Весьма темная ночь и сильный ветер им способствовали. Внезапно вошли они в укрепление и тотчас опрокинули часть плетня, ограждавшего оное. Люди в беспорядке выскакивали из казарм, когда укрепление уже было наполнено неприятелем. Они не могли противиться малыми силами. Капитан Осипов, защищавшийся с горстью людей и будучи уже ранен, бросился в Терек и утонул. Неприятель был встречен только двумя выстрелами из орудия, стоявшего в воротах, при коем был главный караул не более как из девяти человек при унтер-офицере. Выстрелы сии на некоторое время привели в замешательство чеченцев, но уже не было кому оным воспользоваться, ибо люди наши были рассеяны, и большая часть гарнизона спасалась переплывая Терек».

Правда, чеченцы также не сумели воспользоваться плодами своей победы. Пожар, устроенный ими в укреплении, охватил пороховой погреб и привел к взрыву. Сила взрыва была такова, что орудия, находившиеся в укреплении, были сорваны с лафетов и переброшены на противоположный берег реки. Чеченцы в ужасе разбежались и больше не появились в том страшном месте. В ночном бою русские потеряли убитыми и утонувшими 17 человек, многие из уцелевших были ранены. Число потерь в рядах чеченцев осталось неизвестным.

Весть о разгроме русского укрепления быстро разлетелась по горным аулам и всколыхнула чеченцев. Убрав к тому времени свой скудный урожай кукурузы, они были не прочь пополнить

запасы на зиму за счет военной добычи и грабежа русских селений. Для реализации этих планов требовалось уничтожить или заблокировать отряд генерала Грекова, спешившего на помощь гарнизону Амир-Аджиюртского поста, но не успевшего туда вовремя из-за большого расстояния. Во время боя на посту отряд находился в укреплении Герзели-аул. Греков, узнав о случившемся, принял решение перейти к обороне остальных окрестных укреплений и усилил подразделениями отряда как местный гарнизон, так и гарнизоны крепости Внезапной и станицы Червленной, перенеся свой штаб в последнюю. О начале восстания горцев гонцы были направлены в Грозную и далее в Тифлис.

Между тем чеченским вождям удалось собрать отряд численностью до 4 тысяч человек, который осадил Герзели-аул. Первый штурм горцев был отбит русским гарнизоном, но мятежникам удалось взять под контроль подступы к реке и отвести в сторону русло ручья, питавшего укрепление водой. Это обстоятельство сделало дальнейшую защиту Герзели-аула весьма проблематичной.

На известие о выступлении чеченцев в Червленную с Грозной двинулся отряд под начальством генерал-лейтенанта Лисаневича, который на правах старшего по званию взял руководство операцией на себя. Собрав три роты 43-го егерского полка, 400 линейных казаков и несколько орудий, он поспешил к аулу Герзель.

На подходе к аулу русские войска были обнаружены вражеской конницей, которая, не приняв боя пустилась в бегство, «забыв» предупредить топтавшуюся возле укрепления чеченскую пехоту. Русским удалось внезапно атаковать неприятеля и совместно с вылазкой осажденного гарнизона нанести ему значительный ущерб. Правда многим мятежникам, в том числе и «посланцу Пророка», удалось скрыться в окрестных лесах и оврагах.

Жители мятежной провинции, опасаясь массовых репрессий со стороны русских войск и уничтожения их селений, через старейшин попытались вступить с Лисаневичем в переговоры. Создались благоприятные условия для прекращения мятежа силами самих же горцев, но русский генерал решил форсировать события. Он приказал местному главе аксайской администрации майору Мулле-Хасаеву собрать всех старейшин и потребовать выдачи вожаков и наиболее активных участников мятежа. Генерал Греков, хорошо знавший горцев, предупреждал о возможных негативных последствиях этой затее, но Лисаневич не стал слушать советов.

16 августа не менее 300 человек лучших жителей Аксаи были доставлены в Герзели-аул. При этом русским командованием не были приняты меры необходимой предосторожности. Многие аксаевцы были вооружены, в то время, как укрепление охранялось немногочисленным караулом, а большая часть его гарнизона занималась заготовкой дров и сена в его окрестностях. В результате силы русских в ауле Герзель были меньшими, чем у приглашенных горцев. Не учитывая это обстоятельство, Лисаневич в сопровождении нескольких офицеров вышел к прибывшим чеченцам и начал упрекать их в измене, угрожая жестоко наказать виновных. Хорошо зная язык, он говорил без переводчика и в весьма резких выражениях, что по отношению к почетным старшинам считалось недопустимым.

Закончив обвинительную речь, генерал начал по списку вызывать некоторых. Двое из названных покорно вышли из толпы, а казаки тут же их обезоружили и взяли под стражу. Третий из вызванных, видя участь своих предшественников и слыша за спиной ропот земляков, решился на отчаянный шаг. С видом покорности, приблизившись к генералу, он вдруг выхватил спрятанный под одеждой кинжал и ударил его в живот. Затем он нанес смертельный удар стоявшему рядом генералу Грекову.

Внезапное нападение чеченца шокировало немногочисленную русскую стражу, в немом оцепенении наблюдавшую за трагедией. Не известно, скольких из них бы еще достал кинжал горца, если бы пристав капитан Филатов не бросился на нападавшего. Он также получил рану, но в рукопашной схватке сумел ранить чеченца его собственным кинжалом. Затем один из армян, состоявший в свите Лисаневича, добил горца выстрелом из ружья в упор.

Тем временем Лисаневич, изнемогая от боли, собрался с силами и что было духу выкрикнул одно слово: «Коли!», которое было воспринято русскими как команда к истреблению всех чеченцев без разбора. Все остававшиеся в укреплении солдаты и офицеры открыли по толпе беспорядочную стрельбу, поражая многих. Обезумевшие горцы бросились к воротам и, заколов часовых, вырвались наружу. К их несчастью, в это самое время к укреплению подходила большая

группа фуражиров во главе с офицером, который, быстро разобравшись в обстановке, сумел встретить бегущих ружейным огнем и штыками. Началась жестокая бойня, в которой из горцев уцелели лишь немногие.

Случившееся в Гирзели-ауле сильно накалило обстановку в крае, которая и без того была взрывоопасной. Среди горцев, пострадавших в укреплении, было много невинных людей и, более того, несколько тайных помощников русской администрации. В связи с гибелью Лисаневича и Грекова на линии не осталось ни одного высшего воинского начальника, способного организовать согласованные действия разрозненных гарнизонов и отрядов. «Таким образом, неблагоразумие генерала Лисаневича могло стать причиной многих тяжелых последствий, – делает вывод Ермолов. – Если бы не овладел аксаевцами совершенный страх, они могли бы захватить близко их стоявшие ружья караульных и людей, высланных за дровами, и без всякого затруднения овладеть укреплением и артиллерией, при коей не было ни одного канонира, а в укреплении были большие запасы снарядов и патронов». Нетрудно себе представить, чем бы захват укрепления обернулся для русских...

Известия о событиях в Чечне нашли Ермолова во Владикавказе прикованным к постели болезнью. Тем не менее Алексей Петрович не считал возможным поручить дело кому-либо другому. Подняв по тревоге батальон Ширванского полка, 250 донских казаков и прихватив два орудия, он форсированным маршем поспешил в Грозную. Там, усилившись двумя ротами пехоты и двумя орудиями, он переправился через Терек и устремился к городу Андрею, где по слухам находился главарь мятежников со своими отборными воинами. При приближении войск мятежники покинули город и скрылись в его окрестностях. Ермолов не стал охотиться за ними, а занялся укреплением этой и других окрестных крепостей в инженерном отношении, одновременно усилив их гарнизоны. Данные меры оказались весьма эффективными. Чеченцы, бродившие в окрестностях большими отрядами, ни разу не посмели напасть не только на крепости, но и на более мелкие укрепления. В результате в центре мятежного района создалась большая зона, свободная от мятежников, в которой был установлен русский порядок.

В качестве одной из мер нормализации обстановки в крае Ермолов приказал перенести город Аксай в новое место. Место для города было выбрано на речке Таш-Кечу и во всех отношениях было выгоднее прежнего, так как позволяло заниматься и хлебопашеством и скотоводством в больших масштабах. Для охраны города и наблюдения за его жителями на его окраине было начато возведение укрепления, которое строилось на возвышенности, позволявшей контролировать всю прилегающую местность на много километров. Жители старого Аксая не без труда и не сразу, но согласились на переселение, которое затем было завершено довольно быстро. Выгодность нового места и перспективы заниматься мирным трудом под охраной русского гарнизона была слишком очевидной...

Между тем огонь восстания продолжал время от времени вспыхивать в различных районах Чечни. Резиденцией «посланца Пророка» на этот раз стал населенный пункт Хан-Кала, превращенный в укрепленный район, в котором, по сведениям агентуры, находилось около четырех тысяч вооруженных чеченцев.

Для разгрома очага восстания 26 октября к Хан-Кале был направлен из Грозной отряд полковника Сарочана в составе 700 человек пехоты и незначительного количества казачьей и чеченской конницы. Он был встречен и атакован противником на подступах к населенному пункту. Мятежникам удалось опрокинуть русскую конницу, но, увлекшись погоней, они нарвались на стройные шеренги пехоты, попали под мощный ружейный и артиллерийский огонь и были отброшены с большими потерями. Повторив атаку еще дважды и убедившись в стойкости противника, горцы отступили обратно в Хан-Калу. Русские, также понесшие значительные потери, были вынуждены прекратить экспедицию и вернуться в Грозную.

Одной из главных задач, которые ставили перед собой вожди восставших, было уничтожение или захват Ермолова. На генерала была устроена настоящая охота, которая однажды едва не достигла цели. 20 ноября, выехав из станицы Червленной в станицу Калиновскую, он узнал, что для его захвата на левый берег Терека переправилась группа из 400 чеченцев. Сопровождавшие офицеры советовали Алексею Петровичу немедленно повернуть обратно, но он, видя, как над землей быстро сгущается туман, приказал продолжать движение. Под этим природным прикрытием небольшому русскому отряду удалось благополучно миновать опасный

участок и достичь цели путешествия.

В Калиновской генерал А.П. Ермолов узнал, что чеченцы, не найдя его в тумане, решили компенсировать неудачу грабежами и пленением местного русского населения. Он приказал конвою, состоявшему из 120 гребенских казаков, попытаться перехватить противника на переправе в районе Казирского Шанца. Замысел удался. Организовав засаду, казаки метким огнем рассеяли противника, отбили их богатую добычу и освободили всех пленных.

Войсковые операции

Но, как показала практика, мелкие стычки с горцами, которые также действовали небольшими отрядами и группами одновременно на различных участках, практически не давали существенных результатов. Бои, что называется, велись на равных. Русская сторона, располагая значительными силами и средствами, не могла их использовать против противника, не признававшего классических законов войны и предпочитавшего действовать исподтишка.

Поняв это, на следующий год генерал А.П. Ермолов составил четкий план военных и политических действий, которые, по его мнению, должны были привести к уничтожению или пленению «посланца Пророка» и главных его помощников. В рамках этого плана наместник подписал специальную прокламацию к чеченцам, в которой он изложил свои требования к ним, а также порядок действий русских воинских начальников по отношению к горцам. Она начиналась словами: «Вошедши с войсками Великого моего Государя на землю вашу, наказал я возмутившихся и нарушивших присягу, но в то же время охотно дарую я пощаду тем, кои, почувствовав преступление свое и желая спокойствия, просили прощения». Далее Ермолов выдвигал свои требования: возобновить присягу о подданстве России; не принимать в селения «мошенника, называющего себя имамом»; возвращать пленных русских и угнанный скот. Русские воинские начальники, в свою очередь, должны были обеспечить хорошие условия содержания заложников, выделенных «покорными» селениями; «по бедности народа штрафов денежных ни за что не взыскивать»; отменить практику круговой поруки жителей селения в случае воровства, «но за убийство, сделанное в границах российских, схватить если не самого убийцу, ибо таковы злодеи обычно спасаются бегством, то ближайших родственников убийцы».

В начале года войска, предназначенные для похода, начали сосредотачиваться у границ с Чечней. В Грозной и других населенных пунктах, где были базары, посещаемые горцами, вывешивалась и периодически зачитывалась прокламация. Но начинать военные действия Ермолов не торопился. Свою медлительность в докладных военному министру А.И. Татищеву и начальнику Главного штаба И.И. Дибичу он объяснял следующими тремя моментами. Во-первых, Алексей Петрович считал, что «ожидание наказания, вид предстоящей опасности и меры осторожности необыкновенной ослабляют их (чеченцев. – *Авт.*) единодушные и готовят нам успех с меньшими пожертвованиями». Во-вторых, с наступлением весны русские ожидали помощи от некоторых горских народов, которые ради добычи готовы были выступить против своих единоверцев. В-третьих, нужно было дожидаться прекращения дождей и улучшения дорог.

Реализуя данный план, 22 января 1826 года русские войска большой силой при 16 орудиях выступили в поход, который поначалу складывался успешно. 26 января войска подошли к Хан-Кале, где засело до 200 чеченцев. После непродолжительной перестрелки горцы оставили селение и отошли на юг. Вечером того же дня русские заняли Большие Атаги, где «войска нашли роскошное продовольствие для себя и для лошадей. Жителей застали весьма немногих, ибо спаслись они в ближайšie леса, в домах осталось много имущества».

Мятежники не смирились с потерей селения и начали собирать силы для его захвата. Их скопища были замечены в Малых Атагах, куда прибывали пополнения из окрестных аулов. Отряды чеченцев были разведаны и в других селениях.

Ермолов решил не дожидаться объединения сил противника и нанес удар первым. 30 января он послал отряд, который захватил и сжег селение Чахкери, служившее базой одному из чеченских отрядов. На обратном пути в густом тумане отряд подвергся нападению больших сил противника. Завязался ожесточенный бой. «Часть чеченской конницы, проскакав мимо наших стрелков, столкнулся с казаками, но была опрокинута ими. От силы столкновения несколько человек чеченцев и казаков опрокинуты были на землю. Редко видят сие кавалеристы, хотя

нередко говорят о шоке. За сим большие толпы атаковали нашу пехоту. Артиллерия действовала картечью и не далее пятидесяти шагов, так что отрываемы члены и раздираемы тела. Бросавшиеся спасти тела по обыкновению в свою очередь истреблялись.

Третье нападение было сильнейшее и продолжалось долее. Неприятель ударил всеми силами но, встреченный картечью, батальонным огнем пехоты и казаками, был обращен в стремительное бегство. Неприятель был в числе трех тысяч человек, дрался отчаянно, ибо лжепророк там лично сам находился и многие священнослужители возбуждали их к тому пением молитв. Но далее не было уже ни одного выстрела, вероятно, потому, что поднявшийся туман обнаружил число войск наших. Из признания чеченцев известно, что они потеряли не менее двухсот человек одними убитыми, в числе коих многих отличных между ними людей. Они говорили, что никогда прежде не испытывали они столь жестокой схватки. После сего сражения неприятель рассеялся, и войска 2 февраля, пройдя Хан-Кале без выстрела, возвратились в крепость Грозную».

Спустя три дня, оставив обозы ради быстроты движения, Ермолов вновь повел войска в глубь мятежных территорий. Пройдя ночью Хан-Кале, они у селения Большой Чечен переправились через Аргун и заняли селение Бельгетой, оставленное жителями. Затем они подошли к селению Герменчук, считавшемуся одной из главных баз мятежников. Жители его, выслав парламентаров, просили о пощаде, обещая дать заложников. Ермолов принял послов и выполнил все их просьбы, что сильно удивило горцев, немало наслышанных о жестокости генерала.

8 января после непродолжительного боя части Ермолова заняли половину селения Алды, жители которого слыли непримиримыми врагами русских. Другая половина селения была пощажена на условиях выдачи заложников. Горцы, прослышав о поступке герменчукцев, с готовностью пошли на предложенные условия.

Начавшиеся сильные морозы на неделю задержали войска в этом селении. Это позволило мятежникам собрать значительные силы, с которыми они встретили отряд Ермолова на обратном пути в Гойхинском лесу. Но русские были готовы к этой встрече и вновь нанесли поражение противнику. Селение Гойхи «большое и богатое прекрасными садами, приказал я сжечь, – пишет Алексей Петрович, – ибо жители оно упорствовали прийти в покорность». Только 21 января войска вернулись в Грозную.

Медлительность движения отряда была продиктована умыслом его командира. «Во все время движения делал я с намерением малые весьма переходы, дабы неприятелю дать возможность собраться, ожидая, что он решится дать сражение. Способ сей был вернейший положить конец мятежу, или иначе надобно было отыскивать мятежников в их убежищах, на что не доставало у меня времени. Однако наступившая ненастная погода, дороги от чрезвычайной грязи сделавшиеся затруднительными и невозможность продовольствовать лошадей за недостатком фуража понудили меня отложить действия до удобнейшего времени».

В апреле в Чечне все еще продолжался мятеж горцев, которое постепенно затихало. «Посланец Пророка» продолжал мутить народ предсказаниями и обещаниями, но вера в него постепенно падала. Многие селения выражали покорность русским властям и в знак этого присылали заложников. Однако были и такие аулы, которые мириться не желали, и служили надежным оплотом для продолжения мятежа.

В первых числах апреля Ермолов вновь приказал подчиненным войскам выступить в поход в глубь Чечни. На этот раз им было приказано заняться рубкой просек и прокладкой дорог по наиболее мятежным районам. При этом просеки вырубались на такую ширину, чтобы внезапное нападение на следовавший отряд стало невозможным. Ермолов считал, что «по таким путям, не испытывая никаких затруднений, могут войска повсюду появляться с большой быстротой и без всякой для себя опасности, даже в небольших силах. Таким образом, без неприязненных действий, можно удерживать их в послушании, а впоследствии приучать к спокойствию».

Хроника этой экспедиции весьма динамична. 10 апреля русские войска заняли Алхан-Юрт, затем с боя заняли и сожгли селение Курчали, «где мятежники в лесу, чрезвычайно густом, дрались с некоторою упорностью». Затем началась порубка леса, в которой участвовала и большая группа чеченцев, прибывших туда с окрестностей Грозной.

25 апреля Ермолов с небольшим отрядом подошел к селению Урус-Мартан и предложил его жителям изъявить покорность и прислать заложников. Те ответили отказом и приготовились к

обороне. Однако под ударом пехоты и огнем артиллерии горцы покинули селение, преследуемые казаками. Селение по приказу Ермолова было сожжено, а сады вырублены. После этого войска вернулись в Грозную.

В начале мая такая же участь постигла мятежное селение Шали. Однако в его окрестностях чеченцы атаковали русских и произошел жестокий бой. Он был выигран русскими, которые начали рубить просеку к Герменчуку. «Жители Герменчука разумели леса свои непреодолимою оградой их свободы и потому не хотели, чтобы к ним была проложена дорога. – Пишет Ермолов. – Они всячески старались отклонить меня от того, и присланные ко мне от общества старшины говорили, что они не могут ручаться, чтобы народ не стал тому противиться. В то же время дано мне знать, что общество просило помощи от соседей. В таком случае перемена намерения и даже сама нерешительность могла показаться им робостью или недостатком средств с нашей стороны».

Поэтому Алексей Петрович решительно отказал горцам в их просьбе и ускорил устройство просеки. При этом войскам строжайше запрещалось чинить вред самому селению и его окрестностям, что с благодарностью было воспринято населением. «Когда надобно было на другой день прийти для окончания работы, все семейства были в домах, и нам оказываемая была полная доверенность. Часть войск введена была в селение по собственному желанию жителей, дабы неблагонамеренные из соседей не могли, закрывшись в обширные сады, нарочно завести перестрелку, чтобы пало подозрение на самих жителей и чтобы за то подвергнуть их наказанию». Данные поступки чеченцев лучше всего убедили Ермолова в нежелании большинства горцев воевать с русскими и в правильности его политики покорения края «мечом и добром».

Так была завершена его последняя экспедиция против мятежных чеченцев, большинство из которых покорились русским властям. «Одни, живущие по реке Мичику, остались непокорными, но они кроме воровства и разбоев ничего более сделать были не в состоянии. Потух мятеж во всех прочих местах, и все главнейшие селения приведены были в послушание и представили аманатов (заложников). Исчезло мнение, что леса могут служить твердою оградой. Напротив, движение войск в весеннее время было несравненно пагубнее для чеченцев, ибо не смея показываться в открытых местах, оставляли они поля невозделанными, по той же причине скотоводство их оставалось без корму. При вскрытии весны прятавшиеся в лесах семейства подвергались чрезвычайным болезням и смертности, которые должен продолжать угрожающий голод. Впредь всеобщий мятеж едва ли возможен, – делает вывод Ермолов, – ибо всюду и скоро могут проходить войска. Охранение семейств обратит каждого к собственной защите, действия будут частные, соединять силы будет невозможно».

Несмотря на преимущественно военный характер колонизации Северного Кавказа, Ермолов нередко был вынужден играть по правилам, предложенным им другой стороной. Особенно это касалось освобождения из плена ранее захваченных чеченцами военнослужащих. Так, прибыв на Кавказ, Ермолов узнал, что в чеченском плену находится «храбрый и отличный майор Швецов». Задавшись целью во что бы то ни стало выволить его, наместник развил кипучую деятельность.

Понимая, что переговоры с чеченцами ему будет вести сложно, а сумма выкупа для него будет установлена огромная, Алексей Петрович обратился за помощью к посреднику Султан-Ахмед Хану Аварскому. Хан уже от своего имени обратился к чеченцам, объясняя свой интерес к судьбе русского майора тем, что в русском плену находится его родственник, которого Ермолов готов отпустить в обмен на Швецова. Но чеченцы, преследуя единственную цель – корысть, многие из которых были непримиримыми врагами русских и пользовались популярностью среди горцев. Принять эти условия Ермолов не мог «без вреда достоинству России».

Генерал пошел по другому пути. По его приказу были арестованы те кумыхские князья, через чьи земли чеченцы провезли пленника, а также те влиятельные чеченцы, о которых было известно, что они состоят в дружбе с похитителями. Затем под дулами русских ружей необходимая для выкупа сумма была собрана с кумыхского населения. Кроме того, по требованию русских властей, кумыхские владетели вынуждены были изгнать из своих земель чеченцев и уничтожить чеченские аулы, «как гнезда или верные пристанища тех разбойников, которые живут в самой Чечне». Данные методы себя оправдали, Швецов был освобожден из плена.

В последующем Ермолов не раз использовал подобную методику освобождения русских

пленных офицеров и других людей. Причем деньги на выкуп он брал с самих чеченцев, открыто объявляя об этом всему населению. В результате та прибыль, на которую рассчитывали похитители, постепенно начала терять свое значение. Репрессии же против их родственников, разрушение населенных пунктов и другие меры силового воздействия вносили раскол в чеченское общество, делало его менее сплоченным и более стоворчивым.

Но неверным было бы представление о Ермолове только как о войсковом командире. В его действиях по усмирению мятежного края была положена совершенно другая стратегия. Он понимал, что только военными действиями подчинить диких чеченцев нельзя. Нужны были другие меры.

Неоднократно Ермолов повторял, что чеченцев можно и должно победить не ружьем, а топором. При нем началось энергичное освоение не только притеречной равнины, но и земель по правую сторону Сунжи. Вырубались леса, прокладывались дороги, возводились укрепления и редуты. В каждой крепости или редуте располагалось русское воинское подразделение, начальники которого вскоре обретали особый статус среди горцев. К ним ездили для решения не только бытовых вопросов, но и различных юридических споров. «Став твердой ногой в этом диком крае, мы подчинили себе не только коварные кинжалы, но и умы многих людей, – писал Ермолов. – Каждый наш новый редут, каждая прорубленная просека решают намного больше, чем разбитый отряд противника или сожженный аул. Наши военные удачи нередко порождают среди горцев новых врагов, наши хозяйственные и административные шаги показывают всем и каждому, что мы пришли на Кавказ надолго».

Эхо декабрьского мятежа 1825 года

19 ноября 1825 года в Таганроге внезапно умер Александр I. Возник временный правительственный кризис. Новым императором был объявлен прямой наследник престола великий князь Константин – второй сын Павла I. Но, как выяснилось, за два года до этих событий Константин Павлович отказался от наследия короны в пользу своего младшего брата Николая. Тогда было составлено новое завещание, которое не было обнародовано. Все это и привело к тому, что после смерти Александра I правительство и армия вначале присягнули Константину Павловичу, а затем от них потребовали присяги его младшему брату Николаю Павловичу.

Неразберихой воспользовалась существовавшая в стране военно-масонская оппозиция, которая с целью государственного переворота 14 декабря вывела на Сенатскую площадь некоторые части Петербургского гарнизона. Военное выступление в столице было быстро подавлено.

Практически в это же самое время другой части заговорщиков удалось спровоцировать беспорядки на Украине, где восстал расположенный под Киевом Черниговский пехотный полк. Это выступление также вскоре было подавлено правительственными войсками.

Многие офицеры – участники этих выступлений – были арестованы. Началось следствие, в ходе которого выяснилось, что корни заговора уходили далеко на юг, вплоть до Кавказа. В частности, члены Южного тайного общества считали, что в случае выступления они будут поддержаны генералом А.П. Ермоловым, которого из-за давних юношеских поступков считали приверженцем республиканских и демократических идей. Несмотря на то, что Алексей Петрович ничем не выразил своей поддержки декабристам, он оказался в числе подозреваемых.

События, произошедшие в России в конце 1825 – начале 1826 годов создали за рубежом мнение о слабости ее центральной власти и расколе в российском обществе. Этим поспешили воспользоваться давние враги империи – Персия и Турция.

Первой начала действовать Персия, которая к тому времени с помощью Англии смогла развернуть на границе с Россией крупную армейскую группировку, возглавлявшуюся сыном шаха Аббас-Мирзою. Чтобы отговорить шаха от войны император послал в Персию дипломатическую миссию во главе с А.С. Меншиковым – правнуком Петра Великого. Но и приезд этой миссии был воспринят персами как слабость России. Переговоры были безуспешными и Меншиков вернулся в Россию, когда война уже началась.

В конце июня 1826 года персидская армия, подготовленная английскими инструкторами и экипированная за английские деньги, переправилась через Аракс на русскую территорию в районе

Карабах. Она насчитывала около 60 тысяч человек, не считая иррегулярной конницы. Одно из ее соединений атаковало прикрывавшие границу батальоны 42-го Егерского полка и разгромило их, уничтожив 306 и пленив 690 человек.

После этого персы обложили крепость Шушу, под стенами которой безрезультатно простояли почти полтора месяца. Крепость, расположенная на высокой скале, была труднодоступна, а ее гарнизон из 1300 человек под командой полковника Раута сражался героически. Но слабым местом русской обороны было отсутствие воды. В условиях летней жары жажда была невыносимой. Но и она не сломила дух русских воинов.

Вторжение персов, как обычно, вызвало всплеск антироссийских выступлений среди мусульманских народов Кавказа. Беспорядки начались в Талышском и Ширвинском ханствах. Восставшее население Елисаветополя 27 июля напало на местный гарнизон, убило 47 и пленило 255 военнослужащих. Иностранная интервенция в сочетании с внутренними восстаниями создала реальную угрозу власти России на Юго-Восточном Кавказе.

Простояв безрезультатно у крепости 48 дней, Аббас-Мирза потерял терпение, приказал снять осаду и двинулся дальше на Елисаветополь (Ганжа). Но время было упущено. Ермолов, узнав о вторжении персов, осаде Шуши и беспорядках в ханствах, приказал генералу Мадатову ударом через Елисаветополь осуществить деблокаду столицы Карабахского ханства. Генерал, в распоряжении которого находилось две тысячи регулярной пехоты, тысяча иррегулярной конницы и 14 орудий, 3 сентября в бою на Шамхоре разгромил передовой отряд персидской армии, состоявший из семи тысяч человек, преимущественно иррегулярной конницы. Это поражение заставило Аббас-Мирзу снять осаду Шуши и направить основные силы армии к Елисаветополю. Туда же со стороны Тифлиса подходило и русское соединение во главе с генералом И.Ф. Паскевичем, назначенным командиром Кавказского корпуса.

Сражение российских и персидских войск произошло 13 сентября у Елисаветополя. Там 35-тысячная армия азиатов атаковала 8-тысячное русское соединение, но после двухчасового ожесточенного боя была обращена в бегство. Преследование врага велось на протяжении 15 километров. Потери персов исчислялись в 2 тысячи человек убитыми и ранеными, 1100 пленными. Урон русских составил 46 человек убитыми и 249 ранеными. За одержанную победу Паскевич получил Золотую шпагу, украшенную бриллиантами и надписью: «За поражение персиян при Елисаветополе».

Поражение персидской армии заставило ее главнокомандующего отступить за Аракс. Паскевич попытался было перенести военные действия на территорию противника, но беспорядки среди населения в тылу и недостаток материальных средств не позволили осуществиться этим планам. Правда, усердие генерала было замечено в Петербурге. В конце марта 1827 года он был назначен наместником императора на Кавказе и командующим всеми находившимися там войсками, сменив на этом посту Ермолова.

Смещение Ермолова ничем не отличалось от опалы. Уведомляя Алексея Петровича об отставке, Николай I писал: «По обстоятельствам настоящих дел в Грузии, признав нужным дать войскам, там находящимся, особого главного начальника, повелеваю Вам возвратиться в Россию и оставаться в своих деревнях впредь до моего повеления». Обиженный генерал, сдав дела Паскевичу, в простой кибитке в сопровождении одного старого ординарца покинул Кавказ. Он отъехал на место жительства к престарелому отцу в орловское имение Лукьянчиково, где провел почти четыре года.

В 1831 году Ермолов встретился с императором в Москве, был восстановлен на службе и назначен членом Государственного совета. В этой должности он проработал до 1839 года, после чего попросился в отставку, а получив ее, переселился в Москву. Там он умер 11 апреля 1862 года и по завещанию похоронен в Орле рядом с могилой отца. Так закончилась жизнь одного из выдающихся деятелей Кавказской войны, вписавшего много страниц в ее историю.

Генерал И.Ф. Паскевич и трагедия дипломата А.С. Грибоедова

Новый командующий – 45-летний генерал-адъютант Иван Федорович Паскевич был ярким представителем военной школы, помнивший традиции Румянцева, Потемкина и Суворова, но воспитанный уже в парадно-показном духе Павла I.

Он получил прекрасное образование в Пажеском корпусе, военную карьеру начал при дворе и вскоре достиг чина штабс-капитана гвардии и должности флигель-адъютанта императора. Затем, пожелав испытать себя на полях сражений, молодой офицер направился на театр войны с Турцией, активно участвовал в войнах с наполеоновской Францией 1805 и 1807 года, в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русских войск. Из Западной Европы Паскевич вернулся в 1814 году командиром дивизии, генерал-лейтенантом, кавалером многих высших российских орденов, в том числе Св. Александра Невского и Св. Георгия 4-й и 3-й степеней. Последующее десятилетие, вплоть до назначения на Кавказ, И.Ф. Паскевич провел на придворной службе. В это время он женился на Елизавете Алексеевне Грибоедовой – родственнице выдающегося русского писателя.

По оценкам современников, в личности генерала И.Ф. Паскевича гармонично «сочетались ум, лесть, личная храбрость и умение все сделанное подчиненными поставить себе в заслугу так, что и другие были довольны». Он был хорошо известен в высшем обществе Петербурга глубокой привязанностью к императору, который, прослужив в свое время в подчинении Паскевича, всю оставшуюся жизнь называл его не иначе, как «отец-командир». В то же время Иван Федорович любил военное дело и с большим рвением относился в военной службе, чем заслужил неподдельную привязанность к нему многих подчиненных. Служить под его началом многие офицеры считали за честь и всячески стремились попасть на такую службу.

Иван Федорович Паскевич (1782–1856), наместник императора на Кавказе (1827–1829), генерал от инфантерии, с 1829 г. – генерал-фельдмаршал

К тому времени, когда высшая административная и военная власть на Кавказе сосредоточилась в руках Паскевича, новый главнокомандующий уже имел определенный опыт ведения военных действий в горном крае. Победа, одержанная над персами в 1826 году в сражении у Елисаветополя, в очередной раз подтвердила недюжий военный талант этого человека. Сражение было разыграно по самой современной на то время методике и русские войска смогли

достичь убедительной победы, понеся минимальные потери.

В июле войска И.Ф. Паскевича в сражении у ручья Джаван-Булак нанесли поражение 16-тысячному персидскому корпусу, после чего капитулировал гарнизон крепости Аббас-Аббад в составе 2700 человек при 23 орудиях. Эти победы принесли удачливому генералу орден Св. Владимира 1-й степени, считавшихся одним из высших полководческих орденов Российской империи..

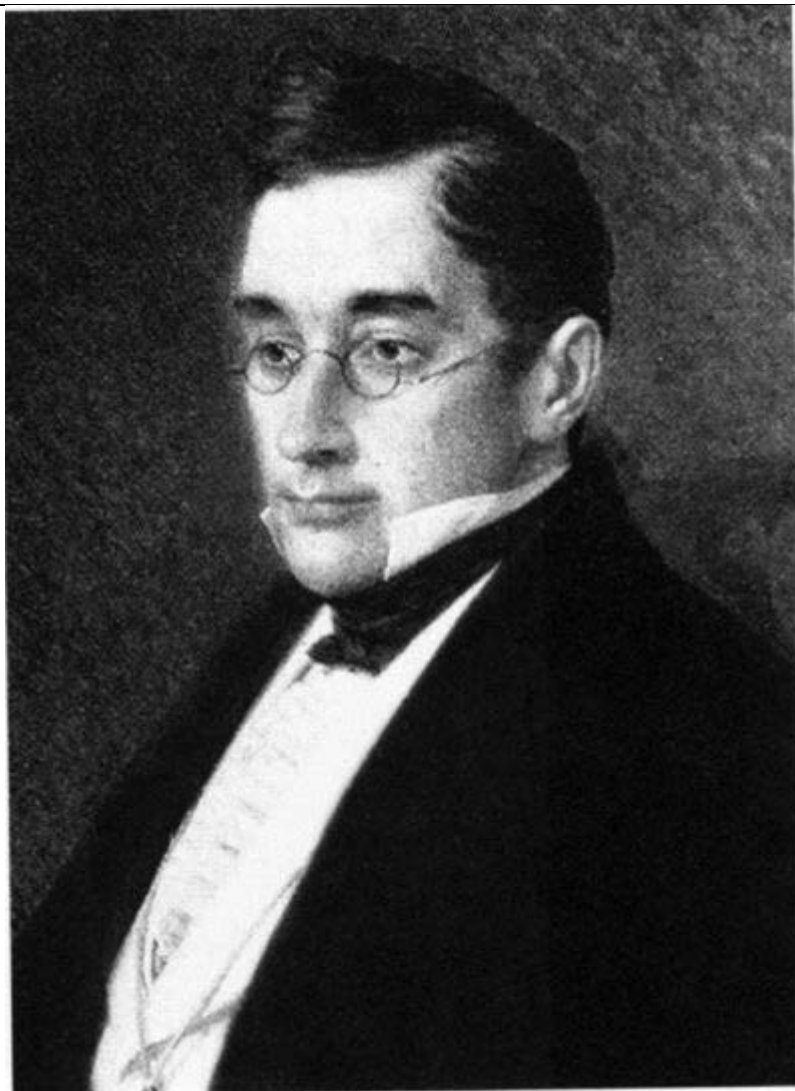

Отражение атаки

Нанеся ряд поражений персам на своей территории, в начале 1827 года русские войска начали продвижение на территорию противника. В середине апреля был взят Эчмиадзинский монастырь, превращенный турками в крепость. Правда, предпринятая после этого осада Эривани в конце апреля завершилась неудачно. Дала о себе знать поспешность при подготовке к штурму, недостаточная разведка противника, распыление сил в районе военных действий для решения других задач.

И.Ф. Паскевич сильно переживал неудачу и приказал хорошо готовиться к новому штурму крепости. Осенью русские подошли в Эривани снова. На этот раз дело обстояло иначе. Паскевич приказал, обложив крепость пехотой, всю артиллерию сосредоточить на одном направлении. 10 октября огнем русской артиллерии была разбита восточная башня крепости и разрушена часть стены. После этого крепость была взята штурмом. Русским сильно помогли армянские добровольцы и население города, которое в самом начале штурма неожиданно для персов открыло северные ворота крепости. В Эривани было взято три тысячи пленных и 48 орудий. За взятие столицы Эриванского ханства Иван Федорович получил орден Св. Георгия 2-й степени.

Падение Эривани подорвало власть персов в Закавказье. В середине октября русскими войсками (генерал Н.Н. Муравьев) штурмом был взят Тавриз, после чего шах запросил мира. Он был подписан 13 февраля 1828 года в Туркманчанае. По условиям мира Персия уступила России в вечные владения ханства Нахичеванское, Эриванское и выплатила 20 миллионов серебряных рублей контрибуции. Это была крупная победа русского оружия в Закавказье, которая на долгие времена предопределила новые пути развития всего края.

Александр Сергеевич Грибоедов (1795–1829), писатель, дипломат

По случаю успешного завершения войны с Персией генерал И.Ф. Паскевич был возведен в графское достоинство с приставкой «Эриванский», получил от казны миллион рублей ассигнациями, а от персидской стороны – орден Льва и Солнца, украшенный бриллиантами на общую стоимость 60 тысяч рублей с предоставлением права носить этот орден также и старшему из его потомков по мужской линии. Все участники войны с Персией, от рядового до генерала, были отмечены специальными серебряными медалями «За персидскую войну». Эти медали стали первыми специализированными наградами для российских войск за военные действия на Кавказе.

Ратификация мирного договора с Персией была поручена родственнику И.Ф. Паскевича по линии жены, уже известному в то время дипломату и литератору А.С. Грибоедову. Александр Сергеевич до того неоднократно бывал в Персии, знал ее язык, обычаи. Он продолжительное время провел на Кавказе и за заслуги перед Отечеством был пожалован чином и орденом Св. Анны 2-й степени с бриллиантами. На него возлагались большие надежды, но данная миссия для Грибоедова оказалась роковой.

До истинных причин гибели русского посла в Тегеране докопаться трудно. Существует несколько версий. Одни обвиняют Александра Сергеевича в том, что он своим поведением спровоцировал выступление черни. Другие во всем произошедшем видят происки английской дипломатии. Третьи винят шаха и его ближайшее окружение. Не исключено, что все эти три фактора воздействовали одновременно. Тем не менее трагедия произошла.

В ходе переговоров А.С. Грибоедов жестко стоял на выгодных для России позициях, чем снискал к себе ненависть многих влиятельных персидских чиновников и внимательно следивших за происходящим английских резидентов. Кроме условий государственного масштаба, он также потребовал выдачи из шахского гарема двух грузинок для возвращения на родину.

Последнее возмутило духовенство и жителей Тегерана. На рассвете 30 января 1829 года многочисленная толпа, вооруженная палками, кинжалами и камнями, направилась к дому, занимаемому русским посольством. Несмотря на мужественное сопротивление 40 казаков охраны и самого Александра Сергеевича, дом был взят штурмом, а все его защитники перебиты. В числе погибших был и А.С. Грибоедов.

Бренные останки членов посольства были свалены в кучу в одну общую яму за городом, у подошвы городского вала на растерзание голодным бродячим собакам. Там они пролежали более шести лет. И только в июле 1836 года новый российский посланник при персидском дворе О.И. Симонич добился от шаха разрешения на перезахоронение погибших. Обстановка к тому времени уже сильно изменилась. Персидский шах выразил царю глубокое сожаление по поводу случившегося и даже в знак примирения послал бриллиант, впоследствии ставший украшением Алмазного фонда России.

Война с Турцией 1822–1829 годов

В 1821 году против турков восстали греки под предводительством сына молдавского господаря Александра Ипсиланти, который был генералом русской службы и генерал-адъютантом императора. Восстание было подавлено, но его искры то и дело вспыхивали пламенем в других местах Греции. В ответ турки начали повсюду истреблять греков.

Державы Священного союза решили вмешаться, направив в Средиземное море союзную англо-франко-русскую эскадру. Навстречу ей вышел огромный турецкий флот. В октябре 1827 года в Наваринской бухте произошло морское сражение, в котором победу одержали союзники. Русской эскадрой командовал адмирал Л.П. Гейден, в составе офицеров эскадры были такие в последующем известные флотоводцы, как М.П. Лазарев, П.С. Нахимов, В.А. Корнилов, В.И. Истомин.

Турецкий султан был взбешен вмешательством в его «внутренние» дела с греками и поражением своей эскадры. В марте 1828 года стало известно о разрыве дипломатических отношений между Россией и Турцией. Началась война, которая развернулась на Придунайском и Кавказском театрах. В Молдавии и Валахии действовала русская армия под командой престарелого фельдмаршала П.Х. Витгенштейна, на Кавказе – отдельный Кавказский корпус под командованием И.Ф. Паскевича.

Перед Паскевичем была поставлена задача не только отразить удары противника, но и покорить Карский, Ахалцихский районы и занять крепость Потти. Для решения этой задачи ему с трудом удалось собрать 18-тысячный корпус, которому противостояла 60-тысячная турецкая армия. Чтобы хоть как-то нарастить свои силы, Паскевич обратился с призывом к местному населению идти в ополчение. Горцы охотно откликнулись и в последующем, по воспоминаниям участников событий, служили хорошо и были грозой для турок.

Русский командующий решил громить противника по частям. В середине июня русские войска двинулись к Карсу и после недельной осады 24 числа взяли крепость штурмом. Турки потеряли 2 тысячи человек убитыми и ранеными, 1360 пленными и 151 орудие. Урон русских войск составил менее 400 человек. За Карс Паскевич был награжден двумя пушками из числа захваченных в крепости, а его старшая дочь Александра стала фрейлиной императрицы. Правда, радость карской победы вскоре была омрачена эпидемией чумы, от которой за 20 дней умерло 263 русских солдата и офицера.

От Карса Паскевич пошел к Ахалкалаки и 24 июля взял его штурмом. Половина гарнизона сложила оружие, другая половина, попытавшаяся спастись бегством, была настигнута русской конницей и изрублена.

4 августа у Ахалциха произошло сражение между 9-тысячным русским соединением и 30-тысячной турецкой армией. Оно проходило в грозу и было выиграно россиянами. Турки отступили, потеряв 2 тысячи человек убитыми, 500 – пленными и упустив 10 орудий. Затем началась осада крепости, завершившаяся 16 августа победоносным штурмом. Турки, отчаянно защищавшиеся, из 9-тысячного гарнизона потеряли 5 тысяч человек. Потери русских при осаде и штурме Ахалциха составили 234 человека убитыми и 921 раненым. За взятие турецкой твердыни Паскевич получил орден Св. Андрея Первозванного.

Наступление русских войск продолжалось. К сентябрю были взяты крепости Ацхур, Ардаган, Потти и Баязет. Лишь с наступлением осеннего ненастья боевые действия в Закавказье временно прекратились.

Неудачи кампании 1828 года вызвали гнев султана. Военачальники были заменены, группировка войск пополнена новыми частями. К весне 1829 года турецкая армия насчитывала 120 тысяч человек при 136 орудиях. С февраля ее 10-тысячный корпус осаждал Ахалцих, оборонявшийся малочисленным русским гарнизоном. В начале мая туда же был направлен еще 20-тысячный корпус трапезундского паши. Такой же корпус паши ванского пошел к Баязету. Сам главнокомандующий сераскир эрзерумский Хаджи Селех с 70-тысячной армией двинулся к Карсу.

И.Ф. Паскевич смог противопоставить противнику всего 18 тысяч человек при 70 орудиях. Остальные силы корпуса использовались для поддержания порядка во внутренних районах Кавказа и для охраны новой границы с Персией. Тем не менее, несмотря на столь ощутимое неравенство сил, русские смело двинулись навстречу противнику, вновь решив громить его по частям, и военное счастье приняло сторону смелых. 19 и 20 июня Паскевич в сражениях под Каиндлами и у Милле-Дюзе разбил армию сераскира, уничтожив 5 тысяч и пленив 12 тысяч турок. За эту победу он был отмечен алмазными знаками к ордену Св. Андрея Первозванного, а его супруга пожалована в статс-дамы к Высочайшему двору.

Остатки разгромленной турецкой армии, преследуемые русской кавалерией, бежали в Эрзерум. 23 июня они оставили крепость Гассан-Кале вместе с находившимися в ней 28 пушками. А четыре дня спустя без сопротивления капитулировал 15-тысячный гарнизон Эрзерума вместе с сераскиром. В крепости были захвачены 150 орудий, 6 знамен, огромные запасы оружия, боеприпасов и другого военного имущества. За одержанную победу Паскевич был награжден орденом Св. Георгия 1-й степени, став семнадцатым по счету обладателем этой высшей награды с момента ее учреждения и третьим полным кавалером военного ордена.

Падение Эрзерума значительно ускорило, но не положило конец войне. 12 июня 1829 года войска под командой Меншикова во взаимодействии с кораблями Черноморского флота вице-адмирала Грейга в третий раз взяли Анапу.

Только после этого, 1 июля эриванский паша снял осаду Баязета, продолжавшуюся почти полтора месяца и стоившую русскому гарнизону 77 человек убитыми и 332 ранеными. Через шесть дней после этого события отряд генерал-майора И.Г. Бурцова овладел крепостью Байбурт, располагавшейся на пути от Эрзерума к Трапезунду. 9 июля отряд полковника Лемана занял крепость Хнисс, находившуюся в 100 километрах от Эрзерума на пути в Мушский пашалык. И только затем, в конце сентября, Паскевич в сражении под Байбуртом нанес поражение войскам нового сераскира. Турки потеряли 700 человек убитыми и ранеными, 1236 пленными, 6 пушек и 12 знамен. Урон русских составил 110 человек убитыми и ранеными. Примечательно то, что это сражение произошло уже после подписания мира в Андрианополе, положившем конец русско-турецкой войне 1828–1829 годов. Паскевич еще не знал об этом факте, а турецкий военачальник его умышленно скрыл, рассчитывая завершить войну победой. В результате этой «хитрости» турки потерпели еще одно поражение.

Очередная русско-турецкая война была выиграна Россией. По условиям Андрианопольского мирного договора, подписанного 2 сентября 1829 года, к Российской империи был присоединен Ахалцихский пашалык. Остальные захваченные территории Николай I великодушно возвратил Порте. Крошечное территориальное приобретение едва ли стоило потерь, понесенных Россией в этой войне и исчислявшихся 932 убитыми, 3367 ранеными и 6 миллионами рублей серебром. Известно, что сам Паскевич был очень недоволен уступнической политикой Петербурга. Но император утешил своего полководца, возведя его по итогам войны в чин генерал-фельдмаршала, вследствие чего Паскевич стал 45-м по счету носителем этого высшего звания в российской армии. Для отличия всех участников войны, от рядового до генерала, указом императора от 1 октября 1829 года была учреждена специальная серебряная медаль «За турецкую войну».

«Домашние» проблемы

Войны России с Персией, а затем с Турцией в значительной степени отвлекли внимание И.Ф. Паскевича от Северного Кавказа. Воспользовавшись этим, мусульманские проповедники усилили

антироссийскую агитацию, которой легко поддались многие правители и народы.

В Аварии «зашаталась» власть верноподданного России Сурхай-хана, возведенного на престол по ходатайству Ермолова, но по местным обычаям не имевшего на то права. Поэтому ряд селений остались верны сыну низвергнутого хана Абу-Султан-Насалу, также назвавшемуся ханом. Такое раздвоение власти было чревато междоусобицей, которая легко могла превратиться в антироссийское выступление.

Чтобы избежать этого, Паскевич принял решение признать права Абу-султан-Насал-хана на послушную ему часть Аварии, уравнивать его в правах с Сурхай-ханом и постараться примирить обоих противников. С этой целью оба правителя получили чин полковника, жалованье в 2000 рублей серебром в год и право выдачи грамот подданным на проезд и торговлю во внутренние районы России. Высочайшие грамоты обоим ханам за подписью Николая I вместе с инвеститурными знаками и подарками были доставлены в Аварию 25 февраля 1829 года.

Однако примеру аварских ханов последовали немногие правители горских народов. Призывы к выступлениям в горах Дагестана и Чечни звучали все чаще, все чаще вооруженные отряды нападали на русские воинские посты, расположенные на Кавказской линии.

Доклады Паскевича о продолжающихся беспорядках во вверенном ему крае в Петербурге вызвали соответствующую реакцию. Мнения о «мягких» мерах все чаще стали уступать под нажимом «силовиков». Постепенно на позицию последних встал и император. В конце сентября 1829 года он пишет Паскевичу: «Предстоит вам... усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных. Дело сие не требует немедленного приближения, но решительного и зрелого исполнения... Я для сего представляю вам временно все войска, под командой вашей ныне находящиеся, с тем, чтобы удар был столь же решителен, как и внезапен. Прочее решать представляю вам».

В эти годы учение мюридизма только прокладывало дорогу в среду дагестанцев и чеченцев. Его «родителем» стал мулла Магомет, выходец из селения Яраг Кюринского ханства. Примерно в 1823 году, в одной из своих проповедей, он обратился к верующим со словами: «Народ! Вы не магометане, не христиане и не идолопоклонники. Магометане не могут быть под властью неверных... Кто считает себя мусульманином, для того первое дело – газават и потом исполнение шариата. Для мусульманина исполнение шариата без газавата не есть спасение. Будучи под властью неверных... все ваши намазы, все урочи, все странствования в Мекку, ваш нынешний брак и все ваши дети – незаконны...»

Семена были брошены в благодатную почву. Весть о проповеднике быстро разнеслась по горам, в Яраг начали стекаться не только простые горцы, но и муллы, желавшие проникнуть в более глубокие истины религии. Но знамя газавата оставалось свернутым, так как не было вождя, способного повести за собой массы на священную войну.

Случай подвернулся совсем неожиданно в лице Умалат-бея – племянника шамхала Тарковского и его зятя. Шамхал уличил племянника в связях с врагами и отобрал у него жену. Это считалось особым бесчестием среди горцев. Умалат-бей попытался примириться с тестем при посредничестве командира Куринского полка полковника Верховского, но когда переговоры сорвались, застрелил русского офицера и ушел в горы. Этот поступок приверженцами мюридизма были объявлены едва ли не началом газавата.

К тому времени в Дагестане появился еще один страстный поборник нового учения. Им стал Джемалэддин Гусейн казикумыхский. В 1824 году он был посвящен муллой Магометом в звание мюрида и начал активную пропагандистскую деятельность.

Но мюридизм не был известен в Чечне. Распространению его на эти земли «помог» также случай. О новом учении проведал известный в Чечне предводитель Бейбулат Таймазов. Этот человек, житель села Майртупа, слыл храбрым воином и пользовался большим уважением в народе. Он требовал такого же уважения к себе и от представителей русской администрации, которых он иногда посещал в крепости Грозной. Но, встретив холодный прием со стороны генерала Н.В. Грекова, затаил обиду. По витавшим слухам именно Бейбулат Тамазов пригласил в Чечню из Дагестана муллу, принесшего идеи мюридизма, и сам стал одним из ярых поборников нового учения.

Между тем обстановка в Дагестане и Чечне продолжала накаляться. Народ, возбуждаемый духовенством, готов был с оружием в руках выступить против «неверных». В горах появились

турецкие агенты с оружием и деньгами. Быстро нашлись и местные вожди. Под их знамена начали собираться сотни горцев, готовых во имя Аллаха умереть в борьбе с «неверными».

В конце марта 1930 года начальник Главного штаба генерал А.И. Чернышов довел до Паскевича волю императора о том, «чтобы начало военных действий против неприязненных нам горских племен нисколько не было отлагаемо, дабы в течение нынешнего лета успеть привести в исполнение весь предложенный план покорения горцев». Данная задача, а главное, сроки ее выполнения, показались командующему весьма трудными.

6 мая того же года генерал Паскевич направил императору рапорт с изложением причин выступления горцев и предложением мер по их покорению. В нем он подробно останавливается на сильных сторонах противника. Одной из главных командующий считает многолетний опыт взаимоотношений горцев с русскими. «Уже более 50 лет, как они имеют дела с нами, и, к сожалению, были случаи, которые достаточны поселить в них мнение не в пользу нашу, – пишет Паскевич. – Одна мысль – лишиться дикой вольности и быть под властью русского коменданта, приводит их в отчаяние. С другой стороны, пятидесятилетняя борьба без успеха (со стороны русских) проникнуть в горные их убежища, дает им уверенность, что горы для нас недоступны. Обе сии причины достаточны побудить их к упорному сопротивлению. Нет сомнений, что мелкие владельцы скорее могут покорены быть видами личных своих выгод; но покорение вольных племен, ни от какой власти не зависимых, представляет более трудностей».

Анализируя политику последних лет, применявшуюся русскими правителями к горцам, командующий находит ее ошибочной, не имевшей ни общего плана действий, ни постоянных правил поведения. В результате «жестокость умножала ненависть и возбуждала к мщению; недостаток твердости и нерешительность обнаруживали слабость и недостаток сил».

На будущее он предлагает два варианта действий. По первому предусматривалось одновременное стремительное наступление войск с нескольких направлений с целью вытеснения непокорных чеченцев в горы. Но при этом следовало учитывать, что «в сем случае неприятель, пользуясь ущельями, чашами лесов, горными протоками и другими местными препятствиями, противопоставит на каждом шагу оборону, хотя и недостаточную для удержания войск, но весьма способную утомить их. Горцы, не имея ни богатых селений, которые бы стоили того, чтобы защищать их, ни даже прочных жилищ, будут оставлять одно место за другим, угоня свой скот вместе с семействами в отдаленнейшие горные ущелья. А по мере приближения к ним наших войск займут высоты либо разбредутся во все стороны; сами же, выжидая удобного случая, в местах закрытых не перестанут наносить вред войскам». Реализация данного способа требовала наличия большого количества войск, части из которых все еще находилась на границе с Персией и Турцией.

По второму варианту предлагалось одновременное медленное наступление с возведением укреплений на господствующих высотах, расположением в них гарнизонов и создание системы коммуникаций. Такой способ, по мнению командующего, был более надежен для достижения поставленной цели, но также требовал значительных воинских сил и продолжительного времени. Следовательно, ни один из вариантов в указанные сроки в полной мере реализован быть не мог.

Между тем, горцы перешли от слов к делу. 15 октября многотысячное скопище лезгин, скрытно спустившись с гор, внезапно напало на воинский отряд, занимавшийся прорубкой просек и прокладкой дорог в районе Старых Закатал. В скоротечном ожесточенном лесном бою русские потеряли 254 человека убитыми и 152 ранеными.

Разгневанный Паскевич приказал в качестве ответной меры стереть Старые Закаталы с лица земли. Но это было выполнено только через месяц после нападения и стало запоздалой ответной мерой, только обозлившей горцев. Антирусские выступления народов Северо-Восточного Кавказа грозило перерасти в настоящую войну. В определенной степени тому способствовал и отъезд в мае 1831 года Паскевича с Кавказа в Польшу, где вспыхнуло восстание против России. Граф Эриванский навсегда покинул Кавказ, потрясенный его победами, но не покоренный...

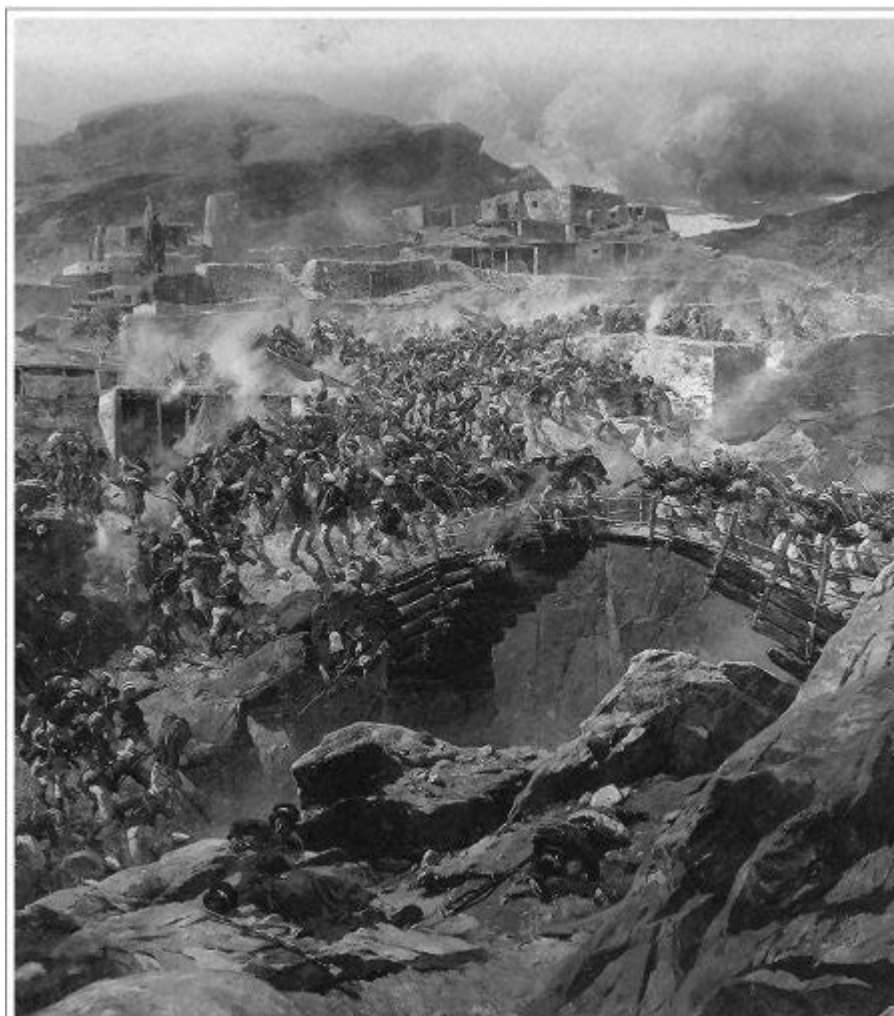
Дальнейшая судьба генерал-фельдмаршала была довольно насыщенной военными событиями. Он успешно завершил подавление польского восстания 1831 года взятием Варшавы, за что получил титул князя Варшавского и должность наместника Царства Польского. Когда же в 1848 году в Венгрии началось восстание против австрийского господства, Паскевич возглавил экспедиционные войска России, направленные для его усмирения.

С началом Восточной (Крымской) войны 72-летний фельдмаршал своими указаниями и поучениями из Петербурга пытался вмешиваться в дела командующего Дунайской армией князя Горчакова. Так из как князя всячески поддерживал император, то все его указания и рекомендации следовало беспрекословно выполнять. Но это не принесло новых побед русскому оружию, и только усложнило положение русских войск в том регионе.

И.Ф. Паскевич сильно переживал неудачи русских войск в Крымской войне. Несколько раз он даже порывался лично выехать на театр военных действий, надеясь своим присутствием переломить ход событий. Но его смогли отговорить от этого опрометчивого шага. Умер Иван Федорович в 1856 году в своей постели и был похоронен в принадлежавшем ему селе Ивановском, расположенном вблизи Ивангорода. В российскую военную историю он вошел как третий человек, удостоенный всех четырех степеней ордена Св. Георгия.

Глава 6 Северокавказский имамат

Кази-мулла

После отъезда Паскевича управление Кавказом в сентябре 1831 года принял 60-летний генерал от инфантерии Григорий Владимирович Розен. Он начал офицерскую службу в 1797 году. За отличие в сражениях с французами в 1806–1807 годах был произведен в полковники и награжден золотой шпагой. Участвовал в войне со шведами, которую закончил генерал-майором. Затем – Отечественная война 1812 года и поход за границу. Оттуда Розен вернулся генерал-лейтенантом, командиром дивизии, кавалером многих орденов, в том числе и Св. Георгия 3-й степени.

После этого Григорий Владимирович долгое время служил в столице. В день коронации Николая I получил чин генерала от инфантерии и командование корпусом, дислоцировавшимся на территории Литвы. Во время польского восстания 1830–1831 годов войска корпуса неоднократно отличились в боях с мятежниками. По их завершении Розен был пожалован орденом Св. Георгия 2-й степени.

Прибыв на Кавказ, новый командующий встретился с противником, совершенно неизвестным ему ранее. Это были не просто воинственные горные племена, с которыми имел дело Ермолов, а целые народы, объединенные общей религиозной идеей и авторитетом признанного всеми вождя.

Григорий Васильевич Розен (1770–1841), главнокомандующий в Грузии, командир отдельного Кавказского корпуса (1832–1837), генерал от инфантерии

К тому времени в горах Дагестана появился человек, называвший себя Кази-муллой, активно проповедовавший идею борьбы с «неверными» и конкретными военными успехами заслуживший уважение горцев. В основе духовного учения Кази-муллы лежал мюридизм. Исследователь Кавказа Р. Фадеев в книге «Шестьдесят лет Кавказской войны», изданной в Тифлисе в 1860 году, писал: «Мюридизм мог родиться на Кавказе от естественной потребности духа, возбужденной, но не удовлетворяемой кораном. Он развился в таких размерах потому, что служил выражением главной страсти и главной черты исламизма – ненависти к неверным в стране занятой неверными. Мюридизм не создал своего богословия; он развивался от веры, общей всем суннитам только крайностью своих выводов. Проповедь его основана на особенном объяснении тариката – части закона, содержащей учение об обязанностях человека. Но в этом отношении он превзошел всякую степень мусульманского изуверства и, можно думать, досказал последнее слово ислама. Мюридизм выключил из жизни человека все человеческое и поставил ему два правила: ежеминутное приготовление к вечности и непрерывную войну против неверных».

Кази-мулла возложил на себя титул имама (духовного главы) Дагестана и объявил поход против «неверных». Под его зеленые знамена немедленно начали стекаться правоверные, но в первую очередь те, кто с давних пор привык жить грабежом, а крестьянский труд считал для себя заторным.

Смена российских командующих на Кавказе послужила для Кази-муллы сигналом для начала активных действий. Собрав отряд из 500 мюридов, Кази-мулла вступил с ними в шамхальство Тарковское и в бою под Алты-Боюне нанес поражение небольшому русскому отряду, усиленному многочисленной, но плохо организованной иррегулярной шамхальской и мехтулинской конницей.

Исход боя стал известен во всем Дагестане и в Чечне. Он всколыхнул горцев. Под знамена имама поспешили тысячи добровольцев. Вскоре в его распоряжении был отряд в 8 тысяч человек.

1 ноября 1831 года отряд мюридов неожиданно напал на Кизляр. Малочисленный русский гарнизон, находившийся в крепости, расположенной на окраине города, не мог помешать противнику. Пострадали преимущественно мирные жители. Убив 126 и ранив 38 человек, захватив в плен 168 человек, преимущественно молодых женщин, набив тюки и загрузив арбы имуществом, горцы благополучно вернулись за Терек.

Военные успехи позволили Кази-мулле составить стратегический план последовательного вытеснения русских из Северо-Восточного Кавказа. Разделив силы на два крупных отряда, он направил один из них под предводительством Ших-Абдуллы в Чечню для захвата крепости Внезапная, а сам во главе другого отряда двинулся к Тарки.

Поход мусульман начался удачно. Тарковский правитель, узнав о приближении мюридов, оставил город на произвол судьбы и бежал в Бурную под защиту русского гарнизона. Кази-мулла, заняв Тарки 26 мая, сразу же пошел на Бурную. Ее гарнизон, численностью в 500 человек пехоты при 25 орудиях, 27 мая успешно отразил яростный штурм противника, уничтожив до 900 мюридов и потеряв при этом 127 человек убитыми и ранеными. Имам, убедившись в безрезультатности штурма и узнав о подходе полуторатысячного русского отряда, 29 мая снял осаду крепости и со всеми силами двинулся в Чечню.

К тому времени отряд Ших-Абдуллы обложил крепость Внезапную, имевшую гарнизон менее двух тысяч человек. После соединения отрядов силы мюридов достигли 12 тысяч человек. Они предприняли несколько попыток взять крепость штурмом, но все они оказались неудачными. Осада затягивалась. Это позволило русскому командующему послать в тыл противнику трехтысячный отряд под командованием генерал-лейтенанта Эмануеля. В первый день июля русские войска у аула Акташ-Аух атаковали противника и, уничтожив около 400 мюридов, заставили отступить от Внезапной. Общие потери русских при обороне и деблокаде крепости составили 214 человек убитыми и 679 ранеными.

Между тем восстание все больше разгоралось, охватывая новые районы. Повсеместно в горах действовали отряды мюридов, постоянно тревожа русские гарнизоны и нападая на мирные народы. В начале августа Кази-мулла с 8-тысячным войском осадил Дербент. Но и на этот раз он не смог овладеть крепостью. Продержав блокаду восемь дней и узнав о приближении русского отряда с тыла, мюриды оставили Дербент и ушли в горы.

В первое время Розен, не знавший тактики горцев, пытался навязать им крупное сражение, чтобы добиться решающей победы. Это только приводило к изнурительным маневрам большими формированиями войск, с приближением которых горцы рассеивались. Убедившись в бесполезности таких действий, Григорий Владимирович решил возобновить практиковавшуюся его предшественниками систему контроля территорий. Собрал в Дербенте отряд в три тысячи человек при 10 орудиях, он направил его в Табасарань, население которой активно поддерживало имама. Подавив сопротивление нескольких мелких групп и разрушив ряд аулов, отряд в течение сентября «навел порядок» в этом районе.

Затем он проследовал в шамхальство Тарковское, где назначенный имамом правитель Амалат-бек успел собрать до 10 тысяч воинов. Сражение произошло у аула Эрпели. В густом тумане русские скрытно подошли к противнику и после ружейно-артиллерийского залпа ударили в штыки. Мюриды не выдержали дружной атаки и обратились в бегство.

Дальнейшее продвижение отряда на юг заставило имама прекратить боевые действия в Дагестане и перенести их на территорию Чечни. Он организовал свою ставку в Чемкесенте, куда начал собирать силы.

Местонахождение вождя мятежников стало известно русскому командованию. Специально посланный отряд 1 декабря штурмом овладел Чемкесентом, рассеяв находившихся там горцев и потеряв 94 человека убитыми и 298 ранеными. Так, в целом безрезультатно для русской администрации завершился 1831 год, в течение которого в противоборстве с мюридами 673 военнослужащих были убиты, 2087 ранены и 116 пленены.

В следующем году Розен поручил генералу Вельяминову «навести порядок в Чечне». Выполняя этот приказ, в январе русские войска начали наступление со стороны Владикавказа на Грозный, следуя несколькими колоннами южнее Сунжи. Чеченцы, придерживаясь прежней тактики, без боя оставили селения и, укрывшись в лесах, перешли к партизанским действиям. Их результатом явилась потеря отрядами за две недели около 200 человек убитыми и ранеными без ощутимого ущерба для противника.

Официальный Петербург решил вмешаться в подготовку операций. От Розена потребовали все планы предварительно направлять в Военное министерство. Затем высшие военные чиновники, всячески избегавшие личной ответственности, переправляли эти планы на рассмотрение Паскевичу в Варшаву. Только после одобрения фельдмаршалом документы

возвращались обратно на Кавказ в виде директив. Вполне понятно, что данный подход исключал всякую оперативность боевого управления на местах и порождал невиданную бюрократию, от которой и так всегда страдала армия. Подготовка очередной крупной операции на территории Чечни и Северного Дагестана заняла почти полгода.

В это время русский командующий предпринял попытку поссорить между собой ингушей и чеченцев. Первым, заявившим о своей преданности России, было официально разрешено совершать нападения на непокорные чеченские аулы, «дабы тем заставить сих последних более заботиться об охране своего собственного имущества, и, следовательно, через то препятствовать им собираться большими партиями для грабежа в наших пределах». Замысел удался. 8 апреля отряд ингушей под командой прапорщика Берда Дударова напал на чеченский аул Торгим и угнал оттуда стадо из 200 баранов.

К концу июля подготовка операции была завершена и ее замысел одобрен в Петербурге непосредственно императором. В его основу была положена идея подрыва не только военного, но также экономического и морального потенциалов противника. По этому поводу в конце мая военный министр А.И. Чернышов писал Розену: «Начать действия против чеченцев лучше всего в конце июля или начале августа, когда жара не столько изнурительна и наступает время самого поспевания хлебов, дабы тем не дать им возможность собрать и скрыть свои запасы».

А для преследования непокорных чеченцев, скрывавшихся в лесах, рекомендовалось привлекать соседние горские народы, «предоставляя сим последним всю добычу, которую они приобрести могут». Такой подход «Его Величество считает и возможным, и полезным, ибо оно укоренит между ними вражду и помешает общему соединению против нас».

В начале августа 11-тысячный корпус двумя отрядами двинулся на территорию, контролируемую противником. Первый отряд, находившийся под командой Розена, из Владикавказа пошел в земли галгаевцев. Второй, возглавлявшийся генералом Вельяминовым, направился в районы, населенные карабулаками. Быстро и почти бескровно «приведя к покорности» эти народы, отряды соединились на реке Ассе и затем через беспокойные земли и аулы дошли до Герменчука. Там 24 августа состоялось сражение между русскими и мюридами, которое горцы проиграли. Герменчук был взят штурмом. Кизи-мулла и несколько тысяч уцелевших его сторонников ушли в горы. К тому моменту с начала экспедиции было уничтожено 60 чеченских селений, еще 80 аулов, изъявивших покорность и предоставивших заложников, были пощажены. Потери русских войск составили 68 человек убитыми и 427 ранеными.

После поражения под Герменчуком Кази-мулла ушел в родное селение Гимры, находившееся в ущелье реки Аварское Койсу и считавшееся неприступным. Но это не остановило командующего. Желая покончить с мюридами, он повел войска на штурм Гимр. 17 октября, сломив сопротивление горцев на подступах, русская пехота ворвалась в селение. Кази-мулла с 15 ближайшими сподвижниками укрылся в одной из башен. Но, видя безнадежность своего положения, с наступлением ночи он решил прорываться в горы.

– Если мы здесь останемся, – сказал он товарищам, – то вскоре, как собаки, околеем с голода. Аллах не простит нам такой позорной смерти. Попробуем же лучше пробиться сквозь ряды гяуров!

Горсть мюридов, надвинув на глаза папахы, обнажив шашки и кинжалы, с криком «алла» бросилась в последнюю атаку. Через несколько минут все они полегли в неравном бою. Среди убитых был и первый имам Дагестана Кази-мулла. Случайно уцелел всего один тяжело раненный, которого солдаты посчитали мертвым и великодушно оставили женщинам для захоронения. Им оказался Шамиль – будущий имам и многолетний враг России. При штурме Гимр 41 человек был убит и 339 ранены. Заслуги Розена в разгроме Кизи-муллы были отмечены золотой шпагой, украшенной алмазами.

Правда, гибель Кази-муллы вовсе не означала гибель мюридизма. Даже, наоборот, он получил новую идеологическую основу. Убиенный имам был вознесен в разряд святых, а борьба с «неверными» была объявлена главным делом для всех мусульман.

Гамзат-бек

Вторым имамом Дагестана стал Гамзат-бек, один из ближайших соратников Казы-муллы.

Несколько удачных боев, проведенных мюридами под его командой, вызвали новый приток сторонников под зеленые знамена. Почти все ханства Нагорного Дагестана, кроме Аварского, были готовы объявить «газават» и включиться в войну с Россией. Но имам решил прежде всего укрепить свою власть в Аварии.

Это ханство было выбрано неслучайно. По сведениям русской администрации в нем в 1833 году насчитывалось 25 тысяч жителей, разделенных на два лагеря во главе со своими ханами, формально лояльным к русскому правительству. При этом власть Сурхай-хана распространялась всего на три небольших аула, а остальные считались владением юного Нуцал-хана, реально не имевшего власти над ними. Вокруг же Аварии проживали воинственные лезгинские племена, враждебно относившиеся к России. Поэтому, захватив Аварию, Гамзат-бек мог легко превратить ее в плацдарм для борьбы с русскими на всем Северо-Восточном Кавказе.

В 1833 году, собрав войско, Гамзат-бек пошел на Аварское ханство и осадил его столицу Хунзах. Он поголовно истребил род прежних правителей и провозгласил себя ханом. Как это произошло с полной исторической достоверностью рассказывает Л.Н. Толстой в повести «Хаджи-Мурат» устами ее героя.

«Когда Гамзат подступил к Хунзаху, мы послали к нему стариков и велели сказать, что согласны принять газават, только бы он прислал ученого человека растолковать, как надо держать его. Гамзат велел старикам обрить усы, проткнуть ноздри, привесить к их носам лепешки и отослать их назад. Старики сказали, что Гамзат готов прислать шейха, чтобы научить нас хазавату, но только с тем, чтобы ханша прислала к нему аманатом своего младшего сына. Ханша поверила и послала Булач-хана к Гамзату. Гамзат принял хорошо Булач-хана и прислал к нам звать к себе и старших братьев. Он велел сказать, что хочет служить ханам так же, как его отец служил их отцу. Ханша была женщина слабая, глупая и дерзкая, как и все женщины, когда они живут по своей воле. Она побоялась послать обоих сыновей и послала одного Умма-хана. Я поехал с ним. Нас за версту встретили мюриды и пели, и стреляли, и джигитовали вокруг нас. А когда мы подъехали, Гамзат вышел из палатки, подошел к стремени Умма-хана и принял его как хана. Он сказал: «Я не сделал вашему дому никакого зла и не хочу делать. Вы только меня не убейте и не мешайте мне приводить людей к хазавату. А я буду служить вам со всем моим войском, как отец мой служил вашему отцу. Пустите меня жить в вашем доме. Я буду помогать вам моими советами, а вы делайте, что хотите. Умма-хан был туп на речи. Он не знал, что сказать, и молчал. Тогда я сказал, что если так, то пускай Гамзат едет в Хунзах. Ханша и хан с почетом примут его. Но мне не дали досказать, и тут я в первый раз столкнулся с Шамилем. Он был тут же, подле имама. «Не тебя спрашивают, а хана», – сказал он мне. Я замолчал, а Гамзат проводил Умма-хана в палатку.

Потом Гамзат позвал меня и велел со своими послами ехать в Хунзах. Я поехал. Послы стали уговаривать ханшу отпустить к Гамзату и старшего хана. Я видел измену и сказал ханше, чтобы она не посылала сына. Но у женщины ума в голове – сколько на яйце волос. Ханша поверила и велела сыну ехать. Абунунцал не хотел. Тогда она сказала: «Видно, ты боишься». Она, как пчела, знала, в какое место больнее ужалить его. Абунунцал загорелся, не стал больше говорить с ней и велел седлать. Я поехал с ним. Гамзат встретил нас еще лучше, чем Умма-хана. Он сам выехал навстречу за два выстрела под гору. За ним ехали конные со значками и пели: «Ля илляха иль алла», стреляли, джигитовали. Когда мы подъехали к лагерю, Гамзат ввел хана в палатку. А я остался с лошадьми. Я был под горой, когда в палатке Гамзата стали стрелять. Я подбежал к палатке. Умма-хан лежал ничком в луже крови, а Абунунцал бился с мюридами. Половина лица у него была отрублена и висела. Он захватил ее одной рукой, а другой рубил кинжалом всех, кто подходил к нему. При мне он срубил брата Гамзата и кинулся уже на другого, но тут мюриды стали стрелять в него, и он упал...

Гамзат въехал в Хунзах и сел в ханском дворце... Оставалась мать ханша. Гамзат призвал ее к себе. Она стала выговаривать ему. Он мигнул своему мюриду Асельдеру, и тот сзади ударил, убил ее».

После этого Авария покорилась Гамзату, провозгласившего себя ханом. Он повел борьбу с другими дагестанскими правителями, требуя безоговорочного признания за ним верховной власти. Это не понравилось многим. Был составлен заговор, во главе которого стали «кровники» нового хана Хаджи-Мурат с братом. «Нам надо было кровь его за ханов. Мы делали вид, что покорились, а думали только, как взять с него кровь. Мы посоветовались с дедом и решили выждать время,

когда он выедет из дворца, и из засады убить его. Кто-то подслушал нас, сказал Гамзату, и он призвал к себе деда и сказал: «Смотри, если правда, что твои внуки задумывают худое против меня, висеть тебе с ними на одной перекладине. Я делаю дело божье, и мне помешать нельзя. Иди и помни, что я сказал».

Так как заговор был раскрыт, Хаджи-Мурат решил не медлить. В сентябре 1834 года Гамзат-хан был убит в мечети. «Тогда мы решили не ждать, сделать дело в первый день праздника в мечети. Товарищи отказались, – остались мы с братом. Мы взяли по два пистолета, надели бурки и пошли в мечеть. Гамзат вошел с тридцатью мюридами. Все они держали шашки наголо. Рядом с Гамзатом шел Асельдер, его любимый мюрид, – тот самый, который отрубил голову ханше. Увидев нас, он крикнул, чтобы мы сняли бурки, и подошел ко мне. Кинжал у меня был в руке, и я убил его и бросился к Гамзату. Но брат Осман уже выстрелил в него. Гамзат еще был жив и с кинжалом бросился на брата, но я добил его в голову. Мюридов было тридцать человек, нас – двое. Они убили брата Османа, а я отбил, выскочил в окно и ушел. Когда узнали, что Гамзат убит, весь народ поднялся, и мюриды бежали, а тех, какие не бежали, всех перебили».

Так погиб второй имам. История его гибели свидетельствует, что в начале 30-х годов еще не было среди кавказских мусульман того единства, которое возникло позже при Шамиле, провозглашенном новым имамом Чечни и Дагестана.

Возвышение Шамиля

История Шамиля достаточно прозаична. Он родился в 1797 или 1799 году в селении Гимры в семье аварского узденя Денгау Мохаммеда. При рождении будущий имам получил имя деда Али. Он был слабым ребенком и часто хворал. Поэтому родители по местному обычаю, чтобы злые духи не смогли найти малыша, дали ему новое имя – Шамиль. С возрастом мальчик окреп и превратился в красивого и сильного юношу. Он получил хорошее мусульманское духовное образование и считался одним из лучших в Дагестане преподавателей грамматики, логики и риторики арабского языка. Но мирная жизнь была неинтересна активному горцу. Ему не давали покоя легенды о Шейхе-Мансуре и других воинах, прославившихся в борьбе с «неверными». И когда в горах зазвучали призывы Кази-Муллы, Шамиль одним из первых встал под его знамена.

На момент провозглашения нового имама идеи мюридизма на Северо-Восточном Кавказе еще были достаточно слабыми, чтобы мобилизовать разношерстные племена и народы на борьбу с Россией. Поэтому Шамиль через своих представителей начал тайные переговоры с русским командованием о перемирии, которые противоположной стороной были встречены одобрительно.

Резиденцией нового имама стал аул Дарго. Там Шамиль начал готовиться к новой большой войне с «неверными». Но после последних поражений горцы охладели к ратным делам, а с наступлением весны стали расходиться по своим аулам. Требовалась активная идеологическая обработка мусульманского населения.

Однажды в Дарго пришли чеченские старейшины с предложением вступить имаму в переговоры с русским командованием и таким путем прекращения военных действий хотя бы на период посева и сбора урожая. Но зная, как имам относится к подобным предложениям, мудрые старики решили первоначально заручиться поддержкой его матери, соблазнив старуху блеском двух тысяч серебряных рублей. Но когда она довела их просьбу до Шамиля, тот сильно рассердился. Правда, он не стал проявлять свой гнев открыто, а облек его в рамки религии и закона.

Закрывшись в мечети, имам трое суток «совещался» с Аллахом, заставив чеченских представителей ждать его за дверью. На третий день он вышел на площадь бледный и печальный и велел привести к нему его мать. Увидев ее, он поднял глаза к небу и произнес трагическим голосом:

– Великий Пророк Магомет! Святы и неизменны веления твои! Да исполнится правый суд твой в пример всем последователям Корана!

Семейство Шамиля, рисунок В.Ф. Тимма с фотографий, Санкт-Петербург, 1860 год

Жители Дарго! Я должен объявить вам страшную весть. Чеченцы, изменяя долгу правоверных, забывая клятву, принесенную ими перед лицом Аллаха и Магомета, в преступных сердцах своих замыслили дерзкое намерение покориться гяурам и не устыдились прислать в Дарго депутатов, которые, чувствуя гнусность своих намерений, обратились к несчастной матери моей. Она, как слабая женщина, решилась ходатайствовать за безумных чеченцев. Я трое суток молился и просил Аллаха, чтобы он научил меня, как поступить с Чечней и позволить ли ее народу принять власть гяуров? Аллах ответил мне: «Кто первый высказал тебе постыдное намерение это, дай тому сто ударов плетью!» Увы, этим первым была моя мать, и по воле Аллаха я должен наказать ее.

Народ пришел в ужас от этих слов, бедная женщина разразилась рыданиями, но имам был непоколебим в исполнении «воли Аллаха». По его сигналу мюриды сорвали с нее чадру и взяли за руки, Шамиль поднял плеть и сделал пять ударов, а затем бросил плеть и упал к ногам матери. Через несколько минут он поднялся с земли с посветлевшим лицом.

– Я просил Аллаха о милости к моей матери. Он услышал мою молитву и повелел мне принять остальные удары на себя. Я с радостью повинуюсь его воле, а вы должны ее выполнить.

Когда экзекуция была завершена, имам приказал привести чеченских послов, которые в ожидании смертного часа читали отходные молитвы. Но Шамиль не стал проливать их кровь.

– Идите по своим аулам и расскажите всем о том, что здесь видели, – велел он. – Пусть узнают, что нет пощады отступникам от воли Аллаха и о том, что на этот раз я принял на себя его гнев за грехи чеченцев. Но в следующий раз заступиться за них будет некому, и проклятие падет на голову всего народа.

Пораженные чеченцы поспешили покинуть Дарго, неся на родину весть о силе и святости имама. Под его знамена постепенно начали собираться воины, образуя новые отряды. Специально посланные имамом люди повсюду тайно закупали оружие. На горных пастбищах создавались стада, предназначенные для кормления большого войска. Но не завершив подготовку Шамиль не спешил переходить к широкомасштабным военным действиям.

Два первых года своего правления Шамиль потратил на укрепление своей духовной власти в Дагестане и Чечне. Параллельно имам пытался расширить и свою светскую власть, подчинив себе

местных правителей. Его замыслам способствовало то, что в то время на Северо-Восточном Кавказе шла борьба за власть, в которой местные вожди не столько искали союза, сколько интриговали друг против друга, нередко при участии России.

Наглядным примером может служить история Хаджи-Мурата, который после убийства Гамзат-хана стал правителем Аварии не только в силу захвата им власти на месте, но и с ведома российской администрации. Об этом позже он дал следующие показания:

«Розен-генерал прислал мне чин офицера и велел быть начальником Аварии. Все было бы хорошо, но Розен назначил над Аварией сначала хана казикумыхского, Магомет-Мирзу, а потом Ахмет-хана. Этот возненавидел меня. Он сватал за сына дочь ханши Салтанет. Ее не отдали ему, и он думал, что я виноват в этом. Он возненавидел меня и подсылал своих нукеров убить меня, но я ушел от них. Тогда он наговорил на меня генералу Клюгенау (Ф.К. Клюки фон Клюгенау. – *Авт.*), сказал, что я не велю аварцам давать дров солдатам. Он сказал ему еще, что я надел чалму, и это означало, что я передался Шамилю. Генерал не поверил и не велел трогать меня.

Но когда генерал уехал в Тифлис, Ахмет-хан сделал по-своему: с ротой солдат схватил меня, заковал в цепи и привязал к пушке. Шесть суток держали меня так. На седьмые сутки отвязали и повели в Темир-Хан-Шуру. Вели сорок солдат с заряженными ружьями. Руки были связаны, и велено было убить меня, если я захочу бежать. Я знал это. Когда мы стали подходить, подле Моксоха тропка была узкая, направо круча сажен в пятьдесят, я перешел от солдата направо, на край кручи. Солдат хотел остановить меня, но я прыгнул под кручу и потащил за собой солдата. Солдат убился насмерть, а я вот жив остался...»

Генерал Клюки фон Клюгенау, узнав о случившемся, попытался было помириться с Хаджи-Муратом и прислал ему письмо, в котором предлагал встретиться, обещая защиту от Ахмет-хана. Но обиженный аварец не поверил генералу и начал переговоры с Шамилем, который обещал ему не только помочь в борьбе с врагом, но и вернуть власть в Аварии. Хаджи-Мурат принял последнее предложение и на многие годы включился в активную борьбу с Россией.

В отношении других правителей Шамиль действовал по-иному. В начале 1836 года он решил покорить деревни, лежащие по берегам реки Аварское Койсу, и захватить столицу ханства Хунзах. С этой целью имам собрал отряд численностью до двух тысяч человек и двинулся вверх по течению реки. Многие деревни безропотно подчинились имаму. Но жители деревни Карадех, получив подкрепление из Хунзаха, решили оказать сопротивление. Взбешенный Шамиль бросил своих воинов на приступ. Через несколько часов боя деревня пала. Из 140 ее защитников уцелело всего 17 человек. Наступавшие потеряли 15 человек убитыми и 30 ранеными.

После этой победы войско имама двинулось на Хунзах. Но жители столицы и пришедшие им на помощь казикумыхцы отразили нашествие, заставив противника отступить в горы.

Действия Шамиля против лояльных к России правителей Дагестана вызвали возмущение официального Петербурга. На Кавказ полетели депеши с требованием принятия жестких мер к непокорным горцам. Соответствующие указания Розен направил и своим подчиненным. Из Грузии и других мест Северного Кавказа в Дагестан и Чечню двинулись войска. Параллельно начались переговоры о сотрудничестве с некоторыми горскими правителями.

Шамиль мероприятия русского командования расценил, как нарушение мирного договора и возобновление войны. Вину за это он полностью возложил на русскую сторону, а также преданных ей некоторых дагестанских правителей. Об этом свидетельствует письмо, написанное имамом генералу Клюки фон Клюгенау в конце июня 1836 года. В нем, в частности, Шамиль пишет: «Вашему превосходительству известно о мире, заключенном мною в прошлых годах. Желая упрочить оный сколько возможно более, я тогда выдал в аманата ближайшего своего родственника – двоюродного брата. Потом по искреннему желанию спокойствия укротил грабежи и разбои, производимые горцами в покорных российскому правительству владениях, и немало возвратил русским находившихся в горах пленных солдат. Сим надеялся я приобрести для себя прочное спокойствие». Далее в письме он обвиняет русских в нарушении мира, предупреждая, что если «русские... вновь пришли в подвластные мне деревни... я вновь вынуждаюсь поднять против них оружие».

Знак отличия Шамиля.
«Орден Льва»
Орден Шамиля

В конце ноября 1836 года Шамиль направил русскому командованию предложения о перемирии, носившие характер ультиматума. В этом документе говорилось: «Уведомляю вас, что войска Кайсубулинского, Гумбетовского, Андалялского, Боголалского, Чамалалского и других обществ единодушно признают и принимают мусульманскую веру, беря на себя ее законы. Все они заключат перемирие или будут вести борьбу совместно. Они разорят аулы, которые вздумают уклониться от общего согласия. Поэтому вам нет никакой пользы вести переговоры с жителями одного или двух аулов. Если вы намерены помириться с нами, на что и мы согласны, то заключайте общий мир со всеми без обмана и коварства. Если же вы хотите сражаться, то знайте, что мы мужчины, которые не отказываются от войны. Между нами и вами было перемирие, которое вы нарушили неоднократным вторжением в нашу сторону, без всякой причины со стороны нашей. Поэтому виноваты вы, а не мы».

Так закончился первый, относительно мирный, период власти Шамиля на Северо-Восточном Кавказе. Розен также постарался использовать относительное затишье для закрепления русских войск в ранее занятых районах Северного Кавказа. Там возводились укрепления, между которыми прорубались просеки, расчищались дороги, устраивались мосты. Правда, все эти инженерные работы производились в ходе постоянных стычек с горцами и приводили к значительным потерям среди войск. За период с 1834 по 1836 год в ходе экспедиций было убито 558, ранено 1782 и пленено 353 российских военнослужащих.

«Победа» генерала К.К. Фези

В 1837 году русское командование решило покончить с мюридизмом среди народов Северо-Восточного Кавказа. Однако когда Розен начал собирать для этого силы, то оказалось, что из 85-тысячного Кавказского корпуса для действий в Чечне и Дагестане удастся выделить всего восемь тысяч человек. Командование этим соединением было поручено генерал-майору К.К. Фези.

В конце января экспедиционный отряд из Грозной направился в Западную Чечню. Углубившись в леса, он уничтожил несколько аулов, не встречая сильного сопротивления горцев. Но затем, лишь немного ослабив бдительность, войска подверглись ряду внезапных ударов больших скопищ чеченцев. Не добившись значительных результатов, потеряв убитыми и ранеными почти 650 человек, Фези был вынужден в конце марта вернуться в Грозную.

В начале мая этот генерал во главе 6-тысячного соединения из Темир-Хан-Шуры направился в Аварию. Пройдя за 22 дня 150 верст по горам, 29 мая русские заняли Хунзах.

В это время Шамиль с основными силами находился в аулу Ахульго. Фези направил туда авангард, но имама в ауле не оказалось. С большим отрядом мюридов он заблаговременно перебрался в селение Телетль, где приготовился к обороне. Правда, она была построена так неумело, что русским войскам удалось окружить противника.

Положение имама и его отряда было критическим. Поняв это, Шамиль пошел на хитрость. Через парламентаря он согласился прекратить борьбу и присягнуть на верность России.

Обрадованный Фези поверил коварному горцу. Приняв письменную присягу через посла и взяв десяток заложников, в том числе старшего сына имама, он снял осаду Телетля и возвратился в Хунзах. Так была упущена реальная возможность покончить с мюридизмом на Северном Кавказе. Одержанная «победа» обошлась России потерей 229 человек убитыми и 724 ранеными.

Шамиль не собирался выполнять данного обещания. Более того, он пересмотрел свои планы и решил объединить усилия всех мусульманских народов Северного Кавказа прежде, чем начинать новый этап борьбы с Россией. При этом главный расчет делался на чеченцев, по своим врожденным и воспитанным качествам наиболее отвечавшим требованиям бескомпромиссной религиозной войны. К тому времени они стали основными носителями идей мюридизма, главной военной силой имама.

Осенью 1837 года Кавказ впервые посетил император Николай I. Желая показать всему миру, что Россия твердо стоит на этих землях, он объехал почти все Закавказье в сопровождении конвоя, состоявшего исключительно из горцев: грузин, кабардинцев и армян. В память о визите высокого гостя все члены конвоя и местная администрация, встречавшая государя, были награждены специально изготовленными по этому случаю серебряными медалями с надписью «Кавказ – 1837 год». В целом же Николай I остался доволен положением дел в крае и войсках Кавказского корпуса, но был крайне возмущен состоянием отдельных частей и моральным обликом некоторых офицеров. В борьбе с недостатками он действовал со свойственной ему жесткостью. Так, на смотре войск, состоявшимся 11 октября, император публично лишил флигель-адъютантского звания и отдал под суд зятя командующего командира Эриванского карабинерного полка князя Александра Дадиани. Суд подтвердил вину офицера, он был лишен чинов, орденов, княжества и сослан в Вятку, где и провел последующие 16 лет.

Розен тяжело переживал случившееся. Сославшись на состояние здоровья, он попросился в отставку, а получив ее, был назначен присутствующим в московские департаменты Сената. Преклонный возраст генерала и размеренная жизнь Первопрестольной способствовала размышлениям о прожитом и пережитом, в котором Кавказ занимал особое место. Под давлением мыслей в 1839 году Владимир Григорьевич подал императору всеподданнейшую записку о состоянии Кавказского края и военных действиях против горцев. Из нее следовало, главный противник России – горные народы Северного Кавказа, на конец 30-х годов русской стороной изучены были весьма мало, а власть России на Кавказе крайне слаба. При этом, признавая, что за время правления краем ему не удалось решить главной проблемы края, в качестве таковой он выдвигал более решительное покорение горцев с привлечением военной силы. Розен писал: «В таком точно виде представился мне Кавказский край в 1831 году, когда я по Высочайшему Вашего Императорского Величества повелению принял начальство над оным, и чем более вникаю в разные отрасли управления, чем более знакоюсь с нравами, обычаями и образом мыслей разноплеменных народов здесь обитающих, тем более удостоверяюсь в необходимости иметь в виду при управлении Кавказом одну общую цель, которая в военном отношении должна клониться первоначально к покорению горцев, а потом к совершенному успокоению всего края».

Свою сдержанность в применении силы он объяснял тем, что имел инструкции, еще ранее направленные И.Ф. Паскевичу, которые «клонились единственно к сохранению спокойствия во Всемилоостивейше вверенном мне крае и к временному усмирению племен, более других обнаруживших неприязнь и недоброжелательство свое к нам». Столь мягкая политика, по мнению бывшего командующего, расценивалась горцами, как слабость России, позволявшая им игнорировать требования ее правительства и местной администрации. Анализа же самих проведенных операций и боев записка не содержала, что свидетельствует о фактическом отсутствии теоретической базы военного искусства действий в горах в тот период.

В.Г. Розен умер 6 августа 1841 года в Москве и был похоронен в Даниловом монастыре.

Взятие аула Ахульго 22 августа 1939 года

Очередным наместником Кавказа стал 56-летний генерал-лейтенант Е.А. Головин. Евгений Александрович происходил из старинного боярского рода, представители которого являлись ближайшими сподвижниками Петра I. Он окончил Московский университет, после чего в 1797 году поступил на военную службу. Активно участвовал в войнах, которые вела Россия в начале XIX века, из заграничного похода вернулся в 1814 году в чине генерал-майора, кавалером многих орденов, в том числе и ордена Св. Георгия 4-й степени. За распорядительность при усмирении восстания декабристов Головин был пожалован генерал-адъютантом. В 1828–1829 гг. сражался с турками на Дунае и за боевые отличия был награжден орденом Св. Анны 1-й степени с императорской короной и золотой шпагой, украшенной алмазами.

Евгений Александрович Головин, (1782–1858), командир Отдельного кавказского корпуса (1837–1842), генерал от инфантерии

Была у генерала одна тайная слабость. В течение нескольких лет он находился под влиянием одной из религиозных сект. По требованию ее руководительницы он подал в отставку. Но в 1831 году вернулся на службу, был назначен командиром пехотной дивизии, с которой участвовал в усмирении польского восстания. За успешные действия против поляков Головин получил 3-ю степень ордена Св. Георгия. В последующие годы состоял на административной службе в Царстве Польском, откуда и получил назначение на Кавказ. При достаточно богатой боевой биографии опыта ведения контрпартизанской войны с горцами у нового командующего не было.

Первый год пребывания в новой должности Головин посвятил укреплению Черноморского побережья Кавказа и Военно-Грузинской дороги. Была заложена крепость Новороссийск, возведены укрепления в устьях рек Туапсе и Сочи, получившие название Вельяминовское и Навагинское.

Павел Христианович Граббе (1789–1879), командующий войсками Кавказской линии (1839–1842), генерал от кавалерии

В 1839 году Е.А. Головин решил нанести удары по Чечне и Дагестану, где активизировался имам Шамиль. Были сформированы два отряда. Первый, предназначенный для действий в Дагестане, он возглавил лично. Второй, наступавший на Чечню, был поручен генерал-майору П.Х. Граббе. Операция планировалась в строгой секретности, но несмотря на это ее подробности стали известны многим.

По ранее установленной традиции началу военных действий предшествовало воззвание, которое командующий направил жителям непокорных земель. Перечислив их вины, в заключение Головин писал: «Приняв лично начальство над войсками, на Сумуре собранными, я иду к вам, исполняя волю моего государя и возложенную им на меня обязанность – блюсти спокойствие и правосудие во вверенному управлению моему краю. Если мой отряд, проходя через ваши могилы и селения не встретит со стороны вашей препятствия, то жизнь, дома и собственность ваша останутся неприкосновенны, но если вы встретите войска с оружием в руках, то всякое селение, близ коего я буду вынужден силою оружия очищать себе дорогу, будет разрушено до основания».

Наступление началось в конце апреля. Шамиль, верный прежней тактике действий, умело уклонялся от решительных сражений, втягивая русских в лесные районы и в горы. Руководство мюридами он осуществлял из аула Ахульго, где содержал резерв численностью около двух тысяч человек. Это обстоятельство стало известно Головину и резко изменило его планы. Он решил покончить с имамом в его резиденции.

В конце мая 7-тысячный отряд генерала П.Х. Граббе повел наступление на Ахульго. 12 июня он вышел на ближние подступы к аулу и начал его осаду. К тому времени силы мюридов возросли до 5 тысяч человек. Спротивлялись они отчаянно. Во время первого штурма Сурхаевой башни наступавшие войска потеряли 36 человек убитыми и 279 ранеными. Штурм замка 16 июля стоил жизни 160 человек, еще 716 получили ранения.

Всего же за время двухмесячной осады и в результате удачного, пятого по счету, штурма 22

августа, русские потеряли убитыми и ранеными почти 3 тысячи человек. Урон противника составил менее двух тысяч человек. Остальные мюриды, в том числе и их раненый вождь, сумели прорваться в горы. Главная задача экспедиции осталась невыполненной. Тем не менее Головину было присвоено звание генерала от инфантерии, а все участники штурма резиденции Шамиля были награждены серебряными медалями с надписью «За взятие штурмом Ахульго 22 августа 1839 года».

Сражение на реке Валерик

По завершении экспедиции командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал П.Х. Граббе представил военному министру А.И. Чернышову обширную записку, в которой детально охарактеризовал обстановку на Северо-Восточном Кавказе и предложил план дальнейших действий для окончательного покорения этого края. В числе этих предложений было усиление контроля за горскими народами путем налаживания экономических контактов с ними и сооружения на территории Чечни и Дагестана новых крепостей. «Военные предприятия должны идти рядом с устройством общественного быта сих народов, – писал генерал. – Некоторые из племен, ближе к линии находящихся, уже... ощущают эту потребность; эта пора постепенно наступит и для других племен. Занятие плоскости чеченской укреплениями и поселениями, проложение удобных путей сообщения через горы и построение в оных небольшого числа крепостей поставит горцев в полную от нас зависимость. Когда пастбища и поля их, т. е. главные средства пропитания, будут в руках наших, они должны будут смириться и по востребованию нашему постепенно выдавать оружие; обезоружение же их повлечет и совершенное их покорение».

В резолюции на этот документ император собственноручно начертал: «Прекрасно и совершенно справедливо».

Между тем, сосредоточение русских войск в Чечне и Дагестане резко ослабило их группировку на побережье Черного моря. Этим воспользовались мюриды, обитавшие среди черкесов. В период с февраля по начало апреля горцы большими силами внезапно напали на крошечные гарнизоны фортов Вельяминовский, Лазаревский, Николаевский, Михайловский и овладели ими. Гарнизоны полностью уничтожались, строения разрушались и сжигались. Но и мюриды несли большие потери. Особенно много их погибло в форте Михайловском, где рядовой Осип Архипов взорвал пороховой погреб вместе с сотнями ворвавшихся в форт кавказцев.

Победы, одержанные горцами в Северо-Западном Кавказе, воодушевили мюридов в Чечне и Дагестане. Там прошла новая волна выступлений.

В начале марта в Чечню из Аргунского ущелья прибыл сам Шамиль с большой группой своих сторонников. Разместив свою ставку в Урус-Мартане, он во все концы разослал набов для сбора ополчения. Чеченцы с готовностью откликнулись на призывы имама.

Русское командование, узнав о подготовке противника, направило с Грозной в Чечню воинский отряд во главе с генерал-майором Пулло. Этот отряд 15 марта встретился с войсками Шамиля в районе аула Закен-Юрт и после короткого боя обратил их в бегство. Причем, как утверждает один из свидетелей боя, «Шамиль потерял множество людей не столько в самом сражении, сколько в бегстве, когда мост через Сунжу обрушился под бегущими, которых в то же время уничтожали выстрелы нашей артиллерии».

Однако поражение под Закен-Юрт только обозлило чеченцев и повысило авторитет имама. «Все селения, через которые проходил Шамиль, охотно ему предавались, везде он брал аманатов и мог распоряжаться жителями совершенно по своей воле, – сообщает далее тот же свидетель. – Шамилю предалась вся страна, начиная от Аргунского ущелья по Малой Чечне до Алхан-Юрта включительно, по Большой же Чечне все селения до границы аухов и качкалакцев, а влево к северу через Герменчук и вплоть до Аргуна». Большие массы горцев сосредотачивались в Герземенском лесу.

Выступление горцев все более обретало религиозную окраску. В начале апреля Шамиль написал ряд воззваний к правителям тех горных народов, которые еще не встали под зеленые знамена газавата. В них он стыдил отступников и грозил наказанием. Воззвание завершалось словами: «Мы оседлали коней и обнажили меч для поднятия слова божьего; помогите нам, если

вы мусульмане, и не мешайте другим выходить на путь правый».

В свою очередь в середине июня генерал Граббе также направил воззвание к горцам. В нем он упорно не видел внутренние (религиозные) факторы восстания, подменяя их внешними. Он писал: «Горцы! Многие из вас, подстрекаемые или безумными невеждами, или гнусными обманщиками, решились на дерзкое возмущение против Государя Императора, несмотря на данную вами присягу. Чего хотите вы и чего вы ожидаете? Надеетесь вы собственными силами поддержать то буйное своеволие, которое никогда не сделает вас счастливыми, но вы сами испытали, что русские войска, несмотря на упорное сопротивление, везде умеют отыскать и строго наказывать непокорных. Или вы думаете, что вам дадут помощь другие государства? Но пора вам открыть глаза и увидеть, что вас обманывают, что иностранные армии не явились и никогда не явятся для вашей обороны. Эти нелепые слухи рассеиваются злонамеренными людьми, которые на ваших бедствиях и смутах находят выгоду, грабят легковверных, посылают легкомысленных на неравный бой и сами остаются в безопасности и живут в удовольствии». Далее генерал требовал немедленно прекратить военные действия и подчиниться российским властям.

Призывы Граббе остались не услышанными. Летом крупные силы горцев начали наступление на Грозный. Головин с войсками выступил им навстречу. 11 июля 1840 года состоялось сражение на реке Валерик. Русские войска нанесли поражение противнику, потеряв убитыми и ранеными 340 человек.

Поручик М.Ю. Лермонтов, участвовавший в этом сражении, под впечатлением пережитого писал:

«...Нам был обещан бой жестокий.
И с гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стремились удальцов
...
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
меня), но мутная волна
Была тепла, была красна»...

После поражения на реке Валерик Шамиль отвел мюридов в глубь Чечни. Войска двинулись следом. Однако экспедиции, проведенные в горнолесистой местности в октябре и ноябре, результатов не дали. 1840 год завершился в тяжелой обстановке. Шамиль не только не был разгромлен, но продолжал набирать силу. Общие же потери русских войск в том году составили 1763 человека убитыми, 1761 ранеными и 258 пленными. Это были самые большие годовые потери за всю войну с горцами.

Генерал Николай Раевский

Одновременно военные события развивались и на Черноморском побережье Кавказа. Неурожай 1839 года, постигший районы Западного Кавказа, для русских также обернулся трагедией. Не имея пропитания, горцы решились пожить в укреплениях Черноморской линии. Во главе акции встал известный в горах умом и храбростью дворянин убыхского племени Хаджи-Берзек. По его указанию лазутчики под видом торговцев и доносчиков посетили ряд русских укреплений, уточнили состояние инженерных сооружений, наличие артиллерии и войск.

5 февраля скопище из 1500 горцев подошло к укреплению Головинскому и вступило в перестрелку с его гарнизоном. Постреляв несколько часов с большого расстояния и подразнив русских маневрами, с приближением ночи горцы удалились.

Спустя два дня они внезапно напали на форт Лазарева. Этот объект был выбран не случайно. В то время в форте находилось всего 180 человек пехоты и 12 азовских казаков при четырех чугунных корабельных орудиях. Из числа гарнизона 80 человек были больные и содержались в лазарете, остальные несли обычную сторожевую службу, не переходя в режим повышенной боевой готовности. Начальник гарнизона капитан Марченко был новичком на Кавказе, слыл упрямым и недалеким человеком, а к горцам относился с пренебрежением. Все это в совокупности и стало причиной трагедии.

Под покровом ночи горцы незаметно подкрались к укреплению, спустились в ров на рассвете, с кинжалами и шашками бросились на часовых. Все же кто-то из солдат успел подать сигнал тревоги. Из казармы выбежало около 30 человек, но они были расстреляны в упор нападавшими. Остальные защитники, приняв неравный бой, гибли один за другим. Изрубленный саблями упал капитан Марченко, погибли остальные офицеры и большая часть рядового состава. В плен попало всего 20 человек, в большинстве раненые. Все имущество было разграблено, орудия со сбитыми цапфами закопаны в землю, строения преданы огню.

О гибели укрепления генерал Н.Н. Раевский доложил своему непосредственному начальнику командующему войсками Кавказской линии и в Черномории генералу П.Х. Граббе, а также генералу Головину, находившемуся в то время в служебной командировке в Петербурге. Последний вынужден был о случившемся уведомить императора. Николай I приказал принять ответные меры. Но что мог сделать Раевский, если для защиты всей береговой линии в его распоряжении было всего девять батальонов пехоты, к тому же изнуренной постоянными болезнями. Даже в Анапе, рассчитанной на гарнизон из 15 тысяч человек, имелось всего две недоукомплектованные роты пехоты общей численностью немногим более 300 человек. Тем не менее генерал Граббе предложил Петербургу план проведения карательных экспедиций против горцев.

К тому времени сложность обстановки стал очевидной, и император не утвердил этот план, порекомендовав обороняться в укреплениях, предварительно усилив их в инженерном отношении и увеличив численность гарнизонов за счет переброски войск с других участков Кавказа. В то же время он придавал большое значение восстановлению форта Лазарева. Поэтому для овладения устьем реки Псезуапе и остатками форта было решено провести десантную операцию, возложив командование ею на генерала Раевского.

Николай Николаевич Раевский родился в 1801 году и был сыном известного героя Отечественной войны, родным братом жены декабриста Марии Волконской. В 11 лет от роду он получил боевое крещение в сражении под Смоленском, когда отец с двумя малолетними сыновьями впереди пехотного полка двинулся на французов, затем он стал одним из самых малолетних участников Бородинского сражения, воевал на Кавказе с персами и турками. И на этот раз он успешно выполнил поставленную задачу.

Но Раевский в отличие от других военачальников жаждал не только военных подвигов, но творчески подходил к решению каждой проблемы. За эти рассуждения он нажил себе много врагов, включая самого императора, был вынужден дважды оставлять военную службу и выходить в отставку.

После десантной операции он писал командиру Отдельного кавказского корпуса генералу Головину: «Нельзя говорить с горцами только языком угроз и ставить своей целью покорить их силой оружия, истребляя непокорных. Набеги и опустошения вредят примирению края. Нужно искать другие меры и убеждения».

И на этот раз Раевский не был услышан. Разочаровавшись, он уехал с Кавказа, написав: «Я здесь и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе и от этого вынужден покинуть край...» Он умер в 1843 г. в сравнительно молодом возрасте, так и не реализовав свои намерения с помощью дипломатии покорить мятежный край.

Новые подходы к старым проблемам

Весной 1841 года восстание мюридов распространилось практически на весь Северный Кавказ. К нему даже примкнули чеченцы, проживавшие на равнине в аулах, расположенных по правому берегу Терека. В июне, не дождавшись сбора урожая, забрав семьи, скот и предав огню

дома, они ушли в горные районы. В результате их ухода была ликвидирована своеобразная защитная полоса перед казачьими станицами Кавказской линии, оказавшимися на переднем крае войны с горами.

Обстановка на Северном Кавказе становилась все более напряженной. Поняв это, правительство было вынуждено направить в распоряжение Головина дополнительные силы. В Чечне и Дагестане были проведены карательные экспедиции, которые, однако, особых результатов не дали. Потери русских войск в том году составили 1057 человек убитыми, 2531 раненым и 184 пленными.

В первой половине следующего года генерал П.Х. Граббе во главе многочисленного отряда совершил две экспедиции в Чечню. Но ни местность, ни тактика противника не способствовали применению крупных воинских формирований. Громоздкие неповоротливые колонны несли огромные потери от меткого огня скрывавшихся в чаще чеченцев. До штыковых ударов почти никогда не доходило. Отряды были вынуждены вернуться обратно, потеряв 489 человек убитыми и 1296 ранеными.

Несостоятельность проводимой военной политики была слишком очевидна. В середине июня один из участников экспедиций генерал-майор Ладынский пишет записку Головину. В ней он осуждает практику действий крупными отрядами и рекомендует максимально ограничить применение военной силы для покорения Северного Кавказа. Предложения Ладынского сводятся к планомерному продвижению в глубь враждебных районов возведением укреплений и строительством дорог, вытесняя непокорных жителей в горы, где их жизнь будет сильно затруднена. В настоящее время «в горах разного непокорного и сомнительного еще в покорности народа, могущего носить оружие, можно полагать до 200 тысяч человек, – пишет он. – Народ этот, живущий на теснинах между хребтами гор в долинах, может иметь для себя только самое необходимое, но избыточного нет ничего, особенно для скотоводчества. Посему он долгое время никак не может обойтись без плоскостей, которые и следует непременно занять и утвердиться на них».

Далее Ладынский предлагает активизировать работу по привлечению на русскую сторону горских правителей и подвластных им народов, соблазнив их чинами, деньгами, добычей. «Тут не нужны экспедиции: они могут сделать больше вреда, чем пользы. Надобно действовать через ближайших начальников внутри гор, но не вдруг, а постепенно... Нужно только действовать искусно, не оскорбляя народных обычаев, обещать выгоды и награды, сообразные с духом народа, и свято исполнять свои обещания».

Головин согласился с генералом и через несколько дней направил соответствующий документ на имя военного министра. В нем, развивая идеи Ладынского, он предлагает правительству тайно направить на Северный Кавказ благонадежных агентов с большими полномочиями и денежными средствами для агитации среди горских правителей. При этом, в качестве примера, командующий ссылается на политику, проводимую англичанами в Индии, которые путем подкупа местных правителей «сберегли свои войска и выиграли время в покорении края».

В Петербурге придерживались совершенно других взглядов на проведение политики по отношению к непокорным народам Северного Кавказа. К тому же неудачные экспедиции подрывали авторитет не только Граббе, но и самого Головина, между которыми к тому же возникли острые разногласия. В конце лета оба военачальника были отозваны с Кавказа в Россию.

Дальнейшая их судьба сложилась достаточно удачно. Е.А. Головин в 1845–1848 годах был генерал-губернатором Прибалтики, членом Государственного совета. В 1855 году он возглавлял Смоленское ополчение. Скончался в 1858 году.

П.Х. Граббе в 1849 году участвовал в походе в Венгрию. В 1855 году был произведен в генералы от кавалерии, назначен войсковым атаманом Донского казачьего войска. С 1866 года член Государственного совета. Скончался 15 июля 1875 года.

Устройство имамата в 1843 году

К концу 1843 года обстановка на Северном Кавказе приобрела характер противоборства двух систем: с одной стороны, Российской империи, с другой – автономной структуры шариатского

государства, созданного Шамилем. С этой целью вся Чечня была разделена на пять участков, находившихся под управлением его наибов.

Восточная часть Малой Чечни, расположенная между реками Рошня и Аргунь, доверена наибу Юсуфу-хаджи. Этот человек, родом татарин. Его отец долго торговал в Кизляре, потом жил в станице Порабочевской, пока не оставил Россию и не поселился в Константинополе. Там будущий наиб получил образование, а в 1834 году он появился на Северном Кавказе, где пять лет состоял воспитателем детей князя Бековича. В 1839 году он оставил службу и направился за Кубань, где ездил по аулам, выдавая себя за посланца от султана. Слухи об этом человеке, наконец, дошли до Шамиля, который, желая показать народу свою близость с правителем Турции, пригласил к себе Юсуфа-хаджи в Дарги, а весной 1843 года назначил его наибом. Но, по сведениям русской разведки, выбор оказался неудачен. Наиб оказался падок на взятки, чем заслужил ненависть подданных, которые периодически жаловались на него имаму.

Западной часть Малой Чечни, простиравшаяся от Рошни до Фортанги, управлял наиб Исса. Этот человек был уроженцем аула Урус-Мартан, до 1840 года правил жителями этого селения и пользовался их большим уважением.

Наибом Мичиковского участка, расположенного на границе Чечни и Дагестана, являлся Шуаиб-Малла. Он родился в деревне Большола и принадлежал к уважаемой фамилии Цонтели. Отец Шауб-Малла славился своей ученостью и дважды посетил Мекку. Сам будущий наиб с юного возраста проявил склонность к воинским делам, в составе отрядов многократно участвовал в набегах на русскую территорию, а с 1838 года стал мюридом у Ташев-хаджи. В 1840 году, создав собственный отряд, он присоединился к Шамилю, быстро завоевал его доверие и вскоре был назначен наибом.

Ауховским участком правил наиб Улубей, житель Кишень-Ауха. Сын очень бедных родителей, не имеющий сильных родственных связей, на эту должность он был назначен исключительно благодаря своей храбрости.

Подвластным имаму участком Большой Чечни правил наиб Суаиб. Он родился в ауле Арсеной, где был муллой, пока Шамиль не назначил его наибом. Ввиду отсутствия должного командного опыта оба последних правителя в военном отношении подчинялись наибу Мичиковского участка.

Все наибы свою деятельность должны были строить, основываясь на специально разработанном для них положении, состоявшем из 14 пунктов. Ввиду редкости и краткости этого документа целесообразно привести его полностью.

Должно быть исполнено приказание имама, все равно – будет ли оно выражено словесно, или письменно, или другими какими-либо знаками; будет ли оно согласно с мыслями получившего приказание, или несогласно, или даже в том случае, если исполнитель считает себя умнее, воздержаннее и религиознее имама.

Должно быть приводимо в исполнение приказание его векиля (поверенного. – *Авт.*) по всем необходимым делам, как, например, выход на войну или на работу, подобно тому, как исполняется приказание самого имама, – без лицемерия. Не исполнивший сего наиб низводится до должности начальника сотни.

Когда в чьем-либо наибстве произойдет несчастье, прочие наибы должны спешить на помощь как только узнают о том, без промедления, и оказать должную помощь, забыв все враждебные отношения друг к другу. Не исполнивший сего наиб низводится до должности начальника сотни.

Не должно быть оставляемо без взыскания, когда кто будет порицать имама. Виновный в таком порицании наказывается выговором при народе.

Не должно одному наибу наговаривать на другого перед имамом, хотя бы они знали друг о друге в действительности предосудительные поступки.

Не должны быть беспечны относительно охранения страны своей и границ ее днем и ночью независимо от того, находятся ли границы в безопасности или в опасности от вторжения противника.

Не должны одобрительно относиться к мнению народа, клонящемуся к нарушению порядка в делах необходимых как то: в постройке оборонительных стен, в защите границ, в пресечении пути неприятелю и прочее. Виноватый в этом наиб низводится до должности сотника.

Должны удерживать себя и сослуживцев своих от взяточничества, потому что взяточничество есть причина разрушения государства и порядка. Полученная взятка отбирается, поступок оглашается и виновный арестовывается на 10 дней и 10 ночей.

Если войска отправляются в какую-либо страну с имамом или с тем, кому он поручит предводительство над ними, то они должны идти в порядке туда, куда поведет их старший, каждая часть под значком наиба своего, отнюдь не смешиваясь с другими частями. Нарушитель порядка сего наказывается публичным выговором.

Если случится, что обстоятельства сражения заставят сделать нападение или обратиться в бегство, то этого не следует делать врассыпную, в беспорядке, и не должны воины оставлять сзади себя имама или его поверенного на произвол судьбы. Напротив, они должны окружить его и не делать без него ни одного шага вперед. Виновный наиб смещается и записывается в низам (рядовые. – *В.Р.*).

Когда остановятся в городе, селении или провинции, то не должны грабить или другим изменническим образом завладевать какой бы то ни было вещью без позволения на то имама или его векиля. Виновный наиб низводится на должность начальника сотни.

Каждый отряд охраняет порученное ему место, и если место открытое, то защита его обеспечивается посредством возведения стен и прочих укреплений. Наибы не должны уходить из места, которое охраняют, без разрешения имама или его векиля. Виновный наиб записывается в низам.

Не должны никогда открывать секретов имама и других наивов ни семейству своему, ни братьям, ни мюридам своим, потому что разглашение секретов есть одно из главных орудий вреда и нарушения порядка страны. Всеми средствами стараться сохранить тайну. Некто сказал: «Когда будут открыты тайны, то дело дойдет до гибели». Виноватый наказывается 15-дневным арестом.

Наибы должны оставлять решение дел по шариату муфтиям и кадиям и не входить в разбирательство тяжб, хотя бы и были алимами (учеными. – *Авт.*). Им представляется вести дела только военные. Запрещается наивам совмещать власть военную и судебную с тем, чтобы устранить всякие сомнения народа относительно наиба и пресечь всякие дурные и подозрительные помышления о нем. Виновный наказывается выговором при народе.

Для соблюдения шариата при каждом правителе состоял кадий, а для приведения в исполнение приказаний – постоянная стража из 20–100 преданных мюридов.

Наибства в свою очередь были разделены на округа, управлявшиеся мазунами, при которых для разбирательства дел состояли муллы, а для выполнения решений – муртазикаты, набиравшиеся по одному из 10 семей. Эти воины, как и мюриды, составляли отборную конницу, и на поле боя обычно действовали отдельно от прочих войск под командой своего мазуна. Ее общая численность достигала 1000 человек.

Кроме того, в каждом ауле был мулла, составляющий первую инстанцию судебной власти. В результате, духовенство обрело особую силу и большую власть в шариатском государстве. Для пополнения его рядов были учреждены специальные школы при некоторых мечетях, преподавателями в которых были только преданные имаму люди. Высшим же органом законодательной власти был совет (Диван-хан), созданный в 1841 году и заседавший в резиденции Шамиля в Даргах.

Основную военную силу имама составляло ополчение, собиравшееся по его требованию со всех подчиненных земель. В ополчение каждое семейство было обязано выставить одного вооруженного пешего или конного воина, снабдив его определенным количеством провианта. По этому расчету мичиковцы могли составить отряд из 2000 воинов, ауховцы – из 1500, жители Большой Чечни – 2500, Малой Чечни – 4000 человек. Следовательно, даже без помощи горцев чеченское ополчение могло быть численностью до 10 000 человек, третья часть из которых были конными. Эти силы организационно делились на пятисотенные, сотенные отряды и десятки, возглавляемые соответствующими начальниками.

В исключительных случаях наибы могли в своих владениях объявлять всеобщую мобилизацию. Тогда в строй должны были встать все мужчины, способные носить оружие. В ауле оставалось всего 5–6 вооруженных чеченцев, но такие сборы объявлялись крайне редко.

Благодаря ей в короткие сроки под зеленые знамена могли быть собраны десятки тысяч

вооруженных, хорошо приспособленных к горным условиям, фанатически преданных Шамилю воинов. Борьба с такой силой путем проведения частных экспедиций не представлялось возможным. Поэтому было принято решение о временном переходе к обороне с целью перегруппировки войск и выигрыша времени до подхода резервов.

Генерал А.И. Нейдгард

Новым наместником императора на Кавказе и командующим находившимися там войсками с осени 1843 года стал 58-летний генерал от инфантерии Александр Иванович Нейдгард. Военную службу он начал в 1798 году, принимал участие в войне со Швецией, в Отечественной войне 1812 года и в заграничном походе русских войск, откуда вернулся полковником, кавалером многих орденов, в том числе и Св. Георгия 4-й степени. В последующее десятилетие занимал различные штабные должности в войсках столичного гарнизона, выслужил чин генерал-майора, а за усердие при подавлении выступления декабристов был пожалован в генерал-адъютанты. Участвовал в войне с турками в 1828–1829 годах и за боевые отличия был произведен в генерал-лейтенанты. Затем, в 1830–1831 годах, при подавлении польского восстания, как генерал-квартирмейстер штаба действующей армии, за хорошую распорядительность и личную храбрость получил золотую шпагу, украшенную алмазами и орден Св. Георгия 3-й степени.

В 30-е годы Александр Иванович служил в Главном штабе, командовал корпусом, выполнял дипломатические поручения правительства. Император постоянно отмечал усердного генерала, что и стало решающим при назначении Нейдгарда наместником Кавказа.

Схватка с горцами

Новый командующий прибыл на Кавказ с разрешением не вести активных действий против горцев в 1843 году с тем, чтобы лучше закрепиться на ранее достигнутых рубежах и в опорных пунктах. Это говорило о том, что до столицы дошли мнения наиболее благоразумных из кавказских генералов и там наконец-то начали понимать сложность борьбы с Шамилем.

Пока Нейдгард разбирался в сложившейся обстановке, Шамиль нанес удар по русским войскам, находившимся в Аварии. Во второй половине августа, собрав в районе Внезапной 10-тысячный отряд, он скрытно совершил 70-километровый марш и неожиданно появился у

Унцукульского укрепления, располагавшего в десяти верстах южнее аула Гимры. Полуторасотенный русский гарнизон оказался в осаде. Посланный ему на выручку пехотный батальон 29 августа попал в хорошо подготовленную засаду и был уничтожен до последнего человека.

Через два дня такая же страшная участь постигла и защитников укрепления, которые ввиду нехватки боеприпасов решили сдаться под обещание беспрепятственного пропуска их в Дербент. Горцы не сочли необходимым держать слово, данное «неверным» и 148 нижних чинов были безжалостно умерщвлены самым жестоким образом. Уцелели только два офицера за которых мюриды рассчитывали получить выкуп.

Войско Шамиля, продолжая поход, к середине сентября овладело большинством русских укреплений, находившихся в Аварии. Их гарнизоны были уничтожены. Менее чем за три недели русские потеряли 1206 человек убитыми, 434 ранеными и 382 пленными. Потери среди горцев были незначительными и быстро восполнялись за счет добровольцев из окрестных аулов.

В конце октября горцы осадили Гергебиль, оборонявшийся полутысячным гарнизоном. Русские, расстреляв все боеприпасы и потеряв надежду на помощь, желая избежать мучительной смерти, взорвали пороховые погреба. Вместе с ними под обломками крепости погибли сотни воинов имама.

С падением Гергебиля практически вся Авария оказалась в руках Шамиля. Последний уцелевший на ее территории отряд подполковника Д.В. Пассека, располагался в Хунзахе. Он получил приказ оставить крепость и уйти в Темир-Хан-Шуру. Сборы заняли всего 10 часов. За это время русские успели только уничтожить запасы военного имущества, которые не могли взять с собой, порубить орудийные лафеты и заклепать орудийные стволы. 16 ноября отряд оставил Хунзах.

Шамиль решил не выпускать русских из аварской долины. По его приказу из Сиуха туда был направлен отряд Хаджи-Мурата, а вслед за ним выступил с войсками и сам имам. Но быстрота и скрытность сборов позволила Пассеку предупредить противника и без значительных потерь пройти хребты Танус-бал и Оргло и достичь Балакан, где также находился русский гарнизон во главе с полковником Ясинским. Во второй половине 17 ноября оба отряда продолжили путь к Зырянам и на следующий день заняли это селение. Но дальнейший путь отряду преградило войско Хаджи-Мурата, занявшее господствующие высоты.

Пассек с ходу атаковал неприятеля, не ожидавшего от русских столь решительных действий. Вспыхнул жаркий бой. Дошло до штыковой, не выдержав которой горцы бросились в бегство. После этого русские закрепились в Зырянах, которые были окружены большими массами противника. В распоряжении Пассека было 2400 штыков, 7 горных, 4 полевых, 3 крепостных орудия и 3 мортиры.

Началась осада. Попытки связаться с вышестоящим командованием долго не удавались. И только 1 декабря, наконец, Пассек получил известие, что два отряда спешат ему на помощь.

15 декабря Хаджи-Мурат от имени Шамиля прислал Пассеку письмо с обещанием беспрепятственно пропустить русский отряд в Темир-Хан-Шуру при условии, что он немедленно оставит Зыряны. Командир отряда попросил дать ему возможность проконсультироваться с вышестоящим командованием и потребовал в заложники самого Хаджи-Мурата. Эти условия не удовлетворили горцев, но они уже не контролировали обстановку. Помощь подходила к Зырянам и 17 декабря встречным ударом отряд Пассека соединился с отрядом генерала Гурко.

19 декабря соединенные отряды под Бурундук-кале были атакованы войсками Хаджи-Мурата и Кибит-Магомы, но и этот бой не принес горцам удачу. Потеряв множество убитыми и ранеными, они были вынуждены отступить в горы. А русские в тот же день вошли в Темир-Хан-Шуру.

Этим незначительным успехом закончился для войск Кавказского корпуса 1843 год, за который их потери составили 2141 человек убитыми, 1344 ранеными и 561 пленным.

Военное министерство в планах на следующий год предусматривало решительными мерами подавить восстание горцев и восстановить позиции России на Кавказе. 14 ноября 1843 года император направил Нейдгарду письмо с указаниями о порядке дальнейших действий. В нем Николай I писал: «...необходимо привести дела в прочное положение, уничтожив приобретенное Шамилем влияние, нанеся ему конечный удар и... занять горы. Посылаю тебе на один год две

дивизии в составе 24 батальонов с саперным батальоном и стрелковым батальоном при 32 орудиях, даю я тебе такие силы, каких Кавказ и во сне не видел. Умей меня понять и, пользуясь сими силами, исполни мою волю в точности.

Ты должен проникнуть в горы, разгромить Шамиля везде, где тебе противостанет, все истреблять, что тебе будет противиться, но щадить все, что покоряться будет без боя, в особенности оказывая уважение к муллам, к мечетям и к вере, чтобы разрушить и уничтожить и тень мысли, что мы точно ведем духовную войну. Сыпь деньгами, старайся ими привлечь на нашу сторону людей, пользующихся влиянием на племена. Ты должен всюду пронестись грозой, все опрокидывающей, и потому отсюда не отвлекаться побочными предприятиями.

Помни, что все должно быть кончено непременно в течение 1844 года, что я отнюдь и ни под каким предлогом не оставлю командированных войск на Кавказе долее сего».

Группировка российских войск на Кавказе существенно усилилась. Кроме Кавказского, был развернут 5-й армейский корпус под командованием генерала А.Н. Лидерса. В результате на Кавказе впервые было создано объединение общей численностью до 150 тысяч человек. Кроме того, предусматривалось привлечение к военным действиям против Шамиля также и мусульманского населения. Для поощрения службы мусульманских воинов Николай I специальным указом учредил особые виды знака отличия военного ордена (Георгиевского креста) и Анненской медали. На них изображения православных святых были заменены российским государственным гербом. Льготы по наградам были значительными, вплоть до пожалования отличившимся российского потомственного дворянства.

Для концентрации военной и гражданской власти в одних руках впервые на Кавказе указом императора было учреждено наместничество. Этот институт власти в России появился еще в 1775 году при Екатерине II и был закреплен специальным Положением о новом внутреннем управлении империей. Тогда было создано 40 наместничеств. Но в 1796 году вместо наместничеств были созданы губернии, а звания наместников заменены губернаторами.

В 1816 году Сперанский разработал проект возрождения 12 наместничеств, каждое из которых должно было состоять из 3–4 губерний. Но этот проект реализован не был.

Особые условия Кавказа потребовали создания наместничества, которое просуществовало до 1883 года, а затем с 1905 по 1917 г. При наместнике создавался совет, который представлял собой кабинет министров в миниатюре. В нем существовали судебное, полицейское, хозяйственное, духовное и учебное управления, которые контролировали основные стороны «гражданской» жизни населения наместничества. Концентрация в одних руках военной и гражданской власти делало Нейдгарда полномочным хозяином края.

Наращивание группировки войск позволило командующему не только укрепить оборону крепостей но и начать наступление на территорию, занятую противником.

Боевые действия начались из проведения ряда экспедиций в Дагестане. В начале марта отряд генерал-майора М.З. Аргутинского-Долгорукова в бою под Дювеком разбили войско, состоявшее из катаянцев и табасаранцев, уничтожив после этого деревню. Но на подступах к деревне Хан-Мамедкала бал встречен упорной обороной противника, которую удалось преодолеть ценой потери 20 человек убитыми и 70 ранеными. Когда же горцы были обращены в бегство, «ожесточенные солдаты... никого не щадили, и потому у нас нет ни одного пленного», – докладывал командир отряда.

После этой победы генерал Лидерс обратился к акушинцам и цудахарцам с требованием подчиниться, объявляя амнистию всем, добровольно сложившим оружие. От горцев, требовалось выдать зачинщиков беспорядков Махмеда кадия акушинского и Аслама кадия цудахаринского, представить заложников и уплатить по рублю серебром от каждой сакли. При выполнении этих требований генерал обещал, что «покоряющимся... обеспечивается неприкосновенность их веры, мечетей, обычаев, собственности и народного управления под главным надзором начальника Самурского военного округа». В случае отказа «Акуша, Цудахар и все ваши аулы будут вконец разорены, не оставлю камня на камне, так что тот, кто избегнет казни, не узнает места, где были аулы».

Однако наступательные действия, проводившиеся без четкого плана громоздкими войсковыми формированиями на разобщенных направлениях против горцев, применявших тактику партизанской войны, ожидаемых результатов не дали. В 1844 году потери русских войск в

Чечне и Северном Дагестане составили 935 человек убитыми, 2802 ранеными и 110 пленными.

«Сухарная» экспедиция

В Петербурге все чаще поговаривали о несоответствии Нейдгарда занимаемой должности. В конце декабря 1844 года он был отозван с Кавказа. Правда, в военной среде также звучали протесты против частой смены командования. Перед императором и военным министром остро встал вопрос о новом наместнике. После некоторого колебания подходящая кандидатура была найдена. Судьба Кавказа с 1845 года вверялась 62-летнему генералу от инфантерии графу М.С. Воронцову. Это назначение положило начало очередному десятилетнему этапу военных действий России на Кавказе.

Михаил Семенович Воронцов был одним из самых образованных людей и заслуженных генералов Российской империи. Он родился в семье известного дипломата, детские годы провел в Англии, а в 1801 году поступил на военную службу. Спустя два года Воронцов по собственному желанию был направлен на Кавказ, где принял участие в боях и за отличия получил чин капитана и орден Св. Георгия 4-й степени.

Михаил Семенович Воронцов (1782–1856), наместник императора и главнокомандующий русскими войсками на Кавказе (1844–1854), генерал-фельдмаршал

В период с 1805 по 1811 год Михаил Семенович сражался против шведов в Померании и против турок на Дунае. Его заслуги были многократно отмечены. Он стал генералом, получил орден Св. Георгия 3-й степени и золотую шпагу, украшенную алмазами.

В Отечественную войну Воронцов, командуя дивизией, принял участие во многих

сражениях, был ранен при Бородине, затем в составе русских войск дошел до Парижа. В Россию он вернулся генерал-лейтенантом, кавалером ордена Св. Георгия 2-й степени.

В следующую русско-турецкую войну Михаил Семенович руководил осадой и штурмом крепости Варна, получил золотую шпагу, украшенную бриллиантами и надписью «За взятие Варны», но после этого более 15 лет бессменно являлся Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором. Получив назначение на Кавказ, он заявил: «Я стар и становлюсь дряхл. Боюсь, что не в силах буду оправдать ожидания царя. Но русский царь велит идти, и я, как русский, осенив себя знаменем креста Спасителя, повинуюсь и иду».

Новый командующий, как и многие его предшественники, решил ознаменовать свое прибытие на Кавказ изданием ряда манифестов. Одним он обратился к народам Дагестана, предлагая им прекратить сопротивление и покориться России, другим – к солдатам-дезертирам, бежавшим в горы, обещая им полное прощение, за исключением лиц, «которые обвиняются в убийстве и которые бежали с часов (т. е. с поста, будучи часовыми. – *Авт.*)». В то же время Воронцов направил секретное письмо императору с изложением плана привлечения на свою сторону некоторых наибов Шамиля. В частности, речь шла и о Хаджи-Мурате. В конце своего письма генерал отмечал: «Весьма может статься, что все сии сношения не будут успешны, но я счел непременно долгим войти в оные и, зная волю в.и.в., не буду жалеть денежных средств для ослабления как материальных, так и моральных сил нашего главного неприятеля.

Начало своего правления Кавказом Воронцов решил ознаменовать большой победой, выбрав в качестве главной цели взятие резиденции имама – аула Дарго. Для этого были созданы несколько отрядов. Командование экспедицией Воронцов принял лично.

В конце мая войска были готовы к выступлению. Замысел операции знали лишь немногие старшие начальники, боевых задач до младших офицеров и войск не доводили. Полковые священники отслужили молебен перед строем, окропили всех святой водой. Командиры батальонов подозвали к себе подчиненных офицеров и коротко проинструктировали о порядке предстоящего перехода. После этого батальоны перестроились в колонны и тронулись в путь.

Бой

Вначале шли переходами по 20–25 километров в сутки, но с вступлением в горы они сократились почти в два раза. Разведка практически не велась. На привалах выставлялось боевое охранение. Походные трудности компенсировались введением в солдатский рацион порции спирта, которую выдавали к обеду.

В Евгеньевском укреплении, названном в честь командира корпуса Головина, было намечено формирование Дагестанского экспедиционного отряда. Туда ежедневно прибывали войска из Темир-Хан-Шуры, которые размещались в лагере на берегу реки Сулак. К исходу 31 мая весь Дагестанский отряд был в сборе.

1 июня прибыл начальник отряда генерал-лейтенант князь Бебутов, осмотрел войска и объявил о выступлении на следующий день. Опять-таки замысел операции не объявлялся, боевые задачи не ставились. Правда, был создан боевой порядок, в котором каждое подразделение получило свое место.

Сутки Дагестанский отряд шел по местности, хранивший следы предыдущих экспедиций. Проходя мимо бывшего аула Чиркей, русские видели одни руины и остатки порубанных огромных садов. Ни одной живой души не встречалось в пути, словно эта местность была необитаемой. И даже казалось странным, что когда-то здесь жили люди, паслись стада, возделывались поля и зеленели сады. Многолетняя война сделала свою разрушительную работу и продолжала делать дальше.

4 июня Дагестанский отряд соединился с отрядом генерала Лидерса, следовавшим с Чечни. На следующий день утром войска продолжили путь. Впереди шел авангард в составе семи батальонов пехоты и девяти сотен конницы при 8 горных орудиях под командой генерал-майора Пассека. Вместе с ним находился и главнокомандующий с огромной свитой.

В этот день впервые с начала похода увидели противника – отряд из нескольких сотен конных горцев следовал впереди и правее русских войск на почтительном расстоянии.

Но вот начались настоящие горы. Войска пошли на длинный и крутой спуск, затем предстоял подъем, контролируемый противником. Когда начали подниматься, сверху грянул орудийный выстрел, затем затрещали ружья, появились первые раненые...

Настрелявшись вдоволь, горцы отступили, предоставив русским полюбоваться окрестностями с вершины.

6 июня авангард продолжил путь, видя перед собой вражескую конницу. Шли через горы в густом тумане, который в полдень был сменен холодным дождем. Люди промокли и продрогли и уже не думали ни о чем другом, кроме отдыха, костра и горячей похлебки. Но именно в это время они были внезапно обстреляны противником, находившимся в укрытиях вне досягаемости ответного огня. Перестрелка, продолжавшаяся всю ночь, не столько причинила вреда, сколько измотала людей.

Утром следующего дня с неба повалил снег, слой которого к вечеру был выше колен. Затем ударил мороз. Войска авангарда оказались в горах в отчаянном положении: без теплой одежды, без запаса дров. Чтобы согреть пищу, жгли дровки казачьих пик и ребра от носилок, но все это быстро кончилось. Появились простуженные и обмороженные. Только 11 июня отряд Пассека спустился в долину, окаймленную высокими горами, где в то время уже находились главные силы экспедиции. Там солдаты немного передохнули и отогрелись.

13 июня во второй половине дня новый авангард под командой генерала Клюки-фон-Клюгенау двинулся к Андийским воротам, отделявшим Гумбет от Анди. Эта узкая расщелина в гряде гор была укреплена завалами с бойницами и представляла собой удобную для обороны позицию. Но наличие одного открытого фланга вынудило горцев отказаться от ее обороны и они без боя оставили Андийские ворота. Правда, из-за отсутствия разведки, русское командование узнало об этом лишь спустя несколько часов.

За Андийскими воротами взору войск предстала величественная картина: глубокий котлован реки и пылающие по ее берегам аулы, подоженные уходящими жителями.

14 июня войска двинулись вперед. В районе аула Гагатли их авангард был атакован большим отрядом горцев, который затем отступил в аул Анди. Там завязался жаркий бой. За его ходом Воронцов наблюдал лично, но существенно повлиять не мог, так как местность не позволяла ввести в дело новые силы. Поэтому большая часть войск простояла во время боя без дела. Активно действовала туземная милиция. Поэтому, когда наступавшие части овладели аулом, в нем нашли трупы нескольких его защитников с отрезанными кистями правых рук, что было в обычае милиционеров. Потери русских в том бою составили 6 человек убитыми, 64 ранеными и 63 контуженными.

В течение последующих шести дней войска оставались на месте в бездействии. От

бескормицы начался падеж лошадей, недостаток продовольствия ощущали и люди. Поэтому Воронцов решил послать отряд войск в Темир-Хан-Шуру за сухарями, который возглавил генерал Бебутов.

Оставшиеся войска, несмотря на острую нехватку продовольствия, готовились к продолжению похода к Дарго. В.А. Гейман, тогда молодым офицером участвовавший в этой экспедиции, позже писал: «Никто из нас не знал туда дороги, и какая местность, но толков было много. Говорили, что туда ведут две дороги: одна безлесная, по которой нельзя везти даже горной артиллерии, другая лесистая...».

4 июля прибыл караван с продовольствием. А через день, оставив в Гогатле гарнизон из пяти рот пехоты, 20 казаков и 3 орудия, а также всех больных и раненых, экспедиционный отряд двинулся дальше. В его составе было более 10 батальонов пехоты, 3 роты стрелков, 4 роты саперов, 2 дружины пешей туземной милиции, 4 сотни казаков, 9 сотен конной милиции, 2 легких и 14 горных орудий. Общая численность личного состава отряда достигала 9,5 тысячи человек. При нем находился 6-дневный запас продуктов, 4 тысячи артиллерийских зарядов, 600 тысяч патронов, а также около 5 тысяч лошадей.

В полдень войска вышли на перевал. Перед ними раскинулась огромная покрытая лесом низина, дна которой не было видно. Зато на противоположной стороне низины, на большой поляне, хорошо виден был аул Дарго – цель экспедиции.

Воронцов, окруженный свитой, долго рассматривал аул в подзорную трубу, словно надеялся увидеть там имама и разгадать его замыслы. Насмотревшись, он подозвал к себе нескольких генералов и начал с ними о чем-то совещаться. В это время войска принимали боевой порядок, офицеры суеились перед строем, солдаты осматривали оружие. Наконец со стороны командующего был подан сигнал и началось наступление.

Едва цепь углубилась в лес, она была встречена интенсивным огнем противника, стрелявшим из-за завала. Начался бой, в который вскоре вступила и русская артиллерия. Но горцы меткими выстрелами быстро перебили всю ее прислугу. Они отступили только ночью, нанеся значительные потери наступающим. В этот день русские потеряли 36 человек убитыми. Еще 137 были ранены и 32 контужены.

Ночью войска двинулись дальше, ориентируясь на пожарища двух аулов, одним из которых был Дарго. Достигнув его, они расположились на ночлег, а на следующий день занялись разбивкой лагеря. Наиболее любопытные из офицеров отправились осматривать остатки аула, в котором находились и сгоревшие сакли имама. Уцелевшие сооружения солдаты поспешно разбирали на дрова.

Между тем на противоположном берегу Акса на возвышенности собралось несколько тысяч горцев. Установив три орудия, они повели обстрел русского лагеря, но снаряды не долетали до цели. Наконец Воронцову надоела эта стрельба, и он приказал генералу Лабинцеву отбросить противника.

Выделенные для боя войска построились в три линии и в полдень двинулись на неприятеля. Горцы отошли в аул Белгатой, где приняли бой. Населенный пункт и прилежавшее к нему кладбище несколько раз переходили из рук в руки. Не достигнув цели, к вечеру войска вернулись в лагерь, потеряв 30 человек убитыми и 187 ранеными.

Воронцову нужен был результат, нужна была победа или хотя бы ее видимость. Поэтому 8 июля в войсках был отслужен благодарственный молебен по случаю занятия аула Дарго. После этого состоялась панихида по убитым и умершим от ран. В большую братскую могилу, вырытую солдатами в каменистой кавказской земле, легли десятки тел. Тогда мало кто думал, что это лишь ничтожная доля предстоящих потерь...

10 июля с перевала дали знать о прибытии колонны с продовольствием. Воронцов приказал направить ей навстречу отряд под командой генерала Клюки-фон-Ключенау, с которым должны были эвакуироваться и раненые.

В три часа дня отряд начал движение и, едва углубился в лес, был встречен огнем противника. Медленно продвигаясь вперед, русские постепенно удалялись от лагеря, теряя с ним всякую связь. Бой продолжался всю ночь. Утром в лагерь прорвалось несколько человек, один из которых принес Воронцову записку от Ключе. В ней сообщалось о больших потерях и о том, что отряд находится на подступах к перевалу.

Утром следующего дня на глазах у русских с окрестных высот в лес начали спускаться толпы вооруженных горцев. На противоположном берегу Аксая Шамиль организовал смотр отряду, состоявшему из 500–600 солдат-дезертиров. К этому времени в лесу были восстановлены завалы. На подступах к ним горцы выкладывали штабелями тела погибших солдат, предварительно раздев их донага, вспоров животы и отрезав кисти правой руки.

Около 8 часов над перевалом взвились три ракеты, извещавшие о возвращении отряда в лагерь. Вскоре в лесу началось интенсивная стрельба. Воронцов направил на выручку еще батальон пехоты. Площадь боя неустанно расширялась, никто из русских командиров не знал обстановки и поэтому каждый действовал на свое усмотрение. Потери были огромные, боеприпасы быстро таяли. Порой доходило до смешного. Так, когда в одном из батальонов не осталось патрон, горцы также перестали стрелять, выжидая момента когда можно будет броситься в шашки. При этом стороны сблизилась настолько, что один из солдат, бросив камень, попал в чеченца. Тогда и другие начали бросать камни. Горцы ответили тем же. «Это вызвало хохот, и пошло перебрасывание камней с обеих сторон, – вспоминает В.А. Гейман. – Все это сопровождалось поговорками, коверканным языком, то по-русски, то по-чеченски, и хохотом, чистые ребятишки в деревне за забором. И это люди, обреченные на смерть!»

«Сухарная» экспедиция обошлась Воронцову достаточно дорого. Было убито два генерала, 3 штаб- и 14 обер-офицеров, 537 нижних чинов. Еще 32 обер-офицера и 738 нижних чинов получили ранения. Всего же из строя за два дня выбыло 1326 человек.

13 июля Воронцов повел свои войска к Герзель-аулу, придерживаясь берега Аксая. Горцы сопровождали русских, время от времени устраивая перестрелку. Больше всего доставалось арьергарду, который за день потерял 6 человек убитыми и 67 ранеными. На следующий день движение продолжилось, стойвшее русским еще 71 человека убитыми и 172 ранеными. В последующие три дня картина оставалась прежней, хотя количество потери несколько уменьшилось. 18 июля вдаль показались идущие навстречу войска генерала Фрейтага, что внесло оживление в ряды возвращавшихся. Но только на следующий день и после упорного боя отряды соединились. Наконец, 20 июля войска достигли Герзель-аула.

Экспедиция завершилась. За это время русские потеряли убитыми 947 человек, 2058 были ранены, 272 контужены. Еще 42 нижних чина пропали без вести.

Но, как и следовало ожидать, имама там не оказалось. На обратном пути русские полки подверглись новым нападениям противника и потеряли более трети личного состава. Всего же за экспедицию было убито 1058 и ранено 2751 военнослужащий. В числе убитых был молодой генерал-майор Пассек, считавшийся одним из способнейших командиров частей Кавказской армии, первым из выпускников Николаевской (Императорской) академии Генерального штаба в боевой обстановке добившийся права командовать полком, а затем и бригадой. Воронцов же за Даргинскую экспедицию был возведен в княжеское достоинство.

Чем обуславливались неудачи экспедиций русских войск в середине 40-х годов? Ведь по мнению современников и более поздних исследователей истории кавказской войны, численное превосходство русской стороны в войсках было значительным, в артиллерии – подавляющим, а моральные качества солдата и офицера – прекрасные. Значит, в силу вступали иные факторы, специфические для данного театра войны.

Одним из них выступает отставание русской пехоты в качестве стрелкового оружия. В то время, как русские имели на вооружении гладкоствольные кремневые самопалы, подавляющее большинство горцев были вооружены нарезными винтовками, позволявшими поражать цели на большем расстоянии и с большей точностью. Превосходство в оружии обеспечивало кавказцу производство одного-двух выстрелов по приближавшемуся противнику с безопасного расстояния, которое он мог выдерживать при необходимости в течение всего боя, своевременно переходя от одного укрытия к другому.

Вторым фактором видится признанная современниками более высокая стрелковая подготовка горцев, чем русских солдат, которым «некогда было учиться стрелять и искусство заменялось огромным количеством выпускаемых патронов на каждый горский выстрел».

Оба фактора в совокупности позволяли сторонам применять различную тактику на поле боя. Горцы действовали враспынную, искусно используя маневр и многочисленные складки местности, русские наступали большими массами, охраняя свои фланги и тыл. Их боевым построением был

так называемый «ящик», когда прямоугольный боевой порядок со всех четырех сторон прикрывался густой цепью пехоты, во внутренней части которого двигались подразделения поддержки, резервы, а в середине обоз.

Одной из главных причин неудач русских войск являлось отсутствие не то что стратегического, но и оперативного планирования их военных действий. Изученные документы свидетельствуют, что ни главнокомандующий, ни его штаб не видели весь театр войны и не пытались на него одновременно воздействовать в рамках одной операции. Поэтому война распадалась на самостоятельные ежегодные кампании, а последние – на экспедиции, мало связанные между собой задачами, направлениями, рубежами и временем действий войск. Следовательно, война с горцами продолжительное время оставалась войной тактики, решавшей только частные задачи, которые не позволяли ни одной из сторон достичь стратегической цели. Эта война на изнурение вошла в привычку горцев, став образом их жизни, к которому они быстро привыкли. Она же стала незаживающей кровоточащей раной для России, зараженной неудовлетворенными имперскими амбициями, постоянно ноющей от людских потерь и забирающей силы.

Были недостатки и в подготовке офицерских кадров. В сороковые годы и позже, вплоть до Крымской войны, на Кавказе существовал порядок, что всех нижних чинов, удостоенных производству в офицеры, отправляли предварительно на учебу в резервную дивизию, дислоцированную в Таганроге. Там их обучали действиям в строю и некоторым обязательным для солдата знаниям воинских уставов, типа «что есть знамя?», «обязанности часового». Преподавали эти «науки» резервные офицеры, большинство из которых выслужились из фельдфебелей и каптенармусов, общего образования не имели, а военное дело понимали в узких рамках строевого устава и личного опыта. На «учебу» же к ним зачастую попадала дворянская молодежь, имевшая хорошее среднее образования и отчасти даже прошедшая некоторую боевую школу в действующих кавказских частях. Поэтому обучение в резервной дивизии было формальным, реально не дававшим будущим офицерам ничего полезного.

Штурмы Ведено и Гергебиля

После взятия и уничтожения русскими войсками аула Дарго, Шамиль перенес свою резиденцию в Ичкерию. Неподалеку от аула Ведено он купил у местных жителей участок земли, куда прибыл с группой мюридов и несколькими орудиями. Место было выбрано удачно. Раздвигающиеся горы образовывали долину около десяти километров в окружности, которая с одной стороны упиралась в скалы, с другой обрзалась глубокой пропастью, на дне которой бушевала горная река. Посреди этой долины для имама был построен просторный дом, вокруг которого были возведены жилые помещения для мюридов и прислуги, а также многочисленные хозяйственные строения. Образовалось селение, окруженное рвом и частоколом из толстых бревен, над которыми возвышалось несколько башен с установленными на них орудиями. В память о прошлой резиденции новая получила название Дарго-Ведено (Ведено на чеченском языке означает плоское место).

Жизнь имама в Дарго-Ведено мало чем отличалась от той, которую он вел прежде. В ней Шамиль всячески подчеркивал свою роль светского, духовного и военного вождя правоверных. Там он принимал делегации старейшин и священнослужителей, устраивал советы с военачальниками, вершил суд. Поэтому неудивительно, что к Дарго-Ведено было приковано внимание десятков тысяч горцев, для которых это место стало не только столицей их непризнанного государства, но и символом справедливости и значимости их борьбы с «неверными».

Неутешительные итоги экспедиции 1845 года убедили командующего в необходимости менять стратегию и тактику действий русских войск на Кавказе. Он решил вернуться к ермоловским приемам – отказавшись от бессмысленных глубоких экспедиций на территорию противника, начать постепенное планомерное вытеснение горцев с занимавшихся ими районов с одновременными нанесением коротких сильных ударов по наиболее уязвимым местам вражеской обороны.

С 1846 года начинается массовая рубка непроходимых чеченских лесов, устройство просек,

дорог, строительство укреплений. Не видя необходимости содержать на Кавказе большие силы, Воронцов отправил 5-й корпус в Россию. Оставшиеся войска были реорганизованы в небольшие, но высокобоевые части, способные самостоятельно решать оборонительные и наступательные задачи на отдельных разобщенных направлениях. С этой целью в их состав, кроме пехотных батальонов, были включены подразделения кавалерии, легкой конной артиллерии и саперов. Полки нового состава на практике были проверены осенью того же года. Несколько из них были направлены в Горный Дагестан со стороны Дербента и Теир-Хан-Шуры. В середине октября они нанесли поражения мюридам в боях у селений Аймаки, Леваши и Кутиши, что заставило Шамиля перенести свою резиденцию в Гергебиль.

В следующем году Воронцов попытался покончить с Шамилем, захватив его новую резиденцию. В июне были организованы осада и штурм Гергебиля, завершившиеся неудачей. У стен крепости русские войска в боях с горцами потеряли 132 человека убитыми и 537 ранеными, после чего из-за начавшейся эпидемии холеры сняли осаду. Утешением командующему за эту неудачу стало взятие 14 сентября после шестинедельной осады аула Салты, превращенного горцами в сильную крепость. В нем было уничтожено и пленено около трех тысяч сторонников Шамиля. Но и урон в рядах русских был немалый. Он составил 535 человек убитыми и 1888 ранеными.

Осеннее наступление не дало существенных результатов, но убедило русское командование в правильном выборе способов действий. Общие потери Кавказского корпуса за год составили 1128 человек убитыми, 3881 раненым и 124 пленными. Это были последние столь крупные годовые потери, понесенные русскими войсками в боях с горцами на Кавказе в XIX веке.

Следующие три года русские войска вели планомерное наступление на противника, постепенно отесняя его в горные районы. Шамиль же стремился всеми силами удержаться в предгорных районах Чечни, где было легче добывать пропитание.

К началу 1852 года в Чечне были сосредоточены значительные силы горцев, которые укрепились в аулах, расположенных между реками Джалка и Гумс. Для их разгрома Воронцов создал два сильных отряда. Главный – 12-тысячный во главе с генерал-лейтенантом Барятинским – наступал на противника со стороны Воздвиженского. Второй – 4-тысячный – действовал со стороны Дагестана. Оба удара оказались достаточно эффективными. Противник понес поражение и был рассеян. Русские войска овладели новыми рубежами и некоторыми важными районами в Чечне и Дагестане. Правда, цена одержанной победы была немалая.

Одной из наиболее значимых потерь в отряде Барятинского была гибель генерал-майора Феликса Антоновича Круковского. Феликс Антонович родился в 1804 году в Гродненской губернии, и в возрасте 17 лет поступил на военную службу. На Кавказе с 1839 года в должности командира Горского линейного казачьего полка, с которым принимал участие в боях с чеченцами и за боевое отличие получил орден Св. Владимира 4-й степени. Затем были бои в Малой и Большой Чечне, принесшие Круковскому звание подполковника. За защиту станицы Беклешовской он был произведен в полковники и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1848 году генерал-майор Круковский назначается наказным атаманом Кавказского линейного казачьего войска. Два следующих года он провел в походах за Кубань, в боях на реке Белой и в Чечне. В середине января 1852 года Феликс Антонович отправился в свой последний поход.

18 января колонна под командованием Круковского подошла к лесным завалам у аула Урус-Мартан. Казаки, выбив чеченцев из завалов, ворвались в аул и рассыпались по саклям. Опасаясь, что казаки будут перебиты поодиночке, командир отряда с небольшим конвоем прибыл в аул и, остановившись у мечети, приказал трубить сбор. В это время из мечети грянул залп. Круковский и многие его конвоиры пали убитыми и ранеными. Когда подоспела помощь, был найден труп генерала, обобраный донага. Впоследствии Барятинскому удалось выкупить у Шамиля Георгиевский крест и орден Св. Станислава 1-й степени, принадлежавшие Круковскому, но кинжал и шашку отважного генерала имам не согласился уступить ни за какие деньги.

Хаджи-Мурат

Весной 1852 года неудачно завершилась попытка Воронцова создать оппозицию Шамилю в лице Хаджи-Мурата. Этот вождь горцев, поссорившись с Шамилем, добровольно сдался русскому

командованию в 1851 году. Правда, до этого тайные переговоры с ним велись уже несколько лет. Поступок знаменитого наиба не столько обрадовал, сколько озадачил русское командование, не верившее в искренность его намерений. На это было немало оснований.

Хаджи-Мурат сдался сыну кавказского наместника, командиру Куринского полка князю С.М. Воронцову после нескольких дней переговоров и был хорошо принят им, а затем доставлен к отцу в Тифлис. Там почетный пленник изложил свои планы, попросив, однако, прежде освободить его семью, находившуюся у Шамиля. Последнее обстоятельство сильно осложняло дело, ставя его за пределы реальности. Тем не менее Хаджи-Мурат и четверо его мюридов были приняты на российскую службу и размещены в Нухе, где, однако, за ними было установлено наблюдение.

23 апреля 1852 года во время одной из загородных прогулок по сигналу Хаджи-Мурата его мюриды перебили казаков конвоя, после чего горцы попытались уйти в сторону Алазани. Однако, попав на топкие рисовые поля, были вынуждены заночевать посреди них в кустарнике. Там они были по наводке местного жителя найдены и окружены отрядом уездного воинского начальника И.К. Корганова.

Яков Петрович Бакланов, герой кавказской войны, генерал-лейтенант

Дождавшись утра, русские предложили мятежникам сдаться, но в ответ прозвучали только выстрелы. Хаджи-Мурат и его люди, заняв позицию в канаве, метким огнем поражали каждого приближавшегося, а остальных держали на большом расстоянии. Перестрелка продолжалась более часа, когда на помощь Корганову прибыли Гаджи-ага, хан мехтулинский и Ахмет-хан – сын врага Хаджи-Мурата, с большим отрядом кавказской милиции. Они решились атаковать мятежников, но были отбиты. Правда, неравный бой долго продолжаться не мог. Писатель Л.Н. Толстой в своей повести «Хаджи-Мурат» писал:

«Хаджи-Мурат бил без промаха, точно так же редко выпускал выстрел даром Гамзало, и всякий раз радостно визжал, когда видел, что пули его попадали. Курбан сидел с краю канавы и пел «Ля илляха иль алла» и не торопясь стрелял, но попадал редко. Элдар же дрожал всем телом

от нетерпения броситься с кинжалом на врагов и стрелял часто и как попало, непрерывно оглядываясь на Хаджи-Мурата... Хан-Магома же не сидел, как другие, в канаве, а перебежал из канавы к лошадям, загоняя их в более безопасное место... Его первого ранили. Пуля попала ему в шею, и он сел на зад, плюя кровью и ругаясь. Потом ранен был Хаджи-Мурат. Пуля попала ему в плечо. Хаджи-Мурат вырвал из бешмета вату, заткнул себе рану и продолжал стрелять.

– Бросимся в шашки, – в третий раз говорил Элдар.

Он высунулся из-за завала, готовый броситься на врага, но в ту же минуту пуля ударила в него, и он зашатался и упал навзничь...

Враги, перебегая от куста к кусту с гиканьем и визгом, придвигались все ближе и ближе. Еще пуля попала Хаджи-Мурату в левый бок. Он лег в канаву и опять, вырвав из бешмета кусок ваты, заткнул рану. Рана в боку была смертельна, и он чувствовал, что умирает... А между тем его сильное тело продолжало делать начатое. Он собрал последние силы, поднялся из-за завала и выстрелил из пистолета в подбегавшего человека и попал в него. Человек упал. Потом он совсем вылез из ямы и с кинжалом пошел прямо, тяжело хромя, навстречу врагам. Раздалось несколько выстрелов, он зашатался и упал. Несколько человек милиционеров с торжествующим визгом бросились к упавшему телу...

Гаджи-ага, наступив ногой на спину тела, с двух ударов отсек голову и осторожно, чтобы не запачкать в кровь чувяки, откатил ее ногой».

О гибели Хаджи-Мурата М.С. Воронцов писал: «Хаджи-Мурат умер отчаянным храбрецом, каковым и жил; оставив своих лошадей, он спрятался в какую-то яму, которую укреплял с товарищами, копая землю руками; он отвечал ругательством на предложение сдаться; на его глазах умерли двое его товарищей, и сам он, раненный четырьмя пулями, слабый и истекающий кровью, в отчаянии бросился на атакующих, и тут-то его прикончили».

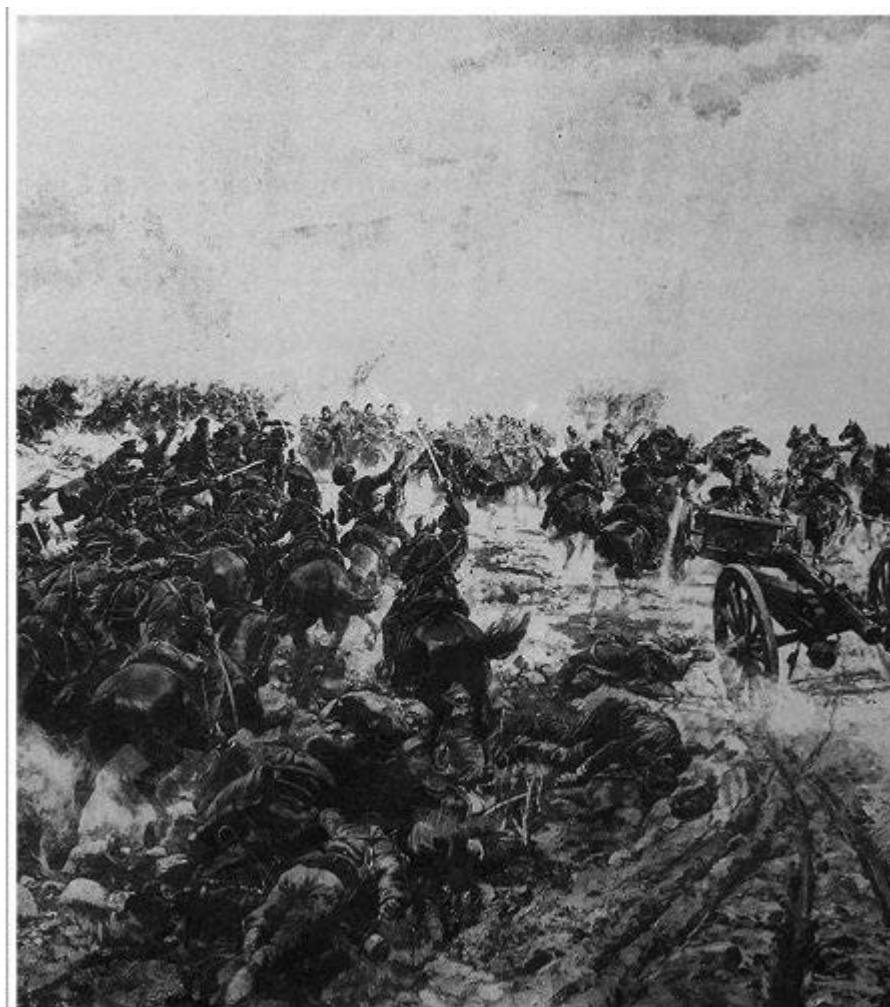
История Хаджи-Мурата на том не закончилась. Голова мятежного горца в знак доказательства его гибели была доставлена в русский лагерь, где попала к военному лекарю. Тот очистил череп, а затем передал его в коллекцию Военно-медицинской академии. Оттуда в 1959 году череп попал в Кунсткамеру, где хранится и поныне. На нем имеются надписи на русском и арабском языках: «Наиб Хаджи-Мурат Аварский».

В августе того года неудачей завершилась экспедиция отряда полковника Я.П. Бакланова к чеченскому аулу Гурдалий, расположенному на левом берегу реки Мичик. Чтобы ее сгладить, в конце октября Воронцов лично повел войска в земли натухайцев. На Кутишинских высотах были разгромлены отряды наибов гергебильского, харакинского и куядинского. А 14 декабря поступило известие от Барятинского о взятии аула Хан-кале.

Так завершился 1852 год на Кавказе. В том году Кавказский корпус потерял 700 человек убитыми, 2848 ранеными и 145 пленными. За проведенные операции к княжескому титулу Воронцова была добавлена приставка «светлейший».

Глава 7 Восточная война

Генерал В.О. Бебутов

К середине XIX века престиж России в Европе значительно снизился. Великобритания и Франция вытеснили ее с ближневосточных рынков и подчинили своему влиянию Турцию. Русское правительство безуспешно пыталось договориться с официальным Лондоном о разделе сфер влияния в том регионе. Тогда Николай I решил восстановить утраченные позиции прямым нажимом на Турцию. Предлогом к тому стали разногласия между православным и католическим духовенствами за обладание «святыми местами» в Палестине, в которых Порта поддерживала Рим.

В феврале 1853 года Николай I направил в Константинополь чрезвычайного посла князя А.С. Меншикова. Он ультимативно потребовал, чтобы православные подданные турецкого султана были поставлены под особое покровительство российского императора. Турция, предварительно заручившись поддержкой Великобритании и Франции, решительно отвергла требования России. С ее согласия в мае в Дарданеллы вошла англо-французская эскадра. В ответ на это 21 июня русские войска вступили в княжества Молдавию и Валахию, находившиеся под номинальным суверенитетом султана. 4 октября Турция объявила войну России.

Примерно в это же время турецкий султан Абдул-Меджид направил письмо Шамилю с известием о предстоящей войне, в которой «...русские не имеют иной цели, как опозорить религию ислама». Он писал имаму: «Ты закалился и приобрел опыт в боях, ты завоевал симпатии всего населения. Кроме того, привлеку к тебе приказом население из нижеследующих мест, вместе с ханами и беками: Тифлис, Эривань, Нахичевань, Ленкоран, Тальш, Сальян, Баку, Карабах, Казах, Гендже, Шеки, Ширван Чар, Елису, Ахты, Куба, Дербент, Табасаран, Кайтаг, Акуша,

Кази-Кумух, Кумух-Шамхал, Эндирей. Бог даст, я представлю их в твое распоряжение вместе с войсками; ты же должен будешь объединить их со своими дагестанскими силами и прогнать русских из наших селений, населенных людьми ислама; тем самым ты сделаешь дело, угодное Аллаху».

Судя по этому письму, султан рассчитывал найти поддержку своим замыслам практически на всей территории Кавказа и прежде всего среди мусульманских народов Северного Кавказа.

Шамиль, в свою очередь, немедленно обратился с письмами к мусульманским народам Кавказа, сообщая им об обещаниях султана и призывая встать на борьбу с неверными. «Если же вы не сделаете так, как мы говорим, – предупреждал имам, – ...то после того как вы попадете под нашу власть и как на ваших крышах будут развеваться наши флаги, то вы вините тогда себя, а не нас. Тогда вы будете раскаиваться, но ваши каения окажутся бесполезными».

Военные действия начались почти одновременно на двух сухопутных театрах: Дунайском и Кавказском. На последнем со стороны противника была сосредоточена стотысячная армия Абди-паши. Ей противостояли слабые гарнизоны Ахалциха, Ахалкалаки, Александрополя и Эривани, командование которых по непонятной причине об угрозе начала войны до последнего момента проинформировано не было.

Решение задач вооруженной борьбы с турецкими войсками на Кавказском театре войны возлагалось на генерал-лейтенанта князя В.И. Бебутова, временно сменившего заболевшего Воронцова на посту командующего Кавказским корпусом.

Василий Осипович Бебутов родился в 1781 году и всю многолетнюю службу провел на Кавказе. Начал он ее еще во время войн с Персией и Турцией 1804–1813 гг., был адъютантом у генерала А.П. Ермолова, затем управлял Имеретией. Среди кавказских военачальников Бебутов выделился в русско-турецкую войну 1828–1827 годов, когда с тысячным гарнизоном Ахалциха выдержал двухнедельную осаду и несколько штурмов 20-тысячного корпуса Ахмет-бека. Тогда за распорядительность и личное мужество Василий Осипович был награжден золотым оружием.

В 40-е годы Бебутов активно участвовал в боевых действиях с мюридами на Северном Кавказе и за ряд одержанных побед над отрядами Шамиля в 1846 году получил чин генерал-лейтенанта и орден Св. Георгия 3-й степени. Теперь ему предстояло возглавить действия всех войск на Кавказском театре войны в борьбе не только с внутренним, но, прежде всего, с внешним противником.

Первоначально турки владели инициативой. 16 октября 1853 года их морской десант захватил форт Святого Николая на Черноморском побережье Кавказа. В это же время 58-тысячная армия противника начала наступление от Карса на Ахалцих и Александрополь. Слабые русские части прикрытия вынуждены были отходить, с трудом сдерживая противника.

Низкие темпы наступления турецких войск позволили Бебутову предпринять соответствующие меры. Был сформирован 7-тысячный отряд под командованием генерала И.М. Андронникова, который 12 ноября на подступах к Ахалцихе нанес поражение 18-тысячному турецкому корпусу Али-паши и отбросили его к Карсу.

Поражение турок под Ахалцихе создало благоприятные условия для действий русских войск на александропольском направлении, где во главе соединения из 7 тысяч пехоты и 3 тысяч кавалерии находился сам командующий. 19 ноября в сражении при Башкадикларе он разгромил 36-тысячную армию Реймс-Ахмет-паши, уничтожив и пленив более 6 тысяч турок. Потери русских войск составили 319 человек убитыми и 976 ранеными. За одержанную победу Бебутов был удостоен ордена Св. Георгия 2-й степени.

Победы Кавказской армии на суше и русского флота в Синопском сражении на Черном море наглядно показали турецкому командованию, что на быструю победу на Кавказе рассчитывать не следует. Временно активные боевые действия в том регионе были приостановлены. Но к весне следующего года против 40-тысячной Кавказской армии турки имели уже более 100 тысяч пикетов и сабель. С этими силами их командование рассчитывало в ходе кампании захватить все Закавказье.

В мае 1854 года турецкие войска возобновили наступление на русскую территорию. Их 12-тысячный отряд устремился к Кутаиси. Но 27 мая у Нигоети он был остановлен и разбит трехтысячным отрядом полковника князя Н.Д. Эристова. В ходе ожесточенного боя противник потерял 2 тысячи человек, русские – 149 человек убитыми и 313 ранеными.

Разгромленные турецкие части отошли к Чолоку, где соединились с частями Селима-паши, образовав 34-тысячный корпус. Там 4 июня он был атакован и рассеян 10-тысячным соединением генерала И.М. Андронникова. Потери турок в сражении составили 4 тысячи человек, русских – 305 человек убитыми и 1202 ранеными.

Другой, 16-тысячный турецкий корпус, наступавший на Эривань со стороны Баязета, 17 июня на Чингильских высотах был встречен 3-тысячным отрядом генерал-майора барона К.К. Врангеля. После ожесточенного боя противник начал отступление, вскоре превратившееся в паническое бегство. Русские части, преследуя врага, буквально на его «плечах» ворвались в Баязет. Общие потери турок составили две тысячи человек убитыми, ранеными и 370 пленными. Урон русских был 149 человек убитыми и 299 ранеными.

Победы, одержанные русскими в мае и июне, вынудили турецкое командование действовать более крупными силами. Но и это не спасло положения. 24 июля 60-тысячная турецкая армия Зафир-Мустафа-паши у селения Кюрюк-Дана встретилась с 18-тысячным корпусом Бебутова. Сражение продолжалось с четырех часов утра до полудня и было выиграно русскими. Турки, потеряв более 8 тысяч человек убитыми и ранеными, 2018 пленными, 15 орудий и 26 знамен, отступили к Карсу. Урон русских составил 599 человек убитыми и 2455 ранеными. Николай I, узнав о результатах этого сражения, сказал: «Князь Бебутов решил удивить меня победой, я же удивлю его наградой», и послал генералу высший орден империи – Св. Андрея Первозванного.

Борьба с внешним противником временно отвлекла внимание и силы русского командования от Северного Кавказа. Турецкое командование решило использовать это в своих интересах и начало переговоры с Шамилем о военном союзе. Иمامу была обещана большая военная помощь. Указом султана он был возведен в чин генералиссимуса черкесских и грузинских войск. И если черкесы считались подданными Турции, то грузин требовалось предварительно завоевать. По-видимому, именно это обстоятельство стало причиной активизации действий чеченцев на границе с Грузией. Летом 1854 года один из их отрядов, прорвав русские кордоны, спустился в Алазанскую долину, где, разделившись на части, где разгромил несколько богатых имений. В одном из них были захвачены княгини Орбелиани и Чавчавадзе – внучки последнего грузинского царя, вместе с детьми и слугами.

Происходившие события в Петербурге были истолкованы как следствие продолжительного отсутствия на Кавказе Воронцова и низких организаторских способностей Бебутова. Василий Осипович был отстранен от командования войсками и назначен управляющим гражданскими делами в Закавказье. Воронцов получил почетную отставку с чином генерал-фельдмаршала и умер на покое в 1856 году.

Дипломатия генерала Н.Н. Муравьева

Намного сложнее оказалось найти нового военачальника, способного решить задачи вооруженной борьбы на отдельном театре войны. Неудачи русских войск на Дунае показали отсутствие полководцев в рядах армии. Пришлось искать в резервах. И тогда в Петербурге вспомнили об опальном генерале Н.Н. Муравьеве. В ноябре 1854 года он получил рескрипт императора о назначении заместником Кавказа и командующим всеми находившимися там войсками.

Николай Николаевич Муравьев свою боевую службу начал в Отечественную войну 1812 года и в заграничном походе русских войск в Западную Европу. В 1816 году он в составе посольства А.П. Ермолова посетил Персию, после чего остался на Кавказе. В 1819 году молодой офицер совершил разведывательную поездку в Среднюю Азию, описанную им в книге «Путешествие в Туркмению и Хиву», изданной в Москве в 1822 году. По результатам поездки Муравьев получил чин полковника и вновь вернулся на Кавказ. Там он в составе войск Паскевича участвовал в войнах с Персией и Турцией, за отличие при штурме Карса получил орден Св. Георгия 4-й степени, за Ахалцих – 3-ю степень этого ордена, а за другие бои – золотое оружие.

После завершения этих войн из-за разногласий с Паскевичем Муравьев покинул Кавказ, а вслед за тем вышел в отставку и занялся научной работой. И лишь 12 лет спустя, в 1849 году, во время венгерской войны, он вернулся на военную службу с чином генерал-лейтенанта и получил в командование резервный пехотный корпус. Спустя пять лет Николай Николаевич стал полным

генералом и был назначен наместником Кавказа.

В его карьере большим препятствием было фамилия, созвучная с фамилией декабристов. Поэтому некоторые начальники к нему относились в пристрастием. Но позже все сомнения были развеяны после того как Муравьев заявил: «Я не из тех Муравьевых, кого вешают, я из тех, кто сам вешает врагов империи».

Ознакомившись по документам с делами Кавказского корпуса, собранными в Главном штабе в Петербурге, Муравьев нашел их весьма расстроенными. Хотя по спискам в корпусе числилось 260 тысяч человек, но войска эти были раздроблены и разбросаны по огромной территории. Солдаты и казаки в большей части отвыкли от походов, жили оседло, занимались хозяйством, и лишь выставляли дозоры для охраны своих станиц и селений. Значительное количество нижних чинов использовалось на всяких строительствах, заготовках камня и леса, на обслуживании хозяйств своих командиров.

При штабе наместника числилось множество всяких флигель-адъютантов и гвардейских офицеров, приехавших искать под покровительство любезного Михаила Семеновича Воронцова чинов, наград и отличий. Толку от этих господ не было для войск никакого, они только путались под ногами работающих людей, всячески отвлекая их от дела. Во время экспедиций искатели удачи становились обузой для войск. Они ехали в своих колясках, с поварами и лакеями, затрудняя движение отрядов. Солдаты пехотных рот обременялись непрерывным вытаскиванием экипажей и обозов начальников и всяческими требуемыми ими дорожными услугами. Если при Ермолове пехотный батальон делал по тридцать верст в сутки, то при Воронцове его мобильность снизилась в три раза. Низкая маневренность, по мнению Муравьева, являлась одной из причин малоэффективных действий российских войск на Кавказе.

Николай Николаевич Муравьев-Карский (1794–1866), главнокомандующий русскими войсками на Кавказе (1855–1856), генерал от инфантерии

В качестве второй причины генерал видел необходимость вести войну на два фронта при общем недостатке сил и средств. И если первый недостаток он намеревался устранить прямо на

месте, то в отношении второго у него было несколько иное решение. По этому вопросу перед отъездом из Петербурга Муравьев попросил аудиенции у императора. Николай I принял генерала.

– Думаю, государь, что прежде, чем начать широкомасштабные действия против Шамиля, нужно попытаться с ним договориться о перемирии, – сказал Николай Николаевич.

Император меньше всего ожидал такого предложения. До сих пор ему внушали, что воздействовать на горцев следует только силой. В то же время он осознавал слабость Кавказского корпуса для ведения одновременной борьбы с внешним и внутренним противником. Усилить же его, сняв войска с других оперативных направлений, в сложившейся обстановке не представлялось возможным. Именно поэтому Николай I решил внимательно выслушать генерала.

– Но известно ли вам, генерал, какой может быть цена этого перемирия? – спросил он строго. – Кроме того, мы не должны забывать, что в плену у мятежников находятся несчастные грузинские княгини, выручить которых наш святой долг. Уместны ли в таких условиях какие-либо переговоры с Шамилем и поймет ли он что-либо другое, кроме языка пушек?

– Думаю, что уместны. Мне известно, что в обмен на княгинь Шамиль требует возвращения своего сына Джемал-Эддина и миллион рублей серебром, – ответил Муравьев.

Император задумался вспоминая. Джемал-Эддин – старший сын имама, в восьмилетнем возрасте был взят заложником при штурме аула Ахульго войсками генерала Граббе. Он был привезен в Петербург и представлен царю, который распорядился поместить мальчика в кадетский корпус. От него не требовали перемены религии и разрешили носить кавказский костюм.

Сын имама оказался весьма сообразительным и умным. Он быстро освоил русский язык, успешно справился с учебной программой и в 1849 году вышел из корпуса корнетом уланского полка, располагавшегося в городе Торжке Тверской губернии. Там он выслужил чин поручика и стал женихом Елизаветы Петровны Олениной. На свадьбе молодых посаженным отцом обещал быть сам император. Но сложившаяся обстановка диктовала другое.

Пленение княгинь Чавчавадзе и Орбелиани с детьми и прислугой позволило Шамилю требовать возвращения сына. При этом самому Джемал-Эддину через доверенных людей было сообщено, что если он не пожелает вернуться на родину, отец отречется от него навсегда. Николай I знал обо всем этом, но не хотел брать на себя ответственность за решение судеб стольких близких ему людей. Поэтому разговор, начатый Муравьевым, был весьма кстати.

– А что думает по этому поводу Джемал-Эддин? – поинтересовался царь.

– Я встречался, беседовал с поручиком и пришел к выводу, что это честный и преданный России человек. Его присутствие рядом с Шамилем принесет нам больше пользы, чем вреда, – поспешил заверить царя Муравьев. – Он сможет повлиять на отца в желательном для нас смысле. Что же касается денег, то это не такая уж большая цена за перемирие, которое позволит нам высвободить значительные силы для борьбы с внешним противником.

Царь недовольно поморщился.

– Забудь о деньгах, их у меня нет. Что же касается поручика Джемал-Эддина, то поступай по своему усмотрению. Помни главное. Ты будешь наместником моим на Кавказе. Мне оттуда пишут, что опасаются вторжения турок, просят войск, да где же я их возьму? Все, что я имел, находится в Крыму, где решается судьба войны. Поэтому на Кавказе тебе придется обходиться тем, что там имеется. Главная задача – удержать край и не пустить на наши земли турок. От наступательных операций можешь воздержаться, хотя, не скрою, они могли бы облегчить положение войск в Крыму. Надобно также обеспечить наши тылы от нападения Шамиля. Дело, как видишь, не простое, поэтому и доверяю его тебе. Разберись со всем на месте и поступай по своему разумению, ничем связывать тебя не буду...

Уступчивость и доверие были не свойственны Николаю I. Муравьев это хорошо знал и после аудиенции записал в своем дневнике: «Не милостью царской было мне вверено управление Кавказом, а к тому государь был побужден всеобщим разрушением, там водворившимся от правления предшественника моего... Находясь в столице близ государя и первенствующих лиц, я видел ничтожность многих. Еще раз я убедился в общем упадке духа в высшем кругу правления, в слабости, ничтожестве правящих. Я видел своими глазами то состояние разрушения, в которое приведены нравственные и материальные силы России тридцатилетним безрассудным царствованием человека необразованного, хотя, может быть, от природы и не без дарований, надменного, слабого, робкого, вместе с тем мстительного и преданного всего более

удовлетворению своих страстей».

Правда, отправляясь к месту службы, не подозревал, что видит этого императора в последний раз. 18 февраля 1855 года Николая I не стало. Он умер после 29-летнего правления Россией, в самый разгар неудач его армии в Крыму, оставив также массу проблем и на Кавказе.

По пути на Кавказ, Муравьев узнал о кончине Николая I и воцарении Александра II. Это создавало дополнительные трудности и, в первую очередь, в отношениях с начальником штаба корпуса генералом А.И. Барятинским – личным другом нового императора, о поведении которого в столице говорили много нелестного. Ходили слухи что Барятинский, построив себе в Грозном настоящий дворец, проводил в нем время в окружении столь же разгульных, как и сам, гвардейских офицеров в обстановке праздности и веселья. О быте князя в Грозном один из его восторженных поклонников поручик Дагестанского полка А. Зиссерман писал: «По всякому поводу здесь давали обеды, затевались кутежи; танцевальные вечера были очень часты, а азартная картежная игра, и довольно крупных размеров, процветала. Дамское общество было очень милое, вполне соответствовавшее военно-походному тону и сопряженным с ним нравом, не имеющим, само собою, и тени чего-нибудь пуританского... Жили, одним словом, легко, без особых забот о материях высоких. Если от текущих мелких дневных приключений и развлечений случалось отвлечься, то разве для разговоров о минувших и будущих экспедициях, о том, кто будет назначен новым главнокомандующим на место князя Воронцова, и о разных неизбежных переменах, так или иначе отзывавшихся и на нас, мелких сопричастниках деятельности... Отсутствие в большинстве общества, особенно военного, всякого интереса к делам общественным, выходящим из ближайшего тесного круга его служебной деятельности, делало нас невольно равнодушными ко всему, даже к такой злобе дня, какова была тогда борьба с коалицией, сопровождавшаяся неудачами».

Неудивительно, что, прибыв в Тифлис, новый командующий первым делом вызвал к себе на доклад начальника штаба. На проверку Барятинский оказался не таким глупым и ленивым, как его представляла молва. Он достаточно ясно обрисовал обстановку, сделал обоснованные выводы. Однако из разговора с ним Николай Николаевич понял, что честолюбивый князь сам не прочь стать наместником императора на Кавказе и рассчитывает, что это произойдет в ближайшее время. Муравьев не стал разубеждать его в том, намекнув, что сразу же после завершения войны намерен подать в отставку. После этого между командующим и начальником его штата установились если не дружеские, то вполне рабочие отношения.

Как и следовало ожидать первым делом Николая Николаевича стало решение внутренней проблемы. План Муравьева о заключении перемирия с Шамилем и недопущения его союза с турками оказался весьма реальным. В этом ему немалую помощь оказал сын имама Джемал-Эддин, убежденный в пользе для горцев мира с Россией. Его обмен на грузинских княгинь прошел успешно. Вернувшись к отцу, молодой человек всеми силами постарался убедить его в необходимости переговоров с наместником и в честности намерений Муравьева. В то же время наместник, находившийся с вехом Шамиля в переписке с Джемал-Эджином и снабжавший бывшего поручика русскими и европейскими газетами, знал о результатах бесед сына с имамом и о некоторых намерениях последнего. Это позволило правильно оценить обстановку и в одностороннем порядке прекратить боевые действия в Чечне и Дагестане. Шамиль последовал примеру. Впервые за долгие годы на Северном Кавказе наступило некоторое затишье.

Александр Иванович Барятинский (1815–1879), наместник императора и главнокомандующий на Кавказе (1856–1860)

Сославшись на перемирие с русскими властями, Шамиль уклонился от военного союза с турками, на который так рассчитывали в окружении султана и которого так боялись в Петербурге. Анализируя этот факт, Муравьев писал: «Союзники не достигли сближения, коего домогались в сношениях с народом Кавказа. Турки употребили всевозможные усилия, чтобы склонить закубанских горцев к совокупным наступательным действиям против России, определяя каждому горцу по десять рублей жалованья в месяц. Но закубанцы решительно отказались следовать за ними и показали свое явное отвращение к туркам и англо-французам... При большой опытности и лучшем знании народов, с коими союзники вступали в сношения, они должны были бы рассудить, что горцам, воюющим с нами за независимость, равно противно было всякое иго и что введение порядков, которых они могли ожидать от наших врагов, столь же было для них тягостно, как и наше владычество. Если при этом принять во внимание силу привычки, составляющую вторую природу нашу, то будет понятно, почему горцы не решились избрать для себя новых врагов, каковыми были бы турки и англо-французы, людей с неизвестными обычаями, новыми порядками и с незнакомыми языком и нравами... Надобно полагать, что бездействию Шамиля способствовало отчасти и присутствие возвращенного ему сына Джемал-Эддина, покорного отцу, но не забывшего прежнего быта своего среди нас».

Так произошел первый случай за время пребывания России на Кавказе, когда дипломатическими мерами удалось предотвратить выступление мусульман-горцев на стороне их воинственных единоверцев. Обе стороны оказались готовыми к диалогу пусть даже на меркантильных основах. Но это был успех, который в значительной мере способствовал русским решению главной задачи вооруженной борьбы с турками Закавказье.

Падение Карса

Отказавшись от распыления сил по всей границе, Муравьев собрал их в один кулак, который сосредоточил на карском направлении. К началу июня в нем было 27 тысяч бойцов при 88 орудиях. В июле русские начали наступление, нанесли поражение войскам прикрытия противника и 1 августа осадили Карс, оборонявшийся 30-тысячным гарнизоном. При таком соотношении сил на успех штурма рассчитывать не приходилось, поэтому было решено взять противника измором. Русская конница перекрыла все дороги к крепости, лишив ее людских пополнений и отрезав от основных провиантских баз. Турки пытались прорваться через кольцо блокады, но безуспешно. 30 августа терские казаки перехватили турецкий обоз с продовольствием для Карса, пленив его начальника Али-пашу и захватив четыре пушки.

В сентябре положение русских войск на Кавказе резко ухудшилось в связи с высадкой в Батуме 20-тысячного турецкого корпуса Омара-паши, переброшенного туда с Крыма. Генерал Н.Н. Муравьев, узнав об этом, решил до подхода подкреплений взять Карс штурмом. 17 сентября он повел войска на приступ. Он продолжался шесть часов и не достиг цели. Русские отступили, уничтожив 1400 турок и потеряв сами более 7 тысяч человек.

Вручение великому князю Михаилу Николаевичу ключей от Карса

Но и корпус Омара-паши, скованный отрядами князя Багратиона-Мухранского, двигался очень медленно. Это позволило русскому командованию продолжить осаду крепости, гарнизон которой остро нуждался в продовольствии. Через два месяца, 16 ноября, он капитулировал на почетных условиях. К тому времени половина его гарнизона погибла в боях, умерла от ран и болезней. Из оставшихся 6500 иррегулярных воинов были отпущены по домам, а 8 тысяч регулярных объявлены военнопленными. Трофеями стали 136 орудий и 12 знамен.

Наградой Муравьеву за Карс стал орден Св. Георгия 2-й степени, графский титул и приставка к фамилии «Карский». После окончания войны он, как и обещал, вышел в отставку и вернулся к научной работе, которой занимался до самой смерти, последовавшей 6 октября 1866 года. После Муравьева-Карского остались дневники и несколько капитальных военно-исторических трудов, в том числе двухтомник «Война за Кавказ в 1855 году», вышедший в свет в Петербурге только двадцать лет спустя.

Взятие Карса стало единственной крупной победой российских войск в Восточной (Крымской) войне, позволившей склонить противника к переговорам. Мир был подписан в Париже 16 марта 1856 года. По его условиям Россия возвратила Турции все захваченные у нее территории на Кавказе, а также Молдавию и Бессарабию и лишилась права содержать военный флот в Черном море.

Менее счастливо сложилась дальнейшая судьба Джемал-Эддина. Выполнив волю отца, он тяжело переживал разлуку со ставшей уже привычной полковой жизнью, с любимой девушкой. К тому же местный климат оказался для него губительным. Вскоре он начал болеть. Шамиль, стараясь по-своему утешить сына, женил его на дочери чеченского наиба Талгика и поселил в высокогорном ауле Карата. Однако и это не помогло. В июне 1858 года Джемал-Эддин скончался в возрасте 27 лет. Грозный имам тяжело переживал эту утрату.

Глава 8 Усмирение Кавказа

Взятие Ведено

После ухода Муравьева-Карского наместником Кавказа и командующим находившимися там войсками, как и следовало ожидать, стал князь А.И. Барятинский. К тому времени Александру Ивановичу исполнился 41 год. Он был одним из самых молодых «полных» генералов русской армии.

Биография Барятинского была обычной для приближенных к престолу людей. Начав военную службу в 16 лет в гвардии, он в поисках приключений добровольно направился на Кавказ, где в бою получил тяжелое ранение. Оправившись, князь вышел в отставку и вместе с наследником отправился путешествовать по Европе. Затем он вновь поступил на военную службу, а в 1845 году в чине полковника вернулся на Кавказ. Там он получил в командование Кабардинский полк и вскоре за участие в боях с мюридами – орден Св. Георгия 4-й степени.

В 1850 году Барятинский едва не подвергся опале со стороны Николая I за то, что не пожелал жениться на его «протее» М.В. Столыпиной. Спасся тем, что передал документы на все имения, которыми владел по праву старшего наследника, своему младшему брату. После этого он перестал быть богатым женихом, но получил в командование бригаду и чин генерал-майора.

Последующие три года Барятинский со своей бригадой сражался с мюридами в Чечне и Дагестане. В 1853 году по ходатайству Воронцова он был назначен начальником штаба Кавказского корпуса с одновременным производством в генерал-лейтенанты. По итогам операции у Курюк-Дара Александр Иванович получил орден Св. Георгия 3-й степени. При назначении наместником Александр II произвел его в полные генералы.

О снобизме Барятинского в должности начальника штаба уже говорилось выше. Муравьев в

своих записях также оставил достаточно красочный портрет внешности этого человека. Он писал: «До встречи на Кавказе я видел его только один раз в Киеве молодым хорошеньким кирасирским поручиком. Здесь не мог бы я его узнать: он показался мне ростом выше прежнего, сложения был довольно плотного и немного с брюшком. Суживающаяся к макушке голова его с редкими волосами как-то не предупреждала в пользу его природных дарований; рыльце было у него красноватое, в чем признавали последствия разгульной жизни. Объяснялся он с некоторым замедлением и повторением слов, похожим на заикание, и гнусил. Вся наружность вообще не выражала того приличия, которое я ожидал найти в князе Бяратинском, приятеле государя, хотя он и был, что называется, видным мужчиною, вежливым, разговорчивым...»

И все же долголетнее пребывание на Кавказе позволило новому командующему отказаться от непродуманных нововведений и продолжить дело, начатое Ермоловым и Воронцовым. Тактика постепенного наступления на непокорные районы в сочетании со стремительными короткими ударами по наиболее уязвимым местам в обороне противника дала положительные результаты. Линии новых просек, возведение укреплений Хаби-Шавдонского и Шахинского, охладили воинственность многих чеченских племен. Против непокорных в декабре 1856 года была предпринята экспедиция под руководством генерал-лейтенанта Н.И. Евдокимова. Она проникла в самые дикие районы Малой Чечни и истребила до 20 аулов, служивших базовыми центрами мятежников, которые были вынуждены уйти в горы.

В 1858 году Бяратинский, поручив Евдокимову вести отвлекающие действия, сам с главными силами совершил экспедицию в Большую Чечню. Его войска из Грозной устремились в Аргунское ущелье. Попытки мюридов остановить их продвижение закончились неудачей.

Шамиль отвел свои силы на юг, сделав резиденцией Ведено. Параллельно он объявил всеобщую мобилизацию чеченцев и дагестанцев на борьбу с «неверными». К концу года ему удалось собрать под свои знамена более 12 тысяч мусульман. Ведено было превращено в крепость на подступы к которой прикрывались множеством завалов, оборонявшихся сменными гарнизонами.

В первый день 1859 года по приказу Бяратинского Евдокимов тремя колоннами двинулся на противника. Установив наличие и начертание завалов, генерал обошел их частью сил с флангов и тем заставил горцев отступить без сопротивления. Так, продвигаясь шаг за шагом, 19 марта русские войска приступили к осаде Ведено. Двенадцать дней спустя резиденция имама была взята штурмом. Но среди убитых и пленных Шамиля не оказалось. С большим отрядом телохранителей и ближайших сподвижников он заблаговременно бежал в Дагестан, где обосновался в ауле Гуниб, также превратив его в крепость.

После этого Бяратинский по делам службы выехал в Петербург, где кавказские дела обсуждались на самом высоком уровне. В очередной раз императором было высказано пожелание усмирить Кавказ любой ценой. Командующий просил новых войск и денег, ему дали и то, и другое.

4 июня Бяратинский вернулся в Грозную. К тому времени обстановка в Чечне еще более нормализовалась. Желая убедиться в этом, наместник совершил поездку по Аргунской линии, большой Чечне и Ичкурии. После того он докладывал военному министру Сухозанету: «Проезжая везде с одним только почетным конвоем и большей частью в экипаже по разработанным новым дорогам, я мог собственными глазами убедиться в огромных успехах, сделанных в последние месяцы в этом крае. По всему ущелью Аргуна до укрепления Евдокимовского высечены в скалах дороги с прочными мостами и предместными башнями.

В Ичкерии проложенная широкая просека переменяла, можно сказать, сам характер этого горного края. Прежние недоступные леса Ичкерии уже не составляют более преграды движениям нашим войскам, и везде, где я проезжал на протяжении от Грозной через Шали, Таузин, Ведено, Эргеной в Дарго, жители, столь недавно еще считавшиеся нашими непримиримыми врагами, выбегали ко мне навстречу.

Неприятель не оказывает пока сопротивления, но с появлением передних наших войск селения предаются огню. Мехельта, Сиух, Анди уже сожжены. По имеющимся сведениям Шамиль собрал силой семейства гумбетовцев и андийцев в укрепленное место на левой стороне Андийского Койсу, на горе Килятль и в аулах Ичикали, а скот угнан на правую сторону реки. Переправа через Андийское Койсу укреплена».

Движение русского отряда Н.И. Евдокимова на Ведено

Для самого Шамиля, как видно, судьба дальнейшей борьбы с Россией уже была предрешена. Имам не верил в ее успех. Через доверенное лицо он попытался связаться с русским послом в Константинополе князем Лобановым с тем, чтобы выговорить для себя условия при прекращении борьбы. Для России это было очень важно в свете проводившейся ею политики в Европе. По этому вопросу канцлер Горчаков писал Барятинскому: «Если бы вы дали нам мир на Кавказе, Россия приобрела бы сразу одним этим обстоятельством в десять раз больше веса в отношениях Европы, достигнув этого без жертв кровью и деньгами. Во всех отношениях момент этот чрезвычайно важен для нас, дорогой князь. Никто не призван оказать России большую услугу, как та, которая представляется теперь вам».

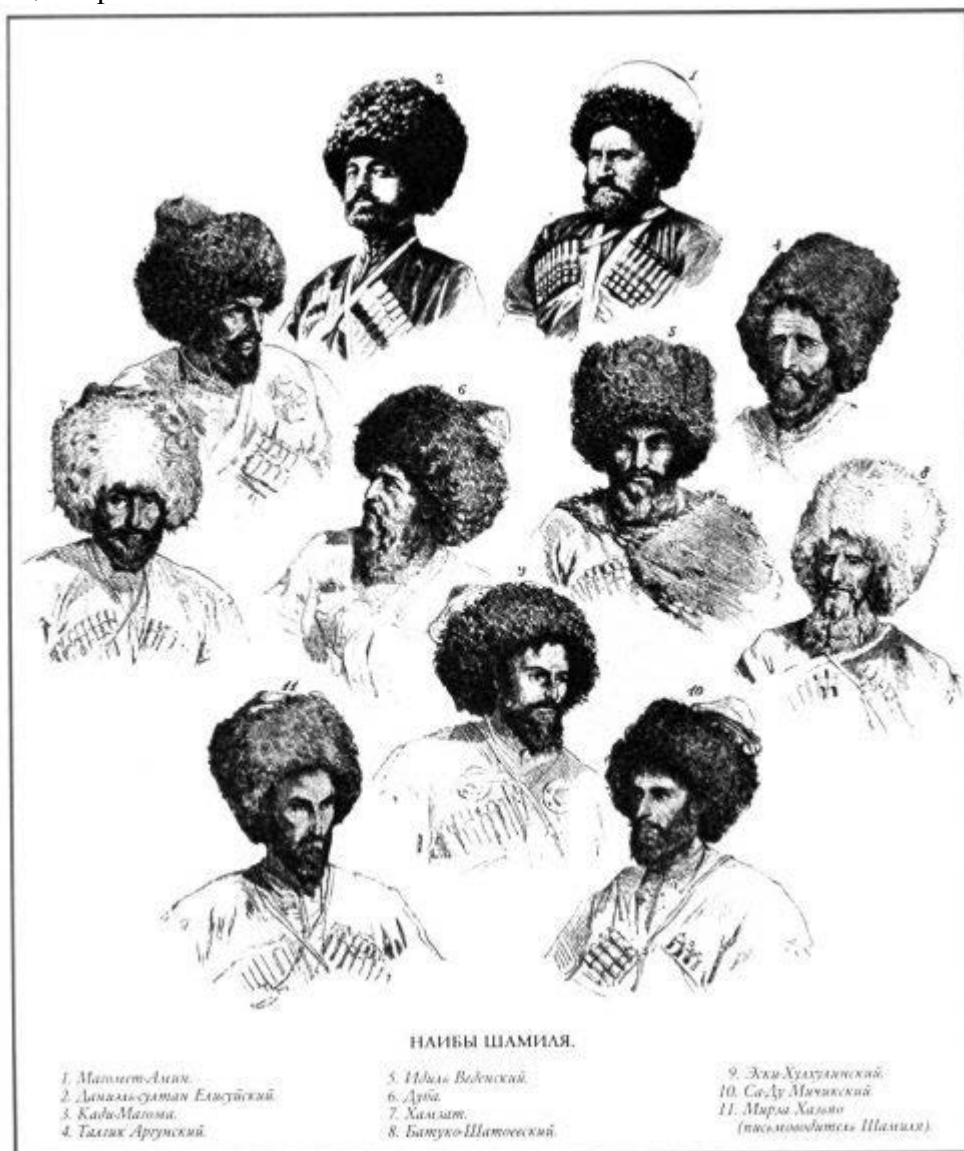
Но, по-видимому, переговоры в Константинополе не дали результатов. Россия была вынуждена собственными силами решать проблемы, стоявшие перед ней на Северном Кавказе. Но решить их было практически невозможно, пока власть в этом крае принадлежала Шамилю, который цеплялся за нее всеми силами.

Капитуляция Шамиля

После потери Ведено власть Шамиля над горцами практически была потеряна. Одни аулы встречали имама крайне холодно, предоставляя ночлег и пищу лишь в силу обычая. Другие вообще отказывались принимать. Но были случаи и откровенной враждебности. Так, когда имам с верными мюридами проезжал через земли куядинского общества, жители встретили его с оружием в руках. Завязался бой, в котором Шамиль потерял несколько человек убитыми, 32 лошади, тюк с серебром и много другого имущества. Опечаленные такой встречей, многие мюриды тайно покинули своего вождя и разбрелись по окрестным лесам, и лишь немногие, самые верные, последовали за ним в Гуниб.

Слухи о поражениях имама быстро разнеслись повсюду. Слабых в горах не любили и

боялись мести победителей. К Барятинскому почти ежедневно прибывали различные местные правители и делегации, прося пощады и заявляя о своей готовности служить России. Главнокомандующий принимал всех и был милостив.

Наибы Шамиля

Русские войска наступление вели одновременно с трех направлений. С Чечни двигался отряд генерала Евдокимова, с востока наступал Дагестанский отряд генерала А.Е. Врангеля, третий отряд – Лезгинский, шел с юга по Андийскому ущелью. В отличие от экспедиции Воронцова 1845 года, на этот раз особое внимание уделялось коммуникациям. По всем маршрутам движение русских отрядов прокладывались дороги, строились временные укрепления, выставлялись посты. Была сооружена переправа через Андийское Койсу с возведением рядом с ней укрепления, получившего название Преображенского. Оно устанавливало контроль не только над важным участком реки, но и над значительной частью прилегавшей к ней местности.

28 июля к генералу А.Е. Врангелю с выражением покорности прибыла депутация от знаменитого в горах сподвижника Шамиля тилитлинского кадия Кабит-Магомы. Этот наиб, отличавшийся своей религиозностью и суровостью, пользовался огромным уважением горцев и считался одним из самых влиятельных людей в нагорном Дагестане. Отход его от имама означал резкое снижение авторитета последнего и послужил примером для других правителей и простых мюридов.

Вместе с Кабит-Магомой в русский лагерь приехал и его брат Муртузаали, который до этого некоторое время находился у Шамиля в Гунибе. Он, между прочим, сообщил, что в карахском лесу спрятана часть имущества имама, которым можно завладеть. Русское командование

предложило ему действовать, привлекая для этого тилитлинцев. Охотники нашлись быстро. Небольшой отряд Муртузаали скрытно пробрался в лес и внезапным налетом перебил находившуюся там охрану. Произведя раскопки в разных местах, удачливые искатели сокровищ обнаружили 15 вьюков с 15 тысячами рублей серебром, много золотых и серебряных вещей и прочего ценного имущества. Все это с согласия русского командования было разделено между жителями Тилитла, считавшими себя пострадавшими от власти Шамиля.

31 июля в русский лагерь явился правитель Анкраталя наиб Бакрак-Али. Он просил принять присягу на верность России от жителей девяти аулов. Предложение было принято с условием предоставления заложников, выдачи всех русских пленных, орудий и тяжелых крепостных ружей. Эти условия Бакрак-Али были приняты и быстро выполнены.

7 августа в лагерь русского главнокомандующего с повинной прибыл султан элисуийский Даниель-бек, пять дней назад сдавший свою резиденцию Ириб войскам генерала А.Е. Врангеля. Этот человек, уже однажды присягнувший на верность России и имевший чин генерал-майора, изменил присяге и в июне 1844 года стал на сторону Шамиля. Теперь же он был в простой черной одежде, без присущих его положению знаков отличия, но при оружии, полный смирения. Сняв оружие, он вошел в шатер Бярятинского с просьбой о помиловании. Но, получив его, вышел с гордо поднятой головой. Спустя некоторое время Даниель-бек рассказывал, что князь благодарил его за беспрепятственный пропуск войск через Ирбит, в котором имелось всего семь орудий и гарнизон в полсотни человек.

В этот день Бярятинский послал депешу в Петербург с сообщением об установлении оперативной связи между войсками Чеченского, Лезгинского и Дагестанского отрядов с главным пунктом управления, образованным на подступах к Гунибу.

10 августа императором был подписан указ о награждении командиров и войск за дагестанскую экспедицию, которая еще не была завершена. Тем не менее Бярятинский получил орден Св. Георгия 2-й степени, командир Дагестанского отряда барон Врангель – орден Георгия 3-й степени, генерал-майор Ракус – орден Св. Анны 1-й степени с мечами. Были награждены многие офицеры и солдаты. Ряд подразделений получили Георгиевские знамена с памятным надписями.

В начале августа чохский наиб Исмаил предложил русскому командованию свое посредничество в переговорах с Шамилем. Он был достаточно близок к имаму, так как его сестра была замужем за сыном Шамиля Магометом-Шефи. Поразмыслив и посоветовавшись с помощниками, Бярятинский принял это предложение. Но миссия Исмаила в Гуниб завершилась неудачей; имам даже не принял его.

10 августа Бярятинский покинул чеченский отряд и с генералом Евдокимовым в сопровождении конвоя выехал к Гунибу. Путь пролегал по ущелью Андийского Койсу, представлявшего собой картину дикой кавказской природы с искусным вкраплением в нее творений рук человеческий: аулов, садов, полей и пастбищ.

Первый привал был сделан у аула Тлох, все население которого вышло посмотреть на наместника. Среди женщин была и жена Хаджи-Мурата с тремя малолетними сыновьями. Бярятинский велел им приблизиться и через переводчика сказал несколько слов. Женщина промолчала, а мальчики жались к матери и смотрели на русских злыми ястребиными глазами.

На следующий день у аула Игали наместник был встречен начальником штаба Прикаспийского края генерал князь Святополк-Мирский с отрядом и дальше продвигался уже в сопровождении значительной военной силы. Местность стала более суровой. Повсюду виднелись следы былых боев, а наиболее яркий – развалины аула Ахульго, при защите которого в 1839 году пали лучшие сподвижники имама Сухрай, Али-бек и Али-Чула-Магома.

15 августа Бярятинский прибыл в Хунзах, где сохранились еще следы старых русских укреплений, ханский дворец и мечеть, в которой в 1834 году был убит Гамзат-бек. Спустя три дня он достиг Чоха, где находились войска, собранные для штурма Гуниба. Состоялся их смотр, который проходил на виду осажденных и, конечно же, был малоприятен последним.

Но и взор русских мало радовался видом горы Гуниб-Дарга с расположенной на ней резиденцией Шамиля. Эта гора, стоявшая отдельно на правом берегу Аварского Койсу, с восточной стороны омывалась рекой Кара-Койсу. Она имела плоскую вершину и вогнутые в середину скаты. На вершине находился аул Гуниб, представлявший собой хорошо

подготовленную к обороне крепость. Понимая, что штурм этой твердыни будет нелегким, Барятинский постарался через Даниель-бека начать переговоры с Шамилем.

Первый тур переговоров состоялся 19 августа. С русской стороны в них участвовали Даниель-бек и полковник Лазарев, от Шамиля – сын его Кази-Магомет. Последний требовал, чтобы в ответ на сдачу Гуниба русские пропустили беспрепятственно имама и его людей в любом направлении. Барятинский решил принять эти условия с поправкой, что Шамиль и его сторонники прежде дадут письменное обязательство направиться в Мекку и жить там безвыездно.

Шамиль для виду согласился, но начал выговаривать дополнительные условия, явно затягивая время. Наконец 22 августа он прислал Барятинскому письмо следующего содержания: «Мы не требуем от вас мира и никогда не помиримся с вами, и от вас мы просили только свободного пропуска дороги по известному уже условию. Если на это будет согласие, то хорошо; если же нет, то надеемся на Бога, который выше и сильнее всего. На этом основании сабля настроена и рука готова». Это было письмо не побежденного, а почти равнозначного противника, тон которого больше напоминал вызов на бой, чем смирение. И Барятинский решил принять этот вызов.

26 августа войска начали штурм горы. На рассвете бесшумно группы добровольцев, обутых в лапти, начали подниматься к первому уступу горы. За ними пошла пехота. Мюриды не сразу обнаружили наступающих, которые успели занять первый уступ и уже карабкались на второй, но обнаружив, осыпали их ружейным огнем. В ответ затрещали ружья с русской стороны, начался бой. Когда первая волна наступающих достигла поверхности горы, горцы встретили ее огнем из-за завалов. Они сражались ожесточенно, понимая безвыходность своего положения. В последний момент бросали ружья и выхватывали шашки и кинжалы. Среди защитников не только мужчины, но и женщины, дерущиеся с особым остервенением. И штыки солдат не делают различия между полом врагов.

Сдача Шамиля

Проиграв бой на завалах, остатки защитников вместе с имамом отступили в Гуниб, находившийся в восьми верстах от окраины горы. А так как отступление происходило стихийно, то некоторые отряды мюридов оказались отрезанными от главных сил. Один из них численностью около ста человек занял поросший лесом холм и решил обороняться до последнего. Против него были брошены две роты Ширвинского пехотного полка. При приближении русских горцы, сделав по несколько выстрелов, с криками «алла», обнажив шашки и кинжалы, бросились навстречу

противнику. Завязался рукопашный бой. Мюриды не просили пощады, ни один из них не сдался, каждый был готов умереть, прихватив с собой как можно больше солдатских жизней. Все они погибли до последнего человека, но и потери с русской стороны были немалые. Случилось так, что этот бой стал последним в войне гордого имама с Россией. Гуниб был взят ценой потери 21 человека убитым и 159 ранеными.

К девяти часам утра туман рассеялся, а вместе с ним начал стихать и бой на Гуниб-Дарге. Войска сплотились вокруг аула, в котором скрылся Шамиль с остатком своего войска. Трижды горцам предлагалось сдаться на милость победителя, дважды в ответ из стен аула раздавались выстрелы. После третьего предупреждения из аула выехал парламентар.

В это время на покоренную гору поднялся Барятинский со свитой и остановился в полверсте от аула. Парламентар Шамиля попросил разрешения переговорить лично с наместником. Его допустили к князю, но Барятинский не пожелал говорить о каких-либо условиях и потребовал безоговорочной капитуляции. Парламентар удалился ни с чем, но имам решил выждать время и попросил прислать в Гуниб чохского наиба Исмаила. Барятинский же так страстно желал получить Шамиля живым, что выполнил и эту просьбу.

Исмаил вернулся с просьбой имама отвести от аула войска, ему в этом было отказано. Тогда он попросил хотя бы убрать в тыл мусульманскую милицию. Видно не хотелось бывшему вождю показываться в своей слабости перед единоверцами. Русское командование решило пощадить самолюбие имама и выполнило эту просьбу.

Только после этого со стороны аула показалась густая людская толпа, среди которой на лошади во всеоружии восседал сам Шамиль. Миновав строй войск, имам в сопровождении около 50 мюридов приблизился к тому месту, где находился Барятинский. Не доходя шагов тридцать, старец слез с коня и подошел к князю. Обращаясь к нему, имам сказал: «Я тридцать лет сражался за религию, но теперь народы мои изменили мне, а наибы разбежались. Я стар, мне 63 года. Не смотрите на мою черную бороду – я сед. Я устал от войны и поэтому поздравляю вас с владычеством над Дагестаном».

За взятие Гуниба и пленение Шамиля указом императора от 8 сентября 1859 года Барятинский был награжден орденом Св. Андрея Первозванного с мечами.

После капитуляции имама весь Северо-Восточный Кавказ от побережья Каспийского моря до Военно-Грузинской дороги прекратил активное сопротивление и подчинился российским властям. За сокрушение Шамиля Барятинский был возведен в чин генерал-фельдмаршала, награжден орденами Св. Андрея Первозванного и Св. Георгия 2-й степени. Все участники боевых действий с мюридами получили серебряные медали «За покорение Чечни и Дагестана».

Шамиль в России

Рассказ об имаме Шамиле был бы не полный без описания его жизни в России, где он провел немногим более десяти лет. Об этом периоде его жизни, к счастью, сохранились воспоминания нескольких людей. Каждый из этих людей в силу своей служебной деятельности или по другим причинам в те годы находился рядом с почетным пленником. Некоторые даже были дружны с ним и его семейством. Это обстоятельство позволило им составить довольно подробные рассказы, не доверять которым нет оснований. Наиболее интересными из них представляются воспоминания капитана Руновского и М.Н. Чичаговой – жены воинского начальника Калужской губернии генерал-майора Михаила Никифоровича Чичагова, которые являлись ответственными за содержание имама и его семьи во время пребывания их в Калуге соответственно в период с 1859 по 1861 и с 1865 по 1866 год.

3 сентября 1859 года пленный Шамиль в сопровождении сына Кази-Мухаммада и двух мюридов под конвоем казаков во главе с полковником Трамповским покинули Темир-Хан-Шуру и направились на север. Начальник конвоя имел приказ вначале доставить имама в Харьков, где на маневрах войск должен был присутствовать император, а затем поступать согласно высочайшей воле.

Первым крупным городом на пути эскорта был Ставрополь. Вид города произвел на горцев сильное впечатление. И если гордый имам старался не выдавать своих чувств, то его сын наивно спросил у начальника конвоя: «Неужели Ставрополь красивее, чем Петербург?»

Шамиль во время своего пребывания в России

В Ставрополе для пленников был организован отдых. В открытой коляске их покатали по городу, показали его достопримечательности. Затем повезли в местный театр на импровизированный спектакль. Вечером был ужин в зале Дворянского собрания, по завершении которого темное небо озарилось огнями фейерверка.

По пути в Харьков Шамиль, опасавшийся, что его везут в Сибирь, часто сверял направление движения по компасу. Любое отклонение маршрута на восток вызывало у него тревогу. Чтобы успокоить старика Трамповский специально купил для него карту и нанес на ней маршрут. Шамиль, никогда в жизни не имевший дело с топографией, быстро освоил ее основы и научился ориентироваться по карте. Особое удовольствие ему доставляло определение местонахождения в конце дня пути. Однажды он признался Трамповскому, что, будь у него хорошая карта Северного Кавказа, удалось бы избежать многих военных ошибок, а то и поражений.

13 сентября эскорт прибыл в Харьков. Там полковник Трамповский получил приказ сопроводить пленников в Чугуев, куда ожидался приезд императора. При подготовке к ней для горцев была сшита новая одежда. Пленные были в восторге от того, что им было разрешено предстать перед царем при оружии, что по обычаям гор считалось проявлением высшего доверия.

Встреча состоялась 15 сентября. Александр II ласково принял своего бывшего непримиримого врага.

– Я рад, что ты наконец в России, – сказал он. – Жалею, что это не произошло раньше, что было бы благом для наших народов. Но теперь ты здесь и уверен, что раскаиваться в этом не будешь. Я тебя устрою и мы будем жить друзьями.

После этих слов император обнял и поцеловал имама, который в ответ приложил руку к сердцу и низко ему поклонился. Присутствовавшие при этой встрече утверждали, что по щекам гордого старика обильно катились слезы.

В составе императорской свиты Шамиль с сыном присутствовали на маневрах войск, с интересом наблюдая за их действиями. Особенно понравилась им джигитовка драгун, улан и гусар. Со знанием дела следили они за передвижением и огнем конной артиллерии, но парадная тактика плотных колонн пехоты вызвала у них насмешку.

Шамиль в России

Посещение Шамилем библиотеки в Санкт-Петербурге

– В горах так воевать нельзя, – заметил Шамиль. – В горах такая колонна не пройдет и не развернется, солдаты только зря мешать друг другу будут. Там каждый воин должен иметь свободу для маневра.

Отдохнув несколько дней в Харькове, почетные пленники продолжили путь на север. Император приказал через Москву препроводить их в Петербург, показывая наиболее интересные места на маршруте следования. В Курске они были удивлены оперой, а в Туле – оружейными заводами. В Москве произошла встреча Шамиля с проживавшим там генералом Ермоловым. Они встретились как старые друзья и долго беседовали, вспоминая прошлые события.

26 сентября эскорт достиг столицы, где для имама и его спутников были приготовлены номера в Знаменской гостинице. Для присмотра за пленниками был назначен полковник Богуславский, которому также было приказано показать им город. Особенно сильное впечатление на кавказцев произвел Исаакиевский собор. Они были поражены размерами и архитектурой здания. Шамиль пожелал узнать историю его строительства, а уходя, тепло простился с протоиереем. Затем он посетил кунсткамеру, Публичную библиотеку и военно-топографическое депо, где имаму показали рельефную модель Кавказа. Он долго ее рассматривал, а затем указал место, где находятся Гимры. На всех маршрутах движения кавказцев с интересом встречали жители столицы, многие военные и чиновники желали быть представленными имаму лично. Шамиль посетил Царское Село, где вновь встретился с императором и был представлен императрице и детям. Они проявили к пленнику большой интерес, слушали его рассказы с вниманием, что льстило старику.

Между тем дальнейшая участь бывшего имама и его семьи была решена. Он с семейством должен был поселиться в Калуге и жить там под надзором специально назначенного пристава капитана Руновского. На содержание его семьи из казны ежегодно выделялось 15 тысяч рублей.

10 октября Шамиль и его спутники прибыли в Калугу. Для них был подготовлен дом, осмотром которого имам остался доволен. Кази-Мухаммаду было позволено отправиться в Темир-Хан-Шуру за семьей Шамиля. Прощаясь с ним, имам передал письмо для князя Барятинского. В нем он писал:

«Князь наместник! Сын мой едет на Кавказ за нашим семейством. Я пользуюсь этим случаем, чтобы выразить тебе всю мою благодарность и признательность за твое ко мне внимание и ласку. Я понимаю и чувствую, что только благодаря тебе я был милостиво принят Государем. Он совершенно успокоил меня, сказав, что я не буду раскаиваться в том, что покорился России. Государыня, все царское семейство и главные начальники также оказали мне большое внимание и всем этим я обязан тебе. Государь назначил мне местом жительства Калугу и в этом городе приготовил удобное и прекрасное помещение. Братья твои, которых я видел в Петербурге, были очень со мной ласковы. Я был у них в ложе в театре.

Сын мой Кази-Мухаммад с позволения Государя едет в Шуру чтобы привезти в Калугу наше семейство. Прошу тебя приказать при отправлении их с Кавказа оказать им такое же содействие, как было и при нашем отправлении. До меня дошли слухи, что ты болен. Это меня очень огорчило. От души прошу Бога, чтобы он возвратил тебе здоровье. Я и все мое семейство никогда не забудем твоих милостей. Не забудь и ты нас, если необходимость заставит кого-нибудь из нас обратиться к тебе.

Раб божий имам Шамиль. 11 октября 1859 года. Калуга».

В первых числах января 1860 года семья имама приехала в Калугу. Всего приехало 22 человека, включая прислугу. В числе приехавших, кроме сына Кази-Мухаммада, были две жены имама Зайдат и Шуанит, Каримат – жена Кази-Мухаммада.

В момент приезда в Калугу Зайдат было около 30 лет, но выглядела она значительно старше и была довольно некрасива собой. Однако это не мешало ей пользоваться авторитетом в семье и распоряжаться хозяйством. Зайдат была дочерью воспитателя Шамиля Джемал-Эддина Казикумыхского и вышла замуж за имама в возрасте 14 лет. В этом браке она родила двух дочерей – Наджават и Баху-Меседу, которые приехали с ней в Калугу. Через год после приезда у нее родился еще один ребенок – четвертый сын имама Магомед.

Шуанита по рождению была армянкой и имела христианское имя Анна. Она была захвачена в плен мюридами при нападении на Моздок в 1840 году и вскоре попала в дом имама, где ее убедили сменить веру и стать женой Шамиля. Десятилетняя девочка не могла долго упорствовать

и уступила. Она родила имаму дочь Софиат, которую привезла с собой в Калугу.

Шамиль во время прогулки по Санкт-Петербургу

Из детей Шамиля в Калуге оказались также его третий сын Магомет-Шафи с женой Амминат, которая вскоре после приезда заболела и умерла. Сам же Магомет-Шафи в 1861 году был определен на службу в Собственный конвой императора, в котором прослужил долгие годы, достигнув высших офицерских чинов.

Две старшие дочери имама приехали в Калугу со своими семьями. Обе они были рождены первой женой Шамиля Фатиамат, умершей в 1845 году, и были выданы замуж за братьев Зайдат. Старшая Нафисат была замужем за Абдурахманом и имела дочь Магазат. Мужем второй дочери Фатимат был Абдурахим. Оба зятя имама были красивыми и умными молодыми людьми, которым религиозность не мешала вести светскую жизнь. Они быстро освоились на новом месте и стали бывать на балах и званых вечерах местной знати. Зная их люди утверждают, что оба стремились поступить на военную службу, но по каким-то неизвестным причинам не сделали этого.

Летом 1861 года Шамиль с Кази-Мухаммадом и обоими зятьями в сопровождении капитана Руновского совершил вторую поездку в Петербург. 27 июля они были приняты императором. Имам искренне поблагодарил царя за заботу и поднес ему богатую кавказскую шашку. Александр II от имени императрицы сделал подарки женам и дочерям Шамиля. Кавказцы несколько недель провели в столице, вновь посетив ее достопримечательности. Они также совершили поездку в Павловск и морскую прогулку в Кронштадт. Впервые в жизни ступив на палубу корабля, Шамиль и его спутники опустили на колени и обратились с молитвой к Аллаху. Но затем, быстро освоившись, занялись осмотром судна, расспрашивали о его устройстве и особенностях управления. Во время пребывания в Петербурге Шамиль впервые обратился к императору с просьбой разрешить ему паломничество в Мекку, но так как на Западном Кавказе еще продолжалась война России с горцами, Александр II решил повременить с удовлетворением этой просьбы.

В Калуге семья Шамиля занимала просторный двухэтажный каменный дом с большим садом, обнесенный высоким каменным забором. Во дворе дома стоял флигель, в котором имам принимал гостей во избежание их встречи с его женами и дочерьми. Позже там же была построена небольшая мечеть, где семейство имама совершало молитву. На лето имам с семьей выезжал на дачу, находившуюся в окрестностях Калуги. Для прогулок на конюшне содержалось несколько прекрасных верховых лошадей и упряжка для экипажа. Однако климат Калуги оказался

губительным для многих горцев, особенно для женщин.

Шамиль и его сыновья

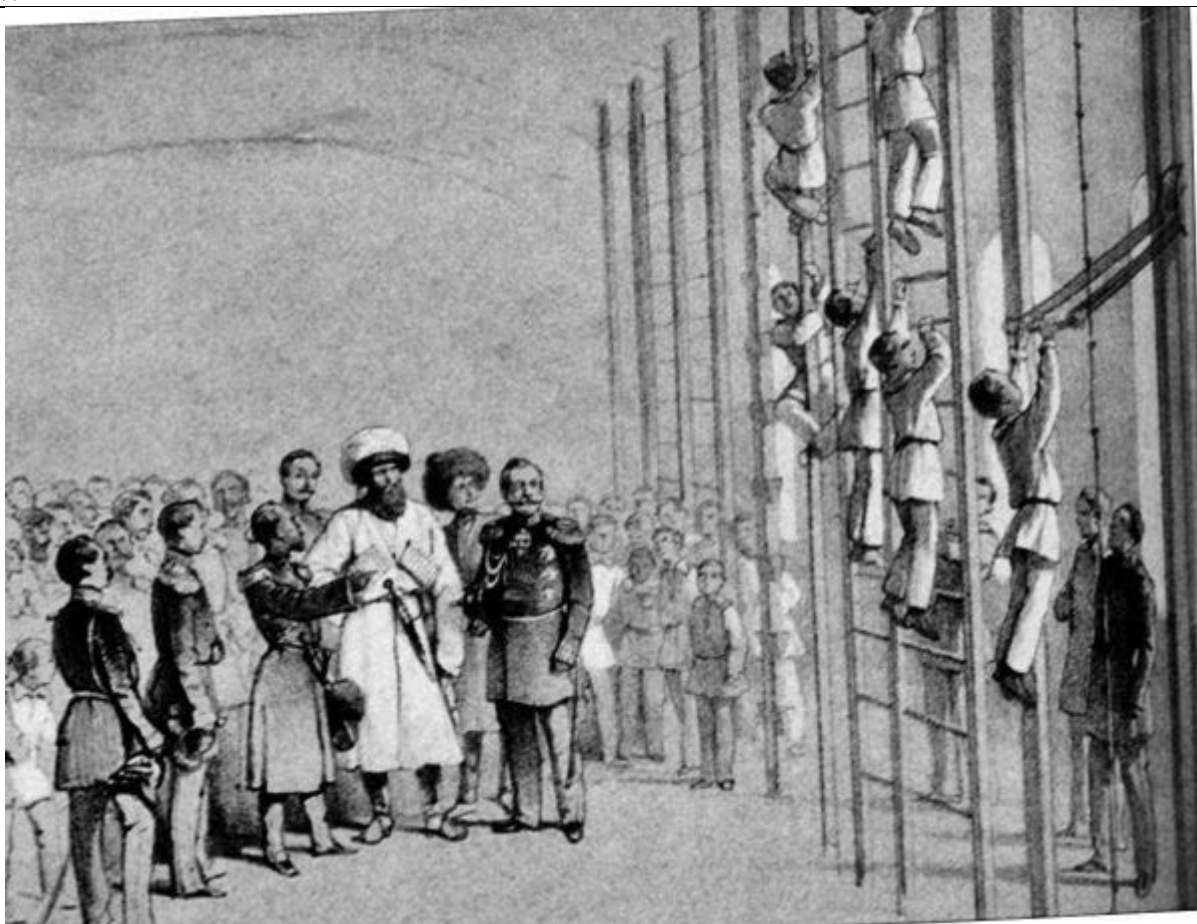
В 1862 году от скоротечной чахотки умерла жена Кази-Мухаммада, а через три года эта же болезнь забрала Нафисат. Велико было горе старика, очень любившего дочь. Он лично совершил богослужение над покойницей, а затем добился от императора разрешения похоронить умершую на родине. Разрешение было дано, и Абдуррахман повез гроб с телом жены в Дагестан. Всего же за калужский период в доме имама умерло 17 человек, включая прислугу.

Важным событием в жизни Шамиля и его родных стало принятие ими присяги на верность России и ее императору, которое состоялось 26 августа 1866 года в Калуге в зале Дворянского собрания. Вместе с имамом присягали и его сыновья Кази-Мухаммад и Шафи-Магомед. Присяга принималась по инициативе самого Шамиля, что может служить лучшим доказательством искренности его отношений с русским правительством.

По случаю празднования свадьбы наследника престола великого князя Александра Александровича (будущего императора Александра III) Шамиль в третий раз посетил Петербург. Там он встретился с князем Барятинским и вновь был принят императором. Барятинский ходатайствовал о разрешении семейству бывшего имама переселиться с Калуги в другое, более южное место. Разрешение было дано и в октябре 1869 года Шамиль с семейством переехал в Киев, где прожил менее полугода.

В начале 1870 года Шамиль получил разрешение совершить паломничество в Мекку. Он выехал туда со всем семейством, кроме двух старших сыновей. Шафи-Магомед находился на службе. Кази-Мухаммаду было разрешено проводить отца до Одессы, откуда он должен был вернуться в Киев. У русского правительства были основания до конца не доверять этому человеку, и время показало, что оно не ошибалось. Несмотря на присягу и долготелее проживание в России, он оставался в душе ее ненавистником.

Шамиль благополучно достиг цели своего путешествия и из Медины прислал письмо великому князю Михаилу Николаевичу. Он писал:

Посещение Шамилем кадетского корпуса в Санкт-Петербурге

Кавказский конвой императора

«Вашему Императорскому Высочеству, желая величия и славы, аминь!

Затем докладываю Высокой Вашей особе что я, погруженный в море Ваших благодеяний, наслаждающийся на ковре Ваших милостей, прибыл в то место, посещение которого составляло предмет давнишнего моего желания. Я не могу отрицать Ваших милостей и не могу не благословлять и не прославлять Вас во веки веков. Но я ныне одержим различными недугами и с

тех пор, как приехал в Медину, лежу в постели. Предвидится мой конец и вполне вероятно, что скоро покину сей мир и переселюсь на тот свет. Поэтому спешаю послать Вашему Императорскому Высочеству это письмо и покорнейше прошу не лишать моего семейства и моих детей Вашего благосклонного внимания, Вашего высокого благоволения и Ваших благодеяний после смерти моей точно так же, как и сам я был удостоен Вами множества знаков подобного высокого благоволения, которое не забудется течением времени и веков.

Я, к невыразимой моей радости, узнал, что Вы позволили сыну моему, Кази-Мухаммаду, посетить меня, с выдачей ему пособия на дорогу. Я принял это известие, как благодать божью к пророку Иову, как рубаху Иосифа к ослепленным очам Иакова и ничем не могу оплатить Вам, как изъявлением душевной моей благодарности.

Последняя моя просьба к Вашему Императорскому Высочеству состоит в том, чтобы Вы повелели собрать всех членов моего семейства в одно место, если меня постигнет смерть, дабы они не уподоблялись стаду баранов, покинутых без пастуха в степи.

Больной и глубокий старец Шамиль.

Писано в священном городе Медине 2-го зикаде 1287 года».

Шамиль умер через 11 месяцев после отъезда из России в Медине 4 февраля 1871 года и был похоронен на местном кладбище Джаннат-Эм-баки. Зайдат пережила мужа всего на три месяца. Она умерла и была похоронена в Мекке. Шуанат умерла в 1878 году в Константинополе. Кази-Мухаммад не вернулся в Россию и остался с десятилетним братом в Турции, поступив на военную службу к султану.

Усмирение Черкесии

Победы русских войск над Шамилем положительно отразились на обстановке в северо-западных районах Кавказа. Антироссийские выступления среди черкесских племен несколько ослабли. Их вожди постепенно начинали понимать неизбежность поражения и пытались заблаговременно обеспечить себе пути отступления. Все чаще лихие черкесские наездники стали появляться в лагерях российских войск, где среди офицеров обзаводились «кунаками». Были случаи ответных визитов россиян в черкесские аулы. Однако редкие случаи «братания» не могли решить главной задачи в регионе, где местный мюридизм уходил глубоко корнями в народные толщи.

Для наведения порядка в Черкесии в 1860 году была организована военная экспедиция под руководством генерала Евдокимова. В его распоряжение выделялось 60-тысячное войско, которое повело планомерное наступление на непокорные районы. Черкесы не смогли устоять перед такой силой. Наиболее агрессивная часть населения эмигрировала в Турцию, остальные, покоровшись, были переселены в Прикубанские степи. По берегам реки Лабы решением Российского правительства поселились семьи Хоперского казачьего полка и 1763 русских крестьянских семей из внутренних районов империи.

В 1862 году усилия русской администрации на Кавказе были перенесены за реку Белую на территории непокорных абхазов. Войсковые отряды по нескольким направлениям двинулись к Пшехе, занимая аулы, строя дороги, возводя мосты и временные укрепления. Абхазы пытались сопротивляться маневренной обороной, но силы были неравны. Тогда, собравшись все вместе в долине Пшехе, горцы 16 июня дали генеральное сражение, которое было проиграно. Уцелевшие абхазы рассеялись по аулам и затаились до лучших времен.

Экспедиция в Абхазию была последней крупной операцией, спланированной и проведенной под руководством Бяргинского на Кавказе. Вскоре после этого он по состоянию здоровья покинул Тифлис и вернулся в Петербург, где подал прошение об отставке. Умер генерал-фельдмаршал 25 февраля 1879 года в возрасте 64 лет, сохранив за собой неофициальный титул победителя Шамиля.

Антироссийское восстание, вспыхнувшее в 1863 году в Польше, получило отзвуки и на Западном Кавказе. Среди населявших его народов начали распространяться слухи о том, что, пользуясь нестабильностью внутреннего положения России, Турция готовится начать войну с целью возвращения Черноморского побережья Кавказа. Эти слухи были подкреплены поставкой крупных партий турецкого оружия, которое охотно разбиралось горцами. Их вооруженные отряды

стали появляться на войсковых коммуникациях. Участились случаи нападений на посты и русские поселения.

Сложившаяся обстановка заставила Евдокимова действовать решительно. Собрав крупные силы в укреплении Хадыжи, он в сентябре 1863 года провел очередную войсковую операцию. Были заняты многие наиболее агрессивные аулы, их население разоружено, а вожаки арестованы и сосланы в Сибирь. Крутые меры быстро охладили воинственный пыл горцев. Они присмирели, многие селения добровольно сдали оружие. По приказу Евдокимова совместными усилиями войск и местного населения были возведены новые укрепления, проложены дороги. Российское правление обрело силу на всей территории Западного Кавказа.

Нормализация обстановки совпала с назначением наместником Кавказа брата императора, великого князя Михаила Николаевича. Вскоре после его прибытия в Тифлис русские войска 21 мая 1864 года, ведя частные бои с мелкими вооруженными группами горцев, вышли к ущелью Ахчипсу. Этот день был официально объявлен днем завершения Кавказской войны.

По случаю окончания войны в России и на самом Кавказе были организованы празднества. Все участники боев с черкесами и абхазами, от рядового до генерала, получили серебряные медали «За покорение Западного Кавказа. 1859–1864». Евдокимов был произведен в генералы от инфантерии и награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. Последующие годы жизни он числился в свите наместника и безвыездно жил в Пятигорске. Там он умер и был похоронен в 1870 году.

Так завершилось официальное покорение Кавказа. Активная фаза войны с горцами продолжалась без малого сто лет. За это время российскому командованию удалось не только завоевать обширные территории в данном регионе, но и, что особенно важно, подавить сопротивление населявших их народов и ввести свое гражданское правление. Эти победы дались ценой больших жертв. По сохранившимся чудом данным, составленным штабом Кавказского военного округа в 1901-м, только за период с 1801 по 1864 год в боях с турками, персами и горцами русские войска потеряли более 34 тысяч человек убитыми и около 87 тысяч ранеными. Причем до 75 процентов этих потерь были понесены в сражениях с горцами, преимущественно с мюридами Северного Кавказа.

Русское правительство решило Кавказскую войну выделить особо. Для отличия всех солдат и офицеров «служивших когда-либо в рядах храброй Кавказской армии и участвовавших в военных действиях против непокорных горцев Кавказа» указом императора 12 июля 1864 года был учрежден специальный знак – «Кавказский крест». Сводом военных постановлений Кавказский крест был отнесен к разряду медалей, жалуемых за участие в войнах. Он изготавливался для офицеров из серебра, а для нижних чинов – из бронзы и крепился с помощью булавки на левой стороне груди ниже всех остальных наград. До конца XIX века Кавказский крест считался одной из самых почитаемых наград в российской армии.

Первые годы после окончания войны с горцами российское правительство делало многое для обустройства Кавказского края. Строились дороги и мосты, открывались больницы и школы, налаживались административные порядки. В 1871 году, в память о десятилетии крестьянских реформ, император Александр II в третий раз за свою жизнь посетил этот край. Его сопровождал большой конвой конных горцев из местного населения. Император пожелал увековечить память о своем пребывании на Кавказе и, что еще важнее, подчеркнуть его большое доверие к горцам. С этой целью для всех членов конвоя были изготовлены серебряные медали, на которой с лицевой стороны был изображен барельефный портрет Александра II, а с обратной – надпись «Кавказ, 1871 год». В последующем император часто носил эту медаль и очень гордился своей дружбой с отдельными кавказскими правителями.

Глава 9 «Мирная» провинция Российской империи

Война с Турцией 1877–1878 годов

Поражение России в Восточной (Крымской) войне болезненно задевало национальные чувства россиян и, прежде всего, представителей военного сословия. Предлогом для следующей русско-турецкой войны стало тяжелое положение балканских христиан, особенно болгар, которых турки нещадно угнетали. В середине 60-х годов в Болгарии турецким правительством было поселено до ста тысяч свирепых черкесов, вымещавших на беспомощных крестьянах свою ненависть к изгнавшим их с Кавказа «гяурам».

В 1875 году вспыхнуло антитурецкое восстание сербов Боснии и Герцеговины. Турки пытались подавить его зверствами по отношению ко всему христианскому населению. Россия, расценив данную политику Порты как вызов, 12 апреля 1877 года объявила ей войну. Имея целью нанесение главного удара на Балканах, правительство Александра II также в качестве вспомогательного рассматривало и Кавказский театр военных действий. Правда, там было сосредоточено всего семь дивизий, три из которых предназначались для поддержки порядка среди мусульманского населения края. Остальные были выдвинуты к турецкой границе, где создали две группировки: Кабулетский отряд и так называемый Действующий корпус.

На Кабулетский отряд, насчитывавший 32 тысячи человек и 68 орудий, возлагалась задача по прикрытию Черноморского побережья Кавказа от ударов турецкого флота и действия на батумском направлении. Командование им принял генерал-лейтенант И.Д. Оклобжио – хорват по происхождению, более 30 лет состоявший на русской службе.

Действующий корпус в составе 50 тысяч штыков и сабель при 152 орудиях должен был наступать на 350-километровом фронте, нанося главные удары на Ардаган, Карс и Баязет, а далее – на Эрзерум. Командование этим корпусом было поручено генерал-лейтенанту М.Т.

Лорис-Меликову.

Общее руководство действиями русских войск на Кавказе возлагалось на 45-летнего великого князя Михаила Николаевича, к тому времени уже 15 лет состоявшему заместителем императора на Кавказе и командующим войсками Кавказского военного округа.

Михаил Тариэлович Лорис-Меликов

Михаил Николаевич был четвертым сыном в семье Николая I. Он родился в 1832 году, в 14 лет был произведен в офицеры, а в 20 лет в чине генерал-майора назначен генерал-фельдцейхмейстером (командующим) всей артиллерией российской армии. Во время Восточной (Крымской) войны великий князь находился в Крыму и за отличие в сражении у Инкермана получил орден Св. Георгия 4-й степени. В последующие годы, вплоть до назначения заместителем Кавказа в 1862 году, он возглавлял отечественную артиллерию и достаточно много сделал для ее обновления и развития.

За годы, проведенные на Кавказе, Михаил Николаевич хорошо изучил подчиненный ему край и находившиеся там войска. Но, будучи больше администратором, чем военачальником, он плохо представлял особенности войны в горных условиях.

К началу военных действий на Кавказе русским войскам противостояли незначительные силы противника, также расчлененные на два отряда. Батумский отряд, насчитывавший 25 тысяч человек, под командованием Дарвиш-паши должен был действовать на приморском направлении. Главная армия из 29 тысяч человек составляла гарнизоны Ардагана, Карса и Баязета. Ее командующим и одновременно главнокомандующим всеми турецкими силами в районе Кавказа был Мухтар-паша. Кроме того, в Черном море противник имел достаточно сильный флот, которому России нечего было противопоставить.

В день объявления войны, 12 апреля 1877 года, соединения Действующего корпуса пересекли турецкую границу. Противник был застигнут врасплох. Мухтар-паша, оставив в Карсе 10-тысячный гарнизон, остальные силы отвел к Эрзеруму. Этот маневр, осуществлявшийся турецкими войсками с различных направлений, в случае быстрого фронтального наступления русских соединений мог закончиться катастрофой. Однако Лорис-Меликов не проявил должной решительности и распорядительности. Более того, без особой необходимости он остановил наступающие войска на подступах к Карсу на месяц, подарив тем самым турецкому командованию время, необходимое для перегруппировки сил и укрепления обороны.

Тем временем 9-тысячный отряд генерала Ф.Д. Девиля, наступавший от Ахалкалаки, 16 апреля подошел к Ардагану и осадил эту крепость. 5 мая Ардаган был взят штурмом. Из его 5-тысячного гарнизона 1750 турок были перебиты, главным образом, огнем артиллерии, 400 пленены, а остальные спаслись бегством. В крепости было захвачено 92 орудия. Потери русских войск составили 69 человек убитыми и 364 ранеными.

После взятия Ардагана Лорис-Меликов собрал военный совет для выработки плана дальнейших действий. На нем он настойчиво проводил мысль о недостатке сил для одновременной осады Карса и наступления на Эрзерум. Генерал предлагал ограничиться только осадой Карса. Авторитет командира корпуса подавил возражения некоторых более решительных генералов и офицеров. В довершение он добился переброски под Карс отряда генерала Девиля. И только эриванскому отряду генерал-майора А.А. Тергукасова поручалось вести отвлекающие действия на баязетском направлении.

Великий князь Михаил Николаевич, главнокомандующий Кавказской армией во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Нерешительность высшего русского командования позволила противнику создать 30-тысячную группировку для деблокады Карса. Лорис-Меликов, узнав о ее приближении, вновь забил тревогу и собрал военный совет. Прогрессивным генералам с трудом удалось убедить Михаила Таризеловича продолжать осаду крепости, выслав навстречу туркам часть сил. Был сформирован 19-тысячный отряд при 64 орудиях, командование которым принял генерал В.А. Гейман.

9 июня отряд прибыл в Сарыкамыш. Там Гейман узнал, что турецкий главнокомандующий, оставив у селения Зевино 10 тысяч человек и 16 орудий, основные силы повел на восток к Баязету. Создавалась уникальная возможность разгрома противника по частям, как это в 1812 году сделал генерал П.С. Котляревский. Но Гейман не был Котляревским. Он принял простое, казавшееся ему более легким решение – атаковать противника на Зевинских позициях.

Сражение началось 13 июня в условиях полуторакратного превосходства русских в личном составе и двукратном в артиллерии. Атака велась с фронта в плотных боевых порядках без должной огневой подготовки. Она закончилась неудачно. Потеряв в течение часа 126 человек убитыми, 729 ранеными и 16 пленными, Гейман приказал трубить отбой. Потери турок составили убитыми и ранеными 540 человек.

Действия Эриванского отряда складывались также весьма сложно. 17 апреля он без боя занял Баязет. Но затем, выполняя новый приказ командира корпуса, двинулся на запад, ведя постоянные бои с курдами. Преодолев в трудных условиях более 250 километров, отряд 4 июня достиг Даяра, где был встречен 18-тысячным корпусом противника.

Тергукасов в расчете на помощь Лорис-Меликова решил дать бой туркам. Сражение произошло 9 июня. Русские отразили первый удар неприятеля, потеряв 74 человека убитыми, 380 ранеными и уничтожив около двух тысяч аскеров. Но дальнейшее противостояние в столь неблагоприятных условиях становилось бессмысленным. Похоронив убитых и погрузив на транспорт раненых, отряд направился в обратный путь и 25 июня достиг своей территории.

Неудача Эриванского отряда под Зевинем так испугала Лорис-Меликова, что он 28 июня снял осаду Карса и отвел корпус на русскую территорию. В связи с отходом главных сил фланговые отряды, действовавшие в районах Ардагана и Баязета, оказались в трудных условиях.

Небольшой гарнизон, оставленный генералом Тергукасовым в Баязете, состоявший из 30 офицеров и 1300 нижних чинов, 5 июня был осажден 10-тысячным турецким соединением. Русские стойко отразили несколько вражеских штурмов, но рассчитывать на успех длительной осады при отсутствии продовольствия и воды было сложно. Комендант гарнизона подполковник Пацевич собрал офицеров на совет и предложил капитулировать. Это настолько возмутило собравшихся, что Пацевич тут же был расстрелян. Командование принял майор Штокович, поклявшийся оборонять крепость до последней возможности.

Генерал Тергусаков, едва вернувшись на свою территорию и приведя войска в порядок, устремился на помощь осажденному гарнизону. 28 июня он атаковал противника и отбросил его от крепости. Мужественные защитники Баязета были спасены. За 24 дня осады они потеряли убитыми и ранеными 7 офицеров и 310 нижних чинов. В списке погибших имя трусливого подполковника указано не было.

Отход главных сил русских войск с территории Турции придавал уверенность турецкому командованию, которое решило перенести военные действия в Закавказье. 2 июля 35-тысячная армия Мухтар-паши при 56 орудиях начала наступление на Александрополь.

Активность турок сильно встревожила наместника. Великий князь лично выехал в войска вместе со своим начальником штаба генерал-майором Н.Н. Обручевым. На угрожаемое направление в срочном порядке была выдвинута группировка в 30 тысяч человек при 120 орудиях. 7 июля она встретила неприятеля на Аладжирских высотах. Противники застыли друг против друга, не решаясь начать наступление.

Тем временем произошли частные бои у горы Большая Янга и у селения Кизил-Тапа, стоившие русским 306 человек убитыми и более тысячи ранеными. Испугавшись потерь, Михаил Николаевич начал требовать резервы. Турецкий командующий также подтягивал пополнения. К середине сентября на Аладжирских позициях против 40 тысяч турецких воинов и 96 орудий русские имели 60 тысяч человек и 218 орудий. Это позволило наместнику действовать решительнее.

Русско-турецкая война. Взятие крепости Ардаган русскими войсками 5 мая 1877 г. Гравюра К. Крыжановского по рисунку Ф. Гаанена. 1877 г.

Сражение началось 20 сентября и продолжалось трое суток. Оно закончилось безрезультатно. Турки удержали занимаемые позиции, потеряв убитыми и ранеными около 5 тысяч человек. Урон русских составил 530 человек убитыми, 3150 ранеными и 86 пленными. Это было самое кровопролитное сражение, произошедшее на Кавказе в ту войну.

27 сентября турецкие войска начали отход на свою территорию. Михаил Николаевич, узнав об этом, двинулся следом, настиг, атаковал и нанес поражение противнику в сражении при Авлиаре. Неприятель лишился 15 тысяч человек убитыми и ранеными, 7 тысяч пленными и 35 орудий. Потери русских составили 121 человек убитыми и 1114 ранеными. За одержанную победу великий князь был награжден орденом Св. Георгия 1-й степени, в результате чего стал 24-м и последним обладателем этой высшей военной награды за все годы ее существования.

Но главнокомандующий не смог до конца использовать плоды авлиарской победы. Преследование противника началось только на третий день. При этом главные силы были разделены на два отряда. Один из них двинулся на Карс, второй – на Эрзерум.

Карсский отряд, насчитывавший 32 тысячи человек при 146 орудиях, был поручен 57-летнему генерал-лейтенанту И.Д. Лазареву. Этот военачальник – выходец из карабахских армян, почти 40 лет прослужил на Кавказе и хорошо знал этот регион. Сам он был известен боевыми заслугами и отменной личной храбростью. Именно Лазарев в августе 1859 года по собственной воле направился в Гуниб к окруженному там Шамилю и убедил его в необходимости капитуляции. В сражении при Авлиаре он руководил действиями обходящего отряда, решившего успех операции. Тогда наградой генералу стал орден Св. Георгия 3-й степени. Теперь же ему поручался корпус для действий на отдельном направлении.

14 октября русские войска блокировали Карс с гарнизоном в 25 тысяч человек при 303 орудиях. Завершив подготовительные работы, в ночь на 6 ноября 1877 года Лазарев повел соединения на штурм крепости. Карс пал в тот же день. В нем было обнаружено три тысячи убитых и пять тысяч раненых и больных турок. Еще 17 тысяч человек, в том числе 5 пашей и 800 офицеров сдались в плен. Урон русских войск при осаде и штурме крепости составил 488 человек убитыми и 1788 ранеными. За взятие Карса Лазарев получил орден Св. Георгия 2-й степени и звание генерал-адъютанта.

После взятия Карса меньшая часть осадного корпуса была направлена к Эрзеруму, где

обстановка складывалась для русских не совсем удачно. Эрзерумский отряд в 18 тысяч человек при 98 орудиях под командованием генерал-лейтенанта Геймана 12 октября достиг 5-тысячный отряд противника на Зевинских позициях. Несмотря на большое численное превосходство и полное отсутствие у турок артиллерии, Гейман не решился на атаку и остановил свои войска и позволил противнику отойти к Эрзеруму и укрепиться в том районе.

21 октября Гейман, дождавшись прибытия войск из-под Карса, принял, как старший по званию, общее руководство силами в 25 тысяч человек при 90 орудиях. Через два дня он атаковал турок на позициях при Даве-Бойну и нанес им поражение. Неприятель лишился убитыми и ранеными около трех тысяч человек, стольких же пленными и всех 43 орудий. Потери русских в сражении составили 129 человек убитыми и 800 ранеными. Остатки вражеских войск бросились в Эрзерум, сея панику. Население крепости, не надеясь на силу оружия, открыло ворота и стало ждать прихода победителей, но их все не было...

Из-за своей нерешительности Гейман вновь упустил победу. Трое суток русские войска бесцельно простояли в 20 верстах от крепости, позволив турецкому командованию восстановить утраченное управление и подготовиться к обороне. Только в конце дня 27 октября части Кавказской армии подошли к Эрзеруму и практически с ходу начали штурм крепости. Он был отражен с потерей около 600 человек убитыми, ранеными и пленными. Убедившись таким образом в силе турок, Гейман снял осаду и отвел войска на зимовку в Пассианскую долину. Вскоре туда же прибыли резервы из-под Карса. Это неустроенное место стало губительным для россиян. Вспыхнула эпидемия тифа, в числе многочисленных жертв которой стал и неудачливый генерал Гейман.

Отряд генерала Оклобжио на батумском направлении действовал также недостаточно умело. Войдя в дальнейшее огневое соприкосновение с противником в районе Хацубани, он полтора месяца не решался атаковать турок. Когда же 12 июня отряд перешел в наступление неприятеля, то силы уже были неравны. Атака захлебнулась. Русские войска отошли к Мухта-Эстате, где заняли оборонительное положение. Там они отразили в первой половине августа два контр наступления противника. Но данный успех не решал дела.

Командование отрядом было передано генералу К.В. Комарову. Но и новый командир оказался недостаточно решительным. Он бесцельно простоял на занимавшихся позициях пять месяцев, пока 15 ноября неприятель, опасавшийся флангового удара со стороны Карса, сам не отступил к Хацубани.

18 января 1878 года части генерала Комарова атаковали турок у Хацубани и были отбиты с большими потерями. На следующий день они готовились возобновить наступление, но оно не состоялось. Победы, одержанные русскими войсками на Балканах, решили исход военных действий на Кавказе. 19 января 1878 года в Андрианополе было подписано перемирие. Карс, Батум и Эрзерум передавались России. Образовалась новая граница империи, просуществовавшая до конца 1914 года. Все участники боевых действий были награждены специальными медалями.

Алибек-хаджи

Не прошло и десяти лет после формального покорения Чечни русскими войсками, как весьма остро встал вопрос о том, как избежать новой войны с горцами. Один из современников тех событий писал: «...что касается до покоренного народа, до его старого поколения, то материальное благосостояние, безопасность жизни и собственности его частных лиц, хотя в настоящее время признаны ими и ценятся, но не настолько однако же, чтобы исключить в их глазах... возможность всяких попыток к мятежу. Вина этому – не неумение наше сблизиться с покоренным народом, не неумение наше объяснить ему все преимущества настоящей его жизни пред жизнью прошлую, и, наконец, не бессилие или ошибочность принятой нами системы управления, но жажда свободы, хотя, быть может, и в превратном для нас значении этого слова, легковерие, лежащее в основе характера горца, и, наконец, те предрассудки и традиционные понятия, которые всосал он вместе с молоком матери и изменить которые может, разумеется, только одно время. Потому-то для поддержки нашего влияния в горах... нам нужна еще в глазах местного населения видимая материальная сила, та, которая сломила его несколько лет тому назад. Она одна пока может быть гарантией спокойствия и мирного господства нашего над

покоренными племенами».

Начавшаяся русско-турецкая война разбудила дремавшие до того времени непокорные силы Северного Кавказа. Дух мюридизма среди большинства мусульманских племен искоренен не был. Еще более сильным оказался сложившийся веками уклад жизни, основанный на поисках военной добычи и грабежах окрестных жителей. Обстановка войны способствовала развитию бандитизма в тылу действующей армии, где сосредотачивались огромные запасы материальных средств.

Чеченцы и ингуши первыми поняли выгодность своего положения. Уже в первые месяцы войны были отмечены случаи нападения их небольших отрядов на обозы, следовавшие по Военно-грузинской дороге. Вскоре дело дошло до того, что всякие передвижения материальных запасов без значительного войскового охранения через Надтеречные районы стало рискованным. Горцы осмелели до такой степени, что нападали даже днем вблизи населенных пунктов, охранявшихся русскими гарнизонами.

Также имели место случаи нападений на небольшие воинские подразделения с целью овладения оружием и боеприпасами. Так, 26 мая 1877 года в шести километрах севернее Владикавказа, отряд чеченцев и ингушей численностью до 200 человек внезапно напал на сотню терских казаков, следовавшую из Моздока в Тифлис. Нападавшие имитировали дорожно-строительные работы, что не вызвало подозрения со стороны казачьего командира. Однако, как только сотня вошла в подготовленную ловушку, горцы побросали лопаты и взялись за оружие. Стреляли почти в упор. В течение нескольких минут сотня была уничтожена, а оружие, лошади, снаряжение и другое ее имущество перешло в собственность бандитов. Несколькими днями позже в вечерних сумерках их отряд, переодетый в казачью форму, разгромил и ограбил гарнизон Назрани. Затем в течение месяца подобные случаи имели место еще в нескольких населенных пунктах. Это потребовало от российского командования учредить систему комендантской службы на маршрутах передвижения войск и ввести патрули.

Только теперь выявилась полная неподготовленность тыловых районов Кавказа к обеспечению боевой деятельности войск в случае войны. После покорения Чечни в 1859 году русские власти почти сняли область с военного бюджета. В результате этого просеки, прорубленные при Ермолове, Паскевиче, Воронцове и других правителях и проложенные по ним дороги быстро заросли новыми деревьями. Стены русских крепостей осыпались, а их гарнизоны были сокращены до минимума. Некоторые укрепления даже не имели артиллерии.

Турецкое правительство не упустило возможности создать очаг напряженности в тылу русских войск. И если в европейской части найти союзников было крайне сложно, то на Кавказе эта проблема решалась довольно легко. Среди мусульманских народов, и прежде всего чеченцев, жив был дух мюридизма, который поддерживался самим укладом их жизни. Низинные плодородные земли оказались занятыми мирными соплеменниками и русскими переселенцами, в результате чего наиболее воинственные жители горных аулов, многие поколения которых жили результатами набегов, оказались лишенными основного источника доходов. Вынужденная безработица большого количества сильных мужчин при обилии оружия, не желающих идти на контакт с властями, не могла вылиться ни во что другое, как в массовые противоправные действия, которые при наличии определенных обстоятельств легко могли перерасти в восстание. Русское правительство, казалось, не желало видеть это. Зато это видели его противники по другую сторону Босфора. Поэтому, как только угроза новой русско-турецкой войны стала реальной, на Кавказ хлынул поток турецких агентов, которые религиозными речами, золотом и памятью подвигов предков призывали правоверных к войне с гяурами.

С началом войны по Чечне поползли слухи о том, что русское правительство слишком слабо для того, чтобы удержать свою власть на Кавказе, который вскоре будет занят турецкими войсками. Этого оказалась достаточно, чтобы поднять горцев на восстание. Первый его очаг в начале апреля 1877 года образовался в селении Чеберлой, где Дада Залмаев призвал соплеменников к оружию. Затем вооруженные отряды появились и в других местах. В Зандаке под предводительством Алибека-хаджи, в Беное – под командой Султа-Мурада.

В ночь на 13 апреля в лесу вблизи Ведено собралось до 60 вожаков и представителей от восставших отрядов. Они приняли решение начать вооруженное восстание с целью добиться независимости Чечни от России. На этом собрании вождем повстанцев с титулом имама Чечни и Дагестана был провозглашен Алибек-хаджи. Центром восстания стала Ичкерия и частично земли

Хасавюрта и Чеберлюя. Остальные районы временно заняли выжидательные позиции.

16 апреля отряд чеченцев напал на табун 80-го пехотного Кабардинского полка, находившийся на пастбище в окрестностях Хасавюрта. Убив одного и тяжело ранив другого солдата, горцы угнали 120 лошадей. О случившемся вскоре стало известно командованию, которое направило по следам бандитов сильную погоню. Она настигла угонщиков намного южнее того места, где было совершено нападение. Чеченцы, видя безвыходность своего положения, бросили табун и, скрывшись в лесу, открыли по солдатам ружейный огонь. В результате перестрелки еще двое военнослужащих были ранены. В табуне не досчитались 27 лошадей.

Спустя несколько дней отряд из 600 чеченцев под командой Алибека-хаджи подошел к Чеберлюю, где в то время находился русский отряд численностью в 350 человек. Не имея указаний вышестоящего командования о применении оружия и ввиду численного превосходства противника, русские без боя оставили селение и отошли к Ведено. Это было воспринято горцами как поражение противника, о чем немедленно стало известно в горных аулах. К двадцатым числам апреля восстанием была охвачена уже вся Ичкерия, и силы мятежников выросли до нескольких тысяч человек. Штаб восстания был развернут в селении Майнруп, откуда Алибек-хаджи посылал гонцов с призывами к горцам взяться за оружие.

Между тем русские командиры на совете в Ведено решили наказать мятежников. Во второй половине дня 21 апреля сильный воинский отряд под командой полковника Нурида при поддержке артиллерии атаковал Майнруп. Не выдержав атаки регулярных войск, чеченцы оставили населенный пункт и рассеялись по окрестным лесам. Заняв Майнруп, солдаты нашли там около 300 убитых и раненых мятежников.

23 апреля приказом по Кавказской армии Терская область была объявлена на военном положении. К тому времени имам перенес свою резиденцию в Мичик, разместив вооруженные отряды в аулах Центорой и Аллерой. Еще один крупный вооруженный отряд мятежников во главе с Губаханом появился в Хулхуласком ущелье.

В конце апреля Алибек-хаджи предпринял две неудачные попытки захвата населенных пунктов Гудермес и Шали. Первая из них была сорвана самими жителями Гудермеса, не пожелавшими участвовать в восстании. Вторая провалилась благодаря мужеству и стойкости небольшого шалийского гарнизона во главе с прапорщиком Борщиком, который в течение дня отразил несколько атак противника. Известие о появлении в тылу значительных русских сил заставило чеченцев отступить от Шали.

Отходящий отряд в районе Герменчука был встречен войсками полковника Нурида, который смог навязать мятежникам бой в невыгодных для них условиях. Это привело к новому поражению чеченцев. При этом жители Шали и Автуры, наблюдавшие за боем со стороны и видевшие его исход, сами бросились в погоню за бегущими соплеменниками, убили и пленили многих. Их добычей стали лошади и оружие убитых, раненых и плененных, причем последних они доставляли русскому командованию, требуя вознаграждения, которое им тут же вручалось.

Также неудачно для повстанцев складывалась обстановка и в других районах. Отряд Губахана 27 и 29 апреля потерпел поражение от курицев. Отряд Дады Залмаева в районе аула Шато-Аргун был блокирован местными жителями, а затем разгромлен подошедшим из Чеберлюя отрядом полковника Лохвицкого.

Раздел чеченского общества на две группы подсказал российскому руководству необходимость сочетания силового и политического вариантов урегулирования конфликта. 30 апреля командующий войсками Терской области генерал-адъютант Свистунов приказал подчиненным командирам максимально ограничить применение оружия при боевых действиях в аулах. В горные районы к чеченцам был направлен их соплеменник генерал-майор Арцу Чермоев, который должен был встретиться с вожаками восставших и уговорить их добровольно сложить оружие. Однако и на этот раз мирные инициативы были истолкованы горцами как слабость русского командования.

Алибек-хаджи с остатками своих сторонников ушел в верховья реки Ярык-су и закрепился в ауле Самсыр, считавшимся неприступным. Вскоре туда начали со всех сторон стекаться горцы, желавшие испытать военное счастье на службе Аллаху. Вскоре под командой имама собралось около двух тысяч человек.

Для разгрома самсырской группировки из Хасавюрта был направлен отряд под командой

флигель-адъютанта полковника Батьянова. 15 мая он вошел в оставленный жителями аул Юрт-Аух, где расположился на ночь. Но едва сгустились сумерки, как аул одновременно с нескольких сторон был атакован противником. Бой длился всю ночь. Русские удержали занимаемые позиции, но с наступлением следующего дня, установив значительное численное превосходство противника, были вынуждены оставить аул и вернуться в Хасавюрт.

В двадцатых числах мая против мятежников была снаряжена экспедиция, состоявшая из двух отрядов. Одним из них командовал полковник Батьянов, второй возглавил генерал Свистунов. Согласованными действиями обоих отрядов Самсыр был взят, но, как и следовало ожидать, главные силы повстанцев во главе и их вожаками успели уйти в горы. По приказу Свистунова непокорный аул был стерт с лица земли. Такая же участь постигла аулы Алман и Бурунтай, жители которых были переселены на равнину.

В начале июня Алибек-хаджи со значительной вооруженной силой вновь появился в окрестностях аула Самсыр. Готовя новую экспедицию, генерал Свистунов решил для борьбы с мятежниками использовать их соплеменников. По его приказу из жителей грозненского, хасав-юртского, веденского, салатавского и других округов местными властями были сформированы отряды численностью от 50 до 200 человек каждый. Они вошли в состав экспедиционного соединения полковника Батьянова, численность которого таким образом была доведена до двух тысяч человек, усиленного несколькими батареями конной артиллерии.

Операция началась в конце июня. Противник был блокирован в самсырских лесах, после чего началось их поэтапное прочесывание. Мятежники были вынуждены отходить к высотам Кожельген-дука, где попытались закрепиться. Но и эта их попытка оказалась неудачной. 24 июня высоты были взяты штурмом. Правда, и на этот раз имаму и большинству его сторонников удалось избежать гибели и плена. Генерал Свистунов, излагая свое видение причин неуловимости и боевой живучести Алибека-хаджи, докладывал наместнику:

«Надо признать за положительный факт, что все без исключения чеченское население, если не прямо сочувствует и желает успеха Алибеку, то, по крайней мере, видит в нем несчастного, которому приходится страдать за предпринятое им святое дело религии и которому поэтому, хоть тайно, помогать обязан каждый правоверный».

В конце лета русское командование провело против мятежников ряд экспедиций, в результате которых непокорные аулы сжигались, а окружавшие их поля хлебов и кукурузы уничтожались. Последнее, наносившее материальный ущерб чеченцам, охладило многие горячие головы. Очаги восстания, постоянно сужаясь, неудержимо откатывались в горы.

В начале сентября имам с 400 сторонниками укрылся в горном ауле Ярык-су. Русские долго не решались на его штурм. Но в начале октября в русском лагере появился богатый чеченец Бий-Султан, который предложил показать обходные пути в аул. В ночь на 6 октября аул был взят внезапным штурмом. Чеченцы защищались отчаянно, но почти все полегли в бою. Сам имам всего с пятью мюридами скрылся в горах Дагестана.

В Дагестане чеченскому вожаку удалось собрать довольно крупный отряд соплеменников и привлечь на свою сторону множество местных воинов. Пламя восстания охватило несколько горных районов края с центрами в населенных пунктах Согреталь, Телитль, Гергебиль и Цудахар. Однако зажиточная часть населения приморских и северных районов Дагестана не желала поддерживать восставших. Тем не менее нашлось немало людей готовых с оружием в руках выступить против законной власти.

Из Чечни волнения горцев быстро распространились на территорию Дагестана. Вначале они были отмечены среди согратлинцев, затем – среди аварцев и казикумыков. Руководители повстанцев, главным образом представители духовенства, с целью всколыхнуть горцев и вовлечь их массы в антироссийскую борьбу, провели кампанию по выборам имама Дагестана и Чечни. Им стал Кази-Мухаммад – второй сын Шамиля, турецкий подданный. С началом русско-турецкой войны он создал на территории Турции Лезгинский отряд, во главе которого затем сражался против русских войск в районе Карса. Летом 1877 года по настоянию турецкого командования Кази-Мухаммад с большой группой сторонников тайно проник на территорию Дагестана, где был тепло встречен мусульманами.

С июля духовные вожди восстания начали активно распространять среди горцев воззвания нового имама. Под их воздействием некоторые наибы отказались выполнять указания российских

властей, тайно, а то и открыто поддерживая мятежников. В августе отряды чеченцев и дагестанцев внезапно напали на крепость Кумух, взяли ее штурмом и уничтожили практически весь небольшой гарнизон. Начальник крепости капитан Шафи-Гаджи и начальник Казикумыхского округа полковник В. Чембер были убиты, а головы их выставлены на шестах над воротами крепости.

Восставшие кумухцы провозгласили ханом Джафара – потомка давнего казикумыхского ханского дома. Новый хан попытался организовать экспедицию с целью нанесения удара по тылам войск Кавказской армии и воссоединения с отрядами мятежников, действовавшими в Чечне. Однако он не смог поднять требуемого количества войск или, что более вероятно, не решился покинуть город. 22 октября Кумух был взят штурмом российскими войсками. Джафар-хан с небольшой группой сторонников скрылся в горах. Жители, покинутые вождями, сражались яростно, но безграмотно и в большинстве погибли под штыками солдат и шашками казаков.

Русское командование для завершения подавления восстания направило в Дагестан войска из Чечни, которые усилили имевшиеся там формирования. Им удалось выбить восставших из Телитля, а затем взять Цудахар. В последнем в результате боя было захвачено 116 пленных и большое количество оружия.

В начале ноября под ударами русских войск Согретель – последний оплот повстанцев в Дагестане. Почти все главари мятежников и их воины либо пали в бою, либо оказались в плену. Алибек-хаджи бежал в Ведено, где вскоре добровольно сдался русским властям.

В течение ноября российские войсковые отряды полностью разгромили мятежников на территории Дагестана. Все очаги сопротивления были подавлены. Под страхом расстрела населенных пунктов артиллерией их жители либо сами изгоняли повстанцев, либо выдавали их российской администрации. Разгром дагестанского восстания был достаточно жестоким. В боях погибло несколько тысяч горцев, многие были изувечены. Из плененных 300 человек были казнены, а 4875 высланы в Сибирь. Потери русских войск в боевых действиях в Чечне и Дагестане составили 251 человек убитыми и 848 ранеными.

Русско-турецкая война 1877–1878 годов в очередной раз высветила крайне сложную роль Кавказа в формировании международной политики империи с ее южными соседями. Его территория по-прежнему рассматривалась многими азиатскими и европейскими правительствами, как разменная карта в большой политической игре по разделу мира. Поражение Турции в этой войне и ее территориальные потери лишь усилили антирусские настроения в мусульманском мире, жаждавшем реванша.

Не менее сложной оставалась обстановка и на самой территории Кавказа, особенно в его северных районах. События, произошедшие в Ингушетии, Чечне и Дагестане, показали нестабильность российской власти в этих районах, наличие там значительных антирусских сил, способных на самые решительные действия. Положение в значительной степени усложнялось отсутствием в арсенале русского правительства действенных рычагов влияния на полудикие массы мусульманского населения горных районов, которые традиционно слушались только своих священников или ханов. В связи с этим на повестку дня был выдвинут вопрос укрепления центральной власти на местах и искоренения бандитских наклонностей среди горцев, на некоторое время лишенных своих вождей.

Кази-Мухаммад после окончания войны вернулся в Турцию. Султану он больше не был нужен. Получив чин маршала, он был отправлен в почетную ссылку в Медину, где и умер в 1902 году. Его могила находится рядом с могилой почитаемого им отца – Шамиля.

Антирусское восстание на Северо-Восточном Кавказе было подавлено к концу 1877 года. Русское правительство высоко оценило заслуги кавказских военачальников, отличившихся в боях с горцами. Батьянов получил чин генерал-майора и назначение в свиту Его Императорского Величества. Штабс-капитан Анастасиенко за штурм Цудахара стал Георгиевским кавалером, еще 36 офицеров 80-го пехотного Кабардинского полка были удостоены других боевых орденов. 89 нижних чинов получили знаки Военного ордена, в том числе двое из них третью, а двое – вторую степени. Правда, и потери полка были немалыми. В боях с горцами погибло 44 и получило ранения 83 человека.

Дашнаки и абреки

Успешная борьба России с внешним врагом, завершившаяся расширением и укреплением ее границ в Закавказье, не решила внутренних проблем края. Особенно остро они стояли в Армении и на Северном Кавказе.

Армянская проблема возникла неожиданно. После захвата Россией в результате войны 1877–1878 годов турецких территорий и изгнания из них турок, туда устремились сотни тысяч армян. «Заручившись дружелюбием России, армяне стали ползти в нее из Турции, обогреваться и богатеть – отмечено в полицейских документах. – Имея к тому же здесь, почти совершенно независимый от кого-либо, свой культурный центр – Эчмиадзин и своего духовного и светского главу Католикоса, получив средства, они быстро, благодаря вековой сильной центральной религиозно-политической власти, двинули армянскую массу по пути просвещения, конечно, национального».

Усиление революционного движения в Российской империи в конце XIX в. показало слабость центральной власти. Этим воспользовались националистические силы Армении. Там в 1890 году образовалась армянская буржуазно-националистическая партия «Дашнакцутюн» («Союз»). Ее целью стало создание автономного буржуазного армянского государства всеми возможными средствами, вплоть до вооруженной борьбы. Но, по утверждению Департамента полиции, основным «оружием» дашнаков практически всегда были деньги, лесть, обман и умелое лавирование между противостоящими силами.

Деятельность армянских националистов вскоре была замечена Российским правительством. Было проведено следствие, которое вскрыло религиозный обман армянской церкви, более ста лет считавшейся братской по отношению к российской православной церкви. В 1891 году, в ходе процесса над армянским священником Тер-Воскаковым выяснилось, что в тексте литургии в ектении о российском Государе упущено слово «нашего». В армянском богослужении не было молитвы ни за какого государя. На первом месте стоял Католикос, выступавший верховным объединителем и проповедником армянского национализма и антироссийских настроений.

Русские власти решительно осудили раскольническую политику армянского духовенства. Часть церквей и монастырей была закрыта. В заключении полиции указывалось: «Католикос, будучи духовным и светским главой, парализует действия правительства изданием церковных поучений, или так называемых «канонов». Канонами развязывается у армян совесть и долг к исполнению русских постановлений. На основании такого учения русский царствующий дом был предан проклятию...»

В 1892 году в Женеве состоялся первый съезд дашнаков, который наметил пути достижения программных целей. В их основе лежала подготовка к вооруженному восстанию против центральной власти, террор и разорение правительственных лиц и учреждений.

Примечательно то, что для реализации этой программы привлекались также и многочисленные армянские общины, находившиеся за пределами Российской империи. На них возлагалась задача финансовой поддержки дашнакского движения в России и прежде всего на Кавказе. Благодаря этой поддержке армянский капитал начинает существенно влиять на формирование внутреннего рынка потребительских товаров и финансовую политику многих частных банков. Особенно сильным это влияние стало в кризисные для Российского государства периоды русско-японской и Первой мировой войн. Дашнакские деньги способствовали дестабилизации обстановки, девальвации рубля, обнищанию народных масс, возникновению среди них бунтарских настроений.

Не менее острой оставалась проблема Северного Кавказа, население которого по-прежнему к России относилось враждебно. В 1886 году начались беспорядки в Чечне. Они были вызваны слухами о том, что всеобщая воинская повинность впредь будет распространяться и на горцев. Чеченцы, с колыбели не расстававшиеся с оружием, категорически не желали служить России и были готовы поднять восстание.

Для нормализации обстановки наместник направил в Чечню своего давнего соратника грузинского князя генерал-лейтенанта И.Г. Амилахвари. Иван Гивич, более 35 лет прослуживший на Кавказе, постоянно участвовавший в боевых действиях с горцами и хорошо изучивший их нравы, смог без применения оружия успокоить чеченцев. «Добрый кунаком пришел он в Чечню и

одним своим нравственным влиянием восстановил тишину и спокойствие» – докладывал великий князь императору. Александр II поздравил храброго генерала с успехом и прислал ему в награду орден Белого Орла.

В следующем году вновь произошли волнения среди чеченцев, ингушей и некоторых племен Дагестана. Их удалось подавить силами полиции. Многие мятежники, объявленные вне закона, ушли в горы, образовав бандитские группы. В ряде случаев они действовали под прикрытием исламских лозунгов, стремясь придать грабежам и разбоям политическую окраску, но чаще грабили и убивали без всяких лозунгов...

Выход на арену новых антироссийских сил требовал качественно иных подходов при формировании внутренней политики региона К тому времени великий князь Михаил Николаевич потерял интерес к подведомственным ему кавказским территориям. Большую часть времени он проводил в Петербурге. Без «твердой руки» помощники наместника своими действиями лишь накаляли обстановку, провоцируя беспорядки.

В 1897 году Михаил Николаевич был освобожден от должности наместника Кавказа в связи с назначением председателем Государственного совета. Спустя шесть лет по болезни он выехал на лечение на юг Франции. Поселившись в Каннах, великий князь лишь изредка посещал Россию. Там он скончался 5 декабря 1909 года. Его тридцатипятилетнее управление Кавказом в официальных кругах считалось умелым и полезным для края.

Новым наместником Кавказа стал генерал И.И. Воронцов-Дашков, которому к тому времени исполнилось 60 лет. В юности он некоторое время учился в Московском университете, а в 1856 году поступил на военную службу и добровольно направился на Кавказ, где принял участие в боях с черкесами. По представлению великого князя в 1862 году Илларион Иванович был назначен флигель-адъютантом с производством в ротмистры. А спустя два года, по окончании войны, он стал полковником. С 1865 года Воронцов-Дашков в Туркестане, где участвовал в штурме Ура-Дюбе и Джизака за что получил орден Св. Георгия 4-й степени.

Последующие 12 лет Илларион Иванович служил в столице. В 1867 году он назначается командиром лейб-гвардии Гусарского полка с производством в генерал-майоры. Затем командовал бригадой и был начальником штаба Гвардейского корпуса, командиром которого являлся великий князь Александр Александрович – будущий император Александр III. Близость к наследнику сделала Воронцова-Дашкова генерал-адъютантом и генерал-лейтенантом.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Илларион Иванович руководил кавалерией Руцукского отряда, но как военачальник себя не проявил. После окончания войны он некоторое время командовал гвардейской дивизией, но с восшествием на престол Александра III вначале стал управляющим государственным коннозаводством, а затем – министром императорского двора и канцлером императорских и царских орденов. Опыта самостоятельного решения сложных административных задач у него не было. Поэтому неудивительно, что прибытие на Кавказ нового наместника едва ли могло способствовать быстрой стабилизации обстановки в столь беспокойном крае.

В начале XX века, когда осложнились отношения между Россией и Японией, правительство Страны восходящего солнца для достижения своих политических целей на Дальнем Востоке начало искать союзников на Западе. Причем ставка делалась не только государства, но и на отдельные политические партии, в том числе и функционировавшие в самой России. Японские агенты через посредничество ряда европейских государств вступили в сношения с оппозиционными и националистическими партиями Финляндии, Польши и Грузии. Турция обеспечила им доступ в мусульманские районы Северного Кавказа, и прежде всего в Чечню и Дагестан.

В 1904 году создались предпосылки для выступлений горцев, которые были недовольны дополнительным налогообложением, введенным по случаю войны России с Японией. Эти настроения отслеживались грузинскими меньшевиками, которые надеялись созданием беспорядков ослабить позиции России на Кавказе и решить вопрос об автономии Грузии. Но для масштабного восстания требовалось оружие, получить которое помогли японцы. Их агент Акаси на приобретение 5 тысяч винтовок и боеприпасов к ним вручил грузинам 2 тысячи фунтов стерлингов. Шли поступления и из других источников.

Опознание убитого абрека

Оружие было закуплено и различными путями доставлено к месту назначения. Так, 24 ноября 1905 года неподалеку от Поти произошла тайная разгрузка парохода «Сириус», который доставил к Кавказским берегам 8,5 тысячи винтовок «Веттерлей» и около 2 миллионов патронов к ним. Российской полиции и пограничной страже ужалось перехватить лишь пятую часть смертоносного груза, большинство которого «растворилось» в недрах Кавказского края. Вскоре это оружие «заговорило» во многих горных районах Чечни и Дагестана.

Поэтому неудивительно, что время антиправительственных выступлений 1905 года Кавказ стал одним из центров беспорядков. Это произошло не случайно. Слабость центральной власти и большое количество оружия усилили нестабильность в районах Северного Кавказа, особенно в Чечне и Ингушетии. Несмотря на усилия полиции там процветали бандитизм, разбои и грабежи.

Масштабы и активность противозаконных действий горцев были так велики, что стали отдельной темой для обсуждения Государственной думой на заседании в 1909 году. При подготовке к этому заседанию от администрации Терской области были затребованы сведения о преступлениях чеченцев и ингушей. Они оказались более чем впечатляющие. В докладной записке казаков Кахановской станицы Кизлярского отдела указывалось, что в период с 1 апреля 1905 года по 28 сентября 1908 года чеченцами из числа 1950 жителей было убито 18 и ранено 7 человек.

При расправах с казаками и крестьянами отмечались случаи зверств со стороны горцев на религиозной почве. Так, у аула Старый Юрт были найдены трупы двух русских парней, возвращавшихся с Червленских нефтяных промыслов. Несчастливым было приказано лечь друг на друга крестообразно, после чего они были умерщвлены одним выстрелом, произведенным в упор.

В одной из докладных записок полиции указывалось: «Близ хутора Васильева, на земле аула Шама-Юрт, убиты два казака (станция Калиновской и Савельевской), 16-летняя девица и 10-летний мальчик, которые были брошены в зажженный стог и сожжены. Мальчик, как видно, горел даже живым, а, может быть, и остальные. Потому что в нескольких саженьях от стога, на земле найдены были выпавшие из горевшего бешмета крючки и кучка обгоревших, склеившихся в ком семечек, бывших в кармане мальчика. По-видимому, горевший выскочил из огня, но отбежав, упал, продолжая гореть, и был снова брошен в костер злодеями. Трупик его найден в стогу вместе с остальными трупами.

Казак станицы Егор Гусаков был в лесу распят ингушами и расстрелян. Той же станицы казака Дмитрия Михайлова изранили кинжалами и подожгли».

Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1916), наместник императора на Кавказе (1905–1915), генерал от кавалерии

Практически все случаи гибели казаков были связаны с грабежами, чинимыми горцами на землях Терского казачьего войска. В 1905 году казаки одиннадцати низовых станиц докладывали Воронцову-Дашкову, что только за два последних года в пределах Терской области ингушами и чеченцами было своровано 6319 голов лошадей и крупного рогатого скота, на общую сумму более 200 тысяч рублей.

«В станице Червленной, где воровство ничуть не больше, чем в любой станице, – значилось в докладной записке, – в рабочую пору угонялось иногда по 28 голов скота в неделю. В соседней Шадринской станице, с населением всего в 3000 душ обоего пола, в течение 1903 и 1904 годов похищено крупного скота на 4058 рублей. Это составляет более 1 рубля на душу населения, или по 7 рублей на каждый казачий двор. При таких обстоятельствах нет постоянного и верного ручательства, что то, над чем трудится и во что вкладывает свои силы человек, действительно его собственность и достанется ему и его детям. Бывали примеры, что из одного хозяйства угонялось по 18 голов скота в ночь и разорялось трудящееся хозяйство дотла. Есть семьи, подвергшиеся обворовыванию по несколько раз. Такое обворовывание не может не отразиться на хозяйственной мощи и трудоспособности населения».

Нападение горцев

В той же докладной записке содержатся весьма интересные рассуждения казачьих властей о горцах, обитавших южнее Терека. С некоторым оттенком лирического настроения они писали:

«Свободный, буйный питомец едва утихшей кровавой эпохи, истинный сын долины и трущоб Кавказа еще не позабыл заветов недавней старины, полной ужаса и крови. Для него и наши заповеди о непротивлении и неубиении, и наше мирное течение трудовой жизни – непонятны и чужды. Нет в нем способности и охоты приноравливаться к их нравственному велению и дорожить ими. Не признавать их, идти им наперекор – учат горца его история, предания родной земли и колыбельные напевы сестры и матери. В родной обители своей семейной святыней видит он не наши образа, с их всенезлобием и всепрощением, а оружие прадедов, быть может, окровавленное. Он оценивает по нему подвиги предков и свои собственные дела. Этим оружием украшен его очаг, оно является частью его костюма, с ним растет он от самой колыбели. Таково неизбежное воспитание горца, и с такими задатками вступает он в свои права гражданина. Сами питаемые к нам чувства не могут не наталкивать его на путь, избираемый многими даровитыми и отважными, то есть лучшей частью туземного населения. Воровство и грабеж отнюдь не есть в горце результат необеспеченного экономического положения, как утверждают многие и сиются даже укрепить в обществе это воззрение, из побуждений ложно понимаемого либерализма. Скорее наоборот – экономическая слабость горца есть неизбежный результат его склонности к удалству и непривычки упорно работать. В то время как главнейшие работы в семье исполняет жена, туземец-хозяин находит слишком много праздного досуга, употребляемого не всегда с пользой. При современных условиях обеспечить таким способом устойчивое экономическое положение семьи нельзя.

В Щедринском лесу дважды были обнаружены убитые полицией злоумышленники-туземцы. И в оба раза это не были бедняки. Они были хорошо вооружены, при них имелись серебряные часы и в кошельках у них были деньги. В числе убитых оказался даже мулла. Трудно подумать, что на преступление их гнала нужда. С таким воровством потому трудна борьба, что совершается оно людьми вооруженными, сильными, идущими на него, как на промысел. Наполовину мирное и безоружное русское казачье население против таких воров бессильно, да и власти с ними не всегда справляются. Областная хроника у нас чуть не ежедневно пестрит грабежами, убийствами, ночными нападениями, разгромом хуторов, магазинов, целых железнодорожных станций и поездов.

Ваше сиятельство!

Вор, выезжающий на кражу при оружии, на добром коне и с часами для соответственного распределения времени, – такой вор не есть убогий поселянин, гонимый на преступление безвыходной нуждой, а есть в сущности профессиональный грабитель и разбойник», – следовал вывод в той докладной записке. И на его основе предлагалось не только увеличить полицейские

силы в Чечне и Ингушетии, но также для борьбы с разбойниками задействовать воинские части. Правда, правительство решило реализовать только первую часть предложения.

Казаки, кроме жалоб на ингушей и чеченцев правительству, предпринимали и другие меры, которые порой носили характер открытых боевых действий. Сохранилась петиция ингушей, зачитанная депутатом Гадаровым на заседании Государственной думы 28 января 1909 года. В ней перечислялись все обиды, нанесенные казаками этому народу. В частности говорилось, что в 1908 году казаки произвели пять вооруженных нападений на ингушские аулы, сопровождавшиеся человеческими жертвами.

Самым крупным было нападение на аул Яндырк 20 мая 1908 года. Поводом к нему было убийство ингуша «...в огородах казачьей станицы Троицкой. Лошадь убитого прибежала окровавленная домой, и родственники убитого пошли убирать тело покойника, – сообщают материалы расследования. – Между собравшимися на месте убийства казаками и родственниками убитого произошла перестрелка, но без результатов. Казаки Троицкой, Карабулакской, Слепцовской, Михайловской, Нестеровской, Самашкинской, Ассиновской и Фельдмаршальской станиц, пользуясь случаем, собрались и совершили нападение на аул Яндырь, расположенный на расстоянии шести верст. Завязалась перестрелка, продолжавшаяся два дня. Находясь в отчаянном положении, ингуши обратились за помощью к властям. Невзирая на донесения начальника второго участка Назрановского округа, власти подоспели лишь на второй день. Из Владикавказа выступили батальоны пехоты Апшеронского полка и пулеметная команда, под начальством подполковника Попова. В то же время прибыли и три сотни казаков под начальством атамана Сунженского отдела генерала Суровецкого. Когда отряд прибыл на место, то, по распоряжению его командира часть пехоты с пулеметами взобралась на гору, доминирующую над Яндыркой, а другая часть смешалась с казаками и обстреливала Яндырку. Попов, вместо того, чтобы защищать осажденный и обстреливаемый аул, находясь под влиянием Суровецкого, девиз которого – «согнуть в бараний рог горцев», приказал громить пулеметами. Никакие мольбы и увещания начальника округа подполковника Котляревского не громить беззащитный аул не помогли, и аул, как вражий лагерь был подвергнут ужасному огню из ружей и пулеметов. В результате в нем оказалось 7 убитых и 13 тяжело раненных. Уцелевшие женщины, дети и старики в ужасе разбежались по соседним лесам...»

Так складывались отношения между терскими казаками и горцами. Многовековая прежняя вражда пустила глубокие корни, которые давали о себе знать спустя почти столетия после официального завершения войны на Кавказе.

Не лучшими были отношения между горцами и пришедшими на их земли русскими крестьянами-поселенцами. Исключительно распространенным способом борьбы кавказцев с этой категорией «неверных» стало неумолимое методическое вытеснение последних созданием невыносимых условий для жизни и быта. Это достигалось, главным образом, наглым воровством скота и имущества, потравой полей и огородов поселян, их убийствами и постоянными угрозами истребления семей.

Примером тому может служить история небольшого русского поселения, основанного по приказу великого князя Михаила Николаевича в 1879 году рядом с крепостью Назрань. Проживавшие в нем 12 русских семей постоянно подвергались всевозможным притеснениям и нападкам со стороны ингушей, которые постепенно сделали их жизнь невыносимой. Только за первое десятилетие XX века два поселенина были убиты. Кроме того, за это время было выкрадено 18 лошадей, 19 коров, 2 быка, 5 баранов, 192 гуся и утки. Несложно представить, что означали для крестьянских семей такие потери. К тому же они постоянно сопровождались угрозами физической расправы. Отчаявшись уладить дело миром, русские распродавали свои хозяйства за бесценок тем же ингушам и уезжали на север. К 1910 году в селении осталось всего две русские семьи, которые не могли уехать из-за бедности.

Не менее показательными в этом плане является прошение русских жителей селения Шатой Грозненского округа, поданное начальнику Терской области в 1909 году.

«Ваше превосходительство! Жизнь русских поселян в слободе Шатой в настоящее время сделалась невыносимой в силу сложившихся исключительных условий, – пишут они. – Мы сейчас вынуждены всецело подчиняться группе чеченцев, которые в продолжении нескольких лет разными незаконными путями, до убийства русских включительно, заселили слободу и диктуют

нам, уцелевшей горстке русских, свои законы...

Поселившиеся в слободе чеченцы всеми силами стараются уничтожить русский элемент и захватить все в свои руки. Так, например, если понравится кому-либо из них дом слободчанина, то начинается форменная травля, битье окон, увод скота, порча крыши, угроза смертью, которая всегда делается наедине и какую они зачастую приводят в исполнение для острастки остальных...»

Далее следовал перечень преступлений, совершенных чеченцами по отношению к русскоязычному населению Шатоя. Согласно этому списку:

«В 1880 году были убиты на Шатаевской дороге слобожане Павлов и дорожный кондуктор Васильев. Последний убит, дабы дать доступ к этой должности чеченцам.

В 1887 году убит житель Федот Барикин – поставщик всех продуктов Шатоевского гарнизона. Оставшиеся после него семь домов и поставка продуктов перешли в чеченские руки.

В 1902 году убит отставной нижний чин Семен Кленов, старик 70 лет. В семи верстах от слободы днем ему было нанесено 12 ран кинжалом.

В 1905 году убит мелкий торговец Петр Губаридзе с целью завладеть его удобным для торговли усадебным местом. На этого несчастного старика было несколько покушений. Он был однажды ранен, десятки раз его обворовывали, а убийство было совершено днем в лавке на глазах соседей-чеченцев, которые не препятствовали преступлению.

В 1906 году убит кондуктор Добровольский... за свою справедливость по отношению к службе.

В 1908 году убит 13-летний мальчик Павел, сын старшины Щеткина... как месть за справедливую службу отца.

Что же касается грабежей и воровства, то им нет конца. В последнее время туземцы дошли до виртуозности. Ранее чеченцы захватывали места в слободе под разными благовидными предложениями... Теперь же они просто являются к кому-либо из русских жителей наедине и требуют, чтобы он записал свой дом на его имя и молчал про это под угрозой расправы».

Данная тактика чеченцев привела к тому, что к 1909 году из 50 русских семейств в Шатое осталось всего одно. Остальные либо покинули этот населенный пункт «добровольно», или были вынуждены сделать это под угрозой физического уничтожения. Некоторые были убиты, многие ограблены. Российские власти делали все возможное, чтобы нормализовать положение, но они то и дело отвлекались на другие конфликты.

Ингушко-осетинский конфликт 1907 года

Также напряженными были отношения чеченцев и ингушей с их кавказскими соседями. Особенно неблагоприятно они складывались между ингушами и осетинами. 23 мая 1907 года на межнациональной почве в осетинском селении Ольгинское произошло настоящее сражение. Причиной ему послужила ссора, возникшая из-за потравы ингушским скотом осетинских посевов и гибели сына ингушского мельника от ружейного выстрела, произведенного якобы с осетинской стороны. Дальнейшие события развивались следующим образом:

«В предобеденное время ингуши большим скопищем напали на жителей села Ольгинского и стали их грабить. Из ольгинцев одни в панике бежали из селения, другие же стали защищать себя и свое имущество. В первое время разграблен был дом ольгинского священника, который с семейством был в селе Беслан. В нескольких местах село Ольгинское было подожжено. Местная администрация стала взывать о помощи во Владикавказ и на станцию Беслан.

Первоначальную помощь оказал резерв Апшеронцев, составляющий охрану железнодорожной станции. Под командой поручика Белявского, резерв этот, состоявший из 15 вооруженных солдат, отправился в Ольгинское, где им удалось влезть на колокольню церкви и оттуда первое время отражать нападения со стороны ингушей. Между четырьмя и пятью часами дня к месту происшествия прибыла конная сотня казаков. В помощь им отправлено было два пулемета и часть апшеронцев. Во время подхода этих воинских частей ингуши продолжали вести перестрелку и где можно грабили и увозили награбленное верхом и на арбах. В этот промежуток оказались ранеными три нижних чина: два апшеронца и один казак. Раненые под охраной нескольких человек во главе с поручиком Белявским отправлены были на станцию Беслан. К 8

часам вечера в Ольгинском селении насчитывалось до трех сгоревших домов, а убитыми и ранеными до 30 человек. Тяжело раненные были отправлены во владикавказский военный госпиталь, некоторые же из легко раненых успели скрыться вместе с женами и детьми в ближайших местах. К ночи, когда на Ольгинское селение стали наступать от трех до четырех тысяч ингушей, из Владикавказа были отправлены две батареи с орудиями и один батальон пехоты. В нападении ингушей до 10 часов 20 минут ночи был перерыв. Затем они снова возобновили перестрелку. Тогда войсковые командиры вынуждены были пустить в ход пулеметы. Произошел перекрестный огонь со стороны двух позиций. Областной администрации было дано знать, что пулеметный огонь не достигает цели, и необходима артиллерия. В 11 часов ночи еще шла перестрелка, а в полночь уже все стихло. В Ольгинском оказалось до десяти сгоревших домов. Были трупы убитых ингушей, которых родственники на арбах увезли в аулы».

Таким образом, на рубеже XIX и XX веков Северный Кавказ все еще оставался одним из самых беспокойных мест на карте огромной Российской империи. Его мусульманское население упорно не желало менять сложившийся веками уклад жизни. Вторжение российской и европейской цивилизаций в пределы края воспринималось как посягательство на обычаи и личную свободу горцев. Поэтому борьба с россиянами и другими «неверными» любыми средствами считалась у северокавказцев достойным и благородным делом. Правда, под воздействием новых условий жизни и усилий российской администрации она потеряла былые масштабы и организованность. Поэтому обычным проявлением антирусских настроений горцев стали бандитизм, грабежи, кражи, которые быстро и легко могли перерасти в восстания и массовые беспорядки. Российское правительство, понимая это, было вынуждено постоянно отслеживать обстановку на Кавказе и с крайней осторожностью вторгаться в жизнь его обитателей. Главную роль «буфера» между цивилизованным центром и полудиким югом играло казачество, которое хоть и с трудом, но справлялось с этой нелегкой задачей.

Глава 10 В огне первой мировой Кавказское противостояние

Использована фотография из: Eugen Hinterhoff, Marshall Cavendish illustrated encyclopedia of WW I: The Campaign in Armenia, Vol. 2, p. 503. Marshall Cavendish Corporation, 1984. ISBN 0-86307-181-3

В конце 1913 года русско-турецкие отношения заметно осложнились. Вызвано это было тем, что Турция переориентировалась на союз с Германией. Как стало известно русскому правительству от агентуры, в середине декабря в Турцию прибыла новая германская военная миссия во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом. На нее возлагалась реорганизация турецкой армии. Вскоре поступила информация о назначении главы миссии командиром 1-го корпуса, расквартированного в Константинополе. Это, по сути, означало, что Германия становилась хозяйкой проливов.

Правящие круги России, естественно, были очень обеспокоены таким положением вещей. Однако единодушия с союзниками по Антанте во взглядах на эту проблему достигнуто не было.

8 февраля 1914 года в Петербурге было созвано совещание, посвященное русско-турецким отношениям. В нем приняли участие представители трех ведомств: дипломатического, военного и морского. Присутствовал на нем и генерал Н.Н. Юденич, замещавший в это время заболевшего пожилого графа И.И. Воронцова-Дашкова, наместника и одновременно командующего военным округом на Кавказе. Против военных акций в районе проливов высказались, в частности, министр иностранных дел А.П. Извольский, морской министр адмирал И.К. Григорович и генерал-квартирмейстер Генерального штаба генерал Ю.Н. Данилов.

Николай Николаевич Юденич (1862–1933), командующий Кавказской армией, войсками Кавказского фронта (1914–1917), генерал от инфантерии

Последний, пригласив после совещания Юденича к себе в кабинет, ознакомил его с наметками мобилизационного плана и расчетом перегруппировки соединений и частей с Кавказа на случай войны с Германией.

– Прошу вас, Николай Николаевич, – подчеркнул при расставании Данилов, – при отработке штабом округа каких-либо оперативных документов исключить утечку этой информации. Мобилизационный план и план боевой деятельности на 1914 года рекомендую составить лично с привлечением только генерал-квартирмейстера, а на утверждение представить нарочным обер-офицером...

Это означало что, несмотря на желание многих российских политиков и военных, войну с Турцией считали неизбежной.

Тем временем султанское правительство стремительно скатывалось на путь военного противостояния. 20 июля, то есть на второй день русско-германской войны, Турция присоединилась к коалиции Центрального блока, заключив соглашение с Германией. Копия его была направлена российским министерством иностранных дел Юденичу в начале августа. Соглашение содержало семь пунктов:

1. Обе договаривающиеся стороны сохранят нейтралитет в существующем между Австро-Венгрией и Сербией конфликте.

2. В том случае, если бы Россия вмешалась при посредстве действительных военных мер в конфликт и сделала бы, таким образом, необходимым для Германии выполнение своего долга и своих обязанностей союзницы по отношению к Австро-Венгрии, то этот долг и эти обязанности подлежали бы выполнению также и для Турции.

3. В случае войны германская военная миссия останется в распоряжении оттоманского правительства. Оттоманское правительство обеспечит осуществление действительного влияния и действительной власти этой миссии в общих операциях турецкой армии.

4. Если оттоманские территории подвергнутся угрозе со стороны России, Германия защитит Турцию в случае нужды силой оружия...

...7. Настоящее соглашение останется секретным и может быть опубликовано лишь в случае согласия, установленного обеими договаривающимися сторонами...».

27 сентября Турция закрыла проливы для торговых кораблей стран Антанты. 16 октября турецко-германская эскадра под командованием германского адмирала В. Сушона бомбардировала Одессу и другие черноморские порты России. 2 ноября войну Турции объявила Россия, 5 ноября – Англия, а на следующий день – Франция.

1 ноября на базе Кавказского военного округа начала разворачиваться Кавказская армия. Ее командующим стал генерал-адъютант И.И. Воронцов-Дашков, начальником штаба – генерал-лейтенант Н.Н. Юденич. Армия занимала полосу от Черного моря до озера Урия протяженностью 720 километров.

Турецкие сухопутные силы, по данным русской разведки, насчитывали до 1,5 миллиона человек. Они составляли 40 пехотных дивизий низама (кадровых) и 53 дивизии радифа (резерва). Мустахфиз (ополчение) могло быть доведено в случае призыва до 100 тысяч человек. Конница имела более 60 полков, в том числе 20 из курдов Турецкой Армении.

Кавказской армии непосредственно противостояла 3-я турецкая армия, состоявшая из трех пехотных корпусов. В ее составе насчитывалось 130 батальонов пехоты, 160 эскадронов кавалерии, до 10 курдских сотен, а также около 300 артиллерийских орудий. Армию возглавлял Гасан-Изетпаша, начальником штаба у которого был немецкий генерал Бронзарт фон Шеллендорф. Основные силы армии были сосредоточены в районе Эрзерума.

Основные силы (120 батальонов, 127 сотен, 304 орудий) Кавказской армии были развернуты в полосе от Батума до Сарыкамыша. На Приморском (Батумском) направлении находились части одной пехотной дивизии и трех отдельных бригад. На Ольтынском действовала 20-я пехотная дивизия генерала Н.М. Истомина, усиленная бригадой пограничной стражи. Сарыкамышское направление, как главное, прикрывалось 1-м Кавказским армейским корпусом генерала Берхмана, а также 2-м Туркестанским армейским корпусом генерала Слюсаренко. Кроме того, в крепости Карс и в Тифлисе завершали формирование еще две отдельные стрелковые бригады.

Таким образом, к началу военных действий на Кавказе силы 3-й турецкой и Кавказской армий примерно равны. Но на Сарыкамышском направлении русские имели почти двойное превосходство в личном составе. На Ольтынском направлении противник превосходил только что сформированный отряд по пехоте в шесть, по артиллерии – в три раза. Турки уступали русским в качестве конницы. Однако в условиях обильного зимнего снегопада это не давало никаких реальных преимуществ.

Русское командование, с целью захвата стратегической инициативы и переноса военных действий на территорию противника, решило нанести удар первым. 15 ноября разведывательные отряды 1-го Кавказского корпуса, с ходу заняв приграничные горные рубежи, начали выдвижение на Эрзерум. На следующий день границу перешли главные силы корпуса. Спустя два дня контратакованные частями двух турецких корпусов, они, опасаясь обхода своего правого фланга, по приказу командующего армией отошли к границе. Лишь углубившийся на 20–30 км Эрзерумский отряд, сформированный из подходивших подразделений 4-го Кавказского корпуса, ночной атакой сумел занять высоты в районе Алашкерт. С приходом в конце ноября суровой зимы с многочисленными снегопадами боевые действия практически прекратились.

3 декабря в командование 3-й турецкой армией вступил сам военный министр Энвер-паша. Это насторожило русское командование, которое потребовало усилить разведку противника. Вскоре от агентуры поступили первые сведения о подготовке турками наступления с целью овладения Закавказьем и об организации выступлений малых народов против русского правительства. Перебежчики говорили о том же: 11-й корпус со 2-й кавалерийской дивизией и курдским корпусом должен был сковывать Сарыкамышский отряд с фронта, а 9-й и 10-й корпуса, уничтожив Ольтынский отряд, обходным маневром через селение Бардус и местечко Ольты отрезать передовую базу русских в селении Сарыкамыш. Войскам, нацеленным на Батумскую

область, ставилась задача занять город Ардаган и обеспечить с севера намеченный обходный маневр.

Стало известно, что турецкий главнокомандующий объехал части и, возвратившись в свою штаб-квартиру, отдал следующий приказ: «Солдаты, я всех вас посетил. Видел, что и ноги ваши босы и на плечах ваших нет шинелей. Но враг, стоящий напротив вас, боится вас. В скором времени вы будете наступать и вступите на Кавказ. Там вы найдете продовольствие и богатства. Весь мусульманский мир с надеждой смотрит на ваши усилия».

Ранним утром 9 декабря турецкие корпуса перешли в наступление. Они авангардами пытались окружить Ольтынский отряд. Но безуспешно. Противник лишился внезапности. На следующий день две турецкие дивизии, выдвигавшиеся, соответственно, от селений Ит и Тортум, приняли друг друга за противников и завязали между собой бой, продолжавшийся около шести часов. Потери в обеих дивизиях достигли двух тысяч человек.

17-я и 29-я турецкие пехотные дивизии, подошедшие вечером 11 декабря к селу Бардус, без остановки двинулись на Сарыкамыш. Энвер-паша, не зная, что 10-й корпус вместо предусмотренного планом поворота от Ольты на восток увлекся преследованием Ольтынского отряда, направил 32-ю дивизию также на Сарыкамыш. Однако из-за морозов и снежных заносов она не смогла туда пойти и остановилась в Бардусе. Здесь вместе с 28-й пехотной дивизией 9-го корпуса ей пришлось прикрывать пути сообщения, которым угрожал наступающий от села Еникей 18-й Туркестанский стрелковый полк.

Тем не менее обходящие фланг русских 9-й и 10-й корпуса вышли на рубеж селений Арсенян, Косор. Одновременно отряд, прорвавшийся из селения Хопа, с ходу занял город Ардаган. 11-й корпус вел бой на линии Маслагат, Арди.

В это время Сарыкамышский отряд возглавил помощник командующего Кавказской армией генерал А.З. Мышлаевский. Разгадав план противника, он решил отстоять базу Сарыкамыш и направил туда 20 батальонов, 6 сотен и 36 орудий. Наиболее подвижные подразделения (конные сотни, батальон на повозках и 6 орудий) должны были подойти к месту назначения 13 декабря. Организация обороны возлагалась на находившегося проездом из Тифлиса полковника Генерального штаба И.С. Букретова. В его распоряжении оказались две дружины ополчения, два эксплуатационных железнодорожных батальона, запасные войска, две роты стрелкового корпуса, два трехдюймовых орудия и 16 станковых пулеметов.

Турки, обессиленные маршем в пургу по заваленным снегом дорогам, продвигались медленно. Охранение (два железнодорожных батальона), высланное по приказу генерала Юденича на саях, на исходе 12 декабря задержало их в 8 км западнее Сарыкамыша. На рассвете следующего дня две дивизии противника повели наступление непосредственно на Сарыкамыш. Русские довольно умело оборонялись, используя главным образом пулеметный огонь.

В самый критический момент, когда турки овладели Верхним Сарыкамышем подошло обещанное подкрепление из Сарыкамышского отряда. К вечеру в бою с русской стороны участвовало уже до 8 батальонов и 7 сотен. Этим подразделениям 13 декабря чудом удалось отстоять селение. Много турецких солдат отстали, многие замерзли в лесу. В результате только 29-я дивизия потеряла до 50 процентов своего состава. «Драма, порожденная Энвер-пашой, завершалась», – так иронично оценил эти события в своих мемуарах начальник штаба 9-го турецкого корпуса.

Дебют генерала Н.Н. Юденича

Ближе к полудню 15 декабря весь 10-й турецкий корпус сосредоточился у Сарыкамыша. Кольцо окружения, не без помощи местных курдов, почти сомкнулось. Задуманный турецким главнокомандующим план операции, казалось, осуществился. Между тем, благодаря принятым штабом Кавказской армии мерам, силы русских у Сарыкамыша все прибывали. Они имели здесь уже около 22 батальонов, 8 сотен, более 30 орудий, почти 80 пулеметов против 45 турецких батальонов. И в этот день все турецкие атаки были отражены.

Вечером генерал Юденич получил от командующего армией приказ. «Ввиду прорыва турок предлагаю вам вступить в командование войсками 1-го Кавказского и 2-го Туркестанского корпусов...

Вы должны разбить турок у Сарыкамыша и открыть себе выход на Карс вдоль железной дороги, а при невозможности – идти даже по обходным путям в направлении к Карсу, уничтожая турок, которые перебросились с Ольтынского направления на пути между Сарыкамышем и Карсом.

Для облегчения вашего движения можно уничтожить часть ваших обозов и бросить излишние тяжести. В случае недостатка продовольствия широко пользуйтесь местными средствами.

Сам я переезжаю в Александрополь, чтобы принять дальнейшие меры. Необходимо, чтобы связь ваша с Тифлисом и Александрополем не прерывалась, организуйте ее на Кагызман, откуда до Каракурта есть летучая почта».

К вечеру 16 декабря в лесу севернее вокзала было замечено скопление больших сил турок. Солдаты сторожевой заставы 80-го Кабардинского пехотного полка перехватили турецкого аскера с приказом, адресованным командиру 10-го корпуса. В нем имелись указания на ночную атаку.

Действительно, около 22 часов 3-й батальон 1-й Кубанской пластуной бригады, занимавший высоту Орлиное гнездо, вокзал и мост на шоссе, был атакован колоннами турок. Этот участок являлся наиболее опасным, так как непосредственно за ним находились склады боеприпасов и продовольствия. Под давлением наступавших пластуны вынуждены были отходить к Сарыкамышу. Начальник вокзального сектора обороны командир 1-го Запорожского казачьего полка полковник И.С. Кравченко пытался остановить бегущих солдат, но был убит. А противник захватил вокзал, ворвался в центральную часть селения, занял казармы Елисаветпольского пехотного полка. Лишь к утру 17 декабря серией контратак, проведенных по приказу генерала Юденича, прибывшего на командный пункт отряда, удалось сдержать продвижение турок.

В полдень того же дня дежурный по штабу Кавказской армии получил телеграмму из Ставки. В ней предписывалось генерал-лейтенанту Юденичу вступить в командование армией. Граф Воронцов-Дашков отзывался в резерв Верховного главнокомандующего. Ставка требовала локализовать прорыв противника и восстановить положение.

Генерал Н.Н. Юденич в штабе Кавказской армии

Новый командующий армией генерал-лейтенант Николай Николаевич Юденич был достаточно опытным воином. Он родился в 1862 году в Москве, где и окончил Александровское военное училище. Затем, после успешного окончания Николаевской академии Генерального штаба, он почти 15 лет проходил службу в Туркестанском военном округе.

С началом русско-японской войны полк, которым командовал Юденич, был переброшен на

Дальний Восток. За отличие в сражении под Мукденом весь личный состав полка был удостоен особого знака отличия с надписью «За Янсынтунь. Февраль 1905 года». Сам Николай Николаевич получил золотое оружие.

Летом того же года он стал командиром бригады. Его умелое управление войсками на поле боя было отмечено орденами Св. Владимира 3-й степени и Св. Станислава 1-й степени, украшенными скрещенными мечами.

В январе 1913 года Юденич назначается начальником штаба Кавказского военного округа с производством в генерал-лейтенанты. С тех пор он много сделал, чтобы изучить вероятного противника, свои войска и местность. Это помогло генералу с началом войны быстро овладеть инициативой, одержать ряд побед и завоевать доверие командиров, штабов и войск.

Оценив обстановку, Николай Николаевич принял решение нанести одновременный удар главными силами с фронта на Сарыкамыш, Ардаган и Ольты и обходящими отрядами в тыл противнику. Успех предполагалось достичь за счет скрытной перегруппировки частей 39-й пехотной дивизии, двух Кубанских пластунских бригад, а также двух артиллерийских дивизионов, подходивших из Карса.

22 декабря русские внезапно для турок атаковали на широком фронте. Они окружили в горно-лесном массиве у Сарыкамыша части 9-го корпуса. Рота 154-го Дербентского пехотного полка прорвалась в глубину вражеской обороны. Она захватила командира корпуса и всех трех командиров дивизий со штабами. Были взяты в плен остатки разгромленных частей и захвачена их материальная часть. 30-я и 31-я турецкие пехотные дивизии 10-го корпуса, понесшие большие потери, начали поспешно отступать на Бардус. Еще раньше Сибирская казачья бригада, усиленная Ардаганским отрядом, во взаимодействии с Ольтынским отрядом нанесла поражение туркам, занимавшим город Ардаган, захватив до тысячи пленных и много трофеев.

Для содействия отступавшим войскам 10-го корпуса турки силами 32-й пехотной дивизии предприняли контрудар из района Бардуса во фланг и тыл Сарыкамышского отряда, который вел бои с 11-м корпусом на укрепленном пограничном рубеже. Удар был отражен отрядом генерала Баратова, левая колонна которого в ночном бою в районе Бардуса захватила в плен остатки 32-й пехотной дивизии – две тысячи солдат. Этот успех разрешил кризис на правом крыле Сарыкамышского отряда.

Атаки 11-го турецкого корпуса ослабили. Главные силы Сарыкамышского отряда, оборонявшиеся на рубеже Ени-кей, Баш-кей, получили от Юденича задачу перейти в наступление. Войска медленно продвигались в глубоком снегу, встречая упорное сопротивление турок. Дело доходило до штыковых схваток. Русское командование решило обойти их левое крыло, закрепившееся на горной позиции к западу от селения Кетек. Приказ на этот нелегкий маневр получил 18-й Туркестанский стрелковый полк с четырьмя горными орудиями. Ему предстояло преодолеть 15 км горной местности. С трудом прокладывая дорогу в снегу, нередко перенося на руках тяжелые орудия по частям и боеприпасы, продвигался этот полк. Когда он появился в тылу 11-го турецкого корпуса, противник в панике отступил.

В ночь на 29 декабря турки начали отход на Ольты. На высотах к северо-западу от Сегдасора вновь заняли арьергардную позицию по обе стороны шоссе. На рассвете русские организовали преследование, но, пройдя 8 км, были остановлены сильным артиллерийским огнем. Тем не менее 2-я Оренбургская казачья батарея смело развернулась на открытой местности и открыла ответный огонь. Стрелки рассредоточились правее и левее шоссе. Турки, упреждая обход своих флангов, отступили на 3–4 км. Следующую ночь отряд провел в поле, выделив для разведки и наблюдения за противником в Сегдасоре три сотни сибиряков и одну с конно-пулеметной командой – в Авдосте.

Так как позиция турок была изучена засветло, то ее решено было атаковать на рассвете. Стрелки действовали на правом, а три роты 263-го Гунибского пехотного полка – на левом фланге. Стрелкам сразу сопутствовала удача. Гунибцы попали под перекрестный огонь и потеряли до 40 человек убитыми, но все же упорство турок сломали окончательно. Они бежали через Ольты на Нориман и Ит, по Сивричайской долине, многие – просто в горы. Были захвачены пленные и одно полевое орудие. Сражения войсками Кавказской армии на своей территории были выиграны.

К 5 января 1915 года русские войска, перейдя государственную границу, вышли на рубеж селений Ит, Арди, Даяр. Перед Кавказской армией открылись благоприятные возможности для

развития наступления в глубь Турции. Продолжавшаяся почти месяц на фронте более 100 и в глубину на 100–150 км Сарыкамышская операция завершилась победой русских войск. Ущерб, нанесенный противнику, исчислялся в 90 тысяч человек убитыми, около 20 полевых и до 50 горных орудий. Потери русских составили около 26 тысяч убитыми, ранеными и обмороженными. За проявленное на поле боя мужество более тысячи офицеров и солдат Кавказской армии были представлены к различным наградам. Ее командующий получил чин генерала от инфантерии и орден Св. Георгия 4-й степени.

На территории Турции

В начале 1915 года Кавказская армия перенесла военные действия на территорию Турции. Турецкое командование подтягивало резервы, готовясь перехватить инициативу. Новый командующий 3-й армией Махмут-Каимиль-паша поклялся отомстить русским за все прежние поражения, а в их лице и всему христианскому миру.

Первыми «мщению» подверглись полтора миллиона армян, проживавших в турецких провинциях Эрзерум, Ван, Диарбекир, Битлис, Мамурет, Сивас и Хапур. Сигнал к всеобщему избиению «неверных» был подан в Зайтуне 24 апреля 1915 года. В результате погибло около 1 300 000 человек. Только 375 тысячам армян удалось спастись и укрыться на российской территории. Ради этого по непосредственному указанию царя была «приоткрыта» граница. В эту «дверь» устремились толпы беженцев. Непосредственно у границы, прямо под открытым небом, было расставлено множество столов, за которыми русские чиновники принимали беженцев, вручали по серебряному рублю на каждого члена семьи и специальную бумагу, позволявшую армянам селиться в любом месте страны. Здесь же было налажено кормление людей и выдача им одежды. Данная акция позволила не только спасти сотни тысяч людей, но и обеспечила им обустройство на территории Российской империи. Тогда армянское духовенство во всех церквях неистово молилось за российского императора.

Николай Иванович Баратов, командующий отдельного корпуса

9 июля турецкая группировка, насчитывавшая более 80 батальонов пехоты и конницы, нанесла удар на Мелязгертском направлении, стремясь прорвать оборону фланговых частей 4-го Кавказского корпуса, перерезать его коммуникации, проходившие по долине Восточного Евфрата. Застигнутые врасплох подразделения боевого охранения русских, не оказав организованного сопротивления, отошли. В тылу корпуса активно действовали диверсионные группы. Командир корпуса вынужден был обратиться в армейский штаб с просьбой разрешить отвод части сил на рубеж севернее Алашкертской долины.

Правильно понимая всю тяжесть ситуации, генерал Юденич распорядился срочно сформировать сводный отряд, возглавить который поручалось генералу Н.Н. Баратову. Отряд включал 24 батальона пехоты, 36 сотен конницы и около 40 орудий. На него возлагалась задача нанести удар на левом фланге и выйти в тыл туркам. В последующем совместно с 4-м Кавказским корпусом отряд должен был окружить противника в районе Кара-Килис, Алашкерт.

Маневр не вполне удался. Горная местность, разрушенные дороги, просчеты командования замедлили наступление. Турки, потеряв только пленными до 3 тысяч человек, успели все-таки своевременно уйти из села Кара-Килис. К 15 сентября 4-й Кавказский корпус занял оборону от перевала Мергемир до Бурнубулах, выставив к югу от Арджиша боевое охранение.

Тогда же 2-й Туркестанский и 1-й Кавказский корпуса, чтобы не допустить переброски турками подкреплений в Алашкертскую долину, перешли в наступление с рубежа река Чорох, село Дели-баба, перевал Мергемир. Из-за недостатка боеприпасов широкого развития оно не получило, хотя и сковало турок. На Ван-Азербайджанском направлении действовал ударный отряд генерала Чернозубова в составе 8 дружин ополчения, 48 сотен и 20 орудий. К середине декабря он, продвинувшись на 3–3,5 км, занял оборону в полосе до 400 км от Арджиша до южного берега озера Урмия. За умелое руководство войсками генерал Юденич был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

Персидские рейды генерала Н.Н. Баратова

Тем времени штаб Кавказской армии завершил с согласия Ставки разработку плана операции в Северном Иране с целью исключить выступление Ирана и Афганистана против России. По предложению генерала Юденича и при полной поддержке нового наместника императора на Кавказе великого князя Николая Николаевича, создается экспедиционный корпус, включавший 3 батальона пехоты, 39 сотен конницы, 5 артиллерийских батарей (около 8 тысяч человек и 20 орудий). Командование этим корпусом поручается хорошо зарекомендовавшему себя в предыдущих боях генералу Баратову.

Экспедиционный корпус Баратова был переброшен из Тифлиса в Баку, перевезен по Каспийскому морю и высажен в иранском порту Энзели. Спустя неделю его части двумя колоннами двинулись на Хамадан и Кум – главные опорные пункты германо-турецких вооруженных отрядов, общей численностью около 8 тысяч человек. Часть корпуса выдвигалась на Тегеран. Заняв Хамадан, русские войска разгромили германо-турецкие диверсионные отряды в Боруджарде, Доулетабате, Лалекияне и Куме.

По решению русской Ставки в декабре 1915 года Харасанский отряд в составе около тысячи человек с четырьмя орудиями выдвинулся из Туркестанского военного округа. Он обезвредил германо-турецкие группы, следовавшие через Южный Иран к афгано-иранской границе. Совместно с действовавшим в районе Систана английским отрядом, русские войска установили подвижную завесу на рубеже Бирджент, Систан, Оманский залив, не допуская проникновения германо-турецких агентов в Афганистан и на юго-восток. В результате войска Кавказского фронта обезопасили свой левый фланг от германо-турецких отрядов. Таким образом, были сорваны попытки Германии и Турции закрепить свое влияние в Иране и склонить его к войне против России.

Осенью 1915 года Ставка считала основной задачей войск на Кавказе ведение активной обороны. Все было бы хорошо, если бы протяженности рубежа (до 1500 километров) соответствовало наличие сил и средств, которых не хватало. Чтобы создать «маневренный резерв», была произведена перегруппировка. Переход же в наступление считался возможным лишь после обеспечения соединений боеприпасами. Тем не менее командующий Кавказской армией все больше склонялся к переходу войск в наступление не позже второй половины января 1916 года. Упор делался на тщательную подготовку войск, внезапность и превосходство в коннице и артиллерии.

В ноябре Кавказская армия в своем составе имела около 130 пехотных батальонов, 372 орудия, более 200 сотен конницы, 52 дружины ополчения, 20 саперных рот и воздухоплавательный отряд из 9 самолетов. 3-я турецкая армия, по подсчетам разведотдела штаба армии, насчитывала 423 пехотных батальона, несколько более 100 орудий, 40 эскадронов конницы и около 20 курдских отрядов, численностью до 10 тысяч человек. Имея примерное равенство в пехоте, Кавказская армия, следовательно, превосходила противника в три раза по артиллерии и в пять раз по регулярной коннице.

Силы обеих сторон были развернуты в полосе более 400 километров от Черного моря до озера Ван. Турецкие соединения были в основном сосредоточены на Ольтынском и Сарыкамышском направлениях и надежно прикрывали кратчайшие пути к крепости Эрзерум – важнейшей базе снабжения войск, узлу транспортных коммуникаций северных областей Турции. Строя оборону, командование противника учитывало, конечно, что фланги армии в достаточной степени обезопасены горной местностью, малодоступной для активных крупномасштабных

действий, особенно в зимних условиях.

Основная идея предстоящей операции, сформулированная на совещании 18 декабря генералом Юденичем, заключалась в прорыве обороны противника на трех направлениях – Эрзерумском, Ольтынском и Битлисском. Главный удар предусматривалось нанести в направлении Кепри-кей. Здесь предполагалось создать ударную группу в составе не менее 20 пехотных батальонов и 15 казачьих сотен. Ее действия поддерживались огнем 80–100 артиллерийских орудий.

Наступление ударной группы началось 30 декабря. Бои носили ожесточенный характер. Русские несли значительные потери, истощались резервы. Не в лучшем положении пребывали и турки. К вечеру 1 января русская разведка установила, что почти все части из резерва 3-й турецкой армии уже введены в сражение. Это говорило о том, что противник выдыхается.

5 января передовые части русских войск подошли к Хасан-кала. На следующий день они атаковали турецкий арьергард на ближних подступах к фортам эрзерумских укреплений. Было взято в плен около 2 тысяч аскер из 14 полков. Но овладеть Эрзерумом с ходу не удалось.

27 января командующий Кавказской армией подписал приказ о начале штурма. Для его проведения выделялось 88 батальонов, 70 сотен, 10 дружин ополчения, 4 саперные роты, 166 орудий, 30 полевых гаубиц, 16 осадных мортир. Русским противостояли примерно такие же силы противника, которые к тому же опирались на мощные фортификационные сооружения.

29 января соединения и части Кавказской армии заняли исходное положение. В 2 часа пополудни артиллерия открыла огонь по форту Чабан-деде. 1-й Кавказский корпус перешел в наступление в 20 часов, а 2-й Туркестанский – в 23 часа. За сутки туркестанцы овладели северной позицией Гурджибогазского прохода, а кавказцы захватили форт Далан-гез.

Кровопролитные бои развернулись за обороняемый отрядом подполковника И.Н. Пирумова форт Далан-гез. С рассвета 1 февраля турки сосредоточили по нему огонь более сотни орудий. Защитники оказались отрезанными от главных сил Кавказского корпуса. Всякие попытки подвести подкрепления и подать патроны кончались неудачей. И все же атакующего врага обороняющиеся встретили организованным ружейным и пулеметным огнем. Турки поспешно вернулись в исходное положение. Затем последовал еще ряд яростных атак при поддержке артиллерийских батарей. Таяли ряды защитников форта, кончились патроны. Шестую по счету атаку отбивали уже штыками.

Седьмую атаку отражать приготовились все, кто мог еще стоять на ногах. Подпустив противника вплотную, русские с криками «Ура!» бросились в штыковую. Турки отступили. В сумерках их свежие части повели восьмую атаку, против которой немногочисленные, оставшиеся в живых защитники вряд ли бы устояли. Спасение пришло неожиданно. Безвестный герой-солдат вовремя доставил боеприпасы на ослах. Враг, встреченный мощным залпом и пулеметным огнем, вновь отступил. Бой был выигран, хотя из 1400 нижних чинов и офицеров полутора батальонов 153-го пехотного полка осталось в строю около 300, из которых большая часть раненых. За ночь гарнизон форта был усилен, раненые эвакуированы.

День 1 февраля стал переломным в штурме турецких укреплений. 3 февраля русские ворвались в Эрзерум. Было захвачено около 300 орудий, пленено 137 офицеров и до 8 тысяч аскер. В тот же день во всех частях и подразделениях Кавказской армии был оглашен приказ, в котором выражалась благодарность ее командующего всему личному составу за мужественное выполнение своего воинского долга. Среди еще не погасших пожарищ Юденич лично вручал георгиевские награды отличившимся при штурме крепости воинам. Среди них были полковники Габаев и Фисенко, подполковник И. Воробьев, штабс-капитан Запольский, поручик Вачнадзе, более 100 унтер-офицеров и солдат. Сам командующий был удостоен ордена Св. Георгия 2-й степени.

Почти без перерыва началось преследование остатков 3-й турецкой армии. Были заняты многие города и селения. 24 февраля конница генерала Баратова заняла Керманшах – важнейший центр Западной Персии. Но для дальнейших действий требовалась оперативная пауза.

Начатая 29 декабря 1915 года Эрзерумская наступательная операция в сущности завершилась. Она проводилась в полосе 300 км на горном театре военных действий. Кавказская армия пленила более 13 тысяч турецких солдат и офицеров, захватила 300 орудий (всю крепостную и значительную часть полевой артиллерии), 9 знамен, большие запасы продовольствия. Русские овладели единственным укрепленным районом в Малой Азии –

крепостью Эрзерум. Приоткрывались ворота через Эрвинджан в Анатолию. «Этот успех, – отмечал начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев, – приобрел на Ближневосточном театре особую значимость на фоне неудач в ходе Дарданелльской операции и наступления англичан в Месопотамии».

В первых числах марта из Петрограда возвратился великий князь Николай Николаевич. Он передал генералу Юденичу глубокую благодарность императора, а также его пожелание дополнить достигнутый успех наступлением на Трапезунд.

Для решения этой задачи был сформирован Приморский отряд генерала Ляхова численностью 15 тысяч человек при 50 орудиях. Наступал он во взаимодействии с кораблями Батумской базы (линкор, 2 эсминца, 2 миноносца и несколько канонерских лодок), общее командование которыми осуществлял капитан 1 ранга Римский-Корсаков.

К 1 апреля русские вышли к укреплениям на реке Карадера. В Ризе и Хамургане были высажены десанты в составе двух Кубанских пластунских бригад. Прорвав оборону, отряд через четыре дня занял оставленный противником Трапезунд.

Результаты последних наступательных операций союзники по Антанте (Россия, Англия и Франция) закрепили секретным соглашением в апреле 1916 года. В нем, в частности, отмечалось, что «...Россия аннексирует области Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса до подлежащего определению пункта на побережье Черного моря к западу от Трапезунда. Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джезире-Ибн-Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией и областью Мергевера, будет уступлена России, которая взамен признает собственностью Франции территории, заключенные между Ала-Дагом, Кесарией, Ак-Дагом, Ильдиз-Дагом, Зарой, Эгином, Харпутом. Кроме того, начиная от области Мергевера, граница арабского государства пойдет по линии горных вершин, отделяющих в настоящее время оттоманскую территорию от персидской...»

По согласованию с командованием Черноморского флота в портовом Трапезунде закладывалась морская база снабжения правого крыла Кавказского фронта. Ее прикрывал Платанский укрепленный район с прибывшими по морю двумя дивизиями из Мариуполя. Генерал Юденич на их основе сформировал 5-й Кавказский корпус. Впрочем, весьма своевременно.

10 апреля авиационная разведка обнаружила выдвижение крупных сил пехоты и конницы на Харпут. Как выяснилось позже, турецкое военное руководство решило вернуть Эрзерум. Однако русские и на этот раз оказались удачливее, упредив неприятеля. 5-й Кавказский корпус раньше нанес удар на Гюмюш-Хене, Эрзинджан. Сюда же нацеливался 2-й Туркестанский корпус. Стали активнее действовать 1-й и 4-й Кавказские корпуса. В итоге Байбурт, Килькит и Эрзинджан продержались недолго.

3 августа соединения 2-й турецкой армии под командованием Иззет-паши, имея в своем составе 7 дивизий, перешли в наступление на Огнот и Битлис. Они атаковали левый фланг 1-го Кавказского корпуса. В район Киги Юденич ускоренным маршем направил две пехотные дивизии только что сформированного 6-го Кавказского корпуса. Развернулись тяжелые встречные бои. Тесня противника, к началу сентября Кавказская армия вышла на рубеж Элхеу, Эрзинджан, Огнот, Битлис, озеро Ван. Здесь обе стороны и закрепились. Наконец-то возникла ожидаемая штабом генерала Юденича стратегическая пауза.

При разработке плана действий в предстоящей кампании 1917 года русское командование учитывало ряд важных обстоятельств, главным образом большую усталость войск и недостаток материальных запасов. Но оно даже не предполагало, что трудности наступают совсем с другой стороны...

На переломе

Роковой для Российской империи 1917 год Кавказский фронт встретил в позиционном затишье. Небывало суровая и снежная зима чрезвычайно затруднила боевые действия. Подвоз продовольствия и фуража на отдельные участки стал невозможен. Войска голодали. Начались болезни и эпидемии. К тому времени потери войск фронта с начала войны только больными и умершими от ран превысили 100 тысяч человек, и они были физически неспособны вести

крупномасштабные наступательные операции. Но успехи союзных английских войск на подступах к Багдаду вынуждал действовать и российское командование.

17 февраля (2 марта) конница генерала Баратова, начав наступление, овладела Хамаданом, а через восемь дней заняла весь район Керманшаха. 22 марта (4 апреля) корпус вошел в Ханекен. Но политическая обстановка, сложившаяся в России, потребовала приостановить дальнейшее наступление российских войск в Иране.

Утром 2 марта штаб Кавказского фронта получил манифест Николая II об отречении от престола и приказ о назначении Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича, а в полдень – заявление великого князя Михаила Александровича об отказе от короны. Власть в стране перешла к Временному правительству. Вечером великий князь Николай Николаевич покинул Тифлис, срочно выехав в Ставку. Отречение царя и свое назначение он воспринял, как должное. Обращаясь с прощальным приказом к войскам, он писал: «Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы нашей Родины я, Верховный главнокомандующий, признал ее, показав тем пример нашего воинского долга. Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых начальников. Только тогда Бог даст нам победу». Так с политической и военной арены Кавказа сошел последний в его истории наместник последнего российского императора.

Николай Николаевич (Младший), великий князь, главнокомандующий на Кавказе (1915–1917), генерал от кавалерии

Верховным главнокомандующим Николай Николаевич пробыл всего несколько дней.

Временное правительство, заигрывая с народом, предложило великому князю самому сложить полномочия верховного. Николай Николаевич, узнав об этом, отослал в Петроград письмо следующего содержания: «Рад вновь доказать мою любовь к Родине, в чем Россия до сих пор не сомневалась». Он уехал из Ставки в Крым, откуда в марте 1919 года эмигрировал из России. Умер великий князь 5 января 1929 года во Франции в возрасте 73 лет и был похоронен в Каннах. На его могиле соотечественники установили большую доску из зеленого мрамора, на которой начертаны слова вечной благодарности верховному главнокомандующему русской армией от российского воинства.

При отъезде с Тифлиса Николай Николаевич командующим Кавказским фронтом назначил генерала Н.Н. Юденича, которому уже на следующий день пришлось принимать срочные меры по телеграмме генерала Баратова. Дело заключалось в том, что части корпуса, выдвинувшиеся в долину реки Дияла, испытывали острые затруднения в продовольствии. Командующий английской армией отказался помочь союзникам. Приближался сезон тропической жары. Настроение в соединениях и частях корпуса становилось все более неустойчивым. Подтверждением тому стала вторая телеграмма. В ней сообщалось, что «созданный в корпусе солдатский комитет самочинно арестовал представителя английского военного атташе при корпусе капитана Грея».

Решение было однозначным – прекратить наступление и с 6 марта перейти к позиционной обороне. 1-й и 7-й Кавказские корпуса отводились в районы с лучшим базированием. Такой ход событий негативно встретило Временное правительство. Из Петербурга последовало несколько депеш с требованием возобновить наступление. Но это было практически невозможно.

С падением прежней системы государственного управления и провозглашением «демократии», начался невиданный размах процесс регионализма и национализма, разгула местнических амбиций и откровенного неповиновения местных правителей центральной власти. Этот процесс в первую очередь захлестнул Кавказский регион. Многие общественные деятели кавказских народов, которые не так давно только с помощью России доказывали право на свое этническое существование, начали активно проводить политику, направленную против России. Немедленно появились планы создания великой Армении, начиная от Эривани до Ростова-на-Дону, великого Азербайджана до персидского Тавриза, великой Грузии. Лидеры Северного Кавказа ратовали за создание независимого государства от Черного до Каспийского моря и от Большого Кавказского хребта до Ставрополя. Параллельно начались процессы морального разложения кавказских войск, погромов в их тылу, грабежей воинских складов и эшелонов с военным грузом, нарушения линий военной связи и многое другое.

Февральская революция 1917 года внесла смятение в умы миллионов простых людей, населявших огромные территории бывшей Российской империи и создала благоприятные условия для достижения узкопартийных, экономических и религиозных целей небольшим группам политических деятелей. Под лозунгом «демократии» началось лихорадочное расшатывание и растаскивание государства, создававшегося столетиями. На прифронтовом, многонациональном, исконно беспокойном Кавказе эти процессы происходили особенно стремительно с поистине разрушительной силой.

Временное правительство попыталось было взять под контроль обстановку на Кавказе. С этой целью уже 9 марта 1917 года был образован Особый Закавказский комитет из пяти членов Государственной думы под председательством кадета В. Харламова, которому было поручено «ведать делами» всего края. Но удержать власть центра в отдаленном регионе при наличии там многочисленных партий, политических и религиозных движений силами этого комитета оказалось невозможно. К осени того же года Кавказ превратился в арену ожесточенной явной и скрытой политической борьбы, ведущие роли в которой играли грузинские меньшевики, армянские дашнаки, азербайджанские мусаватисты, исламские фундаменталисты и, конечно же, большевики.

Деятельность большевиков была направлена на вербовку сторонников среди наиболее организованных сил Кавказа – войск Кавказского фронта и рабочих крупных промышленных центров края: Баку, Тифлиса, Грозного, Владикавказа и других. Опираясь на эти силы, всего два дня спустя после Октябрьского переворота в Петрограде, 28 октября большевики фактически захватили власть в Баку. В этот день на расширенном заседании Бакинского совета было выдвинуто требование о немедленной передаче власти советам, что было осуществлено в течение

двух последующих недель. Для подавления контрреволюционных выступлений формируется карательный орган – Бакинская Красная гвардия, в составе отрядов которой к февралю 1918 года насчитывалось 1250 человек.

Михаил Алексеевич Пржевальский, командующий Кавказским фронтом в 1917 г.

В десятых числах ноября 1917 года под руководством большевиков состоялось собрание представителей воинских частей Тифлисского гарнизона, участники которого приняли резолюцию о захвате власти в городе. Но на этот раз затея не удалась из-за сопротивления меньшевиков. По их инициативе 19 ноября в Тифлисе был созван Национальный съезд представителей общественно-политических, культурно-экономических и других организаций Грузии. Он принял резолюцию о самоуправлении Грузии и избрал Национальный совет во главе с лидером грузинских меньшевиков Н. Жирдания. Также было решено создать вооруженные силы республики, командование которыми поручалось меньшевику Н. Рамишвили.

В течение нескольких последующих дней подобные съезды прошли в Армении и Азербайджане, которые также объявили о своей автономии, избрали национальное правительство и учредили национальные вооруженные силы. В то же время продолжение войны с Турцией и наличие Кавказского фронта, удерживаемого войсками бывшей российской армии, вынуждало все эти автономные правительства искать союза для решения общих задач.

28 ноября в Тифлисе состоялось совещание Комитета общественной безопасности, на котором присутствовали представители грузинского, армянского, азербайджанского правительств, командование Кавказского фронта, а также английский, французский военные агенты и консул США, находившиеся при штабе Кавказского фронта. Это совещание отказалось признать власть

петроградского Совета Народных Комиссаров, большевистских советов на местах и вынесло решение о создании объединенного правительства Закавказских республик – Закавказского комиссариата, во главе с меньшевиком Е. Гегечкори. В состав этого правительства вошли грузинский меньшевик А. Чхенкели, дашнаки Г. Тер-Газарян, Х. Карчикян, А. Оганджян, мусаватисты Хан-Хойский, М. Джафаров, Х. Мелик-Асланов и Х. Хасмамедов. Его военную силу должны были составить отдельные Грузинский, Армянский и Азербайджанский корпуса, которые существовали преимущественно лишь на бумаге. На российские войска Кавказского фронта в свете «новой политики» рассчитывать не следовало. Офицерский состав, воспитанный в великоросском духе, не желал сражаться за интересы лидеров национальных меньшинств, а нижние чины, сагитированные большевиками, испорченные «демократией», частями и подразделениями уходили с фронта домой «делить» землю, фабрики и заводы, бить местных помещиков и буржуев. В таких условиях сохранение Кавказского фронта становилось невозможным, а восстановление его за счет местных ресурсов – нереальным.

Глубоко убежденный в обоснованности принятого решения о невозможности дальнейшего наступления, генерал Юденич в конце апреля направил в Ставку аргументированный доклад о положении дел на Кавказском фронте и возможных перспективах действий войск. Незамедлительно последовала реакция. 7 мая 1917 года Николай Николаевич был отстранен от командования фронтом как «сопротивляющийся указаниям Временного правительства» и был вынужден уйти в отставку. После этого он надолго вышел из политической игры.

В ноябре 1918 года Н.Н. Юденич эмигрировал в Финляндию, где включился в антисоветскую борьбу. Это наложило клеймо «врага» на одного из самых талантливых и заслуженных военачальников русской армии периода Первой мировой войны. После неудавшегося похода на Петроград, Юденич эмигрировал в Англию. Отказавшись от всякой политической деятельности, он скончался 5 октября 1933 года в Каннах в возрасте 71 года.

После отъезда Юденича командование Кавказским фронтом 31 мая 1917 года принял генерал от инфантерии М.А. Пржевальский. Это был также достаточно опытный военачальник, который после окончания Николаевской академии Генерального штаба, будучи секретарем генерального консула в Эрзеруме в течение 9 лет занимался сбором разведывательных сведений и изучение региона. С 1903 года начальником штаба Кубанского и Терского казачьих войск, а с начала Первой мировой войны участвовал во всех основных операциях российских войск на Кавказе, командуя корпусом и армией.

К лету 1917 года обстановка на Азиатском театре войны складывалась не в пользу турок. В трех турецких армиях насчитывалось немногим больше 97 тысяч штыков и сабель при 408 орудиях. Против них действовали русские и английский войска, имевшие 276 тысяч бойцов и 796 орудий. Причем только в войсках Кавказского фронта было 184 тысячи пехоты, 32 тысячи конницы и 591 орудие. При таком соотношении сил и средств командование Антанты могло рассчитывать на хорошие результаты. Но англичане, верные своей двуликой политике, стремились основную тяжесть боев взвалить на русских, чем немало вредили делу.

По требованию союзников 10 (23) июня два корпуса Кавказской армии начали наступление на Мосул и Киркук. Англичане не поддержали наступление, и русские были вынуждены вернуться в исходное положение. Это была последняя наступательная операция войск Кавказского фронта периода Первой мировой войны.

Наступил октябрь. События, произошедшие в Петрограде, не могли повысить боевой дух войск Кавказской армии. Они, погрязнув в митингах, разложенные различными агитаторами заняли выжидательную позицию.

В ноябре на Кавказ зачастили представители большевиков. Они рисовали картины страшных беспорядков в центральной части России, говорили о сепаратистских настроениях на Дону, о том, что войска Кавказского фронта отныне не могут рассчитывать ни на какую помощь центра. Под влиянием всех этих разговоров и по требованию Петрограда М.А. Пржевальский 5(18) декабря 1917 года вместе с руководством Закавказского комиссариата заключил с Турцией Эрзинджанское перемирие.

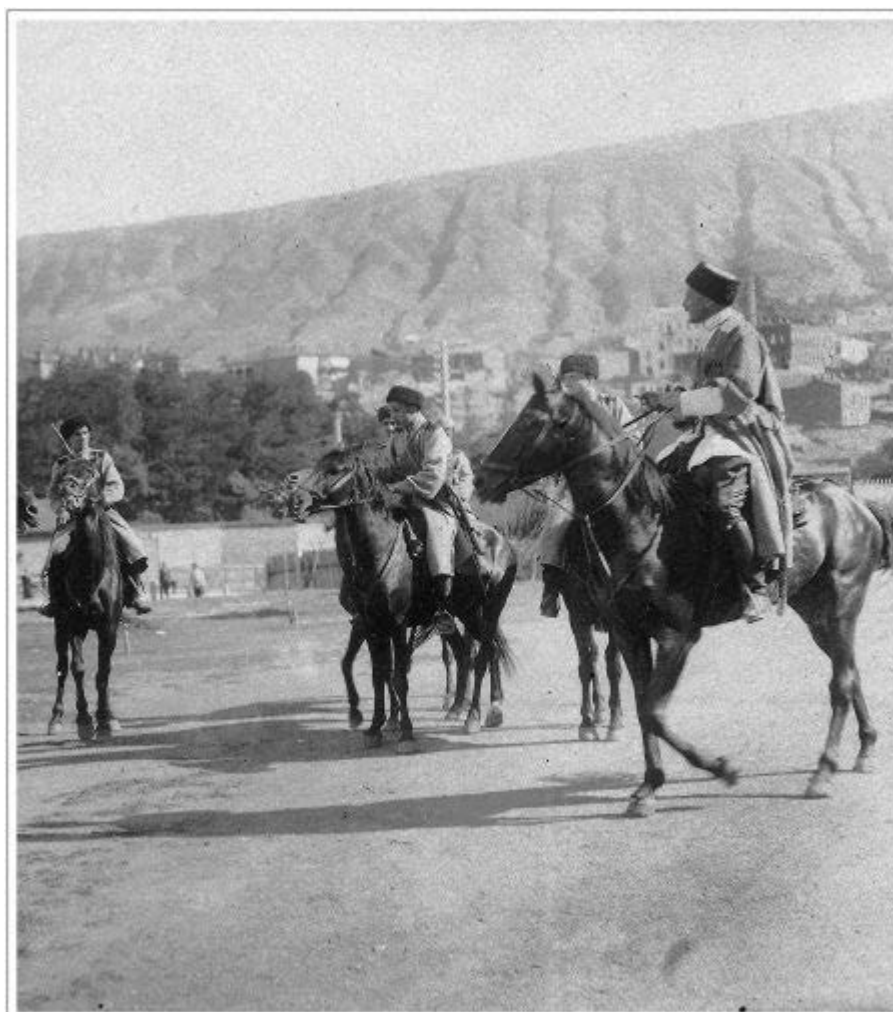
Еще в первой декаде декабря 1917 года советское правительство, нарушив союзнические обязательства, вопреки логике начали в Брест-Литовске переговоры о мире с представителями Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции, вооруженные силы которых находились на грани

поражения. Несмотря на это уже на первом заседании советская делегация заняла позицию, достойную побежденной страны. Она заявила о готовности подписать мир, отказавшись от присоединения оккупированных во время войны территорий и взыскания с противной стороны контрибуций и военных издержек. Безусловно, в первую очередь это означало огромные уступки Турции и Ирану, изменения политической обстановки на Кавказе, который и без того стремительно и бесповоротно терял стабильность.

Межпартийные склоки достигли своего апогея к середине декабря 1917 года. Власть на Кавказском фронте перешла к Совету солдатских депутатов, а большевики и примыкавшие к ним группировки образовали Временный революционный комитет. Власть командующего и его штаба откровенно игнорировалась. Считая невозможным продолжать руководство фронтом в такой ситуации, М.А. Пржевальский 28 декабря 1917 года сложил с себя полномочия командующего и покинул действующую армию, оставив своим заместителем начальника штаба фронта генерал-майора Е.В. Лебединского. В последующем Пржевальский воевал в Добровольческой армии генерала А.И. Деникина, командовал войсками этой армии, действовавшими на Кавказе. В 1919 году он эмигрировал из России в Югославию и в 1934 году умер в Белграде.

Глава 11 На гребне гражданской войны

Потеря Закавказья

Турецкое военно-политическое руководство быстро почувствовало ослабление Кавказского фронта и слабость нового правительства Советской России. Большевики, затеяв мирные переговоры с представителями германского, австро-венгерского, болгарского и турецкого командования 9 декабря 1917 года в Бресте, сразу же заявили, что готовы на мир «без аннексий и контрибуций». Для полуразгромленной Турции это было равносильно победе. Более того, турецкому представителю дали понять, что его государству будут возвращены все территории, занятые русскими войсками в 1915–1917 гг. Это было предательство не только государственных интересов, но и памяти многих тысяч россиян, отдавших жизни в борьбе с внешними врагами. Такая политика лишь подогрела аппетиты недавних противников, толкала их выдвигать новые требования, подкрепляя их действиями...

Закавказский комиссариат располагал некоторыми сведениями о подготовке турок к наступлению. Опасаясь этого, Гегечкори отдал распоряжение любой ценой удержать на фронте воинские части старой российской армии или же, по крайней мере, изъять у них оружие. Данная задача была поручена национальным вооруженным формированиям, действия которых отличались особой жестокостью.

В двадцатых числах января 1918 года многочисленные вооруженные отряды азербайджанских националистов внезапно напали на станции Шамхор (близ Гянджи) и Хачмаса (около Баку), где скопились войсковые эшелоны, направлявшиеся с фронта в Россию. Солдаты, застигнутые врасплох, лишённые воинской организации и командиров, не смогли оказать сопротивления и начали разбегаться во все стороны. Мусаватисты, наслаждаясь легкой победой,

безжалостно рубили и расстреливали бегущих. В тот день только на этих двух станциях было убито и ранено более тысячи русских солдат.

Подобные акции произошли и в других местах Закавказья. Они не способствовали укреплению внешнего Кавказского фронта и стабилизации внутренней обстановки в крае. Единственным их результатом стал массовый захват оружия, боеприпасов и снаряжения формированиями, которые в большинстве своем не контролировались органами местной власти. Это привело к возникновению массового бандитизма, разбоем и грабежам среди местного населения.

Турецкое командование умело использовало эту обстановку. 11 февраля 1918 года их войска перешли в наступление на Кавказском фронте. Командующий Кавказской армией генерал И.З. Одишилидзе, будучи не в силах остановить противника, начал отводить части. 13 февраля турки овладели Эрзинджаном, через 9 дней – Мамахатумом, а 12 марта, после двадцатидневной осады, заняли Эрзерум. К концу месяца предвоенная русско-турецкая граница была восстановлена практически на всем ее протяжении. Позже полковник А.К. Шнеур, бывший в 1918 году начальником Генерального штаба Армянской армии, писал: «В марте 1918 года остатки русской и ее наследницы Армянской армии окончательно покинули турецкую землю. Все усилия и победы в тяжелой войне сразу были сведены к нулю. Обессиленная, разбитая русскими Турция сама протягивала руку мира, поднялась, как больная после тяжелой болезни, и, спотыкаясь, еле переставляя ноги, поплелась к границе». Тем не менее о «добровольном» возврате большевистским правительством захваченных турецких территорий уже не могло быть и речи.

Закавказский комиссариат попытался остановить наступление вражеских войск своими силами и заставить их командование сесть за стол переговоров. Он дал команду И.З. Одешелидзе срочно приступить к формированию корпусов по национальному признаку, надеясь таким образом повысить их боеспособность. Илья Зурабович в это время был под сильным влиянием грузинских национал-демократов, которые придерживались германской ориентации. Поэтому формирование национальных корпусов и организация сопротивления туркам проходили крайне вяло.

Наконец-то фронт обороны был создан. Против 25-тысячной турецкой армии на фронте от Батума до Сарыкамыша был развернут грузинский корпус Генерала Габаева, а далее на юго-восток до Игдыра – Армянский корпус генерала Назарбекова. Несмотря на то, что в составе этих формирований насчитывалось более 30 тысяч человек, их боеспособность была очень низкой. Это стало известно турецкому командованию, решившему перенести военные действия на территорию Закавказья.

5 апреля, перейдя границу бывшей Российской империи, турецкие войска заняли Сарыкамыш, а 10 дней спустя – Батум. После этого их командование добилось созыва Закавказского сейма, который 22 апреля провозгласил создание независимой от России Закавказской Федеративной Республики. Этот акт не столько определял самостоятельность Грузии, Армении и Азербайджана сколько представлял их отношения с Турцией как особое дело, независимое от политики Антанты, Тройственного союза и, особенно, нового правительства Советской России. Он окончательно развязывал руки агрессору, целью которого стал захват всего Закавказья.

В процессе переговоров турецкие войска продолжали наступление. 25 апреля, практически без сопротивления со стороны армян, они заняли Карс, спустя 20 дней так же легко вошли в Александрополь. Создалась реальная угроза захвата Эривани ударом с севера...

Закавказское правительство проводило все время в спорах и националистических разборках. Партфели распределялись не по деловым качествам, а по личным связям. И.З. Одешелидзе получил пост военного министра Закавказской республики. Но объединить силы грузин, армян и азербайджанцев с целью защиты родного края ему не удалось. В 1919 году он сдал должность военного министра и стал главнокомандующим Грузинской армии. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Большевики, лишённые возможности активно влиять на политику Закавказского правительства, стали на путь саботажа его решений. В постановлении Кавказского краевого комитета в качестве главной была определена задача «...вести борьбу под знаменем социализма, решительно отвергая выставляемый некоторыми партиями лозунг «отвоевание существенно

важных для Закавказья Батума, Карса и Ардагана», как проявление империалистических тенденций кавказской буржуазии».

Данная политика, проводившаяся на всех уровнях, не только подрывала силы и без того слабой Закавказской федерации, но, что особенно важно, развязывала руки турецкому правительству при выборе средств достижения захватнических целей.

Федерация Закавказских республик неудержимо разрушалась под напором турецких войск и разлагающей деятельности большевиков. 26 мая Закавказский сейм сложил свои полномочия. В этот же день Национальный совет Грузии провозгласил независимое Грузинское государство. На следующий день мусаватисты объявили независимой республикой Азербайджан, правительство которого к середине июня было образовано в Ганже. 28 мая Армения так же стала независимой республикой с правительством в Эривани.

Образование вместо федерации трех независимых республик не решало проблемы обороны Закавказья. Их правительства были вынуждены вступать с турками в переговоры и вести их на условиях, предлагаемых агрессором.

Мирный договор между Турцией и Грузией был подписан 4 июня 1918 года. По его условиям граница между государствами определялась по реке Чолок. К Турции также отходили часть Ахалцихского и весь Ахамсалакский уезды. Грузия должна была резко сократить свои вооруженные силы до количества согласованного со Стамбулом. Турция получала право бесконтрольных перевозок по железным дорогам республики.

Одновременно мирная конвенция была заключена между Арменией и Турцией, оформленная как мирный договор 31 июля. По этому договору к Турции отходила большая часть Армении и практически все имевшиеся на ее территории железные дороги.

Всего Турцией было захвачено 38 тысяч квадратных верст территории с населением 1250 тысяч человек, т. е. 20,6 % территории и 18,5 % населения всего Закавказья. Из этого населения мусульмане составили 30 %, христиане – 67 %. Геноцид христианского населения был самый безжалостный, но также тяжело пришлось и мусульманам-кавказцам. Их имущество подвергалось разграблению, а сами они – надруганию.

На пути к каспийской нефти

Победы турок в Закавказье разожгли шовинистические настроения среди мусульманского населения края. Повсюду начались погромы христиан и, прежде всего, русского населения. Особенно жестокими они были в населенных пунктах Муганской степи, откуда десятки тысяч семей русских переселенцев, бросив свои очаги и посевы, бежали в Россию. Не обошлись без погромов и города. Под их угрозой только 23 мая свыше 20 тысяч зарегистрированных беженцев покинули Тифлис.

Правительство Грузии в затеянной политической авантюре пошло дальше и пригласило для «защиты республики» германские войска. 25 мая первых три тысячи кайзеровских солдат высадились в Поты. Вслед за ними начали прибывать и другие. Германское командование за оказанную «помощь» сразу же потребовало передачи под немецкий контроль всех железных дорог, судов, а затем и ряда промышленных предприятий. Началось бесконтрольное ограбление края. Менее чем за полгода германского «присутствия» из Грузии было вывезено 26 млн пудов марганца, 20 млн пудов нефти, большое количество леса, табака. По неполным данным общий ущерб исчислялся в 140,5 млн рублей золотом.

Бесконтрольное разграбление края вызвало протест со стороны населения, что большевики постарались использовать в своих интересах. После их агитации в различных местах Грузии начались восстания, которые германскими и грузинскими войсками подавлялись с большой жестокостью. Несмотря на это среди трудящихся назревал протест, грозивший вылиться в общенародное восстание.

Меньшевистское правительство, опасавшееся этого, постаралось снизить аппетиты союзников к грузинскому «пирогу» за счет того, что указали им кратчайшие пути к бакинской нефти. Вначале июня германское и турецкое командование приступили к подготовке похода в Азербайджан. Но для решения этой задачи им предстояло преодолеть сопротивление большевиков, временно сотрудничавших с ними дашнаков и тайно поддерживающих последних с

территории Ирана англичан. Прежде, чем использовать свои собственные силы, расчетливые немцы попытались решить проблему руками самих же кавказцев.

Захват большевиками власти в Баку вызвал сопротивление со стороны местных мусаватистов, которые располагали значительными военными силами. В Ганже был сформирован 1-й мусульманский корпус под командованием князя Мачалова – бывшего командира Татарского полка Дикой дивизии. В этом корпусе было 6 тысяч человек и 10 орудий.

Для разгрома мусаватистской группировки Бакинский Совнарком назначил 1-й корпус Кавказской Красной Армии общей численностью в 13 тысяч человек во главе с бывшим полковником Казаровым. В середине июня 1918 года корпус подошел к Ганже. К тому времени и туда же начали прибывать передовые части 15-тысячного турецкого корпуса. Встречные бои, произошедшие 16–18 июня у деревни Карамарьен были выиграны советскими войсками, после чего фронт временно стабилизировался.

К 25 июня к Ганже подошли основные силы турецкого корпуса. Бакинское правительство, стремясь усилить свои войска, объявило мобилизацию пяти возрастов. Призванные должны были служить в армии в течение 6 месяцев, после чего им были обещаны налоговые льготы.

С конца июня на фронте начались ожесточенные бои советских отрядов с турецко-мусаватистскими войсками, которым оказывалась материальная помощь германским командованием. Когда это стало известно в Персии, полковник Л. Бечерахов, находившийся там с 1500 терскими и кубанскими казаками, предложил Бакинскому совету свою помощь. 7 июля его отряд, прибыв на станцию Алям, был направлен на фронт и занял оборону на его правом фланге.

Турецкие и мусаватистские части, начав наступление 7 июля, постепенно теснили советские войска. Дашнаки, находящиеся в их составе, явно не желали воевать. Создалась угроза Баку, где антисоветские силы начали активную агитацию за приглашение англичан. Она нашла поддержку у Л. Бечерахова. Большевики решительно отвергли эту идею. Но подход турецких войск и самовольный уход с позиций казачьего отряда Л. Бечерахова решили дело. Население города, уставшее от боев, мобилизаций, голода, опасаясь прихода турок, поддержало дашнаков. 4 августа первый отряд англичан численностью до 400 человек прибыл морем в Баку.

На следующей день турки, сломив сопротивление немногочисленных формирований советских войск, ворвались в Баку. Завязались ожесточенные уличные бои. К исходу дня неимоверными усилиями турки были отброшены от города на 15 километров. Но возможность закрепить советскую власть в городе была потеряна. 14 августа советские войска на 17 пароходах покинули Баку и вышли в Астрахань, но дашнакско-английские власти силами нескольких военных кораблей вернули пароходы в Баку, войска разоружили, комиссаров – арестовали.

С середины августа на подступах к Баку турецкие войска сдерживались дашнакскими и английскими частями, причем в составе последних находилось всего около 900 человек. Нарастив усилия, 14 сентября турки ворвались в город. Англичане успели эвакуироваться, бросив дашнаков и местное население на произвол судьбы. К исходу 15 сентября город оказался в руках турецких войск, учинивших там дикую резню. За три дня было убито около 30 тысяч человек, а город полностью разграблен. 6 октября турки заняли Дербент, два дня спустя Петровск, а 24 октября подошли к Темир-Хан-Шуре. Азербайджан и Дагестан оказались в их руках. Политические «игры» правительств Закавказских республик в самостоятельность завершились их полным крахом. Но ни Германии, ни, тем более, Турции не удалось в полной мере воспользоваться плодами своих побед на Кавказе.

К осени 1918 года положение Германии и Турции в Первой мировой войне стало критическим. 11 ноября Германия подписала перемирие на условиях полной капитуляции. 30 октября было заключено перемирие между Турцией и Антантой, по условиям которого Турция обязалась немедленно начать эвакуацию войск из Закавказья. На смену им 17 ноября в Баку из Ирана прибыла 39-я английская пехотная бригада. 15 декабря англичане высадились в Батуми, а через десять дней они вошли в Тифлис. Английское командование заявило, что по согласованию с правительством Колчака не признает никаких независимых государственных образований на Кавказе, территорию которого рассматривают исключительно в рамках бывшего российского наместничества. В то же время тайно было дано понять мусаватистам Азербайджана и меньшевикам Грузии, что они могут претендовать на независимое существование.

Между войсками Деникина и Закавказскими республиками была установлена жесткая

граница, которая проходила от устья реки Бзыбь по границам Сухумской, Кутаисской, Тифлисской, Дагестанской областей и в 6 км южнее Петровска. Англичане предложили деникинцам, под угрозой отказа от военной помощи, не переходить эту линию, а Закавказские республики обязались снабжать Добровольческую армию нефтью. Так, к концу 1918 года Грузия и Азербайджан оказались в сфере новой политики, направленной не столько на борьбу с большевизмом, сколько на защиту британских интересов в Кавказском регионе.

Но и власть англичан в Закавказье оказалась непродолжительной. Во второй половине июня 1919 года матросы английских судов Каспийской флотилии выдвинули требования немедленной отправки их на родину. Под давлением этих выступлений 26 августа английские войска были эвакуированы из Баку, вслед за тем они покинули территорию Грузии.

Советско-турецкие отношения

Уход англичан поставил перед правительствами Закавказских республик проблему укрепления власти с опорой на собственные силы, которых явно не хватало. Этим обстоятельством воспользовались большевики, стремившиеся революционными выступлениями народов Кавказа ослабить тыл Добровольческой армии.

Первой их воздействию подверглась Грузия, где в мае 1920 года было организовано антигрузинское крестьянское восстание в Южной Осетии. Официальным лозунгом его были автономия и право на самоопределение. Неофициальным, понятным темным крестьянским массам – передача в их собственность земельных угодий, принадлежавших грузинам. Руководство восстанием осуществлял Кавказский краевой комитет партии большевиков через ревком Юго-Осетии. Но реально из-за слабости большевистской власти на местах выступления крестьян носили стихийный характер.

Для подавления восстания грузинское правительство сформировало карательное соединение в составе 8 батальонов пехоты, конного полка, двух конных батарей и подразделения авиации. Перед выступлением этих войск военный министр Грузии Г. Ларкипанидзе приказал: «Не щадить изменников, ядовитых змей с их змеенышами, которые должны быть уничтожены. Этого требует благоденствие грузинского народа».

Началась кровавая расправа грузин над осетинами, которые не смогли оказать достойного отпора. 22 июня они оставили последние позиции у Рока и ушли в леса. Вместе с мужчинами ушли женщины, старики, дети. В ходе боевых действий и карательных расправ грузины уничтожили свыше 5 тысяч осетин, еще около 20 тысяч жителей Южной Осетии через Главный Кавказский хребет ушли в советскую Терскую область.

Эвакуация английских войск позволила советскому командованию быстро и без особого напряжения сил занять основные районы Азербайджана. После этого оно обратилось к правительству Ирана с предложением заключить договор о мире. Однако Тегеран не спешил с принятием решения. И только спустя полгода после того как части Красной Армии, заняв Баку, вышли к иранским границам, а советский десант разгромил англичан в иранском порту Энзели, в ноябре 1920 года переговоры были начаты. Они продолжались три месяца и завершились подписанием мирного договора 26 февраля 1921 года в Москве. По его условиям советское правительство передало в полное владение Ирану денежные суммы Учетно-ссудного банка Ирана на все его движимое и недвижимое имущество. В виде компенсации за ущерб, причиненный этой стране русскими войсками в годы Первой мировой войны, Иран безвозмездно получил все построенные русскими на его территории шоссе и железные дороги, пристани, склады, порт Энзели с электростанцией, телеграфные и телефонные линии, а также пароходы, находившиеся на Урмийском озере. Стоимость этого имущества исчислялось почти в 600 миллионов рублей золотом.

В мае 1920 года вспыхнули восстания в ряде промышленных районов Армении, организованные Военно-революционным комитетом. Мусаватийское правительство на их подавление бросило значительные силы. К середине мая восстания были подавлены. 1600 наиболее активных повстанцев ушли в Азербайджан на соединение с частями 11-й армии. Оставшиеся подверглись репрессиям. В Александрополе, Эриване и Корхе было арестовано около трех тысяч человек, из которых 150 расстреляно. Еще тысячи бывших повстанцев перешли на

нелегальное положение.

Внутренние неурядицы настолько ослабили Армению, что она оказалась совершенно неспособной противостоять внешней агрессии. С приходом к власти в Турции в апреле 1920 года «антиимпериалистического» правительства Мустафы Кемалю Ататюрка советское руководство решило использовать турок для «наведения порядка» в Закавказье. 3 июня народный комиссар по иностранным делам Г.В. Чичерин сообщил Кемалю, что «советское правительство принимает к сведению решимость Великого национального собрания сообразовать вашу работу и ваши военные операции против империалистических правительств с возвышением идеалов освобождения угнетенных народов». Это прозвучало, как благословение турок на очередной поход в Закавказье с юга при том, что с севера к его границам приблизились соединения Красной Армии.

В сентябре 1920 года 30-тысячная турецкая армия вторглась на территорию Армении и оккупировала большую часть страны. В захваченных районах было убито, умерло от ран, болезней, голода, оказались угнанными в глубь Турции не менее 150 тысяч человек. Нанесенный турками материальный ущерб оккупированному краю был определен в 19 млн 743 тысячи рублей золотом.

Военно-политические просчеты дашнакского правительства вызвали возмущение населения Армении, которое всячески поощрялось большевиками. 24 ноября 1920 года правительство было вынуждено уйти в отставку. Некоторая часть дашнакских войск встали на сторону большевиков. Ко 2 декабря восстание охватило всю Армению. На помощь восставшим были направлены соединения 11-й армии под командой А.И. Геккера. Остатки дашнакских формирований уклонялись от боя. 4 декабря советские войска вошли в Эривань.

В феврале 1921 года дашнаки вновь подняли антисоветский мятеж. Их формирования, общей численностью до 12 тысяч человек, захватили Даралагязский, Эчмиадзинский и Эриванский уезды. В Кашикенте они окружили и полностью вырезали личный состав одного из батальонов 20-й стрелковой дивизии Красной Армии. Еще один отряд из несколько сот человек был уничтожен под Канакером. Советские войска временно вынуждены были отступить...

В середине марта, перегруппировавшись и подтянув резервы, красные вновь перешли в наступление на занятые дашнаками районы. В ходе тяжелых боев постепенно кольцо сжималось вокруг Эривани. 2 апреля советские соединения заняли город.

После разгрома дашнаков советские войска создали фронт против турок. 23 апреля они вошли в Александрополь, который уже был оставлен противником.

Александр Иванович Тодорский

16 марта 1921 года в Москве был подписан советско-турецкий договор о дружбе и братстве. По условиям этого договора Турция уступала Грузии Батум и признавала автономность Нахичеванской области под государственным суверенитетом Советского Азербайджана. Взамен этого РСФСР уступал Турции Ардаганский и Карский округа и брал на себя обязательства выплатить ей 10 миллионов рублей. Выплата столь крупной суммы была крайне сложным делом для разоренной России. Тем не менее, 5,4 миллиона рублей были переданы в апреле – июне, а еще 1,1 миллиона – в конце 1921 года. Кроме того, советское правительство оказало Турции крупную военную помощь для ведения войны с Грецией. Недавний враг получил все находившееся в Новороссийске минное и артиллерийское имущество, винтовки и боеприпасы. В начале 1922 года Турции было передано оборудование для патронного завода, а в мае того же года – последние 3,5 миллиона рублей золотом.

Заключение мирного договора с Турцией не положило конец гражданской войне в Армении. Значительные силы дашнаков под командой полковника Нждея продолжали удерживать за собой районы Зангезура и Даралагяза. По данным разведки там находилось 6800 пехотинцев 2370 всадников, 10 орудий и 96 пулеметов.

На разгром этих сил были направлены соединения и отдельные части 11-й армии под командованием М.Д. Великанова, а затем и 1-й Кавказский корпус А.И. Тодорского. Совместными усилиями советские войска к 13 июля нанесли поражение противнику и рассеяли дашнаков. На этом с антисоветскими воинскими формированиями на территории Армении было покончено. Все Закавказье за исключением районов, переданных Турции, стало советским.

В горах Чечни и Дагестана

Намного сложнее и кровопролитнее велась борьба за власть на Северном Кавказе, где столкнулись интересы большевиков, казачества, лидеров «белого движения» и местных мусульманских вождей.

Первым после свержения российской монархии зашевелилось казачество Терека. 14 марта во Владикавказе был создан Казачий круг, на котором создается орган местной власти во главе с членом Государственной думы М.А. Карауловым. Цель этого органа заключалась в сохранении привилегий казачества в зарождавшейся Российской буржуазной республике. Подобные процессы имели место также и на землях Донского и Кубанского казачьих войск.

Действия казачества вызвали ответную реакцию среди мусульманских лидеров Северного Кавказа. В апреле в Кабарде состоялся съезд, создавший орган местного самоуправления во главе с представителями знати Коцевым, Чипсоковым, Наурузовым, Атапсукиным и другими. В Карачае Февральская революция вызвала к жизни Национально-мусульманский комитет под председательством Хамзат-хаджи Урусова. В Осетии, Ингушетии и Чечне власть захватили рациональные лидеры из бывших царских генералов и офицеров, а также крупные промышленники, представители интеллигенции и мусульманские религиозные деятели. В начале мая все эти националистические организации объединились под знаменем ислама, созвав во Владикавказе Первый съезд горских народов. При его открытии представитель закавказских мусульман Агаев сказал: «Братья мусульмане! Наконец-то заговорил, заговорил властно и твердо могучий сфинкс, которому имя – Ислам...» Съезд постановил создать Союз горских народов Северного Кавказа, в который вошли Кабарда, Осетия, Ингушетия, Чечня, Карачай, Черкесия и Дагестан. Его возглавил кумыкский князь Рашид-хан Каплаков.

Простые горцы в политической борьбе практически не участвовали. В это время в их среде не существовало ни партий, ни организаций. Но, почувствовав раскол центральной власти, они активизировались обычным для них способом. Резко возросло количество грабежей и разбоев, обострилась вражда между горцами и казаками, мусульманами и православными, а также между самими кавказцами. На этом фоне деятельность немногочисленной большевистской организации Грозного местными властями долгое время оставалась без внимания. Воспользовавшись этим, грозненские большевики, опираясь на солдат сагитированного ими 111-го пехотного полка, в начале ноября захватили власть в городе.

Действия большевиков не понравились чеченским лидерам, которые в том увидели угрозу для своей власти. По их инициативе 14 ноября 1917 года был создан Терско-Дагестанский федеративный союз, опиравшийся на части Дикой дивизии, вызванной с фронта еще в августе и расположенной во Владикавказе, Пятигорске и окрестностях Грозного.

Собравшись в ауле Старо-Сунженском, 23 ноября 1917 года чеченцы предъявили Грозненскому совету ультиматум. Они требовали выхода из города русских воинских формирований и разоружения рабочих. Большевики были вынуждены выполнить эти условия. Затем были разоружены просоветски настроенные гарнизоны Гудермеса, Воздвиженской и Ведено.

Так же неутешительно для советов складывалась обстановка и в Дагестане. Опираясь на поддержку местной знати и духовенства, извечные антирусские настроения полудиких горцев, крупный помещик и скотовладелец Нажмутдин Гоцинский провозгласил себя очередным имамом Дагестана и Чечни. В конце года он совместно с шейхом Урзум Гаджи, собрав до 10 тысяч горцев, занял Темир-Хан-Шуру и практически стал единоличным хозяином в крае.

Большевики, будучи не в силах противостоять многочисленным противникам, делали все возможное, чтобы столкнуть их между собой. 13 декабря в станице Прохладной якобы чеченцами был убит Терский войсковой атаман Караулов. В качестве ответной меры в тот же день казаки убили в станице Червленой шейха Дени Арасова и 25 чеченцев, приехавших на переговоры. В течение нескольких последующих дней казаки станицы Кохановской огнем артиллерии разрушили Гудермес. Горцы в свою очередь за несколько набегов сожгли эту станицу, а также станицы Ново-Осетинскую, Павлодольскую и ряд казачьих хуторов в окрестностях Моздока. Так начались бои между казаками и чеченцами.

В декабре 1917 года к чеченцам присоединились ингуши. Поводом к тому послужило

убийство нескольких ингушей, вблизи Владикавказа. В один день восстала почти вся Ингушетия. 2 (15) января ими был захвачен и разграблен Владикавказ.

В двадцатых числах января 1918 года представители Терско-Дагестанского правительства покинули Владикавказ и бежали в Ингушетию в селение Базоркино. Власть в горских областях перешла к национальным советам. В Чечне правил Ахмед Хан Матушев, именовавший себя «Ахмед-хан Первый, правитель всей Чечни Большой и Малой»; в Ингушетии – Васан-Гирей Джабагиев; в Кабарде – Конов; в Осетии шла борьба между несколькими партийными группировками; власть в Дагестане держал Н. Гоцинский.

Казачество для борьбы с горцами попыталось созвать в Моздоке Казачий круг, но он не состоялся. Тогда большевики 25 января 1918 года там же созвали Съезд казачества и народов Кавказа, на который приехало 257 человек. Чеченцы и ингуши на съезд не прибыли. На этом съезде не принимались конкретные решения об установлении советской власти на Северном Кавказе, но была проведена направленная агитация в ее пользу и против белогвардейского казачества. Остро был поставлен вопрос о земле, которую, по утверждению представителей советской власти, иногородние и горцы могли получить, только отобрав у местных помещиков и казаков. Это еще больше обострило противоречия между горскими народами и казаками, а также внесло раскол в ряды последних.

Был развязан террор против русскоязычного населения, завершившийся либо его истреблением, либо изгнанием из чеченских земель. Картину этого террора можно найти в воспоминаниях генерала Шкуро, совершившего весной 1918 года поездку поездом из Петровска в Грозный. В частности он пишет: «Это путешествие по железной дороге останется надолго в моей памяти. Мы проезжали местами, где еще недавно кипела отчаянная война между отстаивавшим свои очаги русским населением и горцами, решившими изгнать его из пределов своих стародавних земель. В этой войне горцы, хорошо вооруженные и фанатичные, победили мирных русских крестьян, огнем и мечом пройдя всю страну. Лишь немногие уцелевшие крестьяне, бросив все, с женами и детьми бежали в пределы Терской области. Там, где еще недавно стояли цветущие русские села, утопавшие в зелени богатых садов, теперь лежали лишь груды развалин и кучи обгоревшего щебня. Одичавшие собаки бродили и жалобно выли на пепелищах и, голодные, терзали раскиданные повсюду и разлагавшиеся на солнце обезглавленные трупы русских поселян, жертв недавних боев. Зрелище этого беспощадного истребления трудов многих поколений, этого разрушения культуры, напоминавшее времена Батая и Чингиз-хана, было невыносимо тягостно и разрывало душу. Железнодорожное полотно также было местами разрушено, телеграфные столбы порублены, мостики сожжены. Засевшие в лесных трущобах чеченцы осыпали проходившие эшелоны градом метких пуль, нанося нам потери».

Вслед за тем горцы обрушились на казаков, обитавших за Тереком. На 3-м съезде народов Терека в мае 1918 года было решено ликвидировать станицы Судженской линии: Аки-Юртовскую, Судженскую, Тарскую и Тарские хутора. Казаков предполагалось переселить в Пятигорский округ, а их земли (более 35 тысяч десятин) безвозмездно передать ингушам и чеченцам. По утверждению дагестанского историка 20-х годов А. Тахо-Годи, «это было начало ликвидации знаменитого Суденского казачьего клина, вбитого царизмом в тело ингушей». Последовавший вскоре затем очередной съезд народов Терека принял решение о передаче чеченцам, балкарцам и осетинам уже 150 тысяч десятин бывших казачьих земель.

5 июня 1918 года отряды ингушей напали на казачьи станицы Тарскую, Аки-Юртовскую, Суниженскую, Фельдмаршальскую и сожгли их, предварительно разграбив. В ответ казаки разгромили ингушский аул Бардабос и захватили нескольких горских вожаков, которые признались, что оружие и боеприпасы для набега получили от большевиков во Владикавказе.

В качестве ответной меры горцам 23 июня началось восстание терских казаков, которое возглавили Л. Бичерахов и Э. Мистулов. Восставшие захватили Моздок, создав там «Временное военное правительство казаков и крестьян Терского края» на основе подписания специального договора от 10 декабря 1918 года. Этот договор был направлен прежде всего против большевиков. В нем писалось: «Принимая во внимание, что большая часть территории... захвачена большевиками, а население, доведенное до крайнего хозяйственного разорения, стонет под игмом большевистского произвола, насилия и анархии, договаривающиеся стороны немедленно объединяют и мобилизуют имеющиеся в их распоряжении живые военные силы с целью борьбы

против большевиков и водворения порядка и спокойствия на территории союза». Договор подписали Абул Меджид Чермоев, Пшемахо Коцоев, Константин Сапронов, Федор Киреев.

Авантюра «главкома» Сорокина

В ночь на 6 августа отряды казаков и осетин напали на Владикавказ и захватили часть города. Большевики пытались организовать его оборону, но не смогли и бежали в Назрань. Там, собрав ингушей, они бросили клич идти походом на Владикавказ, обещая земли и имущество осетин и казаков. На призыв откликнулось до тысячи ингушей. Они захватили город и учинили в нем резню.

В это же время Грозненский городской совет потребовал от казаков станицы Грозненской сдать оружие. Казаки, объединив под командованием Григория Бечерахова отряды общей численностью до 15 тысяч человек, решили овладеть Грозным. 11 августа начались бои на подступах к городу, которые продолжались более двух месяцев. Не решаясь на штурм, казаки подвергли Грозный артиллерийскому обстрелу. Только в первый день осады по нему было выпущено 1800 снарядов, а через неделю город превратился в руины.

Большевики выдержали осаду путем введения чрезвычайных мер. Руководитель терских большевиков С.М. Киров докладывал в Москву: «Грозный представляет осажденный лагерь. Все мужское население мобилизовано и находится на учете. Выхать из города можно только с разрешения военно-революционного комитета. Все мирное население имеет натуральную повинность по обороне города».

Сергей Миронович Киров, руководитель установления Советской власти на Кавказе в годы Гражданской войны

29 октября подошедшие части Красной Армии освободили город и отбросили казаков за Терек. Было освобождено также и несколько других населенных пунктов. Большевики учинили жестокую расправу над всеми, кого подозревали в связях с «бандитами». В огне этих репрессий погибло также и большое количество ни в чем не повинных людей.

Также неудачно для белоказачков завершилась и попытка овладеть Кизляром,

осуществлявшаяся под руководством Льва Бечерахова. К концу октября на Тереке была установлена советская власть. Правда, там она продержалась недолго. С Кубани на Терскую область уже наступали войска Добровольческой армии, разгромившие противостоявшие им части Северо-Кавказской армии «красных».

В ноябре 1918 года полки 3-го армейского корпуса, состоявшие главным образом из кубанских казаков, вошли в Осетию и Ингушетию. Командиром корпуса генералом В.П. Ляховым горцам было выдвинуто требование «выдать большевиков, очистить Владикавказ и окрестные селения, восстановить снесенные терские станицы», но они не спешили изъявить покорность командованию Добровольческой армии.

Но в это время на Кубани начались брожения в рядах остатков советских войск, инициатором которых стал командующий Северо-Кавказской советской армией И.Л. Сорокин, попытавшийся захватить власть на юге России. Условия для этого определенные имелись.

Еще в апреле 1918 года по решению большевиков на Кубани была создана Кубанская Советская Республика, в «правительство» которой вошли представители различных партий революционного уклона. Юго-Восточная армия стала называться войсками Кубанской Советской Республики. Общее командование этими войсками принял А.И. Автономов, а И.Л. Сорокин был назначен его помощником. Войскам Кубанской Советской Республики удалось отстоять Екатеринодар, и белые начали поспешное отступление на север.

Армия белых отступала, слабо преследуемая отрядами под общей командой И.Л. Сорокина. Вопреки здравому смыслу это преследование, вначале имевшее большой успех, по решению Ивана Лукича было прекращено. Войска вернулись в Екатеринодар. Туда по приказу Сорокина был доставлен труп генерала Корнилова. Для демонстрации он был выставлен на центральной площади города. Мимо него парадным строем прошли революционные войска, после чего тело Лавра Георгиевича было всенародно сожжено, а пепел развеян по ветру.

В это самое время против красных восстал Дон, кубанский атаман полковник А.П. Филиппов также начал мобилизацию казаков, вступив в переговоры о союзе с командованием Добровольческой армии. Немецкие войска высадились в Ростове-на-Дону. Обстановка на Северном Кавказе продолжала накаляться.

В мае между командующим А.И. Автономовым и советским руководством Кубани возник конфликт. Вмешательство членов Чрезвычайного штаба обороны и ЦИК Кубано-Черноморской Республики в управление войсками вызвало гнев командующего и его помощника. 20 мая Автономов приказал командиру одного из полков, расположенного в Екатеринодаре, арестовать членов Чрезвычайного штаба обороны. Об этом стало известно в Царицыне, и чрезвычайный комиссар Юга России Г.К. Орджоникидзе телеграммой потребовал от Автономова безусловного подчинения решениям ЦИК. Затем, прибыв лично в Екатеринодар, в конце мая отстранил А.И. Автомонова от командования войсками.

И.Л. Сорокину каким-то образом удалось уйти от наказания за поддержку действий Автономова на Кубани в мае 1918 года. Известно, что в июне – июле он командовал Ростовским боевым участком, который разрушился под напором германских войск. 2 мая немцы заняли Таганрог, 8 мая их войска вошли в Ростов-на-Дону, 30 мая – в Батайск. В июле 1918 года в составе РСФСР была образована Северо-Кавказская Советская Республика, столицей которой стал город Екатеринодар.

Генерал А.И. Деникин, пополнив Добровольческую армию в Ростове и Новочеркасске, в конце июня 1918 года предпринял так называемый Второй кубанский поход, завершившийся разгромом войск Северо-Кавказской Советской Республики и захватом западной части Северного Кавказа. После этого авторитет Добровольческой армии серьезно вырос, к мнению Деникина начал прислушиваться донской атаман П.Н. Краснов, войска которого приступили к совместным операциям с войсками Добровольческой армии.

Но спокойствия в зоне действия белых войск не было. Характеризуя это положение, бывший генерал Добровольческой армии Я.А. Слащев писал: «Союзники давали деньги, рассчитывая возместить свои расходы со временем русским углем и нефтью. Началась разбойничья политика крупного капитала. Появились старые помещики, потянувшие за собой старых губернаторов. Интересы мелкой русской буржуазии, создавшей Добровольческую армию, стали как бы попирались интересами крупного международного капитала... Даже мелкобуржуазные массы

почувствовали гнет и частью отхлынули от белых. Пролетариат поднял голову, начались восстания. Создались внутренние фронты...».

В начале июля 1918 года войска Кубанско-Черноморской Советской Республики начали официально называться Красной Армией Северного Кавказа. Главкомандующим этими силами в то время был К.И. Калнин – токарь Путиловского завода, не имевший никакого военного опыта. Его войска несли одно поражение за другим, и были отрезаны от Царицына и восточной части Северного Кавказа.

Назревает конфликт между главкомандующим и его заместителем: Калнин считал фронт против немцев главным, а фронт против Добровольческой армии – второстепенным, у И.Л. Сорокина было другое мнение. Его мало интересовали события, происходившие в районе Ростова-на-Дону, зато очень волновали дела на самой Кубани. Поэтому он всячески уклонялся от выполнения приказов Калнина о переброске войск из-под Батайска на другие участки. Белые заняли Ставрополь, а 27 июля их войска вошли в Армавир. С севера на Екатеринодар наступали Кубанская казачья дивизия генерала Покравского и 1-я конная дивизия генерала Эрдели. Но в начале августа 1918 года наступление белых удалось остановить.

Сорокин переоценил достигнутые частные успехи и доложил в ЦИК Северо-Кавказской Республики о них, как полном разгроме Добровольческой армии Деникина. В результате на заседании ЦИК Северо-Кавказской Республики 3 августа 1918 года главкомандующим Красной Армией Северного Кавказа назначается И.Л. Сорокин.

Иван Лукич сразу же проводит в жизнь ряд мероприятий, направленных на повышение боеспособности вверенных ему войск. Начинается насильственная мобилизация местного населения, реквизиции лошадей и другого имущества. На штабные и ряд командных должностей назначаются бывшие офицеры царской армии. Параллельно с этим создаются особые отряды из анархистов и бывших уголовников, подчиненные непосредственно командующему.

Был разработан смелый план защиты Екатеринодара, рассчитанный главным образом на революционные настроения казаков. И.Л. Сорокин лично выступает на митингах в казачьих частях, обещая всяческие льготы этому сословию. Под видом борьбы с «врагами революции» вся зажиточная часть города была подвергнута разграблению. Были вскрыты винные склады и многочисленные винные магазины. Пьяные толпы вооруженных сорокинцев громили богатые дома, убивали их хозяев, насиловали женщин, уносили все ценное имущество. Об организации обороны Екатеринодара никто не помышлял.

Сам Иван Лукич разместил свой штаб в лучшем здании города, окружив его преданными ему отрядами казаков. Он каждый день выезжал на улицы Екатеринодара на прекрасном белом коне в окружении многочисленной свиты, в сопровождении большого конвоя. Народ видел перед собой не красного главкомандующего, а наместника Кавказа, которым Сорокин пытался себя представить. Он вникал в вопросы не только военные, но и гражданской администрации города и, не имея опыта и возможностей для их решения, тут же находил виновных среди местных чиновников, которых ждали быстрый суд и публичная расправа. Благодаря этим мерам личный авторитет Сорокина среди части местного населения постоянно рос. Складывался миф «народного героя», в котором Иван Лукич играл ведущую роль.

Но противник оказывается достаточно сильным. Его войска продолжают наступление, и 17 августа передовые части Добровольческой армии вступают в Екатеринодар, оборона которого практически не велась.

Таким образом, для удержания столицы Кубани должных усилий Сорокиным приложено не было несмотря на то, что советские войска превосходили по численности войска противника. Оказалось, что часть войск отказалась выполнять приказы Сорокина, вышла из его подчинения и стихийно начала отступать.

В конце августа Сорокин из района Армавира с самолетом направил в Астрахань для доклада Военному совету Северо-Кавказского военного округа в Царицыне донесение с оценкой положения Красной Армии Северного Кавказа. 3 сентября это донесение было представлено И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову. В донесении Сорокин слезно просил пополнения запасов боеприпасов, но Сталин решил направить их не на Северный Кавказ, а под Царицын. При этом Сталин 26 июля посылает телеграмму в Москву, в которой пишет: «Положение всей кубанской армии отчаянно неприглядно, армия осталась без необходимых предметов вооружения, она

отрезана и гонят ее к морю».

В конце августа белые начали наступление на Армавир. Часть советских войск под командованием Д.П. Жлобы, оборонявшие этот участок, пользуясь отсутствием командира, вышла из повиновения и начала творить бесчинства. Они потребовали крупных денежных средств, угрожая расправой комиссарам. Получив отказ, приняли решение оставить позиции.

Узнав об этих бесчинствах, И.Л. Сорокин приказал арестовать и расстрелять главного зачинщика. Но командиры этой группировки под предлогом недоверия главнокомандующему, приняли решение оставить Северный Кавказ и увести войска в Царицын, где с 10 июля находился и сам Жлоба. Воспользовавшись этим, белые перешли в наступление и заняли Армавир.

В конце августа в Невинномысск, где находился штаб И.Л. Сорокина, прибыл из Царицына Жлоба с приказом немедленно двигаться к Царицыну. Из этого приказа не были ясны причины отхода Красной Армии Северного Кавказа к Царицыну, о них ничего не знали ни Чрезвычайный комиссар Юга России Г.К. Орджоникидзе, ни в Москве. Это создавало очень сложное положение для войск Красной Армии Северного Кавказа.

Началась неразбериха. Главнокомандующий пытался наладить управление войсками, но у него ничего не получалось. Д.П. Жлоба отказался выполнять его приказы и, погрузив войска в эшелоны, и 10 сентября направился в Царицын. Сорокин разослал телеграммы о задержании и разоружении войск Жлобы, но его распоряжения остались только на бумаге, так как не было сил для их выполнения.

Командование Южного фронта тут же направило в штаб Сорокина ряд директив относительно планов дальнейших действий, начало требовать постоянных донесений по многим вопросам. При этом одни приказы зачастую перечили другим. Так, если приказ от 22 августа требовал отвода войск к Царицыну, то приказ от 24 сентября предписывал любой ценой удерживать Северный Кавказ.

Красная Армия Северного Кавказа отступала, не имея определенного плана ведения боевых действий. С боями она отошла на восток, и в сентябре соединились с войсками Таманской армии, которая незадолго до этого в августе – сентябре 1918 года совершила героический переход из побережья Черного моря в район Армавира, описанный в романе А.С. Серафимовича «Железный поток». Ее войска, насчитывавшие около 100 тысяч человек при 185 орудиях, заняли рубеж по рекам Лаба, Кубань, Невинномыск, ведя бои с войсками Добровольческой армии и тем самым оказывая помощь красным войскам, оборонявшим Царицын.

В начале октября приказом командующего Южным фронтом все подчиненные ему войска были сведены в пять армий. Командующими армиями назначаются К.Е. Ворошилов, Сорокин и Автономов. Председателем Реввоенсовета фронта назначается Сталин, а Ворошилов занимает сразу две ответственные должности: кроме командующего армией он занимает должность помощника командующего и члена Реввоенсовета фронта.

События под Царицыном развиваются в пользу советского командования. Мятежная дивизия Жлобы нанесла удар с тылу по белым войскам и вынудила их отойти от Царицына. По настоянию Сталина Жлоба получил от Реввоенсовета республики именной портсигар.

И.Л. Сорокин лишился высокого титула главнокомандующего Красной Армией Северного Кавказа и был назначен командующим 11-й армии, действующей на Кубани. Ивану Лукичу это очень не понравилось. К тому времени он привык считать себя единовластным хозяином всего Северного Кавказа, и не желал подчиняться приказам командующего фронтом П.П. Сытина и членов его Реввоенсовета. Он продолжал рассылать директивы ранее подчинявшимся ему командующим и требовал выполнения их вопреки директивам командования Южного фронта. Это приводило к конфликтам, при разрешении которых Иван Лукич действовал крайне жестко.

Так, в начале октября 1918 года с небольшой группой сторонников он прибыл в Ставрополь, где в то время размещался штаб Таманской армии и потребовал от ее командования беспрекословного выполнения его приказов. Командующий Таманской армией И.И. Матвеев ответил, что выполняет директивы командования Южного фронта. Сорокин был взбешен таким ответом, обвинил Матвеева в измене и добился от Реввоенсовета приказа о его расстреле. После этого, переформировав войска армии, Сорокин начал штурм Ставрополя. 27 октября город был взят красными. Иван Лукич в этот город въехал со своим штабом, как триумфатор. Начались обычные для того времени аресты и расстрелы, конфискация имущества, грабежи, насилия,

пьянки.

В октябре обострились разногласия между И.Л. Сорокиным и его штабом с одной стороны и Реввоенсоветом 11-й армии и ЦИК Северо-Кавказской Республики с другой. Противники командующего докладывали, что Иван Лукич и его штаб настолько разложены, что не занимаются планированием и управлением боевых действий. В ответ на это на совещании командного состава, происходившем в Пятигорске 15 октября, Сорокин прямо заявил, что ЦИК и Реввоенсовет ему мешают выполнять обязанности командующего. На этом же совещании возмущенный секретарь крайкома партии М.И. Крайний (Шнейдерман) написал записку председателю Северо-Кавказской ЧК М.П. Власову, которая заканчивалась словами: «...на днях должен решиться вопрос, или эта сволочь, или мы». Но эта записка, небрежно брошенная Власову, попала в руки Сорокину.

21 октября 1918 года Сорокин приказал оцепить отель «Бристоль», где размещался ЦИК Северо-Кавказской Республики и арестовать ряд руководящих работников ЦИК, председателя фронтовой ЧК и тут же расстрелять их. Аджютант командующего выполнил этот приказ: арестованные были доставлены к горе Машук и расстреляны. Несколько дней спустя был выслежен, арестован и расстрелян М.П. Власов.

Чтобы как-то объяснить свои действия, Сорокин обвинил всех расстрелянных в связях с белогвардейцами и даже 22 октября выпустил по этому случаю специальную листовку. Более того, для подтверждения этих обвинений были арестованы секретарь ЦИК Миньков и младший брат Крайнего, которые, дав нужные показания, также были расстреляны.

Только после этого в Москве разглядели диктаторские замашки красного главкома, который был объявлен врагом революции. 27 октября II чрезвычайный съезд Советов Северо-Кавказской Республики объявил Сорокина вне закона. Он был арестован и должен был предстать перед судом. Но большевиками некогда было соблюдать законность. 1 ноября 1918 года в здание, где находился бывший командующий, прибыл заместитель командира полка 1-й Таманской пехотной дивизии И. Высленко. Войдя в комнату, где происходил допрос, он спросил: «Кто будет Сорокин?» Убедившись, что перед ним именно тот, кто нужен, Высленко выстрелил в него в упор и убил.

Так закончилась история мятежа Сорокина на Кубани. Правда, после расследования, по поводу произошедшего Г.К. Орджоникидзе в июле 1919 года докладывал Совнаркому РСФСР следующее: «После взятия Прохладной мы узнали о состоянии XI армии и о тех делах, которые произошли в Пятигорске, о расстреле наших лучших товарищей Сорокиным, о расстреле Сорокина в Ставрополе. Здесь я считаю своим долгом заявить, что несмотря на всю необузданность Сорокина, несмотря на его преступление, совершенное по отношению к нашим товарищам, с контрреволюцией он никаких связей не имел. Сорокинская история создавалась на почве отступления Кубанской армии и недоверия между Сорокиным и руководителями Кубанской Советской власти».

Командование 11-й армией принял И.Ф. Федько. Но это объединение не могло устоять под напорами деникинских войск с севера. Советская власть, продержавшись на Северном Кавказе почти 11 месяцев, уступала свои позиции более организованным силам.

Узун-Хаджи

19 января 1919 года власть большевиков пала в Пятигорске. 4 февраля части дивизии генерала П.Н. Шатилова вошли в Грозный, а 11 февраля конница генерала А.Г. Шкуро заняла Владикавказ. К весне Северный Кавказ стал тылом Добровольческой армии. Темные карачаевские пастухи пошли в «волчи» сотни Шкуро, черкесы – в отряды Султан Келеч-Гирея.

Но Чечня, Ингушетия и Дагестан не пожелали примкнуть к «белому делу». Горцы быстро вошли в русло новой войны, видя врагом каждого русского, независимо от его партийной принадлежности. Из добровольцев были сформированы партизанские отряды во главе с шейхом Узун-Хадиш, штаб-квартира которого находилась в Ведено.

Уже в феврале – марте 1919 года произошли первые столкновения Добровольческой армии с горцами. В аулах Гойты, Урус-мартан, Гехи и Алхан-Юрт начались восстания, подготовленные членами Горского правительства во главе с П. Клцевым при участии местных большевиков. Было выдвинуто требование к Деникину о признании этого правительства единственно законным, а также о предоставлении горским народам независимости от России. Антон Иванович переговоры

на таких условиях считал для себя неприемлемыми и направил на подавление восстания сводные отряды казаков, которые успешно выполнили поставленную задачу.

В июне 1919 года восстал Ингушетия. Поводом стало проведение мобилизации среди местного населения, в которой «горец видел символ своего слияния с ненавистными «гяурами», первый шаг к обрусению». Войскам Деникина на его подавление потребовалось около недели. После этого 29 июля командующий войсками Владикавказского района генерал-лейтенант Н.П. Вадбольский потребовал от жителей ингушских аулов Экажево и Сурхохи «выставить на фронт число всадников вдвое больше, чем полагалось по прежнему плану мобилизации, выдать все имеющееся у них огнестрельное и холодное оружие... и прислать еще по 30 заложников с каждого аула». Ультиматум был проигнорирован, и оба аула подверглись артиллерийскому обстрелу.

«Усмирение загнало лишь «болезнь» внутрь, – пишет Антон Иванович. – Комиссия, объезжавшая край с целью исследования его хозяйственно-экономического положения, как одну из причин волнений указывала на бедственное положение Нагорной Ингушетии, потерявшей пастбища и пахотные земли, которые раньше снимались в аренду у терских казаков, и отрезанной враждебными станицами от рынка – Владикавказа. Спор старый, кровавый, который нельзя было решить скоро и безболезненно».

Не успели отгреметь выстрелы в Ингушетии, как вспыхнуло восстание в Горном Дагестане, поднятое неким Али-хаджи. Добровольцам пришлось воевать с дагестанцами в течение месяца и штурмовать ряд аулов. Только 11 июля, потерпев ряд военных неудач, представители повстанцев прибыли в Темир-Хан-Шуру с просьбой о перемирии. Они заявили, что вождь их заблуждался в отношении горской политики Деникина и теперь, разобравшись в этом вопросе, больше не хочет воевать с белогвардейцами. Деникин, копивший силы для борьбы с большевиками, сделал вид, что поверил дагестанцам.

Но спустя некоторое время под влиянием турецкого эмирата Киазима-бея вновь начались боевые действия в дагестанском тылу Добровольческой армии. На этот раз антирусские силы возглавили шейх Узун-хаджи и командующий войсками «Северо-Кавказского эмирата» бывший слушатель Военно-юридической академии ротмистр князь Дышинский. В своих воззваниях они заявили о создании Шариатской монархии путем беспощадной борьбы с «белыми гяурами». В одном из документов, адресованных к русским, они писали: «Иго русского царизма сковало мусульманский народ... После ухода царя русского мусульмане Северного Кавказа добивались самоопределения путем республики. Эта цель и эти мечты были разбиты варварским вторжением деникинской банды... Русские и другие христианские народы! Вы на вашей земле, а мы на своей останемся хозяевами... мы не требуем автономии, а мы хотим независимой Шариатской монархии. Мы должны умереть за нашу независимость, мы не можем терпеть больше русского ига...»

Обосновавшись в ауле Ведено, Узун-хаджи и его сторонники в начале августа 1919 года торжественно объявили об образовании на территории Чечни и Дагестана самостоятельного государства-эмирата. Узун-хаджи был провозглашен имамом Чечни и Дагестана. В короткие сроки было создано правительство Северо-Кавказского эмирата, в котором Дышинский, кроме поста главнокомандующего, захватил портфели премьер-министра, министра иностранных дел, министра юстиции, а также министра внутренних дел и имущества. Военным министром стал уроженец аула Шали Ш. Истамулов, который также командовал «Великой мюридской гвардией», сформированной из чеченцев и тавлин.

В середине августа по призыву шейха Узун-хаджи восстал Горная Чечня. Вскоре силы восставших выросли до полутора тысяч человек, на их вооружении была даже батарея горных орудий. Артиллеристами на этой батарее были красноармейцы из разгромленной 11-й армии. Позже этот факт дал основание некоторым советским историкам утверждать, что восстание чеченцев носило большевистский характер. Реально же оно представляло собой националистическое выступление горцев, направленное против всего русского.

Масштабы чеченского восстания быстро увеличивались. Его вождь, не ограничиваясь добровольцами, решил на принудительную мобилизацию соплеменников. Это позволило численность его «войска» довести до пяти тысяч человек.

«Методы, применявшиеся для поднятия аулов, были суровы и элементарны, – пишет Деникин. – Узун-хаджи убивал отступников, брал их добро и жег их сакли. Такой участи

подвергались иногда целые непокорные аулы. В темном крае, где личные влияния враждебных обыкновенно друг другу шейхов, имамов и мулл подменяли подлинно народные движения, авторитет Узун-хаджи был неодинаков: в плоскостной Чечне к нему относились враждебно, в нагорной – одни видели в нем святого, действующего по воле Аллаха, другие смотрели на предприятие шейха как на возможность хорошо пограбить».

Против мятежных горцев Деникин направил вооруженные отряды, сформированные из жителей равнинной части Чечни во главе с председателем Чеченского национального совета Ибрагимом Чуликовым. Однако действия этого ополчения были не эффективными. В течение августа мятежники, наступая в северном направлении со стороны Ведено, захватили ряд предгорных районов и подошли к Грозному. Их командованию удалось наладить связь с мусульманскими вооруженными формированиями Дагестана, которые к этому времени захватили Дербент и начали осаду Темир-Хан-Шуры и Петровска. Создалась реальная угроза образования единого фронта антироссийских сил на территории Северного Кавказа, в котором были заинтересованы лидеры всех закавказских образований, претендовавших на государственную самостоятельность.

«В этом последнем чувстве сошлись все потентанты, – утверждал Деникин. – Содействие их восстанию было широко, почти открыто и заключалось в пропаганде, деньгах, оружии и подкупе влиятельных людей. Азейбаржанцы посылали своих и турецких офицеров в качестве инструкторов и командного состава преимущественно в Дагестан. Грузия отправила партизанские отряды из пленных красноармейцев, грузинский «легион», десятки офицеров-инструкторов под общим начальством генерала Кереселидзе главным образом в Чечню. Меджлис назначил Кереселидзе «верховным главнокомандующим войск Горной республики». Али-хаджи и Узун-хаджи были признаны закавказскими правительствами в качестве полномочных начальников Дагестана и Чечни».

Большевики, видя своего главного противника в лице Деникина, не препятствовало разжиганию националистических выступлений в тылу белогвардейских войск. В результате последним приходилось воевать фактически на два фронта, что распыляло их силы и дезорганизовывало антибольшевистскую борьбу.

29 августа шейх Узун-Хадиш под Воздвиженской нанес поражение одной из частей Добровольческой армии, перевешал всех попавших в плен офицеров, после чего заявил о намерении создать независимый Северо-Кавказский эмират под присмотром Магомета Бахидина Первого. Правда, идея централизации власти в руках эмира не понравилась племенам чеченцев и дагестанцев. В знак протеста они перестали повиноваться шейху и занялись разбоем и грабежом.

Между тем, советские войска теснили белогвардейские соединения с севера. На кавказском направлении был развернут Кавказский фронт во главе с В.И. Шориным в составе четырех общевойсковых и 1-й Конной армий. 17 января, форсировав Дон, советские войска начали наступление. В середине марта 11-я армия заняла Пятигорск и Минеральные Воды, а 24 марта ее части вошли в Грозный.

Приближение Красной Армии активизировало выступление большевиков в тылу деникинских войск, где были созданы партизанские отряды из рабочих, казаков и незначительного количества горцев. 24 марта они захватили Владикавказ и удерживали его шесть дней до подхода 11-й армии. 25 марта партизанами Дагестана был занят Дербент, а к концу месяца – Темир-Хан-Шура и Петровск. К началу апреля 1920 года весь Северный Кавказ официально был объявлен советским.

Победы Советской власти

Но, как оказалось, праздновать победу было рано. В начале сентября 1920 года в Дагестане вспыхнул антисоветский мятеж, который возглавил Нажмудин Гоцинский. Его ближайшим политическим помощником стал 22-летний Саид-бей – сын Мухаммед-Камалы и внук Шамиля, прибывший в Дагестан из Турции по воле отца. Оба эти деятеля легко возбуждали национальные и религиозные чувства горцев, но были весьма слабы в военном деле. Поэтому оперативно-тактические вопросы вооруженной борьбы были поручены 37-летнему полковнику Джафарову, имевшему военное образование и опыт боевой службы в российской и врангелевской

армиях. Непосредственное командование формированиями мятежников приняли бывшие офицеры полковник Кайтмас Алиханов и поручик Гасан Абакаров. В их составе действовало не менее 600 активных бойцов, которые имели тайных сообщников во многих аулах. Слабость советской власти в Дагестане позволила мятежникам в течение нескольких недель установить контроль над многими районами, уничтожив или разоружив находившиеся там подразделения Красной Армии.

Как обычно, первые военные удачи быстро собрали под зеленые знамена множество новых сторонников. 5 октября горцы силами до 2500 человек осадили Хунзах, оборонявшийся гарнизоном из 295 красноармейцев. Несмотря на все старания и частые штурмы, гарнизон выдержал осаду, совершив в первый месяц пять вылазок и уничтожив до 500 человек противника. Затем он перешел к пассивной обороне, которая продолжалась вплоть до подхода советских частей.

К ноябрю 1920 года в составе исламских формирований в Дагестане и некоторых районах Чечни действовало 2800 пехотинцев и 600 всадников, на вооружении которых было 4 орудия и до двух десятков пулеметов. Они базировались в аулах, находившихся в долинах рек Андийское Койсу, Аварское Койсу, Каракойсу и их притоках. Все эти аулы были хорошо укреплены самой природой и позволяли оборонять их даже малыми силами.

Для разгрома мятежных сил советское командование решило нанести два удара по сходящимся направлениям на Хунзах: первый силами 14-й стрелковой дивизии из Темир-Хан-Шуры, второй – Образцовым революционной дисциплины полком из Ведено. Всего к операции привлекалось около 8 тысяч пехотинцев, тысяча кавалеристов на вооружении которых было 18 орудий и более 40 пулеметов.

Наступление частей 14-й стрелковой дивизии началось 10 ноября и велось одновременно по трем направлениям. Части, наступавшие на северном направлении, подойдя к Гимрам, начали переговоры с оборонявшимися там горцами. Те, видя силу советских войск, заявили о своем нейтралитете, но наотрез отказались впустить красноармейцев в аул. Было решено блокировать населенный пункт одной ротой, а главными силами продолжать наступление на Унцуль и далее на Цатаних и Моксох.

Горцы, ведя сдерживающие бои, постепенно отходили на юг, собирая резервы. 24 ноября они оставили Унцуль. После этого силы наступавших войск были разделены на два отряда. Один из них устремился к Цатаниху и занял его. Другой же, на подступах к Моксоху был застигнут сильной вьюгой и сбился с пути. Противник воспользовался этим и внезапно атаковал красноармейцев с разных сторон. Из 148 человек отряда в Унцуль вернулось только 50. Остальные полегли в горах. Эта неудача, а также наличие значительных сил мятежников, заставили советское командование оставить Натаних и отвести войска в Унцуль.

Части, наступавшие на центральном направлении, в конце октября заняли Чалды и попытались овладеть Большим Гоцалем. Но были контратакованы крупными силами мятежников и отброшены в Карадах. Оттуда, усилившись подразделениями местного гарнизона, они возобновили наступление на Большой Гоцаль и после упорного боя овладели аулом. Затем, разделившись на два отряда, советские войска к 23 ноября потеснили горцев и заняли аулы Чалды, Могох, Гоцоб и Буцра, расположенные севернее Большого Гоцалья. Правда, успех оказался также временным. В начале декабря мятежники нанесли поражение советским войскам, отбросив их вначале в Карадах, а затем – в Гуниб и блокировав эту крепость.

То же случилось и с отрядом, действовавшим из Хунзаха в направлении на Сиух. Успешно овладев в ноябре рядом аулов, он в декабре был отброшен в исходное положение и блокирован в крепости. В результате и на центральном направлении события приняли к концу года оборот, неблагоприятный для советского командования.

Не лучше складывалась обстановка на южном направлении. Там советские войска попытались ударом со стороны Леваша занять Хаджал-Махи. Горцы уступили аул фактически без боя, но ночью вернулись совместно с жителями и контратаковали красноармейцев. Потеряв в ночном бою убитыми, ранеными и пропавшими без вести более 150 человек, советские подразделения отошли обратно в Леваша.

Получив подкрепления, южный отряд 20 декабря вновь двинулся от Леваша на Хаджал-Махи. На этот раз горцы встретили советские войска в узком ущелье на подступах к аулу. Отсутствие бокового охранения позволило мятежникам подойти к колонне почти вплотную и

внезапно атаковать ее с нескольких направлений. Причем в начале боя огнем снайперов были выведены из строя многие командиры. Отряд вернулся в Леваши, лишившись командира и военкома полка, всех командиров батальонов, рот и более 160 рядовых красноармейцев.

Таким образом, все попытки советского командования проникнуть в мятежные районы со стороны Леваши также потерпели неудачу.

Еще более трагически завершилось наступление со стороны Чечни Образцового революционной дисциплины полка. Эта часть, выступив 9 декабря из Ведено, через неделю, выдержав в пути несколько стычек с мятежниками, прибыла в Ботлих. Оттуда передовой отряд в составе батальона пехоты был выслан вниз по течению Андийского Койсу. 18 декабря он без боя вошел в Муни, где красноармейцы повели себя как завоеватели. Население было разоружено и обложено контрибуцией в виде фуража и продовольствия. Кроме того, имели место случаи ограблений домов и амбаров. Это окончательно обозлило горцев, но они позволили батальону беспрепятственно покинуть аул.

На следующий день передовой отряд полка также легко занял Ората-Коло, где красноармейцы повели себя, как и накануне. При этом они не знали, что воины этого аула, объединившись с жителями Муки, уже приготовились к нападению. В ночь на 20 декабря внезапными ударами с разных сторон передовой батальон был полностью уничтожен в Ората-Коло.

Спустя четыре дня значительные силы мятежников также внезапно в ночное время атаковали главные силы полка в Ботлихе. Приняв бой, советская часть оказалась в окружении. Видя неравенство сил, командование полка вступило в переговоры с вождями горцев и выговорило право отвода части обратно в Ведено после ее разоружения. Когда же условия советской стороной были выполнены, мятежники при помощи кинжалов и шашек уничтожили всех красноармейцев. В тот страшный день в Ботлихе погибло более 700 человек, в качестве трофеев было захвачено 645 винтовок, 9 пулеметов и большое количество боеприпасов, которые тут же раздавались добровольцам, пожелавшим сражаться с «неверными».

Таким образом, компания 1920 года в Дагестане и Чечне завершилась поражением советских войск на всех направлениях. Это повысило боевой дух горцев, привело под их знамена тысячи новых добровольцев. К началу 1921 года в мятежных районах противник имел 7200 пеших, 2490 конных воинов, на вооружении которых было 40 пулеметов и 2 орудия. С учетом поддержки повстанцев местным населением, силы их доходили до 50 тысяч человек, готовых стать в строй по призыву вождей или священнослужителей.

Советское командование наконец-то начало более реально учитывать местность и оценивать характер действий горцев. Стало ясно, что малыми силами с ними не справиться. Директивой командующего Кавказским фронтом от 25 января для «наведения порядка» в Чечне и Дагестане была сформирована специальная Терско-Дагестанская группа войск под командованием Левандовского. В нее вошли три стрелковых, конная дивизия, отдельная Московская бригада курсантов, два автобронеполка и разведывательный авиационный отряд. Всего в составе группы насчитывалось до 20 тысяч пехоты, 3,4 тысячи кавалерии, 67 орудий, 8 броневозов и 6 самолетов.

Была осуществлена перегруппировка советских войск. Для действий в Чечне выделялись 33-я стрелковая и 18-я конная дивизии. Дагестанский фронт был разбит на два участка, разделенных рекой Андийское Койсу. Северный поручался 14-й стрелковой дивизии, на южный направлялись части 32-й дивизии. Московская бригада курсантов оставалась в резерве. Общий план операции предусматривал наступление всех трех группировок по сходящимся направлениям на Хунзах. Однако согласование действий группировок по рубежам и времени не производилось, что сразу же привело к распаду операции на отдельные бои, которые велись на каждом направлении самостоятельно.

Первыми в наступление перешли части стрелковой дивизии, которые, действуя со стороны Леваши, 2 января 1921 года овладели Хаджал-Махи. При обороне аула противник потерял 100 человек убитыми и 140 пленными. Были захвачены 200 винтовок, 2 пулемета, горное орудие и 208 снарядов. Потери наступавшей стороны составили 24 человека убитыми и 71 раненый. Уцелевшие защитники Хаджал-Махи ушли в Гергебиль и Аймаки. Для овладения этими населенными пунктами соединение было разделено на две группы, наступавшие по разные стороны хребта

Кулимеэр. Действия обеих групп были неудачными.

Группа, наступавшая на Аймаки, на дальних подступах к аулу рассеяла отряд из 200 горцев. Но затем умелым отходом противника она была втянута в «огневой мешок», где понесла большие потери и отступила.

Левая группа, наступавшая на Гергебиль вдоль Казикумыхского Койсу, также первоначально потеснила отряд из 600 горцев. Но затем, увлекшись их преследованием, советские части вошли в теснину, где были контратакованы. Потеряв в скоротечном бою командира и комиссара полка, двух комбатов, пятерых командиров рот и 283 красноармейца, группа отступила на юг.

Безрезультатные боевые действия частей 32-й стрелковой дивизии на подступах к Гергебилю и Аймаки продолжались до 17 января. За это время, почти не продвинувшись вперед, они потеряли более 400 человек убитыми и ранеными. 18 января для наступления на Аймаки с северо-востока из дивизионных резервов была сформирована третья группа. Но ввод ее в бой существенных результатов не дал.

Низкая результативность наступления частей 32-й стрелковой дивизии вызвала недовольство со стороны вышестоящего командования. 20 января в адрес ее командира была направлена телеграмма, в которой, в частности, говорилось: «Из рассмотрения операций в Дагестане усматриваю, что действия ударной группы сводятся к настойчивому лобовому удару на Аймаки и Гергебиль. Неоднократные попытки сбить противника с этих пунктов желательных результатов не дали и наши части, каждый раз неся значительные потери, отбрасывались обратно. Части продолжают бесцельно, теряя с каждым днем уверенность в успехе, драться с прекрасно естественно защищенным противником и, надо полагать, упорство и настойчивость на этом участке целей не достигнут...»

В качестве основ тактики предписывалось: «...действовать сильной ударной колонной, не разбрасывая силы на отдельные второстепенные направления. Обратит внимание на усиление агентурной разведки. Избегать по возможности лобовых ударов, шире использовать маневр, обходы и охваты. Максимально использовать огонь артиллерии...»

Наступление войск 32-й дивизии возобновилось 22 января и сразу же захлебнулось из-за погодных условий. Сила внезапно начавшейся метели была такова, что пребывание людей на открытом пространстве и особенно на высотах стало невозможным. И красноармейцы, и мятежники после короткой перестрелки разошлись по укрытиям. Наступавшие войска в этот день потеряли 12 человек убитыми, 10 замерзшими, 39 ранеными, 42 тяжело обмороженными и более 100 получившими легкие обморожения.

В последующие три дня подразделения левой группы, последовательно занимая господствующие высоты, вплотную подошли к окраине Гергебиля. Успех дался ценой потери 38 человек убитыми и 167 ранеными и обмороженными. Вследствие больших потерь было решено штурмовать аул ночью, как это было проделано русскими войсками в середине XIX века.

Штурм Гергебиля начался в 2 часа ночи 26 января и завершился только к 18 часам. Сопrotивление горцев было отчаянным. Каждую саклю приходилось брать с боем. При этом эффективно использовались ручные гранаты, которые забрасывались в помещения с крыши через печные трубы. Всего в ауле было уничтожено около 200 мятежников. Женщины и дети заблаговременно ушли в горы, куда затем последовали и немногие уцелевшие в бою мужчины. Урон советских войск при штурме Гергебиля составил 9 человек убитыми и 58 – ранеными.

Падение Гергебиля привело к тому, что горцы покинули Аймаки и ушли с семьями в горы. Ряд аулов, располагавшихся в долине Аварского Койсу, заявили о своем нейтралитете и готовности беспрепятственно пропустить советские войска в Хунзах.

Дальнейшее наступление частей 32-й стрелковой дивизии осуществлялось по трем направлениям: на Карадах, на Гуниб и на Бухты. Гунибское направление, где предстояло деблокировать полутысячный советский гарнизон, оборонявшийся там с ноября 1920 года, было главным.

Более успешным были действия советских войск на бухтынском направлении. Поднявшись по долине Казикумыхского Койсу, они обошли вершины Арчалаварского хребта с юга и нанесли удары по Шатли и Мукару. Мятежники попытались закрепиться в Бухты и Сограле, но после непродолжительного сопротивления оставили эти аулы. Преследуемые советскими войсками они отступили к Гунибу на соединение с отрядами, осадившими эту крепость. Но подход частей 32-й

дивизии к Гунибу со стороны Гергебиля заставили горцев снять осаду и уйти на юго-запад. Попытка организовать их преследование закончилась трагически. Один из батальонов, выполнивший эту задачу, 19 февраля был разгромлен в ауле Ругуджа мятежниками и местными жителями. Напав на спящих, дагестанцы без единого выстрела при помощи кинжалов уничтожили 125 красноармейцев. После этого преследование противника было временно приостановлено.

На северном участке дагестанского фронта обстановка складывалась также весьма напряженно. В качестве первостепенной задачи командованию 14-й стрелковой дивизии предстояло овладеть Гимрами. Этот аул, расположенный на дне огромной котловины, окруженный со всех сторон крутыми скалистыми высотами, самой природой был превращен в крепость. Попасть в нее можно было с востока по единственной узкой тропе шириной 2–3 метра. Исторический опыт штурма Гимр русскими войсками в 1832 и 1834 годах свидетельствовал о сложности задачи и неизбежности больших потерь.

Изучив обстановку и проанализировав предыдущий опыт, командир дивизии отказался от штурма аула войсками, решил склонить мятежников к капитуляции огнем артиллерии. С этой целью была создана артиллерийская группа из восьми пушек и четырех гаубиц, которая с 25 декабря начала методический обстрел Гимр бомбами, гранатами, шрапнелью и химическими снарядами. Он продолжался почти два месяца. За это время по аулу были выпущены 1333 снаряда, которые стали причиной больших разрушений и человеческих жертв. 17 февраля, не выдержав напряжения, защитники Гимр капитулировали. Советские войска заняли аул без потерь в личном составе.

24 февраля части 14-й стрелковой дивизии начали наступление вдоль южного берега Андийского Койсу. 15 марта их передовые подразделения в районе Ботлиха соединились с войсками Чеченской группы, наступавших со стороны Ведено. Обстановка в междуречье Андийского Койсу и Аварского Койсу была нормализована. Советские войска занимали все крепости, многие большие аулы и ключевые районы местности. Все передвижения горцев осуществлялись с разрешения и под контролем советского командования.

Остатки отрядов мятежников общей численностью до тысячи человек при четырех пулеметах ушли в труднодоступные районы вверх по течению Аварского Койсу. Туда же собрались все главные их вожди. Попытки советского командования ликвидировать противника, предпринятые частью сил 32-й дивизии в конце марта, результатов не дали.

Для ускоренного решения этой задачи командующий 11-й армией приказал нанести встречный удар со стороны Телави через Главный Кавказский хребет двумя полками 18-й конной дивизии. Марш кавалеристов, совершавшийся в крайне сложных условиях, прошел успешно. К середине мая мятежники были окружены с двух сторон и отрезаны от своих баз, находившихся в окрестных аулах. После непродолжительного сопротивления они рассеялись по горам.

Советские войска приступили к закреплению своих позиций в занятых районах и к разоружению местного. Последнее оказалось крайне трудным делом. Культ оружия среди горцев был настолько велик, что уже сама мысль лишиться его нередко приводила к мятежу. Приходилось действовать осторожно, изымая оружие поэтапно. Вначале было предложено сдать «излишки», оставив по одному стволу на каждого представителя мужского населения, от младенца до древнего старика. При этом была произведена регистрация оружия, позволившая определить приблизительно его количество. После этого право на ношение оружия было оставлено только за мужчинами в возрасте от 20 до 60 лет, а боезапас ограничен до 50 зарядов на ствол. При малейших нарушениях установленного порядка оружие и боеприпасы изымались не только у провинившегося, но и других жителей аула. Данные меры позволили в течение месяца изъять у горцев около трех тысяч единиц огнестрельного оружия и большое количество патронов.

Оставленные советскими войсками ранее занятых в ходе боев районов в связи с переходом на мирное положение требовало всесторонней тщательной подготовки. Издавна существовавшее среди горцев убеждение, что власть пришельцев на местах существует лишь до тех пор, пока там находятся их войска и теряет всякую силу с их уходом, могло быстро свести на нет с таким трудом достигнутые победы. Во избежание этого уход войск всячески демонстрировался как акт доброй воли победителей. В приказе РВС дагестанской группы, в частности, говорилось следующее: «Дабы не дать почвы для новой провокации при оставлении нами занятых аулов в Нагорной Чечне и Дагестане, якобы под давлением каких-либо для нас невыгодных и угрожающих обстоятельств,

немедленно энергично подготовить население к предстоящему добровольному уходу войск. Население должно быть убеждено, что мы не желаем обременять аулы различными повинностями, как то подворной, квартирной и прочими.

Уход частей тщательно обставлять торжественными митингами и демонстрациями, приветствиями населению, массовыми собраниями, разъяснениями целей и задач Красной Армии».

Последний очаг восстания в Дагестане был ликвидирован лишь после десяти месяцев упорной борьбы, потребовавшей с обеих сторон больших человеческих жертв. Потери советских войск убитыми и искалеченными по самым приблизительным подсчетам превысили 5 тысяч человек. Урон среди горцев был несколько меньшим, что объяснялось тактикой партизанской войны, хорошим знанием местности и связями с населением.

Судьбы главарей восстания сложились по-разному. Нужмудин Гоцинский скрылся в горах и еще продолжительное время вел борьбу с советской властью путем разбойных нападений. Полковник Джафаров также вначале скрывался в горах, но затем, устав от борьбы, явился с повинной к представителям советской власти в Темир-Хан-Шуру. Дальнейшая его судьба неизвестна. Полковник Кайтмас Алиханов с тремя сыновьями оказался в плену, где все были расстреляны. Поручик Гасан Абакаров также был пленен, но во время конвоирования бросился с моста в Аварское Койсу и погиб. Саид-бей бежал обратно в Турцию, где его с нетерпением дожидался отец, уже не раз пожалевший о том, что решился послать сына на Кавказ.

– Как я мог забыть завет отца не воевать с Россией? – сокрушался он, обнимая сына.

Мухаммед-Камиль прожил долгую жизнь. Он дослужился в турецкой армии до генеральского чина, был награжден несколькими орденами. В годы Второй мировой войны сын Шамиля ратовал за нейтралитет Турции, которую стремились втянуть в войну против СССР. Он умер в возрасте 88 лет и похоронен в Стамбуле. До последних дней этой человек, ни разу в жизни не бывавший на Северном Кавказе, носил одежду ее жителя. Ежегодно он посещал могилу своего великого отца, гордясь его заслугами.

Глава 12 В семье советских народов

Борьба с бандитизмом

Советская власть на Кавказе была установлена достаточно быстро после того как горцы убедились, что на большую помощь извне им рассчитывать не приходится. 20 января 1921 года на территории Терской и части Кубанской областей декретом ВЦИК РСФСР была создана Горская Автономная Советская Социалистическая Республика. В ее состав вошли округа: Чеченский, Ингушский (Назрановский), Северо-Осетинский (Владикавказский), Кабардинский, Карачаевский и Сунженский с казачьим населением. Этим же декретом на территории Дагестанской области была образована Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика. В 1922 году из состава Горской автономной республики выделались Кабардино-Балкарская автономная область, Чеченский и Карачаевский национальные округа. 7 июня 1924 года Горская автономная область была упразднена, а на ее территории созданы Северо-Осетинская и Ингушская автономные области.

Создавая республики, большевистское правительство придерживалось принципа «одна нация – одно государство», что противоречило не только мировому опыту, но и этнополитической ситуации, особенно в Кавказском регионе. Границы образовавшихся республик часто игнорировали этнический состав населения, ущемляли права отдельных народов, особенно русских казаков. Нередко казачьи земли без согласования с их населением включались в состав различных автономий. Так, в 1921 году в процессе формирования Горской республики к ней присоединили 17 казачьих станиц и хуторов, в которых проживало более 65 тысяч русских. Горцы сразу же почувствовали себя хозяевами положения и начали притеснять русских, отбирать у них земли.

В то же время нужно признать, что в советский период выступления горцев были во многом обусловлены внутренней политикой большевистского правительства, которое вело борьбу не с отдельными противниками, а с целыми классами и народами. Так, уже на завершающем этапе

Гражданской войны большевики, желая отомстить казачеству за его участие в «белом» движении, приняло решение о включении в Горскую республику 17 станиц с проживавшим в них 65-тысячным казачьим и русским крестьянским населением. Хорошо зная отношение кавказцев к русским, московские власти не сомневались в исходе этой акции. На поверку их расчеты оказались верными. Свидетельством тому может служить письмо, чудом сохранившееся в специальном фонде Государственного архива. Вот только отдельные выдержки из этого документа:

«...Жизнь русского населения всех станиц, кроме находящихся в Кабарде, стала невыносима и ведет к поголовному разорению и выживанию из пределов Горской республики.

Полное экономическое разорение края несут постоянные и ежедневные грабежи и насилия над русским населением со стороны чеченцев, ингушей и даже осетин. Выезд на полевые работы даже за 2–3 версты от станицы сопряжен с опасностью лишиться лошадей с упряжью, фургонами и хозяйственным инвентарем, быть раздетым донага и ограбленным, а зачастую и убитым или угнанным в плен и превращенным в раба. Выпас скота невозможен в предгорьях, где пустуют лучшие пастбища, и скот должен питаться на выгоне вблизи станиц, отнимая от земледелия плодородную землю... Как пример, в станице Ассинской за 1920 год убито на полевых работах 10 человек, из них 2 женщины, ранено 5 человек и пленено 5 человек. Угнано рогатого скота 378 штук, лошадей 130 штук, баранов 955. Увезено и потравлено посевов на 180 десятинах, захвачено самовольно чеченцами и обработано ими 2340 десятин, осталось необработанной земли из-за опасности работы 6820 десятин...

Причиной такого положения служит якобы национальная и религиозная вражда горцев к русским и малоземелье, заставляющее их вытеснять русское население, но обе эти причины не являются основными. При старом правительстве были примеры мирного сожительства русских и горцев, нет такой непримиримости, которую нельзя преодолеть при советском строе, как вредный пережиток. Дело также не в малоземелье. Это явствует из того, что до сих пор, начиная с 1918 года, разорено чеченцами и ингушами, выселено при Советской власти 11 станиц, имевших в общем 6661 двор с надворными постройками, обсаженными усадьбами, разным инвентарем, садами и посевами на полях. Вселилось же чеченцев и ингушей за это время в эти станицы всего 750 хозяйств...

Даже такое ничтожное вселение нельзя считать прочным, ибо хозяйство не поддерживается и не разводится, а наоборот. Разрушаются здания, инвентарь, рамы, стекла и прочее увозится в аулы, портятся фруктовые деревья. В одной только станице Михайловской на площади против исполкома образовалось кладбище развалин локомотивов, сеялок и прочих машин. Земля не распаханна и не обрабатывается, и даже те посева, которые остались от выселенных казаков, не использованы, частью собраны кое-как, частью потравлены скотом, а частью остаются в полях для птиц. При малоземелье и нужде в ней для производства хлеба такое явление не может быть.

Русское население обезоружено и к физическому отпору и самосохранению бессильно. Аулы, наоборот, переполнены оружием, каждый житель, даже подростки лет 12–13 вооружены с ног до головы, имея и револьверы, и винтовки... Таким образом получается, что в Советской России две части населения поставлены в разные условия в ущерб одна другой, что явно несправедливо для общих интересов.

Местные власти вплоть до окружных национальных исполкомов в Гор. ЦИК, зная все это ненормальное положение, не принимают никаких мер против этого. Наоборот, такое положение усугубляется еще открытой пропагандой поголовного выселения русских из пределов Горской республики, как это неоднократно звучало на съездах, например, Учредительном Горской республики, чеченском и др. Это печатается в газетах таких, как «Горская правда», «Трудовая Чечня».

Таким образом, практика жизни подкрепляется принципиальным бездействием власти, уверенностью в безнаказанности и официальным признанием неравенства разных групп населения. Станицы, причисленные к национальным округам, находятся в состоянии завоеванных и порабощенных местностей и совершенно непропорционально с горским населением обременены повинностями – продовольственной, подводной и прочими. Всякие обращения и жалобы русских властей Сунженского округа, кипы протоколов об убийствах и ограблениях остаются без последствий, как будто то их и не бывало...».

Как видно, революционные лозунги братства народов и созидательного труда на благо всего общества оказались чуждыми жителям Кавказских гор. Усиление же советской власти с ее жесткими репрессивными методами, направленным прежде всего против личной свободы человека, вызвало сопротивление, особенно, у чеченцев, ингушей и дагестанцев. Выражением этого протеста стали хорошо отработанные ранее противоправные действия одиночек, групп и бандформирований на территории Северного Кавказа. Участились случаи нападений горцев на поезда, железнодорожные станции, нефтепромыслы и рабочие поселки. При этом практически всегда использовалось оружие, которое в большом количестве находилось в аулах и в горных тайниках.

В сентябре 1920 года вспыхнуло восстание в Дагестане, которое возглавили Н. Гоцинский, полковник К. Алиханов и шейх Д. Гаджи. Боевые действия продолжались до начала лета. Но затем, не сложив оружия, остатки горских формирований разбрелись по горам и недоступным ущельям, продолжая совершать грабительские налеты.

Советские власти решили пресечь противоправные действия путем ликвидации бандформирований с одновременным изъятием оружия у всего населения края. С этой целью в 20-е и 30-е годы был проведен ряд специальных операций силами войск НКВД и ОГПУ, которые встретили активное сопротивление со стороны горцев.

Первая операция такого рода имела место весной 1924 года. Ее целью ставилось подавление массовых выступлений чеченцев и ингушей, направленных против стремления центральных органов навязать им «своих людей» на выборах в местные советы. Тогда горцы по призыву своих вожаков, преимущественно мулл, блокировали выборы, а кое-где и разгромили избирательные участки с применением оружия. Восстание охватило значительные районы Чечни и Ингушетии и грозило перерасти в крупномасштабную партизанскую войну.

На его подавление по решению Москвы была выделена дивизия НКВД, усиленная отрядами местных активистов. Советское командование под страхом ареста и физического уничтожения потребовало сдачи боевого оружия армейского образца. В результате были изъяты 2900 винтовок, 384 револьвера и незначительное количество боеприпасов. По обвинению в невыполнении требований о разоружении и при сопротивлении было арестовано 68 человек.

Как и следовало ожидать, данная акция мало способствовала нормализации обстановки на Северном Кавказе. Более того, она еще больше обозлила горцев и втянула в антисоветскую борьбу новые силы. Наряду с продолжавшимися грабежами участились случаи террористических актов против представителей власти, работников органов правопорядка и военных. В связи с этим местным партийным органам, руководству НКВД и командованию Северо-Кавказского военного округа было приказано в 1925 году подготовить и провести новую операцию. Кроме стрелковых подразделений, в ней также участвовали авиация и артиллерия. В распоряжении командующего операцией находилось вместе с войсками ОГПУ до семи тысяч человек личного состава, на вооружении которых состояли 240 пулеметов и 24 артиллерийских орудия. Кроме того, соединение было усилено бронепоездом и двумя авиационными отрядами. Для разведки «противника» и вспомогательных действий привлекли несколько сот местных активистов.

В качестве руководящего документа при подготовке к операции была разработана специальная инструкция. В ней указывалось: «Намеченный к разоружению аул окружается войсковой частью с таким расчетом, чтобы жители были лишены возможности сноситься с прилегающими районами. После полного окружения аула представители Чеченского ЦИКа, ОГПУ и военного командования предъявляют на аульном сходе требование о сдаче всего имеющегося оружия. Для сдачи оружия устанавливается срок не более двух часов. Жители предупреждаются об ответственности за несдачу оружия. Если население аула не выполнит требование о сдаче оружия, то командование отряда в качестве угрозы открывает артиллерийский огонь в течение 10 минут на полупоражение, после чего снова вместе с представителями ОГПУ и ЦИКа отдают приказание о сдаче оружия в более короткий срок.

По истечении означенного срока оперативная группа ОГПУ начинает поголовный обыск и изъятие бандитского элемента...

В зависимости от обстановки артиллерийский огонь может открываться несколько раз, но на поражение допускается лишь в случае сопротивления войскам...»

Руководителем операции был назначен комдив И.Р. Апанасенко, который в годы

Гражданской войны командовал кавалерийской дивизией в составе 1-й Конной армии и имел определенный опыт карательных действий на Северном Кавказе. Операция началась 25 августа. В этот день полк краскома Короля блокировал аул Ачхой. Его жителям было предложено в течение двух часов сдать все имевшееся оружие. На это со стороны чеченцев никакой реакции не последовало. Поэтому по истечении указанного срока по аулу было произведено 15 артиллерийских выстрелов, из которых 10 на поражение. Две женщины были ранены. Лишь после этого жители начали сдавать оружие. Одновременно оперативная группа ОГПУ начала обыски. В результате было изъято 228 винтовок и 32 револьвера. После этого полк покинул аул и стал на ночевку в двух километрах от населенного пункта.

Среди ночи со стороны аула полк был обстрелян ружейным огнем, на который советские войска ответили огнем из нескольких пулеметов. Ночной бой продолжался около получаса, после чего обстрел прекратился. Отыскать виновников ночного нападения среди чеченцев не удалось.

27 августа группа войск под командой самого И.Р. Апанасенко подошла к аулу Зумсой, жители которого особенно агрессивно относились к советской власти. На сходе, собранном воинским командованием, чеченцам было предложено сдать 800 винтовок и 200 револьверов, а также выдать бандитов. Откуда было взято количество имевшегося у населения оружия, неизвестно.

По истечении срока ультиматума аул был также обстрелян артиллерией. Несмотря на это в тот день удалось собрать всего 27 винтовок. На следующий день обстрел повторился. Кроме того, самолеты также бомбили аул с воздуха. Только после этого жители в течение часа сдали еще 102 винтовки.

В этот же день группа под командой Козицкого подошла к аулу Келой, где история повторилась, как и в предыдущих случаях. И только после двух артиллерийских обстрелов к вечеру чеченцами были сданы 59 винтовок и 9 револьверов.

После четырехкратного артиллерийского обстрела аулов Химой и Хакмалой советскому командованию сдался один из вождей чеченских повстанцев Нажмудин Гоцинский. Таким же образом 2 сентября в ауле Дай был задержан Эмин Ансалтинский, затем и третий вождь – Атаби Шимилев.

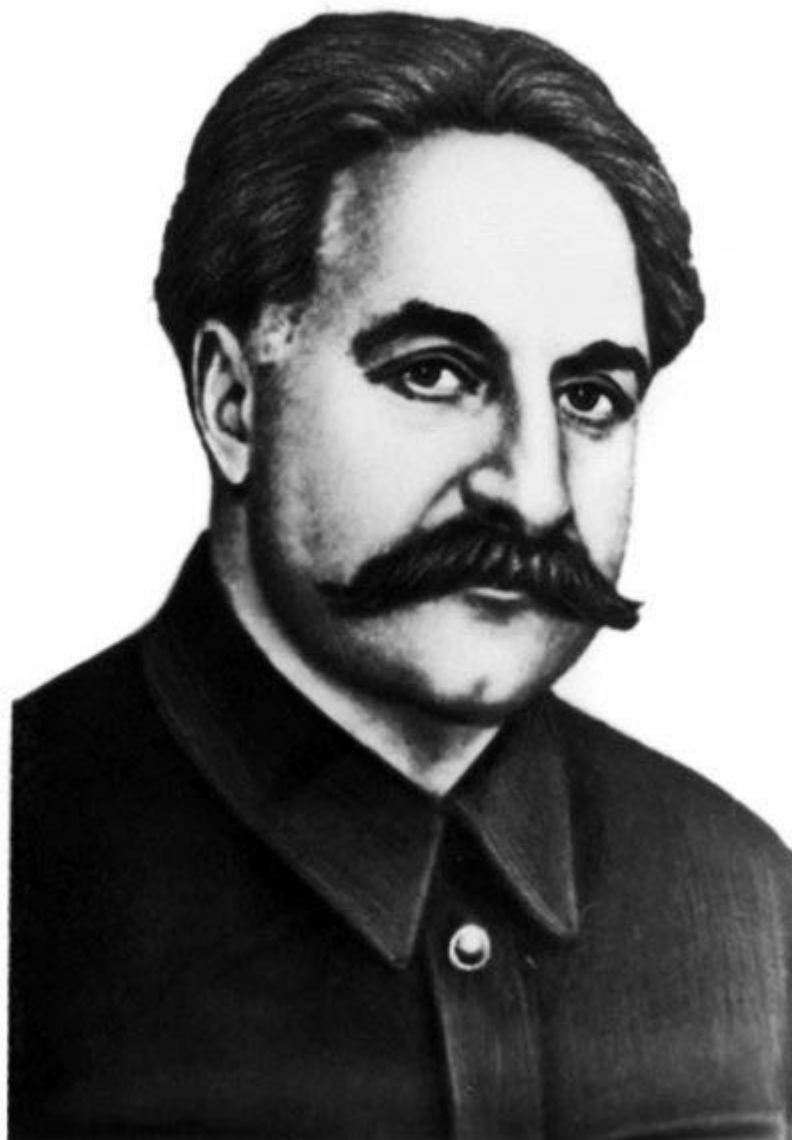
В конце операции, 6 сентября, войсками группы Короля был блокирован аул Урус-Мартан, являвшийся своеобразной столицей повстанцев. От его жителей потребовали сдачи 4 тысяч винтовок и 800 револьверов. Чеченцы не спешили разоружаться. Артиллерийские обстрелы населенного пункта продолжались трое суток, в ходе которых по нему было выпущено 900 снарядов. Кроме того, наносился удар авиации с воздуха. В результате этого было ранено 5 жителей и разрушено 12 домов. Лишь после этого удалось собрать немногим более 1000 винтовок и 400 револьверов.

В целом же войсковая карательная операция охватила значительные районы Чечни и продолжалась более месяца. Согласно данным отчетов, она основывалась «...на стремительном разоружении крупными силами наиболее бандитски настроенных районов с применением максимума репрессий». Реально это выразилось в бомбардировке с воздуха 16 аулов, в ружейно-пулеметном и артиллерийском обстреле еще 101 аула из 242, оказавшихся в зоне операции. В результате огневого воздействия погибло 6 и получили ранения 30 местных жителей, было разрушено 119 домов. Кроме того, при вооруженном сопротивлении было убито 12 бандитов, изъято и захвачено 25 999 винтовок, 4319 револьверов, пулемет и до 80 тысяч патронов. Потери участвовавших в операции частей и подразделений составили 5 человек убитыми и 9 ранеными.

В 1926 году первым секретарем Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) был назначен Г.К. Орджоникидзе. В сентябре 1926 года войсками Кавказской армии, Чеченского и Терского отделов ОГПУ была проведена очерпедная войсковая операция по изъятию оружия. В ходе этой операции было изъято почти 39 тысяч винтовок, 20 тысяч револьверов, 563 гранаты и 9 пулеметов.

Но Советское правительство понимало, что одними карательными средствами стабилизировать обстановку на Северном Кавказе невозможно. На первый план выдвигались меры экономического характера. Перед Г.К. Орджоникидзе была поставлена задача «решительными и жесткими методами навести социалистический порядок среди населения края, обеспечить его активное участие в созидательном труде советского общества». Для этого требовалось включить

Северный Кавказ в общесоюзные программы индустриализации и коллективизации, к которым его коренное население не было готово.

Григорий Константинович Орджоникидзе

В конце 20-х годов Чечня, где в то время добывалась четвертая часть нефти и производилось две трети всего отечественного бензина, получила статус особо важного экономического района. Туда направляют значительные материальные средства и людские ресурсы. Это создало благоприятные условия для грабежей и воровства, чем продолжали промышлять отдельные лица и даже группировки из числа местного населения. Опираясь на поддержку местных жителей и вековую ненависть к русским, в ряде случаев вожакам бандформирований удавалось собирать под свои знамена сотни людей.

Штаб Северо-Кавказского военного округа докладывал в Москву: «Чеченская автономная область является очагом уголовного бандитизма... Абречество по-прежнему не считается в среде горцев позорным промыслом. Уголовный бандитизм проявляется главным образом со стороны чеченцев и ингушей, производящих мелкие грабежи в районе железнодорожной линии, грозненских нефтепромыслов и Сунженского и Кизлярского округов... Предоставленные на плоскости земельные угодья чеченцы полностью не используют. Ведут отсталыми формами свое сельское хозяйство, нетрудолюбивы. В массе своей чеченцы склонны к бандитизму, как главному источнику легкой наживы, чему способствует большое наличие оружия. Власти на местах не ведут борьбу с бандитизмом, а, наоборот, укрывают бандитов».

Советскими властями действия горцев расценивались как восстания, на подавление которых

направлялись значительные силы. Так, для подавления восстания чеченцев в 1928 году командование Северо-Кавказского округа выделило отряд в две тысячи человек при 75 пулеметах, 11 орудиях и 7 самолетах. В результате операции было изъято 290 винтовок, а также большое количество устаревшего огнестрельного и холодного оружия, которое ранее не изымалось. О численности убитых, раненых и захваченных мятежников не сообщается, но, вероятнее всего, их было не более сотни. За время операции погиб 21 красноармеец, еще 22 человека получили ранения.

В начале марта 1930 года в Чечне вновь вспыхнуло восстание, охватившее несколько аулов. Для войсковой операции по его подавлению, начавшейся 13 марта, было сформировано несколько отрядов пехоты и кавалерии, общей численностью три с половиной тысячи человек. На вооружении этих сил находилось 40 пулеметов, 20 орудий и 3 самолета. Впервые с целью повышения мобильности войск в большом количестве использовались автомобили. Правда, результаты операции, продолжавшейся около недели, мало чем отличались от предыдущих. Было убито 19 мятежников, взято 35 заложников, изъято 1 500 единиц огнестрельного и 300 единиц холодного оружия. Со стороны правительственных войск потери составили 14 человек убитыми и 22 ранеными.

Соотношение потерь в операциях свидетельствует об активном сопротивлении со стороны горцев, которые не собирались мириться с новыми условиями жизни и отказываться от старых привычек. Авторитета советской власти и самого Орджоникидзе было слишком мало, чтобы заставить их изменить многовековой уклад жизни и отказаться от добычи средств существования с помощью оружия.

В 1930 году Орджоникидзе был отозван с Кавказа и назначен на ответственные руководящие должности в Москве. До конца жизни он оставался личным другом и соратником В.И. Сталина, внес большой вклад в создание и развитие советской тяжелой промышленности. За революционные и трудовые заслуги в 1931 году именем Орджоникидзе назвали столицу Северо-Осетинской АССР – бывший Владикавказ, а также ряд населенных пунктов в других районах страны. Сам же товарищ Серго покончил жизнь самоубийством 18 февраля 1937 года и был похоронен на Красной площади у Кремлевской стены. В официальной печати причиной его смерти был объявлен паралич сердца...

Смена руководства не решила проблемы края. 23 марта 1932 года в районе Беноя началось очередное восстание. Части ОГПУ, попытавшиеся его подавить собственными силами, потерпели неудачу. И вновь в который раз против горцев были брошены войска. Общее руководство операцией осуществлял командующий войсками Северо-Кавказского военного округа комкор Н.Д. Каширин. Восстание было подавлено в течение недели. Данные о его размахе, результатах и потерях сторон все еще скрыты в ведомственных архивах. Но в отчете наркому обороны 9 апреля командующий округом писал: «Восстание надо считать подавленным главным образом потому, что оно было местным, не успевшим охватить всю Чечню, не успевшим связаться с Дагестаном и другими национальными областями...и, наконец, потому, что части Красной Армии быстро сосредоточились, энергично продвигались вперед и действовали весьма решительно...» Из этого следует, что населенные пункты вновь подвергались артиллерийским обстрелам и ударам авиации с воздуха, что были убитые, раненые люди и разрушенные дома.

Также имеются сведения о волнениях среди чеченцев, ингушей и некоторых других народов Северного Кавказа во второй половине 30-х годов, которые продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны. Но информация об их причинах, масштабах и результатах и в настоящее время скрыта за семью печатями.

В 1936 году, при подготовке и принятии новой Конституции СССР, произошел очередной передел территории Северного Кавказа. Кабардино-Балкария, Северная Осетия и Чечено-Ингушетия получили статус автономных Советских Социалистических Республик в составе РСФСР. Это отразилось на экономике, формировании бюджетов этих образований, их культурной жизни и многих других вопросах. Но сами горцы особых перемен в своей жизни не заметили.

Таким образом, советской власти в межвоенные годы не удалось решить северокавказскую проблему мирным путем и стабилизировать обстановку в том регионе. Горцы враждебно отнеслись к политике всеобщей коллективизации и индустриализации. Их протест выразился в

издавна привычных для данных народов формах – восстаниях, бандитизме, грабежах и воровстве государственного имущества. Для их подавления органы власти пошли на массовое применение не только сил правопорядка, но и воинских формирований. Действия войск носили карательный характер. Репрессиям подвергались как мятежники, так и мирное население, среди которого постепенно усиливалось недовольство советской властью. Данные настроения остро проявились во время Великой Отечественной войны.

Пятая колонна

Фашистская агрессия против СССР, как и все предыдущие войны против Российской империи, стали действенным фактором активизации антироссийски настроенных националистических сил Северного Кавказа. И вновь лидерство в беспокойном районе захватили чеченцы. Они массово уклонялись от призыва в действующую армию, уходили в горы, откуда ради пропитания и одежды совершали грабительские набеги на поезда и селения, зачастую с применением оружия.

Советское руководство было вынуждено принять соответствующие меры. «Наведение порядка» на Северном Кавказе было поручено народному комиссару внутренних дел СССР Л.П. Берии. События, до того времени происходившие на Кавказе, в значительной степени были связаны с именем этого человека.

Лаврентий Павлович Берия родился в 1899 году в Мерхеули в Абхазии. В 18-летнем возрасте, во время учебы в Бакинском механико-строительном училище, стал членом Коммунистической партии. По ее «заданию» с 1921 по 1931 год Лаврентий Павлович работал в органах государственной безопасности Закавказья, являясь членом коллегии ОГПУ. На этой работе Берия в полной мере познал пьянящий вкус власти над людьми, приобрел садистские наклонности палача и навыки ловкого политического интригана. Благодаря им в 1931 году 32-летний чекист волей Москвы назначается первым секретарем ЦК КП(б) Грузии, а в следующем году – первым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б). В 1938 году Берия сменил Н.И. Ежова на посту наркома внутренних дел СССР, а в 1941 году, кроме того, стал также заместителем Председателя Совнаркома СССР и заместителем председателя Государственного Комитета Обороны. Других средств для «наведения порядка», кроме репрессивных, Берия не знал.

Формирование кавказцев в составе войск вермахта, осень 1942 г.

К декабрю 1941 года чеченские бандформирования активизировались настолько, что для борьбы с ними был создан специальный 178-й мотострелковый батальон оперативных войск НКВД. Операции против горцев велись весьма активно. В историческом формуляре этой части сохранились следующие записи:

«В начале октября 1941 года на территории Шатоевского, Итум-Калинского, Галанчежского и Шароевского районов Чечено-Ингушской АССР немецко-фашистскими агентами поднялось восстание, в результате которого пострадало большинство колхозов и сельских Советов.

С 30 октября по 5 ноября 178-й батальон во взаимодействии с частями Красной Армии разгромил восстание. В ходе операции убито 36 бандитов, задержано 127 повстанцев и 7 бандитов, изъято 47 винтовок, ручной пулемет, 11 револьверов...

Всего за период с 30 октября 1941 года по 1 января 1942 года было убито 59 бандитов, изъято 78 винтовок, 2 станковых и ручных пулемета, 23 револьвера и пистолета. Наши потери – 10 убитых и 8 раненых...»

Возрастание масштабов противоправных действий населения Северного Кавказа потребовали увеличения сил для борьбы с ними. В январе 1942 года 178-й отдельный мотострелковый батальон был развернут в 141-й горнострелковый полк, подчинявшийся руководству НКВД. Его формуляр пестрит записями подобного содержания:

«11 июля 1942 года в Шатоевском районе была обнаружена банда под командованием Асуева, военного руководителя бандитов. В результате боя было убито 6 бандитов, в том числе и сам Асуев, задержано 2. Из состава части было убито 6 и ранено 4 человека».

Внутренняя обстановка на Северном Кавказе особенно осложнилась к концу лета 1942 года, когда немецко-фашистские войска, выйдя на рубеж Пятигорск – Прохладный, начали наступление на Грозный и Баку. В историческом формуляре 141-го горнострелкового полка за тот период имеется следующая запись:

«15 августа 1942 года под руководством и при непосредственном участии немецких десантников началось восстание в Итум-Калинском и Шароевском районах. Восставшие разгромили районный центр Химой, блокировали гарнизон в Итум-Кале и начали наступательные действия в тылу Красной Армии. В течение шести дней боев противник был разгромлен. Было убито 210 бандитов. Наши потери – 1 убитый и 1 раненый».

25 августа фашистские войска захватили Моздок, форсировали Терек и создали небольшой плацдарм на его правом берегу. Затем 25 октября они заняли Нальчик и развернули наступление на Орджоникидзе. Невероятными усилиями советских войск враг был остановлен в восьми километрах севернее этого города. На Северо-Западном Кавказе вражеские войска, еще в сентябре, потеснив 46-ю армию, овладели горными перевалами и создали угрозу захвата Сухуми.

Перенос линии фронта на территорию Северного Кавказа и появление там фашистских войск вызвало новый всплеск антисоветских и антироссийских настроений среди горцев. В Чечне была образована подпольная партия кавказских братьев (ОПКБ), установившая связь с германским командованием. На гербе этой организации был изображен орел, держащий в когтях правой лапы ядовитую змею, символизирующую русского большевика, а в левой – свинью, олицетворяющую христианского варвара. В числе главных целей ОПКБ назывались ускоренная гибель большевизма на Кавказе во имя поражения России в войне с Германией и создание по мандату Германии на Кавказе свободной федеративной республики, а также выселение из региона русских, евреев и других инородцев. Ряд членов этой организации занимали видные посты в государственных структурах Чечено-Ингушской АССР.

Немедленно развернулось партизанское и террористическое движение. Сохранились данные о нападениях их отрядов на отдельные воинские подразделения, тылы и транспорты. Стали массовыми случаи террористических актов против военнослужащих и отдельных граждан, диверсий на предприятиях, коммуникациях, линиях связи.

Советское командование для охраны тыла войск Кавказского фронта было вынуждено проводить специальные операции, к которым привлекались значительные силы. Их результаты были впечатляющие. Только силами одного 141-го горнострелкового полка в течение 1942 года было уничтожено 529 и задержано 632 бандита. В ходе операций было изъято 2 миномета, 2 станковых и 11 ручных пулеметов, 17 автоматов, 913 винтовок 413 револьверов и пистолетов. Потери полка в ходе операций составили 65 человек убитыми, 28 ранеными, 34 винтовки, 12

автоматов и 2 ручных пулемета.

Кроме чеченцев, в антисоветских действиях в 1942 – начале 1943 года приняли участие бандформирования и других народностей Северного Кавказа. Так, по данным архивов НКВД, жители карачаевского населенного пункта Учкулане за неделю до прихода туда фашистов, сгруппировавшись в отряд численностью до 120 человек, захватили в плен маршевое подразделение, следовавшее безоружным из тыла на пополнение частей Красной Армии в составе 400 человек. Командный состав был уничтожен, а рядовой – передан фашистам в плен.

На территории Карачая в период оккупации ее фашистами и несколько месяцев спустя, по сведениям НКВД, действовало около 65 антисоветских группировок общей численностью до четырех тысяч человек. После ухода германских войск там продолжали орудовать три бандформирования. Одно из них, численностью до 60 человек, 10 февраля 1943 года вступило в бой с отрядом войск специального назначения и уничтожило 38 красноармейцев. Но в конце месяца банду выследили и разгромили. Причем ее главари Дудов и Магаяев были убиты своим же сообщником, который сдал их трупы в НКВД, за что сам получил помилование.

Другая банда, численностью до 20 человек, оказалась «интернациональной» и состояла из представителей различных народностей Северного Кавказа. Она действовала на границе Кабардино-Балкарии и Карачая вплоть до апреля 1943 года, пока не была разгромлена.

Третью банду численностью до 20 человек составляли исключительно жители осетинского селения Коста-Хетагурово. Их вожак Хетаг Хетагуров некоторое время вел себя весьма нагло и безнаказанно. Но в конце апреля 1943 года он допустил ошибку, в результате которой лишился большинства сторонников, а затем погиб и сам.

После освобождения Карачая от фашистов началось расследование о «массовом сотрудничестве населения с немецкими властями и предательской деятельности по отношению к советской власти и Красной Армии». В апреле 1943 года областным судом за различную антисоветскую деятельность было осуждено 270 человек. Вполне понятно, что в данный список не вошли бандиты и предатели, погибшие в боях, расстрелянные на месте преступления и вывезенные к тому времени из края органами НКВД.

Депортация

Разгром фашистских войск под Сталинградом решил судьбу битвы за Кавказ. Гитлеровское командование, стремясь избежать окружения, с 1 января 1943 года начало отводить войска с Северного Кавказа, территория которого вскоре стала глубоким тылом Красной Армии. У советских властей появилась возможность подробно разобраться в обстановке и выявить тех, кто в трудное время сотрудничал с врагом и участвовал в бандформированиях. Нет сомнения, что предатели и бандиты составляли незначительную часть населения Северного Кавказа, большинство которого честно выполняло свой воинский и гражданский долг. Но вместо этого по распоряжению Сталина в конце 1943 – начале 1944 годов была осуществлена поголовная депортация ряда северокавказских народов с мест проживания в отдаленные районы Средней Азии и Казахстана.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о выселении карачаевцев был подписан 12 октября 1943 года. Реализуя этот план, уже 2 ноября войска НКВД и Красной Армии погрузили в товарные вагоны и вывезли из родных мест всех карачаевцев. Несколько позже такая же участь постигла чеченцев, ингушей и балкарцев.

Подготовка операции по выселению чеченцев и ингушей из автономной республики началась в октябре – ноябре 1943 года. Она проходила скрытно и имела ряд предварительных этапов.

В январе 1944 года все трудоспособное население Чечено-Ингушетии было привлечено на работы по строительству и ремонту дорог и мостов, необходимых для вывоза людей из отдаленных селений к железнодорожным станциям. Параллельно под предлогом формирования вьючных рот для фронта, у населения производится конфискация скота, с которым оно могло бы уйти в горы. В это же время под различными предлогами осуществляется перепись населения края с точным указанием национальности и родственных связей. В результате проведенных мероприятий удалось к концу года определить объем и сложность планируемых мероприятий.

Руководство операций по депортации чеченцев и ингушей было возложено на Л.П. Берия, Б.З. Кобулова и И.А. Серова, которые в середине февраля 1944 года прибыли в Грозный. Несколько дней спустя, 17 февраля, Берия телеграфировал Сталину: «Подготовка операции по выселению чеченцев и ингушей заканчивается. После уточнения взято на учет подлежащих переселению 459 486 человек, включая проживающих в районах Дагестана, граничащих с Чечено-Ингушетией, и в городе Владикавказе. На месте мною проверяется состояние дел по подготовке переселения и принимаются необходимые меры.

Учитывая масштабы операции и особенности горных районов, решено выселение провести (включая посадку людей в эшелоны) в течение 8 дней, в пределах которых в первые 3 дня будет закончена операция по всем низменным и предгорным районам и частично по некоторым поселениям в горных районах, с охватом свыше 300 тысяч человек. В остальные 4 дня будут проведены выселения по всем горным районам с охватом оставшихся 150 тысяч человек.

Среди чеченцев и ингушей отмечается много высказываний, в особенности связанных с появлением войск. Часть населения реагирует на появление войск в соответствии с официальной версией, согласно которой якобы проводятся учебные маневры частей Красной Армии в горных условиях. Другая часть населения высказывает предположение о выселении чеченцев и ингушей. Некоторые считают, что будут выселять только бандитов, немецких пособников и другой антисоветский элемент.

Приняты все необходимые меры к тому, чтобы выселение произвести организованно, в указанные выше сроки и без серьезных инцидентов. В частности, к выселению будут привлечены 6–7 тысяч дагестанцев и 3 тысячи осетин из колхозного и сельского актива районов Дагестана и Северной Осетии, прилегающих к Чечено-Ингушетии, а также сельские активисты из числа русских жителей тех же районов. Русские, дагестанцы и осетины также будут частично использованы для охраны скота, жилья и хозяйств выселяемых. В ближайшие дни подготовка к проведению операции будет полностью закончена. Выселение намечено начать 22 или 23 февраля».

К операции привлекалось более 30 полков и столько же отдельных батальонов Внутренних и Пограничных войск общей численностью более 50 тысяч человек. К двадцатым числам февраля все эти силы заняли исходные районы, организовав их охрану. Общение войск с местными жителями было сведено до минимума.

В очередной телеграмме от 22 февраля 1944 года Берия докладывал Сталину: «Для успешного проведения операции по выселению чеченцев и ингушей, после Ваших указаний в дополнение к чекистско-войсковым мероприятиям проделано следующее:

1. Мною был вызван председатель Совнаркома Моллаев, которому сообщил решение правительства о выселении чеченцев и ингушей, и о мотивах, легших в основу этого решения. Моллаев после моего сообщения прослезился, но взял себя в руки и обещал выполнять все задания, которые будут ему даны в связи с выселением. Затем в Грозном вместе с ним были намечены и созваны 9 руководящих работников из чеченцев и ингушей, которым было объявлено о ходе выселения чеченцев и ингушей и причинах их выселения. Им предложили принять активное участие в доведении до населения решения правительства о выселении, порядке выселения, условиях устройства в местах нового расселения, а также поставили задачу во избежание эксцессов призывать население к неуклонному выполнению распоряжений работников, возглавляющих выселение. Присутствующие работники выразили готовность приложить свои усилия для выполнения предлагаемых мер и уже практически приступили к работе.

2. 40 республиканских партийных и советских работников из чеченцев и ингушей нами прикреплены к 24 районам с задачей подобрать из местного актива по каждому населенному пункту 2–3 человека, которые должны будут в день выселения до начала операции на специально собранных нашими работниками сходах мужчин выступить с соответствующим разъяснением решения правительства о выселении. Кроме того, мною проведена беседа с наиболее влиятельными в Чечено-Ингушетии духовными лицами – Арсановым Баудином, Яндаровым Абдул-Гамидом и Гайсумовым Аббасом, которым также было объявлено о решении правительства и после соответствующей обработки предложено провести необходимую работу среди населения через связанных с ними мулл и других местных «авторитетов». Перечисленные духовные лица, в сопровождении наших работников, уже приступили к работе с муллами и

мюридами, обязывая их призывать население к подчинению распоряжениям власти. Как партийно-советским работникам, так и духовным лицам, используемым нами, обещаны некоторые льготы по переселению (несколько будет увеличена норма разрешенных к вывозу вещей).

3. Выселение начинаем с рассвета 23 февраля сего года. С двух часов ночи на 23 февраля все населенные пункты будут оцеплены, заранее намеченные места засад и дозоров будут заняты опергруппами с задачей воспрепятствовать выходу населения за территорию населенных пунктов. На рассвете мужчины будут созданы нашими оперработниками на сходы, где им на родном языке будет объявлено решение правительства о выселении чеченцев и ингушей. В высокогорных районах сходы собираться не будут в силу большой разбросанности населенных пунктов. После этих сходов будет предложено выделить 10–15 человек для объявления семьям собравшихся о сборе вещей, а остальная часть схода будет разоружена и доставлена к местам погрузки в эшелоны. Изъятие намеченных к аресту антисоветских элементов в основном закончено. Считаю, что операция по выселению будет проведена успешно».

На следующий день в Кремль полетела следующая телеграмма: «Сегодня, 23 февраля, на рассвете начали операцию по выселению чеченцев и ингушей. Выселение проходит нормально. Заслуживающих внимание происшествий нет. Имели место шесть случаев попытки к сопротивлению со стороны отдельных лиц, которые пресечены арестом или применением оружия. Из намеченных к изъятию в связи с операцией лиц арестовано 842 человека».

На 11 часов утра вывезено из населенных пунктов 94 тысячи 749 человек, то есть свыше 20 процентов подлежащих выселению, погружено в железнодорожные эшелоны из этого числа 20 тысяч 23 человека».

Берия направил Сталину очередную телеграмму 24 февраля: «Докладываю о ходе операции по выселению чеченцев и ингушей на утро 24.02, – говорилось в ней. – Вывезено из населенных пунктов 333 тысячи 739 человек, из этого числа погружено в железнодорожные эшелоны 176 тысяч 950 человек. Во второй половине дня 23 февраля почти во всех районах Чечено-Ингушетии выпал обильный снег, в связи с чем создались затруднения в перевозке людей, особенно в горных районах».

Неблагоприятные погодные условия весьма незначительно повлияли на ход операции. 29 февраля Берия уже докладывал о ее успешном завершении, уточняя некоторые детали. К тому времени было выселено и погружено в железнодорожные эшелоны 478 479 человек, в том числе 91 250 ингушей и 387 229 чеченцев. Лишь из некоторых пунктов высокогорного Галанчожского района остались не выселенными до 6 тысяч чеченцев по причине бездорожья. Но их вывоз и погрузку было намечено завершить в последующие два дня. Далее Берия сообщал:

«Операция прошла организованно и без серьезных случаев сопротивления или других инцидентов. Случаи попытки к бегству и укрытию от выселения носили единичный характер и все без исключения были пресечены. Проводилась проческа лесных районов, где временно были оставлены гарнизоны войск НКВД и опергруппы чекистов. За время подготовки и проведения операции было арестовано 2016 человек антисоветского элемента из числа чеченцев и ингушей, изъято огнестрельного оружия 20 072 единицы, в том числе винтовок 4868, пулеметов и автоматов 479».

Граничащее с Чечено-Ингушетией население отнеслось к выселению чеченцев и ингушей одобрительно. Руководители партийных и советских органов Северной Осетии, Дагестана и Грузии сразу же приступили к работе по освоению отошедших к этим республикам новых районов.

После полного завершения операции, 7 марта 1944 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории». В нем говорилось: «В связи с тем, что в период Отечественной войны, особенно во время действий немецко-фашистских войск на Кавказе, многие чеченцы и ингуши изменили Родине, переходили на сторону фашистских оккупантов, вступали в ряды диверсантов и разведчиков, забрасываемых немцами в тыл Красной Армии, создавали по указке немцев вооруженные банды для борьбы против Советской власти и в течение продолжительного времени, будучи не заняты честным трудом, совершают бандитские налеты на колхозы соседних областей, грабят и убивают советских людей, Президиум Верховного Совета постановляет:

1. Всех чеченцев и ингушей, проживающих на территории Чечено-Ингушской АССР, а

также в прилегающих к ней районах, переселить в другие районы СССР, а Чечено-Ингушскую АССР ликвидировать.

Совнаркомом СССР наделить чеченцев и ингушей в новых районах поселения земель и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству...»

Вслед за чеченцами, карачаевцами и ингушами такая же операция была проведена и по выселению балкарцев. Кабардино-Балкарская АССР переименовывается в Кабардинскую АССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР также последовал уже по завершении этой акции.

Советское правительство высоко оценило заслуги своих карательных органов и их руководителей. 8 марта 1944 года был издан Указ о награждении более 700 человек орденами и медалями СССР за «успешное выполнение специального задания правительства». Как и следовало ожидать, список возглавили генеральный комиссар НКВД Л.П. Берия и его заместители, комиссары 2 ранга Б.З. Кобулов, И.А. Серов, С.Н. Круглов, получившие ордена Суворова 1-й степени. Орденами Кутузова 1-й степени были отмечены генерал-полковник А.Н. Аполлонов, комиссар госбезопасности 1 ранга В.Н. Меркулов и генерал-майор И.И. Пияшев. Орденами Суворова 2-й степени были награждены 10 человек, в том числе комиссары госбезопасности 2 ранга В.С. Абакумов и Е.С. Грушко, генерал-лейтенант Н.П. Стаханов. Ордена Кутузова 2-й степени удостоены 17 человек, Красного Знамени – 79 человек, Отечественной войны 2-й степени – 61 человек, Красной Звезды – 120 человек. Остальные были отмечены медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Таким образом, в 1943–1944 гг. Советским правительством было применено исключительное средство «решения» северокавказской проблемы путем массового выселения горцев из районов их проживания в Казахстан и Среднюю Азию. Этот жестокий акт, коснувшийся всего населения ряда бывших автономных республик, был проведен успешно, но ничего, кроме страданий, гибели и озлобленности сотен тысяч невинно пострадавших людей не принес. Поэтому неудивительно, что в 1956–1957 гг. обновленный Президиум Верховного Совета СССР отменил прежнее решение. Но и это не стало примирительным актом во взаимоотношениях возрожденных кавказских автономий с советским центром.

Не миновали заслуженной кары главные организаторы и исполнители варварской депортации народов Северного Кавказа. После смерти Сталина Лаврентий Берия в марте 1953 г. попытался захватить власть в стране. Попытка не удалась. Решением нового правительства Берия был смещен со всех партийных и правительственных постов, лишен наград и воинского звания Маршала Советского Союза. Затем Верховный суд СССР приговорил его к смертной казни – расстрелу. Приговор привели в исполнение 23 декабря того же года. Такая же участь постигла большинство ближайших сотрудников Берии. Однако ни суды, ни казни, ни возвращение депортированных народов на места прежнего проживания не решили проблем Кавказа, особенно его северной части.

«Тихая» война

В послевоенные годы отдельные районы Кавказского региона периодически оказывались охваченными народными волнениями. Их причины были самые различные, но в основе лежали межнациональные распри, националистические цели и лозунги.

В марте 1956 года волнения произошли в Тбилиси. Они были вызваны протестами грузинских националистов, прежде всего молодежи, против критики культа личности И.В. Сталина, с которыми Н.С. Хрущев выступил на XX съезде партии.

Беспорядки начались 9 марта и продолжались три дня. В них приняли участие несколько тысяч человек, преимущественно студенты и учащиеся старших классов. Массовые митинги проходили на площади Ленина у Дома правительства, где провозглашались антироссийские лозунги. В толпе митингующих были замечены организованные группы людей, имеющие огнестрельное и холодное оружие.

Около полуночи толпа, разогретая агитаторами, попыталась захватить Дом связи. Путь ей преградили автоматчики из числа военнослужащих Закавказского военного округа. После долгого пререкания в военнослужащих вначале полетели камни, а затем начали стрелять. В ответ были даны автоматные очереди в воздух, после чего толпа была рассеяна с применением прикладов.

Многие военнослужащие и митингующие получили ранения.

Но волнения не прекращались. Толпы молодежи собирались в разных концах города, нападали на магазины, избивали случайных прохожих русской национальности. Ответная реакция официальных властей становилась все жестче. Ночью 10 марта с помощью танков было разогнано скопление народа на площади Ленина и проспекте Руставелли.

Но на следующий день остатки митингующих собрались у монумента И.В. Сталина в парке, густые деревья которого не позволяли использовать танки. Пришлось вводить в дело пехоту, которая применила оружие.

В полдень того же дня большая группа грузин попыталась прорвать оцепление автоматчиков у памятника Сталину, но предупредительный залп в воздух охладил пыл толпы. Также была сорвана попытка захвата военных складов. После ее неудачного исхода, насыщения города войсками и арестов наиболее активных смутьянов беспорядки постепенно улеглись.

В начале 1957 года, на волне разоблачения культа личности Сталина и осуждения проводимой им политики ЦК КПСС было принято решение о реабилитации народов, депортированных с Северного Кавказа в 1943–1944 году. На историческую родину были возвращены балкарцы, карачаевцы, калмыки, ингуши и чеченцы. Данная акция, как и акция поголовного выселения, имела свои негативные последствия. Выселив кавказцев, Советское правительство и местная администрация поспешили заселить освободившиеся таким образом районы новыми людьми, прежде всего русскими, украинцами, белорусами, города и села которых особенно пострадали во время фашистской оккупации. Особенно много таких переселенцев было направлено в район Грозного, где восстанавливались нефтяные промыслы и предприятия нефтепереработки. После окончания войны туда также приехали десятки тысяч фронтовиков. В результате этого в последующее десятилетие район Грозного стал одним из центров компактного проживания сотен тысяч людей различных национальностей, в числе которых практически не было лиц коренного чеченского населения.

После правительственной амнистии чеченцы начали возвращаться на родину, в родные города и села, где их никто не ждал. Их родительские дома и городские квартиры были заняты семьями других людей, а деятельность славянского населения в корне изменила сам уклад жизни населения этих районов: на первое место выдвинулась активный созидательный труд, заслонив собой другие способы получения дохода.

Возвращенцы вначале вели себя очень осторожно. Вблизи своих сел и городов селились на пустырях в бараках и землянках, избегали общения с инородцами, некоторые из них пошли работать на предприятия и в колхозы. Но вскоре обстановка начала резко меняться. Чеченцы начали группироваться по национальному признаку и проводить мероприятия националистического характера, направленные против всяческого притеснения и вытеснения славян со своих территорий. Местные власти тому всячески потворствовали. Кроме того, в среде безработной чеченской молодежи вскоре сформировались преступные группы, начавшие промышленно разбоями и грабежами. Благо на территории республики в тайниках оружия было достаточно. Вскоре славянское население Чечни, поднявшее на своих плечах экономику края и наладившее его жизнь и быт, почувствовало себя очень некомфортно. На него буквально обрушилась со стороны чеченцев лавина угроз, избиений, поджогов, убийств, грабежей и насилий.

Бывшие фронтовики и члены их семей, не чувствуя за собой никакой вины перед чеченцами, не желали мириться с таким положением вещей. После очередного убийства нескольких русских рабочих сотни жителей Грозного с гробами погибших на руках двинулись в центр города, где располагались правительственные здания. Но власти не пожелали выслушать этих людей. Тогда в различных местах города начались стихийные чеченские погромы, в результате которых с обеих сторон пострадало много людей.

Наконец-то Москва отреагировала на происходящее в районе Грозного. Нормализовать обстановку было поручено командующему Северо-Кавказского военного округа генерал-полковнику И.А. Плиеву, недавно назначенному на эту должность. Исса Александрович действовал очень решительно. В районы волнений были направлены военнослужащие срочной службы последнего года службы и курсанты военных училищ старших курсов, которые дислоцировались на Северном Кавказе. Оружие не применялось, но физического насилия было достаточно.

В конце августа в Грозный (аэропорт Ханкала) прилетела правительственная комиссия из Москвы с большими полномочиями. Разобравшись в сути происходящего, председатель комиссии приказал собрать старейшин и представителей чеченского духовенства. Перед ними в категорической форме было выдвинуто требование о прекращении нападков чеченцев на русское население под угрозой новой депортации. После этого откровенные акции чеченцев против других национальностей на территории Чечни прекратились, но скрытное давление продолжало осуществляться.

В середине сентября 1961 года вспыхнули волнения в городке Беслан Северо-Осетинской АССР. Они были вызваны задержанием милицией пяти человек из числа местных жителей, находившихся в нетрезвом состоянии в общественном месте. На помощь задержанным немедленно пришли родственники, знакомые и просто случайные люди. В результате в этих выступлениях приняло участие до 700 человек.

Конфликт на бытовой и межнациональной почве был истолкован как выступление против официальной власти. В Беслан в срочном порядке были стянуты большие силы милиции, после чего органы правопорядка применили оружие. В результате один человек был убит, несколько десятков арестовано, а семь привлечены к уголовной ответственности.

В период ноябрьских праздников 1963 года волнения охватили город Сумгаит Азербайджанской ССР. Их причиной стало недовольство народа действиями сотрудников милиции, которые отбирали у демонстрантов открытки с изображением И.В. Сталина. (Массовая раздача этих открыток была организована неизвестными уже в процессе выдвижения колонн демонстрантов.) Сопrotивление милиции оказало более 800 человек. Дошло до применения оружия, массовых арестов. После расследования этого инцидента 6 человек предстали перед судом, но истинные организаторы провокации выявлены не были.

С 29 сентября по 3 ноября 1964 года прошли волнения в городе Хасавюрте Дагестанской АССР. В них участвовало около 700 человек. Поводом послужило изнасилование чеченцем девушки лакской национальности. Узнав об этом, лаки учинили погром местных чеченцев. Было разгромлено и сожжено несколько частных дворов, избиты десятки людей. Власти, как всегда, произвели масштабные аресты, начали следствие. После того как 9 человек предстало перед судом, волнения улеглись.

3 июля 1967 года в городе Степанакерте Азербайджанской АССР толпа из двух тысяч человек, недовольная сравнительно мягким приговором суда по отношению к преступникам, убившим мальчика, напала на конвой. Нападавшим удалось захватить трех осужденных, которые были тут же убиты, а их трупы сожжены. Для наведения порядка потребовалось применить оружие, в результате чего один человек погиб, 9 получили ранения, а затем еще 22 человека предстали перед судом.

Местами сосредоточения распрей постепенно становились республиканские объединения Северного Кавказа, состоящие из двух крупных народностей, к власти в которых приходили лица одной национальности. Другие немедленно становились в оппозицию, действия которой нередко обретали характер народных волнений и террористических акций. Так, 13 июля 1968 года четырехтысячная толпа в городе Нальчике Кабардино-Балкарской АССР была собрана слухами о том, что в пункте милиции на городском рынке стражи закона одной национальности избивают задержанного подростка другой национальности. Разъяренная толпа ворвалась в помещение пункта милиции и убила находившегося там участкового милиционера. По обвинению в противоправных действиях в данном инциденте к уголовной ответственности было привлечено 33 человека, осужденных на различные сроки лишения свободы. Трое из них, непосредственные участники убийства, были приговорены к высшей мере наказания.

В двадцатых числах октября 1981 года в городе Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР по слухам водитель такси – осетин был ограблен и убит группой ингушей. Следствие по данному случаю еще не было закончено, но во время похорон погибшего возникли массовые беспорядки. Огромная толпа осетин вынесла гроб несчастного на центральную площадь города, призывая к мщению. Всего в этих беспорядках приняло участие около 4500 осетин, которые учинили погром ингушского населения. После разбирательства данного инцидента 26 человек предстали перед судом и получили различные сроки наказания, но ингуши со временем расправились самосудом со многими осетинами.

Таким образом, и после завершения Великой Отечественной войны Кавказ продолжал оставаться одним из самых беспокойных районов СССР, где имели место не только бандитизм, но и межнациональные выступления. Последнее делало его крайне нестабильным в условиях ослабления центральной власти, которое началось со второй половины 80-х годов.

В русле «перестройки»

Политика «перестройки», начатая М.С. Горбачевым в СССР после 1985 года, почти сразу же негативно отразилась на положении дел в Закавказье. Там начались межнациональные конфликты, за которыми стояли вполне конкретные люди, группировки и партии, стремившиеся к власти.

Прежде всего вскрылась давняя рана Нагорного Карабаха, где с начала века отмечались столкновения между азербайджанцами и армянами. Советская власть не смогла решить эту проблему. В начале 20-х годов большевики предполагали передать территорию Нагорного Карабаха под юрисдикцию Армении на том основании, что армяне составляли 95 процентов населения области. Но затем московские власти пересмотрели этот вопрос. 7 июля 1923 года была учреждена Нагорно-Карабахская автономная область в составе Азербайджанской ССР. В результате национальное меньшинство получило власть над большинством, что сразу же выразилось в притеснения армян различными средствами вплоть до скрытной депортации их с мест проживания. Исход армян оказался весьма результативным. Если в 1923 году в Нагорно-Карабахской области проживало 142 тысячи армян и 7 тысяч азербайджанцев, то к 1979 году численность представителей этих двух национальностей составила 123 и 37 тысяч человек соответственно.

В то же время знатоки данного края всегда отмечали исключительно высокое национальное сознание карабахских армян, из среды которых вышло много известных советских военачальников. Под его влиянием армянская община Нагорно-Карабахской автономной области неоднократно предпринимала попытки к ее воссоединению с Армянской ССР. Самая значительная из них имела место в июле 1965 года, когда в ЦК КПСС было отправлено письмо карабахских армян с 45 тысячами подписей (третья часть населения). Но то письмо осталось без ответа.

С 1986 года в Степанакерте активизируется националистическое движение армян. Под его давлением азербайджанцы начали покидать этот район. Тогда, по непроверенным данным, из Степанакерта в течение года выехало несколько тысяч человек. Выезд сопровождался разорением имущества и насилиями.

События, связанные с развалом СССР и образованием на его территории большого количества самостоятельных государств, тяжелым эхом отозвались на жизни народов Закавказских республик, которые по воле политиков оказались немедленно втянутыми в самую гущу кровавых событий. Межнациональные отношения, которые Советскому правительству долгое время удавалось регулировать, внезапно приобрели ярко выраженную антагонистическую окраску и вылились в откровенную резню, в которой недавние соседи, десятилетиями мирно и в дружбе проживавшие рядом, вдруг пошли грабить и убивать друг друга. Непривычно и страшно для простого советского человека прозвучала информация об этнических погромах с Сумгаите, Баку, Нагорном Карабахе. Официальной информации было очень мало, прерывчатые, случайные сведения мгновенно обрастали самыми невероятными слухами и вскоре превращались в то, что дестабилизировало обстановку в стране в целом.

Сумгаитская резня 1988 года

Первые призывы к резне и погромам армян раздались еще в середине февраля. «В ночь на 14 февраля, когда в Степанакерте прошла первая демонстрация, на заседании бюро обкома партии зав. отделом ЦК КП Азербайджана Асадов заявил, что «сто тысяч азербайджанцев готовы в любое время ворваться в Карабах и устроить бойню» (журнал «Аврора», № 10, 1988 г.).

Еще до сумгаитских событий был организован приезд беженцев азербайджанцев из Кафанского района Армянской ССР в город Сумгаит. Именно они должны были запустить «механизм», распространив слухи о якобы имевших место насильственных действиях против

азербайджанцев в Армении. Вот что говорит в связи с этим инспектор ЦК КП Армении Р. Гонян в статье «Что было в Кафанах и как это стараются преподнести» («Коммунист» от 9.01.90 г.).

26 февраля 1988 года, по свидетельству очевидцев, бывший первый секретарь ЦК КП Азербайджана Багиров ездил в Сумгаит и был «на пуске» завода ЭП-300, официальный, пуск которого состоялся на самом деле 27 декабря 1987 года.

Ночью 27 февраля 1988 года Багиров собрал в Сумгаите партийно-хозяйственный актив. В выступлении на этом активе он предложил никак официально не реагировать на митинги, происходившие в Сумгаите, заверив, что «в Степанакерте и Ереване тоже митингуют. Лишь бы в горком не кидали камнями».

Но эти демонстрации носили далеко не мирный характер. Так, в статье «Черным семенам не прорасти», опубликованной в газете «Социалистическая индустрия» от 27 марта 1988 года, в частности, говорится:

«Многие из тех, с кем довелось говорить, прямо сообщают о целой цепи явно провокационных действий, рассчитанных на то, чтобы ожесточить людей, внести панику, недоверие. Чего стоят, например, истерические выкрики человека, поведавшего собравшимся на площади Сумгаита страшную историю его семьи, загубленной-де «армянскими убийцами». Когда компетентные органы занялись «пострадавшим», выяснили, что он отнюдь не мирный житель Кафана, за которого себя выдавал, а ранее судимый рецидивист, ныне тунеядец, без определенного места жительства и... вовсе без семьи».

Сумгаит – достаточно большой город с населением 230 тысяч человек, в котором жили люди разных национальностей: азербайджанцы, армяне, русские, украинцы... В 1949 году он был включен в состав Азербайджанской ССР. Крупнейший промышленный центр республики и всего Закавказья. Основные предприятия: трубопрокатный и алюминиевый заводы, завод органических продуктов им. 50-летия Великого Октября. Была развита и промышленность по производству стройматериалов. Город и его промышленные объекты сооружались методом комсомольской стройки, для чего привлекались трудовые ресурсы со всей страны. Население многонациональное, но 80 % составляли азербайджанцы.

Первые сообщения о беспорядках в Сумгаите, по традиции несколько смягченные, поступило в ЦК КПСС Азербайджана в тот же день. Сначала в оперативной сводке МВД СССР за сутки, а через несколько часов – особо, по каналам КГБ СССР. Генеральному секретарю доложили немедленно. С прогнозами специалистов КГБ и МВД, которые просчитали возможную динамику развития ситуации. Доложили, что есть первые девять убитых, начинаются погромы, местные органы правопорядка беспомощны; процесс приобретает необратимый характер. Глава республики немедленно доложил о происходящем в Москву.

М.С. Горбачев относительно спокойно выслушал доклад.

– Я думаю, азербайджанские товарищи сами справятся, – решил он и по традиции добавил: – Вы только там поосторожнее с людьми. Помните, на нас в свете перестройки внимательно смотрит вся мировая общественность.

К тому времени на главной городской площади Сумгаита, в ущелье между Дворцом культуры и зданием горкома партии собралась огромная бурлящая толпа азербайджанцев, которая несмотря на увещевания милиции не собиралась расходиться. Все резче звучали слова, все откровеннее угрозы в адрес армян. Одновременно группы обкурившихся анашой преимущественно молодых людей шастали по домам, выспрашивая, где живут армяне. Узнав, они выламывали двери, врываются в квартиры, грабили, избивали, насиловали, убивали.

Очередная тревожная сводка пришла в Кремль. В ней указывалось, что погромы приняли массовый характер, уже не менее 20 убитых. Местные органы власти не могут взять ситуацию под контроль. Только после этого министру внутренних дел СССР было отдано распоряжение принять меры по локализации и ликвидации конфликта, а председателю КГБ – обеспечить содействие внутренним войскам и милиции.

Отдельный полк внутренних войск подняли по тревоге, ничего не объясняя. В ружейной комнате выдали автоматы, по 20 холостых патронов. Вывезли на военный аэродром. Там они четыре часа маялись в безделье и неизвестности. Ходили разные слухи. Самый устойчивый: в Азербайджане режут армян и нужно разогнать погромщиков. Самолетами полк был переправлен в Сумгаит.

На распустье

Встречавший генерал приказал построить роту, твердым шагом вышел перед строем и поднял руку:

– Мы в Сумгаите. Это Азербайджан. Здесь начались массовые волнения, грабежи на межнациональной почве. Азербайджанцы с армянами все никак не помирятся. Наша задача – успокоить, разогнать, обеспечить порядок. Взять под охрану мирное население. Стрелять только в крайнем случае и в воздух.

Стали рассаживаться в автобусы, но тут выяснилось, что все водители-азербайджанцы сбежали, забрав ключи. Прошло около получаса, прежде чем кто-то из начальства принял решение:

– Кто имеет водительские права – за баранку. Зажигание замкнуть напрямую. Я отвечаю.

Колонна тронулась, но едва въехав в город – остановились. Улицу запрудила толпа. Начали в окна кидать булыжники. С автобусов зазвучали холостые выстрелы. Испуганная толпа мгновенно отхлынула остолбенев. Солдаты покинули автобусы и начали оттеснять толпу.

Вдруг позади что-то полыхнуло – загорелся один из автобусов. Оказалось, в толпе есть люди, вооруженные бутылками с зажигательной смесью. Значит, к встрече военных готовились. Затем упал на землю один из солдат внутренних войск с проломленной камнем головой, за ним второй, третий...

В толпе кто-то крикнул:

– Да у них холостые. Бей гадов!

Началась бойня. Потом выяснилось, что «демонстранты» были вооружены кусками заточенной арматурной стали и проинструктированы. Они всаживали свои заточки снизу вверх, под бронезилет, едва лишь намечалась щель между щитами. За два дня отдельный полк потерял ранеными 96 человек. Благо что не было убитых.

Толпа зверела, чувствуя не столько свою силу, сколько безнаказанность. Генерал-лейтенант Краев, которого после введения военного положения назначили военным комендантом Сумгаита, видя такое развитие событий, взял ответственность на себя. На помощь отдельному полку внутренних войск была направлена группа морских пехотинцев из Каспийской флотилии.

Армян оказалось в городе тысячи полторы. Их собрали на площади. Оцепили морской пехотой. Охраняли круглосуточно. Кроме того, была выставлена охрана у банка и сберкассы. Но

взять под контроль весь город не хватало сил.

Беспомощность властей и массовость только больше распалили азербайджанцев. Толпа вызывающе выкрикивала:

– Стреляй, русская скотина!

На толпу медленно поползло несколько боевых машин пехоты...

К ночи по городу отловили человек 400–500 наиболее злобствующих, собрали их на городском стадионе. Утром начали проводить идентификацию задержанных. Всех фотографировали и отпускали. Спасенных армян вывозили из города туда, куда они желали для постоянного места жительства. При этом многие армяне просились в Россию, в основном в Краснодарский край, в Ростовскую область.

Прежде чем отправить беженцев, следователи, прибывшие из Москвы, просили их анонимно назвать людей, участвовавших в погромах. Но ни один никого не назвал, хотя многих знали. Никто не хотел помогать властям.

По официальным данным, всего за время беспорядков в Сумгаите погибли 32 человека, среди них 26 армян. По неофициальным – более ста человек. Было разгромлено около 200 квартир.

За организацию и участие в беспорядках было осуждено несколько человек.

Власти Азербайджана делали все возможное, чтобы скрыть факты сумгаитского погрома. Позже на судебном заседании Верховного суда СССР в Москве по уголовному делу по обвинению Ахмедова и других свидетели Тахмазов (управдом), Мамедов (начальник ЖЭКа № 12) и Дадашев (главный инженер ЖЭКа № 12) пояснили, что было специальное распоряжение заведующего отделом ЦК КП Азербайджана Гапифаева убрать следы погромов, вывезти разбитые вещи на городскую свалку, сжечь их и засыпать землей.

По показаниям многих свидетелей, до начала следственных работ было отремонтировано множество разгромленных квартир. Все это делалось на правительственном уровне. Согласно сообщению Азеринформа, в эти дни была создана правительственная комиссия во главе с Председателем Совета Министров Азербайджанской ССР Г. Сеидовым, которая оперативно решала все вопросы, связанные... «с ремонтом жилых и общественных зданий...» («Коммунист Сумгаита», 4 марта 1988 г.).

Уже после того, когда стало ясно, что события в Сумгаите выходят из мирного русла, власти республики в очередной раз предприняли меры для того, чтобы воспретить внутренним войскам вмешиваться в происходящее. Оно долго не давало санкцию на ввод войск в город. Когда войска были уже задействованы, опять поступила ложная информация, что якобы самое важное – предотвратить попытки сумгаитцев прорваться в Баку. В связи с этим часть войск была брошена на блокаду пустой трассы Сумгаит – Баку, значительное время простояв там без дела.

Факт бездействия войск подтверждался также Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР. В его постановлении указано: «Немаловажным обстоятельством, способствовавшим неблагоприятному развитию событий в Сумгаите, явилось и то, что войска, вызванные для обеспечения порядка в городе, стали сосредотачиваться поздно, лишь во второй половине дня 29 февраля, и в связи с этим военнослужащие в пресечении многих преступлений практически не участвовали».

Московские власти также делали все возможное, чтобы скрыть от народа правду о том, что произошло в Сумгаите. Газета «Коммунист Сумгаита» от 28 февраля 1988 года, напечатав на первой странице «Обращение Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева к трудящимся, к народам Азербайджана и Армении», там же, под заголовком «Дружба – источник нашей силы», она также писала, что это обращение вызвало «горячий отклик у сумгаитцев, как и всех трудящихся наций республики», и что оно получило «горячую поддержку населения».

Кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС П.Н. Демичев и Г.П. Разумовский по поручению Политбюро в конце февраля находились в Азербайджане и знали все. Факты сумгаитского погрома хорошо знал и находившийся в то время в Армении кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС В.И. Долгих. Позже об этом писал в своей статье З. Балаян:

«1 марта 1988 года меня пригласили к первому секретарю ЦК КП Армении Карену Демирчяну... Там я впервые услышал об армянских погромах в Азейбарджане. В основном говорил В.И. Долгих. Он рассказал о «Сумгаите». Впервые мы слышали о погромах, насилии,

изнасилованиях и поджогах в этом городе, о том, что людей сжигали живьем. Долгих не знал, что скоро будет указ сверху – замять сумгаитский геноцид, поэтому ничего от нас не скрывал. Сказал даже о том, что преступление было организовано заранее, что несколько дней тщательно подготавливались...» («Возни», № 20, 1988 г., на арм. яз.).

Подполковник госбезопасности Александр Кичихин в статье «КГБ сегодня защищает конституционный строй и... уничтожает архивы» писал: «Мы предвидели трагическое развитие событий на межнациональной почве еще задолго до того, как они произошли. Мы предупреждали о возможной резне в Сумгаите, в Узене и Оше. Однако наши докладные записки, направленные в соответствующие инстанции, были похоронены в аппаратных недрах ЦК КПСС. По крайней мере, руководство Компартии, которое до недавнего времени правило нашей страной, не сделало ничего, чтобы использовать эту информацию для погашения назревающих конфликтов» («Столица», январь, № 1, 1991 г.).

1 марта, когда события в Сумгаите еще практически не были завершены и требовали непосредственного и самого решительного вмешательства всех ветвей власти, М.С. Горбачев убыл на Мальту для встречи с президентом США Д. Бушем. Вместе с ним выехал и министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе. Встреча состоялась 2 марта на борту советского теплохода «Максим Горький», по такому случаю специально прибывшего к берегам острова. О чем говорили лидеры двух государств – неизвестно, но, по-видимому, события в Сумгаите обсуждались также. Только интересно – с какой стороны?

19 февраля 1990 года на закрытом заседании Верховного Совета СССР, посвященном обсуждению ситуации вокруг Нагорного Карабаха после январской резни армян в Баку, депутат Н.С. Петрушенко в своем выступлении решительно потребовал вернуться к сумгаитскому делу, выяснить, кому было выгодно расчленив Сумгаитское дело на части и разбросать по различным судам Российской Федерации. К сожалению, эти требования депутата так и не были выполнены.

Беспорядки в Баку 1990 года

В ноябре и декабре 1988 года произошли погромы армян по всему Азербайджану.

6 декабря 1989 года ЦК КП Азербайджана учредил комитет по Нагорно-Карабахской автономной области во главе со вторым секретарем ЦК этой республики В. Поляничко.

7 декабря произошло землетрясение в Армении, которое надолго отвлекло внимание правительства этой республики и ее народа от того, что происходило в Азербайджане и Нагорном Карабахе. Этим решили воспользоваться националистические силы, давно уже мутившие воду в Баку и других прикаспийских городах. Ходили даже слухи, что во главе этих сил стоял отставной руководитель республики Гейдар Алиев, который стремился любым путем вернуть себе власть. Также говорили о больших турецких и американских деньгах, которые были специально привезены в Азербайджан и розданы экстремистам.

19 декабря Э.А. Шеварднадзе вылетел в Лондон для встречи и переговоров с М. Тэтчер и министром иностранных дел Великобритании Д. Хэрдом. На вопрос о причинах армянских погромов на территории Азербайджана он сказал, что в этом нет никаких политических моментов, а все они носят чисто уголовный характер. Чопорные англичане молча переглянулись между собой и бросили несколько фраз о правах человека. На этом столь «щекотливый» вопрос был закрыт к взаимному удовольствию.

2 января началась новая волна столкновений между азербайджанцами и армянами в Нагорном Карабахе. 6 января в Баку прошла конференция Народного фронта Азербайджана, на которой в очередной раз было заявлено о «незаконном» притеснении этой национальности армянами и другими инородцами.

9 января 1990 года парламент Армянской ССР обратился к Председателю Верховного Совета СССР М.С. Горбачеву с письмом. В нем, в частности, говорилось:

«В результате открытых вооруженных действий со стороны экстремистских сил Азербайджана против армянского населения, проживающего в Баку, Шаумяновском и Ханларском районах, в селах Геташен, Азат, Камо и других населенных пунктах, возникла чрезвычайная обстановка. Страдают невинные дети, женщины, старики. Имеют место убийства, поджоги, блокируются дороги, мосты, захваты заложников. Все это привело к крайнему

обострению обстановки в Армении. Учитывая сложившуюся в регионе ситуацию, Верховный Совет республики обращается к Вам с просьбой принять безотлагательные меры по обеспечению безопасности армянского населения, пресечению варварских действий, которые могут привести к непоправимым катастрофическим последствиям во всем регионе».

10 января принимается Постановление Президиума Верховного Совета СССР «О грубых нарушениях Закона о государственной границе СССР на территории Нахичеванской АССР». Рассмотрев этот вопрос, Верховный Совет СССР постановил «решительно осудить имевшие место факты бесчинств и грубых нарушений Закона о государственной границе СССР, приведших к дестабилизации обстановки на данном участке советско-иранской границы». Правда, постановление это было принято уже после того как на протяжении почти всех семисот километров в течение месяца громили, демонтировали границу с Ираном. Словом, в день, когда Горбачев с опозданием откликнулся на вандализм в Нахичевани, уже горели армянские дома не только в Баку, но и по всей территории Азербайджана.

В период с 13 по 19 января 1990 года произошли армянские погромы в Баку. Во всех местах события развивались по сумгаитскому сценарию. Беспорядки 13 января. Хорошо управляемые толпы азербайджанцев точно по наводке одновременно в различных районах города врываются в дома армян, русских, украинцев, евреев. Хозяев убивали или избивали до полусмерти, молодых жен и девушек насиловали. Не щадили ни стариков, ни детей. Все ценное тут же разграблялось. Милиция, состоявшая преимущественно из азербайджанцев, вдруг вся куда-то исчезла. Отдельные ее группы появлялись в толпах озверевших своих земляков, ничем не мешая им бесчинствовать.

М.С. Горбачев отреагировал на другие тревожные сообщения из Закавказья тем, что послал в обе республики своих представителей с самыми расплывчатыми инструкциями.

14 января в Баку прибыли кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, председатель Совета Союза Е.М. Примаков и секретарь ЦК КПСС (курирующий вопросы национальностей) А. Гиренко, секретарь ЦК КПСС Н.Н. Слюньков и заместитель председателя Совета министров СССР И.С. Силаев. Буквально через час после них в Ереван доставили первых армянских беженцев из Баку.

В столице Азербайджана убивали не только армян. Озверевшая толпа резала и насиловала русских, захватывала принадлежащие им квартиры. В результате развязанного террора сотни тысяч русских, представителей других национальностей вынуждены были бежать из Баку, оставив все свое имущество.

Число жертв геноцида армян в Баку неизвестно до сих пор. По самым приблизительным данным, в течение недели было убито 300 армян, десятки тысяч были насильственно депортированы. Погромы, длившиеся с 13 по 19 января 1990 года при полном попустительстве центральных властей, развеяли искусственно состряпанную легенду об «интернациональном Баку». По официальным данным, в Баку погибло 83 человека, в том числе 13 военнослужащих и членов их семей. После этого в городе было объявлено чрезвычайное положение. Власть в городе реально оказалась захваченной комитетом обороны так называемого Народного фронта Азербайджана.

Лишь 16 января московские газеты напечатали первые сообщения о бакинских погромах, и то без всяких «острых» комментариев. Кремль не спешил делать выводы или не хотел.

Карабахский узел

События в Нагорном Карабахе также развивались по хорошо отработанному сценарию. Пробный шар с целью определения стойкости армян был подброшен националистами осенью 1987 года. Тогда в Ереване прошло несколько так называемых «экологических» митингов и демонстраций.

Постепенно народные выступления обретали иную направленность. Уже 18 октября 1987 года в Ереване прошла демонстрация по поводу земельного конфликта в селе Чардаху Нагорного Карабаха между армянами и азербайджанцами. Выкрикивались националистические лозунги. Но при разгоне демонстрации прозвучали упреки в адрес Москвы и были изорваны портреты М.С. Горбачева. Так определился объект межнациональной и межрелигиозной распри, который в последующем должен был стать клином в отношениях не только между Арменией и

Азербайджаном, но и между этими Закавказскими республиками и Москвой.

В последующем события развивались довольно стремительно. В феврале 1988 года армяне Нагорного Карабаха официально потребовали воссоединения области с Арменией. Вскоре они начали непрерывный митинг протеста в Степанакерте, сопровождавшийся геноцидом азербайджанцев. В результате этого тысячи беженцев-азербайджанцев потянулись из Армении, постепенно скапливаясь в многонациональном и исконно беспокойном Баку.

20 февраля состоялась сессия народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области, которая выступила с предложением передачи области в состав Армении. Спустя два дня несколько тысяч азербайджанцев вторглись в пределы НКАО. А 25 февраля произошел армянский погром в Сумгаите, во время которого, по официальным данным, погибло 32 человека, более 400 получили ранения. Так начался вооруженный азербайджано-армянский конфликт, ставший первой кровотокающей раной на теле слабеющего СССР.

Горбачев наконец-то решился продемонстрировать «волю Москвы». В марте 1988 года он осуществил смену высших партийных руководителей обеих республик. Вместо К. Багирова первым секретарем ЦК Азербайджана стал А. Везиров, армянского руководителя И. Демирчяна сменил С. Арутюнян.

Но смена руководства не решила проблемы. Пролитая кровь мучила разум горячих кавказцев, а неизвестно откуда поступавшие оружие и деньги побуждали их к действиям. В начале лета 1988 года в Ереване прошли многолюдные митинги в поддержку Нагорного Карабаха, о том же кричали толпы на площадях в Баку.

15 июня Верховный Совет Армении принял решение о включении Нагорного Карабаха в состав республики и обратился к Верховному Совету СССР с просьбой утвердить это решение. Через два дня с такой же просьбой к высшему законодательному органу страны обратился и Верховный Совет Азербайджана. На эти просьбы Верховный Совет СССР обоим республикам ответил отказом. Но эффективного пути выхода из конфликта предложено не было. Таким образом, Еревану и Баку негласно предоставлялось право урегулировать конфликт собственными силами.

Сегодня правомерно задать вопрос – была ли у Москвы возможность прекратить карабахский конфликт летом 1988 года? Генерал-полковник А. Макашов, в то время военный комендант особого района Армении, дает положительный ответ. Несколько армейских полков и полков внутренних войск МВД под руководством начальника, облеченного соответствующими полномочиями, хватило бы для того, чтобы блокировать район конфликта, развести противоборствующие стороны и разоружить боевиков. Но тогда Горбачев воздержался от принятия такого решения.

18 сентября произошло вооруженное нападение азербайджанцев на армян в селе Ходжалы. Затем Азербайджан захлестнула волна антиармянских митингов. Через четыре дня армянские погромы прошли в Баку, Кировабаде, Нахичевани, Ханларе и других городах. В предчувствии беды начался массовый исход беженцев из обеих республик.

Президиум Верховного Совета СССР наконец-то «разродился» Указом «О неотложных мерах по наведению общественного порядка в Азербайджанской ССР и Армянской ССР». В Ереване было введено особое положение, но почему-то этот указ не коснулся Баку.

Карабахские события активизировали националистические силы в Армении. В ноябре 1988 года прошли погромы азербайджанского населения в Кировабаде. В результате из республики бежало свыше 200 тысяч азербайджанцев.

1 декабря 1988 года Горбачев и другие члены Правительства СССР встретились с депутатами Верховного Совета СССР – представителями Азербайджана и Армении. На встречу прибыли руководители обеих республик, а также руководители Нагорно-Карабахской автономной области. Была предпринята очередная попытка разрешить конфликт мирным путем за столом переговоров, но она не увенчалась успехом.

После этого Москва решила показать свою силу азербайджанцам. 5 декабря войсками был разогнан митинг в Баку. При освобождении площади Ленина погибло два человека, 547 человек были задержаны. Никаких объяснений по этому поводу со стороны правительства страны не последовало.

Казалось, сама природа возмутилась безумством людей. 7 декабря произошло сильное

землетрясение в северных районах Армении, которое на некоторое время прекратило противоборство между этой республикой и Азербайджаном. Бедствие охватило 40 процентов территории республики с населением свыше миллиона человек. Вследствие землетрясения погибло около 20 тысяч человек, десятки тысяч получили ранения, сотни тысяч остались без крова.

Казалось, сама природа восстала против человеческого безумия. Тогда на помощь армянам пришли все советские республики, миллионы людей сделали добровольные пожертвования. Материальные ценности и денежные средства бурным потоком хлынули в Армению, остудив на некоторое время националистические страсти. Наиболее активные «борцы» за права армян на развалинах и крови были заняты сколачиванием собственного капитала...

10 декабря в Ереван прилетел Михаил Сергеевич, чтобы лично встретиться с руководством республики и организовать оказание помощи пострадавшим от землетрясения. Безусловно, велись разговоры и о прекращении конфликта. Их следствием стало то, что 12 января 1989 года Президиум Верховного Совета СССР, возглавляемый М.С. Горбачевым, принял Указ о введении в Нагорно-Карабахской области Азербайджанской ССР особой формы правления. Был создан Комитет особого управления во главе с А.И. Вольским, который до этого уже более полугода безрезультатно занимался урегулированием армяно-азербайджанского конфликта.

В самый разгар Бакинских погромов, 14 января 1990 года, начались массовые митинги в Армении и в Азербайджане, а также активизировались боевые действия в Нагорном Карабахе. На следующий день решением Москвы в этой автономной области было введено чрезвычайное положение. 16 января принимается Постановление Верховного Совета СССР «Об учреждении Союзной контрольно-наблюдательной комиссии по Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР» во главе с членом президиума Верховного Совета СССР В.К. Фотиевым.

Любые действия Москвы, направленные на урегулирование армяно-азербайджанского конфликта всеместно блокировались. 17 января состоялся митинг представителей армянской диаспоры в Москве, на котором были предъявлены требования немедленно урезонить Баку. В Ставрополе и Краснодаре прошли митинги под руководством Комитета женщин, на которых выступали против отправки резервистов из этих краев в Закавказье. Азербайджанская диаспора также вывела людей на митинг и предъявила требования армянской стороне.

25 января произошло вооруженное нападение на постпредство Азербайджана в Москве. Человеческих жертв не было. Нападение носило более демонстративный и политический, чем военный характер. Московская милиция ничего не смогла сделать, чтобы предупредить этот акт. Кремль бездействовал, армянские и азербайджанские националисты откровенно игнорировали российскую власть.

1 февраля начались консультации между Армянским освободительным движением и Народным фронтом Азербайджана при посредничестве Балтийской ассамблеи в Риге. В то время Эстония сама всеми силами стремилась вырваться из состава СССР и поэтому не была заинтересована в нормализации обстановки в Закавказье. Консультации завершились ничем. 3 февраля армянская делегация была отозвана из Риги в связи с сообщением об этнической чистке в районе Геташена.

В 1990 году власть в Армении фактически захватили Армянское общенациональное движение во главе с председателем Верховного Совета Армении Левоном Тер-Петросяном и возродившаяся на старой базе партия «Дашнакцутюн». Под их влиянием в августе того же года Армянская ССР была переименована в Республику Армению.

Всего несколько дней спустя после этого исторического события группа боевиков из Армянской национальной армии совершила нападение на штаб вооруженных формирований Армянского общенационального движения в Ереване. Данный акт Верховным Советом Армении был сочтен достаточным поводом для ввода на всей территории республики чрезвычайного положения и комендантского часа. Под давлением верховной власти военный совет Армянской национальной армии объявил о самороспуске, сдаче оружия и транспортных средств.

4 августа 1990 года председателем Верховного совета Армении был избран Л. Тер-Петросян. 21 августа Азербайджан перекрыл магистральный газопровод, по которому природный газ поступал в Армению. Республика начала всерьез готовиться к войне с Азербайджаном на территории Нагорного Карабаха.

10 сентября обстановка в Нагорном Карабахе резко обострилась. Армянские боевики захватили здания райкомов партии в районах Аксерон, Гадрут, Мартуни. Среди азербайджанцев были убитые и раненые.

В конце сентября прошли выборы в Азербайджане, где победили коммунисты. В Армении состоялся первый тур XXIX съезда коммунистической партии Армении, на котором был поставлен вопрос о выходе этой партии из состава КПСС. И если азербайджанцы еще хоть как-то заигрывали с Москвой, то армяне уже открыто игнорировали ее решения.

Но и Азербайджан заигрывал с Москвой недолго. 30 ноября 1990 года на заседании его правительства было принято решение о переименовании Азербайджанской ССР в Азербайджанскую Республику со своим национальным флагом. Азербайджан также начал готовиться к войне с Арменией.

14 декабря обстановка в Нагорном Карабахе вновь обострилась. В столкновении было убито два человека – местный житель и военнослужащий внутренних войск. Стороны в очередной раз начали обмениваться не только устными угрозами, но и выстрелами. Москва, полностью поглощенная собственными проблемами, уже практически не могла повлиять на ситуацию в этой области Закавказья.

Наступил роковой 1991 год. Несколько месяцев Москва практически никак не влияла на события, происходившие в Нагорном Карабахе. Только в конце апреля по ее приказу силами Советской армии и Азербайджанского ОМОНа была начата операция «Кольцо» с целью депортации армянского населения за пределы автономной области. Операция продолжалась до августа и вызвала большое недовольство среди армян, как на территории республики, так и за ее пределами. 30 апреля частями Советской армии был осуществлен штурм армянского села Геташен, в ходе которого погибло 37 человек. После этого все население села было депортировано.

После наведения такого «порядка», 4 июля 1991 года был опубликован Указ Президента СССР М.С. Горбачева об отмене чрезвычайного положения на территории прилегающих к Нагорно-Карабахской автономной области двух районов Азербайджана, которое было введено там еще 15 января 1990 года. В самой области уже безраздельно хозяйничали азербайджанцы, грабя и занимая дома, оставленные армянами.

Наступило 19 августа. События в Москве показали слабость государственной власти. 29 августа президент Азербайджана А. Муталибов издал указ о департизации республики. 20 августа Верховный Совет Азербайджана принял Декларацию о государственной независимости. 23 августа Верховный Совет Армянской ССР принял декларацию о независимости Армении. 3 сентября в Степанакерте на совместном заседании Нагорно-Карабахского областного и Шаумянского районного Советов народных депутатов провозглашается Нагорно-Карабахская Республика.

8 сентября на президентских выборах в Азербайджане побеждает единственный кандидат на этот пост А. Муталибов. Нахичевань в выборах не участвует. 23 сентября в результате референдума (99 % процентов «за» при 95-процентном участии) Азербайджан признается независимым государством.

10 декабря 1991 года был проведен референдум о будущем Нагорного Карабаха. Но новое правительство России, и в частности Б.Н. Ельцин, целиком занятые собственными проблемами, уже мало интересовались судьбой этого края. Не интересовался им и Президент СССР М.С. Горбачев, который на этом посту доживал последние дни. 25 декабря Б.Н. Ельцин заявил на заседании Верховного Совета РСФСР о выводе внутренних войск из Нагорного Карабаха. М.С. Сложил с себя обязанности президента СССР, над Кремлем был спущен красный флаг и заменен трехцветным. Президент США Д. Буш тут же объявил о признании Соединенными Штатами независимости России, Украины, Белоруссии, Армении, Казахстана и Кыргызстана.

К исходу дня 26 декабря внутренние войска России навсегда покинули Нагорный Карабах, который отныне был вынужден решать проблемы другим путем.

А. Муталибов действовал решительно. Уже 3 сентября была провозглашена Декларация о государственной независимости Азербайджанской Республики. В связи с этим принятием закона о создании частей самообороны началось формирование национальных вооруженных сил. Оснащение их оружием и боевой техникой в первое время осуществлялось преимущественно за

счет местных ресурсов (войск МВД республики и школ ДОСААФ), а также путем «конфискации» из частей и складов бывшей Советской армии.

Тост «За победу!»

Боеспособность национальных формирований была невысокой. Они не смогли противостоять наступлению национальных армянских формирований в Нагорном Карабахе и переносу боевых действий на территорию Азербайджана.

Военные неудачи в зоне карабахского конфликта вынудили А. Муталибова уйти со своего поста. К власти в стране пришел Народный фронт во главе с его лидером А. Эльчибеем, который 7 июня 1992 года стал вторым президентом Азербайджана. Новый президент резко изменил политический курс республики. Она фактически полностью вышла из СНГ и приняла ориентацию на Турцию.

Почти сразу же с приходом к власти А. Эльчибей заявил о намерении использовать материальную базу дислоцировавшихся на территории Азербайджана четырех дивизий бывшего Закавказского военного округа в качестве основы для создания собственных вооруженных сил. Уступчивость Москвы в этом вопросе «подарила» республике 400 танков, 1260 боевых машин пехоты и бронетранспортеров, 470 артиллерийских систем и 120 боевых самолетов. Этим средств было достаточно для оснащения полнокровного армейского объединения.

Разрыв с СНГ и значительные военные издержки привели к массовому обнищанию населения республики. Первыми недовольство новой властью проявили местные курды, которые в количестве до 100 тысяч человек компактно проживали в Кубатлинском, Разданском, Зенгельском и Лачинском районах. В качестве лозунга было провозглашено право на курдскую автономию, упраздненную советской властью в середине 20-х годов. Базой курдского движения стал город Лачин, который с 1992 года находился под контролем армянских войск. Первые столкновения азербайджанцев с курдами были отмечены в мае того же года.

Политические, экономические и военные проблемы дестабилизировали положение президента Азербайджана, чем воспользовался бывший милиционер, а затем командир 2-го национального армейского корпуса С. Гусейнов. Он организовал антиправительственные выступления отдельных частей азербайджанской армии. 3 мая 1993 года руководство республики отдало приказ о разоружении мятежников. Но правительственные войска, назначенные для решения данной задачи, уже на следующий день потерпели поражение. Мятежный полковник установил контроль над Ганжой и прилегающими районами. 21 июня его части, не встретив сопротивления, вошли в Баку. Президент Эльчибей бежал на свою родину в Нахичевань, оставив столицу на произвол судьбы.

Очередным правительственным кризисом воспользовался председатель Верховного меджлиса Нахичевани, председатель партии «Новый Азербайджан» Гейдар Алиев. Этот 70-летний человек имел огромный опыт руководящей работы и политических интриг в должностях председателя КГБ при Совете Министров Азербайджанской ССР, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и члена Политбюро ЦК КПСС. В октябре 1993 года он был избран новым президентом Республики Азербайджан и проработал а этой должности не один срок...

Грузинский вопрос

В конце 80-х годов активизировались националистические настроения в Грузии. В 1988 году они были представлены различными неформальными объединениями, лидеры которых различными путями стремились к захвату власти в республике. Наиболее активными среди них были: «Общество Святого Ильи Правоверного» (З. Гамсахурдия, И. Церетели, И. Баташвили), «Общество Ильи Чавчавадзе» (Г. Чхеидзе, Г. Мамулия, З. Чавчавадзе), «Национально-демократическая партия Грузии» (Г. Чантурия, И. Саришвили, И. Георгадзе), «Союз национальной справедливости Грузии» (И. Шангелая, З. Куталия, А. Имнадзе). Их совместными усилиями была начата активная кампания за государственную независимость Грузии и выход ее из состава СССР. Главная ставка делалась на студенческую молодежь и экстремистски настроенную часть грузинской интеллигенции.

Последующие события развивались весьма бурно. 5 апреля, после завершения очередного митинга в Тбилиси, по призыву националистических лидеров 30 молодых людей объявили голодовку, прекратить которую обещали лишь тогда, когда Грузия станет независимым государством. На следующий день на массовом митинге, состоявшемся на площади у Дома правительства, было зачитано обращение к президенту и конгрессу США, а также к правительствам стран – участниц НАТО с призывом оказать помощь Грузии в выходе ее из состава СССР. При этом 21 февраля 1921 года (день образования Грузинской ССР) был объявлен днем оккупации республики силами большевистской России.

Вследствие активной агитации в течение двух последующих дней к «голодающим» присоединилось еще около 120 человек. А с утра 8 апреля, по призывам лидеров неформальных объединений, к местам новых митингов потянулись многотысячные толпы тбилисцев, преимущественно молодежь. Активно действовали организаторы, раздававшие митингующим деньги и спиртное.

Выступления грузинских националистов правительством СССР было решено пресечь силами МВД республики и воинских частей Закавказского военного округа. Но местные официальные власти активность проявлять не спешили. Поэтому первыми по приказу командующего войсками округа генерал-полковника И. Родионова на улицы города были выведены войска. Их колонны по проспекту Руставели двинулись к центру Тбилиси...

Демонстранты попытались остановить военных с помощью баррикад и заторов из автомобилей и троллейбусов. Местами вспыхивали стычки между солдатами и жителями. Но силы были неравные. Воинские формирования медленно приближались к центру города. 9 апреля 1990 года по официальным сообщениям войска вытеснили демонстрантов на центральной площади у Дома правительства и прекратили беспорядки в Тбилиси. По неофициальной версии – войска разогнали демократический митинг мирных граждан с грубым применением силы. Уже вечером этого дня о расправе над мирными демонстрантами в Тбилиси во весь голос кричали все зарубежные радиостанции, подливая масла в разгорающийся огонь гражданской войны. Советские военнослужащие были обвинены в зверских убийствах и ранениях сотен мирных жителей с применением малых саперных лопаток, а также в отравлении людей газом.

Правда о тбилисской трагедии тщательно скрывается и по сегодняшний день. Следствие, проведенное советской стороной (комиссию возглавлял известный в последующем демократ Анатолий Собчак), пришло к выводу, что военнослужащие превысили степень необходимой защиты. Правда, она была вынуждена признать, что из 21 случая нанесения телесных повреждений, лишь 8 можно признать с применением саперных лопаток. Остальные были иного характера, не относящиеся к действиям войск. Бездоказательным осталось и обвинение в

применении против демонстрантов боевых отравляющих веществ.

Игорь Николаевич Родионов, командующий войсками Закавказского военного округа

В то же время грузинской стороной с целью создания общественного мнения, была проведена массовая регистрация «пораженных» в местных лечебных учреждениях. Позже, в ходе следствия, было установлено, что под видом пораженных отравляющими веществами в лечебные учреждения города помещались лица с венерическими заболеваниями, получившие отравление бытовым газом, беременные, психопаты и неврастеники, с пищевой аллергией, всего 43 человека. Также 272 медицинских документа были оформлены на вымышленных лиц, не проживающих на территории республики, либо на граждан, ни разу не обращавшихся за медицинской помощью по поводу названных событий и о своем «травлении» узнавших только от представителей следственных органов. Наконец, комиссия пришла к выводу, что 107 человек, вышедшие 9 и 10 апреля из лечебных заведений с диагнозом «здоров», тем не менее, позже были занесены в списки «отравленных», а некоторые лица обращались по поводу «отравления» в различные медицинские учреждения, и в каждом фиксировались особо.

Несмотря на различные подходы в трактовке данных событий, было установлено, что 9 апреля в районе Дома правительства в Тбилиси погибло 19 человек. Данные судебно-медицинского исследования 17 тел (два тела не вскрывались из-за протеста родственников) показали, что смерть каждого из них наступила в результате физического удушья, а не ударов саперных лопаток или воздействия газа. По всей видимости, эти несчастные просто были раздавлены толпой...

Но в самой Грузии это мало кого интересовало. На волне Национализма и шовинизма к власти в республике пришел Звиад Гамсахурдиа. В 1990 году он был избран Председателем Верховного Совета Грузии, а 6 марта следующего года стал первым президентом республики. Через месяц после этого факта был принят акт о государственной независимости Грузии.

Целостность грузинского государства была лишь формальной. С давних времен существовали острые противоречия между многими ее составными частями, особенно между Грузией и Абхазией, которая с 1931 года помимо воли народа оказалась включенной в состав Грузинской ССР. Вскоре после этого под руководством Лаврентия Берию была проведена широкомасштабная кампания по переселению в Абхазию грузин. В результате удельный вес абхазского населения в крае сократился почти в два раза.

С конца 50-х годов в Абхазии начали формироваться кланы, боровшиеся за власть и привилегии. На этой основе в 1957, 1967 и 1978 годах в крае происходили волнения, совпадавшие по времени с переизбранием партийной номенклатуры ранга от первого секретаря обкома и ниже.

В 1987 году абхазцы впервые открыто поставили вопрос о выходе из состава Грузии и присоединении к РСФСР на правах автономии. Но в Москве это заявление «не было услышано».

После августовских событий 1991 года отношения между Грузией и Абхазией резко обострились. В это же время произошла смена власти и в самой Грузии. В декабре того же года Звиад Гамсахурдия был свергнут вооруженным путем и бежал в западную часть республики.

В марте 1992 года председателем Государственного Совета Грузии стал 64-летний Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе, который с 1957 года был первым секретарем ЦК ЛКСМ, а с 1972 года – первым секретарем ЦК КП Грузии. В этой должности он работал до середины 80-х годов...

Новый глава грузинского государства в отношении Абхазии решился на крутые меры. 14 августа войска по приказу из Тбилиси вступили на ее территорию. Формальным поводом для вторжения стала необходимость освобождения захваченных сторонниками З. Гамсахурдия министра внутренних дел Грузии Р. Гвенцадзе и некоторых других лиц в Гальском районе Абхазии. Реально Шеварднадзе и его сторонники намеревались военной силой подавить национальные выступления абхазов, а заодно и покончить с Гамсахурдией.

Грузинские войска сравнительно быстро и легко захватили основные районы Абхазии и ее столицу город Сухуми. Однако позиции правительственных грузинских структур в автономии оказались непрочными. В сентябре 1993 года абхазские вооруженные формирования, поддерживаемые добровольцами из числа мусульманского населения Северного Кавказа, развернули широкомасштабное наступление на Сухуми. На окраине города, по рубежу реки Гумиста, начались ожесточенные бои, проходившие с переменным успехом.

Миротворческие действия, предпринимавшиеся Россией и другими международными организациями, результатов не дали. Соглашения о прекращении огня неоднократно нарушались обеими сторонами. Росло количество жертв среди воинов и мирного населения. Конфликт вовлек в свой кровавый водоворот все новые силы, грозя перерасти в локальную войну.

Абхазы оказались настойчивыми в достижении поставленной цели. К началу октября они освободили Сухуми и установили контроль над всей территорией республики. К тому времени в составе их вооруженных формирований действовало до четырех тысяч человек...

Помимо Абхазии на путь отделения от Грузии с начала 90-х годов встала и Аджария. 31 марта 1991 года в результате референдума за это проголосовало 98 процентов населения республики. Но Председатель Верховного Совета Аджарии А.И. Абашидзе смог избежать гражданской войны.

Аслан Ибраимович Абашидзе – потомок древнего княжеского рода, правившего Аджарией с 1463 года и внук председателя первого парламента республики, функционировавшего с 1918 по 1921 год. В советские времена достиг чина заместителя министра бытового обслуживания Грузии. Теперь же, придя к власти, он первым делом занялся разоружением многочисленных и практически бесконтрольных отрядов боевиков. Это многим пришлось не по душе.

Действия аджарских националистов привели к возникновению волнений в Батуми 22 и 23 апреля 1991 года. Митингующие взяли штурмом здания Совета министров и Министерства внутренних дел республики. Они потребовали немедленной отставки Абашидзе и назначения на ключевые посты представителей коренного населения. Ночью 29 апреля в рабочий кабинет Аслана Ибраимовича ворвалась группа вооруженных людей и тяжело ранила хозяина очередью из автомата. Но эти выступления были подавлены грузинскими войсками, и выстрелы в Доме правительства стали едва ли не последними в Аджарии. К утру следующего дня все незаконные формирования были разоружены...

Третьей «болевым точкой» Грузии являлась Южная Осетия, которая с 1922 года находилась в

составе этой республики на правах автономной области. Но отношения грузин с осетинами в советский период были не лучшими. В 1989 году между ними произошли межнациональные столкновения. Осетины проводили линию на выход из состава Грузии и соединение с Северной Осетией, входящей в состав России. Для подавления этих тенденций в конце года тбилисские власти под предлогом защиты грузинской части населения ввели в Цхинвали формирования МВД республики. Туда же были направлены и различные неформальные, по сути дела – бандитские вооруженные формирования. Этим силам осетины противопоставили немногочисленную и плохо вооруженную национальную гвардию, которую поддерживали представители Конфедерации народов Кавказа. Вскоре после первых столкновений с обеих сторон появились неконтролируемые вооруженные группы, промышленявшие разбоями и грабежами. За границы района конфликта хлынули тысячи беженцев. В ноябре 1990 года в Южную Осетию были введены войска МВД СССР. Но и они не смогли нормализовать обстановку в области.

Во время нахождения у власти З. Гамсахурдиа в 1990–1991 году грузины попытались решить осетинскую проблему силовым путем. 11 декабря 1990 года Верховный Совет Грузии принял закон «О чрезвычайном положении». В тот же день парламент республики принял закон об упразднении Юго-Осетинской автономной области.

Осетины не признали ни одного из этих решений. Это вызвало обострение вооруженного противоборства сторон, которое велось с переменным успехом с применением тяжелого вооружения. В результате боев и артиллерийских обстрелов погибли сотни людей, преимущественно мирных жителей.

С приходом в Грузии к власти Э.А. Шеварднадзе в Тбилиси решили урегулировать конфликт путем миротворчества. В апреле 1992 года российские войска были выведены из Южной Осетии и заменены трехсторонними российско-грузинско-осетинскими миротворческими силами. Конфликт был законсервирован, но не погашен...

Таким образом, с конца 80-х годов в связи с ослаблением СССР Закавказские республики четко взяли курс на выход из состава Советского Союза и создание независимых самостоятельных государственных образований. К концу 1991 года были образованы три независимые Закавказские республики с «всенародно избранными» национальными лидерами во главе. Однако власть первых избранников оказалась недолговечной. Вскоре все они пали жертвами межпартийных интриг. В итоге политической борьбы к власти в Азербайджане и Грузии пришли бывшие крупные советские и партийные работники из числа национальных кадров Г. Алиев и Э. Шеварднадзе, которые имели многочисленных сторонников среди местных руководителей. Опираясь на этих людей и сильную поддержку из-за рубежа они быстро переориентировали свои страны на другие политические цели, которые в ряде случаев шли вразрез с политикой Российской Федерации.

Глава 13

Первая чеченская война

Проблемы начала 90-х годов

Чечня с ее нефтяными месторождениями в районе Грозного была одним из наиболее развитых в промышленном отношении регионов Северного Кавказа. Однако развитие этого региона происходило неравномерно: районы, связанные с добычей, транспортом и переработкой нефти по степени развития значительно опережали другие, где преобладали сельское хозяйство и племенные отношения. Во-первых, господствовали официальная Советская власть и партocrats, во-вторых, правили старейшины, священники и сложившиеся веками законы. Некоторое время эти две системы мирно сосуществовали рядом, не вторгаясь в чужую территорию.

«Перестройка» нарушила это равновесие. Существует мнение, что причиной недовольства чеченцев центральной властью стало решение о строительстве биохимического завода в Гудермесе. Возможно, это и так. Но нередко исследователи причину путают с поводом. По нашему мнению, данный проект стал только поводом для начала того процесса, который давно и тщательно готовился против Советского Союза. Искру гражданской войны, пламя которой все сильнее разгоралось в Закавказье, нужно было перенести на территорию Российской Федерации, парализовав, таким образом, главную силу, способную помешать распаду СССР.

В феврале 1988 года появляется инициативная группа, которая выступает противником строительства биохимического завода в Гудермесе под тем предлогом, что это предприятие нарушит экологию данного района. При этом активисты всячески уклонялись от вопросов о развитии экономики Чечни, получении ею огромных средств на социальное развитие, вводе тысяч новых рабочих мест и многих других. Власти же, в свою очередь, не предприняли ничего, чтобы развеять страхи народа, многие из которых были надуманными: в мире уже успешно работали

сотни таких заводов, и к тому времени уже существовала безопасная технология данного производства. Западных «дирижеров» не устаивало мирное урегулирование конфликта и он развивался по ранее разработанному сценарию.

В ходе митингов появлялись новые лидеры, которые к лету 1988 года объединились в организацию, нацеленную на организованное сопротивление властям и получившую соответствующее название «Союз содействия перестройке». Но так как реально ни о каком союзе речи не было, а движение было настроено на конфронтацию, то вскоре Союз был переименован в Народный фронт Чечено-Ингушетии, который возглавил Хож-Ахмед Бисултанов, а вместо экологических на митингах зазвучали политические лозунги. Кроме этого фронта в Чечене в конце 80-х годов возникли и другие неформальные группы, которые проповедовали националистические идеи и выступали противником всего русского. (В 1989 году население Чечни по переписи составляло 1270 тысяч человек, из которых 40 % было не чеченским, 239 тысяч – русских.)

Москва, казалось, не замечала развития негативных процессов, происходивших на Северном Кавказе. Более того, созвав в мае 1989 года в Москве съезд народных депутатов и превратив его в балаган общегосударственного масштаба, власть перед всей страной расписалась в своей беспомощности и слабости. Почувствовав это, лидеры на местах начали более смело проводить самостоятельную и независимую политику. В первую очередь была произведена перестановка кадров, в результате которой на все ключевые должности были поставлены «нужные» люди, затем прошла «национализация» административного аппарата, руководства силовых структур и правоохранительных органов.

В июле на внеочередном пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС первым секретарем избрали Доку Гапуровича Завгаева, отклонив ставленника Кремля. Это местным населением было воспринято, как победа национально-патриотических сил (впервые за годы советской власти во главе республики стал чеченец). Вскоре во главе идеологических органов республики также встали чеченцы, а в 1990 году практически все ключевые посты в республике были заняты чеченцами. В 1989 году Председателем Верховного Совета СССР становится Президент страны М.С. Горбачев, Председателем Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР – первый секретарь Доку Завгаев. К сожалению, реально ничего не было сделано для укрепления Советской власти в вверенных им структурах. Правда, в Чечено-Ингушской Республике усилилась власть национальных чиновников и духовенства. В угоду последним за два года было построено более 200 мечетей, открылись два исламские университета (Курчалой и Назрань), началась усиленная проповедь мюридизма. На бытовом уровне происходило в Чечне ущемление прав нечеченского населения, прежде всего русского. Только в 1989 году территорию Чечни, за бесценнок продав дома, квартиры и имущество, покинули 19 тысяч русских, в 1990 году – 60 тысяч человек.

В марте 1990 года состоялись выборы народных депутатов РСФСР. Неудивительно, что в Грозном над вторым секретарем обкома КПСС Павлом Громовым одержал победу профессор Руслан Хасбулатов. Появилась группа чеченских предпринимателей в различных регионах СССР, занявших ведущие позиции в нефтяном, банковском, торговом, гостиничном и игорном бизнесе.

После событий августа 1991 года Советский Союз распался на 15 государственных образований, а бывшая РСФСР, превратившаяся в Российское Федеративное государство, объявив себя правопреемником бывшего СССР ничего, кроме его долгов не унаследовало. Зато потери страны были огромными. Если территория СССР составляла 22,4 миллиона квадратных километров, а население – почти 250 миллионов человек, то территория Российской Федерации составляла всего 17 миллионов квадратных километров, а население – менее 150 миллионов человек. Многие из отошедших территорий и их население вскоре присоединились к противникам России, другие повели против нее откровенно враждебную политику, третьи заняли выжидательную позицию. Это был разгром страны, подобно которому в мировой истории насчитывается очень немного.

Распад СССР привел к образованию в Закавказье трех самостоятельных государств: Азербайджана, Армении и Грузии, границей с которыми стал Большой Кавказский хребет. Северный Кавказ остался в составе Российской Федерации. Территориально он включал юг Краснодарского края, Карачаево-Черкесию, Кабардино-Балкарию, Северную Осетию, Ингушетию, Чечню и Дагестан, И если четыре первых территориальных образования, несмотря на наличие

различных острых противоречий, держались в рамках законности, то три последних быстро оказались втянутыми в события, выходящие за рамки мирной жизни.

Доку Гапурович Завгаев, первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС (1989–1990), председатель Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР (1989–1990), председатель подкомиссии по проблемам республик Северного Кавказа (1993–1995), непризнанный глава Чеченской Республики (1995–1996)

Дагестан оказался в руках местных правителей, племенных вождей, национальных предпринимателей и преступников. Очень быстро произошло слияние всех этих сил в одну структуру, которая, сохраняя национальное лицо, не стала радикально противопоставлять себя Москве. Это сделало Дагестан относительно спокойной территорией, практически полностью отданной на откуп местным национальным властям. Сами же дагестанцы сделали все возможное для того, чтобы лишний раз не нервировать Центр, и за ширмой лояльности занялись собственными делами и развернули собственный бизнес. В Дагестане было организовано нелегальное производство многих промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции, возникли подпольные рыбные промыслы, неконтролируемая добыча полезных ископаемых. Заработали сотни кирпичных заводов. В качестве рабочей силы на этих предприятиях использовали не только наемный, но также и рабский труд. Людей различными способами свозили в Дагестан со всех территорий бывшего СССР и удерживали там насильно. Постоянно отмечались и другие правонарушения.

Начало 90-х годов в числе многочисленных других проблем умирающего СССР прежде всего породило чеченскую проблему. Назревала она планомерно и довольно стремительно, но до определенного времени широкой огласке не предавалась.

Националистические настроения в Чечне господствовали всегда. В первой части книги об этом писалось достаточно подробно. Вторая половина 80-х годов XX столетия стала благодатным временем для их развития и перерастания в политику, которой придерживались не только местное

руководство, но и большая часть населения. Сразу же появились «народные» вожаки, которые вели откровенную политику, направленную против КПСС, власти Москвы и всего российского. «Подогреваемые» из-за рубежа активизировали деятельность чеченских общин за пределами республики. Уже в те годы различного рода эмиссары свободно разъезжали по Чечне, Ингушетии и Дагестану, призывая правоверных стать под зеленое знамя ислама и возродить идеи, проповедовавшиеся имамами в XIX веке. Официальные власти практически не мешали этой работе.

С 1990 года чеченцы искали себе вождя. Будучи воинственной нацией, они прежде всего присматривались к военным. Именно поэтому их взор остановился на единственном чеченце-генерале Д. Дудаеве, который командовал авиационной дивизией, дислоцировавшейся в Тарту, и характеризовался как очень амбициозный и самолюбивый человек. ЦРУ и Скотленд Ярд давно уже присматривались к этому человеку, с ним плотно работали резиденты этих спецслужб, находившиеся в то время в Прибалтике.

Вскоре имя Д. Дудаева стало известным в Чечне и в Москве. Решение о политической раскрутке этого человека, конечно же, было принято за пределами Советского Союза. С Дудаевым вначале основательно поработали отечественные «демократы» западной ориентации и чеченские старейшины. Бытует даже мнение, что он в сопровождении сотрудников КГБ приезжал в Москву, где встречался с некоторыми представителями власти РСФСР, в том числе с Б.Н. Ельциным. Однако в подтверждение этой версии никаких документов не имеется.

На самом же деле Д. Дудаев действительно посещал Москву, но несколько позже, в 1991 и 1992 годах. Встречал и сопровождал его один из лидеров организованной преступной группировки Хожа Нукаев, в последующем его «посланник» в Москве. Встречался Дудаев с представителями тогдашней «демократической элиты». Встречу организовывал Константин Боровой. О содержании бесед во время этих встреч можно только догадываться. Но ясно одно – интересам СССР и России они не служили.

Вскоре после этого Дудаев был переведен из Тарту в Грозный где сразу же стал знаковой фигурой. С его появлением в Грозном чеченцы действовали смелее. В конце ноября 1990 года состоялся 1-й съезд Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН), принявший декларацию об образовании Чеченской Республики Нохчи-Чо. Неудивительно, что исполком конгресса возглавил Д.М. Дудаев, который тут же подал в отставку и занялся политикой. 25 ноября съезд от имени чеченского народа принял Декларацию о суверенитете, указав, однако, что «чеченский народ высоко ценит союз национальных республик и готов быть суверенным и равноправным субъектом союзного договора и союза суверенных республик».

Но иностранные советники требовали от Д. Дудаева и его товарищей более решительных шагов. И уже 27 ноября 1990 года сессия Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР под давлением Д. Дудаева приняла Декларацию о государственном суверенитете и предъявила к России и СССР требования компенсации материального и морального ущерба.

Советское правительство не смогло и не захотело воспрепятствовать этому. Вместо того чтобы в зародыше на строго конституционной основе осудить первые проявления сепаратизма и чеченского национализма, новоявленные «демократы» начали всеми силами лить грязь на советский строй и советскую историю в угоду любого «сенсационного разоблачения».

Некоторое время Д. Завгаеву удавалось лавировать между правительствами СССР и РСФСР, стараясь урвать от каждого куски пожирнее. Но так долго продолжаться не могло. Прибывший в Грозный Д. Дудаев встал в жесткую оппозицию к власти Д. Завгаева, России и СССР. Вскоре у Дудаева появилось много сторонников. Еще сильнее обострились противоречия между чеченцами и проживавшими на территории республики казаками, начались убийства и избиения последних. Завгаев на это уже никак не мог повлиять.

11 марта 1991 года Чечня отказалась от участия во Всесоюзном референдуме о сохранении СССР. Это была откровенно заявлена политика чеченского руководства, направленная на сепаратизм. Но и после этого М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин откровенно заигрывали с чеченцами. 26 апреля Верховный Совет РСФСР принял Закон «О реабилитации репрессированных народов». В соответствии с этим Законом Чечне и Ингушетии были выделены значительные дополнительные средства, которые тут же осели в карманах местных воротил и правителей.

9 июня 1991 года на Второй сессии Съезда чеченского народа Д. Дудаев призвал свергнуть

Верховный Совет республик, как утративший право выступать в качестве законной власти суверенной республики. Он сделал заявление о том, что Республика Нохчи-Чо официально не входит ни в состав РСФСР, ни в состав СССР. Временным органом власти на территории республики объявляется Исполком Объединенного конгресса чеченского народа (ОКЧН).

Начинается формирование национальной чеченской армии, в ряды которой включались военнослужащие чеченской национальности, дезертировавшие из Советской армии, национальные подразделения внутренних войск (национальная гвардия), милиционеры и многочисленные добровольцы. В числе последних были и выпущенные из тюрем преступники, другие деклассированные элементы. Первоначальное вооружение этих формирований происходило за счет местных учреждений ДОССАФ и путем доставки оружия из-за рубежа.

Свой вклад в укрепление чеченского сепаратизма внес и Б.Н. Ельцин. Прибывший в Ингушетию накануне выборов, он в своей предвыборной речи провозгласил: «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Чеченцы с готовностью откликнулись на призыв российского лидера. Политика чеченских лидеров уже никак не согласовывалась с Москвой, республика готовилась идти по собственному пути, не видя в России попутчика. Но на президентских выборах в июне 1991 года чеченцы и ингуши в большинстве своем проголосовали за Б.Н. Ельцина.

22 июня состоялся Второй съезд Чечено-Ингушетии. Дудаев был избран председателем ОКЧН и приступил к созданию параллельных органов власти и вооруженных формирований, которых называли национальной гвардией.

В августовские дни 1991 года Д. Дудаев без колебаний встал на сторону Б.Н. Ельцина и российского парламента. Верховный Совет Чечено-Ингушетии во главе с Д. Завгаевым в своем выборе опоздал на два дня. Чеченский лидер осторожно выжидал, кто возьмет верх в Москве, и это ожидание оказалось роковыми для коммунистов. 22 августа Дудаев собрал митинг в Грозном и потребовал от Завгаева отчета за его молчание во время путча. Для публичного выступления Дудаева был захвачен телецентр в Грозном, который чеченский лидер в полной мере использовал в своих интересах. Завгаеву же приходилось довольствоваться устными выступлениями в полупустых аудиториях.

В последующие два дня, получив подкрепление за счет прибывших в Грозный жителей горных аулов, дудаевцы пошли в наступление. Был разрушен памятник В.И. Ленину на главной площади города, блокировали здания КГБ и МВД республики, захватили здание Совета министров. Прибывшие из Москвы кураторы запретили силовым структурам мешать этим «демократическим» процессам. Конфликт между Завгаевым и Дудаевым набирал силу.

В это время Москва в очередной раз подыграла Д. Дудаеву. Спикер Верховного Совета России Р.И. Хасбулатов прислал в Грозный телеграмму, предлагая Верховному Совету республики во главе с Завгаевым самораспуститься. Завгаев не принял это «предложение», но его авторитет был подорван. Вскоре после этого Ельцин и Хасбулатов приняли решение отстранить Завгаева от занимаемой должности, предложив на его место Саламбека Хаджиева. Однако депутаты Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики защитили своего председателя. В то же время этот чеченский лидер категорически отказался ехать в Москву несмотря на многочисленные телеграммы и угрозы Хасбулатова. Доку Завгаев, якобы поддержавший ГКЧП, был объявлен российскими властями вне закона.

1 сентября 1991 года был проведен 3-й съезд чеченского народа, результатом которого стало создание Временного Высшего Совета по руководству Чечено-Ингушской Республикой во главе с Дудаевым. 3 сентября он от имени съезда объявил о низложении Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики, которое спустя 12 дней было поддержано ОКЧН. Но до этого, 5 сентября, в Грозном отрядом «национальной гвардии» захватил здание КГБ республики, а исполком ОКЧН объявил, что законы СССР не действуют на территории Чечено-Ингушской Республики.

Уже на следующий день гвардейцы Общенационального конгресса чеченского народа разогнали Верховный Совет Чечено-Ингушской Республики. При этом отряды «национальной гвардии» ворвались в помещение, где шло заседание Верховного Совета, избив депутатов и убили председателя Грозненского горсовета В. Куценко. На волне победной эйфории Дудаев в очередной раз в ультимативной форме потребовал от СССР признания независимости мятежной

республики.

Москва откровенно растерялась. 10 сентября по распоряжению Президента РСФСР Б.Н. Ельцина в Грозный была направлена делегация во главе с государственным секретарем Г. Бурбулисом. Официально было объявлено, что эта делегация пыталась согласовать комплекс мер по стабилизации обстановки, но реальные результаты ее работы неизвестны.

Через несколько дней после возвращения этой делегации в Москву был избран Временный Высший Совет для подготовки и проведения выборов новых органов власти Чечни, назначенных на 17 ноября 1991 года. Кандидатом в президенты Чечни был выдвинут Дудаев, главный предвыборный лозунг которого – суверенитет Чечни, ее полная независимость от России. Чрезвычайная сессия, собранная по предложению Хасбулатова, не стала поддерживать Москву и приняла решение об отставке Завгаева и самороспуске Верховного Совета Чечено-Ингушетии.

14 сентября в Грозный приехал спикер парламента России Хасбулатов. По его требованию собрался Верховный Совет Чечено-Ингушетии. Здание, где проходило заседание, охранялось боевиками Дудаева. Хасбулатов запугивал депутатов, требуя от них проголосовать за самороспуск Верховного Совета. Те угрюмо молчали. Тогда российский спикер объявил об окончании заседания, а при выходе из здания боевики под угрозой автоматов отобрали у депутатов их мандаты.

Затем по распоряжению Хасбулатова был избран Временный высший совет Чечено-Ингушской Республики во главе с Хусейном Ахмадовым, а его заместителем стал человек Хасбулатова Юрий Черный. Но уже в начале октября между этими людьми и их сторонниками возник конфликт. Но реальным хозяином в Чечне был Дудаев.

1 октября исполком ОКЧН объявил о разделе Чечено-Ингушской Республики на самостоятельные две республики – Чеченскую и Ингушскую автономные республики в составе РСФСР.

5 октября семеро из девяти членов Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики приняли решение о смещении Х. Ахмадова и признали незаконными решения о разделе республики на два национальных образования. В ответ на это на следующий день исполком ОКЧН объявил о роспуске Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики и взял на себя все функции «революционного комитета на переходной период со всей полнотой власти». Принимается решение об избрании президента и парламента Чеченской Республики 27 октября 1991 года.

6 октября в Грозный прибыла российская делегация во главе с вице-президентом РФ А.В. Руцким. Вице-президент ознакомился с ситуацией в республике, переговорил со многими ее лидерами, в том числе и с Дудаевым. Вернувшись в Москву, он доложил Ельцину, что доверять Дудаеву нельзя и обрисовал происходящее в Чечне в самых черных красках. После этого Верховный Совет РСФСР принял постановление «О положении в Чечено-Ингушской Республике» и поручил Руцкому обеспечить наведение порядка на этой территории.

Не дожидаясь выборов, 8 октября исполком Объединенного конгресса чеченского народа во главе с Д. Дудаевым принял решение о роспуске Временного высшего совета Чечено-Ингушской Республики, фактически совершив переворот и узурпировав власть. Все обращения российских властей, указы президента России, постановления Верховного Совета РСФСР лидерами Чечни игнорировались. Дудаев объявил о мобилизации всех мужчин в возрасте от 15 до 55 лет, привел в боевую готовность национальную гвардию и начал отзывать из Вооруженных сил России всех лиц чеченской национальности. Военная подготовка была введена во всех вузах на территории Чечни и в старших классах школ. Это была настоящая подготовка к большой войне.

24 октября Временный высший совет Чечено-Ингушетии объявил назначенные исполкомом ОКЧН на 27 октября выборы президента и парламента республики незаконными. В тот же день представителем Президента России в Чечне был назначен депутат Верховного Совета России, заместитель министра лесного хозяйства Чечено-Ингушетии Ахмед Арсанов.

В это же время в Грозный выехала представительная делегация в составе генералов П. Дейнекина, Б. Громова, Р. Аушева и глубокоуважаемого всеми простыми советскими людьми певца И. Кобзона с целью уговорить Дудаева отказаться от работы в Чечне и вернуться на службу в Вооруженные силы России, предлагая ему высокие звание и должность. Однако эти переговоры уже были запоздалыми и не принесли успеха. Дудаев руководствовался принципом: «Лучше быть

первым на деревне, чем вторым в городе».

26 октября в грозненской прессе было опубликовано постановление Верховного Совета РСФСР, согласно которому выборы 27 октября в высшие органы Чеченской Республики назывались незаконными и, следовательно, их результаты не имели силы. Кроме того Временный высший совет Чечено-Ингушской Республики назначил на 17 ноября референдум, в ходе которого жители должны были ответить на два вопроса: о целесообразности учреждения поста президента Чечено-Ингушетии и о целесообразности разделения этой республики на две части – Чечню и Ингушетию. На эту же дату были назначены выборы в парламент республики.

Москва пыталась повлиять на обстановку в Чечне, но она явно выходила из-под ее контроля. 27 октября 1991 года в обстановке близкой к военной, под полным контролем боевиков, под дулами автоматов «большинством» голосов Дудаев избирается президентом Чеченской Республики. По некоторым данным в выборах участвовало 10–12 процентов избирателей и они не проводились в Надтеречном, двух казачьих, а также в трех ингушских районах республики. Последнее объяснялось тем, что чрезвычайный съезд депутатов Ингушетии, состоявшийся в Назрани в середине сентября, провозгласил Ингушскую Республику в составе России. Ее президентом в 1992 году стал также бывший полковник Советской армии Герой Советского Союза Руслан Аушев, получивший позже от Б.Н. Ельцина чин генерал-майора, а затем и генерал-лейтенанта.

Выборы чеченского президента не признаются членами бывшего Верховного Совета Чечено-Ингушетии, но Д. Дудаева уже не интересует их мнение. Продолжая ранее намеченную линию, 1 ноября он обнародовал Указ «Об объявлении суверенитета Чеченской Республики с 1 ноября 1991 года». При этом в состав республики был включен также и Сунженский район, в значительной степени населенный ингушами, что вызвало недовольство в Назрани. Создалась угроза конфликта, в разрешение которого наконец-то вмешалась Москва.

2 ноября V съезд народных депутатов РСФСР признал выборы в Чечне незаконными и противоречащими Конституции РСФСР. На этом основании пять дней спустя был опубликован Указ Президента РСФСР «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике». Но данный указ не утверждается на чрезвычайной сессии Верховного Совета РСФСР и Ельцин соглашается с этим решением. Так был упущен реальный шанс восстановить порядок в Чечне без применения военной силы.

9 ноября в Грозном состоялась церемония принятия Д. Дудаевым президентской присяги. Она сопровождалась клятвой на Коране и проводилась в присутствии представителей духовенства. Парламент республики принял поправку к Конституции Чеченской Республики, согласно которой ислам провозглашался государственной религией. В очередной раз официально было заявлено о враждебных намерениях по отношению к северному соседу.

Дудаев Джохар Мусаевич родился в январе 1944 года в селе Ялхори Чечено-Ингушской АССР, семья принадлежала к тайпу ялхорой. Джохар был седьмым ребенком в семье, имевшей 9 детей. В 1944 году, во время депортации, семья Дудаевых была выслана вначале в Павлоградскую, затем в Южно-Казахстанскую область, откуда вернулась в 1957 году. После окончания средней школы поступил на физико-математический факультет Северо-Осетинского государственного университета, но со второго курса тайком уехал из Орджоникидзе и поступил в Тамбовское высшее военное авиационное училище имени М. Расковой. После окончания училища проходил службу в Московском и Забайкальском военных округах. В 1974 году окончил командный факультет Военно-воздушной академии имени Ю.А. Гагарина. Служил в Сибири, на Украине, в Прибалтике в частях Дальней авиации. В 1987 году был назначен командиром авиационной дивизии в Тарту, генерал-майор. В 1988–1989 году принимал участие в нанесении авиационных бомбовых ударов по моджахедам в Афганистане, был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. До того времени ни в каких националистических амбициях замечен не был, жена Алла Федоровна (в девичестве Куликова) русская, в семье воспитывалось двое сыновей в русском духе.

Спустя шестнадцать лет после тревожного 1991 года можно выявить и назвать многие основные факторы, ставшие причиной чеченской войны. Но это будет лишь видимая вершина огромного айсберга, основание которого скрыто мутными водами большой политики. Ее главными двигателями были власть, деньги, огромные природные ресурсы страны и борьба за

рынок для низкопробных зарубежных товаров. Шло невиданное в истории ограбление 150-миллионного российского народа всеми, кому только было не лень. В числе таких «сообразительных и ловких» был и Дудаев.

Одним из основных направлений деятельности чеченского президента стало формирование национальных вооруженных сил и накопление оружия. В частности, став президентом, он объявил об увеличении верхнего предела возраста мобилизуемых с 55 до 65 лет. А вооружение чеченской армии было осуществлено успешно и не без помощи высшего российского военного руководства.

В декабре 1991 года в Чечню направляется делегация во главе с первым заместителем министра обороны П. Грачевым. Санкционировал эту поездку министр обороны маршал авиации Е. Шапошников, стремившийся воспрепятствовать вооружению чеченцев. По свидетельству главного редактора газеты «Кавказ» Мусы Тимишева, во время визита Грачев долго говорил с Дудаевым в отдельном кабинете, без свидетелей. На ночь генералы удалились в гости к одному из нефтяных магнатов республики, другу Джохара. Грачев убедился, что полностью вывезти оружие из Чечни не удастся, и доложил об этом министру обороны и Президенту Б.Н. Ельцину. Он сказал, что достигнута договоренность о вывозе только 50 % техники и вооружения, при том, что остальное останется в Чечне.

В конце февраля 1992 года Е. Шапошников освободили от должности. Вместо него министром обороны РФ стал П.С. Грачев. И буквально через день после этого Джохар Дудаев и вице-президент Чечни Зелимхан Яндарбиев отдали приказ об «очистке» от оружия и военной техники российских военных частей, дислоцировавшихся на территории республики.

Происходило это довольно просто. С наступлением темноты и до утра битком груженые «КамаЗы» вывозили со складов оружие и боеприпасы. Рука об руку с рядовыми грабителями действовали высшие чины МВД Чечни, которые загружали автоматами, пистолетами, патронами свои «Мерседесы». Республика стремительно вооружалась.

На четвертый день этой вакханалии Дудаев с З. Яндарбиевым сделали мастерский ход по заметанию следов: вовлекли в преступление широкие народные массы. Ворота воинских частей были открыты настежь, сотни людей тащили на себе всё, что что мог – сапоги, противогазы, автозапчасти, консервы, форму, солдатское белье. В темноте вдруг стали рваться снаряды, запылал грандиозный пожар. Несколько несчастных подорвались на минах...

Дело было сделано: Дудаев и его подручные, ограбив подчистую большинство воинских частей в Грозном, списали все на народ. Но по утверждению Руслана Мартагова, работавшего пресс-секретарем Доку Завгаева, тогда чеченцами было захвачено несколько десятков тысяч стволов стрелкового оружия и гранатометов, которое тут же расплодилось по всему Северному Кавказу и осело в тайниках Грозного, других городов и горных аулов.

В период с ноября 1991 года по май 1992 года в Чечне действовало два правительства. Кабинет министров во главе с Дудаевым, который занимался в основном политическими вопросами, и временное правительство. Председателем городского собрания Грозного был назначен Бислан Гантимиров.

Министерство обороны Чечни и главный штаб вооруженных формирований, подчиненных Д. Дудаеву, находились в руках «генерал-лейтенанта» Висхана Шахабова (бывший полковник Советской армии, звание которому присвоил Дудаев), а его заместителем был Аслан Масхадов, начальником оперативного управления Али Мацаев (оба также бывшие полковники Советской армии).

Чеченская национальная армия формировалась достаточно быстро. Уже к 1 ноября 1991 года численность Национальной гвардии достигала 16 тысяч человек, а вместе с народным ополчением – более 35 тысяч человек. Правда, боевые отряды Национальной гвардии, образованные из бывших офицеров и лиц, прошедших срочную службу в Советской армии, составляли около двух тысяч человек. Остальными были мужчины и юноши, имевшие начальную военную подготовку, и готовые следовать за своими командирами.

После прихода к власти Д. Дудаева националистические настроения в Чечне стали быстро прогрессировать. Был брошен лозунг: «Грабь награбленное», под который начались откровенные нападения на русскоязычное население, грабежи, избиения, убийства. В охоту за имуществом русских постепенно втягивались все новые и новые силы. Доходило до того, что подростки в присутствии взрослых чеченцев избивали на улицах камнями стариков и старух, группы молодых

людей среди белого дня заходили в дома и квартиры «неверных» и брали все, что им понравится, чеченские семьи, десятилетиями дружившие с семьями русских соседей, требовали от последних за бесценок продать им дома и в считанные дни убраться из Чечни. В это же время прогрессирует такое явление, как хищение людей и торговля ими, особенно страдали русские молодые женщины и дети, которые стали главным объектом охоты.

Павел Сергеевич Грачев, министр обороны России (1992–1995), генерал армии

Командование российских войск, находившихся на территории Чечни, лишенное права самозащиты, было вынуждено взывать о помощи к официальной Москве. Так, командир войсковой части 30106, дислоцировавшейся в Грозном, генерал-майор Соколов 24 марта 1992 года сделал заявление Генеральному прокурору РФ. В нем указывалось:

«Со времени избрания президента Чеченской Республики и объявления суверенитета в отношении воинских частей и самих военнослужащих произошло резкое изменение отношения как со стороны властных структур, так и со стороны населения, которое постоянно подогревается тем, что части Советской армии являются источником всех негативных явлений в республике. К командованию части предъявляются необоснованные обвинения в расхищении и распродаже оружия, боевой техники и другого военного имущества. Напряженность в отношении военнослужащих и воинских частей имеет тенденцию к усилению. Неоднократно предъявлялись требования покинуть пределы республики, отдать не только имущество частей, но и отдельных военнослужащих из числа офицеров и прапорщиков как якобы награбленное в республике за счет местного населения. Все чаще требования стали сопровождаться угрозами физической расправы.

Ни по одному факту оскорблений офицеров и прапорщиков, членов их семей, включая и физические, нападения на часовых, захвата автотранспорта компетентными органами республики решений не принято, виновные не найдены и не наказаны, похищенное не возвращено. Пик напряженности по отношению к воинским частям пришелся на первую декаду февраля, когда

были определенными экстремистскими кругами организованы нападения на военные городки с целью захвата оружия и грабежа.

Так были захвачены и разгромлены полк внутренних войск, авиационный учебный полк, полк РТВ ПВО страны.

В период с 7 по 9 февраля были организованы нападения на части окружного учебного центра – 1-й и 15-й военные городки.

В результате нападений расхищены часть оружия, автомобильной техники и другого имущества на сумму более двух миллионов рублей. Военные городки, и особенно склады с оружием и боеприпасами, усилиями офицерского состава удалось отстоять. Решением президента для предотвращения повторных нападений на 1-й и 15-й военные городки были назначены военизированные формирования, которым была поставлена задача внешней охраны военных городков. Однако эти подразделения, пользуясь попустительством своего руководства, стали на путь организованного грабежа военных городков, оскорбления офицерского состава, и как вывод – организации противостояния военнослужащих регулярной армии с военизированными подразделениями и народом в целом.

«Я возьму Грозный одним десантным полком...»

Так, личным составом роты «Чеборз» под командованием Шамиля ведется ежедневный грабеж 1-го военного городка. Угнано 8 единиц автомобильной техники, снято и украдено вооружение с трех БРДМ, средства связи, автозапчасти, вещевое и другое имущество.

Личным составом «Афганского батальона», несущим охрану 15-го военного городка, также украдено несколько единиц военной техники, незаконно изъято у офицеров 13 единиц стрелкового оружия, разворованы аккумуляторы, автозапчасти и другое имущество. В том числе 10 автоматов, полученных начальником службы и начальником склада для довооружения офицеров по приказу командира части. Этот случай можно расценить как прямой разбой.

Все попытки остановить разграбление военных городков со стороны их «защитников» успеха не имели. Обращение к руководству республики, включая президента, результатов не дали. Более того, из следственных действий прокуратуры республики, ведущих следствие по факту нападения на воинские части, можно сделать вывод, что главными виновниками пытаются сделать

только военнослужащих. Допрашиваются только офицеры и прапорщики, а мер к конкретным организаторам и виновникам нападения и повседневного грабежа не принимается.

Прошу вас по данному заявлению сделать определенные выводы и практические действия, оградить офицерский состав от надругательств и оскорблений, военные городки от грабежа и хищений. В противном случае офицерский состав оставляет за собой право самим стать на защиту своей жизни, чести и достоинства, используя все имеющиеся в нашем распоряжении силы и средства».

Какова же была реакция Российского правительства на столь тревожные сигналы? Она оставалась пассивной, а порой была совершенно непредсказуемой!

В апреле 1992 года на закрытом совещании Совета безопасности России Грачев доложил об утвержденном решении передать Д. Дудаеву 50 % находившегося в Чечне вооружения, сославшись на то, что экономически это выгоднее, поскольку перевозка боевой техники обойдется недешево. Данное предложение удовлетворило членов Совета.

В мае формирование кабинета министров Чеченской Республики было закончено, а временное правительство распущено. Президент Дудаев взял на себя обязанности премьер-министра (главы правительства). Министерские портфели были распределены в основном среди его сторонников.

Д. Дудаев и его сторонники продолжали наращивать «мускулы». Россия этому не препятствовала. Более того, директивой Грачева от 28 мая 1992 года Дудаев получил формальные права на половину от всего находившегося в Чечне вооружения, боевой техники и военного имущества. Остальное должно было быть вывезено в другие районы страны.

Соглашательство федеральных властей и полная безнаказанность за все предыдущие действия убедили Дудаева в его силе. Ему уже было мало половины, хотелось большего. Чеченский президент распорядился блокировать вывоз оружия из республики. Происходило это довольно просто:

...«Остатки былой роскоши» выскребли с воинских складов и загрузили в большой транспортный самолет, отправлявшийся в Москву, – писал один из очевидцев. – Сопровождавшему оружие офицеру Джохар пожелал счастливого пути. Но едва тот вышел из президентского кабинета, Дудаев позвонил в аэропорт и велел Абу Арсанукаеву (начальнику охраны президента) задержать вылет. Самолет «обложили» бензовозами. Через какое-то время все тот же сопровождавший груз офицер вернулся в кабинет президента и, наивный, стал возмущаться: «Джохар Мусаевич, ну это же ни в какие рамки...» В ответ Дудаев тонко улыбнулся. Указав офицеру на кресло возле себя, он позвонил Грачеву в Москву. Суть последовавшего разговора с министром сводилась к тому, что надобно и оставшуюся «мелочовку» оставить в Грозном. Грачеву начево не оставалось, как передать груз самолета представителям чеченского президента».

В июле 1992 года под угрозой вооруженных действий со стороны чеченцев российские войска покинули территорию республики практически разоруженными. По различным данным в распоряжении Дудаева осталось от 108 до 134 единиц бронетанковой техники (в том числе 42 танка Т-62 и Т-72, 34–36 БМП, 30 БТР), от 139 до 153 артиллерийских систем (в том числе 18 реактивных систем залпового огня «Град» и 30 122-мм гаубиц Д-30), 77 комплектов ПТУР, несколько сот ручных противотанковых гранатометов, 27 зенитных орудий и установок, 426 самолетов (из них 5 боевых), 2 вертолета, более 50 тысяч единиц стрелкового оружия, 27 вагонов боеприпасов, 3050 тонн горюче-смазочных материалов, 38 тонн вещевого имущества и 254 тонны военного продовольствия.

Также в средствах массовой информации России появляются сведения о закупки оружия дудаевцами в других регионах страны. Так, корреспондент «Московского комсомольца» А. Колпаков опубликовал материал своей беседы с чеченцем, который якобы лично «купил» у командования Дальневосточного военного округа 17 установок «Град» и переправил их в Грозный. Он же сообщил о «коммерческих связях» чеченских властей с командующим Забайкальского военного округа Семеновым Владимиром Магомедовичем, карачаевцем по национальности, в последующем – главкомом Сухопутных войск. Правда, двумя неделями позже газета «Сегодня» уточнила, что 26 января 1992 года в Приморье чеченцами была куплена за полтора миллиона рублей всего одна установка «Град». Покупка же остальных боевых машин

сорвалась по вине кладовщиков-прапорщиков. Безусловно, не вся информация подобного рода заслуживает полного доверия. Более того, с целью антиармейской пропаганды многое в ней заведомо ложно и преувеличено. Но если сделки успешно заключались на самом высоком уровне, то что говорить о низовых структурах?

Готовясь к новой войне с Россией, Чечня накапливала деньги. Большую прибыль чеченские власти получали от продажи нефти за рубеж. В самой Чечне ее добывалось немного (в период с 1991 по 1993 год примерно 10 миллионов тонн), но в это время с территории России туда было закачено намного больше «черного золота», которое перерабатывалось на местных заводах – примерно 28,5 миллиона тонн. Кроме того, через территорию Чечни с России в это же время за рубеж через подставные фирмы было продано еще около 30 миллионов тонн нефти. Таким образом, Чечня всего за три года по своему усмотрению распорядилась примерно 50 миллионами тонн российской нефти, деньги за которые осели на счетах чеченских властей и московских чиновников.

Огромные средства Чечня получала от торговли наркотиками и оружием из-за рубежа. Они поступали туда отовсюду, хранились, фасовались, а затем перепродавались заинтересованным странам и частным лицам.

На территории Чечни был организован выпуск фальшивых российских денег и банковских авизо. Средства, полученные таким путем, исчислялись сотнями миллиардов рублей.

В Чечню в качестве «помощи» направлялись из Москвы деньги и официальным порядком. 20 июля 1992 года первый заместитель председателя правительства России В.Ф. Шумейко подписал распоряжение о выделении Чеченской Республике 5090 миллионов рублей наличными, а несколько позже другой вице-премьер С.М. Шахрай распорядился направить Дудаеву еще 2,5 миллиарда рублей.

Поражает другое – почему Россия не использовала в своих интересах ситуацию разобщения, возникшую в Чечне в это время? К июлю в парламенте Чечни сформировалась оппозиционная президенту группа «Бако» («Право») во главе с первым заместителем председателя исполкома Ю. Сосламбековым. Она выступила с требованием лишить Дудаева полномочий главы правительства и предлагала сформировать кабинет министров, ответственный перед парламентом. Но чеченский президент проигнорировал эти требования. В конце июня 1993 года Д. Дудаев объявил о восстановлении работы разогнанного им ранее парламента «без права законотворческой власти». Председателем этого парламента был назначен родственник Дудаева, а его заместителем – родственник вице-президента Яндарбиева. Новый парламент принял решение о лишении депутатских полномочий Ю. Сосламбекова. Он, бывший председатель парламента и его сторонники нашли поддержку среди представителей своих тейпов. Но их действия совпали с октябрьскими событиями, которые произошли в Москве в 1993 году, и потому остались фактически незамеченными.

Игра на «горячем» поле

Ни для кого не секрет, что 1993 год стал годом усиления разногласий как между Верховным Советом и Президентом России, так между Президентом России Б.Н. Ельциным и Президентом Чеченской Республики Д.М. Дудаевым. Первые были «успешно решены» расстрелом мятежного парламента в Белом доме и людских толп в районе Останкино. Разрешение вторых, ввиду отдаленности Чечни от Москвы и несговорчивости Дудаева, потребовали несколько иных подходов при соблюдении древнего принципа: разделяй и властвуй.

Дудаевскому режиму с помощью Москвы была создана активная оппозиция. Ее центром стал Надтеречный район, глава которого У. Автурханов высказался против отделения Чечни от России. Бывший мер Грозного Б. Гантемиров создал независимое от Дудаева «княжество» в своем родном Урус-Мартановском районе. Прежний начальник личной охраны Р. Лабазанов закрепился в третьем по значению городе республики – Аргуне. Создалась довольно мощная консолидация антидудаевских сил, которая при умном руководстве могла заставить чеченского президента отказаться от его прежнего курса. Но такого руководства не было.

В самой Чечне также не было единого согласия. Известно, что там существовала оппозиция Дудаеву, усилиями которой еще 31 марта 1992 года была предпринята попытка антидудаевского

переворота, которая в тот же день была подавлена верными президенту вооруженными формированиями.

Весной 1993 года вспыхнул второй конфликт между Дудаевым и парламентом республики, который поддерживался оппозицией. В Чечне назрел референдум о взаимоотношениях республики с Россией. В это время Б.Н. Ельцин издает Указ «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества». Получает приоритет бредовая идея, что иррегулярное казачество может заменить регулярные вооруженные формирования в столь беспокойном регионе. Это привело к тому, что с началом Абхазско-Грузинского вооруженного конфликта тысячи чеченцев спокойно перешли границу России и приняли в нем участие, оттачивая свое военное мастерство.

В последний день марта 1993 года парламент Чечни принимает постановление о переводе под юрисдикцию республики всех воинских частей, вооружений и боевой техники, которых не успели захватить до того времени. Командование Северо-Кавказского военного округа обращается с этим вопросом в Москву, но министр обороны П.С. Грачев дает указание начать переговоры с Дудаевым.

15 апреля в Грозном начинается организованный Москвой митинг в поддержку референдума, продолжавшийся 51 день. Через три дня чеченский парламент собирается с целью подвергнуть Дудаева импичменту. 9 депутатов из 41 сдают свои мандаты в соответствии с указом президента этой республики, но вечером того же дня Конституционный суд признает указы Дудаева антиконституционными. Россия получает уникальный шанс на законных основаниях покончить с чеченским сепаратизмом. Для этого достаточно морально поддержать митингующих и предостеречь Дудаева от применения против них силы. Но Кремль молчит.

Кремль молчит и после того как чеченский лидер во всеуслышание заявляет, что Ельцин готов предоставить в его распоряжение два десантных полка для разгона митингующих. После этого люди самостоятельно расходятся по домам, а в ключевых точках Грозного и других чеченских городов появляются «национальные гвардейцы».

В начале июня сторонники Д. Дудаева штурмом взяли мэрию Грозного и здание ГУВД республики, его противники потеряли более 50 человек убитыми и сотни ранеными. Утром 4 июня чеченский президент выводит танки на улицы Грозного и расстреливает здание Городского собрания, где хранились отпечатанные бюллетени референдума, которому уже не суждено состояться. Десятки убитых и раненых. Конфликт между президентом Ичкерии и парламентом завершился роспуском последнего. Москва получает неподчиненную ей территорию на Северном Кавказе, до отказа набитую оружием и готовую к войне.

Несмотря на все эти события к осени 1993 года значительная часть рядовых чеченцев еще не определилась в своих политических взглядах на происходившие в республике события. Люди были обмануты пропагандой, обозлены экономическими трудностями, разгулом преступности, но они не хотели войны. Объявленная Д. Дудаевым всеобщая мобилизация провалилась. Но подготовка к войне продолжалась. Нужны были деньги, и они поступали регулярно из Москвы на зарплаты и пенсии, но не доходили по назначению. Шли деньги и из других источников. Дудаев цинично объявил российские средства контрибуцией за «многовековой гнет» чеченского народа и направил их на подготовку к войне. В Кремле об этом знали, но не предприняли никаких мер.

Средства для будущей войны добывались повсюду. Так, по официальным данным, на грозненском отделении Северо-Кавказской железной дороги только за 1993 год нападению подверглось 559 поездов с полным или частичным разграблением около 4 тысяч вагонов и контейнеров на сумму 11,5 млрд рублей. За первое полугодие 1994 года были совершены нападения на 450 поездов, разграблено вагонов и контейнеров на сумму свыше 7 млрд рублей.

За первые годы своего существования дудаевский режим выпустил на 10 триллионов рублей фальшивых авизо, которые разошлись по всей России. Осенью 1993 года одна из чеченских преступных группировок изготовила в Турции и ввезла в страну через Чечню 10 млрд рублей фальшивых денег.

А как измерять суммы хищений чеченцами на местных нефте- и газопроводах?

Для предстоящей войны нужны были кадры. Их вербовали повсюду, в Чечне и других мусульманских странах. Немело ехало в Чечню и представителей других концессий, желавших

попытать счастья с оружием в руках. Вне досягаемости для российских правоохранительных органов стали тысячи укрывающихся в Чечне преступников, просьбы об их выдаче игнорировались.

Веским поводом для начала войны с дудаевцами стала проблема беженцев. Откровенный геноцид чеченцев против русских и других национальностей вынудил сотни тысяч жителей республики покинуть ее пределы. Так, если в 1990 году в Чечено-Ингушетии было 450 тысяч русских, то к 1995 году их там оставалось не более 110 тысяч.

Антидудаевской оппозиции не оставалось ничего другого, как попытаться решить дело силой. 19 сентября ее бронетранспортеры с боем ворвались в Грозный. Из города уходили, прихватив трофеи: несколько пушек, установку «Град», танк и одного пленного – Усмана Имаева, главного дудаевского банкира, министра финансов и генерального прокурора в одном лице. В руки оппозиции попал человек, сведущий во всех тайных финансовых операциях чеченского руководства. Он был отправлен в Москву, но через две недели после общения с московскими чиновниками и спецслужбами возвращен обратно в Грозный. Какие-либо документы о беседах Имаева с представителями российской власти во время его пребывания в Москве никому увидеть не удалось.

Следующий штурм Грозного, предпринятый 26 ноября оппозицией с привлечением танков Кантемировской дивизии, завершился неудачей. Грозные боевые машины оказались беззащитными на узких улицах города под огнем заранее установленных реактивных снарядов от установок «Град» с дистанционным запуском. Они прожигали танки насквозь, и те горели, словно спичечные коробки. Обещанной поддержки с воздуха наступавшие не получили. Только в первый день (26 ноября) потери составили 18 танков, 40 человек убитыми и 168 ранеными. Из девяти командиров отрядов шестеро погибли. На второй день при очередной тщетной попытке заблокировать танками президентский дворец оппозиция была окружена прибывшими накануне из Гудермеса отрядами подготовленных вооруженных боевиков, численностью около 200 человек. В этот день было уничтожено еще 5 танков, а экипажам других боевых машин было выдвинуто требование о сдаче. В плен было взято около 50 человек, в основном российских военнослужащих.

Ноябрьский 1994 года провал оппозицией Дудаеву взять под контроль республику с помощью российских добровольцев произошел по причине некачественной подготовки этой операции. Она была подготовлена Федеральной службой контрразведки (ФСР) РФ. К разработке плана операции не были привлечены специалисты ни от Генерального штаба, ни от главного штаба Внутренних войск МВД. Вместо подбора действительно отставных специалистов, военные контрразведчики отобрали молодых ребят срочной службы в частях и соединениях Московского военного округа, а также несколько молодых офицеров.

Без должной подготовки и хотя бы кратковременного слаживания экипажей они были брошены в Грозный, буквально наспигованный противотанковыми средствами. Отряды оппозиции, которые должны были выполнять роль пехоты для прикрытия боевых машин, свою задачу не выполнили. Они просто не пошли вслед за танками. При этом нужно сказать, что на осуществление этой сомнительной операции было истрачено 77 миллиардов рублей, не считая техники и вооружения.

Из Моздока в Знаменское в октябре – ноябре 1994 года Б. Гантимиров машинами возил наличные деньги и оружие. Значительная часть денег была разворована (никакого контроля за расходованием средств не велось). Часть оружия была спрятана для последующей продажи. С началом Первой чеченской войны часть таких схронов с оружием, предназначенным для оппозиции, были обнаружены в различных районах Чечни.

Подготовку оппозиции для свержения дудаевского режима осенью 1994 года осуществляли министр по делам национальностей Н.Д. Егоров, заместитель министра А.А. Котенков, директор ФСР С.В. Степашин и начальник управления ФСР по Москве и Московской области Е.В. Севостьянов.

После двух этих штурмов создавалось впечатление, что каждая из попыток оппозиции свергнуть режим Дудаева является не чем иным, как угрозой несговорчивому правителю со стороны Центра или отдельных высоких должностных лиц. Но так долго продолжаться не могло. Москва была вынуждена официально признать факт неблагоприятного положения дел в Чечне и необходимость решительного вмешательства в происходившие там процессы.

В результате неудачной акции был сделан последний роковой шаг к войне, от которой федеральному центру отказаться уже было невозможно.

На основании всех вышеизложенных фактов Российским правительством был сделан вывод о неблагоприятном положении дел в Чечне и необходимости решительного вмешательства в происходившие там процессы. Решительность придавали и заверения министра обороны РФ о легкости разгрома дудаевцев вооруженным путем. На встрече с корреспондентами Грачев заявил: «Я не очень интересуюсь тем, что там происходит. Вооруженные силы там не участвуют... Я бы никогда не допустил, чтобы танки вошли в город. Это безграмотность дикая. А во-вторых, если бы воевала армия, то одним парашютно-десантным полком можно было бы в течение двух часов решить все». И неделю спустя: «Разгром всего этого воинства серьезной проблемой для российской группировки не представляет. Правда, придется, видимо, отказаться от столь эффективных приемов, как массированная бомбежка с воздуха и артобстрелы. Все это может привести к гибели мирных граждан, чего войска в случае боевой операции будут всемерно избегать».

Таким образом, план боевых действий в Чечне с привлечением Вооруженных сил РФ скорее всего начала прорабатываться только в конце ноября 1994 года. К тому времени в распоряжении российского командования не было не только необходимой группировки сил и средств, но даже плана конкретных действий. Зато в избытке были личные амбиции некоторых высокопоставленных чиновников и страстные желания других тайных сил втянуть Россию в войну, чтобы отвлечь ее народ от других происходивших в стране событий.

В конце 1993 года Чечня отказалась принимать участие в выборах парламента России. Чеченский парламент выступил против включения в новую российскую Конституцию положения о Чеченской Республике как о субъекте Российской Федерации.

В начале 1994 года оппозиционные Д. Дудаеву силы предприняли очередную попытку атаковать позиции Национальной гвардии вблизи Грозного, но она закончилась неудачно. В конце мая 1994 года была предпринята попытка покушения на Дудаева, также неудачная.

Тем не менее фактом является то, что к концу 1994 года Дудаеву удалось создать и вооружить весьма многочисленные формирования. По различным данным, они насчитывали около 40 тысяч человек. Часть командных кадров дудаевцев имели опыт боевых действий в Абхазии, остальные приобрели определенные навыки на различных учебных сборах и в многочисленных вооруженных акциях на территории самой Чечни. Кроме того, на службе у чеченского президента состояло от 5 до 8 тысяч наемников из стран ближнего и дальнего зарубежья. Их «боевая работа» щедро оплачивалась свободно конвертируемой валютой.

В сложившейся обстановке 29 ноября 1994 года Совет Безопасности Российской Федерации рассмотрел вопрос «О восстановлении конституционной законности, правопорядка и мира в Чеченской Республике». В этот же день было опубликовано обращение Президента Российской Федерации в связи с событиями в Чечне. 30 ноября 1994 года в связи с продлением вооруженного конфликта в Чеченской Республике, неподчинением требованиям о прекращении огня, сдаче оружия, роспуске вооруженных формирований, освобождении всех захваченных и насильственно удерживаемых граждан, гибелью гражданского населения и в соответствии со статьей 88 Конституции Российской Федерации был издан Указ Президента РФ «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики». Этим указом создавалась группа руководства действиями по разоружению и ликвидации вооруженных формирований, введению и поддержанию режима чрезвычайного положения на территории Чеченской Республики в составе: П.С. Грачева (руководитель), Н.Д. Егорова, В.Ф. Ерина, А.С. Круглова, А.С. Куликова, А.И. Николаева, В.Н. Паничева, Б.И. Пастухова, А.В. Старовойтова, С.В. Степашина, П.П. Ширшова, С.Н. Юшенкова. В соответствии с указом министру обороны как руководителю группы были предоставлены соответствующие права и полномочия, о которых знал очень ограниченный круг лиц.

Имеются сведения, что мнения членов Совета безопасности в отношении действий России в Чечне радикально отличались. Министр обороны П. Грачев якобы предупреждал о трудностях, с какими непременно встретятся российские войска в Чечне. Его не поддержали Виктор Черномырдин и Иван Рыбкин, которые в немедленном вторжении видели простейший выход из создавшейся ситуации. Президент Б.Н. Ельцин поддержал последних.

Вскоре был разработан план предстоящей операции. Планом мероприятий определялись

задачи министерств и ведомств, сроки их исполнения. В частности, учитывая сложившуюся обстановку и сделав ставку на невозможность разрешения конфликта политическими средствами, Президент Российской Федерации возложил на Объединенную группировку войск следующие задачи:

1. Стабилизировать обстановку в Чечне.
2. Разоружить незаконные военные формирования.
3. Восстановить законность и правопорядок в соответствии с законодательными актами Российской Федерации.

Для руководства действиями по разоружению и ликвидации вооруженных формирований, введению и поддержанию режима чрезвычайного положения на территории Чеченской Республики создавалась группа руководства во главе с министром обороны П.С. Грачевым. В ее состав вошли также министр внутренних дел В.Ф. Ерин, заместитель министра внутренних дел А.С. Куликов, главнокомандующий пограничными войсками А.И. Николаев, директор Федеральной службы контрразведки С.В. Степашин, заместитель генерального прокурора – главный военный прокурор В.И. Паничев и другие.

Анатолий Сергеевич Куликов, командующий Внутренними войсками МВД (1992–1995), министр внутренних дел Российской Федерации (1995–1997), генерал армии

Для выполнения поставленных задач было решено провести специальную операцию силами Министерства обороны во взаимодействии с внутренними войсками МВД и ФСК России. По всей видимости, четкого плана этой операции не было. Однако позже было заявлено, что она планировалась по четырем этапам.

На первом этапе предусматривалось в течение шести суток (с 30 ноября по 6 декабря) создать группировку сил и средств Министерства обороны, внутренних войск МВД для действий на трех направлениях: Моздокском, Владикавказском и Кизлярском. К тому времени фронтовая авиация и боевые вертолеты должны были перебазироваться на аэродромы применения и полностью блокировать воздушное пространство над Чечней, а средства радиоэлектронной борьбы приступить к подавлению системы управления вооруженными формированиями Дудаева.

Иван Петрович Рыбкин, председатель Государственной думы Российской Федерации (1994–1996), полномочный представитель Президента России в Чеченской Республике (1996), секретарь Совета безопасности Российской Федерации (1996–1998)

На втором этапе (7–9 декабря) планировалось действиями трех войсковых группировок под прикрытием фронтовой и армейской авиации по пяти маршрутам выдвинуться к Грозному и блокировать его. Войска должны были создать два кольца окружения: внешнее по административной границе республики и внутреннее – вокруг ее столицы. Основные усилия войск было решено сосредоточить на блокировании Грозного и разоружении незаконных вооруженных формирований чеченцев.

Силам и средствам внутренних войск МВД Российской Федерации предписывалось вслед за войсковыми группировками осуществить охрану коммуникаций и маршрутов выдвижения. Они должны были не допустить действий незаконных вооруженных формирований и воспрепятствовать подходам вооруженных групп и отрядов с сопредельных с Чечней территорий, а затем совместно с частями Вооруженных сил выйти на рубежи блокирования Грозного.

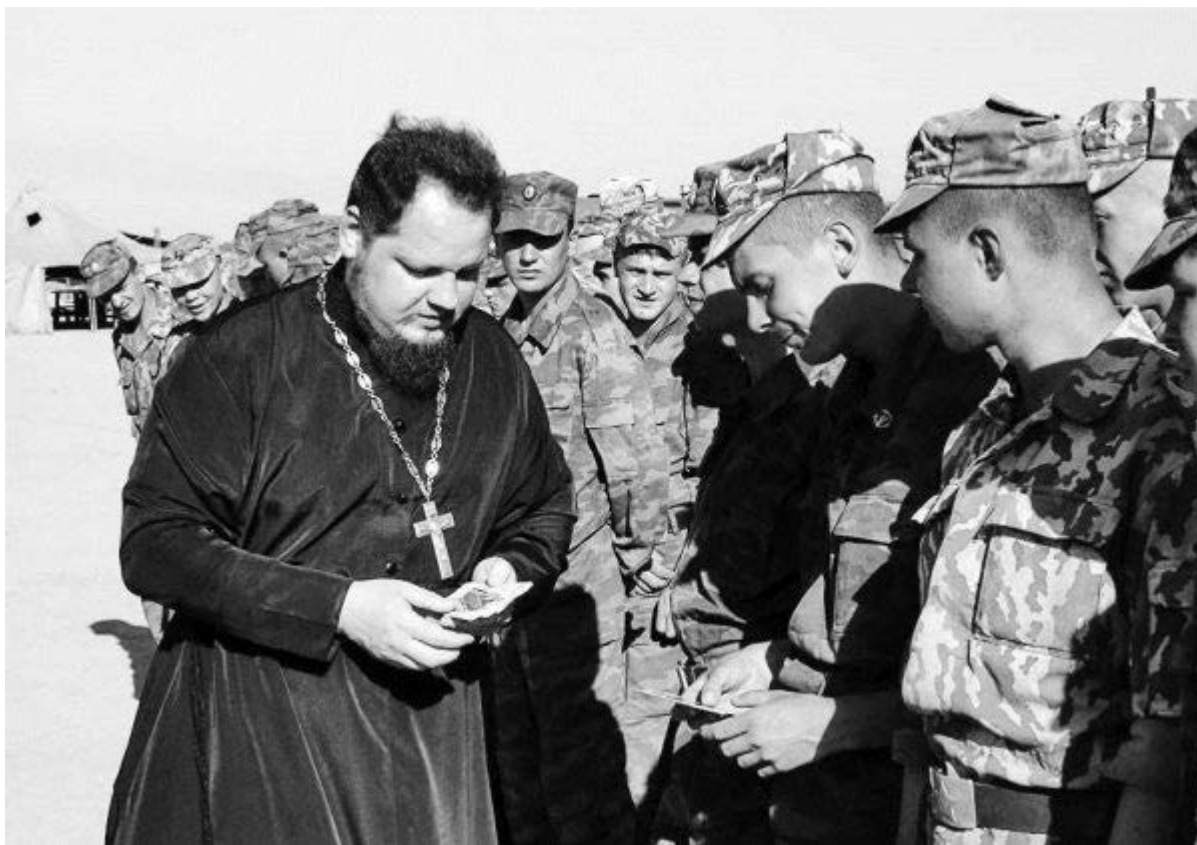
Перед федеральной службой контрразведки России стояла задача совместно со спецподразделениями МВД выявить и изолировать руководящих должностных лиц государственных структур Чечни, лидеров оппозиционных партий, способных возглавить в тылу действующих войск вооруженные выступления и диверсии.

На третьем этапе (10–13 декабря) соединениям и частям войсковых группировок действиями с севера и юга с разграничительной линией по реке Сунжа предписывалось осуществить захват «президентского дворца», зданий правительства, телевидения, радио и других важных объектов Грозного.

На четвертом этапе (14–21 декабря) планировалось совместными военными и административными мерами стабилизировать обстановку в республике, передав участки ответственности внутренним войскам МВД Российской Федерации.

Таким образом, на всю операцию по планам российского руководства отводилось от 20 до 25 суток и предусматривалось привлечение значительных сил и средств армии, внутренних войск МВД и ФСК. На этом фоне совершенно нелепым выглядит заявление министра обороны П. Грачева о возможности захвата Грозного одним полком ВДВ. Правда, достоверность данного замысла, обнаруженного только в начале марта 1995 года, также можно подвергнуть

СОМНЕНИЮ...

Благословение на подвиг

Не вызывает сомнения полная стратегическая некомпетентность руководства, принявшего решение на проведение войсковой операции. Им не учитывались очень многие объективные и субъективные факторы. К тому времени российские войска всех ведомств находились в крайне плохом состоянии, которое усугублялось к тому же начавшимся массовым увольнением солдат и сержантов, выслуживших срок действительной службы, и набором новобранцев, совершенно не знакомых с военным делом. Именно этим ребятам выпала горькая участь стать жертвами новой войны.

В соответствии с замыслом, Генеральный штаб совместно с представителями взаимодействующих министерств и ведомств, приступил к подготовке операции в очень сжатые сроки, несмотря на то, что планирование такой операции практически осуществлялось впервые и имело ряд особенностей.

Во-первых, для проведения операции использовались соединения и части четырех видов Вооруженных сил, пограничных и внутренних войск, силы и средства ФСК. Во-вторых, такие операции с привлечением сил и средств, отличающихся спецификой решения возложенных на них задач, ранее на территории России не проводились, и фактически у силовых структур отсутствовал опыт их подготовки и проведения. В-третьих, боевую задачу предстояло выполнять на территории одной из республик Российской Федерации, что требовало при ее подготовке неординарных и нестандартных решений.

Для оказания помощи руководству Северо-Кавказского военного округа в планировании и подготовке операции, организации взаимодействия и координации действий силовых министерств и ведомств от Министерства обороны была создана оперативная группа во главе с заместителем начальника Главного оперативного управления Генштаба генерал-лейтенантом Л.П. Шевцовым. 30 ноября она прибыла в Моздок и приступила к работе.

Непосредственное руководство планированием, подготовкой и ведением боевых действий возлагалось на командующего войсками Северо-Кавказского военного округа (СКВО). Детальную разработку плана применения войск в соответствии с директивой было приказано завершить к 5 декабря 1994 года. К этому же сроку завершался и комплекс мероприятий по непосредственной

подготовке войск к решению задач.

Для проведения операции первоначально было привлечено незначительное количество сил и средств, главным образом, Министерства обороны, а также внутренних войск. Группировку составляли сводные отряды двух мотострелковых дивизий, отдельная мотострелковая бригада, сводные полки двух воздушно-десантных дивизий, две отдельные воздушно-десантные бригады, а также семь отдельных полков внутренних войск МВД. Обеспечение действий наземных сил с воздуха возлагалось на вертолетный полк, дислоцировавшийся в Моздоке.

Позже официальные источники сообщали, что в плане подготовки предстоящей операции была проведена работа по организации взаимодействия. В звене округ – группировка такая работа была проведена 6–7 декабря на макете местности начальником штаба при участии офицеров Генштаба и Министерства обороны. На доподготовку частей и подразделений, их боевое слаживание в районах сосредоточения отводилось 10 дней. Основная работа по организации взаимодействия в звене отделение – взвод – рота – батальон была проведена 8–9 декабря с практическими занятиями на материальной части.

Боевые будни

Но как можно было организовать взаимодействие сил и средств в таких условиях? Офицеры и солдаты долгое время, а то и вовсе не занимавшиеся боевой подготовкой, ни разу не выполнявшие боевые задачи в горах и в городе, не знавшие тактики контрпартизанской борьбы должны были, по мнению российских чиновников, обрести все необходимые навыки всего за десять дней!!! Но вероятнее всего, у них не было и этого времени. Вспомним, что в период СССР перед отправкой в Афганистан личный состав готовился на территории СССР полгода и еще 2–3 месяца в самой стране пребывания, прежде чем направляться на боевые операции, а подготовка каждой значительной операции занимала по несколько месяцев.

Официальные источники в Москве позже утверждали, что в ходе подготовки операции руководством Российской Федерации предпринимались усилия по разрешению чеченского кризиса мирными средствами путем переговоров. С этой целью 6 декабря в Моздоке состоялась встреча П.С. Грачева с лидерами антидудаевской оппозиции, а затем и с самим Дудаевым. По заявлениям министра обороны, Дудаев осознал безвыходность своего положения при развитии событий с вводом войск в Чечню. В то же время он недвусмысленно пояснил, что является заложником своего окружения и не может выполнить предъявляемые ему требования по безоговорочному разоружению и роспуску вооруженных формирований.

В связи с создавшейся обстановкой 9 декабря был издан Указ Президента Российской Федерации «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта». В этот же день принимается постановление Правительства Российской Федерации «О разоружении незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики силовыми методами».

На основании этих документов был уточнен порядок выполнения задач и директивой министра обороны доведен до командующего войсками СКВО. Последнему предписывалось спланировать проведение специальной операции по блокированию территории Чеченской Республики. При этом требовалось предусмотреть два рубежа (кольца) блокирования: первый вокруг Грозного, второй – занятие войсками выгодных рубежей по административной границе республики. Решение командующего Северо-Кавказского военного округа было утверждено лично министром обороны России Павлом Грачевым. Готовность к выдвиганию войск определялась к утру 11 декабря 1994 года.

Реакция Д. Дудаева на Указы российского Президента была однозначной. Он готовился к войне, вербовал союзников, вырабатывал тактику предстоящих военных действий. Свидетельством тому может служить перехват телефонного разговора президента Чечни с находившимся в Нальчике жителем Республики Кабардино-Балкарии, также бывшим советским генералом Суфияном Бепаевым, состоявшегося 9 декабря 1994 года. В разговоре Дудаев требовал от своего коллеги открытия фронта партизанской борьбы в тылу русских войск.

– Я могу дать оперативные данные по составу этих группировок, сколько и где, и соразмерно с ними, как будут двигаться, куда направляться, – уверял Дудаев своего товарища. – Им надо с тыла хорошо вмазать. Исконной тактикой горцев: набег – отход, набег – отход, изматывать их до тех пор, пока они сами со страха и ужаса не содохнут. Набег – отход, набег – отход...

Это был конкретный план партизанской войны, который чеченская сторона разрабатывала на основании знаний обстановки и замысла противника. В результате реализации этого плана вся территория республики должна была превратиться в сплошной фронт борьбы с русскими войсками, которые предусматривали только бои в Грозном и контроль границ. План развертывания в Чечне партизанской войны должен был насторожить, но уже не мог остановить российское руководство, уверенное в быстрой и легкой победе. Практика быстро развеяла эту уверенность, заставив заплатить за нее жизнями и здоровьем десяткам, если не сотням тысяч простых русских парней.

Вползание

К концу 1994 года Д. Дудаеву удалось создать свои достаточно боеспособные вооруженные силы численностью до 30 тысяч человек, часть личного состава которых прошло не только военную подготовку в специально созданных лагерях, но и повоевала в Афганистане, Нагорном Карабахе, Абхазии, Приднестровье. В числе чеченских воинов было большое количество наемников и рецидивистов, укрывающихся от российского правосудия. Республика была хорошо вооружена, только после ухода Советской армии там было захвачено более 40 тысяч единиц стрелкового оружия, кроме того, там находилось много оружия иностранного производства, охотничьих ружей. В Грозном было налажено производство автомата «Бориз» («Волк»). Кроме того, имелось 130 единиц бронетанковой техники, около 200 артиллерийских систем, в том числе 18 установок «Град». Этим оружием можно было оснастить армию численностью до 60 тысяч человек. Ее формирования находились не только в Грозном, но и в Шали, Аргуне, Гудермесе, Петропавловском. В других населенных пунктах существовали местные вооруженные отряды, которые создавались под видом отрядов самообороны. Таким образом, Чеченская Республика была готова к сопротивлению и длительной партизанской войне, которую российское командование никак не учитывало в своих планах.

Наступление федеральных войск началось в 7 часов 11 декабря 1994 года одновременно по трем направлениям. С севера из района Моздока выдвигались 131-я отдельная мотострелковая и 56-я воздушно-десантная бригады, полк 106-й воздушно-десантной дивизии и отдельный полк внутренних войск МВД. С востока от Кизляра наступали сводный отряд 20-й мотострелковой дивизии и три отдельных полка внутренних войск МВД. С запада со стороны Владикавказа

действовали сводный отряд 19-й мотострелковой дивизии, 21-я воздушно-десантная бригада, полк 76-й воздушно-десантной дивизии и три отдельных полка внутренних войск МВД.

Наконец-то прилетел...

С началом выдвижения западная группировка встретила сопротивление на территории Ингушетии, где население блокировало маршруты следования войск. Первые жертвы войне были принесены на ингушской земле. Колонна 19-й мотострелковой дивизии подверглась нападению в Назрани и понесла потери в личном составе и технике. Было сожжено 17 автомашин, из которых большинство – санитарных машин и машин связи. Пострадали врачи, в том числе и женщины. В общей сложности на территории Ингушетии федеральные войска потеряли 47 единиц техники.

В населенном пункте Ярдынка местными жителями было сожжено 15 единиц военной техники, в том числе один танк. В результате всех этих неучтенных препятствий колонны были вынуждены замедлить движение, а на некоторых маршрутах остановиться. При этом сказалось отсутствие взаимодействия между Вооруженными силами и частями МВД Российской Федерации.

Так, сводный полк 76-й воздушно-десантной дивизии и 21-я отдельная воздушно-десантная бригада были остановлены жителями Верхних Ачалуки, которые легли на дорогу и не пропускали колонну. Нерешительность командования, которое не предприняло никаких мер по обходу населенного пункта, привела к тому, что колонну пришлось возвратить в исходное положение.

Колонна сводного полка 106-й воздушно-десантной дивизии и 56-й отдельной воздушно-десантной бригады на маршрутах выдвижения 12 декабря подверглись удару двух

реактивных систем залпового огня (РСЗО) из района населенного пункта Долинский. В результате погибло 6 человек и 12 получили ранения, уничтожена одна и повреждены две боевые и четыре вспомогательные машины.

Переговоры в Кремле. Начало 1996 г.

Данный случай стал результатом плохого планирования марша и ведомственной разобщенности оперативно-тактического командования. Позже выяснилось, что развертывание РСЗО и танков противника было заранее обнаружено с вертолетов огневой поддержки, выделенных для прикрытия колонны с воздуха. Но вертолетчики, ссылаясь на запрет своего командования, не только не нанесли удар по чеченцам, но и не предупредили об их наличии прикрываемые войска.

И все же решительные действия командиров 8-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Л. Рохлина и 131-й отдельной мотострелковой бригады полковника А. Савина позволили в сжатые сроки выполнить стоящие перед войсками задачи. Они отвлекли на себя большую часть вооруженных формирований Дудаева и тем самым значительно облегчили действия войск на южных маршрутах движения. В последующем это позволило осуществить блокирование Грозного с севера, востока, запада и тем самым прервать поставки в город материальных средств, боеприпасов и переброску боевиков с территории Дагестана. Южная часть Грозного «специально» была оставлена свободной для выхода мирных жителей и вооруженных отрядов, которые бы пожелали сдать оружие и прекратить сопротивление. К сожалению, таких практически не оказалось...

Таким образом, на выдвижение и блокирование Грозного федеральным войскам потребовалось 16 суток вместо трех по плану. Сказались прежде всего просчеты высшего стратегического руководства, которое не учло возможность организованного сопротивления войскам на маршрутах следования. Ни президент, ни министр обороны не знали истории кавказских войн России с горцами, не знали характера чеченцев.

Непонятную позицию заняла и Государственная дума Российской Федерации, которая в самом начале операции, несмотря на нарастающее сопротивление кавказцев, 13 декабря приняла постановление «Об объявлении амнистии в отношении лиц, участвовавших в противоправных деяниях, связанных с вооруженным конфликтом на Северном Кавказе». После этого 15 декабря чеченская делегация на переговорах во Владикавказе категорически отказалась вести переговоры с Россией и выдвинула требования, чтобы та признала Чечню независимым государством. В тот

же день Ельцин выступил с новым обращением к чеченцам, в котором призвал их снова сесть за стол переговоров, подчеркнув этим, по мнению горцев, свою слабость, а 21 декабря обнародовал новое обращение. Таким образом, действия российских политиков, замахнувшихся на врага мечом, но постоянно сдерживающих удар, были исключительно безграмотными.

Не лучше действовало и войсковое командование. Непосредственно ответственный за операцию командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковник Алексей Митюхин, наученный горьким опытом других, когда политическое руководство страны предавало командующих под давлением «демократов», отказался подписывать директивы войскам на ведение военных действий в Чечне, сказался больным и убыл в Ростов-на-Дону на «лечение». Тогда руководство операцией взял на себя лично министр обороны России П.С. Грачев, назначив своим заместителем генерал-лейтенанта А.В. Квашнина. Начальником штаба оперативной группы был назначен генерал-лейтенант Л.П. Шевцов. Никто из них никогда подобные операции не планировал и не проводил.

В действиях войск и штабов также выявилось много недостатков. Так в ходе совершения марша, командиры всех степеней слабо использовали свои штатные и приданные средства разведки, полностью переложив эту задачу на армейскую авиацию. Несмотря на проведенное в период подготовки операции планирование применения разведывательных частей Сухопутных войск, в ходе самой операции некоторые командиры и штабы действующих соединений и частей возложили на разведывательные части и подразделения не специфичные для них задачи по захвату и удержанию важных объектов, сопровождению отдельных колонн.

Окопная жизнь

Принятие решения в ходе боя

Сказались недостатки в подготовке офицерского состава. Большинство офицеров утратили командирские навыки в управлении развернутыми подразделениями. У многих отсутствовал опыт в работе на средствах радиосвязи и ведении переговоров по открытым каналам с использованием сигналов управления и сигнально-кодовых таблиц.

Не была выполнена задача по радиоэлектронному подавлению радиосетей управления противника. В результате дудаевцы с помощью систем космической связи хозяйничали в эфире, передавая сведения об обстановке и передвижениях российских войск.

Медленное и неполное блокирование Грозного позволило боевикам превратить город в мощный укрепленный район, подготовив его к обороне. Туда были введены дополнительные вооруженные формирования, завезено оружие, боеприпасы и другие материальные средства, необходимые для продолжительных боевых действий.

В ходе выполнения боевых задач разнородными силами слабо решался вопрос их технического обеспечения. Придаваемые частям ВДВ танковые и артиллерийские подразделения не имели своих эвакуационных средств. Эвакуационные же средства частей ВДВ не были готовы к эвакуации тяжелого вооружения сухопутных войск.

Анализ применения средств поражения отчетливо высветил ряд проблем, повлиявших на боевую эффективность ракетно-артиллерийского вооружения, технических средств разведки,

автоматизированных систем управления. Остро встал вопрос обеспечения войск приборами ночного видения и ночными прицелами, а разведывательных и специальных подразделений – специальным вооружением. Все эти недостатки в комплексе привели к снижению темпов выдвижения войск, к срыву плановых сроков и появлению неоправданных потерь. В итоге уже первый этап операции показал ее полную неподготовленность. Но в реляциях российских генералов звучали победные ноты.

Позже военные аналитики определяют множество недостатков в планировании и ведении военных действий федеральным командованием. Они были очевидны с самого начала для любого грамотного специалиста. Но те, кто решал, о недостатках предпочитал не думать. Нужна была война, причем война большая и на долгое время. Поэтому все делалось не в интересах быстрой победы, а скорее, наоборот.

Закон военного искусства гласит, что залог успешного выполнения любой оперативной или боевой задачи – это определение рациональной последовательности и соответствующих способов разгрома противника, а также состава сил и средств, необходимых для ее решения. В основе должен лежать всесторонний анализ и учет всех влияющих факторов. При планировании специальной операции многое из отмеченного учтено не было.

Так, при создании группировки войск не учитывалось их состояние. Сводные подразделения и экипажи составляли 80 процентов. Требовались занятия по боевой подготовке с целью слаживания экипажей и подразделений, проведения штабных тренировок. Поспешность же в подготовке к операции не могла обеспечить необходимую подготовку войск.

Просчеты в планировании прослеживаются и в самом замысле операции. В нем были упущены вопросы, предусматривавшие установление постоянного контроля над территорией всей Чечни. Это лишало бы незаконные вооруженные формирования возможности маневрировать силами и средствами.

Все усилия войск были направлены на блокирование Грозного и внешней границы Чеченской Республики. А то, что дудаевцы действовали на всей территории, в том числе в таких крупных населенных пунктах, как Аргун, Гудермес, Шали, Шатой, Бамут, Самашки, в расчет не принимались. Поэтому и возникли просчеты в определении боевых задач, которые привели к тому, что ни одна из трех группировок войск не смогла своевременно выйти к Грозному и осуществить его блокирование.

Вместо этого войска столкнулись с сильным противодействием боевиков, а также местного населения. В результате с самого начала операции в ее план пришлось вносить коррективы, а это привело к потере времени и внезапности, дало возможность дудаевцам подготовиться к обороне Грозный, создать ряд опорных пунктов вдоль маршрутов выдвижения федеральных войск. Реально Грозный был блокирован лишь 28 декабря 1994 года.

Не мог обеспечить в полном объеме выполнение Указа Президента и состав группировки федеральных войск. На момент начала операции она насчитывала около 16 тысяч человек. К окончанию же военных действий в Чечне группировка федеральных войск увеличилась почти в три раза, но и этого было недостаточно. Для сравнения, численность группировки войск РККА и НКВД, которые привлекались к депортации чеченцев и ингушей в 1944 году, составляла 200 тысяч человек.

Серьезным просчетом было и то, что планом операции не предусматривалось тесной координации действий разнородных и разноведомственных сил и средств объединенной группировки войск Министерства обороны, МВД, ФСБ и ФПС.

«Встреча» нового 1995 года в Грозном

Между тем, настало время решать судьбу чеченской столицы, превращенной дудаевцами в мощный укрепленный район. Для обороны Грозного чеченским командованием была создана достаточная сильная группировка войск. По данным разведки, в ее составе насчитывалось до 10 тысяч боевиков, около 60 орудий и минометов, 30 ПУ РСЗО «Град», 50 танков, более 100 БМП и БТР, около 150 зенитных средств и большое количество ручных гранатометов.

Для размещения этих сил и средств в Грозном были созданы три оборонительных рубежа: внутренний – радиусом от 1 до 1,5 км вокруг «президентского дворца»; средний на удалении до

километра от внутреннего рубежа в северо-западной части города и до 5 км в его юго-западной и юго-восточной частях; внешний, проходивший в основном по окраинам города, вытянутый в сторону Долинского.

Грозный, январь 1995 г.

На внутреннем рубеже оборона чеченских формирований основывалась на узлах сопротивления, созданных вокруг «президентского дворца» с использованием капитальных каменных строений. Их нижние и верхние этажи были приспособлены для ведения огня из стрелкового оружия и противотанковых средств. Вдоль проспектов Орджоникидзе, Победы и улицы Первомайской были подготовлены позиции для ведения огня артиллерии и танков прямой наводкой.

Основу среднего рубежа обороны составляли опорные пункты в начале Старопромысловского шоссе, узлы сопротивления у мостов через реку Сунжа, в микрорайоне Минутка, на улице Сайханова и подготовленные к подрыву или поджогу нефтепромыслы, нефтеперерабатывающие заводы, а также химический завод.

Внешний рубеж обороны состоял из опорных пунктов, оборудованных на автомагистралях Грозный – Моздок, Долинский – Катаяма – Ташкала, в восточных микрорайонах Нефтянка, Ханкала и Старая Сунжа и южном – Черноречье.

Планом овладения Грозным предусматривалось нанесение четырех ударов по сходящимся направлениям. Они должны были позволить войскам в течение двух суток выйти в центральную

часть города и овладеть «президентским дворцом». При этом главный удар должен наноситься с севера.

Для действия в Грозном были созданы четыре группировки войск: «Север» под командованием генерал-майора К. Пуликовского; «Северо-Восток» под командованием генерал-лейтенанта Л. Рохлина; «Запад» под командованием генерал-майора В. Петрука и «Восток» под командованием генерал-майора Н. Стаськова. Для их комплектования потребовалось привлечение дополнительных сил. Начиная с 21 декабря в Чечню в спешном порядке перебрасываются сводные формирования Ленинградского, Приволжского, Уральского и Сибирского военных округов. Благодаря этому группировка федеральных войск на подступах к Грозному увеличилась до 38 тысяч человек. На их вооружении находилось 230 танков, 454 БМП и 388 орудий и минометов. Превосходство над противником было 2,5-кратное по личному составу, пятикратное по танкам и БМП, более чем шестикратное по артиллерии, абсолютное по авиации.

«Сталинград» 1995 года

Анализ решения на ввод войск в Грозный, принятого на заседании Совета безопасности Российской Федерации 26 декабря 1994 г., показывает, что оно также не было лишено недостатков. Один из очевидных просчетов – недооценка возможного уровня вооруженного противодействия со стороны чеченцев в городе. Однако именно в Грозном был сосредоточен основной состав дудаевской группировки. Кроме того, на момент штурма Грозного он не был полностью блокирован, и к боевикам беспрепятственно поступали пополнение и оружие из различных районов Чечни. Иными словами, оборонявшие Грозный чеченцы имели как полную свободу маневра, так и источники пополнения.

Наступление федеральных войск на Грозный началось в ночь на 1 января 1995 года в канун дня рождения Грачева. Было это совпадением, военной хитростью или жестом подхалимажа генералов к своему начальнику – судить сложно. Зато на фоне всеобщей лжи неоспоримыми остаются факты действий российских войск и противника. Остановимся на них.

Внезапное для дудаевцев начало наступательных действий российских войск обеспечило на северном направлении возможность выхода 1-го батальона 81-го мотострелкового полка к железнодорожному вокзалу. К 13.00 он был уже занят. В 15.00 2-й батальон этого полка и сводный отряд 20-й мотострелковой дивизии блокировали «президентский дворец». 131-я бригада, наступая по улице Маяковского и не встретив организованного сопротивления, также сумела выйти в район железнодорожного вокзала.

О том, что действия российских войск 31 декабря в Грозном были для Дудаева внезапными,

подтверждали в последующем даже его полевые командиры. Промежуточные оборонительные рубежи ими, по их же собственным признаниям, на момент ввода федеральных войск в город не были заняты.

Правда, не на всех направлениях действия войск были успешные. Не выполнила поставленную задачу восточная группировка войск, возглавляемая заместителем командующего ВДВ генерал-майором Н. Стаськовым. Один из ее полков, наступая вдоль железной дороги, вошел в город. Но затем, углубившись на три-четыре квартала, он был остановлен завалами и огнем противника из стрелкового оружия и гранатометов.

Решением генерала Стаськова направление выдвижения полка было изменено. Но и это не дало положительных результатов. Во втором микрорайоне он напоролся на подготовленный опорный пункт дудаевцев и был блокирован. В течение ночи с 31 декабря на 1 января полк, отбивая атаки боевиков, понес большие потери. Затем он по команде генерала Квашнина отошел в ранее занимаемый район.

На западном направлении группировка войск генерал-майора В. Петрука также не смогла выполнить поставленную задачу. Особенно серьезные ошибки были допущены командиром 19-й мотострелковой дивизии полковником Г. Кандалиным. Значительно медленнее, чем требовала обстановка, выдвигался на усиление западной группировки один из полков этой дивизии под руководством заместителя командующего СКВО по боевой подготовке генерал-лейтенанта С. Годорова.

Едва ли не самой трагической для федеральных войск страницей боли за Грозный стал разгром 31 декабря 1994 года – 1 января 1995 года 131-й отдельной Майкопской мотострелковой бригады и 81-го мотострелкового полка.

В 7 часов утра бригада начала выдвижение и четыре часа спустя вошла в город с севера. В 13 часов ее первый батальон достиг железнодорожного вокзала, куда вскоре был подтянут и второй батальон.

Сравнительно легкий успех не насторожил командира бригады. В результате двумя часами позже ее подразделения были внезапно атакованы одновременно с различных направлений. Боевая техника, скопившаяся на привокзальной площади, в упор расстреливалась из гранатометов. Личный состав укрылся в здании вокзала, ведя беспорядочный огонь, расходуя последние боеприпасы. Боем руководил командир бригады, раненный в обе ноги.

Утром первого дня нового 1995 года командир гибнущей бригады по радио запросил поддержки ударами боевых вертолетов, но ему было отказано. Вместо «вертушек» на помощь окруженным направился 81-й полк 19-й мотострелковой дивизии под командованием полковника Андреевского. Но, втянувшись в город, в 11 часов он был блокирован и также в упор расстрелян дудаевцами.

Столь же неудачной была попытка деблокировать окруженные войска силами батальона 137-го парашютно-десантного полка. Его командиру непосредственно перед выходом был выдан план города в одном экземпляре, по которому при свете переносной лампы ставилась задача ротам и взводам.

Затем началось выдвижение в условиях туманной ночи. Впереди идущую машину не было видно на расстоянии 20 метров. На маршруте не было ни блок-постов, ни комендантской службы, ни проводников. Поэтому колонна сразу же «заблудилась», а затем оказалась разорванной на две части. Одна из частей в районе Дома печати попала в засаду и потеряла 4 боевые машины, 14 человек убитыми и 7 ранеными.

Надежда на деблокаду окруженной бригады ударом извне была потеряна. Оставалось уповать на Бога и собственные силы. Правда, был еще один шанс. В самый разгар боя у вокзала дудаевцы вышли на армейскую волну и предоставили слово находившемуся среди них Сергею Ковалеву.

– Я являюсь посредником. Какие будут ваши предложения? – поинтересовался депутат.

– Мы хотели бы без боя выйти из города, – ответили ему. После совещания с боевиками Ковалев вновь вышел на связь: «Я тут побеседовал с чеченской стороной, условия такие. Вы уходите со своим табельным оружием. Технику оставляете для ее последующей передачи нам. Вас отвозят на гражданском транспорте к своим». Никто Ковалеву не поверил. Насмотрелись, как чеченцы пристреливали раненых. Оставшиеся в живых пошли на прорыв. Вырвались единицы...

Боевики не имеют национальности

Позже, уже после освобождения вокзала, был найден труп комбрига Майкопской бригады, расстрелянного в упор. Рядом труп медика. А вокруг – трупы сотен солдат и офицеров, десятки единиц сожженной боевой техники. В этот страшный день только 131-я отдельная мотострелковая бригада потеряла убитыми 25 офицеров и прапорщиков, 60 солдат и сержантов, еще 72 военнослужащих пропало без вести.

Несколько иначе развивались события в группировке войск «Северо-Восток». При выдвижении к центру города по всему маршруту было организовано наблюдение и разведка. На каждом занятом рубеже устанавливались блокпосты. Принятые меры позволили подразделениям группировки войск «Северо-Восток» избежать внезапного нападения со стороны незаконных вооруженных формирований и закрепиться в районе больничного комплекса, в центре города.

Группировка войск «Запад» при выдвижении к центру города встретило сильное сопротивление со стороны боевиков. Часть сил была блокирована незаконными вооруженными формированиями и под их огнем вынуждены выходить из города. Не имея успеха, части и подразделения группировки войск «Запад» закрепились на западной окраине города.

Каждый рейс – подвиг

На восточном направлении войска были остановлены завалами, интенсивным огнем боевиков из стрелкового оружия и гранатометов. Понеся потери в живой силе и технике, по команде руководства они были отведены в ранее занимаемые районы.

Таким образом, в первые дни боевых действий федеральные войска понесли значительные потери в живой силе и технике и не смогли блокировать дудаевцев в центре города, как это предусматривалось замыслом. Только подразделения группировки войск «Северо-Восток» смогли выйти и удержать свои позиции в центре города, несмотря на то, что боевики сконцентрировали против них лучшие свои силы.

Первоначальные неудачи в боях за город были обусловлены рядом причин. Одна из них в том, что подразделениям не ставилась конкретная боевая задача, их командиры были в полном неведении относительно замысла старшего начальника, зачастую не имели даже самых поверхностных сведений о противнике и возможном характере его действий. Усугубилось это и бытовавшим среди командного состава накануне штурма представлением об отрядах дудаевцев как о бандитском сбросе, не способном организованно противостоять российским войскам. Следствием отмеченного явились поверхностная оценка обстановки и действия, не отвечающие конкретно складывавшимся условиям обстановки.

Другая причина заключалась в том, что командирами частей и подразделений в ходе боевых действий в городе недостаточно уделялось внимание организации и поддержанию взаимодействия между мотострелковыми, танковыми подразделениями и артиллерией, а также с подразделениями действовавшими на блок-постах и соседних направлениях. Личный состав атаковавших подразделений зачастую не информировался о том, какой объект (здание) уже захвачены, а какой – нет. Вследствие этого имелись случаи ведения огня по своим войскам. Боевая техника использовалась неэффективно и в условиях города действовала без должного прикрытия со стороны мотострелков. Выдвижение осуществлялось в колоннах, допускалось большое скопление боевых машин.

Управление подразделениями в ходе боя осуществлялось по радиосетям открытым текстом и на одной радиочастоте для всех участвовавших сил и средств. Фактически радиосвязь из-за царившего эфирного хаоса была парализована. Более того, радиопереговоры без использования документов скрытого управления войсками позволяли противнику дезинформировать наши войска, определять места расположения пунктов управления и выводить их из строя.

Имела место и такая причина, как нерешительность командного состава западной и восточной группировок войск. Это позволило незаконным вооруженным формированиям

массировать свои усилия против частей и подразделений, вышедших к центральной части города. К числу просчетов в работе командиров следует также отнести недостаточное внимание, а порой и пренебрежение вопросами разведки противостоявшего противника, пассивность в сборе необходимой информации.

На начальном этапе боевых действий отрицательно сказалась нерешенность вопросов защиты военнослужащих от «психологического прессинга» с противодействовавшей стороны, нейтрализации воздействия средств массовой информации и работы с местным населением. Все эти факторы в той или иной мере снижали морально-психологическую готовность личного состава федеральных войск. Значительная его часть высказывала сомнения в способностях своих подразделений и себя лично выполнять реальные боевые задачи.

Военные неудачи как обычно привели к поиску виновных. Были произведены замены в составе высшего руководства войсками. Командующим группировкой войск «Запад» вместо отстраненных генерал-майора В. Петрука и генерал-лейтенанта С. Тодорова был назначен генерал-майор И. Бабичев, а командиром 19-й мотострелковой дивизии стал полковник В. Приземлин. На северном направлении с целью создания единого руководства две группировки войск были объединены в одну – «Север» под общим командованием генерал-лейтенанта Льва Рохлина.

Тяжелое похмелье

По новым подсчетам российскому командованию, исходя из состава группировки дудаевцев в городе, его оперативной емкости, для штурма Грозного необходимо было иметь как минимум 50–60 тысяч человек, что обеспечивало бы четырехкратное превосходство над противником. У российского же командования по состоянию на 3 января 1995 года в городе находилось не более 5 тысяч человек. Вновь проявилось отсутствие должного оперативно-тактического планирования операции, ставшее одной из главных причин военных неудач и неоправданных жертв.

Войсковое командование требовало значительного и быстрого наращивания группировок войск. Но войсковых резервов не было. В Грозный в срочном порядке были отправлены 165-й полк морской пехоты Тихоокеанского флота и по сводному батальону морской пехоты Северного и Балтийского флотов. Морские десанты в Грозном высаживать не собирались. Просто в Сухопутных войсках не хватало солдат. Правда, для комплектования подразделений морских пехотинцев пришлось основательно «почистить» экипажи боевых кораблей. Для борьбы с мелкими группами боевиков и выполнения специальных задач прибыла бригада специального назначения.

С прибытием в состав группировки свежих сил, а также в результате перегруппировки российские войска в последующем продолжали боевые действия по овладению зданиями республиканских органов власти, расширению зоны своего контроля.

5 января 129-й мотострелковый полк, осуществив обходный маневр, вышел к северной окраине Грозного, а затем выбил отряды боевиков из военного городка на восточном берегу реки Сунжи. На следующий день полк одним батальоном, сломив ожесточенное сопротивление дудаевцев, занял военный городок № 86, расположенный в центре города. Под контроль российских войск были взяты три моста через Сунжу. Это обеспечило условия для более активных действий в восточной части чеченской столицы.

Но двуличная политика российского руководства продолжалась даже в период ожесточенных боев. 9 января 1995 года Правительство России по поручению Президента предложило чеченским боевикам в период с 8 по 10 января прекратить огонь, оставить позиции, сдать оружие и боевую технику, возвратить пленных. Пока чеченцы «думали», россияне получили приказ о прекращении огня и наступательных действий на те же сроки. Это вызвало недоумение у солдат и офицеров, которые расценили его не иначе, как очередное предательство московских чиновников, но послушаться не посмели. В результате боевики получили очередной подарок в виде передышки, за которую смогли перегруппировать силы и укрепить оборону. Каждая из таких передышек стоила сотен жизней российских солдат, но ни одна из них не дала желаемого политического результата.

Погрузка раненого в вертолет

По истечении «перемирия» бои разразились с новой силой. Чеченцы отчаянно сопротивлялись, федералы упорно штурмовали один опорный пункт за другим. 19 января подразделения 20-й гвардейской Волгоградской дивизии из корпуса Л. Рохлина овладели зданием Верховного Совета Чеченской Республики – «президентским дворцом» и водрузили над ним Государственный флаг Российской Федерации. Но до полного захвата Грозного еще было далеко.

Чеченцы в городе воевали умело, используя особую тактику, военную хитрость и делая ставку на консерватизм русского командования. Выбив войска из какого-нибудь дома, они оставляли там пять-шесть человек, а остальных отводили в тыл. Через некоторое время этот дом штурмовался федеральными войсками после солидной артподготовки. Захватив здание, наступавшие обнаруживали там несколько трупов и сами переходили к обороне объекта силами до роты. Это скопление войск чеченцы вновь использовали в своих интересах. Подтянув ранее отошедший отряд к зданию, они бросались на штурм после выстрелов по окнам «фугасами». Эти «фугасы», изобретенные командиром абхазского батальона, представляли собой две тротиловые пашки по 400 граммов, прикрепленные к головной части гранаты от РПГ-7Д. Реактивный двигатель гранаты легко и достаточно точно посылал смертоносный заряд на несколько сот метров, где затем происходил взрыв огромной силы, от которого гибли собранные в доме люди. Уцелевших добивали ворвавшиеся чеченцы.

«Фугасы» эффективно использовались и для уничтожения бронетехники. При попадании в броне образовывалась огромная дыра и происходила детонация боекомплекта. Гибель экипажа была неминуемой. Были и другие приемы нестандартной войны, которые быстро осваивались противником, но крайне медленно изучались русским командованием. В результате гибли люди, уничтожалась боевая техника, велась кровавая бухгалтерия войны.

С середины января командование Объединенной группировки приступило к планированию завершающего этапа операции в Грозном. Ноконце-то было осуществлено блокирование города с южного и юго-восточного направлений, откуда продолжалась «подпитка» незаконных вооруженных формирований личным составом, оружием и боеприпасами.

Исходя из характера предстоящих боевых действий, восточная группировка была переименована в группировку войск «Юго-Восток». Ее возглавил заместитель командующего войсками Приволжского военного округа генерал-лейтенант В. Попов.

Замыслом операции на завершающем этапе предусматривалось частью сил группировки «Юго-Восток» после маневра с северного направления заблокировать важнейшие транспортные коммуникации, захватить господствующие высоты и завершить полную блокаду Грозного с юга. В дальнейшем, используя успех частей на восточном берегу реки Сунжа, разновременными действиями штурмовых отрядов группировок войск «Север», «Запад» и «Юго-Восток» по сходящимся направлениям разгромить отряды боевиков в Грозном.

Завершающий этап операции по разгрому незаконных вооруженных формирований в Грозном начался с утра 3 февраля. Двумя полками группировки войск «Юго-Восток» был осуществлен маневр из района Ханкала на юг и юго-восток чеченской столицы. 324-й мотострелковый полк оседлал дорогу Пригорное – Гикаловский, чем обеспечил выдвижение 245-го мотострелкового полка и части тыла с боеприпасами. Затем 245-й полк блокировал дорогу южнее Гикаловский и перекрыл направления Шали – Грозный и Хасавюрт – Грозный. В это же время войска группировок «Север» и «Запад» разновременной атакой штурмовыми отрядами по сходящимся направлениям приступили к ликвидации боевиков в зданиях, примыкающих к площади Минутка. Частями генерал-майора И. Бабичева были захвачены плацдармы на восточном берегу реки Сунжа и осуществлен выход с боем к улице Сайханова.

Все чеченские города в результате войны стали похожими друг на друга

В течение 5–7 февраля бои продолжались. Действиями штурмовых отрядов 106-й воздушно-десантной дивизии из района площади Павла Мусорова были захвачены больница, несколько высотных зданий и заблокирован район Минутка с запада. Группировка войск «Север», наступавшая в направлении проспекта Ленина, заняла комплекс зданий на площади Борьбы. Затем ее штурмовые отряды из района трамвайного парка осуществили обходный маневр и заняли высотные здания на улице Гудермесская. Было завершено блокирование района Минутка с северо-восточного и восточного направлений.

Как в осажденном Ленинграде

В последующие четверо суток войска группировки «Юго-Восток» усиленные 166-й мотострелковой бригадой, оседлали дорогу Флхан-Юрт – Чечен-Аул и воспрепятствовали отходу боевиков на Новые Промыслы. А в ночь на 21 февраля были заняты господствующие высоты в районе Новых Промыслов. В результате этих действий Грозный был окончательно блокирован со всех направлений, а остатки отрядов Дудаева полностью окружены в районах Новых Промыслов, Алды и Черноречье.

Таким образом, к концу февраля 1995 года федеральные войска овладели большей частью Грозного, за исключением района Черноречья, а также некоторыми населенными пунктами южнее и восточнее чеченской столицы. Параллельно проводились операции по вытеснению отрядов боевиков в юго-западном направлении и по установлению твердого контроля над железнодорожной и автомобильной магистралями, проходившими по северному берегу Терека от станций Савеловской и Щелковской.

6 марта без сопротивления со стороны мятежников части внутренних войск ликвидировали последний плацдарм дудаевцев в Грозном в районе Черноречья. Операция по овладению городом, продолжавшаяся более двух месяцев, завершилась успешно. После этого федеральное командование приступило к созданию нескольких рубежей обороны вокруг чеченской столицы, способных защитить ее в случае контрнаступления противника. Правда, они оказались неэффективными при проникновении в город отдельных мелких групп чеченцев.

Так, более чем за два месяца на практике было «реализовано» заявление российского министра обороны о его возможностях овладеть Грозным одним воздушно-десантным полком за сутки. Превращенный в руины город, обезумевшие от страха чудом уцелевшие его жители в российских войсках увидели не освободителей, а захватчиков. Но для скольких россиян и чеченцев этот город стал общей могилой, сказать трудно.

Кроме Грозного, фронт боевых действий стал расширяться и на другие районы Чечни. При этом нередко казалось, что в том заинтересованы сами федеральные власти. Так, в январе 1995 года жители Шатоя объявили свой город нейтральной зоной, изгнали оттуда боевиков и попросили русское командование не обстреливать районный центр. Соответствующее соглашение было подписано между старейшинами и федералами. Но уже на второй день два вертолета нанесли удары по школе и больнице, затем самолеты – по городскому рынку. В результате 120 погибших и несколько сотен раненных. Рассвирепевшие мирные жители Шатоя берутся за оружие и пополняют армию Дудаева.

Кому-то в федеральном центре нужна большая война, на которую можно списать все: и

просчеты в экономике, и большие деньги. Еще до начала войны банк «Менатеп» вышел на правительство России с предложением придать ему статус уполномоченного банка по восстановлению экономики и народного хозяйства Чеченской Республики. В эту «черную дыру» летели огромные деньги, большая часть которых не покидала пределов московского Садового кольца. Но чтобы «списать» эти суммы, нужна стрельба. И ради этого 6 марта 1996 года боевики «запускаются» в Грозный. Вскоре они свободно уходят, увозя на угнанных машинах награбленное имущество. Но затем федеральная артиллерия и авиация вплоть до 15 марта крушит «восстановленные» здания и предприятия. Сворованные в Москве деньги списаны, можно просить новые. На такое «восстановление» Чечни только в 1996 году ушел кредит в миллиард долларов и 36 миллиардов российских рублей.

Игра на два фронта

После падения Грозного усилия федеральных войск были сосредоточены в районе Аргуна. По утверждению российского командования, этот город, расположенный на восточном берегу одноименной реки и являющийся крупным железнодорожным узлом, оборонялся группировкой до 2 тысяч человек, имевшей 10 танков, 10 орудий и около 20 минометов. Его блокада с запада, севера и юга была установлена в конце февраля. Но операция по взятию города откладывалась. В результате мятежники получили возможность укрепить восточный берег реки и городские окраины различными инженерными сооружениями.

Операция по овладению Аргуном началась ночью 22 марта. Подошедшие федеральные войска неожиданно для чеченцев форсировали реку на двух участках. После этого подразделения 506-го мотострелкового полка охватили город с юга и запада. С севера сводный полк 106-й воздушно-десантной дивизии взял под контроль трассу Ростов-Баку. Все господствующие высоты вокруг города были заняты подразделениями морской пехоты Тихоокеанского флота.

На вторые сутки операции батальон мотострелкового полка Уральского военного округа, обойдя Аргун с востока, замкнул кольцо окружения. Одновременно силами двух бригад внутренних войск был создан внутренний фронт окружения и начаты бои по ликвидации мятежников, находившихся в городе.

На третий день дудаевцы предприняли попытку деблокировать Аргун ударами отрядов со стороны Гудермеса и Шали. Но обе атаки были отражены на дальних подступах к городу ударами авиации и огнем артиллерии. 23 марта Аргун был взят федеральными войсками на три дня раньше, чем предусматривалось планом. При этом они потеряли 3 человека убитыми и 9 ранеными. Мятежники лишились еще одного важного района обороны и отошли в Гудермес и Шали.

Операции по овладению этими опорными пунктами планировались и производились по уже ранее отработанной схеме. К исходу 27 марта федеральные войска, наступая из нескольких районов по сходящимся направлениям, окружили Гудермес, заняв господствующие высоты и тактически важные районы в его окрестностях. Затем вводом войск 30 марта город был взят без противодействия со стороны противника.

Несколько сложнее проходила операция по овладению Шали. 28 марта батальон 506-го мотострелкового полка, выдвигавшийся к этому населенному пункту, попал в засаду и понес потери. Потребовалось привлечение дополнительных сил. Совместными усилиями бригады и трех полков Шали был окружен, а в последний день марта занят без потерь со стороны федеральных войск.

В апреле усилия российского командования были направлены на вытеснение мятежников из населенных пунктов в восточном, южном и западном направлениях. При этом чеченцы все откровеннее стали переходить к тактике партизанской войны, широко применяя диверсии, налеты, засады. Так, в одну из засад, устроенной на дороге южнее Тахчура, 1 апреля попала рекогносцировочная группа полка внутренних войск, следовавшая на трех бронетранспортерах. Бой продолжался три часа. Правительственные войска потеряли убитыми двух офицеров и 9 солдат, мятежники – около 25 человек. Движение на данном маршруте было прекращено на несколько суток. Потребовалось привлечь дополнительные силы для того, чтобы произвести разведку противника и местности, расчистить завалы, ликвидировать минные поля.

Мрачные картины войны

На западном направлении боевые действия в апреле велись преимущественно за населенные пункты. 8 апреля федеральные войска заняли Шаам-Юрт, Новый Шарой и Самашки. В последнем в ходе ожесточенного боя по официальным данным было убито 130 и пленено 124 боевика. Потери правительственных войск составили 13 человек.

Продолжая наступление, к исходу 10 апреля федеральные войска вытеснили мятежников из населенных пунктов Ачхой-Мартан и Закан-Юрт. К тому времени также были заняты и некоторые аулы, расположенные южнее Грозного. Постепенно линия соприкосновения сторон приблизилась к границе горно-лесного массива, где имеются природные условия, благоприятные для ведения партизанской войны.

К середине апреля спецподразделения федеральных войск заняли господствующие высоты на подступах к Бамуту, а на следующий день начался штурм населенного пункта. Он завершился неудачей. Также закончились и последующие попытки овладеть Бамутом, проводившиеся при поддержке артиллерии и авиации. Дудаевцы укрывались на период огневой подготовки в добротных деревенских подвалах и ракетных шахтах, а с приближением пехоты, танков и бронетранспортеров – уничтожали их прицельным огнем с хорошо подготовленных позиций.

В «немирном» чеченском ауле

По мере решения частных тактических задач становилось ясно, что война приобретает затяжной и со стороны чеченцев явно партизанский характер. Этому в определенной степени еще могли помешать активные грамотные действия федеральных войск. Наступление наземных сил с фронта в сочетании с огнем артиллерии и ударами авиации на всю глубину контролируемых дудаевцами районов должны были сковать маневр и распылить силы горцев по многочисленным направлениям, сделав их весьма уязвимыми. Определенные условия для проведения глубокой операции были. Но именно в это время в действие вступили политические факторы – подготовка к празднованию 50-летия Победы. Ожидался наплыв зарубежных делегаций, гостей, журналистов. Началась новая политическая игра.

21 апреля 1995 года председатель Правительства России В.С. Черномырдин заявил о готовности к переговорам с командованием чеченских вооруженных формирований с целью прекращения военных действий без всяких предварительных условий. Спустя пять дней после этого, 26 апреля, президент Б.Н. Ельцин подписал указ № 417 «О дополнительных мероприятиях по нормализации обстановки в Чеченской Республике», объявивший мораторий на применение вооруженных сил в Чечне с 28 апреля по 12 мая 1995 года.

По-видимому, с точки зрения политика приостановка боевых действий в самый разгар наступления вполне допустима. С точки же зрения военного искусства – это более чем нерационально. Она дает противнику время собраться с силами и восстановить оборону. Чеченцы не упустили такой шанс. За 15 дней со стороны дудаевцев мораторий был нарушен 170 раз, в результате чего российские войска потеряли 38 человек убитыми и 223 ранеными.

Сами чеченцы к переговорам относились с откровенным пренебрежением. Когда для переговоров с Масхадовым в Старых Атогах прилетел командующий Объединенной группировкой войск Минобороны в ЧР генерал Геннадий Николаевич Трошев, будущий президент Ичкерии всячески затягивал со встречей. Когда же встреча состоялась, Масхадов категорически потребовал, чтобы российские войска покинули территорию республики. «Только после этого мы будем вести речь о прекращении огня и других проблемах», – заявил он.

За время действия моратория боевикам удалось скрыто перебросить в Грозный значительные силы. В ночь на 14 мая они начали интенсивный обстрел города. Всего за сутки Грозный подвергался огневым налетам более 18 раз. Только после этого в Москве признали, что мораторий не дал ожидаемых результатов. В то же время федеральное командование продолжало утверждать, что силы Дудаева на исходе. По заявлению пресс-центра МВД России, по состоянию на 19 мая с начала боевых действий чеченцы потеряли около 12 тысяч человек, 74 танка, свыше 110 БМП и

БТР, 19 РСЗО «Град», 146 орудий, 15 зенитных установок. По некоторым показателям это даже превышало количество вооружения, имевшееся у дудаевцев в начале войны. Людские же потери самих федеральных войск по состоянию на конец мая составили примерно две тысячи человек убитыми и более пяти тысяч ранеными.

Геннадий Николаевич Трошев, командир объединенной группировки федеральных войск в Чечне, командующий армией (1995–1998), командующий Объединенной группировкой федеральных сил в Чеченской Республике (2000–2001), генерал-полковник

В конце мая федеральные войска повели наступление на Ведено со стороны Шали. Оно развивалось трудно. Только за четверо суток действовавшие там подразделения сводного полка морской пехоты Тихоокеанского флота потеряли 12 человек убитыми и 29 ранеными. Тем не менее к исходу 3 июня Ведено был взят. На его ближних подступах федеральные войска лишились еще 10 человек убитыми и 36 ранеными. По данным Министерства обороны, потери дудаевцев были намного большими. Они составили более 300 человек убитыми, 8 танков, 9 боевых машин пехоты, 3 бронетранспортера, 2 орудия, 6 минометов, 6 установок «Град» и 28 автомобилей. Остатки защитников Ведено отошли в направлении на Кири, расположенный южнее и превращенный в мощный опорный пункт.

11–14 июня федеральные войска проводили операцию по захвату Ночкай-Юрт и блокаде Шатоя. К исходу 14 июня Ночкай-Юрт был оставлен дудаевцами без сопротивления.

Намного сложнее развивались события вокруг Шатоя. 11 июня северо-восточнее населенного пункта был высажен воздушный десант силами до батальона 7-й воздушно-десантной дивизии. Двумя днями позже к Шатою подошли с востока подразделения 324-го, а с севера – 245-го мотострелковых полков. По замыслу операции штурм города должен был осуществляться совместными усилиями войск с различных направлений при одновременной изоляции района от подхода подкреплений противника с юга.

Операция началась 19 июня. Почти сразу же выявились отступления от ранее утвержденного плана. Так, полк, наступавший с севера, несмотря на наличие головной походной заставы попал в засаду. Было подбито несколько БМП, погибли и получили ранения люди. Остальные вышли с «огневого мешка» в обратном направлении.

После первой неудачи командир полка решил наступать на Шатой с другого направления. Под прикрытием ночи, совершив 30-километровый марш по раскисшим от дождя дорогам, подразделения полка к утру вышли к городу с запада и заняли господствующую высоту. Туда же были выведены подразделения 324-го мотострелкового полка и сводного полка 104-й воздушно-десантной дивизии. Ночью усиленный парашютно-десантный батальон с вертолетов высадился восточнее и южнее Шатоя, блокировав его с тех направлений. Лишь после этого наступление, проведенное в ночь на 20 июня, оказалось успешным. Дудаевцы оставили населенный пункт и ушли в горы, прихватив с собой все тяжелое вооружение и боеприпасы. Над Шатоем был поднят российский флаг.

В начале октября в Грозном было совершено покушение на командующего Объединенной группировкой федеральных войск в Чечне генерал-лейтенанта Анатолия Романова.

В середине декабря 1995 года на контролируемой российскими войсками территории прошли выборы. Главой Чеченской Республики по воле Кремля был назначен Доку Гапурович Завгаев, с помощью которого Москва пыталась найти выход из запутанной ситуации. Он родился в 1940 году в одном из сел Надтеречного района Чечни, окончил Горский сельскохозяйственный институт, долгое время работал в сельском хозяйстве республики, с 1978 года перешел на партийную работу, где сделал стремительную карьеру, пройдя путь от секретаря до первого секретаря Чечено-Ингушского Республиканского комитета КПСС и председателя Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. В 1991 году по требованию Р. Хасбулатова Д. Завгаев был смещен со своего поста как ставший на сторону ГКЧП. Сам же он утверждал, что путч тут ни при чем, что истинная причина смещения крылась в том, что его хотели оттеснить от грозненской нефти, на которую имели виды другие люди. Но, видимо, компромисс был найден. Д. Завгаев получил взамен теплое место в Москве в одной из постоянных комиссий Верховного Совета РФ, а в 1993 году перешел в Администрацию Президента РФ, где стал крупным специалистом по национальным проблемам, прежде всего чеченским. Он смог объединить вокруг себя некоторых чеченских лидеров, в результате чего в конце лета и осенью интенсивность боевых действий несколько снизилась.

Но это была только видимость мира. На смену открытому противостоянию сторон чеченцами стали практиковаться крупномасштабные террористические акты, приведшие в ужас россиян.

Наступивший новый 1996 год не принес решения чеченской проблемы. Боевые действия по-прежнему велись в предгорных районах, время от времени переносясь на север в тыл федеральных войск. Чеченская тактика партизанской войны была явно сильнее военного искусства российского командования. Некоторые населенные пункты приходилось штурмовать по несколько раз, но закрепляться в них надолго не удавалось.

В начале марта федеральные войска начали бои за Серноводск и Бамут, расположенные в юго-западной части Чечни. Как обычно, населенные пункты подверглись ударам авиации и обстрелам артиллерии. Гибли мирные жители, скот, разрушались дома, но боевики не сдавались. 5 марта было сообщено о неудачной попытке дудаевцев вырваться из Серноводска. Отразив ее, части внутренних войск потеряли 5 человек убитыми и 6 ранеными. Но сами войти в село также не смогли.

Так же неудачно велись бои на подступах к Бамуту. Там, по утверждениям федералов, оборонялось до 400 боевиков во главе с полевым командиром Русланом Галиевым. Их оборона была построена с учетом сложного рельефа горной местности и бывших ракетных пусковых шахт,

которые служили надежным укрытием от ударов авиации и огня артиллерии. Только оставалось непонятным, почему при наличии высокоточных боеприпасов и знания координат расположения шахт они не уничтожались?

На память о погибшем муже

Пока российские генералы рассматривали в бинокли Серноводск и Бамут, чеченцы нанесли внезапный удар в столице. В ночь на 6 марта они внезапно атаковали шесть блокпостов в Грозном. По подсчетам федерального командования со стороны северного Старопромысловского района наступало более сотни дудаевцев, отряды по 70–80 человек действовали со стороны Заводского района и с южного направления. Были захвачены два райотдела милиции со всем имевшимся в них оружием и боеприпасами, после чего активные бои развернулись в районе площади «Минутка» и у тоннеля, расположенного неподалеку от центра города.

Как всегда, российские войска оказались неподготовленными к нападению и не смогли в короткие сроки уничтожить или хотя бы изолировать противника. Дудаевцы чувствовали себя хозяевами положения, скрываясь в развалинах домов и действуя небольшими группами. Их снайперы метким огнем уничтожали одного россиянина за другим, оставаясь сами невредимыми. Боевая техника расстреливалась из гранатометов или подрывалась на минах.

На следующий день, продолжая бои в городе, дудаевцам удалось захватить в заложники 84 российских строителя, прибывших на восстановление Грозного, а также вывести из строя ряд объектов народного хозяйства, в том числе три водозабора. Был взорван мазутопровод на ТЭЦ, в результате чего начался пожар. Тушить его из-за перестрелки долго не решались.

Последующие дни стали в Грозном днями снайперской войны. Выстрелы звучали по всему городу, в отдельных районах полыхали пожары. За первые четыре дня федеральные войска потеряли 38 человек убитыми, более полусотни ранеными. С оружием в руках полегло около 170 боевиков.

Только к середине марта бои в Грозном стали постепенно стихать. Дудаевцы либо уходили из города, либо, припрятав оружие, превращались в «мирных» жителей. Расследование того, как столь значительные силы могли попасть в охраняемый город, результатов не дало. Подводя итоги случившегося, генерал В. Барынькин на заседании Госдумы заявил, что с начала войны в Чечне убито 2134 военнослужащих Вооруженных сил. О потерях личного состава других силовых

структур речи не шло.

Между тем, 9 марта федеральные войска вошли в оставленный боевиками Серноводск. Во второй половине месяца бои велись, кроме Бамута, в районах селений Самашки, Старый Ачхой, Орехово. Многие из них штурмовались во второй, а то и в третий раз.

Очередная трагедия для федеральных войск произошла 16 апреля на территории Шатойского района, администрация которого незадолго до того подписала протокол «о мире и согласии». Успокоенное этим фактом, командование 245-го мотострелкового полка не обеспечило должной охраны колонне с тыловым имуществом, следовавшей из Ханкалы. В ней находилось 250 человек личного состава, 3 танка, 15 БМП и БТР и 30 автомобилей с боеприпасами и военным имуществом. Зато боевики не смогли упустить столь удобный случай.

Во второй половине дня южнее населенного пункта Ярышмарды колонна подверглась нападению отряда из 200 чеченцев, вооруженных стрелковым оружием, гранатометами, минометами, огнеметами и крупнокалиберными пулеметами. Командирская боевая машина БМП-КШ запылала первой, находившийся в ней старший колонны майор Терзовец погиб. Управление колонной было нарушено. Началось планомерное уничтожение одной машины за другой.

Крики о помощи наполнили эфир, но услышаны они были не сразу. Лишь спустя некоторое время на помощь гибнущей колонне направились бронегруппы двух полков (всего 4 танка и около 20 БМП), вертолет Ми-8 и пара боевых вертолетов Ми-24. Бой в ущелье продолжался более трех часов, после чего чеченцы ушли в горы. За это время из состава колонны было убито 53 и ранено 52 военнослужащих, уничтожены танк, БРДМ, 6 БМП и 13 автомобилей с грузом.

В конце апреля 1996 года Россию облетела весть о гибели Д. Дудаева. По полученным данным, чеченский президент был убит в ночь с 21 на 22 апреля в районе селения Чехи-Чу, расположенного в 30 км к юго-западу от Грозного. После гибели Дудаева власть в мятежной Чечне перешла к Зелимхану Яндарбиеву. Но было похоже на то, что некоторые полевые командиры не считали себя обязанными выполнять волю центра.

24 мая, после четырехдневного штурма, федеральные войска наконец овладели Бамутом, который предварительно был подвержен интенсивному обстрелу артиллерией. Батареи 122-мм гаубиц только в течение 24 мая выполнили 166 огневых задач по поражению отдельных объектов и целей, выпустив по селу более тысячи снарядов. В ходе боев по заявлению представителя российского Генерального штаба было уничтожено около 350 боевиков. Сами же федеральные войска потеряли 22 человека убитыми и 54 ранеными.

Хасавюртовская сделка

С приближением президентских выборов в России резко усилились политические игры вокруг чеченской войны. С уст всех кандидатов настойчиво звучали слова о необходимости мирного урегулирования конфликта. Но как это сделать, по-видимому, не знал никто. Тем не менее политическая возня существенно усложнила положение российских войск в Чечне и создала благоприятные условия для сепаратистов. Используя временную паузу, они произвели перегруппировку и пополнили свои запасы материальных средств для будущих боев.

Первый тур выборов показал неустойчивость позиций Б. Ельцина, всеми силами стремившегося остаться в президентском кресле на второй срок. Под угрозой перевыборов он пошел на радикальные меры, пожертвовав одними людьми и приблизив к себе других. «Козлами отпущения» стали министр обороны П. Грачев, директор ФСБ М. Барсуков, начальник личной охраны президента А. Коржаков и первый вице-премьер О. Сосковец. Секретарем Совета безопасности вместо О. Лобова стал популярный в народе генерал Александр Лебедь, а министром обороны – «отличившийся» в 1991 году в Тбилиси генерал Игорь Родионов. Этого оказалось достаточно, чтобы с небольшим перевесом голосов в следующем туре Ельцин победил коммуниста Г. Зюганова и сохранил за собой президентский титул еще на четыре года.

Едва миновала выборная пора, как бои в Чечне вспыхнули с новой силой. На этот раз они велись в районах населенных пунктов Гехи, Макхеты и южнее Ведено. 15 июля, потеряв 8 человек убитыми и 36 ранеными, федеральные войска вошли в оставленные боевиками Гехи, оценив урон последних в 70 человек. В последующие дни месяца местные бои и обстрелы продолжались.

Ежедневно гибли 5–10 россиян, 10–20 получали ранения.

В начале августа крупные силы чеченцев внезапно развязали бои в Грозном, Аргуне и Гудермесе.

Наиболее ожесточенные бои развернулись в чеченской столице, где, по утверждению федерального командования, действовало не менее трех тысяч боевиков. Они одновременно атаковали важные объекты в пяти местах города, включая центр. Один из чеченских отрядов под руководством Шамиля Басаева попытался захватить здания Дома правительства, МВД и ФСБ Чечни. Попытка не удалась. Зато в результате пожара «погибли» документы о расходовании огромных денежных сумм, поступивших из России на восстановление разрушенного войной хозяйства республики. Уже только ради этого стоило «приглашать» боевиков в город. Кроме того, в руки сепаратистов попали большие суммы денег, хранившихся в местном отделении банка, а также железнодорожный состав с оружием и боеприпасами, накануне прибывший в город.

«С террористами у нас разговор короткий...»

С началом боев в Грозном на сторону боевиков перешло много чеченских милиционеров, вооруженных табельным оружием. Хорошо зная город и расположение важных объектов, они стали проводниками и наводчиками. Милицейские комендатуры сдались сепаратистам и в других городах. Это в очередной раз показало полную несостоятельность расчетов Москвы на местные кадры.

События в Грозном потребовали вмешательства Российского правительства. 12 августа в Чечню впервые вылетел секретарь Совета безопасности А. Лебедь. Ночью того же дня в селении Старые Атаги он встретился с начальником штаба сепаратистов Асланом Масхадовым. К тому времени только армейские части в боях в чеченской столице потеряли 96 человек убитыми, 275 ранеными, 30 пропавшими без вести, а также 5 танков, 16 БМП и БТР, 3 артсистемы. Конца боям не было видно, и Лебедь всеми силами искал выхода из создавшегося положения. В тот день он найден не был.

Три дня спустя Лебедь вновь вернулся в Грозный, где продолжались уличные бои. На этот раз он остановился в пригороде Ханкале где находилась основная база федеральных войск и провел совещание с московским ставленником Д. Завгаевым, командующим федеральными войсками в Чечне генералом К. Пуликовским и министром по делам национальностей России

Вячеславом Тихомировым. Но и эта встреча ничего не дала. Бои в городе не стихали, потери сторон неумолимо росли. К 21 августа по данным чеченских властей в Грозном погибло около 300 мирных жителей и более тысячи получили ранения.

Министр обороны России И.Н. Родіонов вручает награду за Чечню

Официальная Москва на происходящее реагировала по-своему – искала виновного. 21 августа в Чечню вновь прибыл А.И. Лебедь, который отстранил от командования войсками генерала К.Б. Пуликовского. Его место занял генерал Вячеслав Тихомиров.

На следующий день в Новых Атагах секретарь Совета безопасности России вновь встретился с А. Масхадовым. На этот раз было подписано «Соглашение о неотложных мерах по прекращению огня и боевых действий в Грозном и Чеченской Республике». Согласно этому Соглашению с 12 часов 23 августа боевые действия должны были прекратиться и начат вывод федеральных войск из Грозного и некоторых южных районов республики. К тому времени с 6 августа только в Грозном погибли 406, получили ранения 1264 и пропали без вести 130 российских военнослужащих.

Наступили условленные сроки, но чеченцы не спешили выполнять обещания. В то же время они старались всеми силами захватить как можно больше оружия и боеприпасов. Так, 24 августа в Грозном они остановили колонну внутренних войск и разоружили 58 военнослужащих. На следующий день отряд из 400 боевиков при поддержке бронетехники заблокировал комендатуру в Старопромысловском районе столицы и потребовал от военнослужащих сдать оружие, боеприпасы и покинуть город. Таким же образом была разоружена комендатура федеральных сил в Аргуне. По всему было видно, что сепаратисты с пользой для себя используют очередную паузу в боевых действиях, сохраняя при этом контроль над занятыми районами.

Александр Иванович Лебедь, секретарь Совета безопасности Российской Федерации (1996), генерал-лейтенант. округа (1988–1989), министр обороны Российской Федерации (1996–1997), генерал армии

Вернувшись из Чечни, Лебедь встретился с премьер-министром В. Черномырдиным, но не был допущен к Президенту. 26 августа Ельцин отправился отдыхать в отпуск, пообещав лично контролировать все события, происходящие в стране и прежде всего в Чеченской Республике. «Кашу», заваренную им 20 месяцев назад, предоставлено расхлебывать другим, но больше всего ни в чем не повинным простым людям, как русским, так и чеченцам.

Переговоры Лебеда с Масхадовым продолжались до конца августа. И только в ночь на 31 августа в Хасавюрте было подписано Заявление о принципах определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой. По условиям этого документа федеральные войска и боевики в течение сентября должны были покинуть Грозный.

Вывод войск начался с начала сентября. Русские покидали город, где только за период августовских боев потеряли 453 человека убитыми и около 1200 ранеными. Чеченцы же только демонстрировали свой уход из Грозного, который полностью переходил под их контроль. Такие же процессы происходили и в других «горячих» районах Чечни. Война, в которой по самым примитивным подсчетам погибло около 80 тысяч россиян и еще не менее 250 тысяч получили ранения и увечья, официально была завершена политиками так, чтобы быть в состоянии при первой же необходимости вспыхнуть снова.

23 ноября 1996 года Б. Ельцин подписал указ «О мерах по обеспечению дальнейшего мирного урегулирования в Чеченской Республике». Содержанием этого документа стал отказ

федерального центра от Указа «О дислокации органов военного управления, соединений, воинских частей, учреждений и организаций Вооруженных сил Российской Федерации на территории Чеченской Республики» от 3 июля 1995 года. Новый Указ предписывал передислоцировать 101-ю отдельную бригаду внутренних войск МВД РФ и 205-ю отдельную бригаду Министерства обороны за пределы Чеченской Республики.

Приезд высокого начальства

Поздравляю – герой!

Мы еще повоюем, солдат!

В тот же день председатель правительства России Виктор Черномырдин и премьер-министр коалиционного правительства Чеченской Республики Аслан Масхадов подписали соглашение, в котором предусматривались большие финансовые вливания России в Чечню с целью «решения социальных и гуманитарных» проблем населения республики, пострадавшего в результате боевых действий. Кроме того, для чеченцев были созданы благоприятные таможенные условия, а также условия по добыче, переработке, транспортировке нефти, нефтепродуктов и газа при условии, что «чеченская сторона гарантирует безопасность трубопроводного транспорта, объектов добычи и переработки нефти и газа».

Эти два документа имели серьезные последствия. После вывода из Чечни последних бригад российских войск Москвой был окончательно утрачен контроль над этим «субъектом федерации». Воспользовавшись этим, Масхадов и его окружение стали полновластными хозяевами в республике и начали там строить свое государство, черпая на то средства, в том числе, и путем воровства и переработки нефти. На территории Чечни появились сотни мини-заводов по перегонке «черного золота», которое «добывали» с нефтепровода Баку – Новороссийск. Позже в республику ручьем потекли российские деньги на ее «восстановление», средства некоторых иностранных государств и частных лиц на продолжение войны...

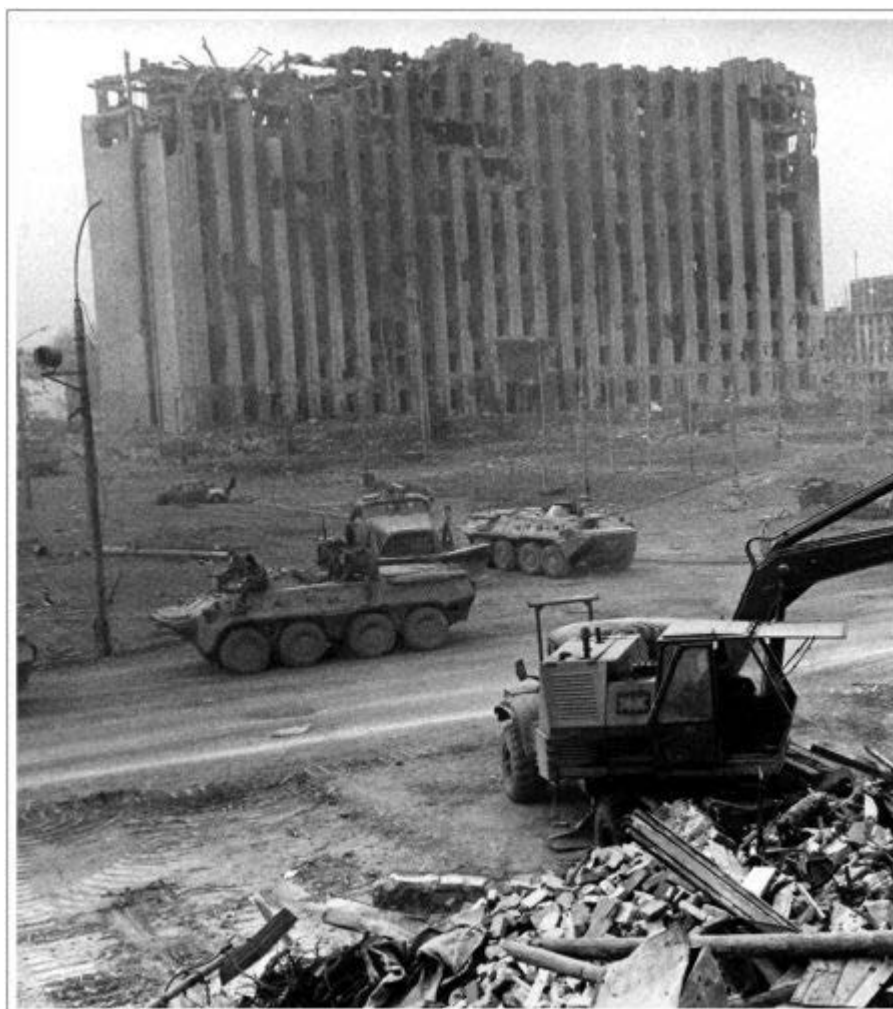
То, что пожар начался с Чечни, факт для истории той России, образовавшейся после 1991 года, незначительный. Он мог вспыхнуть в любом другом месте для того, чтобы отвлечь народ от бесстыдного передела собственности бывшего Советского Союза. Это было время наглых политиков, пустых громких обещаний и невиданных доселе в истории России потерь.

Кем-то из журналистов еще в самом начале Первая Чеченская война была названа «проданной войной». Вскоре в этом не оставалось никаких сомнений. Неизвестно только, кто

конкретно, кому и за сколько продал эту войну? Но это было уже не так и важно. В пылающем доме не принято искать поджигателя, а спасают самое ценное или же воруют... Похоже, что в России происходило последнее. И каждый вор спешил сделать свое дело, пока еще не рухнула крыша горящего дома.

Глава 14 Вторая чеченская война

Гнездо террористов

Неясный статус Чечни создал благоприятную почву для двоякого толкования связанных с ней событий. Федеральный центр, считая Чечню своим субъектом, занимался «наведением порядка» на ее территории. Чеченцы же видели в России агрессора, в борьбе с которым допускались все средства. Это обстоятельство стало причиной массового терроризма, который горцы считали всего лишь разновидностью партизанской войны.

Новейшая история чеченского терроризма достаточно богатая. Вот лишь некоторые страницы этой «летописи».

Так, 26 мая 1994 года в районе населенного пункта Кинжал Ставропольского края, что в 30 км от Минеральных Вод, четверьма чеченскими террористами был захвачен рейсовый автобус Владикавказ – Ставрополь. В заложниках оказался класс одной из местных школ, который выезжал на экскурсию. Вместе с родителями и учителями в автобусе было около 30 человек. Террористы потребовали 10 миллионов долларов, наркотики, 4 автомата, 4 бронежилета, гранатомет, прибор ночного видения и вертолет.

Начались переговоры с властями, в ходе которых бандиты отпустили всех детей и нескольких взрослых. На следующий день вертолет с террористами, а также тремя женщинами, водителем автобуса и тремя летчиками поднялся в воздух и взял курс на Дагестан. Но вскоре в результате нехватки горючего он изменил маршрут полета и совершил посадку в районе селения Бачи-Юрт на территории Чечни. Через час бандиты были обезврежены. Главарь бандитов Магомед Бициев был приговорен к высшей мере наказания, а два других участника этого преступления – Темур-Али и Ахмед Махмаев – получили по 15 лет тюрьмы. Но данный случай

стал лишь одним звеном в цепи других подобных преступлений.

Месяц спустя, 28 июня, трое террористов, двое из которых были чеченцами, близ Минеральных Вод захватили рейсовый автобус Ставрополь – Моздок, в котором находилось около 40 человек. Преступники потребовали 5,8 миллиона долларов США, три автомата с боекомплектами, три переносные радиостанции, два вертолета и подготовленный к вылету самолет в аэропорту Махачкалы. Но замысел не удался. На следующий день в районе чеченского села Брагуны была успешно проведена операция по задержанию террористов. Представ перед судом, все трое получили по 15 лет лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Но прошел еще месяц, и 28 июля в районе Пятигорска четверо террористов чеченской национальности вновь захватили рейсовый автобус Пятигорск – Советский с сорока пассажирами и потребовали 15 миллионов долларов. Операция по обезвреживанию преступников проводилась в аэропорту Минеральные Воды. В ходе операции кто-то из террористов взорвал гранату в салоне автобуса, в результате чего 4 человека погибли и 19 получили ранения. При штурме вертолета один террорист погиб, остальные были захвачены. Решением суда все они были приговорены к смертной казни.

Таким образом, еще до ввода федеральных войск в Чечню, чеченцами стали практиковаться террористические акты с захватом заложников, целью которых было не удовлетворение политических требований, а получение выкупа. Эта практика, известная еще со времен генерала Ермолова, не имела ничего общего с национально-освободительной борьбой чеченского народа, хотя нередко и выдавалась за таковую самими бандитами и заинтересованными в том силами. В новых условиях данный вид терроризма получил широкое применение. Но рядом с ним появился и другой, не менее жестокий и более массовый, имеющий все признаки политического терроризма.

Особенно ужасной была акция, проведенная в небольшом ставропольском городе Буденновске. Неудачный исход ряда полевых сражений подсказал дудаевцам необходимость менять тактику военных действий. С лета 1995 года они перешли к партизанской войне на территории республики с одновременным совершением террористических актов за ее пределами. Первой жертвой политического терроризма стал небольшой ставропольский городок Буденновск.

Группа из 40–60 чеченских боевиков 14 июня 1995 года на двух грузовиках внезапно ворвалась в город. Бандиты, ведя беспорядочный огонь из автоматного оружия по мирным жителям, промчались по улицам и закрепились в городской больнице. Туда же быстро прибыло еще полторы сотни чеченцев, которые под различным видом проникли в город заранее. Террористы захватили около тысячи заложников из числа медперсонала, больных, местных жителей и приготвили к обороне.

Во главе чеченцев стоял полевой командир Шамиль Басаев. Выпускник Московского института землеустройства, он легко поменял мирную профессию на военную. К тому времени на его «боевом» счету были угон самолета из аэропорта Минеральные Воды в 1991 году и бои в Сухуми во главе Абхазского батальона в 1992 году. Чеченская война сделала Басаева третьим лицом в ближайшем окружении Дудаева. Он умел воевать дерзко и жестоко, именно так, как действуют террористы, безжалостно убивая невинных людей.

О нападении боевиков органы местной милиции только в полдень сообщили командиру вертолетного полка, дислоцировавшегося на окраине Буденновска. Полковник П. Родичев направил в город группу из 32 офицеров, вооруженных пистолетами, во главе с начальником штаба полка подполковником Ю. Коноваловым. Автобус с летчиками был обнаружен и обстрелян чеченцами. Шестеро офицеров погибли, двое раненых были доставлены в больницу, где несколько позже также приняли смерть от рук террористов. Одним из двух расстрелянных оказался подполковник Коновалов.

Закрепившись к 16 часам в здании больницы и объявив, что за каждого убитого боевика будут расстреляны 10 заложников, а за раненого 5, Басаев выдвинул политические требования. Главные из них сводились к немедленному выводу из Чечни федеральных войск и началу переговоров Российского правительства с Дудаевым.

Впереди – Дагестан

Как и следовало ожидать, федеральные власти оказались совершенно не подготовленные к оперативной работе по противодействию столь масштабной террористической акции. Только к исходу следующего дня в Буденновск были стянуты подразделения специальных войск. Туда же для руководства операцией по освобождению заложников прибыли министр внутренних дел Виктор Ерин и директор ФСК Сергей Степашин. Городская больница оказалась в плотном кольце окружения, сквозь которое для встреч с Басаевым пропускали только журналистов.

В течение двух суток лучшие силы спецназа МВД под руководством заместителя министра внутренних дел М. Егорова готовились к операции по штурму больницы и освобождению заложников. Параллельно решались задачи по ограничению маневра боевиков, уничтожению их снайперов и обеспечению выгодных позиций для подразделений федеральных войск.

В это же время был разработан план операции. Он предусматривал первоначальный захват здания травматологического и инфекционного отделений, затем прачечной и гаражей, и только после этого решительный штурм главного здания больницы. Поддержка действий спецназовцев осуществлялась 14 боевыми машинами пехоты, которые с целью обеспечения внезапности должны были подойти через 10 минут после начала атаки. Кроме того, для подавления огневых точек противника выделялось четыре бронетранспортера и большая группа снайперов, которые заблаговременно расположились по периметру больничного городка. Атака была назначена на утро 17 июня.

В половину пятого штурмовые силы сосредоточились на исходных рубежах. За 10 минут до времени «Ч» под прикрытием отвлекающего огневого налета первая группа «альфовцев» проникла на территорию больничного городка и, разделившись на подгруппы, охватила районы гаражей и прачечной. Две другие группы к тому времени подошли к травматологическому и инфекционному отделениям, взяв под прицел главное здание и прилегающую к нему территорию.

По установленному сигналу бойцы «Альфы» бросились к главному зданию больницы, но, едва выйдя на открытое пространство, попали под шквальный огонь крупнокалиберных пулеметов, гранатометов и автоматов противника. Прорвавшихся дальше чеченцы закидали гранатами. «Альфовцы» залегли под губительным огнем неприятеля, неся потери. А обещанных боевых машин все не было. Они подошли лишь к концу третьего часа боя, когда продолжение штурма стало бессмысленным. Спецназовцы отступили, унося 5 убитых и более 30 раненых. О потерях среди боевиков и заложников не сообщалось.

Как только стало известно о неудачном штурме больницы, встал вопрос о том, кто дал

распоряжение о его начале? В результате «разбирательства на месте» оказалось, что находившиеся в Буденновске министры Ерин и Степашин «ничего не знали об этой акции». Было объявлено, что штурм спецназовцы начали по собственной инициативе, а, следовательно, и несут ответственность за его неудачу, за кровь заложников. В то же время Президент России Ельцин, находившийся в Канаде на встрече руководителей «Большой семерки», заявил, что еще до его отъезда вопрос о штурме был решен с Ериным. В результате сложилась обычная российская картина, когда за неудачное свершение отвечает «стрелочник».

Сергей Вадимович Степашин, директор Федеральной службы контрразведки (1994–1995),
Премьер-министр Правительства Российской Федерации (1999)

Между тем, события в Буденновске развивались по чеченскому сценарию. Ночью 18 июня Басаев в здании больницы провел пресс-конференцию, на которой присутствовало около 20 российских и иностранных журналистов. После ее окончания террористы освободили 186 заложников, оставив в плену еще около 700 человек.

В третьем часу ночи премьер России Виктор Черномырдин вышел на прямую телефонную связь с главарем террористов. Басаев потребовал за освобождение большей части заложников выполнить три условия: прекратить боевые действия в Чечне, развести войска и начать переговоры с Дудаевым. Черномырдин согласился на первые два условия, но категорически отверг третье. Басаев не шел на уступки, заявив, что готов продолжить переговоры в 10 часов утра...

После очередного раунда переговоров чеченский террорист освободил еще 200 заложников. Взамен он выдвинул дополнительно требование о предоставлении его отряду самолета для эвакуации из Буденновска. На нем он также намеревался вывезти до 200 заложников для обеспечения безопасности своих боевиков.

В 16 часов федеральным войскам, находившимся в Чечне, была дана команда о прекращении огня. Стихла стрельба и в Буденновске, где состоялись похороны жертв террора. В этот день на местном кладбище было погребено свыше 50 человек, многие неопознанные трупы остались лежать в морге. О погибших в самой больнице речь пока не шла.

Утром 19 июня в Грозном начались переговоры между российской и чеченской делегациями об урегулировании конфликта в Чечне. Одновременно по требованиям террористов в Буденновск был подан автотранспорт для их эвакуации из города. В полдень чеченцы с небольшой группой заложников начали осторожно покидать здание больницы и садиться в автобусы. В 14.20 колонна вышла из Буденновска и направилась в сторону Минеральных Вод. Остальные заложники обрели долгожданную свободу.

Басаеву и его террористам удалось безнаказанно уйти в Чечню, в районы, контролируемые дудаевцами. Там они были встречены как герои. Федеральные власти молча проглотили горькую пилюлю, которую пытались «подсластить» рассуждениями о спасении заложников. Реальным же итогом событий в Буденновске стало 95 погибших и умерших от ран, 142 человека получили ранения, еще 99 тяжело заболели. Потери среди боевиков не сообщались.

События в Буденновске в очередной раз показали сложность и противоречивость внутренней обстановки в стране, слабость высших органов государственной власти. Несмотря на обещания высоких должностных лиц, так и не был найден ответ на вопрос, как столь крупная вооруженная группировка смогла прорваться в глубь Ставропольского края, «надежно» прикрытого силами войск, милиции и казачества?

Серьезные нарекания вызывают и действия федеральных властей по освобождению заложников. Создается впечатление, что они велись без единого руководства, при отсутствии четкого плана действий, их всестороннего обеспечения и взаимодействия. Не лучшим образом действовали и сами войска, хотя в Буденновске были собраны элитные подразделения милицейского спецназа.

Странной, если не более, можно назвать реакцию некоторых «именитых» россиян на события в Буденновске. 28 июня депутаты Государственной думы Сергей Ковалев, Алла Гербер и Александр Осовцев на встрече с избирателями в Московском доме кино назвали Шамиля Басаева «незаурядной личностью и чеченским Робин Гудом». Они объявили сбор подписей за его амнистию и первыми поставили свои имена.

«Козлами отпущения» за Буденновск стали Ерин и Степашин, лишившиеся своих министерских портфелей. Правда, несколько лет спустя Степашин даже получил должность премьер-министра, с которой, однако, вскоре был также смещен и назначен руководителем Счетной палаты Российской Федерации.

Чечня продолжалась. На место ушедших были назначены новые люди, также не имевшие опыта борьбы с террористами. Это в полной мере проявилось в последующих событиях, продолжавшейся чеченской войны.

Российское правительство, не способное решить чеченскую проблему собственными силами, попыталось найти опору в местных кадрах. Древний принцип «разделяй и властвуй» нередко оказывался надежнее военной силы. Настало время применить его и на чеченской земле.

Федеральные власти, желая показать силу нового чеченского правительства Доку Завгаева, 18 декабря начали операцию по блокированию Гудермеса, захваченного боевиками Салмана Радуева тремя днями раньше. Войска образовали кольцо окружения, в котором были оставлены коридоры для выхода мирных жителей. По ним в течение пяти часов из Гудермеса на Корцалой двигался непрерывный поток беженцев. Выезжали машины, набитые людьми, груженные домашним имуществом. По обочинам дороги шли пешеходы, везли и несли детей, тащили за собой груженные санки. Им навстречу двигались колонны бронетехники и «Уралов». В небе шныряли штурмовики и боевые вертолеты.

Во второй половине дня со стороны Гудермеса начали доноситься орудийные залпы, разрывы бомб и снарядов, пулеметная трескотня. Постепенно над городом встало облако черного дыма.

Боевики С. Радуева не смогли удержать Гудермес. Верные своей тактике, 24 декабря они ушли из города через многочисленные разрывы в боевых порядках федеральных войск. В результате проведенной акции погибли 267 жителей города и 31 российский военнослужащий.

Точных сведений о потерях среди боевиков, как обычно, не поступило.

Действия боевиков в Гудермесе подверглись резкой критике со стороны Дудаева. В одном из радиоперехватов звучали гневные слова генерала, обращенные к провинившемуся родственнику: «Гудермес должен был стать победой! А вы – собаки и скоты, потому что ушли из Гудермеса. Я даю вам последнюю возможность оправдаться». Тогда федеральное командование не могло представить, что кроется за этими словами.

9 января 1996 года около 6 часов утра группа чеченцев во главе с Салманом Радуевым ворвалась в дагестанский город Кизляр. На подходе к нему они разгромили милицейский блокпост. Одного из милиционеров убили, двух других взяли в плен.

После уничтожения блокпоста боевики двинулись на полевой аэродром внутренних войск, где сожгли два вертолета. Затем они вошли в город и закрепились в больнице, согнав туда из близлежащих домов до тысячи заложников.

Федеральные и местные власти, как всегда, как и летом 1995 года в Буденновске, оказались совершенно не готовыми к нападению. О численности дудаевцев, напавших на Кизляр, в течение двух дней ходили самые различные слухи. Сам Радуев в интервью журналистам заявил, что в его распоряжении имеется 500 человек. Это не соответствовало истине. В город на автобусе и «КамАЗе» прибыло не более 50 человек. Правда, там к ним присоединилось еще до 200 человек, проникших в Кизляр заранее. Таким образом, командир террористов назвал цифру, в два раза превышавшую действительность. Но федеральные власти в нее охотно поверили.

Вечером того же дня в России и за ее пределами по телевидению был показан строгий разбор президентом случившегося в присутствии силовых министров. Почему-то в качестве основного виновника был представлен директор Федеральной пограничной службы Андрей Николаев. Разгневанная глава государства желала знать, каким образом столь крупный отряд чеченцев мог проникнуть на территорию соседней республики и захватить город. Ответа, как обычно, не прозвучало...

В то же время стало известно, что о подготовке чеченцев к нападению на Кизляр военная разведка предупреждала структуры, отвечавшие за безопасность России, еще 23 декабря. Однако их данные почему-то остались нереализованными.

Между тем, российское руководство требовало от силовых министров решительных действий. К исходу дня в Кизляр в срочном порядке было собрано 739 военнослужащих внутренних войск и 857 сотрудников милиции. Они ждали указаний правительства, которое на этот раз решило проявить «характер» и не вступать напрямую в переговоры с террористами. Их ведение поручалось властям Дагестана и командованию федеральными войсками в Чечне.

Поздно вечером председателю Госсовета Республики Дагестан Магомед-Али Магомедову удалось встретиться с главарями террористов Радуевым и Султаном Гелисхановым. В ходе переговоров боевики потребовали обеспечения беспрепятственного возвращения их в Чечню. В качестве доказательства честности своих намерений к полуночи они освободили из больницы большую группу женщин и детей.

К утру 10 января по требованию боевиков к больнице были поданы 11 автобусов и 3 КамАЗа. В 6.45 чеченцы, посадив в автобусы около 170 заложников, покинули Кизляр. Конечным пунктом движения колонны они назвали населенный пункт Новогрозненский, расположенный в 50 км к востоку от Грозного.

Кизляр подводил итоги трагедии. Из числа гражданского населения было убито 24 человека, несколько ранено. Потери федеральных войск в этом городе составили 9 человек убитыми и 42 ранеными. Потери боевиков 29 человек убитыми.

Поначалу выход боевиков происходил почти по буденновскому сценарию. Колонна беспрепятственно достигла чеченской границы в районе Первомайского. Но там она неожиданно была обстреляна с боевых вертолетов. Дудаевцы приняли решение вернуться в Первомайское и закрепились в этом населенном пункте.

Подразделение из 36 новосибирских омонцев, охранявших населенный пункт, не были готовы к встрече с противником. Они не только не заняли ранее открытые окопы, но и не оказали боевикам сопротивления. Сдав оружие по первому требованию, новосибирцы, «как жертвенные овцы», залезли в автобусы. Позже они так же безропотно рыли новые окопы и ходы сообщения, совершенствуя теперь уже чеченскую оборону Первомайского. Позже появилась версия, что они

сдались в обмен на обещание Радиева отпустить пленных женщин и детей. Возможно, так оно и было? Но не следует забывать, что на том же блокпосту находился большой склад оружия и боеприпасов, который также достался дудаевцам.

Позже выяснилось, что решение об уничтожении банды террористов любой ценой было принято властями незадолго до того, как автобусы с заложниками доехали до Первомайского. Колонна уже была в пути, когда 150 десантников, расположенных в Чечне, получили приказ готовиться к вылету в сторону Первомайского. Им ставилась задача блокировать и уничтожить автобусы, как только они пересекут границу с Чеченей. Предварительно по колонне должна была ударить штурмовая авиация, затем – нанести удар вертолеты, а уже десантникам предстояло добить тех, кто уцелеет. О заложниках речь не шла, так как предполагалось, что террористы должны будут оставить их в Дагестане.

Федеральные власти вновь оказались не способными предусмотреть развитие ситуации. Их растерянность превратилась в затяжную паузу, позволившую дудаевцам улучшить свою оборону в Первомайском. Но стоять насмерть в этом населенном пункте они не собирались. Террористы надеялись, что федеральные власти не станут рисковать жизнями заложников и пропустят их в Чечню. Поэтому они больше заботились о политической рекламе, чем о личной безопасности. Об этом свидетельствует тот факт, что вечером того же дня были отпущены семь высокопоставленных добровольцев-заложников от властей Дагестана. Вернувшись в Махачкалу, некоторые из них, и прежде всего Гамидов, начали по местному телевидению обличать российские власти. Под воздействием этих выступлений настроение дагестанцев начало быстро меняться. Не только в столице, но и в горных аулах зазвучали антироссийские лозунги...

В перерыве между боями

Затем началась эпопея с освобождением женщин и детей. Чеченцы вроде бы отпускали женщин, но те сами не хотели уходить без своих мужей. На просьбу руководителей Дагестана предоставить им несколько минут для переговоров с пленными женщинами С. Радиев ответил отказом.

– Заложники заслужили большой плюс перед Аллахом, помогая борьбе за независимость Чечни. Для них это как бы возможность искупления грехов, – заявил руководитель террористов.

Принятие трудного решения

Нерешительность федерального командования способствовала не только укреплению дудаевской обороны в Первомайском, но и снижению морально-боевого духа российских войск, располагавшихся в его окрестностях. Солдаты были слишком голодными и замерзшими, чтобы думать о Радуеве. С каждым днем и часом они все больше думали о еде и тепле. Десантникам за трое суток ни разу не доставили пищи. На третьи сутки солдаты войск и спецназовцы начали охоту на разбежавшихся из Первомайского коров. С наступлением темноты оголодавшие воины из подразделений, менее удачливых в охоте, отправлялись к ближайшим селениям, покинутым жителями, и тащили оттуда все, что можно съесть или использовать в качестве одеяла. «Деды» из махачкалинского батальона внутренних войск быстро нашли общий язык с мужчинами, оставшимися охранять свои дома, и выпивали вместе с ними «за победу над Радуевым». Некоторые напивались до полной отключки и засыпали прямо у стола.

Правда, и элитные спецподразделения, расположившись неподалеку от высочайшего штаба, коротали ночи в автобусах, разводя медицинский спирт водой или потребляя для сугрева «столичную» местного розлива. Заедать приходилось «чем бог пошлет», потому что кормить даже эти подразделения попросту забыли...

С утра 15 января федеральные войска начали штурм Первомайского. Он проходил крайне медленно. К 16 часам стало ясно, что операцию не удастся завершить в течение светового дня. Боевики же смогли организованно отойти в центральную и южную части села, где оказали упорное сопротивление. Лишь после этого федеральное командование прекратило штурм Первомайского и отвело войска на исходные рубежи для перегруппировки.

Данная акция проводилась одновременно с попыткой склонить дудаевцев к сдаче путем переговоров. Для их ведения в район боевых действий прибыли директор ФСБ Михаил Барсуков, министр внутренних дел России Анатолий Куликов и министр внутренних дел Дагестана Магомед Абдуразанов. Однако С. Радуев от капитуляции отказался.

В это же время состоялся радиоперехват разговора террористов со штабом Дудаева. Генерал предупредил своего полковника: «Не ведите долгих переговоров, каждое слово, каждая интонация – против вас. Подготовьте милиционеров к расстрелу и предупредите их об этом. Даже можно некоторых расстрелять... Держите жесткую позицию. К вам идут на помощь... Считайте себя смертниками. Готовьтесь предстать перед Аллахом. Забудьте обо всем земном, тогда вам будет легче. Исходите из самого худшего». После расшифровки радиоперехвата бесцельность ожидания

переговоров стала очевидной.

К исходу дня в окрестностях Первомайского были сосредоточены значительные силы федеральных войск. В их составе находилось более двух тысяч человек личного состава, танк, 80 единиц бронетехники, 32 орудия и миномета, 3 установки «Град», 16 огнеметов. По расчетам, этих сил было вполне достаточно, чтобы не допустить прорыва террористов и обеспечить их быстрое уничтожение в населенном пункте.

На следующий день в 11 часов по Первомайскому был нанесен мощный огневой удар боевыми вертолетами. Следом подразделения федеральных сил атаковали чеченский блокпост, расположенный на южной окраине села. Хотя он и был взят, но и в этот день разгромить дудаевцев не удалось. Слабым утешением для федералов стало освобождение четырех десятков заложников при том, что в руках террористов оставалось еще более сотни несчастных.

Среди ночи 18 января группа террористов открыла огонь с южной и юго-западной окраин Первомайского. В это же время со стороны Советского в тыл российским войскам ударил отряд дудаевцев, пришедший из Чечни через Нижний Герзель. Завязался огневой бой, который федеральное командование приняло за подготовку прорыва террористов. Все силы были брошены на угрожаемое направление.

Реально же прорыв готовился с северо-западной стороны населенного пункта. Там в три часа ночи другая группа чеченцев, пустив впереди заложников, внезапно атаковала растерявшихся от неожиданности солдат. В результате скоротечного рукопашного боя около 40 чеченцев во главе с Радуевым прорвали слабое кольцо окружения. Они ушли на территорию Чечни, уводя с собой группу заложников. Большая их часть была возвращена только 24 января.

Настало время подвести итоги трагических событий. По словам российского президента, в Первомайском было уничтожено 153 террориста и пленено 30. Потери федеральных войск при штурме станицы составили 26 человек убитыми и 93 ранеными. О потерях среди заложников и местных жителей, как обычно, не сообщалось.

События в Кизляре и Первомайском вновь показали неспособность федеральных властей решить чеченскую проблему. Действия правительства России и силовых министров на местах носили хаотический характер. Поражают рассуждения президента – Верховного главнокомандующего Б. Ельцина о том, как следует спасать заложников. «Задымляются улицы, и они убегают... А когда они бегут, понимаешь, широким фронтом, их гораздо труднее убивать...» – заявил он перед телекамерами. Не требуется быть большим специалистом в военном деле, чтобы понять слабость данного плана, если не полную его несостоятельность. Не лучше выглядели и непосредственные руководители операции.

Случившееся в Кизляре и Первомайском среди чеченцев выделило фигуру террориста № 2. Им стал Салман Радуев. Среди российских журналистов нашлись люди, встречавшиеся с ним ранее. Об одной из таких встреч корреспондент «Московского комсомольца» писал:

«Я встретился с ним в марте прошлого (1995) года. Тогда, помнится, корреспонденты «МК» явились к нему – дудаевскому заместителю, чтобы оформить пропуск, а заодно и взять интервью. Радуев принял нас во всеоружии военного времени – под зеленым знаменем Ичкерии, положив на стол перед собой автомат с подствольником, рацию и пистолет. Настоящий тигр Кавказа...»

Позже, по обычаю кавказского гостеприимства, Радуев пригласил нас к себе домой на окраину Гудермеса... Ехали на новенькой «семерке» в сопровождении двух охранников, один из которых, афганский моджахед Хабиболла, укомплектованный новеньким «ручником», все время распевал суры из Корана. Дома, скинув с себя «лифчик» с гранатами и бронежелез, Радуев из грозного воина Аллаха вдруг превратился в худенького мужчину-подростка. Его жена пригласила нас к столу. Перед едой Радуев и охрана удалились в соседнюю комнату на молитву – был час последнего, пятого азана.

За столом Радуев снова разговорился, кстати, характерная черта многих чеченских мужчин – неумолчная разговорчивость. Тогда мы узнали, что ему около тридцати, что у него за плечами высшее экономическое образование, аспирантура и почти готовая кандидатская. «Я по натуре человек сугубо мирный, – сипло журчал Радуев. – Больше всего на свете я мечтаю превратить свою страну, свою Чечню во второй Кувейт, засадить ее садами, украсить фонтанами, дворцами и нефтяными вышками. Но сейчас реализация моей мечты отодвинута. Сейчас война. Нас загоняют в угол, и если так будет и дальше, мы перекинем войну на территорию Дагестана. Мы вывезли

деньги и авиацию за пределы республики и теперь можем воевать сколько влезет, а оружие покупаем в Азербайджане, Турции, Судане, Пакистане и в России. Есть такие каналы, и один из них – российские контрактники! Оружия хватает, его даже больше, чем людей. Последнюю крупную партию, секрета нет, мы получили через Дагестан. Нам разницы нет, где воевать, Россия нам объявила войну, значит, будем воевать везде – в Дагестане, в Азербайджане, в Грузии, в самой России, лишь бы убивать русских солдат. Тем более что у нас сейчас появилось высокоточное оружие, способное поражать объекты в радиусе 5–6 километров. Кто из чеченцев взял сторону России, тот наплевал на могилы отцов. Трусы уехали. Истинный мусульманин воюет здесь.

Настоящей войны еще не было, она впереди! Джихад – это путь Аллаха, и каждый мусульманин рад умереть на этом пути. Президентом Дудаевым и национальным конгрессом принято решение о создании специальных батальонов смерти. Добровольцев больше, чем нужно. Такой доброволец указом президента еще до смерти зачисляется в список героев республики! Его имя будет высечено на скрижалях истории чеченского народа! Мы поднимем весь Кавказ! Мы сделаем его мусульманским! И вообще, я не знаю, что бы я делал, если бы не война, был бы, наверное, каким-нибудь средним чиновником в службе экономики, а сейчас я себя уважаю, чувствую себя героем, истинным мусульманином, спасителем своего народа и отечества...»

Таковым, со слов журналиста, был Салман Радуев – главный виновник трагедий в Кизляре и Первомайском, в очередной раз одурачивший российских политиков и генералов, заставивший их расписаться в своей беспомощности.

Январские события, по-видимому, также неоднозначно были оценены и самими чеченцами, в верхних эшелонах которых давно уже велась междоусобная борьба. На этот раз ее жертвой стали террорист № 2 Салман Радуев и его семья. Также вероятно, что таким образом чеченцы кровно мстили за родных и товарищей, брошенных этим полевым командиром на произвол судьбы, а точнее – на верную гибель, во время бегства его из Первомайского. Правда, документальных подтверждений ни одной из версий нет. Тем не менее в ночь на 1 марта 1996 года в Гудермесе из гранатометов «Муха» и огнемета «Шмель» был расстрелян дом отца Радуева. Обитатели дома и его охрана погибли. Утром на месте трагедии было найдено 11 трупов. Сколько человек и кто именно сгорел в доме остается неизвестным.

Еще залп...

Самому Салману, находившемуся в отъезде, в тот раз удалось избежать участи родных. Однако спустя несколько дней, 5 марта, в районе селения Урус-Мартан он был тяжело ранен неизвестными лицами и, по сообщению официальных российских источников, скончался. Правда,

четыре месяца спустя «покойник» воскрес и встретился с российскими журналистами. Он заявил, что после полученного тяжелого ранения находился на лечении в Германии, где, в том числе, ему была сделана пластическая операция, изменившая черты лица. Теперь, вернувшись на родину, Радуев был намерен вновь активно включиться в борьбу своего народа с Россией и вести ее до победного конца, главным образом, методами партизанской войны и массового террора. Сомневаться в обещаниях Радуева не приходилось.

Выборы на позиции. 1996 г.

Прошло некоторое время и официально завершилась война в Чечне. Но терроризм изжить не удалось. 15 декабря боевики Радуева захватили 22 сотрудников МВД России, которые были освобождены через четыре дня благодаря вмешательству вождей сепаратистов и заместителя секретаря Совета безопасности Бориса Березовского. Правда, истинная информация о деятельности этого человека в Чечне все еще остается неизвестной.

Вскоре эта удача была омрачена расстрелом 17 декабря группой чеченских террористов шести сотрудников Международного Красного Креста в госпитале села Новые Атаги. Пятеро из погибших были женщины, а кроме того – граждане Норвегии, Голландии, Испании, Канады и Новой Зеландии. Все они добровольно приехали в Чечню с целью оказания медицинской помощи ее жителям. Благодарностью за это стала смерть...

Вскоре после этого Салман Радуе был захвачен федеральными войсками, осужден на пожизненное заключение и умер в тюрьме. Борис Абрамович Березовский, благополучно вывезя из страны миллиарды долларов, в том числе и замешенных на крови в Чечне, благополучно «скрывается» в Лондоне, время от времени выступая по местному телевидению с антироссийскими заявлениями.

Чеченская война, чеченский терроризм показали, что это лишь видимые проявления огромного невидимого процесса борьбы за власть и деньги на обломках сверхдержавы, еще совсем недавно занимавшей шестую часть суши нашей планеты и проводившей независимую политику. Империя рухнула под тяжестью собственной бюрократии, давно уже предавшей всякие идеалы ради материальной выгоды. На обломки слетелись коршуны, жадные до легкой добычи. Среди этих коршунов нет ни «своих», ни «чужих». Все они на одно лицо: жестокие, циничные, беспощадные, совершенно равнодушные к судьбам государств и народов. Цель у них одна – побольше урвать от того, что веками потом и кровью создавалось российским и советским

народом, всеми его нациями и народностями. И если для этого потребовалась война, избираемый народ получил войну, а для большего страха были организованы террористические акты в Буденновске, Кизляре и Первомайском, прозвучали взрывы в Ростовской области и в Москве. И это неудивительно – любые средства оправдывают цель.

Многие задавали себе вопрос, положат ли конец чеченской войне и чеченскому терроризму документы, подписанные в Хасавюрте 31 августа секретарем Совета безопасности России А. Лебедем и начальником штаба вооруженных формирований сепаратистов А. Масхадовым? Ответ большинства был отрицательный. Причина этого крылась в разнице отношений сторон к этому документу. Российская сторона пыталась найти таким образом путь к завершению безнадежной для нее войны без официального признания своего поражения. Чеченская же, по словам ее лидера Яндарбиева, рассчитывала таким путем не только закрепить свою победу в республике, но и добиться от побежденной стороны (России) возмещения причиненного войной материального и морального ущерба. При этом обе стороны ради достижения своих целей приняли решение вопрос о статусе Чечни отложить до 31 декабря 2001 года.

Удар по Дагестану

После официального завершения чеченской войны и подписания Хасавюртовских соглашений Россия создала сепаратистам идеальные условия для решения своих политических целей.

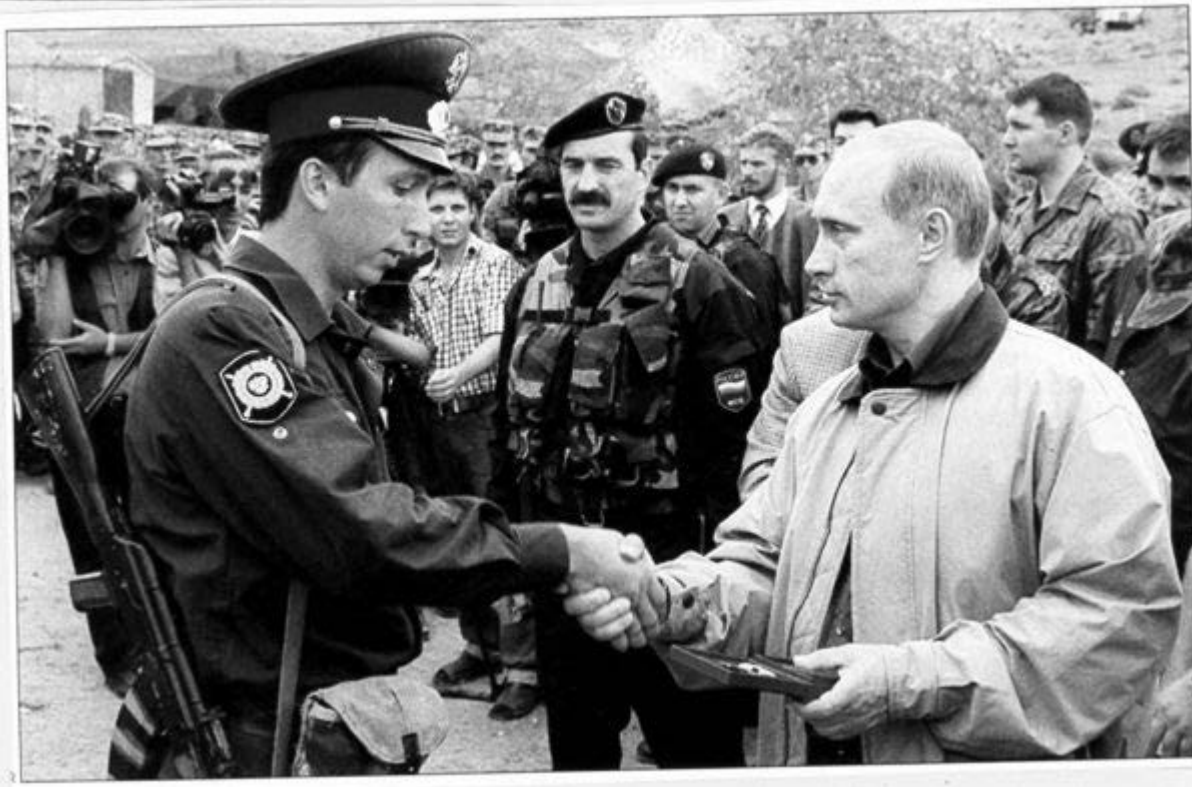
Глава Чеченской Республики Д. Завгаев стремительно терял власть в республике, которая переходила к полевым командирам. Те, решив, что подписанием соглашения Россия официально признала свое поражение и их силу, вели себя откровенно вызывающе: брали под контроль целые районы, назначали глав администрации и других чиновников, создавали вооруженные формирования под видом национальной милиции, расправлялись с неудобными лицами, вели торговлю нефтепродуктами и наркотиками, торговали людьми, контролировали направляемые в Чечню федеральные средства. Завгаев не раз высказывался против условий соглашения, но Москва, занятая выборами президента, не слышала его голос. Более того, отношение Кремля к чеченскому лидеру начало меняться в худшую сторону. В конце концов ему было открыто сказано о том, что его присутствие в Чечне нежелательно и предложено место Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Объединенной Республике Танзания.

Власть в Чечне планомерно переходила в руки сепаратистов. 27 января 1997 года президентом Чеченской Республики стал бывший полковник Советской армии Аслан Алиевич Масхадов. Он же получил портфели председателя правительства (премьер-министра), председателя Комитета обороны и Совета безопасности.

Аслан Алиевич Масхадов родился в 1951 году в Казахстане, куда были выселены чеченцы. Он принадлежит к тейпу алирой – одному из самых знатных тейпов Чечни. Считается, что этот тейп ведет свою историю от мифических ичкерийских тейпов племени нохчмакхой, в незапамятные времена спустившегося с гор и основавших Чечню. Правда, этот тейп находится в конкуренции с тейпом племени малхи, к которому относился Джохар Дудаев. Малхи хоть и не могли похвастаться древностью своего происхождения, но прославились воинственностью во время войн с Россией в XIX веке. Родное село Масхадова – Зандак – расположено в чаще Ичкерийского леса почти на границе с Дагестаном.

В 1972 году Аслан Масхадов окончил Тбилисское высшее артиллерийское училище, служил на различных должностях в Советской армии, 1990 год встретил в Вильнюсе заместителем командира дивизии. В 1991 году уволился из Советской армии в звании полковника и приехал в Чечню, где сразу же поступил на службу к Д. Дудаеву. В 1993 году занял должность начальника главного штаба чеченских вооруженных формирований. В Первую чеченскую войну он был начальником штаба обороны Грозного и министром обороны Чеченской Республики.

В 1996 году в родном селе будущий президент начинал переговоры с российским генералом Романовым. Там же находилась одна из принадлежавших Масхадову нефтяных вышек. В Чечне ходили слухи о том, что переговоры были затеяны чеченским лидером в том числе и для того, чтобы спасти свое имущество от ударов российской авиации. Доказательством этому может быть и то, что после покушения на Романова вышка немедленно была уничтожена спецгруппой ГРУ.

Награды милиционерам за отличия в Дагестане

Во время чеченской войны 1994–1996 годов семья Масхадова – жена Кусамы, дочь и сын – находились в Надтеречном районе в селе Зебир-Юрт, где будущий президент оканчивал среднюю школу и имел много родственников и друзей.

Параллельно с этими должностями с октября 1995-го по январь 1997 года Аслан Алиевич также являлся премьером коалиционного правительства Чеченской Республики Ичкерии. Таким образом, его путь в большую политику был последовательным, хотя и достаточно стремительным.

После подписания Хасавюртовского соглашения Ичкерия избрала новый состав парламента, председателем которого был избран Руслан Алихаджиев. Параллельно по указу президента был сформирован и Высший шариатский суд, который сразу же стал претендовать на верховную законодательную власть. Конфликт между светской и духовной ветвями власти закончился тем, что Высший шариатский суд отстранил от должности Р. Алихаджиева и приостановил деятельность парламента, мотивируя это тем, что все принимаемые законы должны строго базироваться на шариате. Парламент в свою очередь объявил Высший шариатский суд незаконным по той причине, что он не был избран всенародно.

Для нормализации конфликта правительство Чечни предложило создать Шуру – государственный совет, состоящий из алимов и уважаемых полевых командиров. 3 февраля 1999 года А. Масхадов объявил по национальному телевидению указ о введении в Чечне полного шариатского правления.

Бюджет Чечни в значительной степени строился на вливании в республику средств из бюджета России, получении их на территории России различными преступными чеченскими группировками, добыче и переработке нефти на территории самой Чечни, торговле наркотиками, похищении и продаже заложников, получении финансовой помощи из-за рубежа.

Нефть традиционно считалась главным богатством Чечни. По официальным источникам, в 1997 году было добыто два миллиона тонн нефти, в следующем – около 700 тысяч, а за январь – май 1999 года – всего 96 тысяч тонн. В то же время постоянно нарастал объем нелегальной переработки нефти. В начале 1998 года доходы от этого бизнеса приносили до 3 миллионов долларов ежемесячно, а значит – около 35 миллионов в год.

Наркобизнес по официальным российским данным ежегодно приносил республике доход, составлявший около 800 миллионов долларов, но реально он был намного значительнее. Через территорию Чеченской Республики были проложены многие торговые тропы, уходившие далее на

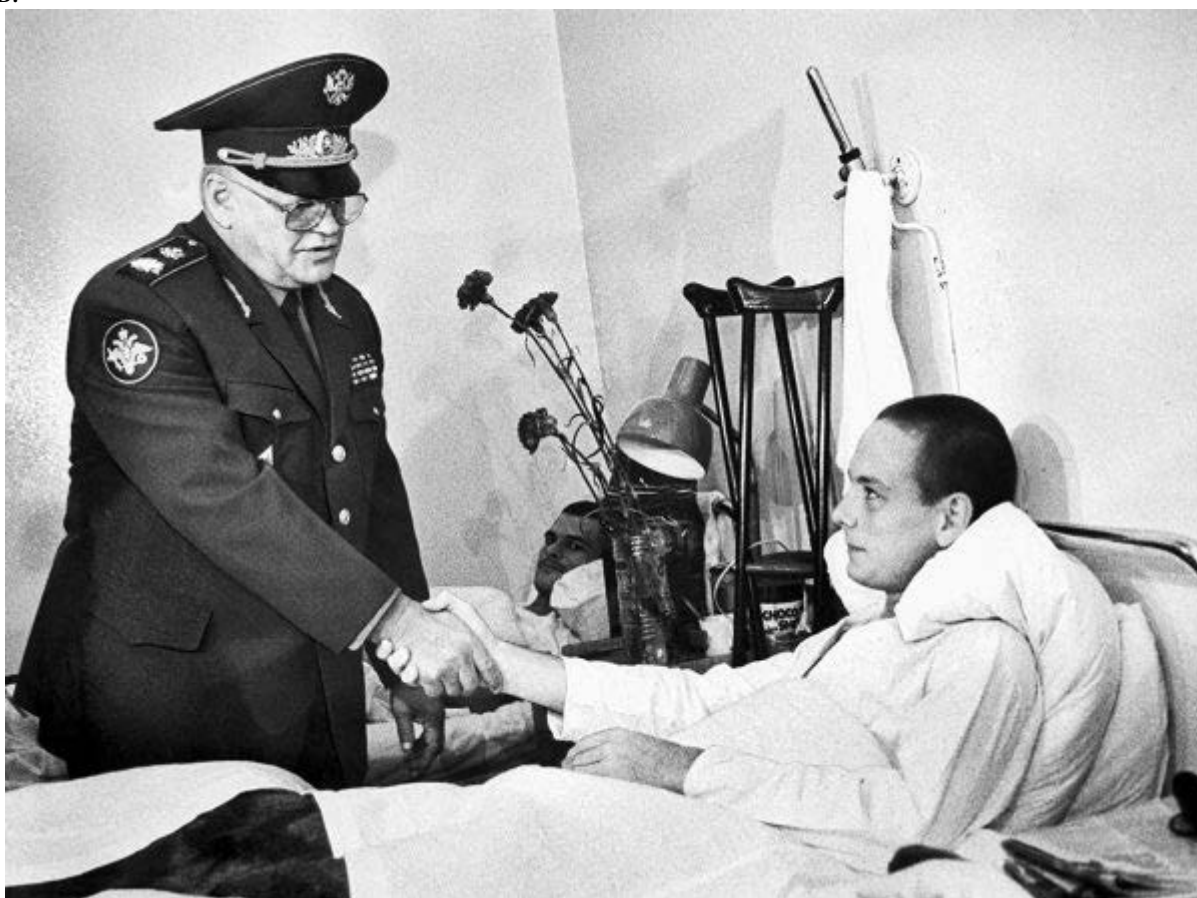
территорию Грузии и Азербайджана.

Немалые деньги давал и захват заложников. Только за период с 1997-го по июль 1999 года в Чечне было похищено более 1350 человек, из которых удалось продать свыше 800. К осени 1999 года около 1300 несчастных продолжали томиться в плену.

Весьма значительной была финансовая помощь Чечне со стороны зарубежных стран и отдельных лиц. Газета «Красная звезда» от 7 октября 1999 года сообщала, что только в текущем году она составила 50 миллионов долларов.

Исходя из этих цифр, можно предположить, что Чеченская Республика, фактически ничего не производя, имеет ежегодно около одного миллиарда долларов.

В то же время экономическое состояние, а, следовательно, и внутренняя обстановка в Чечне постоянно ухудшались. Это приводило к исходу из республики тысяч жителей. Если к концу 1996 года в Чечне по официальным источникам насчитывалось 600 тысяч жителей, то к августу 1999 года их оставалось всего 320 тысяч, из которых 20 тысяч были русскими по национальности. Всего за время «демократии» республику покинуло 220 тысяч русских и более 500 тысяч чеченцев.

Посещение министром обороны России И. Сергеевым госпиталя раненых в Чечне

Совершенно независимая от Москвы территория «в составе России» была превращена в огромную базу подготовки боевиков и зону отмыwania грязных денег. Зная обо всем этом, с 1996 года по 1999 год центр перевел республике на «восстановление» разрушенного народного хозяйства 2,5 миллиарда рублей, то есть по миллиарду ежегодно. Эти деньги, конечно же, были истрачены совсем на другие цели, прежде всего на формирование национальных вооруженных сил.

К началу сентября 1999 года, по официальным сведениям, в распоряжении Масхадова были достаточно большие силы, общая численность которых достигает 20 тысяч человек. Структурно они составляли отдельные части во главе с полевыми командирами. Назовем только самые крупные из них.

Президентская гвардия, возглавляемая Ильясом Талхабовым, состояла из десантно-штурмового и мотострелкового батальонов, роты охраны президента, роты почетного караула и конной роты, в составе которой насчитывалась в общей сложности около двух тысяч

человек.

«Чеченская армия», состоящая из кадровых формирований общей численностью около 1500 человек и подготовленного их резерва, насчитывающего до 15 тысяч человек.

«Абхазский» десантно-штурмовой батальон Шамиля Басаева.

Мусульманский батальон Арби Бараева, расформированный приказом Масхадова, но реально существующий.

Галанчожский полк спецназа Руслана Галаева.

Шалинский танковый полк, состоящий из трех танковых батальонов и дивизиона самоходных орудий, командование которым осуществлял Сайпудин Исаев.

Горнострелковый полк Ибрагима Арсанукаева.

Два мотострелковых полка, каждый из которых имел три мотострелковых батальона, артиллерийский, противотанковый и зенитно-артиллерийский дивизионы.

Пехотный полк – три кадрированных пехотных батальона, артиллерийский, противотанковый и зенитно-артиллерийский дивизионы.

Полк реактивных систем залпового огня в составе трех дивизионов.

Зенитно-артиллерийский полк – три дивизиона ЗРК.

Противотанковый полк – три дивизиона ПТУР и один артиллерийский дивизион.

Кроме этих формирований в структуре вооруженных сил республики имелись некоторые отдельные подразделения боевого обеспечения и подразделения таможенной и пограничной службы, а также Министерства шариатской безопасности.

Новый удар чеченские сепаратисты решили нанести в Дагестане, где уже давно действовали их эмиссары.

По сведениям разведки 2 августа 1999 года большая группа чеченских боевиков (примерно 500 человек) перешла перевал, отделявший Чечню от Дагестана, надеясь поднять там восстание. Но в тот раз замысел не удался.

Спустя двое суток второй отряд боевиков (около 2 тысяч человек) во главе с Ш. Басаевым и Хаттабом также вторгся на территорию Дагестана, захватив ряд сел. Басаев объявил о создании там Исламского государства Дагестан. Но население Дагестана расценило это как агрессию со стороны Чечни и оказало сопротивление. 5 августа на помощь дагестанцам подошли российские воинские формирования. Общее руководство принял командующий внутренними войсками министр внутренних дел Вячеслав Овчинников.

Что будем делать дальше?

18 августа 1998 года на территории дагестанских сел Кадар, Кара-махи и Чабан-махи Буйнакского района была объявлена «исламская республика», или «территория, где действуют законы шариата». Российские средства массовой информации их поспешно окрестили «ваххабитами». Жители этих сел отказались повиноваться официальным дагестанским властям, заявили о своем стремлении жить лишь по законам Аллаха. Они водрузили зеленое знамя и назначили выборы в мусульманский совет – шуру. Вокруг селений были выставлены вооруженные блокпосты самообороны. На склонах гор оборудовались траншеи, пулеметные гнезда укреплялись бетонными блоками, подступы к селам минировались. Об этом писали в газете «Сегодня» еще 1 сентября 1998 года, но официальный Кремль, казалось, ничего не видел и не слышал.

В течение лета 1999 года группы чеченских боевиков просачивались в Дагестан и оседали в селах, где проживали ваххабиты. В августе они начали боевые действия против федералов и местной милиции в Цумадинском и Ботлихском районах республики, а 7 августа попытались захватить Цумадинский район.

На третий день после вступления в должность главы правительства по согласованию с Верховным главнокомандующим Президентом Б.Н. Ельциным В.В. Путин принял решение разгромить отряды боевиков в занимаемых ими районах. Однако рейдовые действия в направлении Ботлиха, Агвали, Гакко существенных результатов не дали. Объяснялось это тем, что войскам приходилось действовать на местности, пересеченной «причудливыми складками высокогорья, покрытого густой растительностью», против врага, ведущего партизанскую войну и имеющего хорошую разведку. Правда, на этот раз «союзниками» федералов стали руководители и подавляющая часть жителей Дагестана, негативно настроенная против ваххабитов.

17 августа федеральные власти сообщили о сосредоточении на территории Чечни у границы с Дагестаном отряда численностью до двух тысяч боевиков с целью вторжения на сопредельную территорию. И хотя планы чеченцев были весьма очевидными, никаких превентивных ударов по этой группировке не последовало.

Правда, на следующий день в Махачкалу прибыли министр внутренних дел В. Рушайло, его советник А. Шкирко и министр обороны И. Сергеев в сопровождении заместителя начальника Генерального штаба М. Клишина. С местным руководством были обсуждены меры по завершению боев в Ботлихском районе, где боевики удерживали селения Рахта и Ансалта. После этого Народное собрание и правительство Дагестана 19 августа 1998 года приняло постановление, в котором указывалось: «Признать действия экстремистских сил селения Кара-махи и Чабан-махи Буйнакского района антиконституционными и представляющими угрозу безопасности Дагестана, его единству и целостности».

К исходу 19 августа обстановка в Дагестане резко ухудшилась. Оказалось, что в Ботлихском районе сепаратисты удерживают не два, а пять населенных пунктов: Рахта, Ансалта, Шодрода, Тандо и развалины Зибсрхали. «Вытесненные» из Цумадинского района, отряд из 400 боевиков укрепился в районе Хилиди, другой – в 500 человек – в районе Кенхи. Кроме того, в районе дагестанской горы Оншитлигун обнаружено было еще около 150 боевиков. Наличие столь многочисленной группировки врага требовало решительного вмешательства Москвы, и премьер-министр взял эти функции на себя. Непосредственное руководство боевыми действиями в Ботлихском районе Путин возложил на командующего 58-й армией генерал-майора В. Шаманова.

21 августа федеральные войска произвели перегруппировку и с утра следующего дня возобновили активные боевые действия в Ботлихском районе. В ночь на 24 августа после ударов авиации и огня артиллерии они начали генеральное наступление на селение Тандо, установили контроль над перевалом Рахим и приступили к «зачистке» Цумадинского района. Одновременно были захвачены основные господствующие высоты над мятежными селами Ботлихского района. 26 августа федеральным командованием было объявлено, что войсковая операция в горном районе Дагестана «практически завершена».

Благодарю за службу!

Настало время разобраться с местными ваххабитами. Ранним утром 29 августа части СОБРа из МВД России под предлогом проведения «акции по изъятию оружия у местных жителей» начали штурм укрепленных районов исламистов, расположенных вблизи селений Кара-махи и Чабан-махи Буйнакского района. Реально же эта «акция» выразилась в системных военных действиях сторон, затянувшихся на продолжительное время.

События в Дагестане получили страшный резонанс в различных районах России, где в это время были совершены террористические акты. Уже 3 сентября прогремел первый взрыв в Москве в торговом комплексе на Манежной площади. Поздним вечером следующего субботнего дня, когда уставшие люди собрались в своих квартирах, а дети готовились ко сну, в военном городке 156-й бригады Министерства обороны России в городе Буйнакске взрывом был полностью разрушен один пятиэтажный дом и повреждены еще три. Погибли 64 человека и 146 получили ранения. В основном, это были женщины и дети.

Чеченские боевики на все эти события реагировали по-своему. В ночь на 9 сентября в Москве прогремел новый взрыв на улице Гурьянова в Печатниках. Был взорван 9-этажный жилой дом, частично разрушены еще два стоявших рядом дома. Около сотни погибших, десятки раненых и искалеченных.

В шестом часу утра в понедельник 13 сентября в Москве раздался еще один взрыв. На этот раз взлетел на воздух жилой дом на Каширском шоссе. В результате погибли еще 106 человек.

Спустя три дня в Волгодонске в 6 часов утра возле многоэтажного жилого дома был взорван «ГАЗ-53», начиненный 350 килограммами тротила. Фасад дома обрушился, похоронив под обломками людей и их имущество. 18 человек погибло, более трехсот получили ранения.

Пока оцепеневшая от ужаса Россия и ее столица оплакивали погибших и пытались организовать самооборону своих жилищ, в Дагестане начался новый этап войсковой операции. На рассвете 6 сентября отряд чеченских боевиков численностью до двух тысяч человек прорвался из Чечни в Дагестан и захватил семь сел и сам районный центр Новолакского района. После этого сразу же там были начаты фортификационные работы по созданию круговой обороны. Остальные четыре селения этого района оказались под обстрелом сепаратистов, занявших господствующие высоты в их окрестности. Бандиты также попытались захватить город Хасавюрт, но успеха не добились.

В то время в Дагестане федералы имели всего две бригады, по одной от Министерства обороны и МВД, суммарная численность личного состава которых не превышала 10 тысяч

человек. При таком соотношении сил и средств боевые действия едва ли могли получить свое логическое завершение. Потребовались значительные подкрепления и перегруппировка сил.

А тем временем ожесточенные бои велись за каждый населенный пункт, за каждую высоту. Инициатива постепенно переходила к федеральному командованию. В воскресенье 12 сентября над развалинами Кара-махи и Чабан-махи были подняты российские флаги. В конце месяца было официально объявлено, что Дагестан освобожден от чеченских бандформирований. Это был первый военный успех правительства В.В. Путина в Кавказском регионе.

Возвращение в Чечню

После завершения боевых действий в Дагестане федеральное руководство решило взяться за Чечню. Официальной причиной акции было объявлено наличие на ее территории многочисленных баз подготовки боевиков. Но об этих базах знали и раньше... Неофициальной – приближение парламентских выборов и стремление ближайшего окружения президента их сорвать путем введения в стране чрезвычайного положения. Для этого нужна была война.

23 сентября федеральная авиация «приступила к выполнению поставленных задач по уничтожению группировок боевиков, складов с оружием, центров подготовки террористов, дорог, мостов, горных перевалов, пунктов управления, включая радиолокационные станции, ретрансляторы, а также летательные аппараты, которые могут быть использованы боевиками для подвоза боеприпасов, оружия и других средств ведения вооруженной борьбы». В первую очередь на грозненском аэродроме точным ракетным ударом был поражен самолет АН-2, хотя рядом стоял самолет президента Аслана Масхадова.

Владимир Шаманов, командующий группировкой войск на Кавказе

На следующий день российская авиация совершила на территорию Чечни свыше 70 боевых вылетов. Были нанесены удары по нескольким нефтеперегонным заводам с тем, «чтобы нарушить снабжение сепаратистов топливом, затруднить их маневр как на территории республики, так и вне ее».

Наземная операция началась в начале октября 1999 года наступательными движениями федеральных войск на территорию Чечни одновременно с нескольких направлений. При этом в качестве первой ставилась задача занятия северной части республики и выход на рубеж реки Терек, а также в Надтеречный район. На востоке предусматривался захват господствующих высот

на границе Чечни и Дагестана. На западе готовились удары по населенным пунктам Серноводск, Самашки, Ачхой-Мартан и Бамут.

На втором этапе операции федеральные силы должны были завершить захват наземной территории Чечни. Для решения этих задач были созданы три группировки войск: западная во главе с генералом Владимиром Шамановым, северная, руководимая генерал-лейтенантом Иваном Бабичевым и восточная под командованием генерал-лейтенанта Геннадия Трошева. Все эти военачальники участвовали в предыдущей чеченской войне, где себя «неплохо показали». Теперь они были призваны под боевые знамена с различных концов страны.

Начало наземной операции было успешным. К 5 октября федеральные войска вышли на линию Терека, потеряв всего 4 человек убитыми и 22 ранеными. После этого в «освобожденных» районах началась организация федеральной власти. На первом этапе это происходило в форме учреждения районных комендатур и должностей военных комендантов. Так, комендантом Шелковского района стал заместитель командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-лейтенант Геннадий Николаевич Трошев. Наурский район был доверен командующему 58-й армией генерал-майору Владимиру Шаманову.

Параллельно с военной предпринималась попытка создания и гражданской власти в Чеченской Республике. Для этого были мобилизованы силы бывшей антидудаевской оппозиции, находящейся «в изгнании» на территории России. Было «воскрешено» Народное собрание Чечни – парламент созыва 1996 года, которое 7 сентября сформировало Госсовет – высший исполнительный орган республики, – и назначило его председателя. Им стал никому не известный 34-летний Малик Сайдуллаев, который тут же заявил, что сейчас самое главное – «очистить Чечню от тех, кто позорит народ и мешает всем нормально жить».

Новый чеченский лидер был, что называется, человеком сложной судьбы. Он родился в селе Алахн-юрт Урус-Мартановского района. В конце 80-х годов пытался стать фермером, но неудачно и до 1991 года трудился простым чабаном в Ставропольском крае. Затем, «подружившись» каким-то непонятным образом с Германом Стерлиговым, становится соучредителем биржи «Алиса» – одного из самых крупных «воздушных» проектов пореформенной России. После краха биржи с помощью Артема Тарасова Сайдуллаев основывает концерн «Милан», основные доходы которого формируются за счет «Русского лото». Теперь же этот бизнесмен решил стать еще и политиком.

Между тем усиливался поток беженцев из Чечни в сопредельные республики. По официальным данным на 8 октября 1999 года их было в Ингушетии около 112 тысяч человек, в Дагестане – 711,5 тысячи, в Ставропольском крае – более 1300 человек.

Чечня готовилась к большой войне. По сообщениям официальных федеральных источников информации, вдоль Терека и по Терскому хребту возводились оборонительные сооружения, для оборудования которых боевики насильно привлекали местное население. В Грозный со всех концов республики стягивались вооруженные отряды. Усиленно готовились мобильные диверсионно-террористические группы, для оснащения которых у населения изымался автотранспорт.

Федеральное командование продолжало наносить авиационные удары и вести разведку противника. 12 октября его войска заняли последнюю, 39-ю по счету, станицу Шелковскую, расположенную на левом берегу Терека. При этом сообщалось, что боевики перешли к тактике активной обороны. Действуя группами по 5–6 человек, они совершают внезапные нападения на войска, а затем отходят на заранее подготовленные позиции. При отступлении минируются дороги, отдельные участки местности и готовятся засады на путях выдвижения войск.

Планы Кремля были очень «прозрачными». Так, 13 октября генерал Виктор Казанцев сообщил, что ближайшим планом предусмотрено освобождение от боевиков трех районов: Шелковского, Наурского и Надтеречного. 14 октября в российскую печать «просочились» сведения о действиях федеральных сил на правом берегу Терека. «Красная звезда» сообщила об активном сопротивлении боевиков в районе населенного пункта Горагорск, расположенного южнее Надтеречного канала. Через два дня последовало сообщение об окружении в этом населенном пункте до 300 боевиков. К тому времени федеральными войсками в Шелковском, Наурском и Надтеречном районах были блокированы уже 23 населенных пункта.

Но до полного контроля над занятой территорией было еще очень далеко. По сведениям

других источников, в Шелковском, Наурском и Надтеречном районах активно действуют диверсионно-разведывательные группы боевиков. Проводятся террористические акты, в результате которых только за несколько дней погибло более 120 человек. В станице Раменская в один день было расстреляно более 40 человек. В записке, оставленной карателями, указывалось, что все погибшие наказаны за содействие федеральным властям. Причем эта акция была проведена всего через несколько часов после того как селение «зачистили» российские войска.

Но чеченцы сдаваться не собирались. На обратном пути после переговоров в засаде были расстреляны Шамиль Лабазанов и сопровождавшие его старейшины, которые договорились с федеральным командованием о мирной сдаче станицы Ищерской.

Тем не менее российские войска на многих направлениях перешли за Терек, а на главном – вышли на подступы к чеченской столице.

Снова этот Грозный

Крайне непонятна в этой войне, как и в прошлой, роль Верховного главнокомандующего, который обязан принимать и утверждать все стратегические решения. Но Б.Н. Ельцин словно специально уклоняется от этой обязанности, выбрав для себя роль наблюдателя со стороны. Те же редкие случаи его вмешательства в кавказские события носят либо карательный (смена премьеров), либо комический характер. В результате в обществе закрепилось мнение, что воюют сами генералы без руководства Центра, а, значит, и без четкого стратегического плана. И если тезис об автономности генералов полный абсурд, то в отношении стратегии войны – вопрос намного сложнее.

Стратегия имеет две стороны: военную и политическую. Военная стратегия, являясь составной частью военного искусства, охватывает теорию и практику подготовки страны и ее Вооруженных сил к войне, планирование и ведение стратегических операций и войны в целом. В круг задач военной стратегии входит определение конечной цели войны в военном отношении (разгром войск противника, овладение какой-то территорией и т. д.), количества сил и средств, необходимых для достижения данной цели, разработка и осуществление мероприятий по подготовке Вооруженных сил, театра военных действий, экономики и населения страны к войне, планирование стратегических операций, организация развертывания Вооруженных сил и руководства ими в ходе войны, изучение возможностей вероятного противника. Все эти вопросы обязан решать Верховный главнокомандующий с помощью Генерального штаба.

Намного сложнее политическая стратегия. В чеченских войнах политика всегда подавляла военное искусство, а военная стратегия была не более чем пешкой в сложной игре придворных интриганов. И вот снова война, и российские войска стоят в 15–20 километрах от Грозного.

Близилась очередные парламентские выборы, не за горами были и выборы президентские. Игра шла по-крупному, сразу на всю Россию. Нужен был верный ход, иначе ситуацию удержать будет невозможно. Для ельцинского окружения, давно уже потерявшего всякое доверие народа, но очень выгодного для Запада, спасение в введении в стране чрезвычайного положения. Чеченская война – одна из действенных причин для этого. Но как повернуть дело, чтобы использовать этот фактор с наибольшей пользой?

20 октября на даче Президента были собраны «силовики» и несколько человек из ближайшего окружения. Не было премьера Владимира Путина и начальника Генерального штаба Анатолия Квашнина, которые уехали из столицы в Краснодарский край. Решался вопрос о штурме Грозного. По утверждению источника типа газеты «Сегодня», на немедленном штурме настаивали глава президентской администрации Александр Волошин и «некоторые генералы».

Между тем в оперативных сводках, кроме Грозного, все чаще мелькали знакомые по прошлой Чеченской войне названия населенных пунктов. Так, часто слышится название «Бамут». За Бамут федералы сражались в 1995 и 1996 годах. Место очень выгодное для обороны и трудное для наступления. Горная местность, каменные строения, а в довершение – ракетные шахты бывшей дивизии РВСН СССР. Они уже несколько лет используются боевиками, и от них подземные ходы прорыты к домам. Целый подземный город, практически неуязвимый для артиллерии и авиации.

Виктор Германович Казанцев, командующий войсками Северо-Кавказского военного округа (1997–2000), генерал армии

Федеральная артиллерия в дневное время методически обстреливает Бамут, разрушая его наземные строения. Но наступает ночь, и туда с Ачхой-Мартана устремляются десятки автомобилей с людским пополнением и материальными средствами. Чеченцы готовятся к длительной обороне, и нет сил или воли, чтобы помешать им в этом.

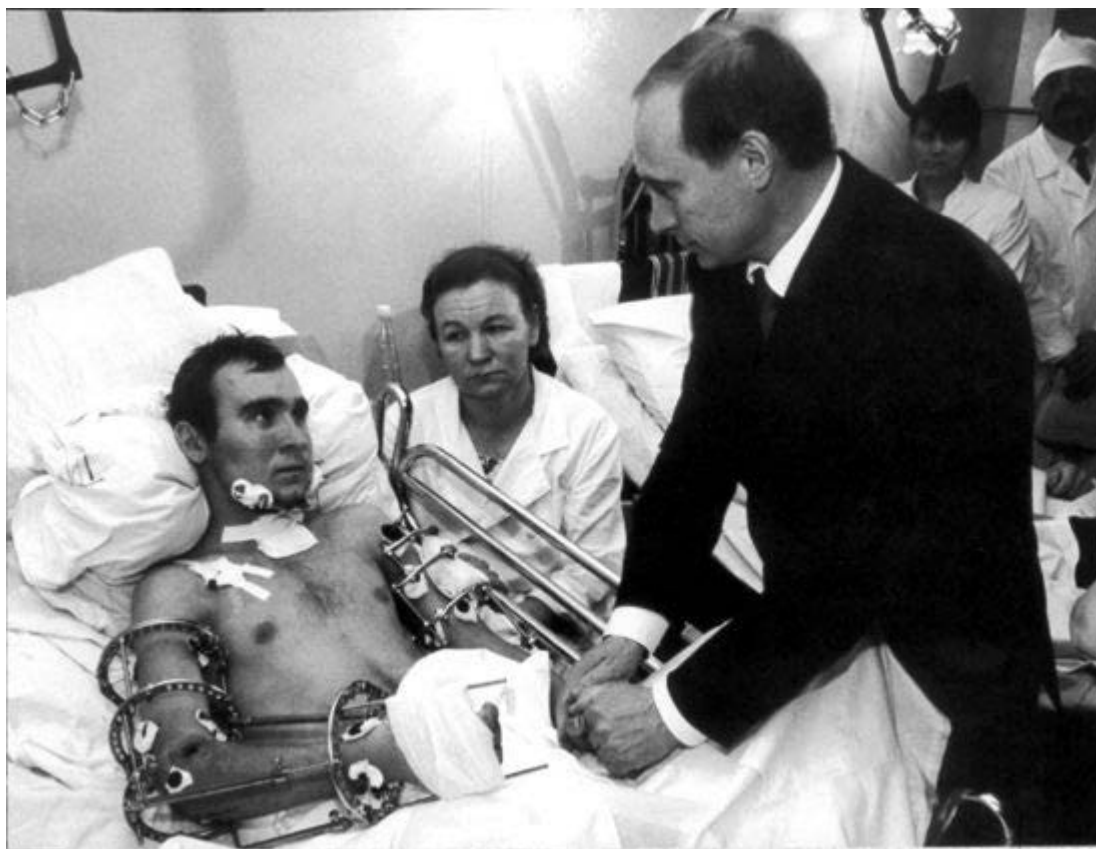
Бои велись упорные. Потерь среди боевиков и чеченского народа никто не считал. Потери российских войск также были значительными, но их старались объявлять не часто. Так, газета «Красная звезда» 22 октября 1999 года сообщила, что за время боев на Северном Кавказе с 2 августа по 21 октября Вооруженные силы потеряли 196 человек убитыми и 500 ранеными. О напряжении боев в этот период также свидетельствовало количество наград, выданных российским воинам. По заявлению начальника управления кадров Северо-Кавказского военного округа генерала С. Кучерявого, только за период с 1 по 19 октября к государственным наградам представлено 346 военнослужащих Министерства обороны. В том числе к ордену Мужества – 94, ордену «За военные заслуги» – 17, к медали «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени – 21, медали «За отвагу» – 73 человека.

Обстановка накалялась. 21 октября произошел взрыв на Центральном рынке Грозного, причиной которого чеченское руководство назвало попадание российской ракеты класса «земля – земля». Погибли мирные люди. Но российская сторона заявила, что в тот день обстрел Грозного не производился. На следующий день после этого случая было сделано официальное заявление Правительства РФ о ситуации в Чеченской Республике и мерах по ее урегулированию. В нем отмечалось, что первая часть войсковой операции завершилась освобождением от террористов одной трети территории республики. Указывалось, что Правительство Российской Федерации «будет и впредь действовать столь же решительно и жестко, добиваясь полного восстановления законности и правопорядка на всей территории Чеченской Республики, освобождения Чечни от террористических и иных бандитских формирований».

Наступление федеральных войск на Чечню продолжалось. К 27 октября с северо-восточной стороны они подошли к Грозному на расстояние 7–10 километров. Передовые отряды десантников вышли к окраинам Гудермеса. На восточном направлении было блокировано селение Энгель-Юрт, в полукольцо взято село Зондак. На западном направлении блокирован Серноводск, продолжались бои на подступах к Самашкам, Ачхой-Мартану и Бамуту.

На следующий день, по сообщениям официальных источников, федеральные войска начали «зачистку» Гудермеса, который ночью был оставлен основными силами боевиков. Большая часть их ушла в Грозный, остальные – на базы в горы. Но в городе остались силы прикрытия, активно «работали» снайперы.

Продолжая информационную войну, федеральные власти стремились всячески дискредитировать сепаратистов, показать их «звериное» лицо и оторванность от чеченского народа. В средствах массовой информации то и дело появлялись сообщения об изгнании населением боевиков из своих сел, о расстреле последними мирных жителей. Так, «Красная звезда» отметила 29 октября, что для укрепления Бамута террористы насильно привлекли около 300 жителей, причем 10 человек, проявивших недовольство, были расстреляны. «Бандиты силой удерживают людей в населенных пунктах для использования в качестве «живого щита», утверждала газета. На следующий день она же сообщила, что «на Хасавюртовском направлении жители населенных пунктов Брагуны, Азамат-Юрт и Степное вытеснили боевиков из своих селений и создали вооруженные отряды для противодействия экстремистам. Действия населения поддерживает и часть духовенства Чеченской Республики. В частности, муфтий Аслан Хаджи Кадыров, смещенный А. Масхадовым с поста верховного муфтия Чечни, объявил Гудермесский, Ножайюртовский и Курчалоевский районы зоной, свободной от ваххабизма». Так зарождалась мощная оппозиция режиму А. Масхадова, которой было суждено сыграть большую роль в будущем.

У кровати раненого

Грозный готовился к обороне. Город был превращен в укрепленный район размерами 40 на 40 километров. В оперативном отношении он вместе с пригородами был поделен на четыре сектора. Восточный сектор был доверен Шамилю Басаеву, Юго-Западный – Руслану Галаеву, Центральный – Магомеду Хамбиеву, Старопромысловский – Беслану Бакуеву. Обороняться решили всерьез. 1 ноября Аслан Масхадов подписал указ о преследовании лиц, сотрудничающих с

федеральной властью. Этим актом он очередной раз продемонстрировал противостояние Грозного Москве на уровне государственной политики, которую пыталась вести Чечня.

На улице Грозного

С 5 по 8 ноября 1999 года подразделения Внутренних войск МВД России провели первый этап специальной операции, в ходе которой было «зачищено» 19 населенных пунктов, ранее занятых федеральными силами. В результате было задержано 218 лиц по подозрению в совершении преступлений. В их числе 106 обвиняются в участии в бандформированиях, 55 имели при себе поддельные документы. В ходе операции было изъято 150 единиц огнестрельного оружия, большое количество боеприпасов, ранее похищенные автомобили и скот.

Активно работала российская авиация. 13 ноября авиагруппировка федеральных сил установила своеобразный рекорд, совершив 180 самолето-вылетов. При этом, по признанию самих авиаторов, возможности ПВО противника постоянно сокращались. Если ранее они применяли ПЗРК типа «Стингер» и «Стрела», способные поражать воздушные цели на высоте до 3500 метров, то в октябре – ноябре основным средством борьбы с российской авиацией стали зенитные установки, ДШК и стрелковое оружие, вероятность поражения которыми составляла всего 0,03 процента. Это обеспечивало безнаказанность действий российской авиации в воздухе.

К концу 1999 года вся территория Чечни, занятая российскими войсками и включающая четыре района: Наурский, Надтеречный, Шелковской и Гудермесский, была названа «зоной безопасности» и подчинена военному коменданту генерал-лейтенанту Ивану Бабичеву. В остальных районах по-прежнему хозяйничали боевики, представляясь местному населению реальной республиканской властью и поборниками истинной веры. Поддержка их народом была слишком велика.

У федерального руководства возникла идея изолировать основные силы чеченцев и их руководство в Грозном не только путем блокады города войсками, огнем артиллерии и ударами авиации, но и в политическом плане. С этой целью была начата проработка вопроса переноса столицы республики из Грозного в Гудермес – второй по величине город Чечни. В качестве одного из аргументов стало то, что Гудермес почти не разрушен, в то время как Грозный находится в руинах. Власть в Гудермесе и Гудермесском районе была передана коменданту района генерал-майору Александру Столярову. Главой местной администрации до выборов временно была назначена бывший директор местной школы Малика Гизилиева.

Только вперед

После этого была продолжена «зачистка» населенных пунктов, оказавшихся в тылу федеральных сил. 17 ноября, почти не встретив сопротивления, подразделения Внутренних войск «зачистили» Серноводск и Ассиновскую на повестке дня были другие населенные пункты. В каждом из них обязательно находили боевиков, их пособников, оружие и боеприпасы.

В это время федеральные войска все плотнее сжимали кольцо окружения вокруг Бамута. Населенный пункт уже был блокирован с севера, запада и юга, и только восточные «артерии» связывали его с внешним миром. Военное командование решило, что штурм города не будет, а «бамутский узел» разрубят огнем измором. Таким же методом было предусмотрено и взятие Грозного, где по данным разведки сосредоточилось около шести тысяч боевиков.

С целью отвлечь силы федеральных войск от Бамута и Грозного боевики в их тылу организовали ряд засад и нападений, результаты которых широко рекламировались. В ночь на 17 ноября группа из 14 десантников во главе со старшим лейтенантом Романом Игошиным, двигавшаяся по маршруту Тондо – Харачой, была полностью уничтожена. Погибло двенадцать человек, двух раненых солдат чеченцы захватили в плен.

Обычный случай для любой войны, но на этот раз он получил большую огласку. Боевики и западные СМИ позаботились о том, чтобы произошедшее в чеченских горах стало достоянием человечества. Уже на следующий день телевидение России показало леденящую душу картину произошедшего боя и пленных солдат. Назывались невероятно большие цифры потери федеральных войск в том бою. Речь шла о попавшем в чеченскую засаду крупном подразделении, хотя одни и те же тела убитых показывались с различных ракурсов.

Федеральное командование, как всегда, опоздало с ответом. Только 30 ноября в «Красной Звезде» появилась короткая заметка о бое двухнедельной давности. В ней говорилось, что десантники погибли, «бесстрашно атаковав превосходящие силы противника».

Впоследствии, продолжая наступление с запада на восток, федеральные войска заняли населенные пункты Самашки и Ачхой-Мартан, расположенные севернее Бамута. Постепенно кольцо вокруг Грозного сжималось. В воздухе то и дело появлялись российские боевые самолеты, которые ежедневно совершали по 70–80 самолето-вылетов.

В это же время велся активный поиск союзников среди чеченских лидеров. При этом было похоже, что федеральное руководство готово сотрудничать даже со вчерашними бандитами и преступниками, лишь бы они одобрили их действия в Чечне. Так, в начале 20-х чисел все российские СМИ сообщили, что бывший мэр Грозного Беслан Гантамиров, находившийся в тюрьме за хищения средств, отпущенных на восстановление чеченской столицы в 1995-м и 1996

годах, выпущен на свободу и от имени российского руководства направлен в Чечню с большими полномочиями. Там он сразу же приступил к созданию собственных вооруженных формирований.

Поощрялся и переход различных чеченских вооруженных формирований на сторону федерального Центра. Так, 26 ноября 1999 года газета «Красная звезда» сообщила, что в Ножай-Юртовском районе бывший министр внутренних дел Чечни А. Абалаев со своим отрядом в 150 человек, дислоцированном в Зандаке, выразил готовность взять район под контроль и не допустить туда боевиков.

В конце ноября 1999 года федеральное командование объявило о завершении второго этапа операции. При этом было сказано, что за три с лишним месяца боевых действий в Дагестане и Чечне армейская авиация совершила около девяти тысяч вылетов, в ходе которых только один самолет был сбит зенитными средствами боевиков, а два других уничтожены на земле.

Игра в «победу» и «поражение»

Федералам нужна была громкая победа, чеченцы не собирались терпеть поражение. Каждый был по-своему прав, каждый вел свою линию, но в Москве в это время готовились к знаменательным событиям.

К концу ноября, в рамках третьего этапа операции, федеральные войска, активизировав боевые действия, вышли на перекресток дорог Грозный – Ведено и Баку – Ростов. Тяжелые бои развернулись на восточных подступах к Аргуну, у сел Аллерой, Новогрозненское, Гордали, Алхан-Юрт, Центорой, Джалка, было заблокировано село Маскер-Юрт. На повестку дня встали захват Аргуна и Урус-Мартана. Но все эти победы еще не обеспечивали желаемого поражения противника. Нужны были и другие меры.

В начале декабря 1999 года Государственная дума России в первом чтении приняла Закон об амнистии «в отношении лиц, участвовавших в противоправных деяниях, связанных с вооруженным конфликтом» в Чечне. И хотя амнистия имела конкретные сроки, желающих воспользоваться ею нашлось очень мало.

Тогда была сделана ставка на поднятие авторитета российских войск. Б. Ельцин подписал указ о присвоении звания «Герой России» командующему объединенной группировкой федеральных сил генералу В. Казанцеву и командующим войсками на направлениях генералам Г. Трошеву и В. Шаманову. (Помнится, что в конце Первой чеченской войны П. Грачев представлял к столь же высокому званию командующего группировкой федеральных войск А. Квашнина, его начальника штаба Л. Шевцова, командующего войсками направления Л. Рохлина, но тогда все эти генералы от звезд Героя отказались, мотивируя это тем, что негоже получать Героев за войну на своей территории.)

Президент также выступил с программным заявлением о дальнейших планах действий в Чечне. Он заявил: «Как президент Российской Федерации ответственно заявляю, что второй этап контртеррористической операции на Северном Кавказе завершен, и завершен успешно. Поставленные задачи выполнены. Мы переходим к третьему этапу».

Формулируя дальнейшие задачи в военной области, Верховный главнокомандующий указал всего два момента. Во-первых, что «военная часть операции будет продолжена соразмерно ситуации и задаче по искоренению терроризма на Северном Кавказе». Во-вторых, он поставил задачи по дислокации после победы на территории Чеченской Республики общевойскового соединения Вооруженных сил на постоянной основе.

Третьей составной частью президентского Заявления стало напоминание об амнистии чеченских боевиков.

Это было первое официальное заявление президента со 2 августа, когда чеченские боевики вторглись в Дагестан. Понадобились четыре месяца войны и ряд побед для того, чтобы Верховный главнокомандующий наконец-то заявил о своей причастности к происходящему.

Организованное сопротивление чеченцев с наступлением зимы заметно ослабло. 5 декабря федеральное командование сообщило о занятии российскими войсками Аргуна, который боевики оставили без боя. В это же время российская сторона выдвинула чеченцам ультиматум о капитуляции Грозного до 11 декабря. В листовках, разбросанных над чеченской столицей, указывалось: «Вы окружены. Дальнейшее сопротивление бессмысленно. Лица, оставшиеся в

городе, будут считаться террористами и уничтожаться».

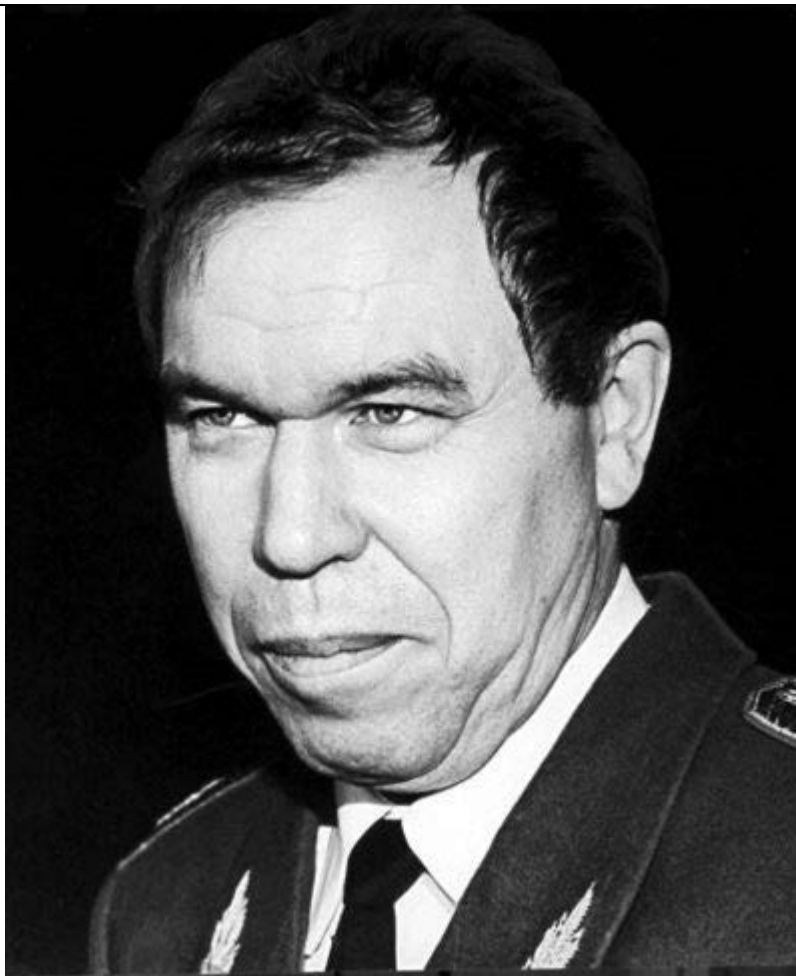

Леонтий Павлович Шевцов, начальник штаба объединенного командования российских войск на Кавказе

Чеченцы не спешили капитулировать. В Грозном приготовились к обороне около четырех тысяч боевиков под командой Хаттаба. А. Масхадов покинул город и перенес свою резиденцию в Шали. За ним последовал Ш. Басаев, переместившийся в Ведено.

Круг блокады Грозного постоянно сужался, постоянно расширялся фронт окружения чеченской столицы. 8 декабря федеральное командование объявило о занятии войсками Урус-Мартана и Аргуна. Бой на улицах Урус-Мартана длился весь день. Окруженные боевики упорно сопротивлялись.

На следующий день федералами было объявлено, что «пали» Шали. Но, как оказалось на проверку, последнее заявление было преждевременным, основанным на заверении кого-то из местных жителей о том, что население само изгнало боевиков из села. В это так хотелось верить... Но сепаратисты не спешили покидать столь выгодный оперативный пункт и продолжали сопротивление. Тогда федеральное командование решилось на смелый шаг – впервые с начала этой войны в восточной части Шалинского района был высажен воздушный десант ночью силой до батальона, который занял перекресток дорог, ведущих в Грозный и Шатой, а также два моста через реку Аргун. Десантники вели бой в течение нескольких часов, но развить успех не смогли. Они ограничились блокадой города с трех сторон, оставив коридор в южном направлении. Боевики, конечно же, воспользовались такой возможностью. Спустя несколько дней Шали были взяты без боя. Было объявлено, что местные жители якобы сами изгнали боевиков, которые беспрепятственно ушли в горы.

Лев Яковлевич Рохлин, командующий группировкой российских войск при штурме Грозного в 1995 г., генерал-лейтенант

К 15 декабря федеральные войска вплотную приблизились к Грозному и даже заняли его восточную окраину. Следующей ночью их передовой отряд попытался прорваться к центру чеченской столицы, но был остановлен огнем противотанковых средств. Началось медленное «вползание» войск в город. Встретив сопротивление, федералы останавливались или даже возвращались на исходные позиции, а в дело вступала авиация и артиллерия. Затем наступление возобновлялось.

Вместе с российскими солдатами в штурме Грозного участвовали и чеченские ополченцы Беслана Гантамирова. Действовал ермоловский принцип – заставить чеченцев воевать друг с другом. Но штурм чеченской столицы оказался делом не простым. Войска периодически накатывались на районы города, и, встретив ожесточенное сопротивление боевиков, отходили, предоставив «слово» артиллерии и авиации. И так день за днем, неделя за неделей прошел месяц...

Конец 1999 года стал знаменательным для России. 31 декабря ушел в отставку президент Б.Н. Ельцин, передав власть В.В. Путину. Началась лихорадочная политическая возня на всех уровнях федеральной власти, волна которой докатилась и до Чечни.

В ежедневных заявлениях федерального руководства слышны были слова о том, что обстановка в освобожденных от боевиков районах постепенно нормализуется. Население «было радо приходу российских войск и изгнанию боевиков». Однако, как оказалось на деле, желаемое выдавалось за действительное.

По поводу Нового года, мусульманского праздника «Рамазан» и Рождества Христова на чеченском фронте российскими властями было объявлено полуофициальное перемирие. Начались политические игры, столь дорого стоившие стране в 1995 и 1996 годах.

Но чеченцы умело использовали затишье боевых действий в своих целях. На Рождество крупные отряды боевиков, численностью в 300 и 500 человек, внезапно атаковали подразделения

федеральных сил в «мирных» городах Гудермесе, Аргуне и Шали, находящиеся в глубоком тылу от официально обозначенной линии соприкосновения сторон.

Трудная дорога к миру

Владимир Борисович Рушайло,
министр внутренних дел Российской Федерации (1999–2001), генерал-полковник

Кроме Грозного, бои продолжались и в предгорных районах Чечни. Лишь в двадцатых числах декабря российским пограничникам удалось кое-как перекрыть границу на чеченском

участке с Грузией в Аргунском ущелье. Грузия до этого времени верно служила боевикам в качестве запасного района для формирования и снабжения боевых отрядов. Но и после проведенной операции о прочном закрытии границы говорить не приходилось: боевики продолжали удерживать район Дуба-Юрт, запиравший вход в Аргунское ущелье. Бои у «Волчьих ворот» в Аргунском ущелье продолжались несколько месяцев. Пройдя от Алхазурово и Чири-Юрта, российская пехота с трудом оседлала высоты. Но боевики закрепились на внутренних скалах ущелья, недоступных для артиллерии и авиации, откуда, собравшись с силами, неоднократно внезапно контратаковали федералов то на одной, то на другой высотах.

В конце января 2000 года на театр военных действий вновь вылетели начальник Генерального штаба Анатолий Квашнин и министр внутренних дел Владимир Рушайло. Последний привез с собой нового главкома войск МВД РФ генерал-полковника Вячеслава Тихомирова, хорошо известного по Первой чеченской войне.

Мы вернемся...

К приезду высоких российских чиновников фронтовое командование подготовило «подарок» – доклад о полном освобождении от боевиков Веденского района. Решая эту задачу, части под командованием генерал-майора Александра Отраковского взяли под свой контроль перевалы Харамы и Андийские ворота, после чего броском на 35–40 километров вышли на высоты, господствующие над населенными пунктами Джаней-Ведено, Дышне-Ведено, Октябрьский и Дарго.

Во время этого визита А. Квашнин, собрав журналистов в Урус-Мартане, сообщил им об успешном развитии операции. По его словам получалось, что Шатройский, Ножай-Юртовский и

Веденский районы находятся под полным контролем российских войск, а Итум-Калийский более чем наполовину. Таким образом, внешняя граница, через которую боевики ранее получали подкрепления, надежно перекрыта, а их очаги сопротивления из пяти горных районов Чечни сохранились только в Шатойском и части Итум-Калинского районов, на участке между Ведено и Саржень-Юртом в Аргунском ущелье.

С этого времени Аргунское ущелье, особенно южная его часть, называемая «Волчьи ворота», становится основным центром сопротивления боевиков. Ожесточенные бои там начались еще за несколько дней до начала 2000 года. По утверждениям федералов «Волчьи ворота» оборонял отряд эмира Ризвана Читигова численностью более полутысячи человек. Оборона была настолько жесткой, что за первый месяц боев наступавшие войска смогли продвинуться только к южной окраине населенного пункта Лаха-Варанды. Но в их тылу по-прежнему неприступной крепостью стоял Дуба-Юрт, откуда наступавшие постоянно обстреливались противником.

Падение чеченской столицы

Наконец-то федеральные власти решили взять под полный контроль информацию, поступающую из чеченской войны. Право на официальную информацию о происходящих там событиях предоставлено всего двум лицам – помощнику Президента РФ по координации информационно-аналитической работы органов исполнительной власти, принимающих участие в проведении контртеррористической операции Сергею Ястржембскому и первому заместителю начальника Генерального штаба генерал-полковнику Валерию Манилову.

В. Манилов свои сообщения строил по давно отработанному сценарию – хвалил российские войска, ругал чеченцев и пугал население республики. В частности, уже в своем первом, теперь уже официальном, заявлении он назвал цифру потерь среди боевиков за время военных действий – только убитыми свыше 10 тысяч человек. Потери же среди мирного чеченского населения и российских войск не назывались.

Временное укрепление на окраине чеченского города

Говоря о планах овладения Грозным, генерал только заверил журналистов, что ни один боевик бесконтрольно не покинет город. С этой целью наступающая сторона якобы создает два действующих фронта: первый – внешний, по периметру города; второй – штурмовой, действующий непосредственно в городских кварталах.

Это заявление, а также сложность положения заставили боевиков предпринять попытку организованного безнаказанного выхода из осажденного города. Схема этого мероприятия была проста и хорошо отработана ранее. Чеченское командование рассчитывало купить у федералов коридор выхода, как это не раз было раньше. Но на этот раз данный прием не сработал.

Федеральным командованием было проявлено военное искусство, сочетавшее грамотные тактические действия войск с военной хитростью. По заявлению военных, им удалось обмануть боевиков и заманить в ранее подготовленную ловушку. Начав выдвижение из Грозного в юго-западном направлении, боевики вначале попали на минные поля, а затем в огневую засаду. Оставив сотни убитых и раненых, чеченцы все же достигли Катар-Юрта и Шаами-Юрта и закрепились в этих селениях. Во время этого выхода погибли сотни боевиков, несколько полевых командиров, а Ш. Басаев потерял ступню ноги.

После ухода большей части боевиков из города, в начале февраля 2000 года бои за Грозный вступили в решающую стадию, 6 февраля, официально было объявлено, что над чеченской столицей развевается российский флаг.

Грозный взят

Со взятием Грозного «равнинная» часть Второй чеченской войны была завершена. Она длилась почти полгода и унесла жизни только по официальным данным почти 1300 российских военнослужащих, но на самом деле их было значительно больше. Потери боевиков и мирных жителей никто не подсчитывал.

После падения Грозного основной фронт войны переместился в горные районы Чечни, где наступающим российским войскам противостояла не только трудная местность, но и хорошо подготовленная оборона противника. Стремительного наступления в горы несмотря на применение авиации и артиллерии не получалось. А между тем приближалась весна, обещавшая укрыть обороняющихся густой зеленью и создать условия, благоприятные для ведения чеченцами партизанской войны.

Молитва богу войны – артиллерии

В середине февраля 2000 года произошли изменения в командном составе Объединенной группировки федеральных сил в Чечне. Ее возглавил генерал-лейтенант Г. Трошев.

Геннадий Трошев родился в 1947 году в Грозном, после окончания средней школы поступил в Московский архитектурный институт, но после смерти отца перевелся в Казанское танковое училище, которое закончил в 1969 году. Затем окончил Военную академию бронетанковых войск и Академию Генерального штаба. В Приднестровье был командиром полка и главным советником при российском МИДе во время вооруженного конфликта самопровозглашенной республики с Молдовой. Затем в Западной группе войск командовал дивизией. В 1994 году Г. Трошев стал командиром 42-го армейского корпуса, штаб которого находился во Владикавказе. С частями этого корпуса он входил в Чечню в декабре 1994 года, в 1995 году в течение полугода командовал объединенной группировкой федеральных войск в Чечне. Тогда ему удалось загнать боевиков в горы. После этого он командовал 58-й армией, созданной во время Первой чеченской войны со штабом во Владикавказе. В 1998 году стал первым заместителем командующего Северо-Кавказским военным округом. В октябре 1999 года возглавил Восточную группировку федеральных войск, а в январе стал первым заместителем командующего Объединенной группировкой федеральных сил в Чечне, с 23 февраля 2000 года – генерал-полковник.

С середины февраля начались интенсивные бои за Шатойский район и город Шатой. Этот районный центр, расположенный в предгорьях Скалистого хребта Южной Чечни, был труднодоступным для наступающих войск и удобным для обороны. 22 февраля федеральные войска овладели господствующими высотами вокруг Шатоя. В последний день месяца Шатой пал, но, как и во всех предыдущих случаях, большинству боевиков и всем их командирам удалось своевременно покинуть этот «полностью блокированный» населенный пункт.

Стремление закончить войну победоносно и до президентских выборов заставило российское руководство предпринимать ряд неординарных шагов. Так, в частности, весной 2000 года были произведены досрочные выпуски в ряде военно-учебных заведений. Объяснялось это «дефицитом взводных и ротных командиров, а также событиями на Северном Кавказе». На Кавказ были направлены тысячи молодых офицеров.

На боевое задание

В это же время президент Чечни Аслан Масхадов как преступник был объявлен в федеральный розыск. Ему были предъявлены обвинения в вооруженном мятеже против законной власти, организации незаконных вооруженных формирований, в посягательстве на жизнь сотрудников правоохранительных органов. Неофициально за ним начиналась серьезная охота.

Нежелание федеральных властей говорить о партизанской войне на территории Чечни вовсе не означало ее отсутствия. В начале марта 2000 года в Грозном была расстреляна колонна ОМОНа подмосковного Сергиева Посада. Два десятка убитых, еще три десятка раненых. И тут же вопросы: откуда боевики узнали о движении автомобильной колонны без войскового прикрытия? Почему этого прикрытия не было? А главное – каким образом на территории, «полностью контролируемой» российскими войсками, могла быть подготовлена крупная засада с привлечением значительных сил и средств противника? И последнее – почему и на этот раз бандитам также удалось уйти безнаказанно? Вопросы, вопросы...

В это время все чаще звучали заявления федеральных властей о том, что боевики сражаются из последних сил, а их общая численность постепенно снижается до полутора-двух тысяч человек, которые к тому же действуют разрозненными небольшими отрядами и без единого командования. На поверку все оказывается совсем не так.

В ночь с 29 февраля на 1 марта 2000 года 6-я рота 104-го гвардейского воздушно-десантного полка 76-й воздушно десантной дивизии (Псковской) внезапно попала под удар крупного формирования боевиков в районе Улус-Керта, расположенного в долине реки Абазулгол, притока Аргуна. По утверждениям российских военных, роту блокировал и атаковал отряд численностью в 2500 человек. Бой продолжался двое с половиной суток, за это время из 90 человек десантники потеряли убитыми 84 человека. И это буквально «на глазах» у полка, который так и не смог прийти на помощь своим товарищам.

У могилы боевого товарища

У братских могил нет заплаканных вдов...

Жалко звучали официальные оправдания. «Неправда, что их бросили, – писала «Красная звезда» 11 марта 2000 года. – Первая рота полка пыталась прорваться к окруженным. Но при переправе через реку Абазулгол она попала в засаду. Прижатая к земле шквальным пулеметным и минометным огнем, она была вынуждена закрепиться на берегу. Не один раз десантники пытались прорвать блокаду, но интенсивность огня противника не уменьшалась. Лишь утром 2 марта рота смогла прорваться в район боя. 3 марта оттуда эвакуировали тела 84 героически погибших десантников, в том числе 13 офицеров».

Многие тогда задавали себе вопрос о том, как противник смог перед победоносно наступающим фронтом федералов собрать отряд численностью в 2500 человек и организовать засаду на пути движения десантной роты. Более того, после начала этого боя он в течение двух с половиной суток (три световых дня и две ночи) держал в блокаде и методически расстреливал российских солдат и офицеров, которые оказались отрезанными от главных сил, а направленная на помощь десанникам рота также попала в засаду. В результате – 6-я рота погибла в неравном бою.

Но на этот и другие вопросы люди не получали ответа. И как ответ – слова армейского поэта В. Верстакова:

«Крылатая пехота
Не вышла из огня...
Прости, 6-я рота,
Россию и меня».

Комсомольское

Видным событием Второй чеченской войны в марте 2000 года стали бои за село Комсомольское, продолжавшиеся более двух недель. Они в очередной раз показали высокую профессиональную подготовку боевиков и недостаточную подготовку федеральных войск и их командования.

Незадолго до рассвета 5 марта крупный отряд боевиков Руслана Гелаева, уничтожив хлипкое войсковое прикрытие, вошел в незадолго до того освобожденное и «зачищенное» село Комсомольское. Только после этого выяснилось, что это село представляло собой хорошо подготовленный в инженерном отношении оборонительный район, в котором так нуждались чеченцы для продолжения войны. Но по какой-то причине федералы своевременно не учли этого и не уничтожили или хотя бы не заминировали долговременные огневые сооружения, не заминировали подступы к селу со стороны гор.

При прорыве в село чеченцами были атакованы и уничтожены два мотострелковых взвода, занимавшие господствовавшие высоты. Такая же участь постигла две усиленные танками разведгруппы, направленные на помощь мотострелкам. Чеченские снайперы, засевшие на высотах, быстро установили контроль над местностью и поражали все, что казалось им враждебным. Чеченское село с нелепым названием «Комсомольское» превратилось в сильный опорный пункт.

Российское командование отреагировало на захват боевиками Комсомольского с обычной медлительностью. В течение дня к селу стягивались войска, с воздуха по нему наносились беспорядочные удары авиации. Но в результате всего этого село только начинало гореть, и с него потянулись потоки беженцев.

Только к 9 марта армейские формирования смогли занять высоту на пути из Комсомольского в горы, а отряды внутренних войск завязали бои на окраинах села. Сразу же было объявлено на всю страну, что боевики надежно блокированы в Комсомольском.

Но в качестве «надежной блокады» можно было усомниться. Уже на следующий день стало известно, что Руслан Гелаев ушел из Комсомольского. Подробности его «ухода» до сих пор остаются неизвестными. Но по утверждению свидетеля этих событий корреспондента «Красной звезды» К. Ращепкина, сведения об уходе Гелаева в войска поступили весьма странным образом. Приехавший командир полка сообщил подчиненным: «Утром по ЗАСу звонила жена: по телевизору сказали, что Гелаев ушел».

Настороженность чеченской стороны

С 11 марта началось более организованное наступление федеральных войск на чеченцев, засевших в Комсомольском. 20 марта бои за Комсомольское официально объявлены завершёнными. Войска снимают блокаду села, где все еще звучат одиночные выстрелы. Комсомольское в развалинах: не уцелело ни одного дома, начинается его «зачистка». Как итог тяжелых боев было сказано о сотнях убитых боевиков, нескольких плененных и трех плененных, среди которых два китайца и один индус...

Отсутствие ко дню президентских выборов существенных военных побед в Чечне вынудило Кремль искать другие победы. 21 марта в Москве силами МВД России была проведена операция по ликвидации «крупнейшего организованного преступного сообщества, финансировавшего чеченские бандформирования». Газета «Сегодня» от 23 марта 2000 года сообщала, что по заявлению официальных лиц, этой деятельностью занимались несколько десятков коммерческих организаций, которые «деньги, полученные от вымогательств, мошеннических операций и другой преступной деятельности в регионах» аккумулировали на счетах трех банков «Трасткредитбанк», «ИРС» и «Хлеб России». Оттуда часть денег поступала на зарубежные счета чеченских полевых командиров, а остальные в виде наличности непосредственно в мятежную республику. Таким путем, по подсчетам, всего за два месяца удалось «отмыть» около 20 миллионов долларов. Начались аресты, обыски и расследования.

В конце марта 2000 года в России состоялись президентские выборы, уже в первом туре которых победил В.В. Путин. Но чеченцы реагировали на выборы нового российского президента по-своему. 29 марта в Веденском районе в засаде была расстреляна колонна Пермского ОМОНа. 34 человека были убиты, несколько пропали без вести. И, как всегда, враг ушел безнаказанно, помощь подошла с большим опозданием, виновных нет...

Менее чем через месяц, 23 апреля 2000 года, боевики среди белого дня в очередной раз успешно провели засаду на пути движения тыловой колонны федеральных войск юго-восточнее Шали в трех километрах южнее села Сержень-Юрт. В нее попали военнослужащие из состава 51-го парашютно-десантного полка Тульской дивизии ВДВ. Пропустив бронемашину прикрытия, сепаратисты расстреляли грузовики. В результате чего были уничтожены бензовоз и пять грузовиков с боеприпасами, погибло 15 человек, шесть получили ранения. О потерях среди боевиков в официальной российской прессе было сказано: «Отступавшие в сторону селения

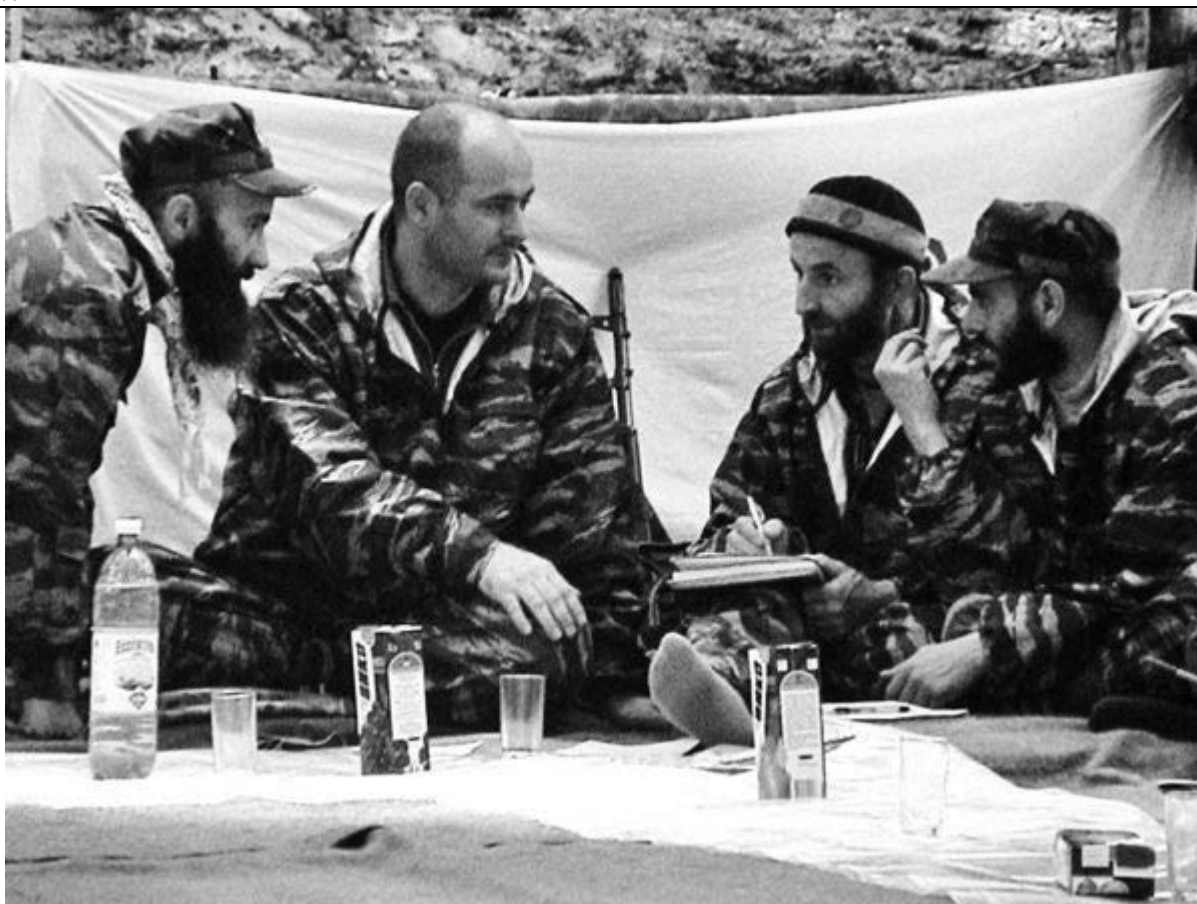
Марзой-Мохк экстремисты оставили в ущелье 20 убитых. Еще 14 бандитов попали в плен». Далее федеральное командование заверило доверчивых граждан, что «выдвижение колонны было организовано с выполнением всех необходимых требований: разведкой маршрута и прикрытием наземными и воздушными средствами».

Прошло еще три дня и почти на том же месте в засаду попал поисковый отряд внутренних войск МВД РФ, направлявшийся на разведку противника в район входа в Веденское ущелье. Около полудня, когда боевые машины федералов миновали Сержень-Юрт и оказались тремя километрами южнее села, они «наткнулись» на отряд боевиков, численностью до 60 человек. Русские приняли бой и вызвали подкрепление, но еще до его подхода были атакованы второй группой чеченцев с тыла. В итоге – десять убитых военнослужащих (по официальным данным), и на месте боя найдено 25 тел боевиков.

В конце апреля 2000 года были обнародованы цифры потерь федеральных войск во Второй чеченской войне. Если им верить, они составили 2181 человек убитыми и 6388 ранеными. Безусловно, они были значительно большими.

После боя

Совещание полевых командиров

Огонь на поражение

Прочесывание местности

Вступление Второй чеченской войны в завершающую фазу также проявилось и в поисках федеральной властью той силы или личности, которая смогла бы возглавить послевоенную республику. Как и следовало ожидать, первым претендентом на поддержку Кремля стал Беслан Гантамиров. Этому предшествовала демонстрация обиды командира чеченской милиции на федеральные власти за недостаточное внимание к заслугам его подчиненных. В ответ – личное благодарственное послание и именные командирские часы Гантамирову от Владимира Путина, а также погоны подполковника, которые лично привез строптивому чеченцу в Гудермес начальник Генерального штаба Анатолий Квашнин.

По заявлениям федеральных властей дискредитировавший себя Аслан Масхадов в расчет не шел. Ему предстояло ответить за все, происходившее в Чечне после 1996 года. Второй чеченский президент был объявлен в федеральный розыск. При всем этом он еще долгое время продолжал оставаться на территории республики и считаться ее президентом, периодически выступая с антисоветскими заявлениями. Он вел себя нагло и уверенно, тем более что еще 2 мая 2000 года его супруга Кусам, их дочь Фатима в сопровождении небольшой свиты через КПП таможенно-пограничного пункта 44-го погранотряда «Верхний Ларс» на двух черных «Волгах» по российским заграничным паспортам беспрепятственно покинули пределы России и выехали в Грузию, а оттуда в Турцию.

Боевики продолжали активно действовать. 11 мая попала в засаду российская колонна, состоявшая из двух грузовиков и одной БМД сопровождения в районе села Галашки в Сунженском районе Ингушетии. В результате – 18 человек были убиты, 3 ранены и 1 пропал без вести.

Позже в результате расследования было выявлено, что боевики хорошо знали маршрут движения колонны и эту засаду готовили заранее, так как в районе ее организации были вырыты окопы. Нападение состоялось в дневное время. Машины были подбиты из гранатометов, а затем расстреляны стрелковым оружием. Сделав свое дело, нападавшие, как обычно, безнаказанно ушли.

Федеральные власти сбились с ног в поисках виновных. Не найдя их среди чеченцев, они

обвинили президента Ингушетии Руслана Аушева в плохом контроле за территорией республики. Р. Аушев, в свою очередь, заявил, что заранее предупреждал российское командование о просачивании в Ингушетию группы боевиков с целью нападения на воинские колонны, но не нашел понимания.

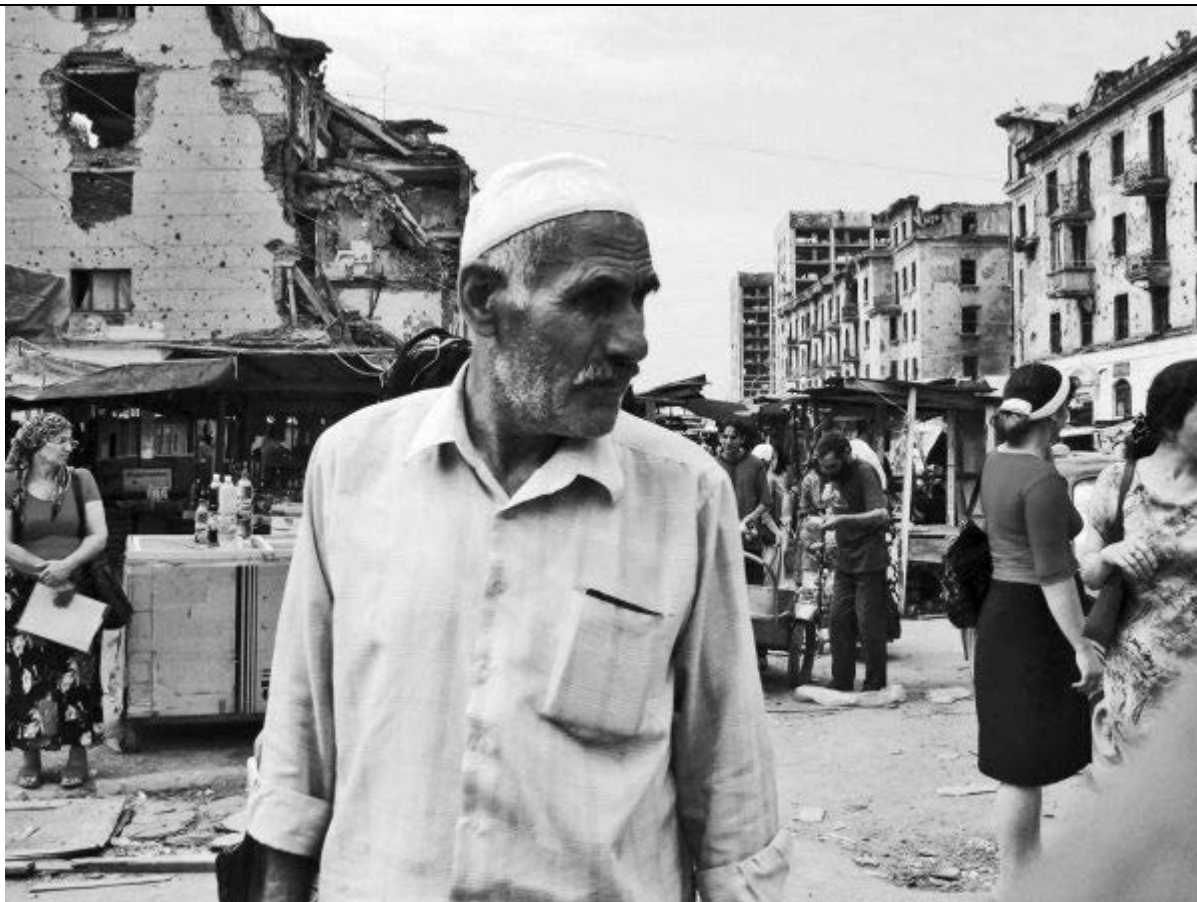
В начале нового тысячелетия

Шло время. На военном фронте в Чечне существенных перемен не произошло, зато значительными были перемены на фронте политическом. Произошла смена командования группировкой федеральных войск на Северном Кавказе. Бывший командующий генерал армии В. Казанцев стал полномочным представителем Президента России в Северо-Кавказском федеральном округе, а войсковой командование принял генерал-полковник Г. Трошев. Главой администрации Чеченской Республики по воле Кремля в середине июня 2000 года стал бывший муфтий Чечни Ахмад-хаджи Кадыров.

Ахмат Кадыров, Президент Чеченской Республики

В то время Ахмад-хаджи Кадыров в Чечне был личностью известной. Он окончил Бухарское медресе и Исламский институт в Ташкенте. Долгое время был одним из ближних сподвижников Д. Дудаева и А. Масхадова, тем, кто объявил джихад в войне с Россией. Но затем, рассорившись с Масхадовым, муфтий начал свою политическую игру, установил связь с Москвой и получил неограниченную власть в Чечне.

Жизнь продолжается...

Назначение было нелегким: дважды эта процедура откладывалась. Муфтий встретил в Чечне ожесточенное сопротивление, которое оказалось неожиданным не только для Кремля, но и для военного командования, казавшегося хорошо знавшим ситуацию в зоне конфликта. Поначалу против кандидатуры А. Кадырова выступили главы районных администраций: 12 из 18 глав подписали обращение к В.В. Путину с просьбой пересмотреть решение о назначении Кадырова. Большинство из них были назначены на эти должности в 1995–1996 годах при Д. Завгаеве и справедливо опасались, что с приходом к власти Кадырова начнется решительная перестановка сил во всей Чечне. Но силы были слишком неравными.

После прихода к власти А. Кадырова и расстановки на местах его людей начался процесс возвращения Чечни к мирной жизни. К тому времени на территории республики проживало 320 тысяч человек, из которых 20 тысяч были русскими. Промышленность и сельское хозяйство практически были полностью разрушены, притом что в 1991 году на территории Чечни насчитывалось 120 промышленных предприятий, производивших 6 % автомобильного бензина и дизельного топлива, 92 % авиационных масел и около 80 % парафина от объемов, выпускавшихся во всем СССР. Восстановить эту промышленность в новых условиях было крайне трудно, практически невозможно.

В республику были направлены очередные большие денежные вливания, специалисты, техника. Началась восстановительная работа на бакинских промыслах и нефтепроводах, заработали рынки, магазины, больницы, школы... В то же время в конце июня 2000 года было заявлено об окончании войсковой фазы «антитеррористической операции», в ходе которой погибло, по официальным данным, 2127 российских военнослужащих и более 6 тысяч были ранены. Но теперь все это было в прошлом, начиналась новая жизнь.

Но мир продолжался недолго. Средства массовой информации постоянно докладывали о новых террористических актах на территории мятежной республики и в ее окрестностях. В результате террористического акта погиб глава администрации Чеченской Республики А. Кадыров. После этого началась настоящая охота за лидерами чеченских боевиков, жертвами которой пали А. Масхадов, Ш. Басаев и многие другие. Президентом Чеченской Республики стал

сын погибшего муфтия и главы администрации Чеченской Республики Рамзан Кадыров.

Осталась только вода

«Неприступный» форт начала XXI века

В последующем все происходившее на территории Чечни и в ее окрестностях называлось не иначе, как «антитеррористической операцией», которая продолжается и поныне.

Вооруженный конфликт в августе 2008 года

В начале мая 2008 года посты Президента Российской Федерации и Верховного главнокомандующего Вооруженными силами России занял Дмитрий Анатольевич Медведев. К

тому времени в течение полугода он часто появлялся на телевизионных экранах, а на рубеже 2007/2008 года была широко проведена его предвыборная кампания. Уже по организации этой кампании, по тому, какие силы за ней стояли, почти никто в России не сомневался в победе Дмитрия Анатольевича на предстоящих выборах, хотя очень мало кто знал что-то конкретное об этом человеке.

Первым серьезным испытанием для Д.А. Медведева на посту Президента Российской Федерации и Верховного главнокомандующего ее Вооруженными силами стал военный конфликт, произошедший в Северной Осетии и Абхазии в августе 2008 года.

Корни этого конфликта были достаточно глубокими. В их основе лежал закоренелый сепаратизм и давние распри между грузинами, абхазами и южными осетинами. Но советская власть через свои многочисленные институты могла своевременно регулировать обстановку за Большим Кавказским хребтом.

После распада СССР образовавшееся самостоятельное государство Грузия сразу же заявило о своих интересах к территориям Абхазии и Северной Осетии, народы которых не стремились подчиняться правительству, находившемуся в Тбилиси. 14 августа 1992 года войска Госсвета Грузии впервые вступают на территорию Абхазии, где начинаются настоящие бои. Однако абхазы оказывают ожесточенное сопротивление и вынуждают грузин к отступлению. 16 сентября 1993 года начинается решающая наступательная операция абхазской армии. В этот день абхазские формирования переходят в наступление на Очамчирском фронте, а на следующий день – на Гумистинском фронте, где была форсирована река Гумиста. 20 сентября абхазское командование предлагает грузинским войскам прекратить сопротивление и по безопасному коридору выйти из блокированного Сухума. Но на это предложение ответа не последовало, и 21 сентября начинаются ожесточенные бои на улицах этого города. 27 сентября столица Республики Абхазия была освобождена и государственный флаг Республики Абхазия водружен на фронтоне здания Верховного Совета

С мая по июнь 1994 года благодаря проводимой СНГ и одобренной ООН операции по поддержанию мира (в ней участвуют войска в основном России, и военные наблюдатели ООН) был прекращен огонь на границе между Абхазией и Грузией, и начался возврат беженцев в пограничный с Грузией Гальский район Абхазии. В Москве было подписано соглашение о линии разграничения между грузинской и абхазской сторонами по реке Ингури. Согласно этому документу зона безопасности должна была составить зону по 12 километров по оба берега реки, куда конфликтующие стороны не должны были вводить свои вооруженные формирования, за исключением местной полиции.

С осени 1999 года стала меняться к лучшему в отношении Абхазии и политика России. Российское руководство устанавливает для непризнанной республики безвизовый режим, проводит политику предоставления российского гражданства и т. д. Между тем Грузия неоднократно нарушала договоренности о прекращении огня, и в послевоенное время дважды (в мае 1998 года и октябре 2001 года) вторгалась в пределы Абхазии, безуспешно пытаясь взять реванш за свое поражение в 1993 году.

Второй «болевым» точкой в Закавказье была Южная Осетия, у которой также были основательные разногласия с правительством Грузии на статус этой территории. 9 сентября 1990 Совет народных депутатов Юго-Осетинской автономной области провозгласил Республику Южная Осетия. Это привело в 1991 году к возникновению вооруженного конфликта в котором нападающей стороной была Грузия. Боевые действия в Южной Осетии были прекращены только после подписания Дагомьских соглашений между Россией и Грузией. Дагомьские соглашения предусматривали прекращение огня и создание органа для урегулирования конфликта – Смешанной контрольной комиссии (СКК), в которую вошли грузинская и юго-осетинская (в грузинских источниках называемая «Цхинвальской») стороны Россия и в качестве отдельной стороны Северная Осетия. Всего за период с декабря 1990 г. по июль 1992 г. в результате конфликта в Южной Осетии погибло от 2 до 4 тысяч человек. 14 июля 1992 г. в зону конфликта были введены миротворческие силы в составе трех батальонов (российского, грузинского и осетинского).

Но Грузия не отказалась от своих планов в отношении Абхазии и Южной Осетии. 2003 год. В Грузии на смену старому Э. Шеварднадзе, стоявшему во главе Грузии с 1995 года, приходит

молодой Михаил Николаевич Саакашвили. Он неоднократно заявляет, что считает территорию Абхазии составной частью территории Грузии и не признает ее независимость.

В то же время участились выпады президента Грузии против России. Страна круто меняет политические ориентиры, отворачивается от России и смотрит в сторону США и НАТО. Те дают Грузии деньги, оружие, боевую технику, воинское снаряжение, инструкторов и готовят элитные части грузинской армии по своему образцу. От желающих служить по контракту в Грузии отбоя нет: на 2008 год зарплата рядового контрактника равняется примерно 500 долларам США, а офицера – порядка 1000 долларов США.

И тут же начинаются откровенные выпады грузинского руководства против России. Американские покровители великодушно дают «добро», и вот у южных границ Российской Федерации появляется откровенный недруг: в спешном порядке ликвидируются на территории Грузии российские военные базы, а на смену им в страну приглашаются инструкторы НАТО и закупается натовское оружие; Грузия становится базой для непримиримых чеченских сепаратистов, которые с ее территории совершают набеги на территорию России; президент Грузии в открытую говорит о своей враждебности по отношению к России.

Когда-то в этом доме жили люди

На американские деньги крепнет грузинская армия. За прошедшие пять лет американские инструкторы вышколили примерно 7500 грузинских военнослужащих. Еще 750 человек обучили турецкие инструкторы. 200 военных специалистов из Израиля занимались подготовкой пехоты по программе ЦАХАЛ, в основе которой штурм городов, ведение уличных боев, контрпартизанская война. Были отдельные программы по подготовке танкистов, артиллеристов, саперов... В результате усилиями иностранных инструкторов они сумели создать из грузин пять бригад профессиональной армии, подготовленной для войны в условиях Кавказа. Практически все они, а это около 10 тысяч человек, прошли Ирак.

В ответ на действия Грузии Россия поддержала руководство Абхазии и Южной Осетии. Эти непризнанные территории получили от России большие экономические и политические гарантии, на их территорию был введен контингент российских миротворцев, значительной части граждан

были выданы российские паспорта. В результате этого за Большим Кавказским хребтом появилось две неподчиненных Грузии территории, ставшие своеобразным буфером между этим государством и Россией. В этой связи вполне понятны недовольство официального Тбилиси и политика непризнанных правительств Абхазии и Северной Осетии. Все они стали заложниками политики, которую проводят США и Россия.

Начинается новый тур сложной политической игры. НАТО устанавливает дружеские отношения с М. Саакашвили и последовательно вытесняет Россию из Грузии. Россия вынуждена ликвидировать свои военные базы на территории этой страны, а в Грузию приглашаются военные инструкторы НАТО и начинается перевооружение грузинской армии американским оружием. Численность грузинской армии доводится до 29 тысяч человек плюс от 60 до 100 тысяч резерва. На вооружении армии более 200 танков (Т-55 – 40 штук, Т-72–165 штук), 80 БМП-1, т БМП-2, 11 разведывательных машин БРМ-1, до 150 единиц артиллерийских орудий, 40 реактивных установок залпового огня, 180 минометов, 25 штурмовиков СУ-25, 15 учебно-тренировочных самолетов, 28 вертолетов, дивизион ЗРК средней дальности «Бук» и 48 ракет к нему. Антироссийская политика грузинского руководства вписывается в рамки специального проекта США по отношению к обеспечению интересов этого государства в Восточной Европе.

В ответ на это российское руководство поддерживают правительства непризнанных территорий Абхазии и Южной Осетии, значительная часть граждан которых получают российское гражданство. Российские миротворцы выходят на южные границы Абхазии и Северной Осетии и организуют там зону безопасности, которую контролируют вместе с грузинскими миротворцами. В Южной Осетии под ружьем содержалось 2,5–3 тысячи человек, кроме того, еще 15–16 тысяч человек составляли мобилизационный резерв. На вооружении этих сил находилось 87 танков Т-55 и Т-72, 80 БМП, 90 БТР, 6 БРМ, 24 122-мм самоходные гаубицы «Гвоздика» и 152 самоходные гаубицы «Акация», 12 гаубиц Д-30, 6 реактивных установок залпового огня «Град», 4 противотанковые пушки, 30 минометов и 4 вертолета Ми-8. В Абхазии армия насчитывала около 5 тысяч человек, а резерв – от 10 до 28 тысяч человек. На вооружении этих сил находилось 50 танков Т-55 и Т-72, 80 БМП и БТР, 80 артиллерийских установок и минометов, 2 истребителя Су-27, 2 штурмовика Су-25. 2 учебно-боевых самолета, 10 вертолетов.

Сама Грузия начинает усиленную подготовку к проведению войсковой операции против Южной Осетии и Абхазии. Стремительно усиливается грузинская армия, военные расходы Грузии за последние годы увеличиваются в 30 раз. Даже Украина продала Грузии оружия на 770 миллионов гривен, из которых в бюджет этого государства поступило только 10 миллионов, а остальные бесследно исчезли в карманах украинских политиков.

Для ведения военных действий на территориях Южной Осетии и Абхазии Грузия с апреля 2008 года проводит скрытную частичную мобилизацию. Три пехотные бригады и отдельный бронетанковый батальон доводятся до штатов и численности военного времени. С мая по июнь с этими частями проводятся мероприятия боевого слаживания, венцом которых становятся совместные учения США и Грузии в июле 2008 года. Создается специальная группировка вооруженных сил Грузии на границе с Южной Осетией в составе трех мотопехотных, одной отдельной бронетанковой, одной артиллерийской бригад и одной бригады специального назначения. Кроме того, туда же подтягиваются подразделения специального назначения МВД Грузии. Всего в указанном районе было сосредоточено около 7 тысяч человек, около 180 танков, до 200 орудий и минометов, примерно столько же реактивных систем залпового огня. Для поддержки данной группировки с воздуха выделяются две авиационные эскадрильи.

Правда, сразу нужно отметить, что пехотные бригады Грузии на 70 % были укомплектованы резервистами, прошедшими трехмесячную подготовку под руководством американских инструкторов. Они получили определенные навыки ведения боя, но политико-моральное состояние этих людей было очень низким. Остальные 30 % личного состава были контрактниками, имевшими боевой опыт, полученный в ходе боевых действий в Абхазии и Ираке.

Пехотные батальоны (около 620 человек личного состава) состояли из трех пехотных рот на автомобилях и одной танковой роты (10танков). Танковые роты вооружались модернизированными танками Т-72 и Т-80 украинского производства, которые были оборудованы израильской системой управления огнем и американскими тепловизорами, что обеспечивало их преимущество перед однотипными танками российского производства. Экипажи танков и расчеты

зенитно-ракетных комплексов в основном комплектовались украинскими специалистами. В среднем в каждом батальоне было до 20 украинцев на должностях рядовых.

По замыслу грузинской стороны (в планировании операции также принимали активное участие военные специалисты США) планировалось в ночь с 7 на 8 августа 2008 нанести огневое поражение двум российским миротворческим батальонам в Цхинвали. Затем, действуя батальонными тактическими группами, захватить все господствующие высоты западнее и восточнее города и тем самым блокировать город. После этого к исходу дня завершить уничтожение всех оставшихся в городе очагов сопротивления. В последующем развивать наступление в северном направлении и разрушить южный портал Рокского тоннеля.

Решающий момент наступает в ночь на 8 августа 2008 года, в день открытия очередных Олимпийских игр в Пекине, грузинская регулярная армия начинает войсковую операцию против Южной Осетии, получившей символическое кодовое название «Чистое поле». В начальной стадии этой операции ударам подвергаются российские миротворцы со стороны своих коллег – грузинских «миротворцев».

Российские миротворцы заблаговременно занимают огневые позиции вблизи мест постоянной дислокации. Грузины атакуют тремя колоннами. Центральная колонна наталкивается на российских миротворцев и останавливается их огнем. Завязывается неравный бой, среди русских появились убитые и раненые. Одновременно город Цхинвали подвергся ударам грузинской авиации, артиллерии и реактивных систем залпового огня «Град». Смертоносный груз обрушился на головы мирно спавшего гражданского населения. Две другие колонны грузинских войск на флангах наступают более успешно и вслед за огневыми ударами авиации и артиллерии врываются на улицы города, все уничтожая на своем пути.

В 10 часов утра в этот день президент Южной Осетии Эдуард Кокойты информирует руководство России об агрессии грузин, а Совет безопасности этой непризнанной республики обращается к России за помощью. В бой с грузинскими войсками вступили малочисленные отряды воинских формирований Южной Осетии, ополчение и добровольцы с числа местного населения.

В 16 часов Министерство обороны России сообщает, что в Южную Осетию направляются подкрепления для помощи российским миротворцам. Утром 9 августа колонны российской бронетехники войск Северо-Кавказского военного округа вошли в Цхинвал. При этом нужно помнить, что Россия в войсках Северо-Кавказского военного округа имели 58-ю общевойсковую армию, 20-ю мотострелковую дивизию и 7-ю воздушно-десантную дивизию. Численность войск округа – свыше 100 тысяч человек. На их вооружении находилось 620 танков, 200 БМП, 875 систем артиллерии. Для поддержки этих сил содержится 6 °СУ-24, 100 истребителей МиГ-29, 60 истребителей Су-25Ю, 75 ударных вертолетов Ми-24. В этот же день в 16.30 полпред РФ при НАТО Дмитрий Рогозин вручает ноту во все представительства стран – членов НАТО в Брюсселе.

Россия устами Президента Д.А. Медведева решительно осуждает агрессию Грузии против Южной Осетии и российских миротворцев. Во второй половине 8 августа на помощь своим миротворцам и южным осетинам правительство России направляет войска Северо-Кавказского военного округа. Север Грузии превращается в зону военных действий, у южных границ России вновь вспыхивает вооруженный конфликт, который официальные российские источники называют «операция по принуждению грузинских властей к миру». С обеих сторон гибнут люди. Десятки тысяч беженцев из Южной Осетии вывозятся на территорию Северной Осетии, Цхинвали объявляется зоной гуманитарной катастрофы.

Между тем российские войска и вооруженные отряды Южной Осетии к исходу 11 августа выбивают грузинские воинские формирования с Цхинвали, ряда южноосетинских сел, наносят им поражение в районе города Гори и овладевают этим городом. Грузины в панике бегут, оставляя десятки единиц исправной тяжелой техники, вооружения, склады с боеприпасами и военным имуществом. К утру 15 августа российские воинские формирования вышли на рубеж реки Кура от города Каспи до города Хашури, определенного по Дагомысскому соглашению 1992 года, как зона безопасности. Были заняты все господствующие высоты и перекрыты все дорожные направления. В важных населенных пунктах и городах были выставлены сторожевые заставы.

Таким образом, в первой половине августа 2008 года на Кавказе вспыхнул новый вооруженный конфликт на территории Южной Осетии, Абхазии и Грузии, который по своим

масштабам к счастью не перерос в войну, но, привел к столкновению России с Грузией, за спиной которой стояло НАТО. По большому счету это была схватка США посредством Грузии с Россией и России посредством Южной Осетии и Абхазии с США. Она стала главным событием завершения первых ста дней пребывания Д. Медведева на посту Президента России и Верховного главнокомандующего Вооруженными силами Российской Федерации.

Вооруженный конфликт стал продолжением агрессивной политики тбилисского руководства М. Саакашвили против Южной Осетии и Абхазии, которые заявили о своем нежелании находиться в составе Грузии, которая проводится уже более 15 лет. С одной стороны, понятно стремление грузинского руководства сохранить целостность своего государства. С другой, сказываются ошибки союзного руководства при определении границ союзных республик и российского руководства начала 90-х годов при определении границ независимых государств на базе бывших союзных республик без учета национальных и партийных местнических интересов. Россия, применившая силу для ликвидации сепаратистского движения Чеченской Республики в 90-е и начале 2000 года, решительно пресекла эти же действия со стороны Грузии. Такая политика двойных стандартов поставила в глазах мировой общественности Россию в положение агрессора, а Грузию – в число жертв.

Откровенные выпады Грузии против России происходили годами, а ее вооруженные силы вооружались и готовились к военным действиям наступательного характера. Но сама Россия словно не замечала военных приготовлений Грузии, стремясь мирным путем урегулировать возникшие разногласия. Такая уступчивость со стороны грузин традиционно была расценена как слабость и побудила их к более решительным действиям. Новому Президенту России и Верховному главнокомандующему ее Вооруженными силами Д.А. Медведеву выпало решать давно уже назревшую проблему.

Вооруженный конфликт в Закавказье августа 2008 года стал первым серьезным испытанием для министра обороны А.Э. Сердюкова и его команды. Уже в период своего созревания он обещал много различных проблем, для решения которых нужны были емкие политические, экономические и военно-стратегические решения и которые под силу только хорошо сколоченным органам управления и специалистам. Поэтому поражает тот факт, что в столь ответственный период происходит смена начальников Генерального штаба Вооруженных сил России и главнокомандующего Сухопутными войсками. Не совсем понятна роль Верховного главнокомандующего в этих знаковых переменах.

Вооруженный конфликт начался ночью на 8 августа 2008 года нападением грузинских войск на Южную Осетию и находившихся на ее территории российских миротворцев. После этого на территорию этой непризнанной республики были введены российские войска Северо-Кавказского военного округа, которые в течение двух суток нанесли поражение противнику, освободили Цхинвали и заняли Гори и Поти. Российской стороной было заявлено, что в ходе этой операции с российской стороны погибло 215 и было ранено около 1500 военнослужащих, потери грузинской стороны не объявлялись. По некоторым источникам они превысили 4 тысячи человек.

События в Южной Осетии и Абхазии августа 2008 года в очередной раз показали расстановку сил в современном мире и уровень авторитета Президента России среди мировых политиков. Они стали поводом для выступлений ряда стран против России, которые в самой резкой форме осудили ее действия за Большим Кавказским хребтом. Они показали причастность США, Израиля и Украины к вооружению и подготовке грузинских войск к агрессии на территории Южной Осетии и Абхазии. Такая обстановка стала благоприятной для дальнейшего продвижения НАТО на Восток и размещения его ударных средств в странах Восточной Европы.

Несмотря на многие негативные моменты отрадно признать, что Россия в лице ее Президента Д.А. Медведева заняла твердую и не двусмысленную позицию в отношении с Южной Осетией и Абхазией. Для защиты этих территорий, населения, имеющего российское подданство, и российских миротворцев по приказу Верховного главнокомандующего были введены войска и проведена войсковая операция, которую назвали «операция по принуждению Грузии к прекращению боевых действий». Эта операция завершилась разгромом грузинских войск. Был освобожден Сухум, заняты Гори и Поти, захвачено большое количество грузинского вооружения, боевой техники, боеприпасов, другого военного имущества.

В то же время косвенное участие в событиях в Южной Осетии США и НАТО не позволило

завершить конфликт одновременно с завершением его военной фазы. Он продолжился на уровне политиков. При этом Россией и ее руководством были допущены серьезные ошибки при организации и ведении информационной войны, которую умело вели США, НАТО и Грузия. В результате этого на 8 сентября, то есть через месяц после начала вооруженного конфликта, независимость Южной Осетии и Абхазии официально признала только Никарагуа. Правда, действия России правомерными назвали Аргентина, Куба и лично президент Венесуэлы. Москве постоянно приходилось оправдываться в своих поступках, а Грузия в глазах широкой мировой общественности выглядела жертвой.

В событиях, имевших место в Закавказье в августе 2008 года, Д.А. Медведев проявил себя и как Президент Российской Федерации и как Верховный главнокомандующий ее Вооруженными силами.

Как Президент, он предпринял все усилия и совершил конкретные шаги, чтобы обезопасить границы Российской Федерации со стороны Грузии, занявшей по отношению к России недружелюбную позицию. Защита территориальной целостности, а затем признание государственной независимости Абхазии и Южной Осетии создало России хороший буфер со стороны Грузии, давно уже ставшей проводником политики США и НАТО. Участие России в августовских событиях 2008 года впервые за многие годы в жесткой и однозначной форме обозначило позицию России не только в Европе, но и во всем мире.

Как Верховный главнокомандующий он санкционировал применение вооруженных сил за пределами Российской Федерации для защиты ее интересов, российских миротворцев и граждан Южной Осетии и Абхазии, также являющихся и гражданами России. Российские войска, введенные в зону вооруженного конфликта, нанесли поражение противнику на территории Южной Осетии и способствовали освобождению территории Абхазии. Более того, развивая наступление, они нанесли удары по ряду объектов на территории Грузии. В результате войсковая операция по принуждению Грузии к миру была проведена успешно.

В то же время события августа 2008 года перед Медведевым, как Верховным главнокомандующим, должны были поставить ряд серьезных вопросов, касающихся состояния Вооруженных сил России. Решение этих вопросов не может быть обеспечено ни усилиями региональных властей, ни отдельных военачальников, ни даже Министерства обороны. Здесь нужен государственный подход. И главная задача главы государства и Верховного главнокомандующего его Вооруженными силами обеспечить такой подход.

Вскоре после начала боевых действий в Южной Осетии, в 16 часов 30 минут 9 августа, Президент самопровозглашенной Республики Абхазия Сергей Багапш объявил о начале операции по вытеснению грузинских войск из верхней части Кодорского ущелья, по их позициям начинает работать абхазская авиация и артиллерия. Рано утром 12 августа против грузин, укрепившихся в верховье Кодорского ущелья, начинают выдвигаться вооруженные формирования непризнанной республики Абхазии. В 5 часов утра они наносят бомбовые, а затем следуют артиллерийские удары по районам, занимаемым грузинами, затем высаживается десант. Подразделения Грузии в районе верховья Кодорского ущелья были окружены между населенными пунктами Аджара и Чхалта.

В это же время российская авиация наносит точечные удары по объектам военной инфраструктуры Грузии. Президент Грузии, приехавший в Гори, в панике, под объективами телерепортеров, покидает этот город и возвращается в Тбилиси, где тут же обвиняет Россию в агрессии против Грузии.

События в Южной Осетии дали толчок к началу широкомасштабной информационной войны против России, в которую, кроме Грузии и США, включилось большинство западных стран Западной и Восточной Европы. Россию обвиняли в агрессии против независимой Грузии, в разрушении Цхинвали и Гори, захвате Поты, в авиационных ударах в окрестностях Тбилиси. Михаил Саакашвили немедленно бросился за поддержкой к своим американским покровителям. В Тбилиси приехали поддержать своего политического «друга» президенты Латвии, Литвы, Эстонии, Украины, Польши.

В свою очередь Президент России в довольно жесткой форме опроверг заявления западных политиков и средств массовой информации. В полдень 12 августа Д. Медведев объявил, что операция по принуждению Грузии к миру закончена. Он пригласил лидеров этих государств и

журналистов посетить Южную Осетию и встретиться с ее жителями. На его призывы откликнулась только канцлер Германии Ангела Меркель и президент Франции Николя Саркози. Но первая из Москвы выехала в Тбилиси, где неизвестно о чем договаривалась с М. Саакашвили.

Несмотря на усилия президентов России и Франции, грузинская сторона не спешила брать на себя какие-либо обязательства. Антироссийская истерия на Западе продолжалась.

Во второй половине дня 12 августа в Москву прилетел президент Франции Н. Саркози, который решил выступить посредником в переговорах между Грузией, с одной стороны, Южной Осетией и Абхазией с другой. Для этого при участии Медведева и Саркози в Москве были выработаны шесть пунктов условий нормализации обстановки в Северной Осетии и Абхазии.

1. Не прибегать к использованию силы.
2. Окончательно прекратить военные действия.
3. Обеспечить свободный доступ в Южную Осетию гуманитарной помощи.
4. Вооруженные силы Грузии должны вернуться в места постоянной дислокации.
5. Вооруженные силы России возвращаются на линию, предшествующую началу боевых действий.
6. Начало международного обсуждения будущего статуса Абхазии и Южной Осетии.

Эти пункты под объективами телекамер подписали президенты Южной Осетии и Абхазии. Но Грузия не спешила подписывать документ. В конце концов М. Саакашвили прислал по факсу подписанный им документ, но в новой редакции. Президент Украины заявил, что российские корабли, вышедшие во время военной операции к берегам Кавказа, не будут пропущены обратно на свою базу в Севастополь.

Дмитрий Медведев в ответ на эти заявления противников участия России в решении судьбы Южной Осетии решил повысить статус этой операции в глазах военнослужащих и собственных граждан. Его указом от 12 августа был изменен статус восстановленного в России военного ордена Святого Георгия. Отныне этот орден начали выдавать не только за «подвиги и отличия в боях по защите Отечества от нападения внешнего противника, но и «за подвиги и отличия в боевых действиях на территории других государств при поддержании или восстановлении международного мира и безопасности». Первые Георгиевские кресты тут же были вручены некоторым военнослужащим, отличившимся в боях с грузинами, а первым кавалером ордена Святого Георгия IV степени стал командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковник Сергей Макаров, который возглавил группировку миротворческих сил РФ по принуждению Грузии к миру.

Несмотря на неясную позицию президента Грузии и откровенно недружескую позицию президента Украины 18 августа Россия объявила, что в одностороннем порядке начинает отвод своих войск с зоны конфликта, оставляя необходимые силы в Южной Осетии и Абхазии. По решению президента Южной Осетии на ее территории вводится до 17 августа чрезвычайное положение, а правительство этой непризнанной республики отправляется в отставку, как «не проявившее должной распорядительности во время агрессии». Уточняется позиция различных стран в отношении конфликта в Южной Осетии и Абхазии. Более осторожными в своих высказываниях против России становятся Франция, Германия, Турция, Чехия. По-прежнему против России выступают США, Англия, Польша, Литва, Эстония, Украина.

В это же время грузинская сторона отвергла все предложения российской стороны, и выдвинула свои встречные предложения.

Верховный главнокомандующий Д.А. Медведев не стал отмежевываться от событий, происшедших в Южной Осетии. Он лично прибыл во Владикавказ, где в штабе 58-й армии награбил 30 солдат и офицеров – участников операции в Южной Осетии. Этим, а также многими другими жестами и официальными заявлениями Президент России и Верховный главнокомандующий ее Вооруженными силами показал, что несет персональную ответственность за все, происходящее в этом регионе. В этот день впервые за многие годы Президент России в своем выступлении по пути следования в Курске произнес давно уже известную фразу: «Кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую армию», но в его устах она прозвучала, как призыв к действиям.

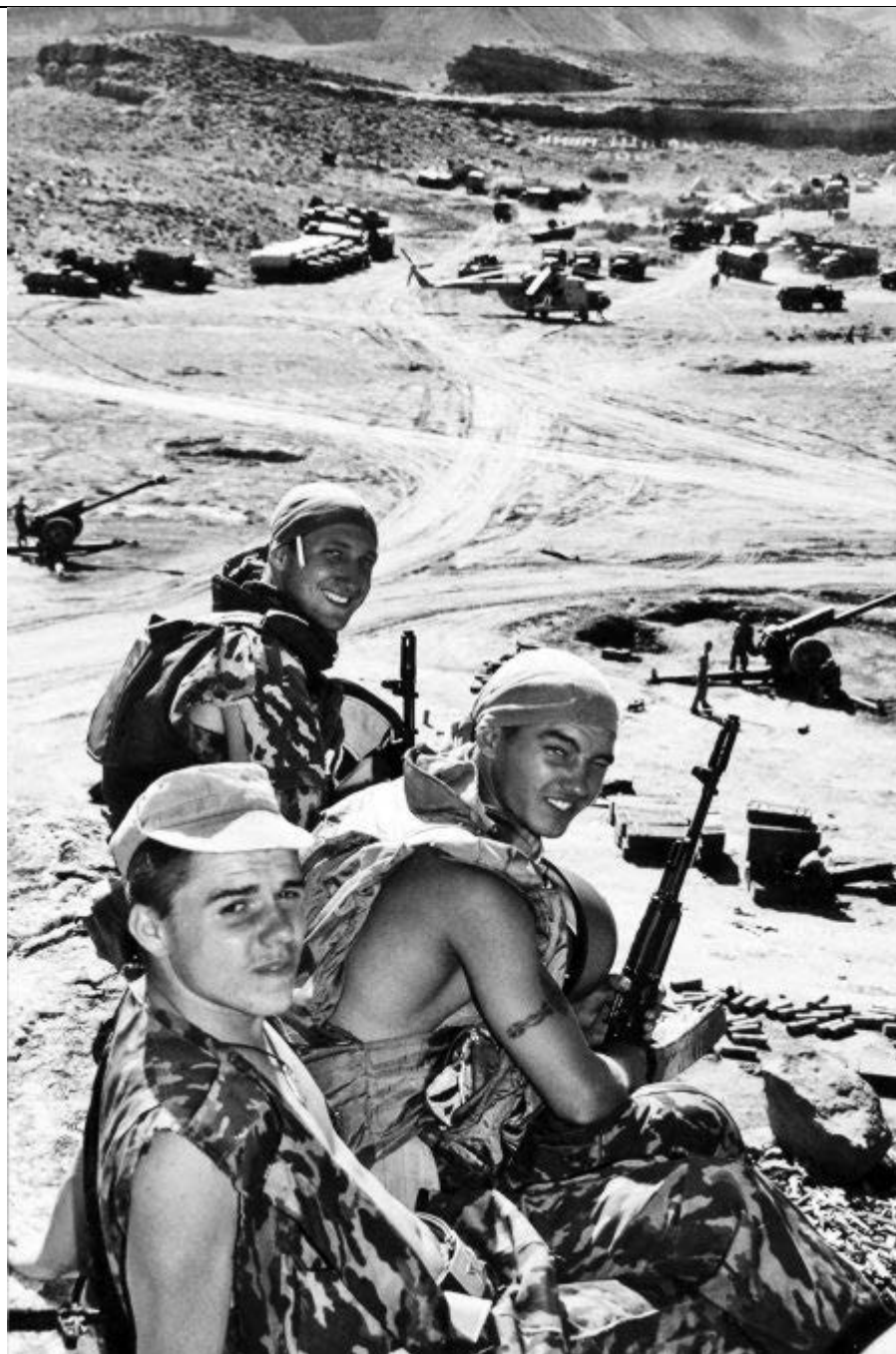
Запад, и особенно США, не могли простить вмешательство Москвы в проводимую ими политику в Закавказье. 19 августа в Брюсселе состоялся Совет НАТО, где были предложены меры

против России в связи с вводом ее войск на территорию Южной Осетии и удары по войскам Грузии. США требовали самых жестких мер, европейские страны были более осторожны в своих заявлениях. Только Польша, Украина и Прибалтийские страны продолжали нагнетать обстановку. Пользуясь этим, государственный секретарь США Кондолиза Райс 20 августа убедила Польшу подписать договор о размещении американских ракет на ее территории, маскируя их под средства противоракетной обороны.

Настало время более активно включиться в информационную войну и России. 20 августа наконец-то ее средства массовой информации объявили о людских потерях во время вооруженного конфликта в Южной Осетии: 215 погибших и 1492 раненых российских военнослужащих, а также 133 погибших из числа мирных жителей. Полностью разрушено и не подлежит восстановлению только в Цхинвали 1380 квартир и 480 домов. Грузинская сторона численность своих потерь к тому времени еще не обнародовала.

Почти одновременно в средствах массовой информации России начались разговоры о поддержке усилий Южной Осетии и Абхазии на образование независимых государств. 25 августа в поддержку независимости этих самопровозглашенных республик высказались Государственная дума и Совет Федераций. 26 августа государственную независимость Абхазии и Южной Осетии в одностороннем порядке устами Президента Дмитрия Медведева признала Россия.

К этому времени сама Грузия продолжала обвинять Россию в агрессии и не отказалась от своих претензий на Южную Осетию и Абхазию. США, которые также обвинили Россию в агрессии против Грузии и в резкой форме высказались против признания Москвой государственной независимости Южной Осетии и Абхазии, ввели в восточную акваторию Черного моря около десяти своих боевых кораблей. Противниками России в отношении ее политики в Закавказье 26 августа выступили Италия, Англия, Франция, Германия. На встрече глав государств, состоявшейся в Брюсселе 1 сентября 2008 года, действия России были осуждены всеми европейскими государствами. 8 сентября в Брюсселе начал работу международный трибунал по рассмотрению иска Тбилиси к России по факту вторжения этого государства на территорию суверенной Грузии. Россия, в свою очередь, пыталась на этом судилище обвинить Грузию в геноциде против народа Южной Осетии.

Победители

В результате борьба перешла из состояния вооруженного противостояния в плоскость политических заявлений и санкций. В первой декаде октября 2008 года Россия заявила о досрочном выводе своих войск с территории Грузии, но сама Грузия и ее многочисленные сторонники от обвинений России в агрессии против суверенного государства не отказались. Правда, к тому времени откровенные выпады против России стали применяться значительно реже – в США интенсивно готовились к новым президентским выборам, а весь Запад охватил глубокий экономический кризис. Новые задачи постепенно оттесняли старые проблемы на второе место.

В середине апреля 2009 года российские власти торжественно объявили о прекращении антитеррористической операции в Чечне. Этот факт был представлен как большая победа нынешних чеченских властей, которые давно уже заявляли о стабильности обстановки на территории этой республики. Российские СМИ даже начали пропаганду туристических поездок в Чечню, хотя граждане России к таким «заманчивым» предложениям отнеслись с большим недоверием.

И не напрасно. Уже на следующий день после отмены антитеррористической операции в Шатойском районе Чечни произошло вооруженное столкновение между боевиками и

федеральными силами. А всего через неделю российские официальные власти были вынуждены официально объявить о возобновлении антитеррористической операции в Чечне на территории Шатойского, Веденского и горной части Шалинского районов, где активизировались вооруженные стычки с отрядами боевиков.

Заключение

Многие века Россия проявляла интерес к Кавказу, а Кавказ, в свою очередь, тянулся к России в поисках защиты от южных соседей и с целью благоустройства края. Это была взаимная тенденция, которая, безусловно, пошла во благо российского и кавказских народов: первый значительно расширил стены своего «дома», второй получил хорошее место в этом «доме», став его полноценным жителем. Кавказские фамилии звучали в списках выдающихся государственных и военных деятелей, ученых, деятелей культуры бывшего Советского Союза, слышны они и в перечне выдающихся людей современной России.

Русские пришли надолго

В то же время история показала, что Кавказ слишком сложное и противоречивое явление, к пониманию которого нельзя подходить с шаблонными мерками. Правители и народы этого региона по своему характеру и воспитанию сильно отличались от населявших Россию, и нередко то, что русский считает смертельным грехом, горец считает доблестью и смекалкой, а к тому, на что молятся некоторые кавказские народы русские относятся с непониманием.

Возможно, в результате этого непонимания путь России на Кавказ всегда был длинным и не простым, он требовал применения дипломатических, экономических, идеологических и военных санкций. Зачастую военные санкции были решающими, что обусловлено географической особенностью региона, наличием в нем многих народов и культур. Общим счетом с 1722 по 2007 год Россия на Кавказе воевала более ста лет, ее людские потери исчислялись сотнями тысяч, а материальные не поддаются учету!!!

Дети войны

Вернулся!!!

Завоевание Кавказа Россией в целом можно разбить на три этапа. На первом русские войска овладели относительно цивилизованными приморскими районами, Грузией и южными ханствами. На втором – сломали сопротивление горцев и утомили мятежный край. Третий этап был связан с укреплением власти России на Кавказе прежде всего мирными средствами, но нередкими были случаи применения воинской силы. Но почти всегда эти действия проводились одновременно и

комплексно. Особым этапом стали события, происходившие на Кавказе в конце 80-х годов XX столетия и в последующие годы. В Закавказье обрели государственную независимость искусственно созданные образования Армения, Азербайджан, Грузия. Как и 200 лет назад началась война России с горцами на Северном Кавказе. Таким образом, Россия была отброшена в своей истории по отношению к Кавказу на несколько столетий назад. На ее юге возник большой регион, полный вражды и других сложных проблем, решение которых в будущем потребует много сил и времени.

Правда, существуют также и мнения, что старая кавказская проблема наоборот, вышла на новый, более высокий уровень своего решения, став составной частью процесса развития мирового сообщества. Разгром Ирака и Афганистана, обуздание Ирана, внедрение НАТО на территорию Грузии – якобы путь решения этой проблемы. Все это вызывает большие сомнения, особенно с точки зрения России и оккупированных «миротворцами» народов. Понадобится время, чтобы поставить точку и в этом сложном вопросе.

Кавказский лабиринт слишком сложный не только для человека и для целого народа, но и для всего человеческого сообщества для его разгадки. Он был создан историей много веков назад, и в нем заблудились многие страны, народы и личности. В числе безнадежно блуждающих в этом лабиринте была и Россия. Она не раз пыталась мудростью политиков, экономическими мерами и силой оружия решить для себя эту проблему, но зачастую принятое решение оказывалось половинчатым. Не решила она эту проблему до конца и в настоящее время.

Но любой лабиринт имеет выход, и нужно проявить ум и терпение, чтобы его найти. Сегодня ясно одно – вражду в своем доме нужно кончать. Ближайшие соседи не могут быть равнодушными друг к другу, а противостояние вредит им значительно больше, чем хорошая дружба или добрососедство. Дальние же соседи не способны проникнуться заботами других, и будут всегда использовать их трудности в своих целях. Поэтому все проблемы нужно решать самим и как можно быстрее. Только в этом заложены положительные перспективы на будущее, которые нужны всем гражданам России.

Приложения

Военачальники Российской империи, отличившиеся на Кавказе

АДЛЕРБЕРГ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ. Родился 1 мая 1818 года в Москве в семье генерала от инфантерии В.Ф. Адлерберга. Воспитывался вместе с великим князем Александром Николаевичем (будущим императором Александром II), числясь в Пажеском корпусе. С 1836 года состоял при наследнике престола, с 1839 года его адъютант. Участник Даргинской экспедиции 1841 года и боевых действий на Кавказе. С 1850 года полковник, управляющий канцелярией великого князя, сопровождал его в поездке в действующую армию на Кавказ. С 1855 года генерал-майор, генерал-адъютант, год спустя – управляющий делами Главной квартиры и заведующий Особым отделом Военно-походной канцелярии. В последующие годы член комитета по книгопечатанию, управляющий Главным комитетом цензуры, с 1866 года член Военного совета, Государственного совета, с 1869 года генерал от инфантерии, министр Императорского двора. С 1881 года в отставке. Скончался 22 сентября 1888 года в Мюнхене.

АЛХАЗОВ (АЛЬХАЗОВ) ЯКОВ КАЙХОСРОВИЧ. Родился 1 января 1826 года в Грузии. В 1844 году с отличием окончил 2-й кадетский корпус, выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк. Командир полуроты, роты. Помощник коменданта Выборга, командир батальона. Участник Венгерского похода 1849 года, польской кампании 1863 года. С 1864 года командир 4-го Копорского полка, с 1874 года генерал-майор, командир бригады 19-й пехотной дивизии на Кавказе. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов командир Кутаисского отряда, специального отряда, группы войск, штурмовой колонны. За проявленное мужество в боях у Аладжинских высот награжден орденами Св. Анны 1-й степени с мечами и Св. Георгия 4-й степени. В последующем командир Магарджинского и Карского отрядов, за храбрость при штурме фортов Зафиз и Карадаг Карса присвоено звание генерал-лейтенанта. С 1878 года командир 41-й пехотной дивизии, с 1883 года – Кавказской гренадерской дивизии, с 1885 года –

3-го пехотного корпуса. В 1891 году произведен в генералы от инфантерии с назначением помощником командующего войсками Кавказского военного округа. С 1894 года член Военного совета. Скончался 3 ноября 1896 года в имении близ Тифлиса. Кавалер десяти российских орденов. Генерал от инфантерии. Н.Н. Муравьев-Карский назвал его «одним из храбрейших и умнейших военачальников своего времени».

АМИЛАХОРИ (АМИЛАХВАРИ) ИВАН ГИВИЧ (ЕГОРОВИЧ). Родился в 1829 году в Гори, происходил из старинного княжеского грузинского рода. После окончания Тифлисской гимназии в 1850 году поступил вольноопределяющим в драгунский Нижегородский полк, расположенный на Сулакской линии. Участник ряда экспедиций против горцев Чечни, награжден знаком отличия Военного ордена. В 1853 году за отличия при штурме Гельдигена и в сражении у Сан-Юрта произведен в офицеры. В следующем году сформировал Грузинскую конную дружину. За действия в составе Гурийского отряда в боях против лезгин награжден орденом Св. Анны 4-й степени. С 1855 года командир эскадрона в составе Александропольского отряда, участник осады Карса, награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами. Последующие восемь лет участник ряда военных экспедиций на Кавказе. С 1864 года командир Нижегородского драгунского полка. С 1871 года флигель-адъютант, через год «за успешное выполнение миссии в Штутгарте» произведен в генерал-майоры с назначением в Свиту императора. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов командир 3-й и 4-й сводно-кавалерийских дивизий, начальник летучей колонны Эриванского отряда, командующим конницей в боях за Алашкерт, Зеидекян, Драм-Дага и Эрзерум, награжден тремя орденами, в том числе Св. Георгия 4-й степени. С 1879 года командир 3-й Кавказской кавалерийской дивизии, генерал-лейтенант. С 1893 года командир Кавказского армейского корпуса, с 1896 года генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1904 году генерал-губернатор города Баку. Скончался 29 августа 1905 года в Гори. Кавалер тринадцати российских и иностранных орденов, в том числе Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Владимира 1-й степени. «Патриарх Кавказской армии и ее великий учитель нравственного духа войск».

АНДРОННИКОВ (АНДРОНИКАШВИЛИ) ИВАН МАЛХАЗОВИЧ. Родился в 1798 году в родовом имении Кодало близ Тифлиса, правнук грузинского царя Ираклия II, внук (по матери) имеретинского царя Соломона II. Службу начал в 1817 году юнкером в лейб-гвардии Конном полку, в следующем году произведен в корнеты. С 1824 года на Кавказе командир дивизиона Нижегородского драгунского полка, командир полка, отличился в боях под Елизаветполем и Джеван-Булахе в русско-персидской войне 1826–1828 годов, при штурме Ахалкалаки, в сражениях под Ахалцыхом и Байбуртом в русско-турецкой войне 1828–1829 годов. В ходе Кавказской войны участвовал в походе против горцев на Лезгинской линии в 1837 году, руководил экспедицией в Осетии в 1840 году, отличился в Дагестанском походе и при штурме Салты в 1847 году. С 1835 года генерал-майор. В 1849–1856 годах тифлисский генерал-губернатор, генерал-лейтенант. Во время Крымской войны нанес поражение турецким войскам под Ахалцыхом и у Чороха, с 1868 года генерал от кавалерии. Скончался 19 сентября 1868 года, похоронен во Владикавказе. Кавалер десяти российских орденов, в том числе Св. Георгия 4-й и 3-й степеней, князь.

БАГГОВУТ АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ. Родился 27 декабря 1806 года в имении Мыза близ Риги. Отец – Федор Федорович Багговут (1766–1809), выходец из Ганновера, на русскую службу поступил в 1798 году, командир артиллерийского полка, полковник, был смертельно ранен при штурме Браилова. Спустя год скончалась его супруга Елизавета Егоровна, урожденная Дункельн. Александр воспитывался в семье дяди Карла Федоровича Багговут (1761–1812), с 17 лет поступившего на службу маргрфа Аншпахского, откуда перешел в российскую армию подпоручиком. Участвовал в войнах с Турцией, Францией и Швецией. Георгиевский кавалер. С начала Отечественной войны 1812 года командир 2-го пехотного корпуса, генерал-лейтенант. Отличился под Смоленском, при Бородино, за что награжден орденом Св. Александра Невского. Однако получить его не сумел – погиб 6 октября в сражении при Тарутино. В 1825 году Александр окончил 1-й кадетский корпус, откуда выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Московский полк. Службу начал на Кавказе в рядах лейб-гвардии Сводного полка, участвовавшего в ряде экспедиций против горцев и в войне с Персией 1826–1827 годов. В польской кампании командир

эскадрона Литовской артиллерийской бригады. В сражении под Гроховом «лихой атакой Ольховой рощи отбил нападение неприятеля, контуженный ядром и раненный картечью, до конца боя руководил подчиненными», за что получил чин полковника. В 1834 году прикомандирован к штабу генерал-инспектора кавалерии. Член комиссии по разработке и изданию кавалерийских уставов. Спустя два года помощник военного коменданта крепости Брест-Литовск. В 1847–1848 годах участник похода в Хиву. Командир казачьего полка, отдельного отряда. Во время Венгерского похода командир авангарда корпуса генерала М.И. Чеодаева. За проявленную инициативу и умелые действия при взятии Мишкольца награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. «За решительные действия в сражении при Самбоке, проявленную при этом храбрость» удостоен звания генерал-майора. С 1852 года командир 20-й пехотной дивизии. В 1853 году назначен начальником левого фланга Кавказской линии, в следующем году – командиром Отдельного Кавказского корпуса с присвоением звания генерал-лейтенанта. Участник ряда сражений Крымской (Восточной) войны. Отличился в боях за Башкадыклар, «нанеся тяжелое поражение превосходящему по силам противнику, захватив всю его артиллерию и обозы», за что награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. В бою у «селения Тур, когда пехота князя Бебутова, осыпанная градом снарядов, приостановилась, лично возглавил резервный конный отряд, создав перелом в сражении». Отмечен золотым оружием с надписью «За храбрость». С 1855 года командующий войсками Николаевской и Херсонской губерний. Прodelал большую работу по оборудованию Черноморского побережья строительством новых и реконструкцией старых крепостей. Организовал стройную систему фортификационных сооружений, позволяющих вести эффективную борьбу с морскими десантами противника. Во время польской кампании 1863 года командир 3-й кавалерийской дивизии, отдельного отряда. В последующие годы начальник департамента Главного штаба, помощник инспектора кавалерии, член ряда комитетов и комиссий по реформированию армии. В 1880 году удостоен звания генерала от кавалерии с увольнением в отставку. Скончался 26 ноября 1883 года в Санкт-Петербурге. Похоронен в родовом имении. По отзыву одного из соратников генерала от кавалерии П.П. Альбединского, «решительный волевой военачальник, человек исключительной выдержки и храбрости, с развитым чувством ответственности за порученное дело. Его уважали и ценили как сослуживцы, так и подчиненные».

БАРАТОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ. Родился 7 мая 1860 года во Владикавказе. Окончил Владикавказское реальное училище, 2-е военное Константиновское училище и Николаевское инженерное училище. В 1880 году выпущен корнетом лейб-гвардии конного полка. Офицер штаба Туркестанского военного округа, командир эскадрона казачьего полка, адъютант полка. После окончания Николаевской военной академии старший адъютант штаба 13-й пехотной дивизии, обер-офицер для поручений при командующем войсками Кавказского военного округа. В 1900–1903 годах командир 1-го Сунженско-Владикавказского полка терского казачества. Во время Русско-японской войны командир отряда, старший офицер штаба 1-й Маньчжурской армии, помощник командира кавалерийской дивизии. Отличился в сражениях при Ляояне, Шахе и Мукдене, за что награжден орденами Св. Анны 3-й степени с мечами и Св. Владимира 4-й степени, а также золотой саблей с надписью «За храбрость». С весны 1905 года командир 1-го драгунского московского полка. В следующем году произведен в генерал-майоры с назначением командиром казачьей сводной бригады. Спустя два года назначен начальником штаба 2-го кавказского армейского корпуса, а в 1912 году – командиром 1-й кавказской кавалерийской дивизии, получив очередное воинское звание генерал-лейтенанта. В годы Первой мировой войны на Кавказском театре военных действий. Командир кавалерийской дивизии, кавалерийской группы, 1-го отдельного Кавказского корпуса. За боевые отличия, умелые действия и личную храбрость в Саракамышской, Евфратской и Эрзерумской операциях награжден орденами Св. Георгия 3-й степени, Св. Владимира 3-й степени с мечами, Св. Анны 1-й степени. Особое место в боевой деятельности Николая Николаевича заняли бои в Персии во главе Экспедиционного корпуса (отдельная казачья дивизия, 40 сотен и 3 батальона, 20 орудий). Перевезенный по Каспийскому морю в Энзели и Казвино, корпус выступил в поход 6 декабря 1915 года. К 16 декабря, нанеся поражение главным силам германо-турецких войск, он занял Хамадан. В январе – феврале 1916 года корпус, продвигаясь в Багдадском направлении, передовые части корпуса вышли на линию Кянгевер, Султанабад, в начале марта – Биджар, Кашань. 20 марта был занят

город Исфагань. Тяжелое положение английского корпуса, действующего в районе Кут-Эль-Амара, вынудило английское правительство просить содействия русских дальнейшим наступлением на Багдад. Корпус возобновил наступление, нанеся поражение трем турецким дивизиям, к началу мая 1916 года занял Керинд, Касриширин, Ханекин, выйдя на соединение с англичанами. Николай Николаевич был возведен в звание генерала от кавалерии. В последующие месяцы 1916 года Экспедиционный корпус вел боевые действия на турецко-иранской границе, получив задачу готовить наступательную операцию на Мосульском направлении. 2 февраля 1917 года Экспедиционный корпус во взаимодействии с 7-м Кавказским корпусом разбил главные силы 6-й турецкой армии, способствуя тем самым англичанам в занятии Багдада. Характеризуя этот этап деятельности Н.Н. Баратова, генерал от инфантерии Н.Н. Юденич писал: «Генерал Баратов – способнейший кавалерийский военачальник. Он решителен в действиях, отлично ориентируется в обстановке, находит слабые места противника, наносит стремительные удары во фланг и в тыл неприятелю. Храбрый, инициативный, никогда не забывающий о душе подчиненных ему войск, что и определяет его успех в бою». В марте 1917 года уволен в отставку. С осени следующего года в Добровольческой армии, летом 1920 года министр иностранных дел «Южно-русского правительства». С ноября 1929 года в эмиграции. Скончался в 1932 году в Париже.

БАРЯТИНСКИЙ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ. Родился 2 мая 1815 года в селе Ивановское Львовского уезда Курской губернии в семье князя Ивана Ивановича Барятинского и его супруги Екатерины Андреевны, урожденной графини Келлер. Назвали его Александром. Отец будущего генерал-фельдмаршала проходил службу в армии, награжденный за штурм Праги (предместья Варшавы) в 1794 году орденом Св. Георгия, он вскоре вышел в отставку, сделав блестящую дипломатическую карьеру, – был посланником в Лондоне, затем в Баварии. Александр в 14 лет, лишившись отца, воспитывался в Москве, мечтая о военной службе. С 26 июня 1831 года он юнкер Кавалергардского полка, спустя год оканчивает школу гвардейских юнкеров и подпрапорщиков. Распрощавшись со своим лучшим другом М.Ю. Лермонтовым (он выпускался годом позже), Александр, произведенный в корнеты с зачислением в лейб-кирасирский полк, вскоре направляется на Кавказ, где участвует в экспедиции генерала Вельяминова в верховья реки Абим. В одном из боев во главе сотни казаков молодой офицер обратил неприятеля в бегство, но получил ранение пулей в правый бок (она оставалась там до конца жизни). После излечения 1 января 1836 года получил назначение «состоять при наследнике» великом князе Александре Николаевиче. Во время трехлетнего путешествия с ним в Западную Европу он значительно пополнил свое образование, собрал богатую библиотеку. С марта 1845 года он снова на Кавказе. Командуя батальоном Кабардинского полка, принял участие в Даргинской экспедиции. За боевые отличия при штурме Андийских высот награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. С 1847 года командир Кабардинского полка. 23 июня следующего года полк отличился в бою при Гергебиле, за что Барятинский получил чин генерал-майора с зачислением в свиту императора. «Как полковой командир был весьма требователен и строг, – отмечает один из его соратников, – вникал во все мелочи быта солдат и офицеров, не жалел тратить на полк и его вооружение свои собственные средства». В 1850 году назначен командиром Кавказской гренадерской бригады, в следующем году – начальником левого флага Кавказской укрепленной линии. Провел две экспедиции против Большой Чечни – главного района действий Шамиля. «Они отличались малыми потерями в людях, что обеспечивалось хорошей разведкой и продуманной организацией, сопровождалось проложением новых дорог и лесных просек» – писал М.С. Воронцов. С осени 1853 года начальник главного штаба русских войск на Кавказе, генерал-адъютант, генерал-лейтенант. С началом Восточной (Крымской) войны командир корпуса на турецкой границе, нанес тяжелое поражение неприятелю под Кюрюк-Дара, за что награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. В июле 1856 года назначен главнокомандующим и наместником на Кавказе с производством в генералы от инфантерии. В соответствии с разработанным планом действий против Шамиля провел ряд военных экспедиций. В августе 1859 года под его личным руководством аула Гуниб разыгрался последний акт борьбы. «Гуниб взят. Шамиль в плену», – доносил он императору. За успехи в утверждении власти России на Кавказе удостоен орденов Св. Георгия 2-й степени, Св. Андрея Первозванного, почетного звания шефа Кабардинского полка, в 1859 году – чина генерал-фельдмаршала. С 1860 года член Государственного Совета, ряда

правительственных комиссий. Автор ряда предложений по военной реформе, плану русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Значительную часть времени проводил за границей, находясь на излечении в Германии, Италии, Франции. Скончался 25 февраля 1879 года в Женеве. Похоронен в родовом имении – селе Ивановском Курской губернии. По оценке современников и военных историков, один из военачальников, умело, творчески владеющий принципами военного искусства, обладающий способностями организатора.

БАРЯТИНСКИЙ ИВАН ФЕДОРОВИЧ. Родился в 1689 году в Москве, внук боярина Юрия Никитича Барятинского, разбившего польские войска в сражениях при Белых Песках, под Брянском и Рязанью, за что был пожалован в окольничьи. На военной службе с 1708 года. Во время Персидского похода 1722–1723 годов командир отдельного отряда, захватил Сальянскую область. При воцарении Анны Иоанновны активно выступал против Верховного тайного совета. С 1730 года сенатор, с августа 1735 года московский генерал-губернатор, с июня следующего года управляющий Малороссией, с 1737 года генерал-аншеф. Скончался в 1738 году.

БЕБУТОВ ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ. Родился в 1791 году в Тифлисе в семье князя Иосифа (Осипа) Васильевича Бебутова. В 1809 году окончил 1-й кадетский корпус. Службу начал прапорщиком в Херсонском гренадерском полку, в следующем году адъютант главнокомандующего на Кавказе, с 1812 года – рижского генерал-губернатора. Участник русско-турецкой войны и Заграничных походов. С 1816 года адъютант генерала А.П. Ермолова, с 1821 года командир Мингрельского егерского полка, главноуправляющий Имеретией. В русско-турецкой войне 1828–1829 годов, командуя бригадой, отличился при штурме Ахалциха, в ряде последующих боев, произведен в генерал-майоры. В 1830–1838 годах начальник Армянской области, затем командующий войсками в Дагестане, генерал-лейтенант, с 1853 года командир корпуса, с 1856 года генерал от инфантерии. Нанес поражение турецким войскам при Башкадыкларе и Кюрук-Дара. С 1858 года член Госсовета. Скончался 10 марта 1858 года. Похоронен в Тифлисе.

БИБИКОВ ЮРИЙ БОГДАНОВИЧ. На военной службе с 1760 года. Пользуясь покровительством генерал-аншефа графа П.И. Панина быстро повышался в чинах. В 1779 году был произведен в генерал-майоры. А в 1786 году – в генерал-поручики. Проходил службу в Кавказском корпусе, которым временно командовал ввиду отсутствия командующего графа П.С. Потемкина. Воспользовавшись этим обстоятельством, решил овладеть сильной турецкой крепостью Анапой. В 1789 году с этой целью предпринял военную экспедицию, которая вначале достигла некоторых успехов. Но неподготовленный штурм крепости завершился провалом и привел к большим потерям. После этого началось отступление в условиях непрерывного преследования и атак противника. Только 11 апреля русские переправились через Кубань и вернулись на свою территорию. За время экспедиции было убито и умерло от ран 1196 человек, привезли раненых и больных 1100 человек, дезертировало 111 человек. Кроме того, погибло более 2300 лошадей. Было брошено и утеряно 958 ружей, карабинов и штуцеров, 333 пистолета, почти 45 000 патронов, 2233 пушечных заряда. Узнав о походе Бибикова, светлейший князь Таврический послал ему на помощь Кубанский корпус генерал-поручика В.И. Розена. Розен нашел Кавказский корпус в полном расстройстве. «Офицеры и нижние чины находятся в таком жалком виде, который выше всякого выражения, – писал он. – Все они опухли от голода и истомлены маршами, стужей и непогодой, от которых не имели никакого укрытия. Солдаты и офицеры лишились в этом походе всего своего имущества и остались в рубищах, босые, без рубах и даже без нижнего белья, которое погнило на людях». Екатерина II, узнав об этой экспедиции, сделала заключение, что «...он с ума сошел...» и назначила расследование. В 1790 году по решению суда Ю.Б. Бибиков был уволен с военной службы. Последующее время оставался не у дел, умер в 1812 году.

БРУННЕР АНДРЕЙ ОСИПОВИЧ. Родился 18 сентября 1814 года в Москве в семье потомственных военных. Его отец барон Осип Антонович (1771–1841) участник Бородинского сражения, кавалер ордена Св. Георгия 3-й степени, военный инженер, получив тяжелое ранение в сражении под Вильно 10 декабря 1812 года, вышел в отставку в чине генерал-майора. Дед Антон

Генрихович (1731–1803), отличился в ряде сражений Семилетней войны, а также под Фокшанами и Рымнике, при Ларге командовал бригадой, отмечен пятью боевыми орденами, с 1791 года в отставке. Прадед Генрих Осипович (1689–1758), уроженец Зальцбурга, служил в австрийской, а с 1713 года в русской армии. Боевое крещение получил при штурме шведской крепости Нейштадт 9 августа 1714 года. Участвовал в экспедиции на Аланские острова. В последующие годы начальник Сестрорецкого оружейного завода, помощник начальника артиллерийского департамента. В отставку вышел в звании полковника. В 1832 году Андрей окончил 1-й Кадетский корпус с медалью, выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Московский полк. Службу начинал в Польше, затем переведен на Кавказ. Участвовал в экспедициях против горцев. Дважды ранен. Исполнял обязанности военного коменданта крепости Абинская, командовал отрядом при преследовании отрядов Шамиля при отходе их из Аварии. Награжден орденом Св. Анны 3-й степени с бантом. В 1838 году окончил Императорскую военную академию Генерального штаба, причислен к Генеральному штабу по квартирмейстерской части. Старший адъютант, затем начальник штаба пехотной дивизии. Член комиссии по разработке Правил для построения пехотных дивизий в боевые порядки. По совместительству преподаватель тактики в Финляндском кадетском корпусе. С 1840 года командир 85-го пехотного Выборгского полка. Спустя пять лет продолжил службу на Кавказе. Командир 21-й пехотной дивизии в отряде князя Аргунтинского-Долгорукова. Участвовал в штурме аулов Георгебиль и Ахты. В 1847 году произведен в генерал-майоры с назначением вице-директором Департамента военных поселений на юге. В 1849 году, командуя отдельным отрядом, принял участие в Венгерском походе. В следующем году назначен генерал-квартирмейстером пехотных и гвардейского корпусов Прибалтийских губерний, в 1852 году – директором Департамента военных поселений с производством в генерал-лейтенанты. Во время Восточной (Крымской) войны дежурный генерал Генерального штаба Главной квартиры главнокомандующего адмирала А.С. Меншикова. В 1866 году пожалован в генерал-адъютанты, в 1873 году произведен в генералы от инфантерии с назначением членом Государственного Совета. Постоянный член Крепостного комитета при Генеральном штабе. Скончался 9 сентября 1884 года. Похоронен в Москве. Кавалер десяти российских и иностранных орденов.

ВОРОНЦОВ МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ. Родился 19 мая 1782 года в Санкт-Петербурге. Старинный дворянский род Воронцовых имел в числе своих предков немало известных людей – бояр, воевод, дипломатов. Отец Михаила – граф Семен Романович (1744–1832), участник русско-турецкой войны, сражений у Ларге и Кагула, генерал от инфантерии, посол России в Великобритании. Его родной сестрой была княгиня Екатерина Дашкова – первый президент Российской академии наук. Михаил свои детские годы провел в Лондоне, где под руководством отца получил разностороннее образование, в том числе и военное. С четырехлетнего возраста зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1801 году, вернувшись на родину, вступил в военную службу гвардейским поручиком. Через два года направлен на Кавказ. Вскоре отличился при штурме Гянджи, при этом вынес с поля боя раненого П.С. Котляревского, впоследствии известного военачальника. В бою в Закатальском ущелье едва не погиб при падении с горной кручи во время атаки лезгин. В походах в Имеретию и Эриванское ханство выполнял обязанности командира одного из отрядов, за проявленную храбрость награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Конец 1804 года провел в походе на Военно-Грузинской дороге, начало следующего – в горах Осетии. В 1805 году участвовал в осаде крепости Гамелен в Померании. За проявленное умение в руководстве подчиненными в боях под Пултуском произведен в полковники. Командир 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка в боях под Гутштадтом, Гейльсбергом и Фридландом. В 1809 году назначен командиром Нарвского пехотного полка, вошедшего в состав Молдавской армии. Отличился при штурме турецкой крепости Базарджик, в сражениях при Шумлы, под Батином и Систово, за что удостоен ордена Св. Владимира 3-й степени и чина генерал-майора. Осенью 1810 года во главе отдельного отряда занял города Плевну, Ловчу и Сельви, где уничтожил турецкие укрепления. За боевые отличия, проявленную инициативу в сражениях под Рушуком и на правом берегу Дуная награжден орденами Св. Владимира 2-й степени и Св. Георгия 3-й степени. «Боевое молодечество, расчет и маневр – вторая натура графа Воронцова», – писал М.И. Кутузов. С началом Отечественной войны 1812 года командир сводной гренадерской дивизии, действующей под Дашковым и Смоленском. В Бородинском сражении его

гренадеры защищали Семеновские флешы. Отмечен орденом Св. Анны 1-й степени. Получив тяжелое ранение, находился на излечении в своем имении во Владимирской губернии. В заграничных походах русской армии отличился в боях у Бромберга, занял Познань. Произведенный в генерал-лейтенанты, успешно действовал у Магдебурга и реки Эльбы, под Лейпцигом, при Краоне, под Лаоном и Парижем. Награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. В 1815–1818 годах командир оккупационного корпуса во Франции, затем 3-го пехотного корпуса. В 1823 году назначен генерал-губернатором Новороссии (Северное Причерноморье) и Бессарабии. Много полезного сделал для развития экономики края, устройства судоходства по Черному морю. Покровительствовал А.С. Пушкину. В 1825 году произведен в генералы от инфантерии. В 1828 году руководил осадой и штурмом Варны, за что награжден золотой шпагой. В 1834 году отмечен орденом Св. Андрея Первозванного. С 1844 года – главнокомандующий войсками на Кавказе и наместник императора. Провел Даргискую операцию, завершившуюся штурмом аула Дарго. Возведен в княжеское достоинство. В 1847 году возглавил войска, действовавшие в Дагестане, руководил штурмом Гергебиля и Сальты. В 1856 году в день коронации Александра II пожалован в генерал-фельдмаршалы. Скончался в том же году, 6 ноября в Одессе, где и погребен в соборном храме. От брака с графиней Елизаветой Ксаверьевной Браницкой имел сына Семена. Автор «Дневника», ряда работ по военной истории. 25 марта 1867 года ему установлен памятник в Тифлисе.

ВОРОНЦОВ-ДАШКОВ ИЛЛАРИОН ИВАНОВИЧ. Родился 27 мая 1837 года в Петербурге в семье действительного тайного советника, члена Государственного совета Ивана Илларионовича Воронцова, с 1807 года (после смерти Е.Р. Дашковой) Воронцова-Дашкова. В 1855 году поступил в Московский университет, в следующем году вступил вольноопределяющимся в гвардию. С 1858 года на Кавказе, участвовал в боях под Ведено и Гулибом, адъютант и командир конвоя А.И. Барятинского, с 1861 года – великого князя Александра Александровича (Александра III), его личный друг. В 1865 направлен в Туркестан, командир авангарда в боях под Мирза-Арабабатом, при штурме Ура-Тюбе и Джизак командир колонны. С 1866 года помощник губернатора Туркестанской области, в следующем году командир лейб-гвардии гусарского полка, генерал-майор. В 1873 году командир бригады, с 1874 года начальник штаба Гвардейского корпуса, генерал-адъютант. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов начальник кавалерии Рушукского отряда, командир 2-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант. С 1881 года министр императорского двора, в 1882 году возведен в звание генерала от кавалерии. В 1897–1899 годах член Государственного совета. С 1905 года граф, наместник на Кавказе, командующий войсками Кавказского военного округа, наказной атаман Кавказских казачьих войск, с начала Первой мировой войны командующий Кавказской армией. Скончался 15 января 1916 года в Алушке Ялтинского уезда. Крупный землевладелец, кавалер шестнадцати российских и иностранных орденов. Супруга – Е.А. Шувалова, имели двух сыновей и трех дочерей.

ВРАНГЕЛЬ АЛЕКСАНДР ЕВСТАФЬЕВИЧ. Родился в 1804 году в семье барона Е.А. Врангеля, юриста. В 1821 году окончил Пажеский корпус. Участник русско-турецкой и русско-персидской войн, с 1830 года командир полка. С 1831 года на Кавказе. При штурме Ахульго в 1839 году командовал колонной, полковник. С 1844 года начальник Каспийской области, затем шемахинский военный губернатор, генерал-майор. С 1855 года командир 2-й гвардейской пехотной дивизии, генерал-лейтенант, спустя год кутаисский губернатор, генерал-адъютант. Командир отряда при штурме Гуниба. С 1860 года командующий 5-м армейским корпусом, с 1862 года член Государственного совета, в 1866 году произведен в генералы от инфантерии. Скончался 30 декабря 1880 года. Кавалер одиннадцати российских и иностранных орденов.

ВРАНГЕЛЬ КАРЛ КАРЛОВИЧ. Родился в 1800 году, происходил из баронского рода датского происхождения, в XII веке переселившегося в Эстляндию, на русской службе с XVIII столетия. В 1818 году окончил Пажеский корпус, подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка. Участник войн с Персией и Турцией, командир отряда, драгунского полка, с 1831 года генерал-майор, в Кавказской войне командир бригады, во главе которой отличился при взятии

аула Гергебиля, с 1854 года командир 21-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант. Во время Крымской войны командовал Эриванским отрядом, 17 июля 1854 года нанес поражение корпусу Селим-Паши, занял Баязет. С 1861 года генерал от инфантерии, командующий 3-м и 4-м пехотными корпусами, Киевским военным округом. С 1862 года инспектор войск, член Государственного совета. Скончался в 1872 году в Эстляндии в родовом имении. Кавалер одиннадцати российских и иностранных орденов.

ГАСФОРД ГУСТАВ ХРИСТИАНОВИЧ. Родился 13 октября в имении Мюде в Эстляндии, куда переехал в 1699 году его прадед с семьей из германского княжества Бранденбург, став основателем русской ветви старинного бранденбургского рода Гасфордов. Поступив на военную службу в российскую армию, он принял участие в ряде сражений Северной войны, выйдя в отставку, занял должность чиновника артиллерийского Департамента. Отец – Христиан Иванович (Христиан-Иоганн-Бурхард Гасфорд, 1756–1819) около сорока лет прослужил в русской армии, участник двух русско-турецких войн, прошел путь от прапорщика до генерал-майора, выйдя в отставку после ранений, полученных в сражении под Данцигом в 1813 году. Дед Густава – Иван Иванович (Иоганн-Август-Фридрих, 1713–1781) служил в артиллерии, выйдя в отставку в 1772 году в чине полковника. Густав в 1812 году окончил Сухопутный кадетский корпус, выпущен прапорщиком в Финляндский полк. В его составе участвовал в сражениях при Бородино и Тарутино. Командир учебной команды по подготовке ополчения во время нахождения русской армии в Тарутинском лагере. За боевые отличия в сражении под Малоярославцем награжден орденом Св. Анны 4-й степени с мечами. За Вязьму произведен в поручики, за Березину – в штабс-капитаны. При взятии Вильно «проявил личное мужество и умение действовать инициативно», за что награжден золотым оружием. Во время заграничных походов русской армии 1813–1814 годов принял участие в сражениях при Люцене и Кульме. За Лейпциг награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. При вступлении русских войск в Париж помощник коменданта одного из секторов французской столицы. В 1815–1816 годах помощник директора (начальника) Училища колонновожатых. С марта 1818 года командир гусарского полка, спустя год – начальник Красносельских лагерей, полковник. Деятельность его на этом посту, по воспоминаниям современников, была признана весьма плодотворной, особенно в создании материальной базы (полигонов, стрельбищ), а также в улучшении бытовых условий офицеров и нижних чинов команды. В 1823 году назначен начальником Школы гвардейских прапорщиков, которая проходила процесс своего создания и становления. Спустя два года переведен старшим офицером Главного штаба, затем начальником отделения инспектирования военно-учебных заведений. С началом русско-турецкой войны 1828–1829 года помощник начальника штаба 1-й армии, генерал-майор. В последующем начальник штаба 4-го пехотного корпуса, 6-го пехотного корпуса, Кавказской армии. Организатор экспедиции в мае 1830 года против отряда Гази-Магомеда. Командир отряда при отражении нападения Шамиля на столицу Аварии аул Хунзах. Помощник командира отдельного Кавказского корпуса генерала Г.В. Розена. За умелые действия при штурме крепости Гимрезе награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Член русской делегации при заключении Уникар-Йскелесского русско-турецкого договора. В 1840 году получил назначение командиром 15-й пехотной дивизии с присвоением звания генерал-лейтенанта. Член комиссии по разработке устава для управления армией в мирное время. В 1849 году командир отряда в Трансильвании. Отличился при штурме Мишкольца и в боях с повстанцами в долине реки Тисса. Отрадив наступления неприятеля, внезапным ударом овладел Германштадтом, разбив венгров в боях при Кельнепе, захватив 1200 пленных и два знамени. Награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. С 1851 года генерал-губернатор Западной Сибири, с 1853 года генерал от инфантерии. Современники отмечают большой вклад Густава Христиановича в обустройстве края, особенно в «развитие промышленности, судоходства, строительство дорог, речных причалов и портов». В 1856 году введен в состав Государственного совета. В 1858–1860 годах руководил походом в Кашгар (Каши), крепости на границе с Китаем, и в Кашкардарьинскую область. С 1864 года в отставке. Скончался 17 сентября 1874 года в родовом имении в Эстляндии, где и похоронен. Кавалер двенадцати российских и иностранных орденов.

ГЕДЕОНОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ. Родился 16 января 1816 года в Петербурге.

Происходил из дворянского рода, родоначальник которого Хрисанф Тимофеевич, поручик смоленской шляхты, погиб во время Северной войны. В 1834 году окончил Пажеский корпус, прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка, в 1840 году участник похода в Хиву, командир отряда, в 1850 году – похода в Киргизию, командир казачьего полка, полковник. С 1852 года генерал-майор, в сражении у Баязета в июле 1854 года командовал дивизией, награжден орденом Св. Георгия, генерал-лейтенант. В русско-турецкой войне 1877–1878 годов командовал корпусом, с 1882 года генерал от инфантерии, сенатор, управляющий межевой частью, попечитель Императорского Человеколюбивого общества. Скончался 20 января 1907 года.

ГОЛОВИН ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Родился в 1782 году. Происходил из дворянского рода графов Головиных. По окончании в 1797 году Московского университета поступил подпрапорщиком в Преображенский полк. Участвовал в войнах с Францией 1805–1807 годов и в русско-турецкой войне 1806–1812 годов, отличился, командуя отрядом в сражениях при Аустерлице, у Шулмы и Батина. С 1811 года командир Фанагорийского гренадерского полка, полковник. В Отечественной войне командовал полком, проявил себя в сражениях при Бородино, Лютцине и Лейпциге, произведен в генерал-майоры. В сражении при Варне в 1828 году командовал бригадой, с 1831 года – 26-й пехотной дивизией. С 1838 года назначен командиром Отдельного Кавказского корпуса и управляющим гражданской администрацией на Кавказе, с 1839 года генерал от инфантерии. Под его руководством был заложен порт Новороссийск. Вел активные боевые действия против отрядов Шамиля. Руководил сооружением дорог и Самурской укрепленной линии. В 1845–1848 годах губернатор Прибалтики, член Государственного совета, в 1855 году начальник Смоленского ополчения. Скончался в 1858 году. Кавалер десяти российских и иностранных орденов.

ГОРЧАКОВ ПЕТР ДМИТРИЕВИЧ. Родился 24 июня 1789 года в семье Д.П. Горчакова, сатирика, члена Российской академии, младший брат Михаила Дмитриевича, князя, генерала от артиллерии, генерал-адъютанта, члена Госсовета. Службу начал в 1807 году юнкером. Участвовал в войнах России с Турцией, Швецией и Францией, Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах, особенно отличился в сражениях под Шумлой, при Бауцене и под Лейпцигом, с 1819 года генерал-майор. В следующем году управляющий Имеретией, организатор операции против горцев и выступлений в Абхазии, с 1825 года генерал-лейтенант командир 22-й пехотной дивизии, спустя год – генерал-квартирмейстер 2-й армии. Умело командовал войсками при штурме Силистрии в русско-турецкой войне 1828–1829 годов. В 1836–1851 годах генерал-губернатор Западной Сибири, с 1852 года генерал от инфантерии. В Альминском сражении 1854 года командовал войсками правого крыла русской армии, в Инкерманском сражении – Чонгурским отрядом. С 1855 года командир 6-м пехотным корпусом, член Госсовета. Скончался 6 марта 1868 года.

ГРАББЕ ПАВЕЛ ХРИСТИАНОВИЧ. Родился в 1789 (по другим данным в 1787) году. На военной службе с 1805 года, отличился под Шенграбенем, награжден орденом Св. Анны 4-й степени. В Отечественной войне 1812 года и в заграничных походах командир эскадрона гусар, партизанского отряда, награжден орденами Св. Георгия 4-й степени. Св. Анны 2-й степени. Св. Владимира 4-й степени с бантом. Член Союза благоденствия. В январе 1826 года арестован, четыре месяца находился в Динамюндской крепости. В русско-турецкой войне 1828–1829 годов командир полка, отдельной бригады, произведен в генерал-майоры. В последующие годы начальник штаба 7-го пехотного корпуса, командир 2-й драгунской дивизии, в 1838–1848 годах начальник Кавказской линии, генерал-лейтенант, с 1839 года генерал-адъютант. Участник похода в Венгрию 1849 года, с 1855 года генерал от кавалерии, войсковой атаман Донского казачьего войска, граф. С 1866 года член Государственного совета. Скончался 15 июля 1875 года.

ГУДОВИЧ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ. Родился 21 мая 1731 года в Малороссии в родовом имении близ Полтавы. Происходил из дворянского рода, переселившегося в Россию из Речи Посполитой в первой половине XVII века. Отец Василий Андреевич (1697–1764) был малороссийским генерал-прокурором, дед Андрей Павлович (1654–1723) – казачьим атаманом войска Донского, прадед – участник польско-турецких войн 1672–1776 и 1683–1699 годов. Андрей

получил образование в Кёнигсбергском и Лейпцигском университетах. С 1749 года на военной службе в русской армии, поручик лейб-гвардии Семеновского полка. В конце царствования императрицы Елизаветы Петровны состоял при великом князе Петре Федоровиче в звании голштинского камергера и в чине полковника. По вступлении на престол Петра III назначен генерал-адъютантом с чином бригадира, пожалован в день коронации 15 тысячами крестьян. Ближайший советник и любимец императора. В 1762 году был послан в Курляндию с поручением Петра III подготовить избрание герцогом принца Георга Голштинского. Отмечен чином генерал-майора. Во время переворота в ночь на 28 июня 1762 года в пользу Екатерины Алексеевны принцессы Ангальт-Цербтской (Екатерины II) безотлучно находился при Петре III и был вместе с ним арестован. Императрица Екатерина II предложила Андрею Васильевичу остаться на службе, но он, выйдя в отставку, уехал за границу. Вернувшись в 1765 году в Россию, безвыездно прожил в одном из своих имений Черниговской губернии до смерти императрицы Екатерины II. Новый император Павел I немедленно вызвал Андрея Васильевича в Санкт-Петербург, произвел его в генерал-аншефы, пожаловал орденом Св. Александра Невского и назначил его «в командование войсками Кавказа и Кубани, где обстоятельства требуют начальника отличных способностей», – писал в распоряжении главнокомандующий генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин. Вел войну с горцами. В июне 1791 года при поддержке осадной артиллерии, используя густой туман, штурмом овладел крепостью Анапа, пленив более 13 тысяч турок и захватил около ста знамен. Награжден орденом Св. Георгия второй степени и шпагой, украшенной бриллиантами. По завершении войны главное внимание сосредоточил на укреплении кавказской границы Российской империи, где возвел крепости Усть-Лабинская, Кавказская, Шелководская, ряд укреплений и множество передовых постов. За эти труды награжден орденом Св. Андрея Первозванного. Обиженный в 1796 году назначением графа В.А. Зубова главнокомандующим силами, направленными на войну с Персией, подал прошение об отставке. Та, пожаловав ему 1800 душ крепостных, прошение это приняла сроком на два года. Но Павел I, вступив на престол, вновь отправил Гудовича на Кавказ, повелев принять командование над войсками В.А. Зубова. В день своей коронации он пожаловал Гудовичу графское достоинство. С 1798 года – киевский, затем подольский генерал-губернатор. В 1799 году назначен главнокомандующим армиями, готовыми выступить в поход за границу, на Рейн. Но за критику порядков, введшихся в армии императором, в июне 1800 года вновь уволен с военной службы. В 1806 году вновь призван в армию и назначен главнокомандующим войсками, расположенными в Грузии и в Дербенте. В результате проведенных походов к России были присоединены Дербентское, Шекинское и Бакинское ханства. Образовалась новая русско-персидская граница, где началось сооружение крепостей, укреплений и постов. Летом 1807 года на Кавказе развернулись боевые действия с турецкими войсками, которые были разгромлены войсками Гудовича в сражениях у селения Гумры и на реке Арпачай. После этих поражений турецкая армия надолго отказалась от активных действий. 30 августа 1807 года «за проявленное искусство по разгрому превосходящего по силам неприятеля» Гудович был возведен в звание генерал-фельдмаршала. Спустя месяц под его руководством началось наступление на Эриванское ханство, которое поддерживалось персидским шахом. Персы были отброшены, и 17 ноября русский главнокомандующий решился на штурм сильно укрепленной Эривани. Но попытка взять эту крепость оказалась неудачной, и русские войска ввиду наступления зимы ушли в Грузию. Тяжелая болезнь с потерей глаза, вражда с военным министром Аракчеевым, вынудили генерал-фельдмаршала подать прошение об отставке. В августе 1809 года он был назначен главнокомандующим Москвы со званием сенатора и членом Государственного совета. Но состояние здоровья не позволило долго работать на этом посту. В феврале 1812 года И.В. Гудович вышел в полную отставку. Остаток жизни провел в своем имении в Подолии. Скончался 22 января 1820 года и по завещанию похоронен в Киеве. Супруга – графиня Прасковья Кирилловна, дочь генерал-фельдмаршала К.Г. Разумовского. Имели трех дочерей. Сын Андрей Иванович – герой Отечественной войны 1812 года, генерал-майор, георгиевский кавалер, в 1832–1841 годах был предводителем московского дворянства. Брат Ивана Васильевича – Андрей Васильевич (1731–1808) в 1796 году выслужил чин генерал-аншефа. Оценки современников и историков личности А.В. Гудовича весьма разноречивы. Отмечаются его разносторонние знания, в том числе и военного дела, хорошо развитые организаторские способности, решительность в действиях,

твердость убеждений. Вместе с тем, подчеркивается его высокомерие, раздражительность, неуживчивость, бескомпромиссность суждений. Ряд мемуаристов выделяет в качестве главной его черты характера высокое себялюбие, переоценку своих возможностей при решении тех или иных задач, излишнюю прямолинейность в суждениях и действиях.

ДОЛГОРУКИЙ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ. Происходил из древнего рода князей Черниговских. Родился в 1667 году и службу начал стольником при царях Иване и Петре Алексеевичах. Затем стал офицером Преображенского полка, в составе которого участвовал в Северной войне, был ранен при штурме Митавы в 1705 году, умирал восставших донцов Булавина в 1708 году, сражался со шведами под Полтавой, разделил с армией горечь неудачи Прутского похода 1711 года и радость победы под Штетином в 1713 году, став генерал-поручиком и одним из первых кавалеров ордена Св. Андрея Первозванного. Но затем князь навлек на себя подозрения царя при рассмотрении дела об измене царевича Алексея, был лишен чинов, наград и имений и сослан в Казань, где провел более семи лет. Лишь в конце 1724 года император позволил Василию Владимировичу вернуться на службу с чином бригадира. После смерти Петра Великого его супруга вернула Долгорукому орден и произвела его в генерал-аншефы. Но Меншиков, боявшийся конкурентов, добился удаления князя из столицы и назначения его на Кавказ, куда он прибыл в 1726 году. Новый командующий был поражен плачевным состоянием находившихся там российских войск. В августе 1726 года он писал императрице: «...Здесь корпус генералитет, штаб- и обер-офицеры без прибавки жалованья пропитать себя не могут по здешней дороговизне; офицеры пришли в крайнюю нищету несносную, что уже один майор и три капитана с ума сбредли, уже многие знаки свои и шарфы закладывают...». Провел ряд успешных походов, пытался укрепить влияние России среди местных правителей Кавказа, но не находил поддержки своих действий в Петербурге. Петр II в день коронации, 25 февраля 1728 года, произвел Долгорукого в генерал-фельдмаршалы и отозвал в Петербург.

ДОНТУКОВ-КОРСАКОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Родился 12 сентября 1820 года в Петербурге. Происходил из княжеского рода, родоначальником которого был калмыцкий хан Аюка (1642–1724). Отец – князь Михаил Александрович (1794–1869), тайный советник, вице-президент Петербургской Академии наук, мать – княгиня Мария Никитична (1806–1884). В 1841 году окончил юридический факультет Петербургского университета. Военную службу начал юнкером лейб-кирасирского полка, с 1844 года адъютант М.С. Воронцова, в 1845–1851 годах участвовал в военных действиях на Кавказе, отличился в Даргинской экспедиции. В 1853 году откомандирован в Алжир для ознакомления с французским опытом организации военных действий. Во время Крымской войны командир Нижегородского драгунского полка, отличился в сражениях при Кюрик-Дара и Карее, генерал-майор. В 1859–1863 годах начальник штаба войска Донского. С 1869 года генерал-адъютант, киевский, подольский, волынский генерал-губернатор, командующий войсками Киевского военного округа (с 1877 года), генерал-лейтенант, с 1878 года генерал от кавалерии. В русско-турецкой войне командир 13-го армейского корпуса, Восточного отряда. В последующие годы харьковский и одесский генерал-губернатор, командующий войсками Харьковского военного округа, в 1882–1890 годах главнокомандующий гражданской частью и командующий войсками Кавказского военного округа, член Государственного совета. Скончался 15 апреля 1893 года в селе Полоная Порховского уезда Псковской губернии. Кавалер двенадцати российских орденов.

ЕВДОКИМОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ. Родился в 1804 году в станице Наурская Георгиевского уезда Кавказской губернии в семье подпоручика. Службу начал в 1820 году вольноопределяющимся в Тенгинском пехотном полку. В 1824 году за боевое отличие произведен в прапорщики. Участник русско-персидской войны и боевых действий против горцев. Возглавляя отряд, отличился при штурме аулов Гимры и Гоцатль в 1834 году, произведен в полковники, назначен начальником Ахалцихской провинции. В Ичкерийской и Аварской экспедициях командовал отрядом. С 1844 года командир казачьего полка, Дагестанского конного полка, спустя два года – бригады, генерал-майор. С 1855 года командир 20-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант, руководил боевыми действиями в боях за Ведено и Гуниб, пленение Шамиля

25 августа 1859 года, за что произведен в генерал-адъютанты и возведен в графское достоинство. С 1860 года начальник всех войск, действовавших на Восточном Кавказе, с 1864 года генерал от инфантерии, с 1865 года в отставке. Скончался 22 мая 1873 года в Пятигорске. Детей не имел.

ЕПАНЧИН НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ. Родился в марте 1857 года в Киеве. В 1875 году окончил 1-е Павловское военное училище, выпущен прапорщиком и направлен в гвардию. Участник военных действий против Коканда в 1876 году, русско-турецкой войны 1877–1878 годов, отличился при штурме Карса, произведен в капитаны. После окончания в 1881 году Академии Генерального штаба проходил службу в Главном штабе, штабах Киевского и Варшавского военных округов. С 1900 года генерал-майор, заместитель председателя комиссии по разработке «Положения об управлении крепостями». В 1901 году назначен директором Пажеского Его Императорского Величества корпуса. С 1909 года генерал-лейтенант, командир 42-й пехотной дивизии, начальник штаба Казанского военного округа, командующий войсками Сибирского военного округа. С 1914 года генерал от инфантерии. В годы Первой мировой войны командир 3-го армейского корпуса, отдельного резервного корпуса, военный представитель России в Румынии. С марта 1917 года в отставке. В следующем году выехал во Францию, где и скончался предположительно в 1923 году.

ЕРМОЛОВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ. Родился 24 мая 1777 года в Москве в семье управляющего канцелярией генерал-прокурора. В 1784–1791 годах учился в Благородном пансионе при Московском университете. Военную службу начал в Нижегородском драгунском полку. участвовал в штурме Праги в 1794 году, осаде Дербента в 1796 году. В последующие годы командир конно-артиллерийской роты, с 1806 года – 7-й артиллерийской бригады, полковник. Отличился в сражениях при Гуттштадте и Фридланде. С 1810 года генерал-майор, инспектор артиллерии, начальник резервных войск, командир гвардейской пехотной дивизии. С лета 1812 года начальник штаба 1-й Западной армии, участник крупнейших сражений Отечественной войны. Во время Заграничных походов командующий артиллерией объединенной армии, командир гренадерского и пехотного корпусов, генерал-лейтенант. Отличился в сражении при Кульме и при взятии Парижа. С июня 1816 года командир Отдельного Грузинского (в последующие годы – Кавказского) корпуса, чрезвычайный и полномочный посол в Иране. В 1818 году присвоено звание генерала от инфантерии, тогда же назначен главнокомандующим русскими войсками на Кавказе. Под его руководством началось строительство крепостей на Северном Кавказе, развернулись военные действия в Чечне, к России были присоединены Абхазия, Карабахское и Ширванское ханства. Большое внимание уделяет разработке местного законодательства и созданию органов самоуправления. С началом русско-персидской войны главнокомандующий русскими войсками. В марте 1827 года подал в отставку. С лета 1827 года жил в Орле, с 1831 года – в Москве, член Государственного совета, ряда государственных комиссий, с 1837 года генерал от артиллерии. В 1853–1855 годах начальник Московского ополчения. Скончался 11 апреля 1861 года, похоронен в Орле. Кавалер одиннадцати российских и иностранных орденов. Автор «Записок» – воспоминаний о военных событиях 1798–1826 годов.

ЗАСС ГРИГОРИЙ ХРИСТОФОРОВИЧ. Родился 29 апреля 1797 года, происходил из древнего вестфальского баронского рода, переселившегося в XV веке в Прибалтику. В 1813 году поступил юнкером в Гродненский гусарский полк, с которым участвовал в Заграничном походе. За мужество, проявленное в сражениях под Дрезденом, Кульмом и Лейпцигом, награжден знаками отличия Военного ордена и произведен в корнеты. В последующие годы проходил службу в Псковском кирасирском и Нижегородском драгунском полках. С 1820 года на Кавказе, участвует в русско-турецкой войне, с 1830 года командир Моздокского казачьего полка, совершил ряд экспедиций в Чечню и Дагестан. С 1833 года командир Баталпашинского участка Кубанской линии, генерал-майор, спустя год – Кубанской линии. С 1840 года начальник правого фланга Кавказской линии, генерал-лейтенант, основал ряд станиц. После венгерского похода 1849 года в отставке. С 1864 года вновь в Кавказской армии, в 1877 году произведен в генералы от кавалерии. Скончался 4 декабря 1883 года. Кавалер двенадцати российских и иностранных орденов. С 26 августа 1904 г. вечный шеф 1-го Лабинского полка Кубанского казачьего войска.

ЗУБОВ ВАЛЕРИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ. Герой Персидского похода 1796 года родился 28 ноября 1771 года в родовом имении Дворки Владимирской губернии. По семейному преданию Зубовы происходили от татарского баскака (сборщика дани), в 1327 году принявшего крещение

под именем Захарий. Отец Валериана, его братьев Платона (фаворита императрицы Екатерины II) и Николая Александр Николаевич Зубов (1727–1795) служил в армии, в 1758 году вышел в отставку в чине подполковника. С ростом влияния старшего сына при дворе стал в 1792 году сенатором, в следующем году (вместе со всем потомством) – графом Священной Римской империи. На военную службу Валериан поступил в 1784 году вахмистром конной гвардии, в 14 лет произведен в корнеты, в 18 – в подполковники, флигель-адъютанты. В 1789 году в действующей армии. Но воевать с турками ему не пришлось. После взятия Бендер генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин направил его в столицу с известием об этом событии. Лично императрицей произведен в полковники. Возвратившись в действующую армию, принял участие в штурме Измаила, будучи начальником колонны, направленной на Килийские ворота. По докладу генерала М.И. Голенищева-Кутузова «действовал умело, отважно, исключительно храбро», за что награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, чином бригадира и полковника лейб-гвардии Измайловского полка. Вновь отличился в Польше в 1792 году и особенно в 1794 году под началом А.В. Суворова, который аттестовал его как «даровитого и храброго начальника». Награжден орденом Св. Александра Невского, возведен в графское достоинство. При переправе через Западный Буг вражеское ядро оторвало Валериану Александровичу ногу. Лечение заняло три года – английские ортопеды так удачно сделали протез, что он мог не только ходить, но и ездить верхом. За боевые отличия в Польше был отмечен орденом Св. Георгия 3-й степени, чином генерал-поручика, орденом Св. Андрея Первозванного. В марте 1796 года произведен в генерал-аншефы с назначением командующим русскими войсками, направляемыми в Персидский поход (экспедицию). Соединениями командовали генералы П.Д. Цицианов, А.М. Римский-Корсаков, Л.Л. Беннигсен, донской атаман М.И. Платов, граф С.С. Апраксин. В начале апреля В.А. Зубов прибыл в Кизляр, где был уточнен план похода, согласованы действия с каспийской военной флотилией. 18 апреля после форсирования Терека начался двухсторонний охват крепости Дербент, столицы ханства, подвассального Персии. Попытка ночного штурма крепости не увенчалась успехом. Началась ее осада. Генеральный штурм был назначен на 10 мая. С рассвета крепость капитулировала. В качестве трофеев было взято 28 орудий, 5 знамен, 11 тысяч единиц огнестрельного и холодного оружия. Валериан Александрович был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени и бриллиантовыми знаками к ордену Св. Андрея Первозванного. В последующем были заняты Баку, Кубинское ханство, вышли к реке Гелгели. К середине июля территория от реки Кура до реки Аракса оказалась под контролем отрядов экспедиции. Вскоре под покровительство России перешло Гянджинское ханство, примеру которого последовали Казикумыхское и Шемахинское ханства. Русскими войсками был занят весь западный берег Каспийского моря. Смерть императрицы Екатерины II 6 ноября 1796 года изменила последующие планы Персидского похода. Все военные действия прекратились. Значительная часть войск отводилась за Кавказскую линию. Генерал-аншеф В.А. Зубов был уволен в отставку. Проживал в одном из своих имений в Курляндии под надзором полиции. В 1800 году вновь призван на службу с назначением директором 2-го кадетского корпуса, «проявив себя способным администратором и педагогом». С марта 1801 года член Совета при императоре, генерал-адъютант. Скончался 21 июня 1804 года от «водяной болезни». Похоронен в Сергиевской пустыни близ Петергофа. «Главным делом его жизни стало расширение границ Российской империи», отмечалось в некрологе.

КОТЛЯРЕВСКИЙ ПЕТР СТЕПАНОВИЧ. Родился 12 июня 1782 года в селе Ольховатка Харьковской губернии в семье священника и, идя по стопам отца, обучался в Харьковском духовном училище. Случай изменил его судьбу: зимой 1792 года их дом посетил, укрываясь от бурана, подполковник И. Лазарев, служивший на Кавказе. Через год, добившись согласия отца, он вызвал одиннадцатилетнего мальчика к себе в Моздок. Петр был определен рядовым в Кубанский егерский корпус, в 4-й батальон. Вскоре стал сержантом. В 1796 году участвовал в Персидском походе, в штурме Дербента. В 1799 году произведен в подпоручики и назначен адъютантом к Лазареву, тогда уже генерал-майору, шефу 17-го егерского полка. Сопровождал его в переходе через Кавказский хребет в Грузию. В 1800 году принял участие в отражении нападения отряда лезгин на Тифлис. За проявленную инициативу и мужество получил чин штабс-капитана. После трагической гибели своего воспитателя (генерал Лазарев был зарезан в покоях царицы Тамары)

получил под свою команду роту родного ему 17-го егерского полка. В 1803 и 1804 годах дважды штурмовал Гянджу, дважды был ранен. Отмечен орденом Св. Анны 3-й степени и чином майора. С началом русско-иранской войны 1804–1813 годов командир отряда, защищавшего от персов Карабах, в бою у реки Аскарани нанес неприятелю поражение, отойдя к замку Мухрат. Дважды раненный участвовал в экспедиции против бакинского хана, а затем против персов в боях у Аскарани и Хонашин. В 1807 году произведен в полковники. Возглавляя отряд, нанес поражение превосходящим силам персов у Карабаба и под Нахичеванью. Обойдя крепость Мигри, ночью он атаковал ее с тыла, имитируя штурм на одном из флангов. У реки Аракс разгромил главные силы персов, нанеся по ним удар с трех сторон. За доблестные действия награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, получил назначение командиром Грузинского гренадерского полка. За успешный поход на Ахалцих и ночной штурм Ахалкалаки удостоен звания генерал-майора. 19 октября 1812 года переправившись через Аракс, отряд генерала Котляревского атаковал персидские войска под Асландузом, ночным штурмом овладел крепостью. Награжден орденом Св. Георгия 3-й степени, получил звание генерал-лейтенанта. Подойдя к Ленкорани, крепости, окруженной болотами и удерживаемой гарнизоном, почти в три раза превосходившим атакующих, Петр Степанович решил прибегнуть к испытанному способу – ночному штурму. Всю ночь кипел жаркий бой. Крепость была взята. Котляревского нашли среди груды мертвых тел, получившим три ранения. Награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. Персы были сломлены и пошли на заключение выгодного для России Гюлистанского мира. Петр Степанович, страдая от полученных ран, лишившись глаза, уехал на Украину, купив имение сперва вблизи Бахмута, затем около Феодосии, где проходил курс лечения. С началом русско-иранской войны 1826–1828 годов император Николай I удостоил Котляревского чином генерала от инфантерии, предложив ему должность главнокомандующего на этом театре войны. Однако здоровье не позволило дать согласия на этот высокий пост. Он остался жить в уединении, мучимый полученными ранами. «Стал угрюмым и молчаливым, – писал один из его сослуживцев генерал Николай Федорович Ртищев. – Проявлял, однако, неизменную доброту и щедрость к окружающим, особенно к воинам-инвалидам». Скончался 21 октября 1852 в селе Александрове близ Бахмута, где и похоронен. «Это был настоящий воин в ранге военачальника, грамотный в военном деле, немало сделавший для Отечества», отмечал русский историк А.А. Керсновский. В честь его военных заслуг ему был установлен памятник в Гяндже, которую в молодости штурмовал. Близ Феодосии на высокой горе на фоне моря был построен по инициативе художника И. Айвазовского мавзолей, ставший музеем П.С. Котляревского.

КОЦЕБУ ПАВЕЛ ЕФСТАФЬЕВИЧ. Родился в 1801 году в Петербурге. В 1820 году окончил Пажеский корпус, подпрапорщик Преображенского полка, участник русско-турецкой войны 1828–1829 годов, с 1840 года командир полка, полковник, с 1843 года генерал-майор свиты императора, генерал-квартирмейстер действующей армии. В 1846 году назначен начальником штаба Кавказского корпуса, с 1853 года начальник штаба ряда пехотных корпусов, принимавших участие в Крымской войне, с 1855 года генерал-лейтенант, начальник штаба Южной армии, командир 5-го пехотного корпуса, начальник штаба 1-й армии, с 1859 года генерал от инфантерии, командующий Одесским военным округом, новороссийский генерал-губернатор. С 1861 года член Госсвета, в 1874–1879 годах варшавский генерал-губернатор. Скончался в 1884 году. Кавалер десяти российских и иностранных орденов.

ЛАЗАРЕВ ИВАН ПЕТРОВИЧ. Родился в 1763 году. В 1775 году поступил на военную службу капралом в лейб-гвардии полк, в 1884 году был произведен в корнеты. В 1789 году в чине секунд-ротмистра участвовал в войне со Швецией, по окончании которой в чине подполковника был переведен в новоформируемый Московский гренадерский полк. В 1792 году назначен командиром 4-го батальона Кубанского егерского корпуса. Именно тогда Лазарев познакомился с молодым Котляревским, уговорил его поступить на военную службу и назначил своим адъютантом. Отличился при взятии Анапы и Дербента. Ему было поручено формирование 18-го егерского пехотного полка, за выполнение этой задачи он был произведен в полковники и назначен шефом этого полка. В 1878 году произведен в генерал-майоры. По просьбе грузинского царя Георгия XII был направлен в 1799 году в Тифлис из Моздока со своим полком. В грузинской столице оказался в очень тяжелом моральном и материальном положении, несмотря на это смог

решить ряд вопросов, связанных с расквартированием и материальным обеспечением войск. Когда в 1800 году в Грузию вторглось войско аварского хана, Лазарев выступил ему навстречу и на реке Иоре нанес решительное поражение. Был награжден командорским крестом Святого Ионна Иерусалимского. После смерти Георгия XII в Грузии началась междоусобная смута. В борьбу за власть вступили родственники и дети покойного царя. Урезонить их уговорами было невозможно. Было принято решение выслать в Россию всех членов царствующего дома Грузии а саму страну превратить в одну из губерний Российской империи. Лазареву было поручено вывезти вдовствующую царицу Марию. При выполнении этой задачи в 1803 году генерал был убит кинжалом.

ЛЕВАШОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Родился в 1682 году в старинной военной семье. Его дед был воеводой в ополчении князя Д.И. Пожарского в 1612 году, отец участвовал в войне с Польшей 1676–1681 годов. Сам он военную службу начал в потешных войсках и в 1697 году уже был прапорщиком в Преображенском полку. Три года обучался фортификации, артиллерии и другим военным наукам во Франции и Англии. Начиная со сражения под Нарвой 1700 года, он активно участвовал в Северной войне. В день подписания Ништадского мира был награжден золотой медалью с портретом Петра I. Затем занимался вопросами подготовки Каспийского похода, отвечал за рекогносцировку и оборудование маршрутов выдвижения войск к Астрахани. С началом действий в Дагестане руководил отдельными отрядами, в том числе и десантными силами, высадившимися на южном побережье Каспийского моря. После отъезда Долгорукого в 1728 году распутывать «Персидский узел» было поручено командиру Прикаспийского корпуса Алексею Николаевичу Левашову, который был произведен в генерал-аншефы и наделен особыми полномочиями. Это был достаточно опытный военачальник, но крайне слабый дипломат. В период с 1732 по 1734 год в Дагестане он был смещен принцем Людвигом-Вильгельмом Гессен-Гамбургским, который только ухудшил обстановку в регионе, а в 1734 году был отозван в Петербург. Вернувшись на Кавказ в 1734 году, Левашов пытался исправить сложившееся там положение, но это не входило в планы Бирона. Усилия фаворита не прошли даром. По Ганжийскому договору от 10 марта 1735 года Россия прекратила военные действия на Кавказе, вернула Персии все земли по западному побережью Каспийского моря, ликвидировала крепость Святого Креста и подтвердила начертание границы по реке Терек.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ МИХАИЛ ТАРИЭЛОВИЧ. Родился в 1825 году в Тбилиси. Учился в Лазаревском институте, школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров в Петергофе. С 1846 года на Кавказе, участник военных действий против Шамиля. Во время Восточной (Крымской) войны командир отряда, кавалерийского полка в сражениях при Ахалцихе и у реки Чолоке. В 1861–1863 годах военный начальник Южного Дагестана, градоначальник Дербента, генерал-майор, с 1855 года граф, с 1870 года генерал-лейтенант. В 1863–1875 годах начальник Теркской области, генерал от кавалерии. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов командир корпуса. С 1879 года астраханский, саратовский и самарский генерал-губернатор, в следующем году харьковский генерал-губернатор. С августа 1880 по май 1881 года министр внутренних дел, член Государственного совета. После убийства Александра II вышел в отставку. Жил в основном за границей. Скончался 12 декабря 1888 года в Ницце. Автор проекта экономических реформ в России, ряда статей и рассказов. Кавалер орденов Св. Георгия 4-й и 3-й степеней, других российских наград.

МАЙДЕЛЬ ЕГОР ИВАНОВИЧ. Родился 17 августа 1817 года в Санкт-Петербурге в семье барона Ивана Ивановича Мейдель (1783–1856), действительного статского советника, с 1838 года сенатора, родителями которого были выходцы из Касселя (его отец и дед находились на службе в российской армии с 1762 года по личному приглашению императрицы Екатерины II). В 1835 году Егор окончил Пажеский корпус, выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Московский полк. Камер-паж. Службу первые восемь лет проходил на Кавказе. Участник военной экспедиции генерал-майора К.К. Фези. Отличился в боях за Ханхуз, Унцукуль и Тилитль, за что произведен в поручики. В начале 1839 года адъютант Главнокомандующего на Кавказе генерала от инфантерии Е.А. Головина, с лета – в отряде генерал-лейтенанта П.Х. Граббе, штурмом овладевшего 22

августа резиденцией Шамиля-Ахульго. За боевые отличия в боях у реки Валерик 11 июля 1840 года награжден орденом Св. Анны 4-й степени с мечами. С 1847 года помощник, а с 1850 года командир Кабардинского егерского полка, затем начальник войск Крымского приграничья. С началом Восточной (Крымской) войны командир Кавказской резервной бригады, генерал-майор. За проявленную инициативу в сражении у Ахалциха 14 ноября 1853 года награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. «Разгрому Ардаганского корпуса турок я во многом обязан умелым и решительным действиям бригады Майделя», отмечал в донесении командир корпуса генерал-лейтенант И.М. Андронников. Хорошо проявил себя и в последующих боях, свидетельством чему было награждение двумя боевыми орденами. В ночном штурме Карса 16 ноября 1855 года возглавил одну из колонн. Отмечен золотым оружием с надписью «За храбрость». В последующие десять лет помощник командира, затем командир пехотной дивизии в Варшавском военном округе. Член комиссий по реформированию армии и разработке уставных документов, генерал-лейтенант. В 1870 году назначен помощником главнокомандующего русских войск на Кавказе. Принял активное участие в усилении границы с Турцией и Персией, в организации Кавказской офицерской стрелковой школы, в создании курсов переподготовки офицеров-специалистов. В сентябре 1871 года возведен в звание генерала от инфантерии. С 1876 года комендант Санкт-Петербургской крепости. В этой должности скончался 11 мая 1881 года. Похоронен в Санкт-Петербурге. Кавалер одиннадцати российских и иностранных орденов.

МАТЮШКИН МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ. Считался одним из самых доверенных генералов Петра I, с которым был близок с детских лет. Родился в 1676 году в Москве и одним из первых оказался в рядах «потешных». В 1697 году Петр послал Матюшкина в Италию учиться морскому делу, но по возвращении тот был определен в армию. В офицерских чинах Михаил Афанасьевич участвовал в Северной войне и в Прутском походе. В 1716 году был произведен в генерал-майоры. О доверии царя к этому человеку говорит уже то, что Матюшкин был назначен в судебную комиссию, учрежденную для следствия по злоупотреблениям царского любимца А.Д. Меншикова. В 1721 году Михаил Афанасьевич назначается членом Военной коллегии. Он был сторонником Персидского похода и одним из разработчиков его плана. Выполняя волю императора, в июле 1723 года Матюшкин с четырьмя полками, совершив морской переход из Астрахани, практически без боя занял Баку. За эту операцию командир отряда был произведен в генерал-поручики. Провел еще ряд успешных операций, присоединил значительные территории на побережье Каспийского моря. Но после смерти Петра вскоре был отозван с Кавказа.

МЕЛИКОВ ЛЕВОН ИВАНОВИЧ. Родился в 1817 году. Военную службу начал в лейб-гвардии Кексгольмском полку корнетом. С 1837 года на Кавказе, командир эскадрона, с 1849 года – Грузинского пешего полка, с 1854 года Лезгинского сводного отряда. Кавказской резервной бригадир начальник правого фланга Кавказской линии, с 1851 года генерал-майор, с 1861 года генерал-лейтенант. Участник штурма резиденции Шамиля Ахульго, боев у Гехинского леса и реки Валерик, обороны Темир-Хар-Шуры, сражения при Башкадикларе, штурма Ведено и Гуниба. С 1862 года возглавил группировку русских войск, действующую на Черноморском побережье и овладевшей 21 мая 1864 года урочищем Кбаада (Красная Поляна), в 1869 году произведен в генералы от кавалерии. В последующие годы помощник главнокомандующего Кавказской армией, с 1879 года генерал-адъютант. Скончался в 1892 года в Тифлисе. Кавалер двенадцати российских орденов, в том числе Св. Георгия 4-й и 3-й степени. Трижды награжден золотым оружием.

МИЛЮТИН ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ. Выдающийся военный министр-реформатор и последний генерал-фельдмаршал России родился 28 июня 1816 года в Москве в семье чиновника. Как и младшие братья Николай (1818–1872), в последующем заместитель министра внутренних дел, а также Владимир (1826–1855), в последующем известный экономист, представитель утопического социализма в России, Дмитрий окончил Благородный пансион при Московском университете. С 1833 года на военной службе в артиллерии. В 1836 году закончил с серебряной медалью Николаевскую военную академию, получив назначение в Генеральный штаб. В 1838–1845 годах старший адъютант штаба отдельного Кавказского корпуса, обер-квартирмейстер войск Кавказской линии и Черноморья. Принимал участие в ряде военных экспедиций против горцев. За боевые отличия награжден орденами Св. Станислава 3-й степени и Св. Владимира 4-й

степени. С 1846 года профессор кафедры военной географии и военной статистики, с 1850 года начальник кафедры, генерал-майор. В 1856 году получил назначение начальником штаба Кавказской армии. Основной разработчик плана военных действий на Кавказе, реализация которого привела к присоединению Восточного Кавказа к Российской империи. За умелое руководство боевыми действиями в Северном Дагестане и на Кубани, проявленные при этом «храбрость, инициативу и мужество», награжден орденом Св. Владимира 2-й степени, произведен в генерал-лейтенанты и генерал-адъютанты. С 1860 года товарищ (заместитель) военного министра, автор проекта реорганизации армии на новых началах с целью «укрепления ее боеспособности и улучшения военного управления». В ноябре следующего года занял пост военного министра, на котором трудился 20 лет, с 1866 года генерал от инфантерии. Под его руководством были осуществлены военные реформы. Рекрутские наборы заменяются всеобщей воинской повинностью. Срок военной службы в строю сокращается с 25 до 16 лет. В армии отменяются телесные наказания. Создаются военные округа и система управления военного времени. Армия перевооружается нарезным стрелковым и артиллерийским оружием. Вводятся новые уставы. Кадетские корпуса заменяются военными гимназиями, учреждаются юнкерские училища. Осуществляются мероприятия по улучшению быта личного состава армии и флота, а также ряд других. Оценка проведенных реформ неоднозначна. В целом она получила поддержку военной общественности. отмечались и недостатки. «Милютин сдвинул военную науку с мертвой точки, – отмечал А.А. Керсновский, – создал благоприятные условия для ее развития... Положительные результаты реформ были видны немедленно. Отрицательные же результаты выявлялись постепенно, спустя десятилетия (в системе военно-учебных заведений, в военно-окружной системе в том виде, в котором она была создана, в создании структуры органов управления военного времени)». С началом русско-турецкой войны 1877–1878 годов Милютин вместе с императором в Действующей армии. Он был инициатором осады и штурма Плевны, падение которой внесло перелом в ход войны на Балканах. Награжден орденом Св. Георгия 2-й степени и титулом графа. По окончании войны основное внимание сосредоточил в Государственном совете, проведя ряд законов по военным вопросам. В 1898 году возведен в чин генерал-фельдмаршала. Находясь в отставке, проживал в Симеизе, где и скончался 25 января 1912 года. За три дня до его смерти умерла и его супруга Наталья Михайловна Понсэ. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Кавалер всех российских и девяти зарубежных орденов. Почетный президент Николаевской академии Генерального штаба, ряда других военных академий и обществ. Автор более 20 работ по военному делу и военной истории.

МУРАВЬЕВ-КАРСКИЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ. Родился 23 августа 1794 года в Москве в семье обедневшего дворянина. В 1811 году тот определил сына в Московскую школу колонновожатых, готовившую офицеров-квартирмейстеров. Молодой Муравьев увлекался идеями французских просветителей, особенно Ж.-Ж. Руссо, создал тайное юношеское общество, объединившее многих будущих декабристов. В планы общества входило, в частности, создание свободной республики на острове Сахалин. С началом Отечественной войны 1812 года направлен в квартирмейстерский отдел штаба 1-й Западной армии. Принял участие в сражениях под Бородином, Тарутином, Вязмой. За образцовое выполнение задания по строительству моста через Березину награжден орденом Св. Анны 4-й степени, получил чин капитана. Сражался в последующем под Лютценом, Бауценом, Кульмом, Лейпцигом, Фер-Шампенуазом и Парижем. По окончании боевых действий старший офицер Главного штаба. Подготовил и издал «Курс фортификации». С 1817 года на Кавказе. Офицер для особых поручений у генерала А.П. Ермолова. Сопровождал его в дипломатические поездки в Персию. Спустя два года обер-квартирмейстер Кавказского корпуса. В 1820 году откомандирован в Среднюю Азию для рекогносцировки областей, представляющих интерес для последующих военных действий. Возвратившись, подготовил и издал труд «Путешествие в Туркмению и Хиву». В 1822 году назначен командиром 7-го карабинерного полка. В первый период русско-иранской войны 1826–1828 годов исполнял должность начальника штаба корпуса. Получил чин генерал-майора с назначением командиром гренадерской бригады. За умелое руководство войсками и личное мужество, проявленное при штурме Карса, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, крепости Ахалцих – орденом Св. Георгия 3-й степени. За инициативные действия в боях при Каинлы и

Байбурте отмечен золотым оружием. С января 1831 года командир гренадерской бригады отдельного Литовского корпуса. С ней он участвовал в усмирении польского восстания, в том числе в штурме Варшавы. Получил чин генерал-лейтенанта и назначение командиром 24-й пехотной дивизии. Спустя полгода направлен с дипломатической миссией в Турцию и Египет. На основе материалов поездки разработал монографии «Турция и Египет в 1832–1833 годах» и «Русские на Босфоре». По возвращении в Россию пожалован генерал-адъютантом, назначен начальником штаба 1-й армии, в 1835 году – командиром 5-го пехотного корпуса. Размышляя над организацией жизни войск, подал императору Николаю I записку «О причинах побегов и средствах к исправлению недостатков в армии». Был уволен в отставку. Одиннадцать лет прожил в имении Скорняково (собственность супруги Софьи Николаевны Ахвердовой, скончавшейся в 1830 году от родов, оставив мужу дочь). В 1848 году возвращен на службу. Командовал запасными частями, состоял при военном министре. В 1849 году командир гренадерского корпуса в Венгерском походе. Произведен в генералы от инфантерии. С началом Восточной (Крымской) войны назначен заместителем на Кавказе, командиром отдельного Кавказского корпуса. Пополнив главные силы снятыми частично батальонами с Кавказской укрепленной линии, он двинулся из Александрополя к Карсу, где находилась Анатолийская турецкая армия. В июне приступил к методической осаде крепости и прилегавшего крепостного района. 6 ноября Карс пал, Васиф-паша капитулировал. Наградой Николаю Николаевичу стал орден Св. Георгия 2-й степени и почетная приставка к фамилии – Карский. С 1856 года член Государственного совета. Выйдя в отставку, поселился в Санкт-Петербурге, работая над трудом «Война за Кавказ в 1855 году». Скончался 3 марта 1866 года. Похоронен в деревне Скорняково Воронежской губернии.

НЕПОКОЙЧИЦКИЙ АРТУР АДАМОВИЧ. Родился в 1820 году в Петербурге. В 1837 году окончил Пажеский корпус. Службу начал в лейб-гвардии Семеновском полку. Участник первого похода русской армии в Хиву в 1839 году. С 1841 года на Кавказе. Участвовал в ряде сражений и боев в Чечне и Дагестане, с 1846 года командир полка, полковник. Отличился в сражении при Ахалцихе, за что произведен в генерал-майоры. Командовал дивизией в боях у Галаца и Браилова, с 1854 года генерал-лейтенант, георгиевский кавалер. В 1857 году назначен начальником штаба 2-й армии, в 1864 году руководил подавлением восстания в Литве и Белоруссии, виленский губернатор, с 1868 года генерал от инфантерии, с 1874 года генерал-адъютант. С началом русско-турецкой войны 1877–1878 годов начальник штаба Действующей армии, основной организатор форсирования Дуная русской армии в июне 1877 года. С 1880 года в отставке. Скончался 23 мая 1881 года.

Осенью 1769 года отряд Тотлебена по долинам Терека и Арагви пересек Кавказские горы и расположился на зимние квартиры в Грузии. Положение русских в Грузии оказалось весьма тяжелым. Грузинский царь Ираклий II был целиком занят междоусобной борьбой с местными феодалами. Ведение боевых действий с турками он целиком возложил на русского генерала, выделив в его распоряжение несколько тысяч иррегулярной грузинской конницы, боеспособность которой была крайне низкой. Тем не менее Тотлебен, сосредоточив под своим началом до 10 тысяч воинов, в марте 1770 года осадил турецкую крепость Ахалцих, оборонявшуюся 7-тысячным гарнизоном. Осада затянулась, что внесло раскол в ряды союзников. Горячие грузинские князья совершенно не признавали над собой власть русского генерала и действовали с подчиненными отрядами по собственному плану. Однако в случае неудачи они винули во всем русских, нередко затеявая с офицерами ссоры, готовые перерасти в поединки.

ОСТЕН-САКЕН (САКЕН) ДМИТРИЙ ЕРОФЕЕВИЧ. Родился в 1789 (по другим данным в 1769) году в родовом имении недалеко от Риги. В 1804 году поступил юнкером в Елизаветградский гусарский полк. Участвовал во многих боях с французами, за что получил чин поручика. В Отечественной войне 1812 года и в Заграничных походах 1813–1814 годов командир отряда, эскадрона, полка. За отличия в сражении при Кульме награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1824 году производится в генерал-майоры и назначается командиром уланской бригады, во главе которой сражается в русско-персидской войне 1826–1828 годов. Брал Аббас-Абад и Тавриз, бил персов при Джаван-Булахе и в Корульском ущелье. Вскоре Остен-Сакена назначают исполнять должность начальника Отдельного Кавказского корпуса, и в

этом новом качестве он и принял участие в очередной русско-турецкой войне, где неоднократно отличился. Особенно при Карсе. Русский главнокомандующий И.Ф. Паскевич привел под его стены 7,5 тысяч при 44 орудиях, и турки спокойно восприняли поначалу его приход, ибо Карс – это Карс. Воздвигнутая в конце XVI века крепость считалась главнейшей твердыней турецкой Армении. Состоящая из двойного ряда стен, трех цитаделей – одна в другой – и нескольких наружных укреплений, она имела длину свыше тысячи саженей. Стены крепости и цитадели были сложены из огромных горных глыб, вышиной до четырех сажен. Господствующая над крепостью и всей местностью гора Карадаг была также тщательно укреплена – там карский паша расположил батарею с 14 амбразурами, прикрытую валом и рвом. В 1735 году знаменитый владыка персов Надир-шах, разбив турок под стенами крепости, четыре месяца пытался с помощью 90-тысячной армии безуспешно взять Карс. Теперь это предстояло сделать Паскевичу, имевшему сил меньше почти в десять раз. 19 июня 1828 года произошла первая стычка корпуса Паскевича с силами карского паши под стенами крепости: на виду у турок русский главнокомандующий развернул лавой свою кавалерию, и не выдержавший искушения неприятель в десять часов утра предпринял на них конную атаку. Русские специально отступили на правом своем фланге, отводя османов от крепости, и когда те открыли свой тыл, то сюда-то и ударил Сводный уланский полк, предводительствуемый Остен-Сакеном. Вдогонку уланам пылила конная артиллерия, которая вместе с Сакеном и обратила турок в столь поспешное отступление, что те с определенным уроном едва-едва успели укрыться в крепости. Карский почин, таким образом, русские сделали весьма успешно. Теперь предстояло его развить. Спустя четверо суток начался штурм. К утру 25-го у карского паши осталась одна цитадель, на стенах которой вскоре появились два белых флага. Депутация защитников последнего оплота Карса просила два дня отсрочки, после чего обещала капитулировать, но на помощь крепости шел 20-тысячный корпус Киос-Магомет-паши (он находился в начале штурма в полудне ходьбы и будет в пяти верстах от Карса к моменту капитуляции. И о том, что он спешит к крепости, знал и Паскевич, и карский паша), и Паскевич приказал окружить цитадель батареями и полками, посланцам же ответил: «Пощада повинным; смерть непокорным; час времени на размышление». Шло время, цитадель молчала, и тогда к ее воротам поехал Остен-Сакен в сопровождении нескольких офицеров. Он нашел пашу, предававшегося мучительным раздумьям в окружении своих ближайших советников, и потребовал капитуляции. Неприступный вид главы русских парламентариев, крики, донесшиеся в этот момент из рядов русских войск, блеск штыков, курящиеся фитили пушек сломили пашу – и Карс пал. За эту победу Остен-Сакен, который, «командуя всем правым флангом, взял город и первым вошел в сношение с пашою о сдаче цитадели», стал кавалером ордена Св. Георгия 3-й степени. Позже он брал Ахалкалаки, Ахалцых и иные крепости. Потом была польская кампания 1831 года, в ходе которой Остен-Сакен отличился в битвах под Венгровом, Вавром, Гроховом и был произведен в генерал-лейтенанты. А в 1843 году в генералы от кавалерии. Участвовал в Венгерском походе, за который его назначили генерал-адъютантом к Николаю I и удостоили австрийского ордена Леопольда (большого креста). В Восточную войну Остен-Сакен был начальником севастопольского гарнизона и даже некоторое время – начальником севастопольских войск (до прибытия нового главнокомандующего князя Горчакова). В 1855 году получил титул графа Российской империи, но война отняла у него слишком много сил – и через два года он по прошению увольняется в бессрочный отпуск, в котором и состоял до своей кончины, до 17 мая 1881 года.

ПАВЛОВ ПЛАТОН ПЕТРОВИЧ. Родился 17 мая 1834 года в Санкт-Петербурге в семье тайного советника Петра Николаевича Павлова (1796–1867). В 1852 году окончил Николаевское инженерное училище с отличием, произведен в прапорщики и оставлен для обучения в офицерских классах, преобразованных в 1855 году в Николаевскую инженерную академию. В 1854 году в составе Свеаборской инженерной команды участвовал в отражении попыток англо-французской эскадры произвести высадку на побережье и захватить крепость. Дважды ранен, возглавлял группу «пластунов», действовавших в боевом охранении. Награжден орденом Св. Анны 4-й степени и золотой саблей с надписью «За храбрость». В 1858 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба, причислен к Генеральному штабу, получив назначение на Кавказ. Участник ряда военных экспедиций против горцев, в том числе штурма

аула Гуниб, разгрома отрядов Мухаммед-Эмина, боевых действий в междуречье Белая и Пшиш, с 1866 года полковник, начальник Кавказского горского управления. В 1870 году произведен в генерал-майоры с назначением помощником начальника Терской области, спустя год – начальником штаба Отдельного кавказского корпуса, затем начальником штаба Кавказского военного округа. С началом русско-турецкой войны 1877–1878 годов начальник штаба Кавказской армии. Участник штурма крепости Баязет (Догубаязет) Ардагана, блокирования Карса, отражения наступления армии Ахмет-Мухтарпаши. Отличился в Авлиар-Аладжинском сражении в октябре 1877 года и в ночном штурме 6 ноября Карса. Непосредственный организатор наступления на Эрзерум. За боевые отличия награжден золотой шпагой и произведен в генерал-лейтенанты. Командующий Кавказской армией Великий князь Михаил Николаевич отметил в реляции о взятии Карса его «высокие организаторские способности, понимание характера боя, стремление к обману противника и всестороннему обеспечению боевых действий своих войск». 8 января 1881 года направлен в распоряжение генерала М.Д. Скобелева в Закаспийский край. В 1883–1889 годах командир VI, а затем VII армейских корпусов, участвовавших в боях и сражениях за Мерв, под Кушкой при Таш-Кепри. В январе 1891 года назначен помощником командующего войсками Варшавского военного округа с производством в генералы от инфантерии. С 1894 года член Военного совета. Скончался 23 мая 1904 года в Санкт-Петербурге. Кавалер двенадцати российских и иностранных орденов. Супруга – Елизавета Николаевна, урожденная Половцева (1850–1917). Имели трех сыновей и двух дочерей. Брат Иван (1839–1926) профессор Военно-медицинской академии, заведующий лабораторией при клинике С.П. Боткина.

ПАНЮТИН ФЕДОР СЕРГЕЕВИЧ. Родился 23 октября 1790 года в Санкт-Петербурге. Отец – действительный тайный советник Сергей Николаевич Панютин (1758–1831) готовил своего старшего сына к карьере дипломата. Однако с детских лет Федор под влиянием деда Николая Владимировича (1729–1798), участника Семилетней и русско-турецких войн, георгиевского кавалера, вышедшего в 1789 году в отставку в чине генерал-лейтенанта, проявил особый интерес к военной службе, увлекался военной историей, фортификацией. В 12 лет поступил в Пажеский корпус, откуда в 1809 году был выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Семеновский полк. С начала Отечественной войны 1812 года в его составе сражался при Бородине, Тарутине, Малоярославце, при Люцене и Бауцене, Лейпциге и Париже. Часто откомандировывался в распоряжение Главной квартиры, получая задания командовать «летучим» отрядом, возглавлять разведывательные авангардные силы, исполнял обязанности дежурного офицера штаба 1-й армии, командовал казачьей сотней. За проявленное мужество, умелые действия и личную храбрость награжден орденами Св. Георгия 4-й степени, Св. Анны 4-й степени с мечами, золотым оружием с надписью «За храбрость». Войну закончил в чине подполковника. С 1815 года командир егерского батальона, спустя два года помощник командира полка, с 1820 года полковник. Спустя год произведен в генерал-майоры с назначением командиром 20-й пехотной дивизии, во главе которой убывает на Кавказ, войдя в состав корпуса генерала И.Ф. Паскевича. Перейдя границу, 23 июня дивизия штурмом овладела Карсом. В последующем во взаимодействии с другими соединениями Кавказского корпуса дивизия заняла крепости Ардаган, Ахалцих и Баязет. За умелое руководство войсками Федор Сергеевич награжден был орденами Св. Анны 3-й степени, произведен в генерал-лейтенанты. «Отличается храбростью, распорядительностью, воинским мастерством» – так характеризует его генерал И.Ф. Паскевич. Эти качества особенно ярко проявились в кампании 1829 года, когда генерал Панютин возглавил оборону Баязета при отражении контрнаступления турецких войск 20 и 21 июля со стороны Макинской дороги. Утром 20 июля корпус Вана-паши, ядро которого составлял пятитысячный конный отряд, при поддержке артиллерии атаковал позиции русских войск. Скрытно, прячась за валунами, вышла пехота. Федор Сергеевич получил три ранения. Он руководил боем, лежа на носилках. Двое суток продолжался бой, исход которого решила русская артиллерия и атака обходящего отряда, направленного в тыл неприятелю генералом Панютиным. Он был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. На излечение от полученных ран ушел почти год. В кампании 1831 года в Польше командир 2-го пехотного корпуса. За поход в Венгрию получил почетное звание генерал-адъютанта, чин генерала от инфантерии, австрийский орден Железной Короны 1-й степени и российский Св. Владимира 2-й степени. С началом Восточной (Крымской) войны командующий Средней армией,

сформированной в Юго-Западном крае и служившей основным резервом войск, действовавших на Дунае и под Севастополем. С 1857 года Варшавский генерал-губернатор. В 1861 году введен в состав Государственного совета. По оценке современников, «один из самых активных реформаторов русской армии этого периода, инициативный, думающий, нередко экспериментирующий в ходе проводимых инспекций в войска, военно-учебные заведения». «Это был военачальник, который всей душой хотел сделать родную армию сильной, управляемой и профессионально подготовленной» – отмечал А.Д. Милютин. В январе 1865 года по болезни вышел в отставку и 31 мая этого же года скончался. Похоронен в Санкт-Петербурге. Кавалер двенадцати российских и иностранных орденов.

ПАСКЕВИЧ ИВАН ФЕДОРОВИЧ. Светлейший князь Варшавский, граф Эриванский, Георгиевский кавалер всех трех степеней, родился 8 мая 1782 года в Полтаве. Происходил из знатного украинского рода. Дед – Григорий Иванович (1725–1804) надворный советник, отец – Федор Григорьевич (1756–1832) коллежский советник, член Малороссийской коллегии. С февраля 1794 года воспитанник Пажеского корпуса. В 18 лет выпущен поручиком лейб-гвардии в Преображенский полк с назначением флигель-адъютантом к императору Павлу I. Боевое крещение получил в русско-турецкой войне 1806–1812 годов, приняв участие в сражениях при Яссах, Бухаресте, Браилове, Исакчи и Тульчи. Командир отряда, батальона, полка, при штурме Базарджика – командир штурмовой колонны. За боевые отличия награжден четырьмя орденами, в том числе Св. Георгия 4-й и 3-й степеней. С ноября 1811 года генерал-майор. Во время Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии командир пехотной, гренадерской дивизий, отдельного отряда. Отличился в сражениях под Смоленском, Салтановкой, Бородином, Малоярославцем, Вязьмой, Модлином, Дрезденом и Парижем. Отмечен пятью боевыми орденами и золотым оружием, произведен в генерал-лейтенанты. С 1855 года командир 1-й гвардейской дивизии, где имел в подчинении двух великих князей – Николая Павловича, командира 2-й бригады, и Михаила Павловича, командира Петровской бригады. Последующие два года состоял генерал-адъютантом в Свите императора. С 1819 года командир корпуса, член ряда комиссий по реорганизации русской армии, разработке новых уставных документов. С 1825 года генерал от инфантерии. В следующем году назначен командующим войсками в Закавказье. С марта 1827 года наместник на Кавказе. Во время русско-иранской 1826–1828 и русско-турецкой 1828–1829 годов главнокомандующий войсками на Кавказском театре военных действий. Под его руководством были одержаны победы над иранскими войсками в сражениях за Эривань, Нахичевань, Тебриз, Урмию, Ардебель, над турецкими войсками – под Карсом, Ардаганом, Ахалцихе, Баязетом, Эрзерумом. Русские войска вышли к Трапезунду. Успех был достигнут благодаря всесторонней и глубокой оценке обстановки, умелому массированию сил и средств на направлении главного удара, достижению внезапности, своевременно осуществляемой перегруппировке сил. 22 октября 1829 года Иван Федорович Паскевич был произведен в генерал-фельдмаршалы. С февраля следующего года наместник Царства Польского, с 6 июля главнокомандующий русской армией в Польше, руководил 8 сентября 1831 года штурмом Варшавы, с ноября глава Временного польского правительства. В 1849 году командующий русскими войсками во время Венгерской кампании. С началом Восточной (Крымской) войны главнокомандующий русскими войсками на Дунайском ТВД. Скончался 20 января 1856 года в Варшаве. Супруга – Елизавета Алексеевна, урожденная Грибоедова, двоюродная сестра автора «Горе от ума». Имели двух сыновей и двух дочерей. По оценке современников и историков, генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич человек одаренный, умный, владеющий искусством военачальника. Обладал он и существенными недостатками. Его властолюбие и деспотическая манера обращения с подчиненными «делали его очень неприятным начальником, тем более, что, приписывая все успехи всегда только себе, он все неудачи взваливал на подчиненных». (А.А. Керсновский). «Армия видит в нем начальника, поставленного властью Государя, – писал его современник Н.П. Алабин, – но не видит в нем близкого к себе излюбленного вождя, одно слово которого зажигало бы кровь каждого и заставляло устремляться хоть в пропасть».

ПАУЛУЧЧИ ФИЛИПП ОСИПОВИЧ. Родился 17 мая 1779 года в Санкт-Петербурге в семье маркиза Осипа Николаевича Паулуччи, предки которого в конце XVII века переехали из Испании

в Россию (по другим данным приехали по приглашению русского посланника в Голландии из Италии). В 1797 году Филипп окончил Сухопутный кадетский корпус, выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк. Службу проходил в гатчинских войсках, будучи с 1798 года инструктором в Преображенском полку по «переучиванию войск на новый образец». В следующем году в Свите императора Павла I по квартирмейстерской части. Выполнял ряд дипломатических поручений императора с командировкой во Францию и Италию. В октябре 1799 года в составе русского представительства в Риме, куда вступили русские войска, завершившие Швейцарский поход. С 1802 года дежурный офицер (обер-офицер) канцелярии Военного министерства. Накануне сражения под Аустерлицем привлёк внимание императора Александра I своими предложениями по диспозиции русской армии. В феврале 1806 года назначен в свиту императора с присвоением звания генерал-майора. С 1810 года один из ближайших советников Александра I по военным вопросам. Активный противник плана войны с Францией, предложенного в 1811 году Карлом Фулем (Пфулем), прусским военным теоретиком, приглашённым на русскую службу ещё в 1806 году. Выступал с предложением сосредоточить первую и вторую русские армии в районе Смоленска для проведения генерального сражения в случае вторжения в Россию Наполеона. С началом Отечественной войны 1812 года дежурный генерал в Ставке Главнокомандующего, участник сражений при Бородине и под Малоярославцем. Во время осуществления Тарутинского маневра и подготовки русской армии к контрнаступлению был назначен командующим формирований губернских ополчений, с начала ноября 1812 года – начальником отдела партизанского движения при Главной квартире. С выходом русских войск на западную границу командир отдельного отряда, который в марте 1813 года вступил в Мемель. В сражениях при Люцене и под Лейпцигом командир пехотной дивизии. С марта 1814 года член комиссии по разработке Правил об управлении армиями в мирное время, в последующие годы заместитель председателя комитета по разработке новых уставов для войск с учетом опыта прошедшей войны. С 1823 года генерал-лейтенант, командующий группировкой русских войск в Прибалтике. Во время польской кампании 1830–1831 годов командир отдельного корпуса. В 1834 году возведен в звание генерала от инфантерии с назначением помощником главного инспектора пехоты, председателем комиссии по разработке системы крепостных сооружений на западной границе России. Скончался 17 сентября 1849 года в Санкт-Петербурге. Кавалер тринадцати российских и иностранных орденов.

ПОТЕМКИН ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ. Родился в 1743 году. Родственник светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического, фаворита Екатерины II. В 1770 году поступил на военную службу из Московского университета. Участвовал в боевых действиях против турок, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и за четыре года произведен в генерал-майоры, вскоре получив и орден Св. Георгия 3-й степени. Во время восстания Емельяна Пугачева находился в Казани и выдержал осаду этого города восставшими, председательствовал в комиссии по расследованию причин пугачевского бунта и наказанию виновных. Наградой за эту службу ему стала шпага, осыпанная алмазами, которую он получил в 1775 году. В 1783 году был направлен для переговоров с грузинским царем Ираклием и вступлении в российское подданство. С 1784 по 1888 состоял в должности саратовского и кавказского генерал-губернатора (позже – только кавказского генерал-губернатора). В 1790 году участвовал в штурме Измаила, за что по ходатайству А.В. Суворова получил орден Св. Георгия 2-й степени. В 1794 вместе с А.В. Суворовым участвовал в усмирении Польши. Был произведен в генерал-аншефы и возведен в графское достоинство. Умер в 1796 году.

РАМЗАЙ ЭДУАРД АНДРЕЕВИЧ. Родился в 1799 году в родовом имении в Лифляндии. В 1817 году окончил Сухопутный кадетский корпус, выпущен подпоручиком. Службу начал на Кавказе, участвовал в военных действиях против аварцев и кабардинцев, позже в Абхазии. С 1820 года комендант крепости Бурная, в последующие два года командир казачьего полка. С начала войны с Персией оборонял Шуши, произведен в полковники, отличился в сражении у Елисаветполя, с 1829 года командир 22-й пехотной дивизии, генерал-майор. Под Эриванем и Тавризом возглавлял авангард русских войск, произведен в генерал-лейтенанты, награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. В Восточной войне командовал корпусом в составе Дунайской

армии, тяжело ранен у Баш-Кадык-Ларе в декабре 1853 года. После излечения назначен командиром Отдельного гренадерского корпуса, с 1868 года генерал от инфантерии. В следующем году в отставке. Скончался в 1877 году.

РОЗЕН ГРИГОРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ. Родился в 1781 году в Лифляндии, происходил из знатного дворянского рода, барон, на военной службе с 1799 года, участник русско-турецкой войны 1806–1812 годов, командир отряда, пехотного полка. С 1808 года командир гренадерского полка, генерал-майор, во время Отечественной войны командир I-й гвардейской пехотной дивизии, принял участие в сражениях при Бородине, под Смоленском, на Березине, за Париж. С 1818 года генерал-адъютант, с 1826 года командир I корпуса, генерал от инфантерии, последующие десять лет возглавлял Литовский пехотный и Отдельный кавказский корпуса. Сенатор. С 1837 года в отставке. Кавалер двенадцати российских и иностранных орденов. Супруга – Елизавета Платоновна, урожденная Зубова, дочь генерала от инфантерии П.А. Зубова. Имел трех сыновей и четырех дочерей.

РОМАНОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ. Родился 13 октября 1832 года в Царском Селе, великий князь, младший брат великого князя Николая Николаевича (Старшего). Получил хорошее домашнее образование в объеме Московского университета, проявив склонность к математике, истории, в том числе военной, фортификации и артиллерии. В 14 лет произведен в поручики лейб-гвардии артиллерийского полка. Через два года зачислен в батарею лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. Современники отмечали «его большое усердие по службе, весьма простой нрав и неустанное стремление познать все тонкости службы артиллериста». В 1852 году получил чин генерал-майора и почетное звание генерал-адъютанта. С начала Восточной (Крымской) войны находился в действующей армии. За боевые отличия в боях за Инкерманские высоты был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. С 1856 года начальник артиллерии Гвардейского корпуса, в следующем году – генерал-фельдцейхмейстер, член Государственного совета. По его рекомендации во всех военно-учебных заведениях были скорректированы программы учебных курсов по артиллерии, значительно улучшена материальная база Артиллерийской Михайловской академии и Михайловского артиллерийского училища. Оба этих военно-учебных заведения были выведены из подчинения главному начальнику военно-учебных заведений и переданы в ведение генерал-фельдцейхмейстера. Для практических занятий за ними закреплялись Ижорский, Обуховский, Путиловский и Тульский заводы, а также шесть арсеналов. В качестве новых предметов были введены паровые машины и двигатели внутреннего сгорания, электротехника, теория сплавов. 6 декабря 1862 года назначен заместителем на Кавказе, командующим Кавказской армией. В последующие годы, завершив военные действия на Черноморском побережье и в некоторых горных районах, проводит ряд административных мероприятий, направленных на улучшение местного управления, а также организационной структуры Черноморского, Терского и Кубанского казачества. С началом русско-турецкой войны 1877–1878 годов назначен Главнокомандующим действующей армией на Азиатском театре военных действий. Под его руководством были успешно проведены сражения под Авлиаром, Карсом, Эрзерумом, спланирована Батумская операция. В итоге турецкие войска Мухтара-паши были разгромлены. Эрзерум и Батум отошли к России. Михаил Николаевич был награжден орденом Св. Георгия 1-й степени (за Аладжинское сражение 3 октября 1877 года, 16 апреля 1878 года произведен в генерал-фельдмаршалы. «В лице великого князя Михаила Николаевича, – отмечает А.А. Керсновский, – Кавказская армия имела авторитетного и волевого полководца, сумевшего объединить действия различных «отрядов», направить их к определенной цели – сокрушению неприятельской армии». С 1881 по 1905 год возглавлял Государственный совет. Скончался 20 мая 1909 года в Санкт-Петербурге, похоронен в Петропавловской крепости. Кавалер более двадцати российских и иностранных орденов.

РТИЩЕВ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ. Родился 25 апреля 1754 года в Подмосковье. Происходил из знатного дворянского рода Владимирской губернии. Его прадед Федор Михайлович (1626–1673) был дворецким, окольничим (с середины XVII века думный чин Боярской думы), воспитателем царевича Алексея Алексеевича, возглавлял ряд приказов, в том

числе Иноземный и разрядный. На свои средства основал Андреевский монастырь в Москве, открыл несколько больниц, богаделен, школу. Николай в 1772 году окончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус, выпущен прапорщиком лейб-гвардии Семеновского полка. Отличился в сражениях под Туртукаем и Гирсовым, за что получил чин поручика. В сражении у Козлуджи 20 июня 1774 года исполнял обязанности адъютанта А.В. Суворова. В 1783–1784 годах командир отдельного батальона в Крыму по охране восточного побережья полуострова. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 годов в отряде А.В. Суворова, офицер его штаба, организующий наблюдение и разведку турецкого десанта под Кинбурном. Отмечен орденом Св. Анны 4-й степени с мечами. При штурме Очакова 17 декабря 1788 года «будучи командиром резерва, проявил инициативу и военную смекалку», что «во многом способствовало исходу боя». Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. При штурме Килии 29 октября 1790 года возглавлял отряд, обходящий главные силы неприятеля. За боевые отличия и умелое руководство подчиненными войсками возведен в звание генерал-майора. Активный участник последующих русско-иранской и русско-турецкой войн. Член комиссии по разработке «Воинского устава о полевой пехотной службе». С весны 1801 года проходил службу на Кавказе. Член делегации по подписанию договора о присоединении к России Грузии. Начальник строительства Военно-Грузинской дороги. С 1806 года командир пехотной дивизии. Участник штурма крепостей Хотин, Яссы и Бендеры. Военный комендант Бухареста. Командир авангарда при переходе русских войск по льду Ботнического залива, в марте 1809 года командующий группировкой русских войск в сражениях со шведами при Ратане и Умео. В следующем году отличился в сражениях с турецкими войсками при Батине, Руцуке и Ловче. С сентября 1810 года генерал-лейтенант. С лета 1812 года назначен главным начальником войск Кавказской линии, Кавказской и Астраханской губерний. С осени того же года Главноуправляющий в Грузии. В феврале 1813 года назначен главнокомандующим русскими войсками на Кавказе с производством в генералы от инфантерии. Организовал ряд военных экспедиций против горцев. Принял меры к укреплению Кавказской линии, разделив ее на левый фланг, центр, правый фланг и Черноморскую кордонную линию (от Усть-Лабинской до устья реки Кубань). Разработал проект укрепленных линий по рекам Уруп и Белая. Южнее Терека провел рекогносцировку с целью закладки в последующем крепостей Грозная и Преградный Стан. По оценке сменившего его генерала А.П. Ермолова «Н.Ф. Ртищев своей активной деятельностью подготовил все необходимые условия для последующих действий русских войск на Кавказе, не опасаясь за свои тыловые коммуникации». С 1816 года в отставке. В том же году назначен сенатором, членом Государственного совета. Скончался 12 ноября 1835 года в Подмоскovie в родовом имении. Кавалер десяти российских и иностранных орденов, в том числе Св. Андрея Первозванного.

САЛТЫКОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ. Родился в 1730 году. Назначен на Кавказ в 1788 году, генерал-аншеф. До этого времени он уже успел отличиться в войне с турками, имел все высшие российские награды и считал себя обиженным назначением на Кавказ. Никаких заметных военных дарований не проявил. Действия русских войск на Кавказе во время командования И.П. Салтыкова носили пассивный характер. В середине декабря 1789 года Салтыков был отозван с Кавказа в Финляндию. Умер в 1805 году.

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ. Родился 7 мая 1819 года в Санкт-Петербурге. Происходил из знатного княжеского рода. Его отец Иван Данилович (1780–1847) – действительный тайный советник, сенатор, брат Николай (1833–1898) – генерал от кавалерии, генерал-адъютант, в 1881–1898 годах наказной атаман войска Донского племянник – Петр Данилович (1857–1914) в 1901–1902 годах командующий корпусом жандармов, затем министр внутренних дел Российской империи. Дмитрий в 1837 году окончил Пажеский корпус, выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Измайловский полк. Службу проходил на Кавказе в отряде генерала К.К. Фези, участник боев за Хунзах, Унцукуль и Типитль. С 1839 года адъютант главнокомандующего на Кавказе генерала К.А. Головина. В составе отряда генерала П.Х. Граббе ликвидировал последний оплот Шамиля – Ахульго, командовал ротой в боях в районе Гехикского леса и у реки Валерик. Отмечен двумя боевыми наградами. Во время Восточной (Крымской) войны командовал полком в бою с турецким отрядом при Четати, в январе 1854 года, сводным

отрядом при осаде турецкой крепости Силистрия 12 января 1856 года награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «за проявленную храбрость при проведении ночного поиска». В следующем году произведен в генерал-майоры. В 1860 году участвовал в походе русских войск в Среднюю Азию и в присоединении к России Зачуйского края. Последующие пять лет помощник начальника штаба Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. С 1868 года помощник командующего Кавказским военным округом. Один из организаторов первых офицерских призовых скачек в Красном Селе в июне 1872 года. В 1875 году назначен помощником наместника на Кавказе по военной части, генерал-лейтенант. С началом русско-турецкой войны 1877–1878 годов командир корпуса Кавказской армии. 12 ноября 1877 года «...за военные подвиги, оказанные при взятии крепости Карса в ночь с 5 на 6 ноября» награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. В декабре того же года произведен в генералы от инфантерии, а в апреле 1878 года присвоено почетное звание генерал-адъютанта. В последующие шесть лет помощник наместника на Кавказе. По отзывам современников, многое сделал в укреплении Черноморской береговой линии, Белореченской и Лезгинской линий, строительстве крепостей Св. Духа, Сухум, Св. Николая и Нуха, а также в реорганизации Кавказского линейного казачьего войска. Член комиссии по разработке проекта реконструкции крепости Карс. С 1896 года член Государственного Совета, ряда комитетов и комиссий. Скончался 16 мая 1899 года в Санкт-Петербурге, где и похоронен. Кавалер одиннадцати российских и иностранных орденов, в том числе Св. Александра Невского.

ТЕКЕЛЛИ ПЕТР АВРААМОВИЧ. Происходил из древней сербской фамилии. Родился в 1720 году. Военную службу начал в австрийской армии. В 1747 году перешел на службу в Россию с чином поручика. Участвовал в Семилетней войне, в боях был дважды ранен и к 1762 году был уже полковником. Затем за отличие в боях с польскими конфедератами в 1764–1768 годы награжден чином бригадира. В войне с Турцией он командовал отдельным отрядом, за умелые действия которого в 1770 году произведен в генерал-майоры, а при заключении Кучук-Кайнарджийского мирного договора – в генерал-поручики с одновременным награждением орденом Св. Георгия 3-й степени. В 1775 году Текелии было поручено занятие и уничтожение Запорожской сечи. Эту сложную задачу он выполнил без кровопролития, чем заслужил орден Св. Александра Невского. С 1776 года Петр Авраамович командует русскими войсками, расположенными на восточном берегу Черного моря, а со следующего года – войсками Кавказского корпуса и Кубанской части, возведением в чин генерал-аншефа. Провел ряд экспедиций, но особых успехов не достиг. Итогом его непродолжительного командования корпусом была не столько их боевая деятельность, сколько наведение порядка в войсках и подчиненных органах управления. 4 мая 1789 года Текелли был уволен со службы по прошению «за старостью лет» с сохранением всех получаемых на службе окладов. Умер в 1793 году.

ТОРМАСОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ. Родился в 1752 году, на военной службе с 1772 года, с 1777 года командир егерского батальона. Участник русско-турецкой войны 1787–1791 годов, командир полка, отдельного отряда, генерал-майор, с 1795 года генерал-поручик, с 1801 года генерал от кавалерии, киевский, а спустя два года рижский генерал-губернатор. В 1808–1811 годах главнокомандующий в Грузии и на Кавказской линии, руководил войсками в ходе русско-турецкой и русско-персидской войн. С 1811 года член Государственного совета. С начала Отечественной войны 1812 года командующий 3-й армией, соединения которой нанесли поражение французам у Кобрина и при Городечне. После соединения с армией И.В. Чичагова занимался вопросами комплектования и подготовки войск. Участник сражений под Вязмой и Красным в ходе контрнаступления русских войск, весной 1813 года исполняющий обязанности главнокомандующего. С 1814 года главнокомандующий в Москве, где и скончался 13 ноября 1819 года. Кавалер пятнадцати отечественных и иностранных орденов.

ТОТЛЕБЕН ГОТЛИБ ГЕНРИХОВИЧ. Принят на русскую службу императрицей Елизаветой Петровной и в 1759 году стал генерал-майором. 22 сентября следующего года его отряд внезапно появился в окрестностях Берлина и занял все основные дороги. Прусские гусары, высланные против русских, почти все были либо перебиты, либо пленены казаками. Затем Тотлебен потребовал сдачи города, и, получив отказ, повел войска на штурм, который, однако, был отбит. На следующий день к Берлину подошли отряды генералов Чернышова, Панина и графа Франца

Ласси – сына известного генерал-фельдмаршала. Началась планомерная осада крепости и интенсивный обстрел ее артиллерией. Но, по утверждению историка В.А. Потто, именно Тотлебену удалось склонить коменданта Берлина к капитуляции. Тогда Берлин заплатил России полтора миллиона талеров военной контрибуции и особо 200 тысяч в пользу занявших его войсковых отрядов. Одержанная победа поссорила между собой русских военачальников. Тотлебен в местной прессе высказался не лестно о Чернышове и Ласси, что вызвало недовольство не только этих генералов, но и императрицы. Готлиб Генрихович получил высочайший выговор, но его просьба об отставке принята не была. В 1761 году Тотлебен, командовавший легкой русской кавалерией, действовавшей в Померании, был арестован «советом полковников», находившихся в его подчинении, по обвинению в измене. При обыске у генерала были найдены письма от прусского короля и схемы готовившихся передвижений русских войск. Тотлебен был доставлен в Петербург и предстал перед военным судом, который проговорил его к смертной казни четвертованием. Но Екатерина II смягчила приговор, заменив смерть лишением чинов и высылкой за пределы России. Однако в начале русско-турецкой войны по личной просьбе Готлиб Генрихович вновь был принят на русскую службу в чине генерал-майора и назначен командующим отрядом для действий в Грузии. «Назначение это можно объяснить единственно только желанием воспользоваться услугами генерала, показавшего себя довольно искусным в ведении малой войны; но вместе с тем, отправление Тотлебена на Кавказ можно объяснить опасением дать ему в команду какую-либо часть в большой армии, где его прошлое... было бы хорошо всем памятно». Чем руководствовалась императрица, подписывая это назначение, сегодня достоверно определить весьма сложно. Вероятнее всего, нашлись у генерала в Петербурге сильные ходатаи. Поручать столь сложное дело человеку с «подмоченной» репутацией и совершенно незнакомому с Кавказом, было более чем опрометчиво. Последующие события показали это.

ТУЧКОВ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Родился 3 октября 1803 года в Санкт-Петербурге в семье потомственных военных. Его дед – Алексей Васильевич (1729–1799), инженер – генерал-поручик, сенатор. Отец – Александр Алексеевич (1778–1812), с 1808 года генерал-майор, во время Отечественной войны 1812 года командовал бригадой 3-й пехотной дивизии, погиб в боях за Семеновские флеши 26 августа в сражении при Бородине. Три брата отца также были военачальниками. Николай (1765–1812), с 1799 года генерал-лейтенант, с началом Отечественной войны командир 3-го пехотного корпуса, смертельно ранен в Бородинском сражении, скончался в Ярославле 30 октября. Сергей (1767–1839) во время Отечественной войны 1812 года дежурный генерал при штабе Дунайской армии, с 1829 года генерал-лейтенант, сенатор. Павел (1775–1858) с 1803 года генерал-майор, во время Отечественной войны командовал отрядом, затем дивизией, с 1838 года член Государственного Совета. Павел в 1821 году окончил Пажеский корпус, выпущен подпоручиком в лейб-гвардию. Службу начинал в Санкт-Петербурге при штабе военного округа. С 1824 года на Кавказе адъютант главнокомандующего русской армией генерала А.П. Ермолова. По его указанию формировал ополчение в Восточной Армении. Летом 1826 года при осаде персами крепости Шута отличился при проведении вылазок. В Шанхорском сражении дежурный офицер при штабе генерала В.Д. Мадатова. При штурме 1 октября 1827 года крепости Эривань в свите главнокомандующего генерала И.Ф. Пассека. Отмечен им как «инициативный и предприимчивый офицер». С середины октября командир отряда в боях под Нахичиванью и Тебризом. Отмечен тремя боевыми наградами, в том числе орденом Св. Георгия 4-й степени. С 1829 года командир полка. За боевые отличия в польской кампании 1830–1831 годов произведен в генерал-майоры. В 1835–1838 годах военный комендант крепости Брест-Литовск, затем дежурный генерал штаба Варшавского военного округа. Во время походов русских войск в Киргизию и Коканд командир бригады, помощник командира дивизии, командир дивизии и отдельного отряда. С началом Восточной войны участвовал в боях с турецкими войсками при Ольтенице, в сражении при Ахалцихе и штурме Баязета. С осени 1855 года начальник оборонительного сектора Севастополя, генерал-лейтенант. Был тяжело ранен, около года находился на излечении. С 1857 года помощник начальника Главного штаба. В 1859 году произведен в генералы от инфантерии с назначением штаба. В 1859 году произведен в генералы от инфантерии с назначением командующим русскими войсками в Прикаспийском крае. Скончался 18 марта 1864 года в

Санкт-Петербурге, где и похоронен. Кавалер более десяти российских и иностранных орденов.

ФИЛИПСОН ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ. Родился 1 января 1809 года в Казани. Образование получил в университетском пансионе, Пензенской гимназии. В 14 лет определен юнкером в Олонецкий пехотный полк, через год – в Могилевскую юнкерскую школу, откуда в офицерское училище. 26 февраля 1826 года выпущен прапорщиком в Гренадерский принца Евгения Виртембергского полк. Во время польской кампании 1830 года командовал ротой. За боевые отличия при штурме Варшавы награжден орденом Св. Анны 3-й степени с бантом. Последующие два года проходил службу в Варшавском военном округе. В 1835 году окончил Николаевскую военную академию (Академию Генерального штаба), в чине капитана Генерального штаба направлен на Кавказ на должность обер-квартирмейстера дивизии. В течение последующих девяти лет занимал должности начальника штаба Черноморской прибрежной линии, начальника штаба пехотной дивизии, затем корпуса. Участвовал в ряде военных экспедиций против горцев. По оценке генерал-фельдмаршала М.С. Воронцова, «проявил знание дела, хорошие организаторские способности, решительность в действиях и личную храбрость». Награжден орденом Св. Владимира 3-й степени, 3 марта 1845 года присвоено звание генерал-майора. В сентябре 1849 года назначен начальником штаба 4-го пехотного корпуса, спустя год командиром 1-й бригады 10-й пехотной дивизии, в 1851 году – командующим войсками правого крыла Кавказской линии. Подавил выступление черкесских племен во главе с наместником Шамиля Мухаммед-Эмином, нанес поражение горцам в боях у Новых Закатал и в сражении при Башкадыclare. Провел ряд военных экспедиций в Кахетию по оказанию помощи грузинскому ополчению. Отмечен орденами Св. Анны 1-й степени с мечами, Св. Владимира 2-й степени с мечами, Белого Орла и Св. Александра Невского. С 6 июля 1855 года наказной атаман Черноморского казачьего войска, с сентября 1857 года генерал-лейтенант с назначением командующим войсками кавказской пограничной линии. В 1860 году назначен начальником штаба Кавказской армии. Под его руководством были завершены операции по выходу русских войск к побережью от крепости Навагинской до реки Лаба. С 1861 года сенатор, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, член комитетов и комиссий по преобразованию системы подготовки командных кадров армии и иррегулярных войск, автор проекта создания Военно-топографического училища, преобразования Военно-юридического училища в Военно-юридическую академию, открытия специальных офицерских школ. В 1878 году его деятельность была отмечена награждением бриллиантами к ордену Св. Александра Невского. В октябре 1889 года в день 50-летней службы в офицерских чинах произведен в генералы от инфантерии. Скончался 14 января 1883 года в Санкт-Петербурге.

ЦИЦИАНОВ ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ. Родился 8 сентября 1754 года. Происходил из грузинского аристократического княжеского рода, переселившегося в Россию в 1725 году. На военной службе в гвардии с 1772 года, с 1786 года командир полка, полковник. Участник русско-турецкой войны 1787–1791 года и Персидского похода, с 1791 года генерал-майор, с 1796 года генерал-поручик, комендант Бакинской крепости. С сентября 1802 года кавказский главноуправляющий, главнокомандующий в Грузии и астраханский военный губернатор, «с неограниченными полномочиями», организатор похода в Джаро-Белоканскую область, с 1804 года командующий войсками в русско-иранской войне, генерал от инфантерии. Убит 8 ноября 1806 года близ Баку.

ЭМАНУЭЛЬ ГЕОРГИЙ АРСЕНЬЕВИЧ. Родился 16 мая 1775 года в селе Банат близ Белграда. Дед его Мануил пришел из Сербии, прадед Баго был родом из Черногории. В 1787 году под зелеными знаменами ислама в Банат ворвались рвущиеся к Белграду турецкие войска. Георгий встал в ряды корпуса волонтеров отважного Миелевича. Вскоре в чине капрал-юнкера он вступает в ряды австрийской армии, участвует в боях с французами. С 1797 года на русской службе в лейб-гвардии Киевском драгунском полку. В кампании 1805 года отличился в сражении при Шенгребене. В кампании 1807 года с тремя эскадронами Киевского драгунского полка, батальоном пехоты и сотней казаков, удерживая позиции при Гунштате, прикрыл отход главных сил, за что произведен генералом П.И. Багратионом в полковники. С начала Отечественной войны

он назначается командиром Киевского драгунского полка. Командир арьергарда на марше к Бородино. За отвагу при защите Шевардинского редута награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Командир отряда в боях у Тарутина. За боевые отличия в сражениях при Малоарославце и Вязьме произведен в генерал-майоры. Участвовал в сражениях при Калише, Берлине, Шпандау, Бауцене. Особенно отличился в сражении при Лейпциге, лично пленив графа Лористона. В Париж вошел в звании генерал-лейтенанта. «Это один из храбрейших генералов нашей храброй армии», – скажет о нем генерал А.П. Ермолов. В последующие годы командир корпуса, инспектор кавалерии. 25 июня 1825 года назначен областным начальником Кавказского края, командующим всеми войсками на Кавказской военной линии в Черномории и Астрахани. Его резиденция в Ставрополе. Отсюда он руководит военными экспедициями, принимает здесь присягнувших на верность России властителей таубиев, балкар и других племен. Весной 1829 года произведен в генералы от кавалерии. 27 июня того же года по поручению генерал-фельдмаршала И.И. Дибича он отправляется во главе отряда в путь, чтобы «вознести знамена наши на вершины Кавказа». Вскоре в дневнике отряда появилась запись: «Эльбрус побежден... 11 часов утра... 10 июля 1829 года... На площадке генерал от кавалерии Георгий Эмануель, при нем сын его Георгий четырнадцати лет, посланные Российским правительством академики Кунфер, Ленц, Менетрие, Менер, чиновники горного корпуса...» У водопада Султан-Су в скале выбили: «С 8 по 11 июля 1829 года стоял лагерь под командованием генерала Эмануеля». Скончался 21 сентября 1837 года в Санкт-Петербурге, где он после выхода в 1833 году в отставку, будучи членом Географического общества и член-корреспондентом Академии наук, последние годы посвятил научной деятельности. Кавалер десяти российских и шести иностранных орденов, он стал автором трех крупных трудов по географии.

ЮДЕНИЧ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ. Родился 18 июля 1862 года в Москве в семье коллежского советника. В 1881 году окончил 3-е Александровское военное училище, был направлен в лейб-гвардии Литовский полк, подпоручик. С 1883 года служил в 1-м Туркестанском, затем во 2-м Ходжентском батальонах. В 1887 году окончил Академию Генерального штаба, старший адъютант штаба 14-го армейского корпуса Варшавского округа. С 1896 года командир батальона, начальник штаба Туркестанской стрелковой бригады, командир Виленского полка. Во время Русско-японской войны командир полка, с июня 1905 года командир бригады, генерал-майор, затем генерал-квартирмейстер, начальник штаба Казанского военного округа. С января 1913 года начальник штаба Кавказского военного округа, генерал-лейтенант. Во время Первой мировой войны начальник штаба, с января 1915 года командующий Кавказской армией, генерал от инфантерии, командующий войсками Кавказского фронта, с мая 1917 года в отставке, эмигрировал в Финляндию, затем в Эстонию. С июля 1919 года командующий белогвардейской Северо-Западной армией. Летом 1920 года вместе с супругой Александрой Николаевной, урожденной Жемчужниковой выехал в Англию, отказавшись от дальнейшей политической деятельности. Скончался 5 октября 1933 года в Каннах. Кавалер тринадцати отечественных и иностранных наград.

Основные источники и литература

- Акопян А.М.* Гражданская война в Армении в 1921 г. – М., 1956.
Акты Кавказской археологической комиссии. Т. VII. С. 572.
Арцишевский А. Условия нашей борьбы с соседями на Кавказе раньше и теперь. – М., 1908.
Балаян Б.П. Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России. – Ереван, 1988. Военно-исторический журнал.
Вискунов . Описание боевой жизни 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка при подавлении восстания горцев в Терской и Дагестанской областях во время войны с Турцией в 1877–1878 годах. Тифлис, 1882.
Военная энциклопедия. Т. 1–14. – СПб., 1906–1914.
Воспоминания офицера Закавказской армии. – СПб., 1857.
Головин Е.А. Очерки положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 года. – Рига, 1847.

- Газеты за 1995–2005 гг. «Известия», «Красная звезда», «Независимая газета», «Сегодня», «Комсомольская правда», «Российская газета», «Московский комсомолец», «Советская Россия».
- Готовцев А.* Важнейшие операции на Ближневосточном театре в 1914–1918 гг. – М., 1941.
- Градовский Г.* Война в Малой Азии 1877 г. Очерки очевидца Г.К. Градовского. – СПб., 1878.
- Государственный архив РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 51
- Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. – Махачкала, 1959.
- Документы внешней политики СССР. Т. 2. – М., 1959.
- Драбкина Е.* Грузинская контрреволюция. – Л., 1928.
- Дубриновин Н.Ф.* История войн и владычества русских на Кавказе. Т. 4. – СПб., 1888.
- Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867 гг.) Ч. 1, 2. СПб., 1879.
- Зиссерман А.Н.* Осада Казы-муллою Бурной и Дербента в 1831 г.
- Игнатович Д.* Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского полка во время Кавказской войны. (1845–1861). – Тифлис, 1897.
- История Первой мировой войны 1914–1918, Т. 1–2. – М., 1975.
- Историческая справка о беспорядках в республиках Кавказского региона в 60-е годы. – М., 1989.
- Ермолов А.П.* Записки. 1978–1826. – М., 1989.
- История внешней политики СССР. Т. 1. 1917–1945 гг. – М., 1976.
- Зиновьев И.А.* Россия и Персия. – СПб., 1897.
- Кавказский ВО. Штаб. Военно-исторический отдел. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Т. 1–7.
- Кавказские горцы. Сборник сведений. Т.3. Тифлис, 1870.
- Кавказский военный округ. Штаб. Военно-исторический отдел. Утверждение русского владычества на Кавказе. Составитель генерал Потто В.А. Т. 1–4. – Тифлис, 1902.
- Кавказский сборник. Т. I. – Тифлис, 1876.
- Кавказский сборник. Т. IV. – Тифлис, 1879.
- Кавказский сборник. Т. XXXII. Ч. I. – Тифлис, 1912.
- Кавказский сборник. Т. XXXII. Ч. I. – Тифлис, 1912.
- Кавказский сборник. Т. X. – Тифлис, 1886,
- Кавказцы, или Подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе. (Пер. изд. под редакцией С. Новоселова. Вып. 15 и 16.) – СПб., 1858.
- Кадиишев А.Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. – М., 1960.
- Китмишев С.О.* Война в Турецкой Армении 1877–1878 гг. – СПб., 1884.
- Кобулетский отряд в минувшую войну 1877–1878 гг. – СПб., 1885.
- Ковалевский Е.П.* Война в Европейской Турции в 1853–1854 гг.
- Ковалевский П. И.* Восстание в Чечне и Дагестане в 1877–1878 гг. – СПб., 1912.
- Ковалевский П.И.* Завоевание Кавказа Россией. Исторический очерк. Изд. 2. – СПб.
- Колюбакин Б.М.* Из прошлого Кавказской войны. Воспоминания графа Конст. Конст. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 г. – СПб., 1911.
- Колюбакин Б.М.* Кавказская экспедиция в 1845 году. (Поход графа Воронцова в 1845 г. в Анди, к аулу Дарго и в Ичкерия) – СПб., 1907.
- Колюбакин Б.М.* Русско-турецкая война в 1877–1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии. Ч. 1. – СПб., 1906., Ч. 2. – СПб., 1908.
- Колюбакин Б.М.* Эриванский отряд в кампании 1877–1878 гг. Ч. 1, 2. – СПб., 1893–1895.
- Корсун Н.Г.* Первая мировая война на Кавказском фронте. Оперативно-стратегический очерк. – М., 1946.
- Кравцев.* Кавказ и его военачальники: Н.Н. Муравьев; кн. А.И. Барятинский; гр. Н.И. Евдокимов. (1854–1864). Очерк генерала Кравцева. («Русская старина» 1866 г. Кн. 6 и 7. – Баталымск, 1885.
- «Красная звезда»
- Кузьмин Ф.М., Рунов В.А.* История военных действий российских и советских войск на Кавказе (XVIII–XX вв.). М., ВАФ, 1993.
- Ляховский А.А.* Зачарованные свободой: тайны Кавказских войн. Информация. Анализ. Выводы. – М., 2006.

- Масловский Е.В.* Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Стратегический очерк. – Париж, 1932.
- Материалы по истории Дагестана и Чечни. (Первая половина XIX века). Т. III. Ч. I. Махачкала, 1940.
- Махлаюк.* Боевая летопись 14-го гренадерского грузинского генерала Котляровского полка. Второе столетие 1800–1900 гг. – Тифлис, 1900.
- Милютин.* Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане. – СПб., 1850.
- Муравьев-Карский Н.Н.* Война за Кавказом в 1855 году. Атлас, планы, гравюры.
- Муравьев-Карский Н.Н.* Война за Кавказом в 1855 году. Т. I., ч. 1, 2. Т. II. – ч. 3; 4. – 1877 г. Независимая газета.
- Описание осады укрепления Ахты в 1848 г. – СПб., 1850.
- Отдельный Кавказский корпус ГШ. (Обзор военных действий на Кавказе в 1845 г.) – Тифлис, 1846.
- Очерк положения военных дел на Кавказе. (С начала 1838 г. конец 1842 г.). – Рига, 1847.
- Платон Зубов.* Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800 по 1834 год. Т. I. – ч. 1, 2. Т. II. – ч. 3, 4. – СПб., 1835–1836.
- Потто В.А.* Генерал-адъютант Иван Давыдович Лазарев. – Тифлис, 1900.
- Потто В.А.* Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. К 100-летию занятия Тифлиса русскими войсками 26 ноября 1799 г. – Тифлис, 1899.
- Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Изд. 3. Т. 1, 2. – СПб., 1897–1913. (Т. 1 От древних времен до Ермолова. 1897 г., Т. 2. Ермоловское время – 1913 г.)
- Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях.
- Ракович.* Течинский полк на Кавказе 1819–1846 гг. Правый фланг, Персия, Черноморская береговая линия. – Тифлис, 1900.
- Российский государственный военно-исторический архив, ф. 205, оп. 1, д. 87; ф. 846, оп. 16, д. 6261; ф. 409, оп. 1, д. 30126; ф. 406. оп. 6, д. 9; ф. 409, оп. 2. д. 34023. ф. 486, оп. 16. д. 6379.
- Реабилитация народов и граждан. 1954–1994 годы. Документы. – М.: РАН, 1994.
- Романовский Д.И.* Генерал-фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский и Кавказская война. – 1881.
- Романовский Д.И.* Кавказ и Кавказская война. (Публичные лекции в 1860 г.) – СПб., 1860.
- Руновский В. Н.; Чичагова М.Н.* Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. – СПб., 1889.
- Ставровский А.А.* Закавказье после Октября. – М., 1925.
- Так это было. Национальные репрессии в СССР в 1919–1952 год. Т. 2. – М., 1993.
- Тодорский А.М.* Красная Армия в горах. Действия в Дагестане. – М., 1924.
- Траскунов М.Б.* Кавказская Краснознаменная. – Тбилиси, 1961.
- Фадеев Р.* 60 лет Кавказской войны. – Тифлис, 1860.
- Фадеев Р.* Собрание сочинений Р.А. Фадеева. Т. 1. Ч. 1. 60 лет Кавказской войны. Письма с Кавказа. Ч. 2. Записки о Кавказских делах. – СПб., 1889.
- Чичагова М.Н.* Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. – СПб., 1889. (202 стр.).
- Чичагова М.Н.* Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. Репринтное воспроизведение изд. 1889. – М.: Русская книга, 1995.
- Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. (Сборник документов и материалов). Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953.
- Энциклопедия военных и морских наук. Т. 1–6.
- Эсадзе Б.С.* Боевые действия кавказских войск. Альбом карт галереи Кавказского музея. – Тифлис, 1899.
- Эсадзе Семен.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. – Тифлис. 1914.
- Эсадзе Семен.* Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане. Тифлис, 1909.
- Янчевский Н.Л.* От победы к победе. – Ростов-на-Дону, 1931.

Иллюстрации к книге

Схватка в горах

Штурм аула Гимры

Зимний поход кавказских войск

Бой в горах

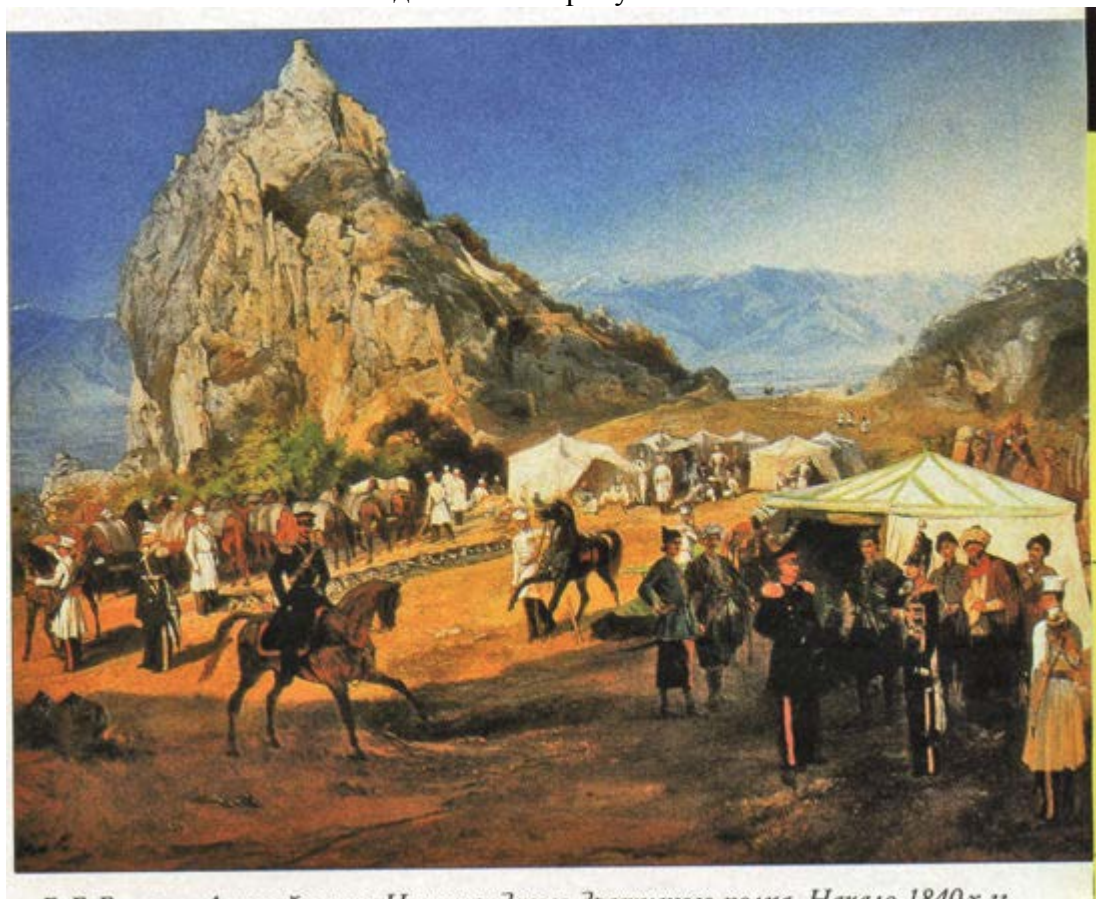
Крест «За службу на Кавказе»

Абрек

Медаль «За оборону Кавказа»

В. В. В. ... А. ... Ш. ... З. ... Н. ... 1840-х гг.

Походный лагерь русских войск в горах

Разведка всегда впереди

А где-то там дома...

Километр за километром...

Мертвая зона

Колонна

Дорога войны

Чтобы враг не заметил

Принятие решения в штабе боевиков